

STUDIA PHILOLOGICA

А. Мустайоки

ТЕОРИЯ
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО
СИНТАКСИСА

От семантических структур
к языковым средствам

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

Муштайлов А.

М 11

Теория функционального синтаксиса: от семантической структуры к языковым средствам. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 512 с. — (Studia philologica).

ISSN 1728-135X

ISBN 5-9331-0116-0

В книге представлена новая модель функционального синтаксиса, систематически следующая принципу «от значения к форме». Исходным пунктом конструкции является семантическая структура, отражающая то, что говорящий хочет выразить. Определяются все релевантные с точки зрения синтаксиса семантические категории. Проводится сравнение предлагаемой модели с другими соответствующими конструкциями (Бондарко, Золотова, Восточникова, Адамова, Петч, Дев, Ван Ватан и др.). В конце книги рассматриваются возможности применения модели в прикладных целях.

Для специалистов-лингвистов, а также для преподавателей, аспирантов и студентов-русистов.

ББК 81.2Рус

*В оформлении переплета использованы картины
В. Калашникова «Минувшие века»*

University of Helsinki (Department of Slavic and Baltic languages and literatures, P.O. Box 24, FIN-00014 University of Helsinki, Finland; fax: +358-9-19122974; e-mail (for orders): ajta.kalashnik@helsinki.fi; Home site: <http://www.slav.helsinki.fi/eng/publications/index.html>) has an exclusive right on selling this book, outside Russia.

Должностным правом продавца на территории России данной книги обладает Хельсинкский университет (адрес: Department of Slavic and Baltic languages and literatures, P.O. Box 24, FIN-00014 University of Helsinki, Finland; fax: +358-9-19122974; e-mail (for orders): ajta.kalashnik@helsinki.fi; Домашняя страница (с информацией о заказе): <http://www.slav.helsinki.fi/eng/publications/index.html>).

ISBN 5-9331-0116-0

© Муштайлов А., 2006

© Языки славянской культуры, 2006

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Предисловие	11
Часть I. Теоретические основы функционального синтаксиса	
<i>1. Функциональный синтаксис как теория, описывающая принцип отношения «сем. значение к форме»</i>	<i>18</i>
1.1. Асимметрия языкового знака	18
1.2. Цели функционального синтаксиса	21
1.3. Соотношение семантической структуры к действительности	25
Действительность и ее фрагмент «ситуация»	28
От ситуаций к предложению дел	30
1.4. Основные особенности семантической структуры	33
Онтологический статус семантического уровня	33
Состав семантической структуры	34
«Глубина» и универсальность семантической структуры	35
Смысл предложения	38
1.5. От семантических структур к языковым средствам	40
Выбор перспективы	40
Систематические несоответствия семантических и поверхностных структур	42
Факультативность / нефаккультативность актантов	46
Примечания к первой главе	50
<i>2. Знание и принцип составления функционального синтаксиса ..</i>	<i>69</i>
2.1. Определение семантических структур	69
Приемы, используемые при определении семантических категорий	70
К вопросу о системном характере классификации	74
Переходные зоны в определении семантических категорий	78
2.2. Соотношение семантической и поверхностной структур	81
«Демонстративное значение» и «презентативное значение»	82
Прагматический фактор	85
Как определяется связь между семантическими и поверхностными структурами?	88

Ограничения, связанные с поверхностями структурами.....	89
Как определяется правильность поверхностей структур?.....	91
2.3. Охват языковых явлений, рассматриваемых в рамках функционального синтаксиса.....	93
Примечания ко второй главе.....	95
3. Место функционального синтаксиса в современной лингвистической теории.....	107
3.1. Об истории принципа грамматического описания «от значения к форме».....	107
3.2. Сопоставление модели функционального синтаксиса с другими соответствующими моделями описания.....	112
«Функциональная грамматика» А. В. Бондарко.....	112
«Функционально-трансформационный» метод П. Аллена.....	116
Концепция Г. А. Золотовой.....	118
«Функционально-коммуникативный синтаксис» М. В. Возвалодовой.....	121
Модель «Смысл «о-Текст» Н. А. Мельчука.....	123
«Синтаксис русского языка» И. Пете.....	125
«La phrase et langage» Фердинанда Брюно.....	127
«Functional Grammar» С. Дика.....	130
«Role and Reference Grammar» Р. Ван Валена.....	132
Другие западные концепции.....	136
«Функциональная грамматика русского языка» М. А. Шолохина.....	138
«Грамматика говорящего» Б. Ю. Нормана.....	139
«Активная грамматика» Ю. П. Каргулова.....	140
«Практическая грамматика» Н. А. Метс и другие учебные пособия.....	143
Примечания к третьей главе.....	145
Часть II. Семантическая структура как основа описания языка в рамках функционального синтаксиса	
4. Основные элементы семантической структуры.....	152
4.1. Актанты.....	156
Особенности представления системы актантов.....	156
Иерархические свойства актантов.....	159
Субъекты.....	160
Объекты.....	165
Другие роли актантов.....	168
Актант с погружением.....	173

Положительные дела (Р) как акты и другие нестандартные акты	174
4.2. Предикаты ядра семантической структуры	178
Эккурс I в классификацию предикатов	179
Эккурс II в классификацию предикатов	183
Синтез классификации предикатов	185
Примечания к четвертой главе	191
5. Ядерные семантические структуры	203
5.1. Физическое действие и деятельность	205
5.2. Передвижение и локация	207
5.3. Социальное действие и деятельность	211
5.4. Интеллектуальная деятельность	213
5.5. Существование	220
5.6. Обладание	226
5.7. Эмоции	228
5.8. Физиологическое состояние	232
5.9. Физические состояния	235
5.10. Состояния окружающей среды	236
5.11. Характеристика	238
5.12. Идентификация	241
Примечания к пятой главе	243
6. Модификаторы	250
6.1. Речевые функции	252
Сообщение	254
Вопрос	257
Побуждение	258
Провоцирование	260
Речевой этикет	261
6.2. Фаза	262
Ирреальность	264
Предварительная стадия	266
Модальная фаза	268
Темпоральная фаза	273
Импликация темы	275
Стадия достижения цели	276
6.3. Клаузула	277
Чистая клаузула	279
Фактивная клаузула	280
Демонстративная клаузула	280
Речевая клаузула	281

Превентивная каузация	281
Первоосновная каузация	282
Промалитивная каузация	282
Ассистивная каузация	283
Каузация умения	283
6.4. Авторизация	284
Автор имени	285
Достоверность	287
Оценка	289
Примечания к шестой главе	291
7. Спецификаторы	298
7.1. Отрицание	298
7.2. Темпоральность	301
Собственно время	302
Неактуальные положения дел	307
Повторяющиеся положения дел	310
Временные ориентиры положения дел	312
7.3. Аспектуальность	316
Проявление Аспектуальности у предикатов действия	327
Аспектуальность неактуальных положений дел	331
7.4. Определенность	332
7.5. Количество	336
7.6. Место	338
7.7. Образ и способ действия	342
Примечания к седьмой главе	344
8. Сложные смысловые структуры	355
8.1. Коинтентивные соотношения	356
8.2. Таксисные соотношения	361
8.3. Логические соотношения	366
Примечания к восьмой главе	372
Часть III. Использование функционального синтаксиса и прикладных языков	
9. Функциональный синтаксис и сопоставляемые языки	378
9.1. ФС как testbed сопоставления и функциональная эквивалентность	378
9.2. Структурная эквивалентность	381
9.3. Пример применения функционального синтаксиса как основы сопоставления языков	383
Примечания к девятой главе	390

10. Функциональный синтаксис в письменном тексте.....	394
10.1. Текстовый аспект	396
Примечания к десятой главе	398
11. Функциональный синтаксис в электронной обработка языка	399
12. Функциональный синтаксис в преподавании иностранных языков	401
12.1. Функциональный подход в лингвистике и коммуникативный метод обучения иностранному языку	403
12.2. Коммуникативная компетенция	406
12.3. Формы использования ФС при обучении иностранному языку	408
Примечания к двенадцатой главе	410
Приложения	
РЕЗЮМЕ: основные принципы и понятия функционального синтаксиса.....	411
Сокращения	428
Литература.....	430
Индекс используемых терминов	477
Индекс цитируемых авторов.....	496
Индекс языковых единиц	506

Предисловие

Естественный язык — это особая форма преобразования, выполняющей переработку заданных смыслов в соответствующее им высказывание и заданного высказывания в соответствующее им значение.

*И. А. Мельчук (1974/1999: 9)*¹

Разработка функционального синтаксиса имеет познавательный характер.

А. В. Бондарко (ТФГ 1987: 39)

Не являясь законченной идеографической грамматикой русского языка, данная работа, хочется надеяться, приближает то время, когда такая грамматика будет создана.

В. А. Белошапкова,

И. Г. Митюшковой (1988: 8)

Функциональная грамматика — это не одно из направлений, а этап в развитии лингвистики, включающий в себя достижения разных направлений и школ.

М. В. Виноградова (2000а: 3)

Синтаксис — организующий центр грамматики.

Г. А. Золотова

(название главы в Золотова и др. 1998)

Описание языка в направлении «от значения к форме» является предметом давних мечтаний лингвистов. Несмотря на это, данная идея, выражавшаяся многими языковедами в начале XX века и даже ранее, пока не получила систематического осуществления. Настоящая книга представляет собой попытку создать теоретические рамки для описания языка с этой точки зрения.

Предлагаемая здесь называется функциональным синтаксисом (а не драматикой!) по двум причинам. Во-первых, хотя должны

¹ Вся цитата в оригинале в разряде.

традиционной грамматики на синтаксис и морфологию тервет при функциональном подходе свое значение, речь идет, скорее всего, о явлении языка, традиционно относящихся к разделу «Синтаксис». Кроме того, целиком за пределами функционального синтаксиса остается систематическое описание фонетических и словоизменительных свойств языка. Во-вторых, термин «функциональная грамматика» вызывает у многих устойчивые ассоциации, связанные с некоторыми уже существующими лингвистическими школами, в частности со школами А. В. Бондарко и С. Дика.

В создании теории функционального синтаксиса (далее — ФС) использованы элементы самых различных лингвистических моделей как в области русистики, так и в описании других языков. В связи с этим наша модель имеет точки соприкосновения с традициями и российской, и западной лингвистикой. Многие трактовки, которые повлияли на составление ФС, называются функциональными, но не менее полезными оказались теоретические идеи и практические их приложения, которые называются совсем иначе.

Идея составления ФС возникла на кафедре русского языка Хельсинкского университета лет 15 тому назад. Сначала модель была разработана и опробована в семинарах со студентами. Первые дипломные работы, основывавшиеся на ФС, появились в начале 1990-х годов. На Съезде скандинавских славистов в Осло в 1990 году общие принципы ФС были впервые представлены более широкому кругу русистов.

Основные идеи ФС описываются в данной книге приблизительно в таком же виде, как в работе (Majajoki 1993). Однако в деталях теории немало уточнений и дополнений. Композиция книги также нова. Эти изменения сделаны, чтобы уже заранее ответить на некоторые часто повторяющиеся вопросы и замечания. В связи с этим дается более подробная информация о том, чем ФС отличается от других соответствующих или близких трактовок. Однако, чтобы сама теория ФС была представлена как можно более последовательно и четко, сопоставления с другими теориями помещены в основном в специальном разделе (1.3) и в сноских в конце глав.

Модель ФС имеет и прикладные, в том числе и учебные, цели. Однако настоящая книга не является учебным пособием, а в ней излагается теория ФС, которая может быть применена также при составлении учебных материалов. Вообще одна из целей этой книги и всего проекта ФС — объединить разные миры: западные и российские лингвистические традиции; описания языка, основанные на теоретически ориентированных концепциях и получившие свое название от практических потребностей. Считается, что на перекрестке разных направлений есть хорошая почва для всякого нового.

В проекте ФС участвовали и участвуют, в частности, Л. А. Баролина, Н. П. Косымова, А. Честермана, Т. В. Парменовна, М. Копотев, Х. Хейно, Ю. Пашининени, К. Кару, Й. Роханен, О. Мильман, А. Карвоненмаки. Рецензентами предварительной версии рукописки были П. Адамс, Н. Д. Арутюнова, В. Гладков, Г. А. Золотова и К. Чвани. Я выражаю глубокую признательность всем названным людям за ценные замечания по поводу общей теории и деталей функционального синтаксиса. Благодарю также всех других коллег, которые сделали конструктивные замечания по время дискуссии после выступления на разных научных аренах в Осло, Братислава, Чертове ди Пентяггиано (Сена), Регенсбурге, Москве (несколько раз), Будапеште, Екатеринбург, Таллинне, Гроне, Базеле, Улан-Баторе, Алма-Аты, Варшаве, Тарту, Симферополе и, конечно, в Хельсинки.

Благодарю также Анастасию Чернышова за помощь в техническом оформлении книги.

Особенно ценной при составлении данной книги была поддержка и помощь Л. А. Баролина и Т. В. Парменовной, членов авторского коллектива, работающего над Функциональным синтаксисом русского языка — книгой, которая будет конкретным осуществлением теории ФС.

Концепция ФС и некоторые его детали были изложены до этого на русском языке в ряде работ (Мустайоки 1993, 1997, 1999, 2003а, 2003б, 2004а, 2004б). Монография А. Честермана *Contrastive Functional Analysis* (Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1998) — пока единственная публикация на английском языке. В ней представляются возможности применения ФС в области сопоставления языков.

Проект ФС финансировался грантом Академии Финляндии за 1994–1996 годы. С 2000 года финансирование проекта Академией продолжается.

Развитие лингвистической теории — вечный процесс. Особенно сильно неокончателность и незавершенность разных трактовок чувствуется в таких работах, где мы имеем дело с семантическими категориями. В связи с этим я буду признателен за любые комментарии и замечания. Данную версию ФС нельзя считать окончательной.

Arto Mustajoki

Отделение славистики и балтистики
Хельсинкский университет
arto.mustajoki@helsinki.fi

Часть I

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СИНТАКСИСА**

Под термином *функциональной* в рамках настоящей книги имеется в виду подход к описанию языкового материала в направлении «от значения к форме». Книга состоит из трех частей. В первой части излагаются теоретические основы функционального синтаксиса (ФС). Первая глава посвящена рассмотрению предпосылок создания ФС. Во второй главе описываются разные этапы исследования такого рода. В третьей главе излагается история описания языка по принципу «от значения к форме», а также то, чем наша модель отличается от других соответствующих и близких концепций.

Во второй части книги представлена в последовательной форме теория ФС. Третья часть посвящена возможностям применения концепции в прикладных целях.

Чтобы представить основные идеи нашей концепции как можно более систематично и последовательно, в первой и второй главах первой части и во всей второй части ссылки на научную литературу помещены в сноски в конце каждой из глав. Это может вызвать у читателя ложное представление, будто наша концепция «висит в воздухе», без контакта с другими лингвистическими теориями и описаниями. Такое представление, конечно, сугубо ошибочно. Как показывают сноски и третья глава в целом, наша концепция теснейшим образом связана с лингвистической традицией нашего времени. Несмотря на данные связи — или, скорее, благодаря им — предлагаемая теория ФС представляет собой, как нам кажется, действующий новый инструмент для описания языка по принципу «от значения к форме».

1. Функциональный синтаксис как теория, отражающая принцип описания «от значения к форме»

Традиционные описательные грамматики характеризуются противоположным направлением анализа, т. е. подходом «от формы к значению». Чтобы выявить различия между этими двумя подходами, рассмотрим сначала основные свойства языкового знака. Во втором разделе на этой основе уточняется цель ФС. Затем затрагивается важный вопрос о соотношении семантического (понятийного, содержательного) уровня с действительностью. В четвертом разделе обсуждается связь между структурной и «словесной» формами презентации семантического уровня.

1.1. Асимметрия языкового знака

Языковой знак имеет, как известно, двойственный характер: он обладает и формой, и значением. В естественных языках нет строгой симметрии типа «одна форма — одно значение»¹. Так, одна форма может иметь несколько различных значений, а одно значение может быть выражено несколькими формами². Данным явлениям соответствуют понятия ОМОНИМИЯ и СИНОНИМИЯ³, использующиеся, в частности, в лексикологии:

Толковые словари строятся по принципу «от формы к значению»: они отвечают на вопрос «Что означает слово X?». Противоположный подход к языковому материалу представлен в иллюстрационных словарях, исходящих из «идей», семантических полей и сетей. Словари с иллюстрациями также построены по принципу «от значения (рисунка) к форме».

Не менее ярко асимметрия формы и значения проявляется на синтаксическом уровне, например¹:

В том случае, если предложение имеет более чем одно значение, говорится, как правило, не об омонимии, а о НЕОДНОЗНАЧНОСТИ (англ. *ambiguity*)². Проиллюстрируем это классическими примерами:

- (1) Мужу слышать нельзя. (Мельчук 1974/1999: 32)
- (2) I saw the man on the hill with a telescope. (Winograd 1983: 92–95)

Большое внимание данному явлению уделено в теории трансформационной грамматики. Тот факт, что со структурной точки зрения некоторые выражения являются неоднозначными, дал представителям данной теории одно из важнейших оснований допустить существование особой глубинной структуры. Неоднозначные высказывания широко употребляются, например, в каламбурах, анекдотах, рекламе и в качестве заголовков, в частности, в газетах³.

Что касается обратного явления, т. е. того факта, что один смысл можно выразить несколькими синтаксическими структурами, то это иногда именуется СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИЕЙ⁴. Если синонимический ряд имеет более или менее регулярный характер, как в примере (3), можно также говорить о СИНТАКСИЧЕСКОЙ или КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМАТИКЕ⁵.

- (3) *На ВАЗе рабочие выпускают автомобили «Жигули».*
На ВАЗе выпускаются автомобили «Жигули».
ВАЗ выпускает «Жигули».
ВАЗ — это предприятие, которое выпускает «Жигули».
ВАЗ — это «Жигули».
«Жигули» выпускаются на ВАЗе.
«Жигули» — продукция ВАЗа.
/ Выпускает «Жигули» / ВАЗ.

В рамках ФС синтаксические ряды или парадигмы типа (3) представляют собой важные случаи выражения одного смысла несколькими языковыми средствами. Однако в ФС угол зрения шире: исходным пунктом описания являются не отдельные смысловые единицы, а более общие семантические категории, отражающие совокупность сходных положений дел. Рассмотрим конкретный пример. Так, например, все приведенные ниже синтаксические конструкции (4) могут выражать Физиологическое состояние. Значит, они не обязательно употребляются для выражения одного и того же конкретного смысла (например, «Иван в состоянии гриппа»), а участвуют в выражении одной и той же семантической категории, в данном случае — Физиологического состояния.

- (4) *Им. падеж + краткая форма прилагательного: Иван болен.*
Им. падеж + финитная форма глагола: Иван болеет.
У + род. падеж + им. падеж: У Ивана температура.
Им. падеж + финитная форма глагола + твор. падеж: Иван болеет гриппом.
Вин. падеж + безличная форма глагола: Ивану некомфортно.
Дат. падеж + предикативное наречие: Ивану больно.
С + твор. падеж + им. падеж: С Иваном краснота.

Подход «от формы к значению» проявляется в традиционных грамматиках в том, что описание языка строится в них на категориях, представляющих структуру того или иного языка. Об этом свидетельствуют определения книг, ср. типичные названия глав: «Имя существительное», «Глагол», «Настоящее время», «Родительный падеж», «Сложноподчиненные предложения» и т. д.¹⁹

С точки зрения коммуникативного акта подход «от формы к значению» моделирует, скорее всего, речевую деятельность слушающего, который, исходя из формы, приходит к смыслу высказывания, а соответственно подход «от значения к форме» имитирует позицию говорящего²⁰. На самом деле процесс общения намного сложнее.

Во-первых, говорение и слушание являются не отдельными актами, а образуют единое целое. Во-вторых, слушание, как и чтение, представляет собой не только механическую декодировку языковой формы в содержательные элементы, но и активные процессы восприятия и понимания речи. В-третьих, порождение речи не происходит прямолинейно от значения (смысла) к форме: говорящий уже при определении назначения (цели) своего высказывания должен опираться также на то, какими языковыми средствами оно может быть выражено.

Несмотря на сделанные оговорки, можно утверждать, что подход «от формы к значению» имеет определенные параллели с позицией слушающего. В связи с этим данный тип описания языка можно называть **ПАССИВНЫМ**. АКТИВНАЯ же грамматика построена по принципу «от значения к форме»: она моделирует речевую деятельность говорящего, отвечая, таким образом, на вопрос «Как выражается содержание *x* в данном языке?». Написанная в соответствии с этим принципом грамматика могла бы иметь названия глав, например, следующего типа: «Выражение физиологического состояния» (ср. пример 4), «Выражение причинно-следственных отношений», «Выражение необходимости» и т. п.

1.2. Цели функционального синтаксиса

Таким образом, применяемый в настоящем исследовании подход в направлении «от значения к форме» отражает в известном смысле речевую деятельность говорящего, который придает своим мыслям языковую форму. Теорию языка, основанную на данном принципе, а также конкретное применение этой теории к описанию какого-либо естественного языка мы называем **ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ СИНТАКСИСОМ (ФС)**.

В ФС рассматриваются в основном те же языковые объекты, что и в традиционной грамматике, но распределены они в описании по-иному. Так, например, приведенные в разделе 1.1 предложения, обозначающие физиологическое состояние (4), в традиционном синтаксисе анализируются в семи разных разделах, поскольку они отличаются друг от друга по своим синтаксическим характеристикам. В ФС же, построенном по принципу «от значения к форме», все эти синтаксические конструкции описываются в одной и той же главе, а именно в главе «Выражение физиологического состояния».

Так как ФС исходит не из форм выражения, а из семантики, все языковые средства выражения определенного значения на поворото-

ством уровня считается равноценным с точкой зрения грамматического описания. Вопрос о том, выражается ли определенная смысловая структура при помощи морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических или просодических средств, является, таким образом, второстепенным. Отсюда следует, что традиционное членение грамматики на отдельные подсистемы (например, на синтаксис, морфологию и т. д.) утрачивает свое первостепенное значение. В одной и той же главе могут описываться синтаксические конструкции, грамматические категории, словообразовательные явления или даже отдельные лексические средства или ряды предложений, если только они выражают одну и ту же категориальное значение¹¹.

Приведем два примера, иллюстрирующих принцип описания языка в рамках ФС. В следующих высказываниях выражаются причинно-следственные отношения, а именно значение типа «Сначала выполняла то, что я забыл оплатить счет»¹².

- (1) *В спальне я забыл оплатить счет.*
Из-за спальни я забыл оплатить счет.
Из-за того, что я сплю, я забыл оплатить счет.
Сплю / умираю, я забыл оплатить счет.
Так как я сплю, я забыл оплатить счет.
Я сплю и забыл оплатить счет.
Я сплю и поэтому забыл оплатить счет.
Я сплю, вот я забыл оплатить счет.
Причиной того, что я забыл оплатить счет, была моя сплю.
Сплю я привел к тому, что я забыл оплатить счет.

Как видим, высказывания во многом отличаются друг от друга по своей форме (сложноподчиненные предложения, конъюнкты, предлоги, глаголы и т. п.), однако согласно общему принципу они описываются в одной и той же главе ФС, а именно в главе, в которой рассматриваются разные средства выражения причинно-следственных отношений.

Приведем второй пример. Он связан с так называемой авторизацией, т. е. с тем, как выражается, например, источник мнения¹³.

- (2) *По мнению Виктора,*
Виктор считает, что
Виктору кажется, что
С точки зрения Виктора,
Согласно словам Виктора,
 и т. п.
-

В данном случае важную роль, помимо структурных особенностей, играет использование различных лексем. Такие слова поверхностной структуры, как *печка*, *дрова*, *лежать*, *думать* и *смазать*, выражают строевые элементы семантической структуры и поэтому должны быть описаны в ФС. Но поскольку ФС является не словарем, а грамматикой (синтаксисом), другие лексические значения остаются в нем вне поля зрения¹⁴. Так, в ФС не описывается (с помощью семантических примитивов или признаков), например, то, как в языке *х* выражается значение типа 'живое существо *homme adulte* мужского пола по отношению к своим родителям'. Не даются в ФС и ответы на вопросы типа «При помощи каких слов (лексем) в русском языке выражается движение, физиологическое состояние, характеристика и т. д.?» Задачей ФС является описание тех СТРУКТУР, при помощи которых выражаются определенные категориальные значения.

Приведем уже знакомый пример выражения физиологического состояния. Так, следующие предложения (3) репрезентируют семантическую структуру «*X* находится в каком-либо физиологическом состоянии». В задачу ФС не входит описание того, что такое ангина и чем она отличается от других болезней. Зато ФС должен ответить на вопрос, при каких условиях каждая из возможных структурных слем может быть употреблена, а при каких — нет. Описывая, в частности, то, что по-русски не говорят **Мне ангина*, **У меня голова*, **Дочку драгнуло* или **Ребенок боится раком*, мы не можем не обращать внимания на лексико-семантические предпосылки употребления данных конструкций¹⁵.

- (3) *Мне холодно / тепло / жарко.*
У ребенка ангина.
Ребенок боится ангины.
Дочку лихорадило.

В ФС исходит, таким образом, из КАТЕГОРИАЛЬНЫХ понятий физиологического состояния и аканта, находящегося в этом состоянии, а не из значений лексических компонентов предложений. Наполнение структурных слем конкретными лексемами учитывается при определении границ их употребления.

На основе сказанного уместно прокомментировать название книги «Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам».

1. Словом *функциональный* подчеркивается подход «от значения к форме». Употребление этого популярного термина оправдано, хотя

основой описания является не собственно функция, а семантические категории. Имеется в виду понятие «функция» в более обобщенном значении: в какой функции говорящий использует языковые средства, т. е. что он хочет сказать¹⁶. Когда мы говорим, мы всегда хотим что-то выразить. О других значениях слова *функциональный* и о других терминах, употребляемых для обозначения подхода «от значения к форме», см. раздел 3.1.

2. Хотя в плане языкового выражения наш подход многоуровневый, самым близким для нас эквивалентом традиционной грамматической терминологии является *смыслыс*¹⁷. В рамках ФС не рассматриваются вопросы, связанные с лексической семантикой, словообразованием, словоупотреблением или фонетическим осуществлением предложения либо его частей, если с их помощью не обозначаются строевые элементы определенных семантических структур.

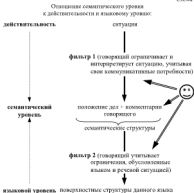
3. В книге нередко говорится о подходе «от значения к форме». Однако более точно идею ФС характеризуют выражения «от смысла (семантических категорий / семантических структур / семантики) к языковым средствам (языковым выражениям / языковым [формальным, поперечным] структурам)». Выбирая первую часть пары, мы использовали выражение **СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ**, указывая на то, что исходным пунктом описания служит схематизированное, структурированное представление о том, что говорящий намерен выразить. Слово *смысл*¹⁸ употребляется в этом же значении, но под ним подразумевается какая-то конкретная ситуация коммуникации, а слово *семантика* является слишком обобщенным в данном контексте, потому что оно покрывает и словесный уровень, стоящий за пределами ФС. Что касается второй, «к»-части выражения, мы специально избежали здесь слова *структура*, чтобы не поощрять такого толкования, будто речь идет только об одних синтаксических моделях. Выражение **ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА** в этом отношении более точно отражает то, что мы имеем дело не только с синтаксическими структурами, но и шире — со всем арсеналом языка.

После предварительного знакомства с ФС следует подчеркнуть, что хотя подход, противоположный ему, и называется **ТРАДИЦИОННЫМ**, это не означает, что языковое описание в направлении «от формы к значению» потеряло свою актуальность и значимость. Оба типа научного описания языка полезны и нужны. Но поскольку уже существуют достаточно полные описания многих языков по принципу «от формы к значению», есть основания уделять больше внимания описаниям, придерживающимся обратного направления.

1.3. Соотношение семантической структуры с действительностью

Каждое поколение лингвистов и каждый лингвист должны каким-то образом определить свое отношение к онтологическому характеру языка и к тому, как он связан с сознанием человека и отражаемой языком действительностью. Особый вес имеет этот вопрос в рамках модели, которая основывается на семантике. Следовательно, целесообразно сразу же представить наши взгляды на соотношение между действительностью, семантическим и языковым уровнями и ввести понятия, необходимые для их рассмотрения.

Схема 1

Приведенная схема показывает связь семантического уровня с действительностью, с одной стороны, и с языковым уровнем — с

другой¹⁹. Жирные стрелки указывают на то, что делает говорящий в процессе речевого акта. Исходным пунктом этого является некий отрезок действительности, обозначаемый термином СИТУАЦИЯ²⁰. Однако ситуация имеет лишь косвенное отношение к тому, что говорящий хочет выразить, поскольку он всегда ограничивает и толкует ситуацию, учитывая свои коммуникативные потребности (фильтр 1)²¹. Так образуется высказывание: дел, составляющее основу, стержень семантической структуры. Кроме того, говорящий, как правило, дополняет свое высказывание субъективными элементами: он не только сообщает об определенном высказывании дел, но и комментирует его, эксплицируя свое отношение к нему²². На словесную форму высказывания оказывает влияние также и то, с какой целью говорящий вообще участвует в общении. В целом семантический уровень репрезентирует в модели ФС то, что говорящий хочет выразить.

На следующем этапе говорящий выбирает для этой семантической структуры целесообразное с точки зрения коммуникативной задачи языковое выражение, учитывая обстоятельства, обусловленные возможностями данного языка и контекстом общения (фильтр 2). Как мы знаем из ежедневного опыта, нам весьма часто приходится довольствоваться языковыми выражениями, отражающими далеко не полностью то, что нам хотелось бы высказать. Трудности найти точную словесную формулировку для своих мыслей иногда отражаются в речи эксплицитно в таких метаязыковых комментариях, как *мне трудно выразить это словами; как бы точнее выразиться; не могу найти подходящего слова для этого*²³. Возможны и такие случаи, когда у говорящего создается впечатление, что язык не содержит достаточно точных средств для выражения желаемых мыслей²⁴.

Стрелки с пунктирными линиями в схеме 1 показывают процесс работы лингвиста, который пытается определить семантические категории. У него нет прямого доступа к ним, а смысл, который ждет своего словесного выражения, находится в «черном ящике» вне наблюдения исследователя²⁵. Вследствие этого при определении семантических категорий мы должны прибегать к косвенным методам; одна из возможностей — использовать в качестве вспомогательных понятий категории действительности и категории разных языков. Есть и другие способы, которые можно использовать при определении семантических категорий (об этом подробнее в разделе 2.2).

Уже здесь необходимо подчеркнуть, что состав семантических категорий и их взаимные отношения невозможно фиксировать с полной точностью. Это, в свою очередь, означает, что исследователь, применяющий такой подход, никогда не может создать окон-

чительной версии своей концепции, а она всегда имеет диалектический, развивающийся характер. Это цена, которую надо заплатить за то, что язык описывается согласно принципу «от значения к форме».

Необходимо отметить, что отношение «действительность → сознание → язык / речь» представлено в данной схеме в упрощенном виде. Вполне обоснованной являлась бы постановка стрелок и в противоположном направлении. С давних пор философы обсуждают вопрос о том, в какой степени действительность является реальной, а в какой — порождением человеческого сознания. В любом случае нельзя не согласиться с тем, что ту или иную роль язык играет уже тогда, когда говорящий еще только формирует сообщение. Смысл, который говорящий хочет выразить, не может возникнуть без опоры на тот язык, на котором он выражается²⁴.

Требует объяснения и уточнения и сам термин *семантический уровень*. В работах, близких по основной их идее к ФС, встречаются и другие термины: категории этого уровня называются *концептуальными*, *коммуникативными*, *аспирациональными*, *мыслительными*, *когнитивными*, *информационными*, *символическими*, *возможностными*, *содержательными*, *демонстративными*, *идеографическими*²⁵, *языковыми*²⁶. Мы предпослали термин *семантический* в связи с тем, что семантика изучает смысловую сторону языковых единиц, а исходным пунктом модели ФС являются как раз обобщенные, схематизированные смыслы — то, что говорящий пытается выразить словами. Все названные другие термины дали бы несколько искаженное представление о главной цели ФС. В рамках концептуального или когнитивного подхода рассматриваются отдельные понятия или концепты, а в ФС — целые структуры (эквиваленты высказываний или предложений). По этой же причине не очень подходит термин *демонстративный* и *содержательный*, которые употребляются в основном применительно к словесному уровню. Выделение *мыслительных*, *аспирациональных* или *когнитивных* категорий слишком тесно связывало бы ФС с порождением речи на основе мыслительного процесса.

Еще одна возможная альтернатива для семантического уровня — использование термина *субъективный уровень*. Если бы это понятие уже не было осмыслено как один из основных терминов генеративной грамматики, оно было бы самым подходящим для наших целей. Параллельным образом из термина, который первоначально был самым нейтральным, он стал термином, содержащим больше всего нежелательных для нас коннотаций.

Приведенная выше схема и термины в ней могут вызывать и другого рода удивления и вопросы в связи с тем, что языковой уровень

противопоставляется семантическому уровню. Это, естественно, нельзя трактовать так, что язык якобы понимается как «чистая форма» без семантики. Речь идет о таком же понимании этих терминов, какое свойственно распространяемому в современной лингвистике выражению «от значения к форме». Оно ведь не означает, что у «формы» нет «значения». Точно так же семантический уровень представляет собой в нашей концепции некий *языковой*, точнее, *язычковой* уровень, представляющие смыслы без конкретного языкового воплощения. Языковой же уровень является формальным выражением данного смысла, который, естественно, не может исчезнуть при его выражении.

Действительность и ее фрагмент «ситуация»

В связи с уточнением понятия «ситуация» необходимо остановиться на понятии «действительность». Действительность в нашем понимании имеет три основных разновидности: реальный мир, виртуальный мир (или искусственный реальный мир) и внутренний мир²⁶.

Реальный мир, естественно, имеет очевидную разновидность действительности. Он может быть представлен примерами (1). Однако реальный мир не становится предметом разговора автоматически. Так, если в глухой сибирской тайге дерево рухнуло в отсутствие наблюдателя²⁷, данное событие не получает языкового выражения. С другой стороны, то, что мы выражаем словесно, часто связано не с тем, какую информацию мы воспринимаем своими органами чувств, а с тем, что мы слышим или читаем, получая, что называется, «из вторых рук», например через телевидение, радио и другие СМИ (2)²⁸.

- (1) *Дерево с корнями рухнуло. / На улице лопытастало холодно. / У мамыны окна. / Мы играли в волейбол до вечера.*
 (2) *Ужас, какие землетрясения произошло в Иране!*

Виртуальный мир состоит из созданных человеком миров, которые не являются реальными, но которые напоминают реальный мир. Их можно разделить на несколько категорий. Начнем с виртуального мира²⁹. С помощью современных технологий возможно создание искусственных моделей мира, в которых дела обстоит приблизительно так же, как и в реальном мире. Виртуальные миры, однако, никак нельзя считать новым явлением, ведь люди умели создавать их задолго до появления современных технологий³⁰.

Когда мы говорим о своих мечтах (3–4) или снах (5), мы имеем дело с виртуальными мирами. В языках есть и специальные грамма-

темские категории, для того чтобы обозначить ситуации, еще не реализованные, например повелительное наклонение (6) и будущее время (7)¹⁶. Во всех этих случаях мы имеем дело с ситуациями, которые существуют только в нашем воображении.

- (3) *Я хотел бы походить на обитая и посмотреть откуда на сунду лежалит судасла, матымакына льдына.*
- (4) *Виктор мечтал о путешествии, которое никогда так и не осуществилось.*
- (5) *Мне приснилось, что я начал в банюю круглые белые глыбы, которые были поставлены на сплюснутую железную плиту.*
- (6) *Иди сюда!*
- (7) *Завтра я, возможно, уже закончу эту работу.*

«Завоидано» по производству виртуальных миров можно считать разные формы искусства¹⁷: художественную литературу (8)¹⁸, кинематографию (9), живопись¹⁹. Существуют специальные жанры литературы, в которых даже предполагается явный разрыв с реальностью: это, в частности, фантастическая литература и сказки (10)²⁰. В связи с ними можно говорить о канонизированных нереальных мирах.

- (8) *«Рассказывать ондат мери, но, вместо того чтоб истинно и уйти, потолок оба локтя на стел и стиснул руками голову».*
- (9) *В конце фильма / книги все жители Земли переехали на Сатурн.*
- (10) *В сказке два монотарела влюбляются друг в друга и женятся.*

Канонизированы также отдельные фигуры нереального мира: Баба-яга, Дед Мороз, Дракула, Тарпан, русалка, гномы, домовый²¹ и др. О них можно говорить как об активных агенсах точно так же, как и о реальных людях. Таким же образом мы олицетворяем персонажей известных телесериалов и художественных фильмов. Особый мир создают боги, древние и современные. Как агенсы, они, по определению, способны к таким действиям, которые людьми реального мира не совершаются. Религиями созданы также такие специальные «участки» виртуального мира, как рай и ад. Несмотря на их нереальность, мы можем описать события, которые происходят в этих контекстах.

Существует еще третий тип «мира», ВНУТРЕННИЙ МИР человека, то, что люди сами чувствуют и ощущают. Такие чувства реальны только для их носителя, экспериментера. Однако для него это важ-

вещный элемент эмпирического мира. В связи с личным характером внутреннего мира о нем часто рассказывается от первого лица (11). Помимо этого также пересказы того, что чувствует не говорящий, а другой субъект, не-я (12)⁴⁰.

(11) *Мне больно / стучит. // У меня грива. // Мне было страшно,
когда самолет поднимается. // Я мечтаю о доме.*

(12) *Нана любит Игоря. // Игорю было холодно без шапки.*

Внутренний мир человека — весьма распространенная тема разговора в повседневной жизни людей. Она не только частотна, но и значима. Человек эпохи развитых технологий отвечает на вопрос, что самое важное в жизни, точно так же, как и его древние предки: здоровье и дружба⁴¹. Дружба, без всякого сомнения, входит в сферу внутреннего мира человека. Здоровье имеет свою биологическую основу, но человеку, в конце концов, важно именно то, как он себя чувствует. В целом нет сомнения в том, что внутренний мир человека представляет собой такой же важный вариант «мира», какими являются реальный и виртуальный миры.

Следовательно, существуют ситуации как реального, так и ирреального мира. В обычном употреблении языка выход за границы реального мира осуществляется постоянно. Высказывания, отражающие ирреальный мир, не менее важны для коммуникантов, чем высказывания, описывающие реальный мир. С точки зрения описания языка нет оснований считать такие предложения ненормативными или второстепенными.

Как было уже сказано, тот фрагмент действительности⁴², о котором говорящий намерен что-то сказать, называется СИТУАЦИЕЙ. Поскольку модель описания языка в рамках ФС не исходит из действительности или того или иного ее отрезка, то понятие ситуации играет у нас только вспомогательную роль. Центральное место в ФС занимает понятие ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ⁴³, представляющее собой то, что говорящий хочет сообщить о ситуации⁴⁴.

От ситуаций к положениям дел

Начнем рассмотрение отношения между ситуациями и положениями дел с такой сцены: в университетской аудитории идет лекция зарубежного гостя⁴⁵. Два человека подходит к двери. Один из них заглядывает в аудиторию и потом что-то говорит своему товарищу. Существует почти бесконечное множество вариантов того, что он может сказать. Вот некоторые из них (13–18):

- (13) Там присутствует какой-то инструктор / не наш преподаватель / тот же профессор, что и в прошлом году / человек во фраке / какой-то странный мужчина.
- (14) В аудитории душно / светло / темно / холодно.
- (15) В зале Константина Викторовича / какого преподавателя нет.
- (16) Аудитория пуста / переполнена студентами.
- (17) В аудитории мало народу / один преподаватель.
- (18) Инструктор работает!

Как легко убедиться на этом примере, отрезок действительности, называемый нами «ситуацией», безусловно является стимулом, толчком для того, что говорящий потом выражает словами, но в такой же мере очевидно, что из бесконечного ряда различных деталей в любой аутентичной ситуации говорящий выбирает только некоторые, которые он считает наиболее существенными. Из них он образует свою модель, картину данной ситуации. Отметим также, что ни одно из возможных толкований ситуации не имеет прямого соотношения с научным представлением о мире⁶⁶, а всегда является субъективным толкованием говорящего⁶⁷.

Рассмотрим второй пример. Допустим, что у Ирины по телефону спрашивают, где Сергей. Она же в этот момент стоит в ванной перед зеркалом и чистит зубы, пользуясь новой зубной пастой, которую только что купила. У Ирины есть разные альтернативы ответа на данный вопрос. Реплика (19) репрезентирует возможные достоверные варианты. Если в выше приведенных примерах (13–18) разные варианты возможных дел возникают на основе того, что говорящий выбирает из большого количества деталей только некоторые, служащие для образования модели ситуации, то в примере (19) речь идет об одном и том же предмете интереса, а именно местонахождении Сергея, но говорящий выбирает для выражения этого факта разные варианты представления. Кроме того, Ирина может по тем или иным причинам солгать (20), или же у нее неправильное представление о местонахождении Сергея (21). Было бы весьма ошибочно думать, что примеры типа (20) и (21) редки в речи людей; наоборот, высказывания, не соответствующие правде, — неотделимая, естественная часть повседневного общения⁶⁸. Лингвистам вряд ли стоит брать на себя в этом вопросе роль судьбы, определяющего то, что достаточно достоверно, а что нет. Все высказывания, независимо от того, правдивы они или нет, годятся как материал для исследования. Фраза *У папы велосипед роз* — такой же хороший пример для изучения русского языка, как и фраза *У папы велосипед гол*⁶⁹.

- (19) *Он в ванной. / Он чистит зубы. / Он опробует новую зубную пасту. / Он сейчас подойдет.*
 (20) *Он ушел в командировку. / Не знаю.*
 (21) *Он в спальне. / Он ушел куда-то.*

Рассмотрим еще пример другого рода. Однажды утром Сергей и Ирина завтракали вместе. В конкретном плане во время завтрака, естественно, многое произошло (22); отмечались и разные состояния Сергея, Ирины и обстановки, в которой имел место завтрак (23):

- (22) «Сергей съел рыбной суп, приготовленный на прошлой неделе»
 «Ирина съла творог»
 «Сергей пил кофе без сахара»
 «Ирина выпила апельсиновый сок и полчашки чая»
 «Кость от рыбы попала Сергею не в то горло»
 «Ирина читала газету»
 «С потолка на стол капала вода»
 (23) «Сергей был в плохом настроении»
 «Ирину тошнило»
 «Ирина была печальна»
 «От Сергея пахло чесноком»
 «Ирина была в каше»
 «На кухне было светло»

Когда кто-то рассказывает о завтраке Сергея и Ирины, он может назвать каждое событие или состояние отдельно, т. е. — используя терминологию ФС — он представляет каждое из них как самостоятельное положение дел. Однако полное описание чего-либо оказывается, как правило, в повседневной жизни ненужным и неактуальным. Говорящий может рассматривать происшедшее как единое целое, не обращая внимания на отдельные детали (24)²⁰.

- (24) *Сергей и Ирина вместе завтракали.*

То, как действительность членится на различные положения дел, не зависит от длительности событий. При желании говорящий может представить как одно целое, например, вспышку молнии, выпечку булочек, футбольный матч, календарный год, строительство Новодевичьего собора или вечную жизнь.

Крайним случаем обобщения являются НЕАКТУАЛЬНЫЕ положения дел: при этом разные ситуации уже не понимаются как отдельные отрезки действительности, а представляют собой поставленную

часть рассматриваемого мира. Как показывают примеры (23), изменчивость, постоянство таких ситуаций может варьироваться.

- (23) *Ирина горько говорит по-английски.
Летом в Москве часто бывает жарко.
Климат в Больше Марсе.
Два плюс два — четыре.*

Итак, даже если говорящий и описывает один и тот же фрагмент действительности, он мысленно образует из него разные положения дел, которые могут существенно отличаться друг от друга. Это можно доказать и экспериментально¹¹. Таким образом, ситуации имеют только косвенное отношение к тому, что говорящий выражает словами. Именно это является причиной того, что центральным понятием в ФС является не ситуация, а ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ, представляющее то, что говорящий хочет сказать о данной ситуации. Именно словами, положением дел отражает точку зрения говорящего на данную мыслымовую ситуацию.

1.4. Основные особенности семантической структуры

В настоящем разделе мы обсудим онтологический статус и другие принципиальные особенности семантической структуры, а также ее отношение к смыслу отдельного предложения. Более подробное описание семантической структуры приводится во второй части книги.

Онтологический статус семантического уровня

Рассмотрение онтологического статуса семантического уровня в модели ФС можно начать с представленной в начале второй главы схемы. В этой связи логично задать вопросом, где, собственно, «находится» семантический уровень, что является его соответствием в реальном мире. Естественным местоположением семантического уровня можно считать сознание человека. Если так, означает ли это, что с помощью семантической структуры описывается речь в своей начальной форме в мозгу человека? Хотелось бы ответить на этот вопрос положительно. Такой ответ оказался бы, однако, неверным. Семантическая структура и то, что мы называем смыслом предложения, не имеют **прямых** онтологического соответствия в сознании человека. С помощью данных понятий мы **не** пытаемся описывать речь в своей начальной стадии как таковую¹², они отражают то, что

человек может сказать. Другими словами, хотя семантические структуры и имеют определенную онтологическую основу, но форма их представления является лишь построенным, сконструированным исследователем с целью описания того, что может сказать говорящий.

Таким образом, хотя исходным пунктом описания языка в рамках ФС является «смысловая», точнее, смысловой уровень существования языка, ФС не претендует на описание того, что действительно происходит в мозгу человека при порождении речи. Нам также не интересно, происходит ли порождение речи в словесной или какой-либо другой форме. Тот факт, что семантический уровень ФС не имеет биологического или психологического эквивалента в реальности, означает, что мы не можем доказать правильность нашей концепции, используя какие-либо тесты или измерения функционирования человеческого мозга. В качестве утешения можно отметить, что в таком же положении находится и создатели других грамматических моделей. Напомним, что отсутствие точного онтологического соответствия семантических категорий не означает произвольности их определения.

Состав семантической структуры

Чтобы дать общее представление о модели описания, на которой основан ФС, рассмотрим в общих чертах состав его основного понятия СЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА. При этом для наглядности будем придерживаться обратного порядка презентации материала: разные семантические структуры охарактеризуем с помощью предложений, репрезентирующих их на поверхностном уровне.

Предложения (1–3) представляют разные ядерные семантические структуры. В каждом из них есть предикат и один или более аргументов. Первое предложение описывает положение дел — Физическое действие, второе — Физиологическое состояние, третье — Идентификацию.

- (1) *Ваккер берет посуду.*
- (2) *Нилу холодно.*
- (3) *Нил — директор школы.*

Предложения (4–6) репрезентируют такое же положение дел, что и предложения (1), но в них есть, кроме ядра, какой-либо осложняющий элемент (модификатор). В четвертом предложении это *Каузация*, в пятом — *Темперальная фаза*, в шестом — *Предварительная стадия*.

- (4) *Нина настаивала Васюка взять посуду.*
 (5) *Васюк хотел взять посуду.*
 (6) *Васюк решил взять посуду.*

В предложениях (7–9) встречается эксплицитное выражение расширяющих элементов другого рода. В примере (7) мы имеем дело с одной из речевых функций (Вопрос), а в примерах (8–9) — с Актуализацией (оценка и мнение говорящего о степени достоверности сообщаемого).

- (7) *Может ли Васюк посуду?*
 (8) *Хорошо, что Васюк взял посуду.*
 (9) *Думаю, что Васюк (взывает) посуду.*

Кроме того, в семантическую структуру входят разные спецификаторы (Время, Место, Аспектуальность и др.). Слияние двух семантических структур происходит, когда одна из них считается актантом другой (в примере 10) или если семантические структуры соединены метасюжетом (в данном случае (11) — «ЕСЛИ»).

- (10) *Красиво природу поставила нас.*
 (11) *Если Васюк быстро возьмет посуду, он уйдет на матч.*

Семантическая структура дается в виде схемы (подробнее об этом во второй части книги). Так, предложения (7) и (12–13) репрезентируют семантическую структуру, которую можно обозначить в самом простом варианте как (14). Таким образом, их семантическая структура состоит из ядра с предикатом и двумя актантами и из модификатора, обозначающего одну из речевых функций, а именно Вопрос.

- (12) *Ночь тут тихо?*
 (13) *Что Нина пишет?*
 (14) $\{[Func = \text{«СПРАШИВАТЬ»}] [Act_{subj}: A, O]\}$

«Глубина» и универсальность семантической структуры

При определении семантической структуры важными являются взаимосвязанные вопросы ее «глубины» и универсальности. При их решении необходимо стремиться к оптимальному компромиссу, чтобы, с одной стороны, «глубинная семантика» не была слишком абстрактной, а с другой стороны, она была свободной от излишнего влияния особенностей поверхностных структур отдельных языков.

Оперируя понятием семантической структуры, исследователь мог бы разделить семантические компоненты на самые минимальные единицы, чтобы описание исходило из неделимых (и универсальных) семантических элементов (грамматиков). Однако такая грамматика — если ее вообще можно было бы создать — являлась бы в значительной степени искусственной и трудной для понимания. С точки зрения ФС оптимальной является такая «глубинная» семантическая структура, которая соответствует нашему интуитивному представлению о том, из чего исходит говорящий при произнесении речи.

Приведем примеры (15–17), иллюстрирующие сказанное выше:

(15) *Mama dala Sane knigu.*

(16) *Razocharovannaja privedom k upadku duha.*

(17) *To, chto istrymymamaja razocharovannaja, (byreidom) privedom k upadku duha.*

Предложение (15) можно трактовать как репрезентант семантической структуры, которой соответствует смысл предложения «Мама дала Сани книгу». Однако обоснована и такая точка зрения, согласно которой глагол *davati* означает «каузировать обладание». В соответствии с данным толкованием предложение (15) имело бы смысл предложения «Мама каузировала: книга у Сани» или «Мама каузировала: Сани обладает книгой». Однако такая трактовка представляется нам неестественной, поскольку говорящий в случае употребления фразы (15) не имеет своей целью выражение каузации, а то, что скрывается за значением глагола *davati*, мыслится им как неделимая семантическая совокупность²⁰.

Что касается предложения (16), то наиболее естественной представляется нам такая трактовка, согласно которой это предложение указывает на условно- или причинно-следственные отношения между двумя положениями дел: «всегда, если *x* разочаровывается, *x* падает духом». Данную точку зрения можно обосновать и тем, что в поверхностном предложении (16) выражается приблизительно та же мысль, что и в (17). Предложение (16) является, таким образом, скатой (конденсированной) формой выражения данных смысловых отношений.

Далее приведем предложения (18–19):

(18) *Nina ubila mysh.*

(19) *Nina okravila mysh.*

Предложение (18) можно интерпретировать следующим образом: «Нина сделала так, что возникло состояние, в котором мышь мерт-

ва»²⁴. Однако в рамках ФС мы не разделяем такой интерпретации, а трактуем предикат «убивать» на семантическом уровне как целостное семантическое целое. Что же касается глагола «отравить» (19), то он указывает не только на сам факт убийства, но и на средство убийства; на семантическом уровне ему соответствует выражение «убивать отравой», которое кажется близким нашему интуитивному представлению о данном положении дел.

С помощью приведенных примеров мы постарались показать степени глубины семантической структуры. Возникает вопрос, является ли она универсальной, общей для всех языков мира? Естественно, соблазнительно попытаться создать настолько универсальную модель семантической структуры, чтобы она была применима при описании как можно большего числа языков. Однако такой цели можно достичь только после широкого и обстоятельного анализа языков разных типов. Решение требует также принципиальный вопрос, основываются ли все языки на общем семантическом уровне. В ФС соблюдается принцип «умеренной универсальности»: модель как таковая должна отражать не поверхностную структуру или состав грамматических категорий какого-либо отдельного языка, а более глубокое представление о семантических категориях, релевантных при описании разных языков²⁵.

Таким образом, вполне возможно, что существуют языки мира, в описании которых приходится прибегать к семантическим категориям, пока отсутствующим в концепции ФС. Однако из этого не следует делать некорректный вывод о том, что семантические структуры ФС более или менее слабо копируют особенности поверхностных структур описываемых языков. На практике дело обстоит иначе.

Так, у русских глаголов только одна грамматическая форма для обозначения прошедшего времени, а в финском языке у глаголов вообще нет грамматической формы будущего времени. Несмотря на это, ФС как русского, так и финского языков должна заключать в себе главу, где рассматриваются и такие временные отношения, которые не грамматикализованы в этих языках.

Приведем другой пример. Ни в финском языке, ни в русском языке нет артикля при существительных. Несмотря на это, в описании данных языков должны быть представлены различные способы выражения определенности / неопределенности²⁶.

Названные выше семантические элементы являются, с интуитивной точки зрения, релевантными смысловыми элементами: носитель языка может их легко осмыслить, хотя в соответствующих языках нет однозначных грамматических средств их выражения.

Недостатком предлагаемого списка семантических категорий можно считать то, что он, скорее всего, отражает интуицию представителя западной культуры и европейских языков, а не человечества в целом. Не углубляясь в вопрос о языковой картине мира и о соотношении языка и мышления²¹, отметим, что расширение круга рассматриваемых языков может вызвать потребности корректировать некоторые детали модели. Несмотря на это, она служит достаточно прочной основой для описания разных языков по принципу «от значения к форме».

В этом разделе мы подчеркивали, что объективных, однозначных критериев в определении семантических категорий нет. Однако есть некоторые процессуальные приемы, облегчающие уточнение семантических категорий. В разделе 2.1 мы представим ряд таких приемов.

Смысл предложения

Если задуматься над тем, что является эквивалентом предложения как минимальной единицы речи на понятийном уровне, то приходим к выводу: это не семантическая структура, а скорее некий СМЫСЛ предложения. Однако в ФС семантическая структура занимает первичную позицию, а смысл предложения представляет собой вспомогательное понятие, при помощи которого можно, в случае необходимости, уточнить значение семантической структуры. Как в традиционном синтаксисе рассматриваются не отдельные предложения, а их структурные члены, так и задачи ФС — описать не отдельные смысловые единицы, а стоящие за ними повторяющиеся типизированные структуры. Тем не менее иногда необходимо пользоваться в нотации смысла предложения, для того чтобы конкретно показать связь отдельного предложения с семантическим уровнем.

Для обозначения смысла предложения можно было бы создать метаязык, состоящий из определенных символов или ограниченного количества языковых единиц²². Однако поскольку данное понятие выполняет в ФС лишь второстепенную роль, для его обозначения не нужно специального точного метаязыка. Поэтому в ФС представление смысла предложения задается на том или ином естественном языке.

В отличие от повествовательных предложений, смысл предложения приводится в кавычки. То, какой из естественных языков избирается в качестве метаязыка, диктуется соображениями целесообразности; обычно метаязыком служит тот язык, на котором выписана вся

работа. Таким образом, предложение *Нина читает книгу* можно трактовать как репрезентант смысла предложения «Нина читает книгу», ср. в иной записи: «читать (Нина, книга)» или на других языках: англ. *Nina reads (a) book*, фин. *Nina lukee kirjaa* и т. д.²⁸ Вообще использование слегка формализованного естественного языка на уровне семантики не является идеальным решением, поскольку мы попадаем в заколдованный круг: язык описывается тем же языком. Однако все другие возможности, связанные с введением каких-либо сугубо искусственных форм презентаций со многими омоними, привели бы к весьма сложной формализации.

Хотя в ФС (по крайней мере, на настоящей стадии развития данной теории) особых требований к формальной стороне метаязыка и не выдвигается, при этом следует, однако, обратить внимание на некоторые особенности данного представления.

1. Целесообразно придать записи смысла предложения как можно более общий вид. Соблюдение этого принципа иногда приводит к употреблению предложений, не вполне корректных с точки зрения того естественного языка, на котором оно записывается; главное, чтобы оно было понятным. Таким образом, значения приведенных в разделе 1.2 поверхностных предложений (3) можно передать в такой формулировке:

- «Я нахожусь в состоянии ласды»
- «Ребенок находится в состоянии дитны»
- «Дочка находится в состоянии дилорадж»

2. Желательно придавать смыслу предложения форму, отражающую его семантический класс. Таким образом, действительность выражается по возможности глаголом, характеристика — прилагательным, а идентификация — существительным. Здесь поверхностные структуры русского языка, в которых отсутствует глагол-связка, соответствуют в семантической структуре характеристика и идентификация образуют единый предикат, в котором нет отдельного глагольного элемента. Значит, предикаты «быть красивым» и «быть немцем» являются неделимыми единицами семантической структуры.

- «Виктор most пол тряпкой»
- «Горь красивый»
- «Урсула немка»

3. Некоторые слова естественного языка используются для обозначения не только смысла предложения, но и семантических структур. К числу таких «металексем» относятся, в частности, метяглы-

лы («ЗАСТАВЛЯТЬ», «ВЫЗЫВАТЬ», «СОВЕТОВАТЬ», «СПРАШИВАТЬ» и т. д.), местоимения («ОН», «ЕСЛИ ... ТО» и др.), метаягглаголы («НАД», «ПОД» и др.) и некоторые другие метаслова («ЛЮБОЙ», «НЕСКОЛЬКО», «МАЛО» и др.). Метаклассам дается точные семантические определения²⁰. Их значения не всегда полностью совпадают со значениями соответствующих поверхностных лексем. Они пишутся прописными буквами. Они употребляются и как часть смысла, и как часть семантической структуры, например, предложению *Наша ласкавила Виктор вымыл посуду* соответствует семантическая структура $\{S_{\text{ант}} = \text{«ЗАСТАВЛЯТЬ»}; A_1\} \{A_{\text{срн}}; A_2, O\}$ и смысл «Наша ЗАСТАВИЛА: Виктор вымыл/вымоет посуду».

4. Если семантическая структура состоит более чем из одной ядерной структуры, это должно отразиться в нотации смысла предложения. Так, например, русскому предложению *Из-за дождя мы не пошли в цирк* соответствует запись его смысла: «ТАК КАК (из-за дождя, мы пошли в цирк + NEG); или в более точной записи: «ПОТОМУ ЧТО место *л* было в состоянии дождя, мы пошли в цирк + NEG».

1.3. От семантических структур к языковым средствам

Выше мы постарались дать предварительное представление о семантическом уровне ФС. Задача этой главы — описать системные явления, наблюдаемые при сопоставлении семантических и соответствующих им поверхностных структур. Наш подход демонстрирует, какими общими структурными возможностями обладает говорящий при выборе языковых средств для выражения своих мыслей.

Выбор перспективы

Определяя свою точку зрения на ситуацию и оформляя соответствующим образом предложение, описывающее ее, говорящий должен, среди прочего, определить свою позицию относительно следующих трех пунктов:

- с точки зрения какого из актантов описано положение дел (= выбор ориентации)
- какими членами предложения выражаются разные актанты (= выбор дативы)
- как высказывание делится на тему и рему (= выбор актуального членения предложения).

При выборе **ОРИЕНТАЦИИ** одному из актантов принадлежит лидирующая роль, из этого вытекает предпочтение одного из членов канонической пары глаголов. При выборе **ДИАТИЛЫ** определяется залоговая характеристика предиката, используемого в предложении. Выбор **АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ** отражается в линейном расположении и иновариантной структуре предложения.

Проводястирируем сказанное следующим примером. Допустим, что Нина дала последний кусок мяса собаке. Эту ситуацию можно описать с помощью таких, например, предложений:

- (1) *Нина дала последний кусок мяса собаке.*
- (2) *Собака получила (от Нины) последний кусок мяса.*
- (3) *Последний кусок мяса был дан собаке.*
- (4) *Последний кусок мяса Нина дала собаке.*
- (5) *Последний кусок мяса получила собака.*
- (6) *Собаке был дан последний кусок мяса.*
- (7) *Последний кусок мяса достался собаке.*

Как видно, все приведенные выше предложения описывают одно и то же положение дел, связанное с тем, что собаке во время обеда семья дала мясо. Однако они различаются между собой взглядом говорящего на ситуацию. **Ориентация** говорящего не меняет актуальные роли актантов в данном положении вещей: собака всегда Реципиент, Нина — даящий Агент и кусок мяса — Объект, или то, что передается от Нины собаке. Но выбранная ориентация существенно влияет на то, как предложения сконструированы. Выбор глагола — *дать* или *получить* — определяет принятую говорящим ориентацию: положение дел рассматривается или с точки зрения Нины (1, 3, 4), или с точки зрения собаки (2, 5). В принципе возможна и точка зрения третьего актанга, куска мяса, но она здесь менее вероятна (7). Особо стоит отметить пример (3), где Агента не упоминается, но глагол выбран так, что положение дел рассматривается с его, Агента, точки зрения²¹.

Выбор **диатилы** диктует то, какой из актантов занимает позицию подлежащего. Как показывают примеры (8–10), диатилные возможности могут варьироваться по языкам.

- (8) *Nina gave the last piece of meat to the dog.*
- (9) *The last piece of meat was given to the dog by Nina.*
- (10) *The dog was given the last piece of meat (by Nina).*

С точки зрения **актуального членения** все актанты семантической структуры могут занимать позицию ремы. Благодаря достаточ-

во свободному порядку слов русский язык располагает разными возможностями выдвигания любого члена предложения на позицию ремы¹⁰⁷.

Выбор ориентации, диктаты и актуального членения происходит при порождении речи не вдохновлено, а разные языковые возможности переплетаются.

Рассмотрим, как ориентация, диктаты и актуальное членение принимается во внимание в ФС. Ориентация описывается на уровне семантических структур с помощью порядка актантов. Так предложению (1) соответствует порядок актантов А (агент), О (объект), R (Реципиент); предложению (2) — порядок R, А, О; предложению (7) — О, R, А. Диктаты отмечаются не на уровне семантических структур, а считаются явлением поверхностной структуры. Актуальное членение явн, более конкретно, рема, указывается при необходимости подчеркиванием тех элементов семантической структуры, которые в нее входят.

Систематические несоответствия семантических и поверхностных структур

Рассмотрение несоответствий семантических и поверхностных структур само по себе интересно с точки зрения функционирования языка. Однако такое сопоставление преследует и другую цель: с его помощью можно получить представление о характере и особенностях семантического уровня.

При презентации примеров вместо самих структур используются поверхностные предложения и соответствующие им смыслы. Как было сказано выше, обозначение смысла предложения имеет условный характер и является иногда с точки зрения реального языка искусственным (11). Несмотря на это (и, частично, благодаря этому), они достаточно информативны, чтобы рассмотреть связь между поверхностной и семантической структурами.

(11) «Папа в состоянии ангин»

Исходным пунктом можно считать случаи, в которых отмечаются одинаковые элементы на обоих уровнях. Их можно называть *изоморфными* (12).

(12) смысл предложения	«Папа	смотрит	телевизор»
поверхностное предложение	Папа	смотрит	телевизор.

Из случаев несоответствия рассмотрим сначала также, когда в поверхностной структуре меньше элементов, чем в семантической структуре: происходит СЪЕЖЕНИЕ (редукция)⁶⁰. Типичным видом съезжения является ЛЕКТИКАЦИЯ, происходящая, в частности, всегда, когда целое положение дел выражается одним существительным, т. е. в случае номинализации⁶¹. Слова *присоединение* и *потери* в предложении (13), как и слово *курение* в предложении (14) соответствуют целой семантической структуре (см. подробное разд. 4.1).

(13) *Присоединение к НАТО или Евросоюзу означает частичную потерю независимости.*

(14) *Курение, несомненно, во многих случаях является причиной рака легких.*

Поскольку семантическая структура является первичной, ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЕЙ можно считать также случай, когда метаяглагол семантического уровня выражается на поверхностном уровне грамматической формой. Данное явление наблюдается, например, когда речевая функция Побуждения выражается повелительным наклоном (15).

(15) *Иди помчи мне скоре!*

В случае ЗЛННЕСА один из элементов семантической структуры на поверхностном уровне не выражен. Типичным случаем злннеса является отсутствие вводящего перформативного предложения с метаяглаголом при Речевых функциях или при Авторизации (16). Употребление здесь слова *злннесе* может показаться странным с точки зрения общепринятого значения этого слова, но оно оправдано, поскольку речь идет о случаях, в которых что-то отсутствует на уровне выражения.

(16) *Я прыгу вовремя. (Я обещаю, что...)*

Исторь красивый. (Я слышу, что...)

Какой час? (Я спрашиваю, который...)

Ну и всегда! (Я соглашаю / радуюсь, что...)

В том случае, если злннесе связан с ядром семантической структуры, требует решения вопрос, который обычно рассматривается в теории валентности: в каких случаях предполагается актант как часть семантической (логической) валентности, даже если он не выражен эксплицитно. Мы рассмотрим этот важный принципиальный вопрос отдельно в следующем разделе.

Перейдем к рассмотрению другого явления, характеризующего систематическое несходство семантических и поверхностных структур, а именно инкорпорации. При ней элемент семантической структуры включен, инкорпорирован в семантику поверхностного глагола²¹. Таким образом, число элементов семантической структуры и в этом случае больше числа элементов поверхностной структуры. Инкорпорироваться может, например, один из аргументов (в примере 17 — Средство), спецификатор (в примере 18 — Образ действия) или метagлагол (в примере 19 — Авторизация). Инкорпорацию можно проиллюстрировать схемой (20):

(17) *Нина отравила мышь.*

(ср. «Нина уничтожила / убила мышь отравой / ядом»)

(18) *Машины поехали вперед.*

(ср. «Машины шли вперед очень медленно»)

(19) *Нина смеяется умным человеком.*

(ср. «Мнение людей: Нина — умный человек»)

(20) смысл предложения: «Нина уничтожила отравой мышь»
 | | |
 поверхностное предложение: *Нина* *отравила* *мышь.*

В интерпретации случаев инкорпорации вызывает трудности вопрос, о котором уже упоминалось при определении «глубины» семантического уровня. В принципе инкорпорацию можно видеть во многих поверхностных глаголах. Однако нет смысла заниматься семантическим разложением предикатов на мельчайшие элементы, если это нерелевантно с точки зрения описания рассматриваемого языка или сопоставления описываемых языков.

Выше были рассмотрены некоторые типичные случаи, когда число элементов поверхностной структуры меньше числа элементов семантической структуры. Однако возможны и противоположные случаи. Вследствие такого расширения (экспансии) возникает так называемое АНАЛИТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ: тому или иному элементу семантической структуры на поверхностном уровне соответствуют два или более слова. Типичным примером аналитических выражений служат глагольно-именные словосочетания, репрезентирующие один предикат ядерной семантической структуры (21–23) или метagлагол (24). В аналитических выражениях обычно встречаются так называемые семантически пустые глаголы²² типа *делать*, *совершать*, *оказывать*. Аналитические выражения можно проиллюстрировать схемой (25).

- (21) *Виктор оказывает помощь маме.*
(ср. «Виктор помогает маме»)
- (22) *Нина была борющейся с Виктором.*
(ср. «Нина боролась с Виктором»)
- (23) *Нина одержала победу над Виктором.*
(ср. «Нина победила Виктора»)
- (24) *Нина сделала поминку убию.*
(ср. «Нина ПОМНИТАЛАСЬ: Нина уйдет»)
- (25) смысл предложения «Виктор помогает маме»
поверхностное предложение *Виктор оказывает помощь маме.*

Аналитические выражения могут употребляться для выражения не только предикатов ядерных семантических структур и метазаголов, но и других элементов семантической структуры. Поверхностная репрезентация аналитических выражений этого типа несколько отличается от той, которая была рассмотрена выше; в некоторых случаях аналитическое выражение представляет собой целое поверхностное предложение. Приведем несколько примеров⁴⁵:

- (26) «Исследователи изучали обезьян»
Объектом изучения были обезьяны.
- (27) «Иванов забил гол на 20-й минуте»
На 20-й минуте был забит гол. Его исполнителем / автором был Иванов.
- (28) «Игорь сбил замок тотором»
Игорь сбил замок. Он использовал для этого тотор.
- (29) «Нина написала диссертацию за один год»
Нина написала диссертацию. На это у нее ушло один год.
- (30) «Виктор потерял вчера свой бумажник»
Виктор потерял свой бумажник. Это случилось вчера.

Слова, выделенные выше жирным шрифтом, входят в известном смысле в метатекст, они не указывают на само положение дел, а акцентируют определенную часть семантической структуры. Аналитические выражения занимают важное место в оформлении текста. С их помощью можно варьировать то, какие члены предложения в поверхностных структурах репрезентируют определенные актанты или спецификаторы. Аналитическое выражение служит хорошей иллюстрацией того, что в языке действует не только принцип экономии. Наличием различных, часто даже противоречивых моделей создания текста обусловлено вариативное богатство и многообразие языка.

Посмотрим в этой связи еще на примеры (31–34). Хотя ФС не претендует на роль инструмента для интерпретации языкового материала, обсуждение таких примеров помогает тестировать описательный потенциал ФС. Очевидно, предложения могут быть интерпретированы с точки зрения семантических структур по-разному. На наш взгляд, примеры (31–33), несмотря на различия в их поверхностных структурах, репрезентируют одну и ту же полевую дел и одну и ту же семантическую структуру, в которой есть действующий Агента, его конкретное намеренное Действие и Объект. Предложение же (34) целесообразно интерпретировать как состоящее из двух полевых дел.

- (31) Я печально наступил на лужу.
 (32) Я наступил на что-то скользкое.
 (33) Я наступил на что-то скользкое. Это оказалась лужа.
 (34) На дороге съезды лужа, а я печально наступил на нее.

Следует еще остановиться на вопросе, на каком основании можно сделать вывод о том, что в поверхностной структуре употреблено аналитическое выражение. Так, например, предложение (35) явно не аналитическое, и в соответствующей семантической структуре следует видеть глубинный предикат означенного действия. В отличие же от него, (36) воспринимается как предложение, заключающее в себе аналитическое выражение, очевидно, потому, что объект действия в нем является абстрактным и его (вместе с функциональным глаголом) можно преобразовать в предикат («объявлять») ¹⁸.

- (35) Аистовый свисток влудуку из дерева.
 (36) Аистовый свисток объявление о поезде.

Факультативность / нефаккультативность актантов

При описании ядра семантической структуры одной из центральных проблем является определение состава его актантов. Определению разных категорий актантов посвящен раздел 4.1. При рассмотрении соотношения семантической и поверхностной структур мы должны решить вопрос о том, в каких случаях предполагаются актанты, не выраженные эксплицитно. Приведем примеры, иллюстрирующие данную проблематику:

- (36) На вечеринке и читаю в постели.
 (37) Нана рассказала смешную историю.
 (38) Нана рубит дрова.

(39) *Валтер ест бору.*

(40) *Девя белаги ло двору.*

На основе этих примеров возникает следующий вопрос: присутствует ли в семантической структуре предложения (36) Объект, в семантической структуре предложения (37), помимо Агенса и Объекта, — Реципиент (Получатель информации) и Тема, в семантических структурах предложений (38–40) — Инструмент? На уровне действительности все названные выше элементы существуют: невозможно читать без объекта чтения, в ситуациях рассказа всегда есть публика и тема рассказа, а для рубки и еды обычно требуется тот или иной инструмент и для бога нужны, естественно, ноги.

Существуют разные возможности истолковать приведенные примеры. Согласно одной трактовке, отсутствующий в поверхностной структуре актант инкорпорирован в значение поверхностного глагола (например, глагол *рубать* заключает в себе то, чем рубят). Согласно другой трактовке, рассматриваемый актант опущен (= эллипсирован) в поверхностной структуре: наличие актанта явствует из контекста (например, из контекста ясно, что адресатом речи является слушатель в форме «я» или «мы»). Наконец, возможна трактовка, в соответствии с которой вызывать рассматриваемый актант нерелевантно с точки зрения той информации, которую говорящий хочет выразить (например, несущественно, каким топором Нина рубит дрова).

Определение факультативности / нефаккультативности актантов занимает одно из центральных мест в теории валентностей, исходящей из свойств поверхностных глаголов⁶⁹. В ФС данная проблематика конкретизируется в виде вопроса о том, на каком уровне между действительностью и поверхностной структурой «эстраширован» семантическая структура. Другими словами: должна ли семантическая структура как можно более точно отражать элементы ситуации или при ее определении следует учесть сделанные говорящим ограничения, которые нередко проявляются также в поверхностных структурах?⁷⁰

В соответствии с определением, данным в разделе 1.3, положение дел в представляющая его семантическая структура отражает именно ограниченный говорящим фрагмент ситуации, а также точку зрения говорящего на нее. Следовательно, мы можем сформулировать вопрос о факультативности / нефаккультативности актантов более точно: присутствует ли в ограниченном говорящим положении дел такие актанты, которые не получают конкретного репрезентанта на поверхностном уровне?

восьмью частью таких положений дел, в которых активный субъект вообще делает что-то. Например, когда мы говорим, что *Он ел баран*, мы не имеем в виду, что он ест без ложки.

Мы склонны принять второе толкование. Таким образом, предполагается существование Инструмента и тогда, когда он не выражен, но является естественным элементом данной ситуации. «Естественность» можно проверить чем-вопросом²³. Мы можем спрашивать: *Чем ты рубил дрова или козлаша луж?*, но неестественно спросить: *Чем ты думаешь, говоришь или бежишь?* Предложения, в которых встречается «инструментобразный» аргумент, следует интерпретировать как состояние из двух положений дел (42–43); другой вариант такого предложения отвечает на вопрос *как* (44). Предложение (45) допускает, очевидно, ту и другую интерпретацию.

(42) *Мы хорошо думаемся на свежую голову* (ср. *Мы хорошо думаемся, если / когда / потому что у меня голова свежая*).

(43) *Со сложной лодой он ходит с трудом* (ср. *Он ходит с трудом, поскольку у него ноги были сломаны*).

(44) *Мы шли быстроими шагами* (ср. *Мы шли быстро*).

(45) *Он говорит с закрытыми глазами* (ср. *Он говорит, держа глаза закрытыми / закрыл глаза. // Когда он говорит, у него глаза закрыты*).

Когда мы предполагаем наличие невыраженного Инструмента, например, в случае предложения (38), дело вкуса толковать такой случай как инкорпорацию (Инструмент «входит» в предикат) или как эллипсис (Инструмент пропущен).

Рассмотрим еще сложный с точки зрения интерпретации случай выражения состояния погоды или природы. Отсутствует ли в этих семантических структурах актант целиком или мы можем предположить, что таковым является какое-либо место (например, «где-то»), о состоянии которого идет речь? Нам кажется, что последние из альтернатив более обоснованна, поскольку погода всегда предполагает некое «местонахождение». Таким образом, в семантической структуре предложения (46) есть актант Места. Данный пример требует и другого комментария. Слова *погода*, *дождь* и *гроза* представляют собой примеры обратного типа: они не имеют своего репрезентанта в актантном составе, а сливаются в предикат. Таким образом, получается, что в семантической структуре, представляющей состояние природы, есть предикат и один локативный актант (ср. раздел 4.1).

(46) *Завтра будет хорошая погода / дождь / гроза*.

Примечания к первой главе

¹ В отличие от естественных языков, искусственные языковые системы (светофоры, жесты спортивных арбитров, язык программирования и т. п.) составляются, как правило, таким образом, что они являются однозначными в плане соотношения формы и значения. Правда, и в них иногда встречаются случаи, когда одному смыслу соответствует более одного знака.

² По мнению В. Г. Газа (1998: 121), асимметрия проявляется в том, что «языковые формы используются нерегулярно для выражения одного и того же значения, и в том, что они используются для выражения разных значений».

³ Определение Ю. Д. Апресяна (1995: 9) «феномена, называемого „двуделием языком“» основывается во многом на понятиях синонимии и омонимии. «Видение языком проявляется у его носителей в следующая три способности: (1) способности выражать заданный смысл разными (в идеале, всеми) различными способами, т. е. строить множество синонимичных друг другу предложений языка (говорящие, или слыша); (2) способности извлекать смысл из заданного предложения, а также распознавать синонимично внешне различных и омонимично внешне совпадающих предложений (понимающие, или слыша); (3) способности отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных».

⁴ Как показывает Е. А. Крыкина (1991: 35), в ряде случаев вариативность значения больше трех значений, как было в нашем примере с фотографией *Л'а Дом* отец имеет следующие интерпретации: «дом, принадлежащий отцу», «дом, где раньше жил отец», «дом, в котором сейчас живет отец», «дом, который построил отец и в котором он сам живет», «дом, который построил отец, но в котором он не живет, отец-строитель». Вообще русский родительный падеж служит удачным примером несоответствия формы и значения, он же обладает и многими другими значениями, в частности:

чистота воды	«то, что вода является чистой»
опускание воды	«то, что воды нет»
сборная России	«команда, состоящая из лучших российских спортсменов»
крыша дома	«крыша, которая является частью дома»

Поскольку родительный падеж имеет во многих языках такое же функционирование, приводимый нами пример с фотографией легко переводится и на другие языки; например, английское выражение *Л'а photograph* имеет те же три значения.

Многofункциональность наблюдается у многих грамматических средств, вернее в случаях, в которых те или иные значения выявляются путем анализа взаимодействия разных грамматических категорий (см., например: Храковский 1996а). Приведем пример другого рода, знаменитый у нас (Шувалова 2003: 112–113). Сложносочиненные предложения (1–3) отражают весьма различные семантические структуры. В (1) у нас классические атрибутивные употребленные слова *который*, в (2) обнаруживается причин-

не-следственное отношение («был увлечен, потому что попробовал открыто пригласить руководство»), а в (3) — уступительное значение («несмотря на то, что Андрей больше всех сделал...»).

- (1) Андрей, который занимался этой работой, перешел в другой отдел.
- (2) Андрей, который попробовал открыто пригласить руководство, был увлечен.
- (3) Андрей, который больше всех (и организовал: всего) сделал для успешного решения этой задачи, не был даже увлечен и отмечен.

⁵ М. А. Шалаева (2002: 183) употребляет и применительно к синтаксическому уровню термин *ономонимия* и синонимия. Он пишет: «Одна и та же формальная структура базовой модели может иметь разные типовые значения, и, наоборот, одно и то же типовое значение может иметь разные формальные структуры. В таких случаях имеет место ономонимия или синонимия». Далее он приводит следующие примеры: «[—] предложения *Я больше люблю. Он лучше чем. Мы испекли сыр* имеют одинаковую формальную структуру и разные типовые значения, а предложения *У меня есть велосипед, Я люблю велосипед* имеют одинаковое типовое значение и разные формальные структуры, которые выражают одно и то же типовое значение с выделением собственных семантико-синтаксических особенностей». Анна А. Залкина (2004: 21), со своей стороны, пишет о трех «базисных терминах — *амбивалентность, неоднозначность, поливалентность*». Ю. Д. Апресян же (1974: 176–178) различает *амбивалентность* и *решеную неоднозначность*.

⁶ Причины и цели неоднозначности в русском языке широко рассматривает Анна А. Залкина (2004; ср. также Лагуна 1988, 1996; Адамс 1991).

⁷ Об определении понятий «синтаксическая синонимия» и «синтаксический ряд» см. (Локат 1984) и другие статьи того же сборника (ср. также Шведова 1967). Историко-языкового понятия в русской лингвистике рассматривают Н. Н. Болоченко (1990) и Е. К. Столорова (2001). Г. Н. Володина (1997, 1999) различает синонимические ряды трех типов. В одном из них «определения в ситуации» выражаются разными лексическими средствами и синтаксическими структурами (1), во втором лексический состав предельно однородный, но различаются синтаксические структуры (2), в третьем и лексический состав, и синтаксические структуры однородны, но наблюдаются лексико-интонационные варианты (3):

- (1) Этот дом похож на среднестатистический / напоминает среднестатистический / сходен со среднестатистическим / В этом доме что-то от среднестатистического дома.
- (2) Он увидел меня полной внутренней раскованностью. / Меня увидели на его полной внутренней раскованности. / Меня увидели и тем полной внутренней раскованности.
- (3) В его дневнике были интересные записи. / В его дневнике были интересные записи. / В его дневнике были интересные записи.

В книге (Золотова и др. 1998: 188–189) рассматриваются правила выделения высказываний в синтаксический ряд и критерии синтаксической си-

нования. Т. А. Черныкова (2002), со своей стороны, исследует разные синонимические варианты простого предложения с точки зрения состава их коммуникативных элементов. Т. С. Сорочкина (2003) рассматривает роль грамматической синонимии в разном функциональной лингвистике. О синонимических рядах в бытовых предложениях см. (Арутюнова, Шаров 1983: 39).

² Термин коммуникативная парадигма употребляется, в частности, М. В. Виноградовой. Иллюстративный пример взят из работы (Виноградова, Деметрива 1997: 59). Как видно, некоторые фразы представляют устную речь и являются ненормативными с точки зрения письменного варианта русского языка.

В разных работах Ю. Д. Апресяна мы находим систематические описания перифрастических возможностей русского языка. Практически это то же самое, что синтаксическая синонимия или коммуникативные парадигмы. В рамках концепции лексической функций в работе (Апресян, Цимман 1998: 195–197) выделяется 35 канонизированных формул перифразирования. Дадим пример о 10 реализованных перифразисмах:

- Эно древаце вымыто у мило ужас.*
- Эно древаце прымыто ено в ужас.*
- Эно древаце вымыто в мило ужас.*
- Эно древаце помырало ено в ужас.*
- Эно древаце вымыто ено ужас.*
- Он был прымыто эноце древацем в ужас.*
- Он был помырало эноце древацем в ужас.*
- Ужас был вымыто эноце древацем в мило.*
- Ужас был вымыто эноце древацем у мило.*
- Ужас был вымыто эноце древацем ено.*

Вообще русский язык представляет во многих случаях широкую гамму вариативности. Н. Н. Гринина (1997) приводит 15 альтернативных поверхностных структур для выражения положительной фаз «Я испытываю чувство радости к тебе, потому что ты испытываешь радость по мне».

³ Существует и другой, более редко встречающийся вариант подхода «от формы», основывающийся не на категориях языка, а на конкретном языковом материале. Целью такого описания может быть, например, выявление того, в какой падежной форме выступает слово, имеющее окончание *-а*. Подобного рода подход встречается, в частности, в одной из глав «Практической грамматики», составленной Н. Г. Михославской (1987); подробнее об этом подходе см. (Муштайко и др. 1990: 12–13), а также в компьютерных алгоритмах, анализирующих структуру предложений в тексте. Омографические грамматические формы (например, *мысли* – род, падеж *ед. числ. мн. падеж мн. числ.*, *вон*, падеж *мн. числ.*) являются одной из самых сложных проблем при автоматическом анализе языкового материала (см., например: Karhkonen et al. 1995; Колосов, Муштайко 2003).

⁴ На позицию говорящего и слушающего в речевой ситуации обращают внимание, в частности, В. Маттеусе (Mattheus 1926), В. С. Хриковский

(1985: 66–67) и А. В. Бондарко (1988: 5–7) (ср. также: Давиденко 1988: 109; Шмелева 1999: 127–131; Шелкина 2001: 8). А. В. Бондарко подчеркивает, что говорящий, контролируя свою речь, учитывает вместе с тем и позицию слушающего. С теоретических позиций роль говорящего в коммуникативной ситуации рассматривается также Э. М. Мурагшиной (1977). Первичность говорящего в представлении о языке И. А. Мещуку обосновывает в том, что практически всегда усвоение родного или иностранного языков связывается с говорением, порождением речи, а не с ее пониманием (устное выступление 13 февраля 2003 г. в Хельсинкском университете). С ролями говорящего и слушающего в речевых актах связаны и перловские понятия «активная» и «пассивная грамматика» (см. гл. 3.2 настоящей книги). Этим проблемам специально посвящен сборник «Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения» (СПб, 2001).

¹¹ Ю. Н. Караулов (1985: 11), рассматривая новые тенденции в лингвистике, пишет о методологическом принципе «нейтральности». «Она по сути дела означает отказ от традиционного уровня представления языкового строя, а это уже принципиальное изменение в теории языка, которое может привести к новым теоретическим построениям и результатам».

¹² В несколько иной форме этот пример приведен Н. Ю. Шмеловой (1985: 34). Целое, состоящее из ряда равноуровневых языковых единиц, она называет семантическим комплексом, а ту языковую единицу, которая присутствует в каждой из его составляющих, — семантической диминутивой (в настоящей работе ей соответствует понятие семантической структуры или его элементар). В статье Н. Ю. Шмелова поясняется, что набор единиц семантического комплекса варьируется в зависимости от характера лексической единицы, составляющей его семантические единицы.

¹³ Данный термин заимствован из книги (Золотова 1973: 265).

¹⁴ Редакторы книги «Идеографические аспекты русской грамматики» В. А. Бондаренкова и Н. Г. Митюславский (1988: 8) считают дискуссию о том, где пройдет граница между лексикой и грамматикой, «идеологическими» (ср. также Норина 2003).

¹⁵ Таким образом, ФС не стремится к полной «нейтральности» описания языка (ср. Ю. Д. Апресян 1995: 9), но, с другой стороны, в нем лексический уровень языка учитывается более последовательно, чем в традиционном синтаксисе.

¹⁶ Согласно М. А. Шелкину (2002: 25–27), у термина *функция* в лингвистических науках можно выделить восемь «ключевых значений». Далее он соотносит понятие функции с понятием «функционализация». Именно с этим понятием связано определение «функциональности» в модели ФС: целью пользователя концепции является описание того, как язык функционализирует при выражении своих мыслей говорящим, или, как пишет А. В. Бондарко (2003а: 12): «функция того или иного элемента языковой системы — это его наличие, обуславливающее определенное типом его употребления». О понятии «функция» в функциональной грамматике см. (Дресслер 1990; Насилов 1999).

¹⁷ Такое понимание термина *смыслосвязь* соответствует толкованию Р. Ван Валена и Р. ЛаПоллы (Van Valk, LaPolla 1987: 1), приводящих следующее, взятое из (Matthews 1982: 1), определение синтаксиса: «The term 'syntax' is from the Ancient Greek *synstaxi*, a verbal noun which literary means 'arrangement' or 'setting out together'. Traditionally, it refers to the branch of grammar dealing with the ways in which words, with or without appropriate inflections, are arranged to show connections of meaning within the sentences».

¹⁸ Как известно, Н. А. Мельчук употребляет в названии своей концепции слово *смысл*. Но при этом он подчеркивает, что «идея любого смысла должна быть удобной и естественным представлением всех текстов, использующих этот смысл. (Предли слов не спорадично опровергать, что понятия удобства и естественности, при всей их крайней неопределенности и даже, может быть, неопределенности, абсолютно необходимы.)» (Мельчук 1974/1999: 11). В этой связи трудно прокомментировать различие между терминами *смысл* и *значение*. В трактовке Н. Ю. Шведовой (1999: 13–14) *смысл* — мысленная абстракция, инвариант значения. Есть множество других толкований соотношения этих терминов (ср., например, Кобозова 2000а; 2000б: 9–13; Бондарко 1996). Для нас языковые единицы (слова, предложения и т. п.) имеют значение, а *смысл* — это то, что говорящий хочет выразить. Понятия близки, но они отличаются друг от друга тем, что представляют одно и то же с разных точек зрения. Как ни парадоксально, устойчивое название нашего подхода «от значения к форме» не соответствует нашему установленному термину *значение*, поскольку исходным пунктом в функциональном подходе является не значение, а *смысл*. Необходимо напомнить и о том, что языковое выражение может иметь значение, не полностью соответствующее смыслу, который говорящий старается выразить. Поэтому точнее было бы использовать сочетание «от смысла к форме».

¹⁹ Напомним в этой связи, что при описании лексической семантики, как правило, используются разные графические представления, чаще треугольники, показывающие соотношение основных понятий и уровней рассмотрения: «слово» / «звук» / «форма» — «элементы» / «элементы» / «элементы» — «референт» / «значение» / «смысл», Н. М. Кобозова (2000б: 43–48) приводит целых шесть разных «семантических треугольников», а также одну трапецию. Не комментируя удачность такого типа презентации на уровне слов, отметим, что треугольник, отражающий прямую связь языка и действительности, не годится для отклика их соотношения на уровне целого высказывания. Согласно нашему представлению, действительность прослеживается на язык только через его пользователя, говорящего человека и его толкования.

²⁰ Как это часто бывает в лингвистике, терминология не одна. Не все лингвисты употребляют наши термины *ситуация* и *коллоквиаль* *дет* (см. рассуждения по поводу терминологии: Гак 1973; Сильванский 1973: 373; Агентовна 1976: 6–8; Tommola 1982; Timberlake 1985: 49; Колесова, Черемшанина 1986: 12–13; Стеклова 2002: 20–22; Пармезова 2003б: 137–139). Особо следует упомянуть две концепции, в которых «ситуация» находится на другом уровне, чем в ФС: разные по своей сущности понятия «общая ситуа-

ции» (которая включает разные аспекты, называемые «историческими ситуациями») у А. В. Бондарко (например, 2001a: 23–32; ср. также Николаева 1995: 69) и «сплошная ситуация» у М. В. Востолодовой (например, 2006b: 121–132) соответствуют скорее всего какому-то «полковнику делу». Термин *ситуация (situation)* употребляется также для наименования одного из типов возможных дел (см., например: Van Valin, LaPolla 1997: 63). Н. А. Мельчук (McChuk 2004: 7), со своей стороны, использует термин *ситуация* как синоним слова *факт*: «Predicates denote FACTS: actions, activities, events, perceptions, processes, states, relations, properties, quantities, localizations, and so forth; another convenient name for a fact is *situation*». У Анны А. Залеской (1993: 41), наоборот, термин *ситуация* покрывает все «группированные значения», кроме фактов. В. И. Подлеская (1993: 93) определяет понятия «события» и «факты» подобно тому, как в ФС определяется понятия ситуация и положение дел: событие является элементом того или иного возможного мира, а факт — интеллектуальной моделью события в сознании субъекта. Следует, однако, заметить, что, несмотря на известную близость, данные понятия имеют одно принципиальное различие: в ФС как «события», так и «факты» могут быть положениями дел, ситуация же может получать языкового выражения, пока они все не сделано положением дела. Т. В. Парменова (2006: 137–138), со своей стороны, выделяет три значения слова *ситуация* в лингвистике. Анализ разных значений термина *ситуация* см. также (Степанова 2002: 20–22). О понятиях «ситуация» и «сценарий» см. (Кронгауз 2004b).

¹¹ К. А. Перевертис (1998: 26; см. также 2000) пишет по этому поводу: «Лингвистике должны быть малоинтересны данные „Беспристрастной“ действительности: она рассматривает мир в модальности субъекта [—], в речи человек строится не только в отношении действительности, но и к самовыражению». А. А. Залеская (2002: 65), рассматривая это с точки зрения понимания текста, употребляет термин *конструктивное ситуация* на основе знания о том, что, как, когда, зачем и почему, с какими целями, результатами и следствиями было, бывает, может или не может случиться в реальном или воображаемом мире». Второстепенная роль ситуации по отношению к положению дел подчеркивается и тем, что только внутренняя для ситуаций вообще становится предметом речи (ср.: Мустаюки 2004a).

¹² Н. К. Рыбаева (1995: 139–140) приводит интересные примеры, в которых положение дел уже известно, а вся цель сообщения заключается в другом, в субъективно-модальной реакции на факт. См., например:

- (1) У тебя новая прическа.
- (2) Вы опоздали.
- (3) Дождь.

¹³ Поиск правильных слов и выражений порой отмечается и в школьной речи, например: «Как представить этого богатого тебе человека в школьной компании? Сказать „муж“ — неправда, сказать „свахоть“ — неудобно, совестно. „Подруга“, „друг“ тоже не соответствует действительности; «Кем вы работаете на радио? — Я не знаю, кем работаете, потому

что я не знаю, как это называется» (Берсен 2002: 123–124, 215; см. и другие ее примеры). В. В. Мартьянов (2001: 11) так рисует картину весьма беспомощного положения говорящего: «Крайняя ограниченность языковых ресурсов, которыми пользуется всякой говорящий, остается в основном незамеченной, если речь данного индивидуума не подвергается специальному изучению. К тому же ресурс языка, который активно используется, оказывается неопределеннозначимым». А. Р. Лурия (1979: 115) отмечает, что «человеческий глаз может воспринимать несколько миллионов цветовых оттенков; однако человеческий язык располагает сравнительно небольшим числом слов, обозначающих цвета». Кроме того, как пишет Б. М. Гастаров (1996: 10), «коммуникативные намерения автора, всегда множественные и противоречивые и никогда не ясны до конца ему самому». Таким образом, то, что здесь представляется как положенно дел, — это лишь типичная приближенность к тому, что говорящий намерен выразить.

²⁰ И. Г. Милославский (2002), оценивая возможности говорящего при выражении своих мыслей, приходит к выводу, что бывают случаи, когда в русском языке (как и во всех других языках) замечаются «дыры», препятствующие адекватному выражению речевых намерений. В этой связи нельзя не привести известную справедливую цитату из книги Э. Сепира (1934): «Ни один язык не был бы в состоянии выразить каждую идею самостоятельным словом или корисным элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным различить бесчисленное множество понятий по тем или другим рубрикам основных понятий, используя язык конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей». Как указывает И. А. Белькова (2002), история этой цитаты в русской лингвистике весьма любопытна: она стала без кавычек, но с одной терминологической ошибкой авторские текстом В. В. Виноградова.

²¹ И. А. Мельчук (1974/1999: 10) пишет по этому поводу: «Хотя в существовании смысла и, более того, в его воздушной речи при речевом общении никто не сомневается, он не доступен лингвисту в прямом наблюдении» (ср. Шабо 1989: 45). Некоторые известные сведения о процессе порождения речи можно получить (см., например, Норман 1994), но это только отдельные случайные признаки, на основе которых нельзя построить целостную систему внутренней речи или мыслительности человека.

²² Еще с середины XIX века «формы» начальной стадии мысленки в речи обозначаются термином *внутренняя речь*.

²³ В. А. Белоникова и И. Г. Милославский (1988: 7) объясняют идеографический подход следующим образом: «дана определенная „дעה“, следует найти тот языковой знак, который данную „дעה“ выразить». Немного ниже они продолжают: «в качестве „дехи“ должны выступить характеристики объективной действительности, выражаемые грамматическими средствами языка». На странице 10 редакторы книги «Идеографические аспекты русской грамматики» записывают выбор ее названия: понятие «идеографическая грамматика», по их словам, «подчеркивается самая важная характе-

решения любого языкового знака — это асимметрический дуализм». Вообще предположение, что язык служит хорошим введением в описание мира по принципу «от языковых форм»: в нем не только тонко отмечаются многие его особенности, но и законы трудности, непременно подтверждаются при таком подходе.

²⁵ См. обзор разных подходов в терминах в работах (Якобсон 1998; Худяков 1999; ср. также Бондаренко 1996: 5). В работе (Кинга о грамматике 2004: 424) сущность категорий этого рода описывается следующим образом: «В лингвистической области вкладывает понятие ономастологической категории (ср. также „лингвистическая категория“), которое появилось как результат осознания того, что категории, являющиеся средством объективации знаний о реальном мире, в своем языковом выражении не всегда опираются на морфологические парадигмы. [...] С языковой точки зрения это межкультурные категории, так как основой их выделения является взаимосвязь различных уровней языковой системы». Несколько ниже авторы комментируют универсальную сущность данных категорий: «Следовательно, само наличие категорий и их семантическая сущность понятны человеку независимо от его лингвистической и языковой принадлежности». Это утверждение верно только в общих чертах, с оговоркой, что, с одной стороны, отсутствие грамматической категории в родном языке может затруднять осознание ономастологической категории, а с другой стороны, наличие языковой категории может создавать представление о единстве грамматической и ономастологической категории.

С. Е. Якобсон и А. А. Худяков обсуждают в названных работах также принципиальный вопрос о том, вкладывает ли данный уровень, согласно таким авторитетам, как О. Эккерст (1958), Н. Н. Мещанинов (1945), У. Л. Чейф (1973) и С. Д. Кардусьзон (1972), в язык, в действительность или во что-то другое между ними. Мнения ученых расходятся; взгляды иногда и противоположны. Это, безусловно, важный, принципиальный вопрос, но его решение мало связано с тематикой применения идей ФС.

Еще один возможный термин — *речевой замысел* (ср. Федоскин 2001). Если понимать данный термин буквально, он достаточно хорошо отражает подход, примененный в ФС, однако под ним обычно понимается не все, «что говорящий хочет выразить», а лишь то, с какой целью говорящий говорит то, что он говорит.

²⁶ Как легко заметить, данные «миры» имеют много общего с тем, что было представлено К. Поппером (Popper 1972, 1992). Реальный мир — это «world of physical, material objects», внутренний мир — «world of subjective mental states and processes». Что касается нашего третьего «мира», то он не имеет точного соответствия в трихотомии Поппера, у которого третий мир — «world of objective knowledge, theories, arguments». А. А. Левантис, говоря о современной концепции взаимосвязей языка (знака), действительности, сознания и общения, соотносит третий мир Поппера, мир «общего коммуникативно-конвенционального знания», с понятиями «смысфферы» у Ю. М. Лотмана, ноосферы у В. И. Вернадского, миром знаков у М. М. Бах-

тина (Деонтьев 2002). В. В. Красных (2003: 10–11), со своей стороны, ссылается на работы К. Гарднера и О. Розенштока-Хюсселя, различает четыре «франки жизни»: прошлое, будущее, внутреннее, внешнее. Наша трактовка разных типов «миров» представлена более полно в работе (Мустаева 2004a).

Естественно, между равнозначными «мирами» выстраиваются переходные зоны. Особый случай — вечные истины логики и математики типа «Два плюс три — пять». Такие фразы обычно считаются логическими истинами «во всех возможных мирах». С другой стороны, эти логические миры, несмотря на их абсолютность, тоже творения человека.

Э. Дайл (Dahl 1985: 28) представляет пример, в котором у говорящего есть выбор: описать положение дел или в ситуации реального мира (1), или в виртуальному миру оценок и представлений человека (2):

- (1) *Вона існує стал в кілоліт по трети дня.*
- (2) *Вона існує надумані одні из проект внутрішнього розпорядка шкільн.*

Ср. в связи с этим разграничение Т. В. Шмыловой (1999: 134–135) «обытийного» и «логического» пропозиций, а также примеры Е. В. Падучевой (2004b: 188):

- (3) *Моя подруга Мария.*
- (4) *Моя дача спланирована с помощью.*

В целом равнозначности действительности имеет точки прикосновения с концепцией «возможных миров», которая обычно приписывается Готфриду Лейбницу, однако она представлена весьма широко Дунком Скоттом (см., например: Клиатта 1996). Более подробно о возможных мирах с точки зрения лингвистических описаний см., например: (Переворота 1998, 2000; Парменова 2004).

²⁰ Вопрос о роли наблюдателя рассмотрен подробно в работах, посвященных перспективности (восприятию) (см., например, Аграсси 1995: 639–644; Арутюнова 1999: 413–428; Падучева 2000). Мы используем концепт наблюдателя менее последовательно, в основном для того, чтобы конкретизировать разные типы действительности. Вообще особая роль наблюдателя связана с более общим явлением, а именно с антропоцентризмом и эгоцентризмом языка (см., например: Шонкин 2002: гл. 7).

²¹ Языковые выражения, комментирования источника сведений говорящего, рассматриваются чаще всего в рамках термина ЭНЦИКЛЕРИЧНОСТЬ. В некоторых языках подобные средства грамматикализации, в других они выражаются лексически (ср. Стабл, Нильс 1986; Поулики 2000b: 323–325).

²² О рассуждениях по поводу виртуальных миров см. (Розин 2000).

²³ Т. В. Парменова (2003a: 69–70) удачно формулирует значение виртуального мира для человека: «Нельзя, конечно, описывать в категории вымысла, фантазии, грез, предположения. Этот условный, воображаемый мир необходим человеку для того, чтобы принять, объяснить или охарактеризовать реальность, либо чтобы создать в своем воображении другой мир, более совершенный, чем окружающий. Не случайно именно с ним свя-

заны художественный замысел в искусстве, благодаря гипотезы и остроумные предположения научной мысли, полет фантазии, прозорная и сопричастная душа. Речь фантазии, вымысла, выдумки в жизни человека неопределима, ведь именно они являются двигателем прогресса.

²⁴ Как показывает, например, Т. В. Парменкова (2003a: 75), категории гипотетического мира нередко переплетаются между собой, а также с реальным представлением о положении дел.

²⁵ В русском языке виртуальность, истолкованность художественного мира подчеркивается и тем, что слова *искусство* и *искусственный* имеют один и тот же корень.

²⁶ В этой связи можно отметить один парадокс русской лингвистической традиции. Как известно, в работах по лингвистике широко используются как иллюстративный материал примеры из произведений знаменитых писателей. Немного более низкий статус имеют у многих российских исследователей примеры, взятые из речи реальных носителей языка. Допустим даже виртуальность «второго порядка», когда персонаж художественного произведения говорит о нереальном мире, например, о своих мечтаниях или снах. Любопытно с этой точки зрения статья О. Н. Григорьевой (2001), в которой она приводит из произведений Чехова массу примеров, принадлежащих «виртуальному миру второго порядка».

²⁷ Художественная картина мира достаточно подробно рассмотрена в недавно опубликованной книге Л. В. Миллер (2003). Ср. также рассуждения В. В. Крыных (2003: 12, пример. 8) о реальности картины Рене Магритта.

²⁸ Как известно, правдоподобие в художественных произведениях варьируется в зависимости от их направления и жанра. Реалистической подход требует более тесной связи с реальностью, чем романтический. То, в какой мере искусство отражает реальный мир, не всегда бесспорно. Для многих картины, написанные в кубистическом стиле, представляют мир фантастической, нереальной. Однако Д. Кутер (Cooper 1971) видит в кубизме возвращение к реализму. Таким образом, разграничение правдоподобного виртуального мира и искусственного, фантастического псевдомира не всегда возможно (в псевдомире и его «информатике» см.: Черкасов, Бродович 2003).

²⁹ В. В. Крыных (2003: 14) пишет: «[—] в действительность оказывается включены и „демонстрирует“ (работник ЖЖа или ДЭЗа, и „домовой“)».

³⁰ В книге, посвященной предикатам внутреннего состояния, Анна А. Залознак (1992: 13) спрашивает словами Дж. Остина (Austin 1955): «Откуда мы знаем, что другой человек раздражен, сердит, недоволен и т. д.?». Такое понимание складывается из разных источников: 1) нужно какое-то знакомство с данным человеком; 2) нужен определенный собственный опыт, касающийся данного психического состояния; 3) нужны известные нам из прошлого опыта естественные поводы для наступления этого состояния. На наш взгляд, постановку вопроса о том, что внутренний мир другого человека открывается нам *со стороны* лучше, чем наш собственный внутренний мир, следует считать верной. Однако отмеченные критерии узнавания психического состояния у чужого человека кажутся неубедительными. Если мы у-

нали в книге о поведении какого-либо народа в определенных ситуациях, а потом увидев фотографию представителя этого народа, мы можем «распознавать» его психическое состояние, несмотря на то что ни одна из упомянутых предпосылок не действительна.

Лингвисты (в частности, Степанов 1981: 166; Вольф 1988) обсуждают также вопрос о статусе первого и не-первого лица у предикатов внутреннего состояния.

⁴¹ Действительно, по нашим наблюдениям, в списке самых важных вещей в жизни, как правило, одно из первых мест занимает не Любовь, а Дружба. Очевидно, в этой паре понятий Дружба притягивается больше положительных характеристик, а Любовь ассоциируется также с горечью и разочарованиями.

⁴² Некоторые русские исследователи говорят при этом об «отрывке» действительности (см., например: Гак 1975; Сальвинский 1975: 375). А. Тимберлейк же (Timberlake 1985: 49) дает позитивное определение: «A situation is a simply state of the world». Т. В. Парасюкова (2000b: 137) различает три «сферы бытования термина ситуация»: 1) фрагмент реального мира, процессы, события, факты, имеющие место в действительности; 2) воспринятый человеком и отраженный в сознании (мышлении), а затем воплощенный в высказывание при помощи языковых средств реальный или виртуальный мир; 3) обстановка, в которой происходит общение, коммуникация. Для нас Ситуация 1 тоже ситуация, но только с тем дополнением, что она покрывает, кроме реального мира, и виртуальный, и внутренний мир; Ситуация 2 для нас — языковая дел; слово ситуация всегда употребляется нами и в значении Ситуация 3, но при этом всегда добавляется элемент *реальная или коммуникативная*.

⁴³ Термин *полуживое дел* (или *полуживое дело*) (*state of affairs*) используется многими лингвистами. Сильные и слабые стороны этого термина обсуждаются, в частности, Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной (1986: 12–13); М. В. Воскодинова и С. А. Шувакина (1988: 7) применяют для обозначения *полуживого дела* термин *типовая ситуация* (точнее определенное термин см.; Воскодинова 2000b: 121–132). Нередко используются также термин *пропозиция*, заимствованный из логики (ср. Клобуков 2000; Кубрикова 2002: 14). Он встречается, в частности, в ранних версиях ФС (например: Милорајки 1986). Однако мы отказались от данного термина по причине его многозначности (см., например: Адамс 1978: 7). От термина *пропозиция* остался только символ Р, который используется для обозначения положения *дел*, выступающего в роли аргумента семантической структуры. О соотношении терминов *пропозиция* и *дел* см. следующее примечание.

⁴⁴ Смысловые элементы предложений, удаляющиеся на внешний мир, можно назвать объективными, в отличие от субъективных элементов, исходящих от говорящего (ср., например, Белозычкова, Шмылева 1981: 46; Шмылева 1999; Краснова 2002).

Необходимо еще прокомментировать возможность употребления в этой связи другого термина, а именно термина *ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ*

смысла высказывания. У Н. М. Коболовой (2003) находим следующее его определение: «Прогнозационный компонент смысла высказывания заключается в себе информации о некотором положении дел в мире, а интенциональный компонент — о (подлинных или симулируемых) интенциональных состояниях говорящего». На наш взгляд, в этом определении неверно соотносятся прогнозационный и интенциональный компоненты. Как показывают приведенные нами примеры, и положение дел не отражает «мира» или его отрезок как таковой, а является результатом выбора, ограничения и интерпретации, проводимых говорящим в соответствии с его коммуникативными целями.

Тако-один термин находим у С. Шуваловой (2003: 118–123), а именно квалификация ситуации.

⁴⁰ Напомним, что существуют и другие области науки, в которых соотношение языка и действительности играет важную роль. Например, в работах по журналистике необходимо обращать внимание на то, в какой мере события, представленные журналистами, соответствуют их реальному ходу. При этом следует рассматривать как процессы кодировки в голове автора текста, так и процессы декодирования в сознании читателя-реципиента. Журналисты тоже должны каждый день обсуждать и комментировать, в какой мере показания свидетелей соответствуют действительному ходу событий. Вопросы о достоверности показаний и возможных причинах их ложности поставлены тысяч научными исследователями. Авторами этих трудов, как правило, являются психологи или психологически ориентированные юристы.

⁴¹ В рамках теории картины мира много внимания уделено вопросу о различии между научной картиной мира, с одной стороны, и национальной или индивидуальной картинами мира, с другой (см., например: Апресян 1985: 349–352; Каринков 1999: 3–34). В определении «языковой картины мира» у Н. Ю. Шведовой (1999: 15) подчеркивается роль «народа»: «Языковая картина мира — выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковой коммуникации изображение всего существующего как целостного и многогранного мира». Е. В. Рахилина (2000: 23), противопоставляя языковую и энциклопедическую информацию, констатирует: «Научная картина мира обычно очень значительно отличается от языковой — потому энциклопедическая информация не помогает лингвистическому описанию, детализируя и дополняя его, а, наоборот, мешает ему». Вообще понятия «языковое» — «научное» представление о мире связаны со многими другими парами понятий, с помощью которых стараются определять дуалистический характер человеческого поведения: эмпирическое — эксплицитное, интуитивное — аналитическое, экспериментальное — рациональное, ассоциативное — последовательное, подконститутивное — конститутивное и др. (см.: Руусийänen 2004: 128).

⁴² В книге «Роль человеческого фактора в языке» (Серебрянников 1988: 78) удачно описывается роль говорящего по отношению к фрагменту действительности, о котором он хочет что-то сказать: «Полное описание чего-либо оказывается актуальным для науки, но в обыденной жизни, в повседнев-

данной речевой практике она часто выступает как совершенно неистинное». Далее нам дается следующий пример: «Представим, что человек сидит в южной летней день на берегу горного озера и любуется раскрывшимся перед ним очень красивым пейзажем. Он видит перед собой массу предметов, представляемых множеством разных различных цветов, тонок и полутонков. Конечно, описать все это при помощи языка человек не в состоянии. Человеческий язык слишком беден для точного описания. [...] Человеческий язык никогда не будет в состоянии конкурировать с фотопараллелем или человеческим глазом. Впрочем, такая задача полного описания озера при помощи языка перед человеком никогда не возникает. В его речевой практике такая задача ему не нужна, поскольку каждый речевой акт «сугубо избирателен и целиком подчинен определенной цели общению» (ср. также: Шабова 1989: 14). У Б. Ю. Нормана (1994: 135–136) находим другую важную формулировку: «Подобно тому как языковые слова не соотносятся непосредственно с предметом (депонатом), но основываются на отражении предмета в сознании [...], так и содержание предложения не ограничивается референтивной ситуацией, но обязательно включает в себя способ представления, или истолкования данной ситуации посредством языка. [...] Дело в том, что референтивная ситуация безгранична, объективно неисчерпима. Ее познание может продолжаться бесконечно, обнаруживая все новые и новые аспекты и уровни. Речевое же отображение всегда осуществляется выборочно и произвольно, в соответствии с мыслительным опытом данного народа и строгими рамками языковых установок» (разрядка автора).

⁴⁰ Понятие лжи (вранья) — очень сложное и неопределяемое (ср. Гай 1985; Смирнова 1995). Уже в том, что говорящий всегда передает о мире только весьма ограниченные, тщательно отобранные сведения, кроется доля несправедливости, точнее, субъективности и потому неполноты информации; другой человек видел бы его иначе. Вышло того чтобы углубляться в этот сложный философский и этический вопрос, приведу комментарий «микро-философии» Кристофера Фокса (Ross 2001: 10): «We are confused about the subject of lying. We all lie many times a day and yet, when we are to be questioned, I am sure most of us would claim to tell the truth 'most of the time'. A simplistic approach does not lead very far — it is not very helpful to state lying is bad and telling the truth good, when it is easy to imagine situations where the opposite seems to hold». Как пишет Н. Ф. Вардуль (1973: 14–15), при построении речевого высказывания параллельно с ним конструируется его идеальный (субъективный) референт, который может быть адекватным и не адекватным действительности. Рассматривая предикаты внутреннего состояния, Анна А. Залкина (1992: 13) тоже обращает внимание на то, что человек может «вводить нас в заблуждение, подавая свое мнение или же имитируя чувства, которого нет».

⁴¹ Недостоверные высказывания можно рассматривать и как часть виртуального мира. Причем следует в принципе различать — хотя это не всегда возможно — высказывания, которые противоречат нашему нормальному представлению о действительности, и высказывания, которые нарушают

грамматические и сочетаемостные правила языка. К последней категории относятся, в частности, знаменитая фраза Хамского *Siberians grow their ideas deep* (Беспримысленные идеюмы идею древетно своим) (ср. Рахманова 2000: 8).

²⁰ Иногда глагол, обозначающий первоначально только одну фазу действия процесса, употребляется в более широком, обобщенном значении, например, глагол *ислечь* в предложении *Бабушка исслела нуруны парол* обозначает длительный процесс, состоящий из множества фаз.

²¹ Е. Ю. Норвич (1994: 149–154) показывал ста информантам три типизированные картинки, спрашивая, что происходит на картинке. По поводу одной из картинок были даны, например, следующие ответы: «Человек обувается», «Мужчина завязывает шнурки», «Мужчина обувает туфли», «Парень чистит обувь», «Вяжет пальто. Никто развязывает шнурки», «Рассеянный человек зашнуровывает ботинки», «Человек спускается на работу», «Я обувалась», «Сюююа спешит на свидание», «Человек согнулся», «Чистка обуви». Эксперимент показывает, какими разными могут быть толкования людям даже картинка, содержащей только маленькую часть той потенциальной информации, которая характерна для любого отрезка реальной действительности. Если сравнить ответы между собой, то отмечается три основных типа различий:

- по-разному фокусируются интересы информантов (все обращает внимание на человека; в одном ответе отдельно упоминается пальто, висящее на стене; ни в одном из ответов эксплицитно не указывается портфель на тумбочке или сама тумбочка);
- расходятся мнения о том, что человек — единственное на рисунке существо — по сути делает (завязывание / развязывание шнурков, чистка обуви);
- в большинстве ответов доказывается только то, что видно, а в некоторых из них делаются далеко идущие выводы (упоминание о работе и свидании).

Хотя по понятным причинам эксперимент лишь в некоторой мере отражает реальное поведение говорящего человека, он дает нам ценные представления о том, какое внутреннее соотношение имеют между собой — если употреблять термины ФС — ситуация (отрезок действительности) и положение дел.

Результаты эксперимента можно рассматривать и на основе тригономии возможных миров. Некоторые информанты не довольствовались изображенным на картинке, а делали на этой основе свои выводы типа *Человек спускается на работу* или *Ююююа спешит на свидание*. Разницу между этими ответами (относим их к типу В) и более стандартными ответами (например, *Парень чистит обувь*, тип А) можно истолковать так: в случае А, несмотря на то что каждый информант смотрит на ситуацию по-своему, все они описывают то, что видит в реальном мире, только с разных сторон, а в случае В информанты создают на основе увиденного свой виртуальный мир, описания которого и описывают.

²² «Реальность» глубинной структуры рассматривается, в частности, В. В. Богдановым (1977: 50–51). Этим весьма сложным процессом занима-

ются психолингвисты и, согласно Н. А. Мельчуку (1974/1999: 13), пока без особых успехов.

²⁰ Дадим еще более убедительный пример. Согласно Ю. Д. Апресяну (1992: 414), одно из значений глагола *мыслить* следующее: «А мыслит, что Q – “В момент t_0 А знает или представляет, что Q; это знание или представление возникло в результате того, что до t_0 А знал что-то о ситуации, связанной с Q, и думал о чем-то, связанном с Q; знание, что Q, делит возможным знать или представить то, что может произойти после t_0 ». Мы несколько не сомневаемся в правильности данного определения и необходимости его приведения в целях лингвистических исследований, но мы убеждены в том, что говорящий, используя данный глагол, обращается с ним как с одним, единым целым. В связи с этим при составлении ФС нет необходимости выделять разные элементы семантики данного глагола.

²¹ Каузативное толкование глагола *думать* встречается как в исследованиях по теоретической лингвистике, так и в практической грамматике (см., например: Dixon, Radden 1977: 138). В исследовательской литературе широко обсуждается также семантика глагола *убивать*. А. Вежбицкая (Wierzbicka 1990: 159–184) подчеркивает, что данный глагол не означает ‘вызывать смерть’ (см., например: Shibatani 1972).

²² Различия языков и их отношения к действительности обсуждаются, в частности, Дж. Грейном (Greene 1987). Знаком многим разноструктурным языкам А. Е. Кабрик (2003: 42–43) относится скептически к попытке какой-либо теории всех особенностей языков мира: «В каждом языке присутствуют все те универсальные свойства, которые этот язык разделяет с другими человеческими языками, и это довольно нелегко, казалось бы, установить: все необходимое и достаточное с точки зрения универсальности в нашей лингвистической базе таинственно есть. [...] Мир языков пока еще нескверчаемо и непредсказуемо разнообразен, демонстрируя, что никакая теоретическая фантазия не в состоянии состязаться с возможностями языковой реальности. Это означает, что простой перечень обобщений, полученных на материале ограниченной случайной выборки языков и, тем более, одного языка, на другие языки научно неправомерен».

²³ Разные синтаксические, морфологические и лексические средства выражения определенности/неопределенности в русском языке описаны сравнительно полно (см., например: Гладков 1992; Гладков 1998: 48–63).

²⁴ Вопрос о соотношения языка, мышления и действительности является весьма популярной темой в современной лингвистике. Чаще всего он рассматривается в рамках концепта «(языко)языковой картины мира».

²⁵ Упрощенный естественный язык как метаязык при описании семантики слов и предложений используется, в частности, Ю. Д. Апресяном и А. Вежбицкой. Ю. Д. Апресян стремится к созданию такого метаязыка, в котором нет логических крутов: значения слов описываются при помощи слов, более общих по своей семантике. Так, например, значение слова *определенный* описывается Ю. Д. Апресяном (1974: 108) следующим образом:

А движется от *B* = *А и В перемещаются в одном направлении, и расстояние между А и В увеличивается, и А находится между В*.

А. Вежайская (Wierzbicka 1980: 1–33) обсуждает мечту философов и лингвистов создать код, при помощи которого можно было бы представить универсальный ментальный язык. Она сама использует метаязык, который первоначально состоит из 13–15 «элементарных» (см., например: Wierzbicka 1980: 28, 1988: 10). Цели Вежайской реализуются в рамках теории естественного семантического метаязыка (Natural Semantic Metalanguage, NMT); см. соответствующий сайт в Интернете (<http://www.uns.edu.au/auto/LCL/disciplines/linguistics/teospage1.htm#model>). Согласно данным этого сайта, NMT состоит к началу 2004 года из следующих «примитивов»:

Substantives:	I, YOU, SOMEONE, PEOPLE, SOMETHING/THING, BODY
Determiners:	THIS, THE SAME, OTHER
Quantifiers:	ONE, TWO, SOME, ALL, MANY/MUCH
Evaluators:	GOOD, BAD
Descriptors:	BIG, SMALL, (LONG)
Intensifier:	VERY
Mental predicates:	THINK, KNOW, WANT, FEEL, SEE, HEAR
Speech:	SAY, WORD, TRUE
Actions, events and movement:	DO, HAPPEN, MOVE
Existence and possession:	THERE IS, HAVE
Life and death:	LIVE, DIE
Time:	WHEN/TIME, NOW, BEFORE, AFTER, A LONG TIME, A SHORT TIME, FOR SOME TIME, MOMENT
Space:	WHERE/PLACE, HERE, ABOVE, BELOW; FAR, NEAR; SIDE, INSIDE; TOUCHING
"Logical" concepts:	NOT, MAYBE, CAN, BECAUSE, IF
Argument:	MORE
Taxonomy, partonomy:	KIND OF, PART OF
Similarity:	LIKE

Ю. Д. Апресян (Апресян 1992: 4) несколько скептически относится к семантическим примитивам А. Вежайской и критикует их «почти примитивность». Свою точку зрения он аргументирует следующим образом: «My suggestion that they should be called *near primitives* is based on the observation that they are *not* the simplest semantic constituents imaginable and are really not cross-cultural». (Ср. также комментарии по поводу примитивов в работе: Касеня, Куцакова 1999.)

Создание универсального семантического метаязыка напоминает идею составления стилистики по принципу «от значения к форме»: в обоих случаях необходимо определять некие элементарные единицы, служащие основой для описания языка (в данном случае это семантические примитивы, а

другом — семантические структуры и категории). Однако в NTM стремятся в основном левосторонней единиц языка, в то время как в ФС, как и в других верстах функциональных грамматик, оперируют на уровне падежной дел и предложений. Несмотря на это, в некоторых частях ФС можно использовать в результаты работы группы NTM. При этом отметим еще одно различие: поскольку ФС направлен также и на практические приложения, мы ищем сложной формализации, а основываемся больше на интуитивном представлении живого человека.

³⁹ Если вопросы, связанные с определенностью / неопределенностью актантов, специально не рассматриваются, то не имеет значения, употребляются ли для передачи смысла предложения в английской версии определенные или неопределенные артикли (и, соответственно, стоит ли объекты в французских глубинных предложениях в форме партиципа или акузатива). Временные формы глубинных глаголов при этом также не имеют значения.

⁴⁰ Метаграммы соответствуют в известном смысле структурным словам на уровне предложения. Однако полной эквивалентности нет, например, важные для модели ФС метакатегории не считаются структурными словами, по крайней мере, по данным словарей (см., например: Богданов, Рыкова 1997; Объяснительный словарь 2002).

⁴¹ Понятие «ориентация» в нашем понимании близко к понятиям эмпирию (см., например: Лейковет, Ойман 1983: 179–181). Ориентация определяет не только субъективный аспект предложения, но иногда и объект (1) (ср., например: Падучева 1998: 97):

- (1) *Виктор вымыл пивные на хлеб.*
Виктор вымыл хлеб пивными.

⁴² Понятие ТММ расширяется здесь только как часть выбора персистентности. При этом мы специально не останавливаемся на роли словоупотребления и различных просодических факторов в выражении темы и ремы. Чтение предложения на тему и рему изучалось в русском языке в особенности П. Адрианом (1966) и Н. Н. Ковтуновой (1976); систематически данный вопрос рассматривается также в академической «Русской грамматике» (Шведова 1980, II: 190–214). Вообще с отношением темы к «старой и / или известной» информации связано множество специфических проблем, на которых мы здесь не имеем возможности останавливаться (например, поправки обидчивому мнению, представляется, что тема связана скорее с развитием новой информации, чем с тем, о чем говорилось раньше).

⁴³ Понятие стилистики и терминология, связанная с его различными типами, варьируется. Так, например, В. В. Мартынов (1982) говорит при этом о кодексаде, которая может быть как синтаксической (*Дима написал письмо Игорю — Дима написал письмо и намеревался послать его Игорю*), так и словообразовательной (*мечтала — ухаживал ухаживало заведомо, работорговало в вечернее время*; ср. Адамс 1978: 14). Н. Д. Арутюнова же относит к стилистическим выражениям, например, предложения типа *Виктор*

мор обещал сыну часы = *Валер обещал сыну / дать сыну часы* (Арутюнова 1976: 128).

⁶² Если при трансформации предложения одна часть речи заменяется другой, нередко говорят о трансформации (см., например: Богданов 1977: 158–168). В ФС данное явление трактуется иначе: одна и та же семантическая структура имеет различные репрезентации.

⁶³ Первыми основоположными работами, в которых рассматривалось явление инкорпорации, были, в частности, (Slobin 1970: 5–27) и (Nilsen, Nilsen 1973: 103–132). Сейчас этой теме посвящены десятки работ. Никогда не используется также термин ГЛАГОЛЫ С ВКЛЮЧЕННОЙ АСТАТНОЙ РАМКОЙ (см., например, Плотникова 1997).

⁶⁴ «Семантически пустым глаголом» данного типа даются различные наименования, например, функциональные глаголы (Dixon, Radford 1977: 5) и коменсаторы (Золотова 1982: 158). В. Н. Балузов же (1989) называет их глаголами с неполной знаменательностью. М. В. Воеводова (2006: 39–47) уточняет состав аналитических структур, вводя понятия ЭКСПЛИКАТОР и КЛАССИФИКАТОР. Экспликаторы называют отношения (1), а классификаторы называют класс, к которому относится явление (2):

(1) *Домик интересуются книгой.* → *У домик привлекается интерес к книге.*

Старик нахмурился. → *Старик нарушается в см.*

Задача трудная для переводчика. → *Задача представляется трудной для переводчика.*

Фонд помогает инвалидам. → *Фонд оказывает помощь инвалидам.*

(2) *книга* → *к количественно книге*

исучать, исучение → *процесс исучения*

высокий → *высоты роста*

веселый → *по направлению веселый*

Такую же функцию иногда имеет и глагол *есть*. Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Шарая (1983: 9) отмечают, однако, что предложения *В этой теории есть противоречия* и *Эта теория противоречива* не синонимичны: «В первом случае речь идет о частичной впоследствии теории, во втором — о том, что теория противоречива от начала до конца».

⁶⁵ Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Шарая (1983: 9) приводит аналогичные примеры, в которых участник ситуации идентифицируется с предложением с этим участником в релятивной позиции: *Принимает Петра, Сидел это мой брат* (ар. также: Арутюнова 1988: 133).

⁶⁶ В. Г. Газ (1998: 127) называет дополняюще аналитические выражения «словами-агентами», «поскольку они семантически обозначают не аргумент предиката, но сам предикат».

⁶⁷ Ю. С. Маросьяков (1998: 51) определяет знаменительный из данных термин ВАЛЕНТНОСТЬ как способность «присоединения одними элементами других в определенном соотношении».

¹⁰ Рассуждения по поводу обязательности / факультативности акцентов / аргументов см., например: (Pavlovová 1994; Маркова, Панасова 2004).

¹¹ Здесь уместно сослаться на историческое мнение А. А. Худикова (1999), который, рассматривая предложения *Два человека, пишет*: «Следует со всей определенностью подчеркнуть, что знаковая (а значит, и семантическая) невыраженность понятийной категории веков не свидетельствует о том, что ее существование в сознании менее реально, чем в том случае, когда она находит свое выражение в языковом знаке».

¹² Ср. Гак 1992: 74–75; Кубрякова 1995: 85.

¹³ Существует целый ряд тестов, предназначенных для определения валентности. Особенно активно они разработаны исследователями немецкой школы валентной теории и московской семантической школы. Они касаются как синтаксической, так и семантической (логической) валентности. Их применение к ФС затрудняется тем, что они направлены на изучение глаголов того или иного класса, а в ФС валентность следует рассматривать как свойство предикатов на семантическом уровне. Одни из возможностей видеть в пропуске тех или иных «глубинных» элементов в повествовательных структурах проявление синтаксических «слупей» (см., например: Мельчук 1974).

2. Этапы и принципы составления функционального синтаксиса

При составлении ФС можно различить три основных этапа¹:

- первый — установить семантические категории, которые составят основу описания;
- второй — описать те языковые структуры, которые могут быть употреблены в языке x (или в языках x и y) при выражении установленных семантических категорий;
- третий — определить возможные ограничения в употреблении этих языковых структур.

Рассмотрим последовательно каждый из них.

2.1. Определение семантических структур

Поскольку сама идея составления ФС основана на принципе «от семантических структур к языковым средствам», определение семантических структур представляет собой вопрос номер один. С этой точки зрения слабым пунктом всей теории можно считать тот очевидный факт, что в распоряжении исследователя нет для этого строгой методики². Лингвист, который хочет — несмотря на всеобщие сложности — применить данный принцип, обязан мириться с тем, что никогда не найдет окончательного и во всех убедительного способа определить основополагающие семантические категории³.

Говоря об относительности понятий ФС, стоит напомнить, что мы сталкиваемся с аналогичной ситуацией во всех лингвистических исследованиях. В сущности, в традиционная грамматика не может гордиться однозначностью всех деталей описания языка. В рамках подхода «от формы к значению» среди лингвистов нет дружного единства в определении или даже признании некоторых категорий. Достаточно назвать такие понятия, как «категория состояния» или «детерминант». Это и не удивительно, поскольку в самом объекте лингвистических исследований, в языке, одновременно действуют разные принципы и факторы⁴. Однако трудности в определении основных терминов не мешают создавать на основе существующих

концепций стройные и доступные для читателя описания русского языка по принципу «от языковых категорий к их функциям»¹. Наша задача — постараться сделать то же самое, придерживаясь принципа «от семантических структур к языковым средствам».

Таким образом, тот факт, что определение семантических категорий в рамках ФС имеет более или менее интуитивный характер и приводит к решениям, которые не во всем и не всех удовлетворяют, не является исключительным свойством только этой концепции². Однако отсюда не следует, что о данной проблеме можно забыть. Наоборот, необходимо воспользоваться всеми возможными способами, чтобы сделать процесс определения семантических категорий как можно более систематическим, убедительным и наглядным.

Рассмотрим сначала некоторые приемы, которые могут быть использованы при определении семантических категорий. Потом будут представлены конкретные примеры их классификации с учетом принципа системности классификационных критериев.

Приемы, используемые при определении семантических категорий

Представим некоторые приемы, облегчающие установление семантических категорий, а именно: использование информации, прием уточняющего вопроса, прием так называемых отрицательных примеров, прием возможного контекста, разделение категории на подкатегории и рассмотрение поверхностных структур в разных языках.

Использование информации. Определение семантических категорий в рамках логики осуществляется с соблюдением строгих научных процедур. К тому же можно было бы использовать представления других наук о категоризации действительности, например, при определении таких понятий, как «физиологическое состояние» и «действие», можно было бы опираться на концепции медицины и физики. Однако, поскольку язык отражает не научное, а живое представление о мире, представляется целесообразным, даже неправильным основывать семантические категории ФС на строго научных критериях. Вместо них необходимо прибегнуть к представлениям человека о разных явлениях действительности. В этих целях мы провели ряд экспериментов среди финских и эстонских студентов-русистов. Информантам были даны списки предложений, которые им следовало разделить на группы в зависимости от того, какие положения дел эти предложения репрезентируют. Результаты показали, что у людей нет единого представления о границах разных се-

лингвистических категорий. Несмотря на сравнительно большой разброс в ответах, мы могли при определении семантических категорий в некоторых случаях воспользоваться результатами экспериментов. Тем самым, мы убедились, что определение семантических категорий вряд ли можно целиком провести на основе этой методики. Представляется, что и демократия в виде обширных опросов среди носителей языка не может спасти исследователя от окончательного собственного решения относительно границ отдельных семантических категорий.

Применяемое уточняющее вопросы. Основные типы ядерных семантических структур можно выделить с помощью простых вопросов. Так, предложения (1), отвечающие на вопрос *Что X делает?*, можно отнести к категории действий, предложения (2) представляют характеристику (вопрос *Какой X?*), а предложения (3) — локативное состояние (*Где X?*) (см. подробнее главу 4.1).

- (1) *Нина читает книгу / бежит / смотрит телевизор / уминается.*
- (2) *Нина красивая / Виктор умный / Игорь высокого роста.*
- (3) *Нина на работе / Виктор дома / Игорь лежит на пляже.*

При использовании приема уточняющего вопроса встречаются случаи, когда одна и та же фраза может служить ответом на два вопроса. В свете асимметрии языкового знака это ожидаемо и закономерно. Достаточно одного примера. Предложение (4) отвечает, например, на вопрос *Что делают Нина и Виктор?* (вопрос по телефону), а предложение (5) скорее на вопрос *В каком состоянии бабушка?* Таким образом, одни и те же языковые средства могут служить, в зависимости от речевой ситуации, примерами представления разных семантических категорий.

- (4) *Она смотрит старинную передачу по телевизору, а она спит.*
- (5) *Бабушка уже не в коме, а спит.*

Использование отрицательных примеров. При определении правильности или допустимости языковых выражений часто используются так называемые отрицательные примеры, позволяющие уточнить границы нормы. Такой же прием можно применить при определении границ семантических категорий. Если мы хотим показать охват семантической категории Физиологическое состояние (6), отрицательными примерами служат предложения, обозначающие «соседние» семантические категории, а именно Эмоциональное состояние (7) или Физическое (внешнее) состояние (8).

- (6) *Мне холодно / Нана в обмороке / Петя болеет / У Оли грипп.*
 (7) *Мне радостно / Нана в восторге / Петя сердит / У Оли хорошее настроение.*
 (8) *Голова / букала / права мокрая. // Маша / мои руки / одежда / дорога в гости.*

Конкретные примеры показывают и отсутствие четких границ между семантическими категориями. Предложения (9) демонстрируют случаи, когда Физиологические и Эмоциональные состояния вызывают одинаковые реакции, а в предложениях (10) Физическое состояние имеет прямую связь с Физиологическим состоянием. Такие промежуточные случаи чаще всего целесообразно толковать не по принципу «или — или», а по принципу «и — и»: в зависимости от контекста оба толкования возможны.

- (9) *Нана дрожит от холода / от испуга. // Болитой / докладчик весь в поту.*
 (10) *У него черные глаза / слезы на щеках. // У него сухо во рту // Ты горлово выжидать.*

Тестирование с помощью компьютерного комплекса. Еще одна возможность, отличающая деление положений дел на разные категории, — это использование тестового контекста. Рассмотрим пример такого рода. Неактуальные положения (см. 7.2) не связаны с определенным моментом на временной оси. В связи с этим обстоятельство времени может использоваться только в том случае, если с ним связана тот или иной контрастный временной план, но не в таких, например, предложениях, где определенная временная локализованность выражается при помощи сложноподчиненного предложения. В этом можно убедиться, если сравнить (11) с положениями дел, указывающими на актуальный процесс (12) или актуальное состояние (13)⁷:

- Когда Виктор вчера пришел домой, Нана*
 (11) **умела говорить по-американски / поть.*
 **интересовалась математикой / любила мороженое.*
 **была русской / директором школы.*
 **была молодой / сильной / толстой / высокого роста.*
 (12) *смотрела телевизор / убавляла газы / раскладывала карты.*
 (13) *была пьяной / была холодной / была на кухне.*

Разделение *категории* на *подкатегории*. Ближе к сути семантической категории можно подойти, разбивая ее на подкатегории. В це-

дом эта процедура не освобождает исследователя от трудных решений, но она конкретизирует сущность семантической категории. Примером опять может послужить категория Физиологическое состояние. Внутри него можно выделить по крайней мере следующие подкатегории: состояния, связанные с температурой (шкала «холодно — тепло») (14); состояния, связанные с потребностями человека (15); состояния, характеризующие положение человека в целом (16); болезни (17); состояния, касающиеся только какой-либо части тела (18):

- (14) *Мне жарко / холодно.*
 (15) *Я голоден. / Мне хочется пить.*
 (16) *Он спит / в коме / в бреду / в сознании / мертвый. // У него похмелье.*
 (17) *У него болит / рак. // Он болен ангией.*
 (18) *У меня болит голова / зуб. // У меня колот в спине. // Мне больно здесь.*

Используемые поверхностных структур разных языков. Хотя основным пунктом описания являются семантические категории, не рационально закрывать глаза на то, какие грамматические категории, синтаксические конструкции и другие средства существуют в разных языках. Было бы странно предполагать, что они каким-то образом не отражают и семантические категории⁹. Изучение разных языков — важнейший прием при определении семантической категории, но мы специально упоминаем его последним, поскольку опыт показывает, что исследователю трудно быть свободным от плена своего родного языка. Потому мы нередко путаем эти уровни: употребляем терминологию семантического уровня, но фактически имеем в виду формальные языковые категории.

Как уже говорилось, даже использование разных приемов не обеспечивает однозначности границ между семантическими категориями. Их сравнительная неопределенность была бы непреодолимой проблемой, если бы нашей целью было строго логическое описание языка⁹. По опыту составления традиционных грамматик мы знаем, что убедительное и доступное описание языковых явлений возможно и без абсолютной однозначности употребляемых терминов. Здесь помогает то, что в большинстве случаев люди — как родные носители языка, так и лингвисты — распределяют предложения дел по разным семантическим категориям одинаково. Спорные или промежуточные случаи составляет только незначительное меньшинство. Вообще научный текст следует рассматривать как часть коммуникации между исследователем и читателями его работы. Таким образом,

существенно то, в какой степени и в каком объеме мысль автора воспринимается теми людьми, которым она адресована.

К вопросу о системном характере классификации

Само собой разумеется, что семантические категории должны представлять некоторую систему взаимосвязанных и согласованных друг с другом компонентов. Из этого следует, что изменение определения одной семантической категории непременно приводит к изменениям в каком-то другом месте трактовки. Системный характер — желанное свойство любой классификации¹⁰, однако на практике нередко одновременно существуют принципы, ведущие к разрушению строгости классификации. В связи с этим необходимо идти на компромиссы, отдавая предпочтение тому или иному классификационному принципу.

Продemonстрируем сказанное трактовками, которые были приняты в описании двух весьма сложных понятийно-языковых категорий, а именно модальности и каузации. В обоих случаях мы отказались от рассмотрения данных категорий только в одной части концепции — решении, которое можно было бы обосновать семантической близостью. Вместо этого обе категории разведены по разным разделам ФС в зависимости от тех элементов семантической структуры, с которыми они связаны. Продemonстрируем принятое решение конкретными примерами.

Начнем с МОДАЛЬНОСТИ, одного из самых неопределенных понятий лингвистики¹¹. Согласно самому широкому толкованию, оно покрывает как МОДУС все то, что остается вне ДИКТУМА, соответствующего в ФС понятию «положение дела»¹². Иногда в этой связи говорят о субъективных и объективных элементах высказывания, что не вполне правильно, поскольку положения дел тоже, по сути, результаты субъективных толкований ситуации. Необходимо также отметить, что многие элементы, относимые неследовательно к сфере модуса (например, Время и Объективная модальность), отражают не взгляды говорящего на положение дел, а являются непосредственно его частью¹³.

Рассмотрение выражения модальных значений затрудняется тем, что в них сильно выражено тяготение знаков человеческого языка к многофункциональности. В этом можно убедиться на примере словарной статьи русского глагола *мочь*¹⁴. Многофункциональность легко ведет к неоднозначности отдельных высказываний, например, фразы *Ты не можешь себе представить, как он изменился имеет*

значения «Ты не можешь мысленно создать сто измененный образ» и «Он изменился так сильно, что представить себе такие значительные изменения невозможно»¹⁷.

Итак, в силу расплывчатости понятий «модальность» и «модус», их конкретные проявления не могут быть помещены в одном только месте концепции ФС, и поэтому они размещены по разным рядам. Разные Речевые функции рассматриваются как один из типов модификаторов. Предложение (19) демонстрирует выражение вопроса (метатегла «СПРАШИВАТЬ»). С тематической точки зрения несколько иную реализацию получают авторизирующие элементы, например, в семантической структуре предложений (20) и (21) присутствуют металексемы «ХОРОШО» и «ВЫСОКАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ». Таким же образом фиксируются выражения алетической (22) и деонтической (23) модальности, а также отрицания (24). При них тоже не предполагается наличие метатегла, хотя это в принципе было бы возможно (например, в последнем случае — «ОТРИЦАТЬ»); вместо этого в семантических структурах предложений (22) и (23) отмечаются металексемы «НЕОБХОДИМО» и «РАЗРЕШЕНО», а Отрицание описывается при помощи спецификатора NEG. Принятое решение является результатом учета разного рода классификационных принципов. Вполне возможно, что, если изменить их удельный вес, разные формы модальности получили бы в описании семантических структур иные толкование.

- (19) *Где здесь библиотека?*
 (20) *Хорошо, что война закончилась.*
 (21) *Наверно, будет дождь.*
 (22) *Мне необходимо принять лекарство.*
 (23) *Здесь можно ходить по лугам.*
 (24) *Я не участвовал в дискуссии.*

Как известно, КАУЗАЦИЯ / КАУЗАТИВНОСТЬ тоже относится к самым сложным понятийно-языковым категориям¹⁸. Важную роль в ее выражении играют — по крайней мере в ряде языков — морфологические категории. Однако при определении семантических категорий и их разрядов этот факт не является решающим. Существуют самые различные виды каузативных (и, шире, причинно-следственных) связей. В пановой картине мира рядового носителя языка они получают разные интерпретации. В одних случаях каузативность предиката особо не выделяется, а отождествляется с «нормальными» предикатами, в других же она придает предикату особую многослойную семантику. К тому же есть случаи, когда естественно пред-

полагать наличие двух предикатов (положений дел). В связи с этим каузативные / причинно-следственные связи получают в ФС четыре разные интерпретации. В семантической структуре предложения (25), как уже было сказано в разделе 1.4, мы не предполагаем наличие каузативного элемента, а предикат равняется «простым» предикатам типа (26).

(25) *Nina dala Viktoru smygu.*

(26) *Nina vela pesku.*

Случаи, когда в ФС каузация отмечается, разделяются на три типа, которые отражают принципиально разные семантические структуры и, соответственно, описываются в разных главах ФС. В тех случаях, когда действие намеренное и Агента направляет его прямо на Объект, в семантической структуре отмечается так называемое погружение (27, см. подробнее 4.1). Если же каузитор может быть выражен (или предположен) в виде отдельного положения дел, мы можем дело с Каузацией, одним из факультативных модификаторов. В этих случаях может находиться Агента, действие которого не направлено прямо на Объект (28а), но это не обязательно (ср. 28б). Для описания третьего типа употребляется метаслово «ТАК КАК» (29), то есть предполагается наличие сложного положения дел. Предложения (28а и б) соответствуют общему смыслу « P_1 », в следствие этого P_{1a} , а предложения (29) — « P_2 », потому что P_{1a} »¹⁷. Как легко можно догадаться, границы между разными случаями каузативности нечетки.

(27) *Viktor utrovnyat svoje nazvno. (sdelal tak, chto x stal korolem)*

Viktor vylet morm. (sdelal tak, chto x stal sushchestvom)

Viktor kruzyl b'ol'shoy kamey vno po sklonu. (sdelal tak, chto x stal katzitsya po sklonu)

(28а) *Nina rasserdila Viktora / Povedenie Niny rasserdilo Viktora. (Nina sdelala chto-to, i v sledствие этого Viktor rasserdilsya)*

(28б) *Silyyiy dozhdь vyzval polezanie khleba. (byl silnyiy dozhdь, i v sledствие этого khleba poyavilsya)*

Privodimsya Gorbuchevym polnyimya reformy pravitsy i tomu, chto konservativnyye sily rezhim konserviruyut gosudarstvennyiy peremot.

Nedelyonkovskaya politika ministertva finansov imelsya neobratimyy uyerb deystvitel'nosti univertsiteta.

(29) *Khleba poyavilsya v sledствие silnyiyho dozhdya.*

*Консервативные силы решили совершить государственный переворот, так как они больше не могли терпеть политику реформ, проводимую Горбачевым.
Деятельности университета будет нанесен необратимый ущерб, так как министерство финансов ведет непоколебимую политику.*

С разными типами каузации мы сталкиваемся также при рассмотрении вопроса о том, является ли действие преднамеренным (специальным) (30a, 31a) или невольным (случайным) (30b, 31b). Совокупление примеров (30b) и (31b) показывает, что каузативная связь между тем, что делает каузатор, и тем, какие последствия это имеет, может быть различной. Мы вернемся к этим случаям при рассмотрении типов Субъектов (раздел 4.1).

(30a) *Выключатель (специально) уронил цветы в реку.*

(30b) *Выключатель (случайно) уронил цветы в реку.*

(31a) *Выключатель убавил лампы.*

(31b) *Тяжелый рисунок раскатил лампы.*

Чтобы показать сложность классификационных задач, рассмотрим еще один пример, касающийся самой существенной части ФС — классификации предикатов и ядерных семантических структур. Пытаясь найти для них критерии разграничения и описания при этом десятка альтернатив, мы убедились, что использование только одного критерия не дает удовлетворительного решения вопроса, а наоборот, ведет к созданию искусственных классов предикатов и ядерных семантических категорий¹¹. В связи с этим в том варианте ФС, который будет представлен во второй части книги, мы соблюдаем следующий принцип определения необходимых понятий: сначала приводится типологизация предикатов, а затем, при классификации ядерных семантических структур, наряду с типом предиката используются также другие критерии, позволяющие поместить под одной рубрикой языковые средства, близкие друг другу с точки зрения языковых потребностей говорящего.

Благодаря этим критериям описание ядерных семантических структур в один раздел входит также с коммуникативной точки зрения близкие случаи, как обладание (32), процессы приобретения и получения (33–34), воровство (35) и потеря (36). Различие данных семантических структур обозначается формулой, показывающей их актантный состав и разряд предиката.

(32) *У Игоря новый булавочник.*

- (33) *Игорь купил новый булавочник.*
 (34) *Игорь получил от Ивы булавочник.*
 (35) *У Игоря украли булавочник.*
 (36) *Игорь потерял свой булавочник.*

К тому же созданная классификация предикатов тоже основывается не на одном только критерии, а на сочетании ряда подклассов. При разбиении базовых («интерантных») разрядов мы прибегали к тесту в виде вопроса, с одной стороны, и к разбиению на семантические классы — с другой. Кроме того, как дополнительный (вторичный) элемент учитывается изменчивость положения дел.

Отмеченные случаи будут рассмотрены более подробно во второй части книги. Здесь они послужили только примерами решений, принятых при определении семантических категорий.

На основе приведенных примеров становится очевидным: нет универсального, единственно правильного метода разбиения «семантики» на отдельные семантические категории, а любая классификация является в той или иной мере условной. Она является частью той коммуникации, которая ведется между исследователем и читателем его труда. Наиболее убедительная классификация служит одним из признаков, с помощью которых первый пытается описать реальность (в нашем случае — язык по принципу «от значения к форме») в доступном второму виде.

Переходные зоны при определении семантических категорий

В разделе 1.4 шла речь о степени универсальности семантических категорий. При этом приводились примеры семантических категорий, не имеющих прямых эквивалентов в грамматическом строе русского языка. Например, выражение категории определенности / неопределенности не грамматикализовано в русском языке. В связи с тем возникает более общий вопрос о том, насколько легко выделяются отдельные семантические категории.

Как уже было сказано, в определении всех семантических категорий мы сталкивались с переходными случаями, которые с трудом подлежат однозначной классификации. Однако степень сложности этого процесса варьируется. Чтобы дать некоторое представление о данной процедуре, приведем конкретные примеры.

При рассмотрении предикатов ядерных семантических структур мы должны определить такие категории, как Эмоциональное отноше-

ние, Физическое действие, Физиологическое состояние, Социальное отношение и т. п. Эти группы предикатов, как правило, не имеют эквивалентных языковых категорий. Правда, существуют специализированные структурные слемы, используемые при выражении тех или иных предикатов, но в силу своей многофункциональности они скорее затрудняют определение элементов семантического уровня, чем облегчают его. Таким образом, язык мало чем может помочь; в связи с этим нередко необходимо прибегать к «чистой» семантике.

Рассмотрим более подробно трудности, проявляющиеся при определении двух категорий предикатов. Одна из категорий — Физиологическое состояние — входит в число менее сложных, другая — Социальное отношение — в число более сложных¹⁹.

Определяя категорию Физиологического состояния, мы сталкиваемся с рядом промежуточных случаев: как уже было сказано, предложения *Он спит* могут появляться в контексте вместе с действительными или состоятельными предложениями *У него депрессия*, *Он в дурном состоянии*. Ему лучше могут выражать как Эмоциональное, так и Физиологическое состояние; *Он брешет* можно толковать или как процесс, вызванный физиологическим или эмоциональным состоянием, или как выражение самого состояния. Обозначения в речи действительных болезней типа *У него рак / склероз* имеют черты и Физиологического состояния, и Характеристики. Несмотря на такие сложности для интерпретации случая, Физиологическое состояние как семантико-понятийная категория кажется сравнительно четкой. Трудные случаи обычно решаются при помощи «и-но-принципа».

С Социальным отношением и Социальным действием дело обстоит иначе. Они имеют точное совпадение с несколькими другими категориальными предикатами: с Эмоциональным отношением (*Нонни предвзвешивается Араном* *слу*), Физическим действием (*Они спорят между собой*), с Передачей информации как одним из видов интеллектуальной деятельности (*Госини любил благодарить толков*). Оказывается, что число зон переходности здесь не больше, чем у Физиологического состояния. Очевидно, ощущение сложности категорий Социальное отношение и Социальное действие связано с другим обстоятельством, а именно с тем, что ядро этих категорий менее ясно, чем у многих других категорий. В связи с этим мы старались на одной стадии работы избавиться от категорий Социальное отношение и Социальное действие, объединив их с другими категориями, но и это привело к неудовлетворительным результатам. Кажется, неизбежен вывод, что одни категории выглядят более «удачными», убедительными, чем другие.

Возьмем еще один пример из области спецификаторов. По нашим наблюдениям, решающую роль в их определении играет осознанность семантической категории. То, что в языке существует грамматическая категория, соответствующая какой-либо семантической категории, не всегда делает осознание более легким. Наоборот, наличие грамматической категории может скрывать исследователя при определении семантической категории.

Рассмотрим сначала семантическую категорию Темпоральности. Нельзя сказать, что это однозначная семантическая категория, которая не создает проблемы для изучающего ее лингвиста. Однако основные ее проявления в виде трех понятий — Прошедшее, Настоящее, Будущее — сравнительно четко вырисовываются даже в сознании носителя языка. В связи с этим случаи, в которых отмечается расхождение между Темпоральностью (семантическая категория) и временем (грамматическая категория), легко узнаваемы. Для этих случаев есть и специальный термин ТРАНСПОЗИЦИЯ²⁰.

	СЕМАНТИКА темпоральность	ФОРМА время (tense)
(37) <i>Задача у нас выстроивает с докладом Уайберто Эво.</i>	будущее	настоящее
(38) <i>Еще один важный шаг — в мы выстроив.</i>	будущее	прошедшее
(39) <i>В 1858 г. Ф. И. Бушман выстроив первую историческую грамматику русского языка.</i>	прошедшее	настоящее
(40) <i>У нас выстроив не выстроив?</i>	настоящее	будущее

Таким образом, Темпоральность — достаточно легко представляемая семантическая категория. Намного сложнее обстоит дело с категорией Аспектуальности. Несмотря на то, что различия между Аспектуальностью как семантической категорией и видом как грамматической категорией уже давно отмечены лингвистами²¹, термины и понятия все еще часто путают. Показательно и то, что термин *транспозиция* в аспектологических исследованиях не используется. Если мы условно обозначим терминальное и результиативное аспектуальные значения как «совершенный аспект», а процессуальное значение — как «несовершенный аспект», получим, в частности, следующий случай несоответствия семантики и формы. Это объективное значение (41), узнаваемое действие (42), презентативное действие (43), делимитативное значение (44), наглядно-примерное значение (45)²².

	СЕМАНТИКА АСПЕКТ	ФОРМА ВИД
(41) <i>Мила уже читала последние главы Писемки.</i>	«сов. аспект»	несов. вид
(42) <i>Таня читала и читала / прочитывала за один день.</i>	«сов. аспект»	несов. вид
(43) <i>Он три раза приходил вовремя.</i>	«сов. аспект»	несов. вид
(44) <i>После обеда мы погуляли по парку.</i>	«несов. аспект»	сов. вид
(45) <i>Только астры взошли предлинным над молдой.</i>	«несов. аспект»	сов. вид

Как видим, асимметрия значения (семантики) и формы намечается также и при рассмотрении категории Аспектуальности, и это вполне понятно. Отсюда следует, что видовыми формами выражаются не только аспектуальные значения, а Аспектуальность выражается не только видами глагола. Хороший пример в этом смысле представляет финский язык, в котором некоторые аспектуальные значения обозначаются падежом дополнения²¹.

Посмотрим еще, к каким последствиям ведет систематическое различие Аспектуальности как семантической категории и вида как грамматической категории²². Дело в том, что аспектуальные связи между разными языковыми средствами оказываются шире, чем традиционно представляется в исследованиях о видах славянских глаголов. Так называемые контрастные видовые пары типа *убеждать* — *убедить*, *решать* — *решить* основываются на оппозиции «пытаться сделать *x*» — «удаться сделать *x* или сделать *x*»²³. Если мы считаем эти видовые значения аспектуальными, мы можем искать и других языковых средств для выражения данной «аспектуальной пары». Получается, что в русском языке есть и аналитические (например *пытаемся убеждать* — *убеждаем*), и синтетические «аспектуальные» пары (*участвовать в турнире* — *выиграть турнир*)²⁴.

2.2. Соотношение семантической и поверхностной структур

Выше мы рассмотрели первый этап составления ФС — определение семантических категорий. В начале второй главы мы констатировали, что остальные два этапа — это описание тех языковых структур, которые могут быть использованы при выражении уста-

волевых семантических категорий, и определить возможные ограничения в употреблении этих языковых структур. Рассматривая эти процедуры, мы должны коснуться вопроса о соотношении семантических и поверхностных структур. Сначала мы введем понятия «денотативное значение» и «презентативное значение». Затем мы рассмотрим вопрос о том, на каком основании устанавливается связь между поверхностными и семантическими структурами. В этом контексте мы должны затронуть и проблемы правильности языковых единиц и роли прагматического фактора в интерпретации языковых явлений.

«Денотативное значение» и «презентативное значение»

Как уже было сказано, семантическая структура репрезентирует тот смысл, который хочет выразить говорящий; особая «форма» приспосабливается семантической структуре только для того, чтобы описать то содержание, которое она выражает. Будучи языковым знаком, поверхностная структура, разумеется, также имеет и форму, и значение.

Чтобы уточнить, какое именно значение имеют конкретные поверхностные структуры, начнем с понятия «положительное дело». Вос приведенные ниже предложения (1) указывают на одно и то же положительное дело, вымышленное говорящим из ситуации действительности. Однако они являются релаксантами разных семантических структур, поскольку они отличаются друг от друга по показателям или Модальности, или Речевых функций, или Авторизации; таким образом, соответствующие семантические структуры отчасти различаются между собой. В терминах ФС, которые будут представлены во второй части книги, данные семантические структуры имеют одно и то же ядро, но разные модификаторы.

- (1) *Виктор стирал белье.*
Выстирал за Виктор белье?
Виктор может выстирать белье.
Нико думает, что Виктор, как обычно, стирает белье.

В начале книги были, однако, представлены и такие случаи, в которых *явно и та же семантическая структура* выражается равными языковыми средствами. При их рассмотрении возникает вопрос, являются ли они синонимичными, и если да, то в какой мере? Это рассуждение, в свою очередь, ведет к более общему вопросу о том, из каких элементов состоит значение поверхностных структур. Чтобы ответить на эти вопросы, приведем примеры (2–3)²⁷:

(2) *Коллеги по работе любят Ирину.*

(3) *На работе любят Ирину.*

Предложения имеют один и тот же смысл, который условно можно сформулировать как «Коллеги по работе любят Ирину». Однако, сопоставив предложения, обнаруживаем, что в предложении (3) выражается дополнительное значение локации, обусловленное употреблением предлобно-именной группы «на + имя в предл. пад.». Кроме того, употребление локативной конструкции возможно в этом значении только вместе со сказуемым в неопределенно-личном значении.

Итак, мы можем сделать вывод, что конкретная форма языкового выражения всегда придает поверхностному предложению определенное дополнительное значение. По этой причине два поверхностных предложения хотя и репрезентируют одну и ту же семантическую структуру, но тем не менее никогда не являются полностью синонимичными. Однако у них общий основной смысл, и, таким образом, они репрезентируют одну и ту же семантическую структуру, другими словами, у них одно и то же денотативное значение²⁸.

Провальстрируем сказанное с помощью следующей схемы²⁹:

Итак, одна и та же семантическая структура нередко выражается разными языковыми способами. У каждого из них одно и то же денотативное значение. Вернемся к предложению *На работе любят Ирину*. На основе сказанного его семантическая структура состоит из следующих компонентов:

денотативное значение «коллеги по работе любят Ирину»

+

дополнительное значение, выраженное поверхностной структурой «на + имя в предл. пад. (= локативное значение) + глагол в форме 3-го л. мн. ч. (= неопределенно-личное значение) + имя в вин. пад.»

Если назвать значение, передаваемое конкретной поверхностной структурой, презентативным, то в общем виде значение поверхностных структур можно представить следующим образом:

значение поверхностной структуры = инвариантное денотативное значение семантической структуры + вариативное презентативное значение, передаваемое данной поверхностной структурой

Соотношение между ситуацией и положением дел, с одной стороны, и между положениями дел / семантическими структурами и языковыми средствами, с другой, можно рассмотреть и в рамках терминов **ИНВАРИАНТ** и **ВАРИАНТЫ**²². Описание в главе 1.3 соотношения между ситуацией и положением дел, которое говорящий характеризует на ее основе, показало, что их можно рассматривать как инвариант и вариант, поскольку положения дел, основывающиеся на одной и той же ситуации, могут, из-за их субъективного характера, сильно отличаться друг от друга. В отличие от этого разные языковые выражения можно считать вариантами по отношению к инвариантной семантической структуре, которую они репрезентируют.

На значение поверхностной структуры влияет, в частности, и то, какой элемент семантической структуры соответствует подлежащему и сказуемому поверхностной структуры. Поскольку предложения со знаменательными глаголами выражают чаще всего конкретное действие, совершаемое Субъектом (например: *Виктор сбегает поскок, Нина бросает камни*), то они придают положению дел более активный характер (примеры типа *a*), чем другие конструкции (*b*)²⁴, даже если речь идет не о собственно действиях или деятельности. Таким образом, хотя поверхностные структуры (*a*) и (*b*) в примерах (4–6) имеют одно и то же денотативное значение, у них разные презентативные значения²⁵.

(4a) *Виктор сбегает бегом.*

(4b) *У Виктора старая бегом*²⁶.

(5a) *Нина преподает в школе.*

(5b) *Нина — актовый учитель.*

(6a) *Виктора раздражает то, что Нина все время дома бездельничает.*

(6b) *Виктора раздражает то, что Нина все время дома ленива.*

Следует обсудить еще вопрос, являются ли все поверхностные структуры идентичными представителями семантической структуры или одну из них мы вправе считать примерной (первичной) в том смысле, что она более точно соответствует семантической структуре²⁴. По-видимому, в некоторых случаях одна из поверхностных структур представляет собой как бы «прямой» способ выражения определенного значения, а другие поверхностные структуры —

«косвенные» способы. Однако нередко бывает трудно определить, какая из поверхностных структур является прямым или «самым прямым» соответствием семантической структуры. Кроме того, для говорящего, выбирающего при выражении своей мысли одну из альтернативных конструкций, несущественна их примерность или непрямая; в любом случае он выбирает ту, которая наиболее точно соответствует его коммуникативным целям в данной речевой ситуации. Таким образом, вопрос о примерности среди поверхностных структур играет в ФС второстепенную роль.

Прагматический фактор

Когда мы рассуждаем, какие поверхностные структуры какого-либо языка нужно упомянуть при описании рассматриваемой семантической категории, то непременно сталкиваемся с некоторыми прагматическими явлениями. Рассмотрим примеры (7–9):

- (7) *Закрой, пожалуйста, окно!*
 (8) *Ты не можешь закрыть окно?*
 (9а) *Здесь ужасно холодно!*
 (9б) *Такой шум! Дети не могут учиться.*
 (9в) *Комары залетают в комнату.*

Все данные предложения могут употребляться для выражения побуждения к действию. В предложении (7) побуждение выражено ПРЯМО, в предложении (8) — КОСВЕННО, а в предложениях (9а–в) — в виде НАМЕКА¹⁵. В описании языка в рамках ФС целесообразно проводить границу между предложениями типа (8) и типа (9). Другими словами, в ФС при описании средств выражения побуждения упоминаются, кроме прямых средств, и косвенные, но не намеки.

Принятое решение можно обосновать, во-первых, тем, что предложения (9) могут считаться средством выражения побуждения лишь в конкретной речевой ситуации, и к тому же только в том случае, если слушающий интерпретирует их таким же образом. В другой (или даже в той же) ситуации предложение (9а) могло бы намекать на что-то иное, например: «Почему в печке нет огня?», «Не пойти ли нам уже в баню?», «Доставь одеяло!»¹⁶. Во-вторых, выражения-намек обычно имеют самые различные структуры, чаще всего никак не связанные с семантикой намека. В связи с этим описание их структуры в этом контексте не имеет смысла.

Итак, косвенные средства выражения определенных значений являются с точки зрения ФС столь же важными, как и прямые средств-

ва. В отличие от них нариски — если они не конвенциональны — в ФС не рассматриваются⁷⁷.

Значение прагматических факторов в большой степени связано с типом текстов. Дело в том, что употребительность и вообще пригодность тех или иных языковых средств зависит от того, имеем ли мы дело с прямой коммуникацией или повествованием⁷⁸.

В случае прямой коммуникации присутствует слушающий, которому говорящий передает информацию, так или иначе связанную с речевой ситуацией. Слушающий реагирует на данную информацию, и так формируется диалог. Важной чертой прямой коммуникации является ее связь с конкретной речевой ситуацией, чем обусловлено широкое употребление различных Речевых функций (поэтому сообщения встречаются, в частности, вопросы, побуждения, выражения эмоций и оценки, например, восклицания и т. п.). Положения дел при прямой коммуникации имеют обычно план настоящего или будущего времени.

Повествование отличается от прямой коммуникации тем, что в нем говорящий рассказывает о положениях дел, не связанных прямой связью с речевой ситуацией. Типичной формой повествования является письменный текст. При повествовании чаще всего используется одна Речевая функция — сообщение, изложение событий. Типичным временным планом повествования является прошедшее время⁷⁹. В повествовании различаются два основных уровня: СЮЖЕТ и ФОН. Сюжет представляет собой развитие действия, изложение хода событий, которые следуют одно за другим. Фон же составляет статическую обстановку, среду, окружение для продвижения и развития сюжета. Кроме того, в повествовании встречаются отступления от временной последовательности действий сюжета: возвращение в прошлое (ретроспектива) или забежание вперед (проспектива). Типичны также констатации абстрактных положений дел. Нередко разные уровни повествования переплетаются настолько, что их трудно отличить друг от друга. Описание фона имеет дескриптивный характер, большое значение при этом имеет пространство (место, время). В описании же сюжета события следуют одно за другим в определенной хронологической последовательности; главную роль при этом играет время⁸⁰.

Разные типы коммуникации, как легко убедиться, не могут не влиять на то, в какой мере семантические категории репрезентируются в речи. В целом повествование, которое во многих лингвистических работах стоит на первом плане, является более бедным, чем прямая коммуникация, для которой характерны многие, свойствен-

вые только ей черты. Что касается иллюстративного материала данной книги, то он отражает и повествование, и прямую коммуникацию, в том числе и диалог.

Повествование и прямая речь как две основные разновидности человеческой коммуникации оказывают определенное влияние и на то, какое осуществление получит понятие «положительное дело». Сравним примеры (10) и (11):

(10) *Мне жаль, что мама не придет.*

(11) *Мне / Ему / Нине было жаль, что мама не пришла / не придет.*

(12) *Пряму тебе пойти домой. / Пряму: иди домой! / Иди домой!*

(13) *Я / Он просил Нину пойти домой.*

(14) *Я обещаю прийти вовремя.*

(15) *Я / Он обещает прийти вовремя.*

В предложении (10) отражены положение дел «Мама придет + NEG» и авторизирующий компонент, раскрывающий отношение говорящего к нему. В предложении же (11) данный компонент представляет собой самостоятельное положение дел, в котором рассказывается об эмоциональном отношении данного человека к положению дел «Мама придет + NEG». Соответственно, в (12) у нас положение дел «Я иду домой» и речевая функция Побуждения, а в (13) положение дел Передачи информации «X просит P», где P — «Нина идет домой»; Речевая функция в (13) — Сообщение. В предложении (14) «Я обещаю что-то», а в предложении (15) «Я рассказываю (сообщаю) о том, что я или он сделал» — и «То, что он сделал, было обещанием прийти вовремя». Таким образом, за предложениями (10), (12), (14) стоит одно положение дел с модификаторами, а за предложениями (11), (13) и (15) — два положения дел. Другими словами: в предложении (12) глагол *идти* репрезентирует метаяглагол «ПРОСИТЬ», а в предложении (13) — «обычный» предикат «просить», обещающий речевое действие и являющийся частью ядра семантической структуры.

Если в повествовании исключены другие Речевые функции, кроме Сообщения, в определенных случаях Авторизации, то в семантических структурах, связанных с повествованием, могут присутствовать элементы другого типа, расширяющие ядро, например Темпоральная фаза (16), Клаузула (17) и Предварительная стадия (18).

(16) *После этого я / Виктор начал мыть посуду.*

(17) *Я / Нина заставила Виктора мыть посуду.*

(18) *Я / Он старался прийти вовремя.*

Как определяется связь между семантическими и поверхностными структурами?

Определив понятия «дентотативное» и «спрексентативное» значение и роль прагматического фактора, мы должны обсудить фундаментальный вопрос о том, как определяется соотношение поверхностных и семантических структур. Конкретнее говоря, спрашивается, на каком основании мы можем утверждать, что такая-то поверхностная структура S является репрезентантом положения дел P ?

В рамках разных версий порождающей грамматики соотношение глубинных и поверхностных структур представляется ступенчато с помощью свода точных правил⁴¹. Такая процедура может показаться убедительной и более научной, чем другие, менее систематические способы презентации этого соотношения. В связи с этим мы должны сначала обосновать наше решение не применять порождающую процедуру. Это будет ясно, если возьмем простой пример. Семантическая структура $[St_{\text{Exp}}; E]$ (Экспериментер находится в каком-либо Физиологическом состоянии) может выражаться в русском языке многими способами, в том числе конструкцией с предикативным наречием (19) или possessивной конструкцией (20):

- (19) $N_{\text{Exp}} + Adv_{\text{Exp}}$ (Мне холодно.)
 (20) $y + S_{\text{Exp}} + V_{\text{Exp}} + N_{\text{Exp}}$ (У Маши жарко.)

Уже на основе этих двух поверхностных структур, репрезентирующих данную семантическую структуру, легко убедиться в том, что любые попытки генерировать поверхностные структуры из глубинных семантических структур оказываются ненужными или по крайней мере нецелесообразными. Можно было бы, конечно, показать с помощью правил, что в одном случае «глубинная» форма Экспериментера трансформируется в форму дательного падежа, в другом — в форму родительного падежа с предлогом y . Но такая «строгость» описания этой связи не увеличивает информативность описания по сравнению с нашим положением, демонстрирующим, что при выражении семантической структуры $[St_{\text{Exp}}; E]$ в русском языке употребляются, в частности, структуры (19) и (20).

Таким образом, использование генеративной модели не дало бы никаких особых преимуществ в смысле адекватности описания. Зато мы считаем, что, отказываясь от нее, мы выигрываем в плане гибкости: если связь между поверхностными и семантическими структурами показывается не жестким сводом правил, а в более свободной форме, в описании можно легко добавить информацию о возможных контекстуальных, стилистических и других ограничениях, свя-

ленных с употреблением данных поверхностных структур. Такая презентация больше соответствует во многом естественному и не всегда точному характеру естественного языка.

В большинстве случаев составление перечня возможных поверхностных структур, ретрансформирующих определенную семантическую структуру, не вызывает особых затруднений.

Использование в этом процессе языковой интуиции не такая редкая процедура в лингвистике: она, в сущности, ничем не отличается от того, как устанавливаются значения лексем. Связь между лексемами и их значениями, как правило, никак не доказывается, принято просто констатировать, например, что третья от Солнца планета нашей солнечной системы называется в русском языке *Землей*, или *Теллуром*, а в определенных контекстах также *светом*, *зарем* и *зеленым зарем*. Таким же образом можно утверждать, что структура *Мне доводно* — одна из возможностей выразить на русском языке Физiologicalическое состояние.

Следовательно, роль интуиции в составлении ФС такая же, как в создании традиционной грамматики, в которой иллокутивные значения в сфере употребления разных грамматических категорий основываются — без специального упоминания об этом — на связи между формальной и содержательной сторонами языка, связи, основанной на интуиции лингвиста — носителя языка. При составлении ФС проводится то же самое, только направленные описания иное. Кроме своей интуиции (и интуиции других носителей языка), составитель ФС может использовать грамматики и специальные грамматико-семантические словари¹². Информация о значениях языковых структур в этих лингвистических источниках в принципе такая же, как и в ФС, только форма ее презентации другая.

Подводя итоги, можно сказать, что связь между семантическими структурами и ретрансформирующими их языковыми средствами определяется интуитивно: поверхностная структура какого-либо естественного языка \mathcal{S} является ретрансформантом семантической структуры P , только если мы считаем, что она выражает денотативное значение P .

Ограничения, связанные с поверхностными структурами

Последний этап составления ФС — после того, как определены семантические категории и их соответствия в рассматриваемом языке, — это описание условий, ограничивающих употребление данных поверхностных структур¹³. Носитель языка автоматически выбирает правильные или подходящие для выражения данного смысла языковые средства, не задумываясь над тем, почему он выбрал именно такую конструкцию. Он скажет (21) или (22), но не (23) или (24):

- (21) *С бабушкой обморок.*
 (22) *У бабушки рак.*
 (23) **С бабушке обморок.*
 (24) **С бабушки обморок.*

Такой автоматизм не удовлетворяет лингвиста, его задачей является более детальное описание языковых явлений. Предложения (23) и (24) отличаются от (25) и (26) тем, что их несправедливость связана с грамматикой русского языка: предложно-падежное сочетание в начале предложения (23) составлено неправильно с точки зрения русской морфологии, а в предложении (24) само сочетание морфологически правильно, но оно не может быть употреблено в такой синтаксической структуре. В примерах же (25) и (26) синтаксически структуры правильны, но их лексическое наполнение противоречит нормам русского языка.

- (25) **Бабушке обморочил.*
 (26) **С бабушкой рак.*
 (27) *Обморок с бабушкой.*

Продолжим рассмотрение состояния бедной бабушки. На приемлемость разных структур влияют также разные контекстуальные, прагматические и стилистические факторы. Структуры типа (21) вряд ли можно найти в пособиях по медицине, а в устной речи в домашних условиях они приемлемы. Восприятию предложения (27) как правильного требует особого контекста, без которого (а может быть, и в котором) оно кажется исправительным. Ограничения употребления тех или иных языковых средств могут быть обусловлены и контекстом в широком смысле (стиль, регистр, ситуация коммуникации)⁴⁴, и контекстом в узком смысле (предшествующие текст или речь)⁴⁵.

В поиске границ допустимости разных случаев сочетаемости лингвист может использовать в качестве тестового материала другой язык. Иногда какая-то конструкция в другом языке отсутствует полностью, например, русскому примеру (21) трудно найти эквивалент в других языках. Довольно часто в сопоставляемых языках существуют одни и те же конструкции, но их дистрибуция расходится. Например, в русском языке есть конструкция типа (28), но ее применение намного уже, чем в английском языке (29). Соответственно сфера употребления эквивалента русской конструкции с предлогом *у* в финском языке шире, чем в русском языке (30–31)⁴⁶.

- (28) *Я болел.*
 (29) **Я болелом.* (Ср. англ. *I am cold.*)

(30) У меня рак / ревматизм / температура.

(31) *У меня голод / голод. (Ср. фин. *Mulla on kyllä / nälkä*.)

Хотя в ФС язык описывается не на лексическом уровне, а на уровне конструкций, при определении сфер употребления разных структур необходимо рассматривать и вопросы лексической допустимости и сочетаемости. Однако нашей целью не является составление полных списков лексических единиц, употребляемых в данной конструкции. Достаточная эксплицитность достигается, если дан ряд положительных и отрицательных примеров, как в (32–33).

(32) Мне холодно / жарко / тепло / *позарядочно / *наморочно / *устало.

(33) Мне позарядит / жарит / поморочит / *болит / *голодает / *устает.

Подчеркнем еще раз, что в реальных ситуациях коммуникации, как письменных, так и устных, на выбор используемых языковых конструкций всегда влияет множество разных факторов. Однако в рамках ФС описываются только регулярные, систематические связи между семантическими структурами и языковыми средствами. Говорящий, создавая более или менее автоматически свою речь, учитывает не только то, с кем и в какой ситуации он говорит¹⁷. На выбор конкретного языкового средства может влиять и то, какие языковые структуры или лексические единицы были употреблены в том же тексте или разговоре перед этим¹⁸. Более того, влияние может быть двойным: в одних ситуациях говорящий склонен прибегать к тем же формулировкам, которые были уже использованы, а в других — избегать их. Такие явления остаются вне внимания в основной версии теории ФС, при создании общего описания языка.

Как определяется правильность поверхностных структур?

Отдельно от соотношения между семантическим и поверхностным уровнями следует рассмотреть вопрос о правильности языковых единиц. В большинстве случаев вопрос этот решается без особых трудностей. Все согласны с тем, что фразы *Мне холодно* и *У меня жарко* отвечают правилам русского языка, а фразы **Мне жарко* и **Мне ревматизм* — нет. Однако есть и такие случаи, когда исследователь должен обосновать свою позицию более детально. Это в определенной мере касается любых лингвистических исследований, неза-

высказано от того, какой из подходов — «от значения к форме» или «от формы к значению» — был выбран.

Полезным конкретным пример из области согласования: правильна ли конструкция *язык адептов или нет?* Вопрос можно поставить и иначе: «Входит ли данная конструкция в русский язык или нет?», т. е. должна она быть включена в описание (грамматику, синтаксис) русского языка или нет¹⁷. В поиске ответа на вопросы такого рода у лингвиста есть две основные возможности: он может или опираться на интуицию носителей языка, или наблюдать за тем, как они используют язык. В зависимости от того, под каким углом зрения этот вопрос рассматривается, в лингвистической традиции говорится в первом случае о *LANGUE*, *КОМПЕТЕНЦИИ*, или *НОРМЕ*. Соответственно второй случай характеризуется терминами *PAROLE*, *PERFORMANCE* (употребление), или *УТУС*. Когда к этим уровням прибавят при рассмотрении методологических вопросов, самые подходящие термины — *НОРМА* (= то, что носители языка считают правильным) и *УТУС* (= то, как люди говорят). Поскольку сама теория ФС никак не связана с тем, какой уровень существования языка является первичным при решении вопросов о правильности языковых единиц (ФС пригоден к описанию как нормы, так и утуса), нет необходимости углубляться в эту проблематику¹⁸. Здесь достаточно только кратко прокомментировать то, как мы ее интерпретируем.

Мы не отрицаем значение корпусов, массивных собраний языкового материала, отражающих утус (речь, употребление), они являются важным источником изучения языка¹⁹. Но в их использовании есть определенные проблемы и ограничения. «Язык» состоит не только из того, что зафиксировано в ограниченном массиве отобранных текстов, а является более широким понятием. Корпуса примеров не могут быть окончательным арбитром при решении вопросов о правильности тех или иных языковых конструкций; в лучшем случае они могут служить сокровищницей, кладовищем, где можно найти стимулы для дальнейших рассуждений. Кроме того, примеры, взятые из корпусов, могут быть ошибочными. Вообще примеры из текстов являются как таковые продуктами лишь одного человека. Вследствие этого любое высказывание представляет собой не обязательно единственное или даже лучшее средство выражения данного смысла. Еще одно ограничение: даже использование больших корпусов не гарантирует того, что в них можно найти примеры всех возможных средств выражения определенного значения²⁰.

Обсуждение правильности, допустимости или приемлемости разных конструкций затрудняется и тем, что не всегда выводы можно

сделать, пользуясь шкалой «да / нет»: чаще всего они являются более осторожными, индифферентными и контекстуально обусловленными: «допустимо, но только с тем условием, что...», «использовательно, но еще ненормативно», «в устной речи можно, а в письменном тексте нельзя» и т. п.

Таким образом, для включения какой-либо структуры X_i в ФС, достаточно, чтобы носители данного языка считали ее правильной. Проверить правильность мнения носителя языка при составлении ФС так же просто, как, например, при составлении традиционной грамматики или словаря. Примеры из текстов тоже могут быть использованы, но они не могут служить решающим фактором в этом вопросе.

Примеры, приведенные в этой книге, взяты не из текстов, а придуманы автором и проверены рядом носителей языка. Чтобы не потерять свежести аутентичного языкового материала, содержание части примеров объединено сюжетом из жизни Нины и Виктора, их уже взрослых детей Пети и Оли и недавно появившегося на свет малыша, а также Игоря, ровесника Нины и Виктора. Познакомимся мы и с Сергеем, «новым русским».

2.3. *Описание языковых явлений, рассматриваемых в рамках функционального синтаксиса*

Нам осталось дать представление еще об одной стороне ФС: какие языковые явления в нем рассматриваются, с какой степенью подробности и с какой целью.

Чтобы ответить на эти вопросы, уточним значение слова *синтаксис*. Как известно, его гипероним *грамматика* имеет по крайней мере четыре значения¹⁵:

- теория описания языка (например, генеративная грамматика);
- конкретное теоретическое описание структуры какого-либо языка (например, «Русская грамматика» под редакцией Н. Ю. Шведовой);
- правила конструирования и употребления форм и структур какого-либо языка (ср. *Он хорошо владеет грамматикой русского языка*);
- книга, в которой описывается грамматический строй какого-либо языка (ср. *Я купил книгу грамматику русского языка*).

Слово *синтаксис* имеет соответствующие значения. В настоящей книге внимание уделено синтаксису в первом значении. Цель кни-

га — представить в более или менее целостном виде теорию ФС: принципы его составления (главы 1–2 первой части книги) и реализацию этих принципов (вторая часть книги). Теория ФС отличается от некоторых других лингвистических теорий тем, что она не соотнесена с конкретной системой с четко определенным числом терминов и последовательных процедур. В связи с этим можно было бы говорить и о *подходе*, который может быть распространен на другие языковые явления. Об этом свидетельствует пример в главе 12, который представляет опыт использования идей ФС в исследовании текста. Идея теории ФС можно также применить более широко, чем это делается в настоящей книге, в описании прагматических явлений употребления языка²⁴.

Подчеркнем, что вторая часть книги не претендует на полное, системное описание русского синтаксиса, а русский язык используется в ней в качестве языкового материала, с помощью которого иллюстрируются разные понятия ФС. Тем самым мы стремимся показать, что теория ФС способна к более или менее системному описанию отдельных языков.

Второе (и, соответственно, четвертое) значение слова *синтаксис* не получит отражения в этой работе, но оно будет осуществлено в отдельном труде *Функциональный синтаксис русского языка*, подготовляемом к печати нашей рабочей группой. В нем будет сделана попытка описать русский язык по принципу «от семантических структур к языковым средствам». Книга будет таким же обобщающим описанием русского языка, каковыми являются традиционные грамматики и синтаксисы. Разумеется, работа будет иметь экспериментальный характер. (Достаточно вспомнить, сколько веков традиционная грамматика искала свои современные формы описания языка.)

В этой связи необходимо упомянуть и степень подробности описания языка в книгах «грамматического» типа. Как показывает история лингвистики, любому конкретному явлению языка можно посвятить толстые монографии, а в грамматиках или синтаксисах то же самое описывается сжато на нескольких страницах, иногда даже отщипывается в одном-двух предложениях.

Третье значение слова *грамматика* труднее применить к функциональному синтаксису. Если специально придумать эквивалент этому значению, то можно, пожалуй, сказать: *Он хорошо знает функциональный синтаксис русского языка*. Это означает, что он умеет адекватно и правильно выражать свои мысли на русском языке. Практически это то же самое, что выражается фразой *Он хорошо владеет русским языком*.

О смысле самого в четвертом значении слова следует сказать, что, кроме книжной формы, он может быть опубликован и в электронном виде. Но сама идея использования продукта такая же: его можно посмотреть, прочитать. И в той и в другой версии существенную роль играет оформление текста и внешний облик в целом.

Примечания ко второй главе

¹ Хороший пример осуществления такой процедуры — работа Т. И. Степановой о семантике плавности в русском языке. В предисловии книги (Степанова 2002: 4–5) ставятся поставленные задачи работы приблизительно так, как они поставлены в рамках ФС. Подробный список «задач» функционального описания языка можно найти также в (Величина 2000: 14–16). Что касается второго и третьего этапов работы, В. А. Беломытцева и И. Г. Милославский (1988: 7) совершенно правильно отмечают, что получение простого перечня языковых средств, выражающих определенную «идею», представляет собой «лишь начальную этап решения задачи», а главная трудность состоит в том, чтобы определить «соответствующие особенности каждого из представленных в перечне средств».

² С. Шуваева (2003: 112) права, считая, что главной трудностью на пути к созданию описания языка «от смысла к форме» «представляется отсутствие более или менее классифицированного перечня смыслов, оперируя которым можно было бы структурировать и системно описать все языковые средства, выходящие в языке для оформления каждого из этих смыслов». Теория ФС намерена быть шагом вперед в сторону осуществления этой цели.

³ Неустойчивость границ семантической категории хорошо известна в области лексической семантики. Данному вопросу уделяется внимание и так называемой теории прототипов. В соответствии с этой теорией одни слова являются более типичными представителями определенной семантической категории, чем другие (ср., например, предметы одежды: рубашка ; пальто ; платье ; юбка) (ср., в частности, Taylor 1989; Фрумкина и др. 1991). Е. В. Рахлина (2000: 21) иллюстрирует роль прототипов в человеческом мышлении, сравнивая его с работой художника: «Что касается картин мира, то она, словно приглу прототипов, нарастает быть похожей на творения художников-реалистов, с их четкими контурами изображения предметов. Скорее, она напоминает полотна импрессионистов, на которых разблудный образ объекта выступает постепенно, как из тумана». Такое сравнение можно принять, но, с другой стороны, прототипы дают скорее не неопределенный и конкретный, четкий образ.

Понятие прототипа иногда применяется и в изучении грамматики. Так, А. В. Болдырев (2003b: 18–19), рассматривая видовые характеристики русского глагола, выделяет «основной прототипический вариант общего значения совершенного вида». Далее он дает следующее определение: «прототип — это наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант

определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью [—], способностью и воздействием на противоположные варианты [—] и (во многих случаях) наиболее высокой степенью регулярности функционирования. Об общей теории прототипов и соотношениях разных категорий см. (Rensch 1973; Givón 2001: 29–34).

⁴ В. Б. Шагуновский (1996: 13), ссылаясь на работы Л. Витгенштейна (Wittgenstein 1953: 71, 77, 88) и других философов, напоминает о том, что естественному языку недостает точности, чистоты, строгости, это недостижимый идеал. Как ни парадоксально, это в конце не является идеалом, к которому нужно стремиться. Язык не может быть четким, поскольку он — омой действительности, которую призван описывать язык, но без резких границ. Немного ниже (с. 16) Шагуновский определяет роль научного описания «будучи описанием второго порядка, оно не может быть таким же непрерывным и бесконечно разнообразным, как его предмет. Оно должно «смагнитировать» и упорядочить языковую реальность, сохраняя, однако, при этом постоянное напоминание того, что это упорядочение и смагнитизация». Мы полностью разделяем это мнение автора.

⁵ Многогранность и неопределенность самого языка заставляет лингвистов вводить использование в определенных лингвистических категориях критерия, которые могут на практике противоречить друг другу. Так, при определении частой речи в (Шведова 1980: 457) одновременно работают и понятийный (содержательный), морфологический (комплекс морфологических категорий), словосмыслительный (система парадигм) и синтаксический критерии (ср. Теньер 1988: 62–63; 95; Мартынов 2001: 55). Здесь достаточно одного примера. Хотя у всех существует более или менее точное представление о том, что такое «существительное» или «числительное», но определенные части речи слова *мысль* вызывает сомнения. Другой пример — об области синтаксиса. Понятия «действительный оборот» и «страдательный оборот» достаточно четки, однако конструкции типа *Лодку унесло ветром* имеют черты и того и другого. Даже слово *основное* понятие лингвистики «слово» вызывает трудности, если ему надо дать точное определение. Одним из главных противоядий традиционной грамматике является так называемое эквивалентное слова, т. е. словосочетания типа *лоноу чо* (см. подробное: Мустахова, Колотев 2004).

⁶ В. А. Мельчук (1974/1999: 10), обсуждая вопрос о равнозначных тестах (высказываниях), приходит к такому же решению: невозможно прибегать к какому-либо формальному критерию, а значение «принимается как интуитивно очевидное».

⁷ Ф. Вах (Vach 1981: 272, примеч. 3) выражает свое сомнение в надежности данного теста. Т. В. Булыгина, однако, с помощью подобных тестов убедительно показывает различия между абстрактными (т. е. интуитивными) и актуальными положениями дел, правда, не все тесты у нее (Булыгина 1982: 47) являются вполне надежными. Она утверждает, в частности, что при абстрактных положениях дел невозможны обстоятельства времени с условными значениями (*если, когда, редко*) (ср. также: Заликина 1990: 30–32). В действительности же такие предложения встречаются (1):

- (1) *Мне всегда нравилась высокая музыка.*
Люди редко знают друг о друге все.
Необстоятельная критика всегда раздражает людей.
Русские люди часто ласково называют.

Примеры конкретно указывают на существенную проблему использования такого типа тестов. Дело в том, что употребление тех или иных слов или конструкций на поверхностном уровне не всегда прямо отражает семантическую структуру данных предложений. Например, в этих случаях наречие с удаленным значением относится не к предикату семантической структуры, а толкуется иначе (вместо «*X* часто имеет свойство *Y*» — «значит *X* имеет свойство *Y*» или вместо «*X* всегда относится к *Y* так» — «всегда, когда бывает ситуация *Z*, *X* относится к *Y* так»), или же наречие имеет не удаленное значение, указывая на длительный отрезок времени (например, *всегда* имеет значение «с определенного момента, со детства» и т. п.).

Таким образом, использование тестов имеет свои ограничения. Несмотря на это, они широко применяются именно в классификации предикатов. Так, Р. Ван Вален и Р. ЛаПола (Van Valin, LaPoila 1997: 82–102) выделяет с помощью шести тестов десять типов предикатов.

² Многие исследователи отмечают, что подпад «от значения в форме» не может быть осуществлен без опоры на противоположный подпад. Характерную концепцию функционально-коммуникативной грамматики, М. В. Всколадова (1988: 28) констатирует, что в основном данная грамматика исходит из семантики, но в ней должен быть использован и подпад «от формы в значение». И. А. Мельчук (1974/1999: 11) подчеркивает, что удачность предикатного семантического представления также должна контролироваться «спершу» и «затем». М. А. Шелкина (2001: 8) во введении к своей «Функциональной грамматике русского языка» утверждает, что семасиологическая грамматика («от формы в значение») первична по отношению к семантикологической грамматике («от значения в форме»).

³ При логическом подходе большое значение имеет однозначное определение исходных понятий; те языковые явления, которые не могут быть четко определены, остаются, как правило, вне описания. Личности же так поступать нельзя.

⁴ И. В. Голубева-Моничкина (1999: 5–10) дает такие характеристики хорошей научной классификации: это «классификация, в которой соблюдены формально-логические требования, а также требования осмысленности выделенных классификационных точек (классов, таксонов, конечных разбиений, групп), удобства в обращении, устойчивости, эвристической силы (т. е. способности предлагать новые классы или неизвестные свойства у представителей разных классов), всесторонности (т. е. включения всего, что известно в науке о классифицируемых объектах)».

⁵ Хорошее описание разных форм проявления модальности с обширной научной литературой можно найти в работах (Барюкова, Корди 1990; Шагуновский 1996: 172–248). См. также описание разных форм модальности в сопоставительном плане в (Deif 1998).

¹² Термины *modus* и *diaplexis*, заимствованные у Ш. Балли (например, Balby 1965: 35–52), употребляются сравнительно широко в российской лингвистике (см., например: Клобуков 1986: 42; 2000: 24–46; Колосова, Черемисина 1986: 23; Балашова 1996). Панятия взяты из логической семантики: Г. Фреге, например, различает пропозицию (*artiklhaest Inhalt*) и знак утверждения пропозиции (*Urteilstrich*) (об истории данных понятий см., в частности: Арутюнова 1976: 21–56).

¹³ Т. В. Шмелева (1980: 121) различает эти две стороны «модуса», выделяя *МОДАЛЬНУЮ* и *КОММУНИКАТИВНУЮ РАМКУ*.

¹⁴ Многофункциональность модальных слов в славянских языках хорошо продемонстрирована в работе (Халин 1998). Ср. также описание значений глагола *мечь* в (Шатуновской 1996: 194–211).

¹⁵ Пример взят из работы (Шуваева 2003: 121).

¹⁶ Категории каузальности и причинно-следственные связи сложны не только сами по себе — они переплетаются и с другими семантическими категориями (ср. Рахалина 1989; Арутюнова 1992). Ответы на вопрос Почему? не просты и в лингвистике (ср. Мустаюки 1990).

¹⁷ Явные семантические (конверсионные) связи между модификатором Каузальности и метасловом «ТАК КАК» порождают вопрос о том, как они должны быть связаны с точки зрения «стратегической» функциональной грамматики: возможно, целесообразным окажется их рассмотрение в одной и той же главе, тогда как при системном подходе, соблюденном в настоящей книге, они отделены друг от друга. Сказанное касается также других подобных случаев.

С функциональной точки зрения причинно-следственные отношения в русском языке рассматриваются в работе (Васильцова, Яценко 1988); интерес представляет также теоретическая классификация причинно-следственных отношений, предложенная Ю. С. Степановым (1991; ср. также Халин 2004).

¹⁸ Существует классификация предикатов, в которых применяется строгий принцип двух критериев. Такой подход ведет к системному матричному представлению (см., например: Мартыков 1974; Клобуков 1986). Е. В. Клобуков (1986: 48–50) различает, с одной стороны, четыре семантических типа предикатов (Действия, Состояния, Отношения, Свойства) и, с другой стороны, в каждом из них — пять подтипов (физические, физиологические, эмоционально-психические, интеллектуальные и социальные). Так, к физическим действиям относятся, например, «двигаться», «стремиться», «орудовать», к физиологическим действиям — «спать» и «кашлять», к эмоционально-психическим действиям — «плакать» и «случиваться», к интеллектуальным действиям — «отвечать» и «мыслить», а к социальным действиям — «помогать», «поднять», «наказывать» и «просьба». Однако выделение названных выше подкатегорий ведет отчасти к дублированию соответственным или иным группам глаголов. Вальдем, например, «отношения», которые разделяются на пять семантических подкатегорий:

ОТНЕРИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В диссертации три главы.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

В связи с окончанием к лексическим он никогда не прибавляется к числу других видовых структур.

ТЕМАТИЧЕСКО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

Мать гордится сыном.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

Учитель справедливо оценил работу ученика.

СОЦИАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

Формы имеют долг подвизникам на сумму 150 тысяч рублей.

Как мы видели, отношения между двумя аргументами (аргументами) весьма различны. Также спрашивается, к какой подкатегории отнести, скажем, случаи типа *У Нины три друга*.

¹⁹ Как пример переходных случаев Ю. А. Тушнова (1998: 47–51) приводит «функционально-семантическую ноту „личное содержание в объеме“», выходящую на пересечении «трех функционально-семантических полей: бытийности, локальности и количественности». О переходных случаях в грамматике русского языка см. (Бабайцева 2000).

²⁰ Часть примеров взята из (Шведова, Лопатин 1989).

²¹ Об идее различения Аспектуальности как семантической категории и вида как грамматической категории см., например: (Schneider 1967; Бондарко 1983; Кабан 1983), а также описание в них предостережен вопроса.

²² См. более подробно (Муштакин 1999). А. В. Исаченко (1960/2003: 462) обращает внимание на то, что «вселяющей опасностью для всякого языковедя является способный „коммунализм“». Этим он хотел сказать, что грамматические категории путают с понятийными. Из того, что форма типа *он бросил* называется настоящим временем, не следует, что она обязательно обозначает настоящее время. Если такое якобы очевидное заключение легко забывается при рассмотрении категории времени, то еще легче мы попадем в эту ловушку при рассмотрении менее ясных категорий, таких как Аспектуальность и Модальность.

²³ Основательные сопоставления способов выражения Аспектуальности в русском и финском языках сделано в работе (Томчала 1986; ср. также Heiskanen 1984).

²⁴ Ответом в этой связи другую попытку различать грамматические и семантические категории, Х. Томчала (1998) предлагает, наряду с термином *суппленсив*, под которым Н. А. Мельчук (1991: 65) подразумевает «слогах, вычленивающие акты», ввести термин *амбиперсонал*, отражающий вычленившие акты в семантическом плане. На практике амбиперсонал покрывает понятия неопределенно-личности и обобщенно-личности. Как показывает анализ некоторых европейских языков, существуют, по крайней мере, 15 разных способов выражать амбиперсональные личности.

²⁵ М. Я. Глазновская (2001: 129) дает одному из трех типов видовой противопоставлений следующее определение, используя как пример пару предложений *Ученик решил задачу — Ученик решил задачу*:

- форма несовершенного вида: 1) Определенное действие X-а существует в каждый из ряда последовательных моментов наблюдения; 2) целью X-а является то, чтобы в результате этого действия начала существовать ситуация P
- форма совершенного вида: 1) Определенное действие X-а существовало в каждый из ряда последовательных моментов наблюдения; 2) целью X-а было то, чтобы в результате этого действия начала существовать ситуация P; 3) в результате этого действия ситуация P начала существовать.

Проблематика конитивных глаголов рассматривается, кроме (Глозинская 2001), в частности, в работах (Томасова 1986: 81; Шеломин 1987: 34–36; Агросин 1995: 59–60; Милотина 1998; Золотов, Шклов 2000: 56–57; Зельдман 2003; Падучева 2004a: 37–39; см. более подробно Мустаюва, в печати).

²⁰ Хотя с точки зрения данного примера это второстепенно, можно отметить, что нет принципиальных препятствий к тому, чтобы интерпретировать упомянутые «наступательные пары» и как видные, поскольку их аналитические и супплетивные формы отмечаются в традиционных грамматиках русского языка.

²¹ А. Д. Швейер (2002: 176) различает в конструкции такого рода три типа референции: определенную (*В воскресенье его семья придет*), неопределенную (*Ситуация*) и генерализованную (*Слова будут — дальше не идут*) (ср. Рункина 1988: 217; Глозин 2003: 45–46).

В более ранних версиях теории ФС мы приводили следующий пример (взятый из главы):

- (1) *Финны не любят иностранцев.*
- (2) *В Финляндии не любят иностранцев.*

Трактовка данных предложений как репрезентантов одной и той же семантической структуры вызвала критику: финны имеют другое значение, чем в Финляндии. Конечно, с этим можно согласиться: в Финляндии живут не только финны, и, с другой стороны, не все финны живут в Финляндии. Однако, на наш взгляд, в живой языковой практике предложение (2) можно употребить в таком контексте, где оно выражает то же значение, что и (1). Другими словами, у предложений (1) и (2) одинаковое декларативное значение, по крайней мере, в ряде контекстов. Во всяком случае, мы показали данный пример другим, который, надеемся, вызовет меньше возражений.

²² На множестве возможных терминов мы предпочитаем терминологическую пару П. Адамса (1978: 33). Это же мнение встречается у многих лингвистов, но терминология варьируется. А. В. Болдарю оставляет мнение, согласно которому предложения, имеющие общий содержательный инвариант, но являющиеся синонимичными, если они отличаются друг от друга по своей форме. Он посвятил данному вопросу целую монографию (Болдарю 1978). Е. В. Клобуков (1986: 34–35) освещает данную проблематику при помощи понятий ДИНОЛЕТИВНЫЙ и СИНОЛЕТИВНЫЙ. Подобной трактовкой предпроектируется также, в частности, И. П. Распопов (1981: 28) и Ф. Да-

вещи (Daneš 1994: 204). И. А. Мельчук (1974/1999: 10) определяет «смысл» таким же образом: он есть «инвариант всех синонимических преобразований, т. е. то общее, что имеется в равнозначных текстах».

Исходя из такой трактовки, мы можем прокомментировать также вопрос о том, являются ли пассивные предложения синонимичными активным. По нашему мнению, они имеют общее инвариантное значение (= значение их глубинной структуры), но выбранная форма — активная или пассивная конструкция — придает предложению определенное дополнительное значение, так что в целом значимая поверхностная структура (2) и (3) отличаются друг от друга. Из этого следует, что синтаксические структуры никогда не могут быть полностью синонимичными, поскольку выбранная языковая форма не может не влиять на их значение (ср. Sgall 1994: 283–284).

Такая точка зрения провозглашена многими лингвистами, согласно которым значение предложения при трансформации остается неизменным. Например, Р. Дирвен и Г. Радден (Dirven, Radden 1977: 29) отмечают: «Transformationen sind Operationen, durch die die Tiefenstruktur eines Satzes in seine Oberflächenstruktur überführt wird, ohne dass die Bedeutung des Satzes dabei beeinflusst wird». О сущности трансформаций пишут, в частности, В. С. Храковский (1973), Р. Ружичка (Růžička 1980: 16–17) и И. П. Растопов (1981: 28). Используя другую терминологию, тот же самый вопрос обсуждают в учебнике в рамках концепции «синтаксической синонимии» (см., например, Уткинских 1988).

Принятая нами точка зрения имеет определенные последствия, связанные с проблемами перевода.

²⁰ Поскольку наш подход имеет много общего с тем, что делается в рамках концепции «синтаксической синонимии», необходимо коротко прокомментировать сходства и различия между ними. Е. К. Столорова (2001) видит в работах лингвистов, использующих концепцию «синтаксической синонимии», две линии: одна из них требует от членов синонимических рядов структурной общности, а другая достаточно смысловой связи. Концепция ФС видит во вторую категорию. Далее Столорова (2001: 182) пишет: «В некоторых последователях критерием синонимии считается возможность взаимозамены. В других акцентирован возможность выбора». Мы не видим здесь большого различия: мы можем выбирать между «конкурирующими» языковыми средствами только в том случае, когда они взаимозаменяемы. По нашему мнению, это обстоятельный и на практике осуществимый критерий для определения того, представляют ли языковые конструкции одну и ту же семантическую структуру или нет.

²¹ А. В. Бондарко (2003б: 5) приводит следующее определение: «Инвариант в сфере лингвистики может быть определен как признак или комплекс признаков изучаемых системных объектов (языковых и речевых единиц, классов и категорий, их значений и функций), который остается неизменным при всех преобразованиях, обусловленных взаимодействием исходной системы с окружающей средой» (ср. Перцов 1998). Далее он (Бондарко 2003б: 7) указывает также «местонахождение» языковых инвариантов, у-

вердая, что они «существуют в том слое языковой системы, который можно назвать глубинным». В другом месте Бондарко (2000: 265) связывает термин *вариант* с термином *протоформа*, о котором шла речь в примеч. 1 этой главы: «протоформа – это эталонный репрезентант, эталонный вариант определенного варианта среди прочих его представлений (вариантов)» (в оригинале распродано. — А. М.). Н. Н. Болдырев (2003: 56), со своей стороны, считает, что «вариант — понятие, скорее, лингвистического плана, в то время как протоформа — понятие онтологического уровня» (ср. Вежибицкая 1997а). Если сопоставить этот прованс, понятие протоформы хорошо подходит к рассмотрению уровня действительности, пара вариант / варианты — в рассмотрении соотношения семантического и поверхностного уровней. Обширный анализ теории вариантности см. Сабина и др. (2000).

³¹ С. И. Кожарина (в книге: Мельс 1985: 29) приводит удивный, на наш взгляд, пример, иллюстрирующий обсуждаемый вопрос. Она констатирует, что предложение (2) имеет «дополнительное значение», ослабляющее активность субъекта, а именно оттенок «он занимается стиркой» (ср. Адамс 1978: 12–14).

- (1) *Виктор сейчас стирает белье.*
 (2) *У Виктора сейчас стирка белья.*
 (3) *Белье стирается Виктором.*

Роль «предикативности» в связанного с ней (действующего) субъекта в языке предложений подчеркивается многими русскими исследователями (см., например: Колосова, Чернышова 1986: 19; Е. В. Петрухина (2003: 39) пишет об обратном примере (где недействие выражается глаголом), что «отглагольная форма создает иллюзию действия, динамичности [...], но в действительности обозначение статических ситуаций глаголами дает возможность лишь выразить соотношение во времени участвующих в ситуации предметов, не прибегая к дополнительным лексическим средствам».

Говоря в общем плане о роли поверхностной структуры, Т. В. Стеклова (2002: 83) утверждает, что с «каждой формой связана особая языковая интерпретация смыслового содержания. Язык привносит в высказывание содержание свою стенографию — содержание преобразуется в коммуникативном плане».

³² Е. Н. Костанян (1997), не употребляя термин *предикативное значение*, анализирует примеры *Он учится на первом курсе, Он студент первого курса, Он является студентом первого курса, Он стал студентом первого курса, Он оказался студентом первого курса, Он является студентом первого курса, Он начал учиться на первом курсе* и приходит к заключению, что они отличаются друг от друга коммуникативными установками говорящего. Аргументация автора убедительна. Это хороший пример того, как отличаются друг от друга десотативные и презентативные значения.

³³ Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Шарьяв (1983: 157) отмечают, что предложения типа *У меня сегодня стирка (уборка, уборка, уборка полог, уборка полог, уборка полог, уборка полог)* не предполагает личного участия говорящего в

соответствующая действительная интерпретация. В речевых ситуациях интерпретируемая предложением определяется контекстом, а вне его, очевидно, — вероятностью совпадения этих действий не-специалистом.

³⁴ Г. А. Залотова (1982: 127, 177–180) предлагает одну из поверхностных структур считать «информационной»: она чаще других выражает значение предложения. Залотова говорит в этой связи (см., например: Залотова и др. 1998: 176) также о «грамматической гармонии, равновесии». Так, действие выражается информационно такой конструкцией, в которой глагол согласуется с субъектом, а характеристика выражается прилагательным и т. д. (ср. также: Шмылева 1988; Веселоводова, Шувалова 1989: 8; Веселоводова 2000б: 36–39). Отношения между поверхностными структурами трактуются П. Адамом (1978: 19) следующим образом: одна из поверхностных структур считается «первичной», но ее отношение к глубинной структуре не отличается от отношения к глубинной структуре других поверхностных структур. Первичную структуру П. Адамс выделяет среди других структур лишь для того, чтобы сделать более ясной их общую классификацию.

³⁵ «Намеки» — это приблизительно то, что Н. К. Рыбцова называет (1995: 144–145) перформативными высказываниями, которые могут быть для адресата бенефактивными (*Здесь есть свободное место*), аделативными (*Мне неудобно здесь сидеть*) или аккузативными (*Вы общаетесь исключительно по телефону сирен*).

Как показывают примеры, намеки могут быть и достаточно очевидными. Т. В. Булыгина (1990) пишет, что обращенная к докладчику реплика председателя *Ваме время началось* «будет одновременно воспринята и докладчиком и аудиторией как выражающая побуждение „Заключайте доклад“». Помимо этих примеры другого рода намеков, а именно проваления речевой адресности: *Куда вы выдвинули спорт?; Кто начал здесь свои дела?* и т. д. (Глозманская 2004). Если — как можно считать — такие высказывания являются конвенциональными и легко понятными и без особого толкования, мы должны были бы включить их описание в ФС. Однако если мы поступаем так, мы должны расширить круг описательных инструментов. Дело в том, что такие намеки не всегда имеют определенные поверхностные структуры, а они конвенционализированы на основе прагматических связей между тем, что говорится, и тем, что имеется в виду. Учет таких сравнительно распространенных в устной речи явлений будет задачей ФС следующего этапа.

В работе (Шатуновский 2004) приводится любопытная классификация косвенных выражений смысла. Намек отмечается как один из способов косвенного выражения смысла. Косвенные выражения и намеки не всегда понимаются правильно, как, впрочем, и прямые тоже. О. П. Ермакова в (2004: 61–65) приводит примеры, когда коммуникативная неудача вызвана, в частности, тем, что говорящий употребляет вопрос «Почему...?» в прямом значении, а собеседник толкует высказывание как упрек.

³⁶ Нередко нельзя провести четкой границы между косвенным выражением и намеком. Так, по-видимому, намеки следующего типа являются на-

словами устойчивыми, что их можно отнести к числу средств выражения угрозы (ср.: Wierzbicka 1980: 300):

My daddy is bigger than yours!

³⁹ Приведем уточнение терминологического характера: слово *когнитивный* в нашем употреблении соответствует термину *интерпретационной*, используемому А. В. Кондарко (см., например: Кондарко 1990a: 485). Мы же приносим термин *интерпретационный* в тех случаях, когда смысл предложения зависит от прагматической интерпретации слушающего, например: *Как здесь жарко!* На наш взгляд, правильное понимание предположений типа *Ты не можешь изменить свою?* не зависит от условий его употребления, и предложения такого типа, будучи конвенциональными, являются по своему содержанию однозначными. Это не исключает того, что данная фраза, произнесенная с соответствующей интонацией, в определенной речевой ситуации может быть интерпретирована в прямом значении.

⁴⁰ И здесь варьируется терминология: *historical* — *experiential mode* (Lyons), *Erdäbnis* — *Vergegenwart* (Weitzel), уровень информации — уровень коммуникации (Посталев) (см. подробнее: Leinonen 1982: 52–61).

⁴¹ В повествовании также возможно настоящее время. В некоторых видах повествования, в частности в спортивных репортажах, момент речи практически совпадает с временем события.

⁴² Э. Дайл (Dahl 1985) различает *фон* и *слоган* при помощи следующего коммуникативного теста: «Я теперь расскажу, что я вижу из окна» — «Знаешь, что со мной вчера случилось?».

⁴³ Вопрос о трансформационных отношениях между глубинной и поверхностной структурами обсуждается, в частности, в (Адамс 1978: 13–14, 19). Само понятие глубинной структуры, по-видимому, старшее теории генеративной грамматики (ср.: Rizicka 1980: 2–3).

⁴⁴ Хорошо систематизированными источниками являются, например, «Синтаксический словарь» Г. А. Золотовой (1988/2001) и «Функциональная грамматика русского языка» М. А. Шелкина (2001). Несмотря на свое название, «Русский семантический словарь» (1998, 2000) менее полезен для составления ФС, поскольку в нем расширяются «смыслы» на уровне лексики.

⁴⁵ Систематическое описание ограничений или барьеров (*constraints*) было в фокусе исследований на определенной фазе развития генеративной грамматики (см., например: Chomsky 1973, 1986; Ross 1967/1986; подробнее см.: Тестелев 2001: 531–541; Кокина, Тестелев 2002). Установление ограничений, препятствующих употреблению разных поверхностных структур в определенных ситуациях, на практике более многосторонняя процедура, чем предсказывается в рамках концепции генеративной грамматики.

⁴⁶ Степенье маркированности текста по-разному могут связываться на принадлежность синтаксических структур. Достаточно редко мы имеем дело с полным «априорным» употреблением тех или иных структур, чаще всего речь идет об их частотности или «нормальности» (ср., например: Шервак 1997).

⁴² Значительно более широким контекстом уделяет большое внимание в последних своих работах Г. А. Золотова. Рассмотрев глагольные категории, она пишет: «Естественно, что каждый предикат в тексте существует в релятивных связях с соседними предикатами» (Золотова 2002а: 12). В работе (Золотова и др. 1998: 33) выделяются пять основных регистров речи: репродуктивный, информативный, генеративный, коллективный, релятивный (ср. также: Клобуков 2000: 39–44).

⁴³ См. более подробно (Мустайкин 2003г).

⁴⁴ В. В. Красных (2000: 87–88) различает 12 параметров конституции, а также параметры, связанные с presuppositionами и контекстом. Все они влияют на то, какие языковые средства предпочитает говорящий при выражении нужных ему смыслов.

⁴⁵ См. по этому поводу работу (Норман 1994; особенно с. 132) и отмеченную в ней литературу.

⁴⁶ Язык имеет разные формы и сферы существования. Ю. Н. Караулов (1991: 7–9) различает восемь основных типов русского языка: 1) мертвый язык письменных памятников; 2) устный диалект; 3) язык литературы, печати и государственной документации; 4) повседневная речь; 5) научно-технический и профессиональный язык; 6) употребление языка в сфере компьютеров; 7) русский язык как иностранный; 8) русский язык зарубежья. ФС, как и любые другие модели описания языка, может, конечно, быть использован при описании любой формы языка. Примеры в настоящей книге отражают, скорее всего, типы 3–4 в перечне Караулова. По поводу разных сфер существования языка см. также (Гольдман 2000) и другие работы того же автора.

Равновесности языка можно рассматривать также с точки зрения того, в какой мере он воспринимается носителем языка («чужим», или «своим»), см. об этом (Мустайкин 2004б: 93–99). В этой связи следует отметить, как авторы «Большой грамматики финского языка» (Большой и в буквальном смысле, 1698 с.) (Nahkonen et al. 2004) определяют границы объекта описания: а) временные рамки; главный акцент на языке, распространенном с начала 60-х годов XX века; б) географические и стилевые рамки; широко используемый вариант литературного языка, а также неформально-стилевые вclusions разговорной речи; в) не учитываются диалекты, опечатки, неточности и другие случайности речи, несмотря на то что они встречаются в используемых корпусах. По своему содержанию грамматика содержит интересный выход в сторону функционального синтаксиса. Кроме традиционных разделов грамматики, есть последние главы, посвященные «включениям». Под этой рубрикой рассматриваются также явления языка, которые имеют отношение к взаимосвязям основных частей грамматики. Некоторые из тем, попадающих в эти «включения», соответствуют таким экстралингвистическим явлениям в финском языке семантическим категориям, как Аспектуальность, Определенность / неопределенность, Модальность.

⁴⁷ Вопрос о соотношении системы, нормы и утуса и о выдавке их изучению рассматривается нами более подробно в других работах (Мустайкин 1988а, 1995).

¹¹ В рамках ФС составляется и один корпус нового типа (см.: Колотев, Муштакова 2003). Кроме того, на кафедре Славистики и Балтистики Хельсинкского университета широко используются и другие корпусы (см., например: Муштакова, Колотев 2005).

¹² Использование корпусов затрудняется еще и тем, что пока примеров при подходе «от значения к форме» словоско, чем если исходным пунктом описания являются единицы или категории языка (ср. раздел 11 в третьей части работы).

¹³ В греческой и римской античной традиции так грамматикой понималась умение употреблять язык: «Grammar is an experimental knowledge of the usages of language as generally current among poets and prose writers» (Taylor 1921: 548).

¹⁴ В работе (Lachlan Mackenzie 2000) обсуждаются возможности применения разных функциональных концепций к рассмотрению прагматики.

3. Место функционального синтаксиса в современной лингвистической теории

Концепция ФС, основы которой представлены в первых двух главах книги, а более подробное описание содержится во второй части, естественно, возникла не изолированно от других концепций, она имеет теснейшие связи с общим развитием лингвистики. Цель этой главы — показать эти связи, по крайней мере самые важные из них. Сначала будет кратко рассмотрена общая история подхода «от значения к форме». Затем модель ФС сопоставляется с рядом других современных концепций.

3.1. Об истории подхода грамматического описания «от значения к форме»

Рассматривая историю лингвистических учений, А. М. Ломов (Ломов 1994: 11–13) высказывает мысль, согласно которой в течение последних десятилетий НОМИНАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА постепенно вытеснила и вытесняет СИСТЕМО-СТРУКТУРНУЮ ПАРАДИГМУ. С. Дак (Dak 1978: 4–5) называет эти конкурирующие парадигмы лингвистики соответственно ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ и ФОРМАЛЬНОЙ. У. Фост и Р. Ван Вален (Foley, Van Valin 1984: 3) пишут по этому поводу: «Current theorizing in linguistics may be divided into two broad schools of thought which we will label *formal* versus *functional* orientations»¹. Используются и другие термины: Э. Никонен (Nikonen 1983) говорит об АВТОНОМНОЙ и КАУЗАЛЬНОЙ, а В. И. Постовалова (1988: 8–9) — об ИМПАЛИЦИТНОЙ и АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ориентациях. А. А. Кибряк и В. А. Плушкин (2002: 276), со своей стороны, видит в «функционализме» противостояние генеративной грамматике Хомского, считая, что «основной пафос функционализма — объяснение языковой формы ее функциями»².

Своеобразное толкование различия между формальным и функциональным подходами можно найти у Р. де Ботграда (de Beaugrande 1997: 57). Он считает, что различие проявляется прежде всего в том, какие ограничения в употреблении языковых средств учиты-

яются исследователями. «Формалист» обращает внимание только на постоянные ограничения (*standing constraints of the system*), а «функционалист» — и на постоянные, и на переменные (*emergent constraints tailored to the occasion*). К тому же функциональный подход означает, как правило, учет мультифункционального характера языковых единиц.

Хотя указанные дихотомии в целом не идентичны, они отражают — каждая по-своему — два представления о языке: о языке как системе, построении структур и о языке как средстве общения, как орудии для выражения мыслей¹. Обычно лингвисты избегают в этой связи употребления куновского понятия «смена парадигмы», предполагающего необратимость и необратимость изменения, а говорят о сосуществовании двух исследовательских направлений или подходов в лингвистике, что представляется менее драматичным.

Выделяя два исследовательских направления, формальное и функциональное, мы еще далеки от использованного в ФС подхода «от значения к форме». Дело в том, что лингвист функциональный покрывает и множество других подходов к изучению языка. В широком смысле этот подход охватывает всякое исследование, в котором язык рассматривается с точки зрения его функций. Не впадая в философские рассуждения по поводу понятия «функция», можно считать, что изучение функций языка — это исследование языка с учетом того, в каких целях он используется. В рамках функционального лингвистика можно искать ответы на вопросы по крайней мере следующего типа²:

1) В конструкции актуального членения (англ. *functional sentence perspective*) лингвисты интересуют такие вопросы: «Как в предложении типа *x* выражается рема?», «При каких условиях отсутствует тема?». Изучение актуального членения возникло в рамках Прагматического лингвистического кружка³.

2) Если исследователь ставит перед собой вопросы типа «Для чего в языке *x* используется пассив?», «В каких функциях в языке *x* употребляется грамматический род?», он применяет, согласно терминологии В. П. Даниленко (1990), функционально-семасиологический подход: исходным пунктом изучения языка служит формальные категории, но они рассматриваются с точки зрения их функций. Пожалуй, в изучении русского языка самое полное осуществление этот подход получил в работе М. А. Шелюгина «Функциональная грамматика русского языка» (2001). Интересна также «Краткая практическая грамматика русского языка» (1987) Н. Г. Михалевского, который, используя разные подходы, дает систематическое

описание русского языка. Существуют и работы по отдельным темам (например, Вахалка-Алишевски 1992).

3) Если спрашивается, «Как в языке *x* выражается просьба, физиологическое состояние или отрицание?», мы имеем дело с подходом «от значения к форме», которому и посвящена эта книга. Его история будет представлена ниже.

4) Функции языка можно рассматривать и в более широком контексте, изучая то, что можно «сделать» при помощи языка. В рамках такого подхода ищут ответы на вопросы типа: «Как язык используется в качестве средства манипуляции и идейного воздействия на людей?», «Что делает рекламу или политическую речь эффективной?».

5) В еще более широком контексте функции языка рассматриваются, если ставятся вопросы, связанные с идентичностью народа или отдельного человека: «Какова роль языка с точки зрения национального самосознания?», «Что означает для билингва-эмигранта недостаточное владение родным языком?».

Подход «от значения к форме» является, таким образом, только одним из возможных функциональных подходов к языку. По этой причине термин *функциональный* может показаться неудачным. Действительно, ряд ученых предпочитает другие термины. Тот подход, который мы называем функциональным, называется также *слюксимологическим* в отличие от традиционного *семасиологического* подхода (ср. Гак 1977: 17–18; 1985: 12–15; Даниленко 1988: 108; Башеня, Космеда 1997: 23–38; и др.). Подход «от значения к форме» напоминает в известном смысле направление описания от синтаксиса к морфологии. В. А. Белошапкова и И. Г. Малославский (1988: 7) используют при этом знакомый из лексикографии термин *идеографический* (ср. название их книги «Идеографические аспекты русской грамматики») ⁴.

При выборе названия концепции у нас были и содержательные, и практические основания. Нам кажется, что термины *слюксимологический* и *идеографический* здесь слишком узки, они связывают то, что говорящий хочет сказать, только с тем, как он имеет эти высказываемые объекты или ситуации, в то время как семантический уровень должен отражать и отношения, и комментарии говорящего по поводу положения дел ⁵. Таким образом, термин *функциональный* шире.

Мы исходили также из практических соображений: лингвистам — специалистам по функциональному направлению нетрудно уловить, что в ФС функциональность описания означает именно подход «от значения к форме», а читателям с практической ориентацией слово *функциональный* в названии книги скажет намного больше, чем та-

ние слова, как *ономасемологический* или *идеографический*. Таким образом, мы не посчитали нужным заменить термин *функциональный*, но в рамках этой книги и нашей теории вместе в виду описание языка «от значения к форме» или, точнее, — «от семантической структуры к языковым средствам».

История функционального подхода описана сравнительно подробно некоторыми лингвистами (в частности, Бендарио 1978: 7–35³; Давыденко 1988; Дубо 1990; Башевич, Космеда 1997: 23–38; Князович 1999: 68–86). Нам достаточно отметить только основные этапы этого развития.

Дальними предшественниками функционального подхода иногда считают тех лингвистов, которые связаны со школой Пор-Рояля⁴. Однако их универсальная философская грамматика имеет на конкретном уровне мало общего с принципом «от значения к форме». Скорее, целью авторов являлся ответ на вопрос, какими общими функциями обладают грамматические категории в разных языках.

Первым лингвистом, у которого можно встретить конкретное требование описания по принципу «от значения к форме», можно считать Георга фон дер Габеленца (Gabelentz 1891: 97), который выделял *СИНТЕТИЧЕСКУЮ* и *АНАЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ* языка. Синтетическую систему (*das synthetische System*) он связывал с грамматической синонимией: говорящий хочет выразить какую-то мысль или какое-то чувство и имеет при этом разные возможности. Далее он привел следующий пример выражения обобщенности в немецком языке, в частности, следующими способами:

<i>Ein Fixstern hat</i>		<i>eigenes Licht.</i>
<i>Jeder Fixstern hat</i>		
<i>(Die) Fixsterne haben</i>		
<i>Alle Fixsterne haben</i>		
<i>Fixsterne haben insgesamt</i>		

Приблизительно в одно и то же время на необходимость такого описания указывали многие исследователи. О. Естерсен (Esterhousen 1924: 33) утверждал, что при изучении лексики следует исходить как из *ВНЕШНЕЙ* формы, так и из *ВНУТРЕННЕГО* значения. Далее в той же книге (1924: 45) он писал, что задачей синтаксиса является описание языка в направлении от значения к форме.

По мысли С. Н. Бернштейна (1922: 213), синтаксическое описание достигает своей «конечной цели» лишь тогда, когда укладывается не только на то, как, например, форма императива используется в

различных функциях, но и на то, с помощью каких различных языковых средств (в частности, интонации) выражается семантическая категория «императивности». Он отмечал также, что существование (грамматической) категории императива свидетельствует о том, что в «язычке» данного языка присутствует (семантическая) категория побуждения.

Одним из самых обстоятельных (около 1000 с.) и интересных «собранных» ФС является «La parole et la langue», опубликованный Ф. Бриво (Brivo) еще в 1922 г. К этой работе мы обратимся ниже.

Л. В. Щерба (см. 1974: 56, 333–338) в 30–40-х гг. употреблял термины АКТИВНАЯ и ПАССИВНАЯ грамматика в связи с двумя возможными направлениями грамматического описания. Считая оба подхода важными как с теоретической, так и с практической точки зрения, Щерба (1974: 77) констатировал, что подход «от значения», видимо, не может быть осуществлен в полной мере¹⁷.

Только на одной конференции в России было представлено более десяти различных типов функционального описания (см. Ярцева 1985). О популярности направления свидетельствует авторитетный и многочисленный состав участников конференции «Теоретические проблемы функциональной грамматики» в Санкт-Петербурге в 2001 г. Обзор литературы, посвященной истории и развитию функциональной лингвистики в разных странах, выполнен, в частности, В. К. Щербиным в работе (1998: 3–13; ср. также: Роббен 1997; Войводић 2000; Воронников 2001; Гакен, Малышенина 2002: 100–102). Сделано немало обзоров русских (и других) исследований, основывавшихся на «семантическом синтаксисе». Ранняя история генеративных теорий, исходящих из семантики (в частности, «грамматики надзейде»), рассматривается В. И. Богдановым (1977: 40–49). Синтаксические модели, созданные русскими лингвистами, описываются в (Копров 2002: 14–29). Основательные обзоры предистории различных типов функциональных исследований на чешском языке сделаны в работах (Daučí et al. 1981: 7–40; Zitzák 1980: 11–132).

Другая линия развития функционального подхода в лингвистике кончается у ученых с практической направленностью. Можно предположить, что такая ориентация уменьшает глубину теоретических размышлений. Порой это так и есть, но, с другой стороны, потребность последовательно представлять весь языковой материал делает работы такого рода более интересными, чем чисто теоретически ориентированные исследования, страдающие иногда спорадичностью и избирательностью языкового материала.

3.2. Сопоставление модели функционального синтаксиса с другими синтаксическими моделями описания

На все новое человек смотрит сквозь призму того знания, которым он уже обладает. Это касается и лингвистов. Когда читаем о новых лингвистических концепциях, мы — чаще всего неосознанно — сравниваем их с теми концепциями, которые нам уже знакомы. В связи с этим мы решили включить в презентацию нашего ФС раздел, где он сопоставляется с другими существующими моделями описания языка. Все они имеют что-то общее с ФС, но главная наша цель — описать то, чем они отличаются от него. Представляя другие концепции, мы тем самым постараемся уточнить и обосновать те решения, которые приняты в теории ФС.

«Функциональная грамматика» А. В. Бондарко

В обзорах, которые представляют ученых и лингвистические школы, привычным подход «от значения к форме», среди самых значительных, как правило, упоминается А. В. Бондарко и его функциональная грамматика. Для такого престижного положения есть основания, но, с другой стороны, оценка содержит и определенный парадокс, поскольку Бондарко (1984: 14) сам считает, что «описание, основанное на принципе „от значения к форме“, не будет представлять собой грамматику». Особенно в ранних работах по функциональной грамматике он подчеркивает, что описание должно основываться на синтезе направленной акцента, исходящих от форм (средств) и от значений (функций) (Бондарко 1983: 36; 1984: 15).

Концепция петербургской (ленинградской) функциональной школы базируется на синтезе структурно-типологического подхода С. Д. Кацнельсона и В. С. Храковского и исследований А. В. Бондарко, посвященных функционально-семантическим категориям и полям в русском языке. Теоретические основы данной концепции рассматриваются в работе (Бондарко 1978). В более конкретном виде теория функциональной грамматики представлена в книге (Бондарко 1983), переведенной также на английский язык. В светлой форме эта теория изложена также в книге (Бондарко 1984) и во Введении к книге (ТФГ 1987) и, кроме того, в многочисленных статьях (см., например: Бондарко 1985, 1987а, 1988, 2001а, б, 2003а — если назвать только некоторые ранние и свежие работы). В монографии (2002) вопросы функциональной грамматики освещены с несколько новой ориентацией. Критические отсылы на теорию А. В. Бондарко

(особенно на понятие функционально-семантического поля) даны, в частности, Л. Доже (1990) и Е. Белгичовой (1990).

Основным понятием в концепции Бондарко является ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ¹². Самые важные из этих полей описаны в серии работ под общим названием «Теория функциональной грамматики», а именно ТФГ 1987 — Актуальность. Временная локализованность. Таксис; ТФГ 1990 — Темпоральность. Модальность; ТФГ 1991 — Персональность. Зановость; ТФГ 1992 — Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность; ТФГ 1996а — Качественность. Количественность; ТФГ 1996б — Локативность. Бытийность. Послессивность. Обусловленность.

Понятие функционально-семантического поля находится на стыке языка и действительности: оно относится «к парадигматическому аспекту языковой системы» и вместе с тем связано с процессами мыслительно-речевой деятельности. «В языковом знании говорящих существует способность выразить тот или иной элемент данной семантической категории [...] различными языковыми средствами» (Бондарко 2001б: 32).

Хотя функциональная грамматика Бондарко считается описанием языка, основывающимся на функционально-семантических категориях и полях, сам ученый (например, Бондарко 2001а: 32) подчеркивает, что понятие КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ не менее существенно для его теории. С помощью этого термина описание переводится на уровень конкретных высказываний, на уровень речи. Согласно Бондарко (например, 1984: 105), выражаемая высказыванием общая (сигнификативная, семантическая) ситуация включает в себя определенный комплекс категориальных ситуаций. Их число и состав варьируются, кроме того, одна или несколько из них могут быть доминирующими, а остальные составляют фон высказывания.

А. В. Бондарко (например, 2001б: 35–36) употребляет и слово *среда*, выделяя, кроме РЕЧЕВОЙ (СИМТАГМАТИЧЕСКОЙ) СРЕДЫ, и СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВУЮ СРЕДУ. Далее он различает «ближнюю» и «дальнюю среду». У системно-языковых категорий ближняя среда включает элементы, которые непосредственно граничат (вернее пересекаются) с ними, как, например, актуальность, временную локализованность и таксис, а также объективную модальность. Действительно, при рассмотрении семантических категорий мы непременно сталкиваемся с «соседними», «родственными» явлениями, образующими определенный лучок, элементы которого трудно, иногда, кажется, невозможно отличить друг от друга.

Приведем один пример, демонстрирующий анализ категориальных ситуаций во всех подробностях. В высказывании (1) в состав доминирующего комплекса входит, согласно Бондарко (1984: 107–108), следующие категориальные ситуации:

(1) *Криво он на пальь мынул котле, а ничего не успел бы сделать.*

- модальная (в варианте ситуации предположения);
- сопряженная с ней кондициональная ситуация (в составе комплексной ситуации гипотетического условия);
- тавтологичная (в варианте сопоставления времени предполагаемого действия — на пальь мынул котле — и подразумеваемого реального действия, предшествующего предполагаемому, при последовательности двух предполагаемых действий — *криво... не успел бы*);
- темпоральная (временечуточная между доминирующей категориальной ситуацией и ее окружением, в варианте общей ответственности предполагаемых действий к плану прошлого по отношению к моменту речи; к этому же временному плану относятся подразумеваемые реальные действия: на самом деле он пришел раньше, и а что-то успел сделать).

Далее Бондарко выделяет следующие фоновые категориальные признаки:

- персональный признак сопоставления предполагаемых действий лица, о котором идет речь, и говорящего;
- залоговый признак актива;
- аспектуальный признак конкретных целостных фактов;
- признак определенности.

По некоторым принципиальным вопросам ФС совпадает с теорией Бондарко. И та и другая концепции основываются на семантических категориях. А. В. Бондарко (см., например: 1985: 29; 1988: 8), как и мы, подчеркивает, что в функциональной грамматике необходимо принять во внимание все различные языковые средства, выражающие определенное значение, будь то средства морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические или имплицитные. Кроме того, согласно и той и другой концепции, каждая конкретная поперечностная структура всегда прибавляет к семантике предложения свойственный языку ей дополнительный смысловой элемент (ср. раздел 2.2 настоящей книги). Однако данные концепции отличаются друг от друга, по меньшей мере, следующим:

1. Мы не разделяем мнения Бондарко в том, что полное системное описание языка (грамматики, синтаксиса) по принципу «от значения к форме» невозможно. Его аргументация не убеждает нас. Бондарко (1984: 14) утверждает, что описанию такого типа мешают случаи, в которых разные языковые средства перекрываются. Например, при выражении темпоральных отношений участвуют не только временные формы, но и видовые и модальные средства, синтаксические конструкции и единицы строевой лексики. А. В. Бондарко сам показал в многочисленных работах, что описание языка на основе семантических (понятийных) категорий возможно. Конечно, случаи взаимодействия языковых средств затрудняют и осложняют описание. Они препятствовали бы адекватному описанию, если бы мы придерживались однозначной формальной презентации соотношений формы и значения. Поскольку в ФС они описываются не в виде свода правил, а в более гибкой форме, многофункциональные языковые структуры можно охарактеризовать, констатируя, что они являются одновременно репрезентантами не только одной семантической категории.

2. А. В. Бондарко (например, 1984: 14) выражает мысль, согласно которой семантические, понятийные категории нельзя определить, не учитывая состав языковых, формальных категорий. Мы разделяем это мнение, но наш вывод другой: из этого вовсе не следует, что при описании языковых явлений нельзя последовательно соблюдать принцип «от семантических структур к языковым средствам». Для нас определение семантических категорий и их использование как исходный пункт в описании языковых средств — разные этапы составления ФС. Рассматривая языковые явления на поверхностном уровне, уже нет необходимости снова возвращаться к выделению и определению семантических категорий, а нюансы, возникающие при выборе тех или иных языковых средств, считаются дополнительной, вариантной частью значения поверхностных структур.

3. Бондарко (например, 1983: 48–53) использует, кроме термина *функционально-семантическое поле*, относящегося к конкретно-языковому аспекту, и термин «*понятийное поле*», относящийся к более универсальному аспекту рассмотрения. Как было сказано в разделе 1.4, универсальность семантических категорий в концепции ФС относительна, но тем не менее некоторые понятия ФС (большинство из них являются так называемыми спецификаторами) соответствуют, скорее всего, понятийным полям в теории Бондарко. Поскольку применение теории Бондарко основывается на функционально-семантических полях, получается, что исходный пункт ФС на одну ступень «глубже».

4. При выяснении сущности второго основного понятия «категориальная ситуация» А. В. Бондарко (1984: 115) отмечает: «Есть еще один аспект истолкования ситуаций, который нужно выделить и подчеркнуть. Наше понимание ситуаций не имеет специальной вербально-центрической синтаксической ориентации в духе теории Л. Тензера. Оно не связано с теорией актантов и партиципантов. Данное понимание ситуаций ориентировано на отношение всех категориальных элементов содержания высказывания к любым формальным средствам, включая средства как „явной“, так и „скрытой“ грамматики». В отличие от этого понимания, в теории ФС предполагается существование ситуаций (положений дел) с некой предикативной и актантным составом. Но, кроме того, в рамках ФС рассматриваются — как будет показано более подробно во второй части книги — и другие понятийные категории. Таким образом, в известном смысле ФС покрывает и тензеровский, и бондарковский подходы к содержательной стороне языка. Выбор в качестве основной единицы описания семантической структуры в целом обоснован тем, что она является эквивалентом высказывания-предложения, репрезентирует минимальную единицу общения.

5. Пожалуй, стоит еще отметить следующее отличие: мы стремимся к тому, чтобы языковой материал в ФС был представлен и организован в форме, доступной не только для лингвистов-теоретиков.

«Функционально-трансформационный» метод П. Адамца

Приемыс Адамца был первым, кто написал основательную работу о порядке слов в русском языке с точки зрения функциональной перспективы предложения (Адамца 1966). Для ФС еще важнее то, как он описывает различные стороны русского языка, используя разработанный им «функционально-трансформационный метод» (Адамца 1973, 1975, 1978). Названные работы отличаются последовательным и систематическим описанием многих сложных языковых явлений, в частности категории модальности.

У П. Адамца (1978: 7) предложения образуются из пропозиций путем двух операций: спецификации и реализации. Пропозиция состоит из предиката (П) и партиципантов, которые разделяются на актанты (А) и адвербиальные компоненты (Б). Так, из предложения (1) стоит пропозиция (2).

(1) Я кладу книгу на стол.

Не возможно ли мне книгу на стол?

(2) $\{я\text{-}/A^1 + \text{книж}\text{-}/\Pi + \text{книж}\text{-}/A^2 + \text{на стол}\text{-}/B\}$

Далее Адамс выделяет следующие типы спецификаторов:

- спецификаторы вида, фактивности и времени;
- спецификаторы разных типов модальности;
- спецификаторы грамматической презентации;
- спецификаторы актуального членения.

Каждому спецификатору Адамс дает подробное описание. Так, например, под рубрикой «Предложения с непримарной грамматической презентацией» (Адамс, 1978: 33–92) описаны, в частности, следующие типы предложений: рефлексивно-пассивные (3), парциально-пассивные (4), рефлексивно-демпассивные (5), адъективно-демпассивные (6), медиальные (7), конверсивно-активные (8), бесподлежащие-активные (9), бесподлежащие-стативные (10), непримарно-адъективные (11), непримарно-субстантивные (12), непримарные предиктивно-субстантивные предложения (13), предложения с мультивербальным предикатом (14), экзистенциально-номинализованная презентация (15).

- (3) *Проклята книга рассматривалась комиссией.*
 (4) *Предложение было принято директором.*
 (5) *Странители извинялись для друзей.*
 (6) *Туристу была видна гора.*
 (7) *У мальчика потерялся ключ.*
 (8) *Люди извиняются своим недосыпками.*
 (9) *Появилось несколько петухов.*
 (10) *Детишке поется.*
 (11) *Появилось оскорбительное для нас.*
 (12) *Искусство является оправданием жизни.*
 (13) *Мы в соре с браком.*
 (14) *Мы ведем борьбу с предрассудками.*
 (15) *У меня есть солидный расчет яхта.*

Спецификаторы добавляются к реляционной базе предложения простым обозначением. Например, в основе предложения «Выйди под!» лежит структура $\{ты\text{-}/A_1 + \text{выйди}\text{-}/\Pi + \text{под}\text{-}/A_2\} + \text{подбуждение}$.

Концепция П. Адамса оказала немалое влияние на создание теории ФС. Основным различием между ними является то, что модель П. Адамса исходит из конкретных пропозиций с лексическим наполнением, а в ФС исходным пунктом описания являются семанти-

ческие структуры без лексической семантики. Вместо этого в ФС выделяются разные ядерные структуры в зависимости от того, какое положение дел они обозначают. Поэтому конструкции *Мне холодно*, *У меня жарко* и *Моя любовь* рассматриваются в ФС в одном и том же разделе, а в концепции Адамца между ними не отмечается связи. Кроме того, между ФС и моделью Адамца есть и некоторые другие различия в структуре самого описания. Например, понятие «спецификатора» у Адамца шире, чем в ФС.

Концепция Г. А. Золотовой

Г. А. Золотова с полным основанием считается одним из пионеров функционального подхода в российской лингвистике. Основные черты ее концепция изложены в монографиях «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (Золотова 1975), «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» (Золотова 1982) и «Коммуникативная грамматика русского языка» (Золотова и др. 1998)¹². В этих книгах можно найти много удивных и тонких описаний явлений русского языка с точки зрения функционального подхода. Приведем два примера.

Подробная классификация глаголов, представленная Г. А. Золотовой в (1982: 156–168; Золотова и др. 1998: 59–80), отражает функционализм автора в целом. В разделах глаголов объединяются и грамматические, и функциональные характеристики:

1. Непользовательские глаголы
 - 1.1. Модификаторы
 - Физические: *начать, прекратиться*
 - Модальные: *должен, стремиться*
 - 1.2. Компенсаторы: *совершать (молчать), видеть (наблюдать)*
2. Знаменательные глаголы
 - 2.1. Акциональные
 - Физического действия: *идти, чихать, плакать*
 - Ментального действия: *решать, анализировать*
 - 2.2. Нонакциональные
 - Статусные: *знать, видеть, случать*
 - Функцивные: *(ветер) дует, (солнце) светит*
 - Реляционные:
 - Локализующие: *лежать, находиться*
 - Партитивные: *примыгать, находиться*
 - Посессивные: *иметь, владеть*
 - Союзительные: *устраивать, приносить*

Композиторы

Классификация: *кормить, выключить, вырастить*Авторизующие: *подобрать, поздравить, увидеть*

Другим примером систематизации формальных и функциональных характеристик языковых средств у Золотовой может служить концепция номинативного и неминимативного употребления частей речи (Золотова 1982: 127–129; Золотова и др. 1998: 102–110). Если отображаемое категориальное значение соответствует основному категориальному значению данной части речи, мы имеем дело с номинативностью (диагональ таблицы), если нет — с неминимативностью (другие случаи).

Категория действий	Предмет	Свойство	Действие	Состояние	Количество
Часть речи					
Существительное	<i>лесу</i> <i>белом</i> <i>дву</i>	<i>белым</i>	<i>лесом</i> <i>побелом</i>	<i>дружбу</i>	<i>множеством</i> <i>двойка</i>
Прилагательное		<i>лесной</i> <i>белый</i> <i>двойной</i> <i>двойной</i>		<i>дружбой</i>	<i>многие</i> <i>двойкой</i>
Глагол		<i>белить</i> <i>двойиться</i>	<i>лесом</i> <i>белить</i> <i>двойить</i> (о чете)	<i>дружить</i> <i>двойить</i> (о чете)	<i>множить</i> <i>удвоить</i>
Категория состояния				<i>дружбою</i> <i>двойно</i>	
Числительное		<i>первой</i> <i>второй</i> <i>двойств-</i> <i>венной</i>			<i>много</i> <i>два</i>
Наречие					<i>много</i> <i>двойжды</i> <i>двойно</i>

Разные идеи концепции Золотовой были неоднократно использованы при составлении ФС. Однако необходимо отметить и принципиальные различия между ними.

1. Г. А. Золотова (см., например, Золотова и др. 1998: 102–103; Золотова 1998, 2000, 2002б, 2004) исходит из «двуразового» описания языка, упреля лингвистов, различающих семантический (функ-

циональный) и формальный уровни лингвистического анализа. У нас противоположное мнение. На наш взгляд, как раз использование двух уровней рассмотрения позволяет лингвисту более адекватно оперировать одним из ключевых свойств языка — асимметричностью языкового знака. Мы считаем, что приведенная выше таблица с двумя осями, представляющими формальную и содержательную стороны языка, как раз показывает необходимость различения этих уровней: они, безусловно, взаимосвязаны, но для их адекватного описания нужно двухмерное пространство, т. е. понятия двойного плана¹¹.

2. Указанное различие во взглядах не только имеет теоретическое значение, но и влияет на форму презентации материала. Книги Золотовой разделяются на главы то по формальному, то по функционально-семантическому принципу. Таким образом, в одной главе рассматриваются семантические субъекты предложения, в другой — разные функции инфинитива. В ФС исходный и основной принцип классификации материала — семантический: рубрики оглавления соответствуют семантическим категориям.

3. Как уже было сказано, в работах Г. А. Золотовой можно найти удачные описания сложных явлений русского языка. Однако, как указывается в названиях первых монографий, это скорее «очерки» или «аспекты». Только лингвист, страдающий манией величия, мог бы утверждать, что его концепция полностью охватывает все явления языка. Но есть, пожалуй, основания считать, что ФС более систематически и последовательно покрывает часть языка, традиционно принадлежащую грамматике (синтаксису).

4. В своих работах Золотова (1982: 282–356; Золотова и др. 1998: 373–475; Золотова 2002а, 2003) проявляет нарастающий интерес к описанию не только уровня предложения, но и вклиний, встречающихся в тексте. Это можно считать достоинством ее концепции, поскольку таким образом в описании видоизменяются многие важные с точки зрения употребления языка феномены. В своей вышедшей версии ФС сосредоточивается на семантических и функциональных категориях, языковым проявлением которых являются чаще всего единицы языка в рамках простого или сложного предложения. Однако в главе II представлена характеристика работы А. Честермана, в которой идеи ФС применяются к описанию текста.

Остановимся еще на одной важной идее концепции Золотовой, а именно на понятии «синтаксема». Синтаксемы русского языка более или менее полно описаны в книге «Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса» (Золотова 1988/2001). Спрашивается, имеет ли концепция синтаксем точки приложения

е ФС. Ответ — положительный. Правда, организация материала в Словаре основывается на формальном принципе, конкретнее говоря, разные синтаксемы распределены по падежам. Но сами синтаксемы отражают семантические категории или функции, которые тем или иным образом должны быть учтены и в ФС. Так, синтаксема «субъект состояния» (*Всем случило*) отражает один из способов выражения эмоционального (или физиологического) состояния человека. Эта конструкция описывается в ФС в разделе «Ядерные семантические структуры». По терминологии ФС, в семантической структуре данного предложения различаются предикат (*Эмоциональное состояние*) и актант (*Экспериментер*). Как показывает пример, данные «Синтаксического словаря» могут быть широко использованы в составлении ФС.

«Функционально-коммуникативный синтаксис»

М. В. Воеволовой

М. В. Воеволова также является продуктивным и признанным энтузиастом функционального подхода в русистике. Она (отчасти в сотрудничестве с другими авторами) составила, соблюдая принцип «от значения к форме», первые систематические и достаточно полные описания некоторых семантических полей, а именно: выражение временных (Воеволова 1975), пространственных (Воеволова, Владимировский 1982) и причинно-следственных отношений (Воеволова, Яценко 1988).

Свой взгляды на изучение синтаксиса Воеволова представляет в целостном виде в книге «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса» (2006). Автор называет ее учебником, но, по сути дела, она является солидной научной монографией (500 с.), в которой весьма многосторонне представлены разные стороны функционального направления. Автор подчеркивает практическую направленность своего подхода. Несмотря на это, работа отличается широким не только конкретным русским языковым материалом, но и научными терминами и трактовок.

В монографии Воеволовой можно найти на редкость полные описания некоторых сложных частей терминологического аппарата функционального подхода. Приведем один пример (Воеволова 2006: 121–152). Основное понятие смыслового (девокативного) уровня для автора — **ТИПСОВАЯ СИТУАЦИЯ**. Существует два основных класса девокативных ролей, а именно **ПРЕДИКАТЫ** и **ПАРТИЦИПАНТЫ**. Последний класс включает две разновидности: **АКТАНТЫ** и **СЕРВОНСТАНТЫ**.

Предикаты делятся на 25 категорий в зависимости от того, какой тип (существенный, ациональный, стативный, реляционный или характеристивный) и какую сферу (физическую, физиологическую, эмоционально-психическую, интеллектуально-творческую, социальную, духовную) они представляют. Каждую клетку матрицы можно заполнить языковыми примерами. Например, разные типы предикатов в интеллектуально-творческой (первый пример) и социальной сферах (второй пример) можно проиллюстрировать фразами:

Бытие:	<i>Есть одна идея : Таково закон бытия.</i>
Действие:	<i>Я решаю задачу : Суд вынес приговор.</i>
Состояние:	<i>Я знаю это : Он не поспит.</i>
Отношение:	<i>Я желаю фразы : Конфликт ведет к войне.</i>
Признак:	<i>Он леталел : Он — арм.</i>

Актанты разделяются сначала на пять основных категорий: Протагонист (разные «субъекты»), Пациент (разные «объекты»), Адресат, Инструмент и Ситуант. Далее каждая категория содержит подкатегории. Таким образом, получается список 50 типов актантов. Для того чтобы дать представление о них, приведем некоторые примеры из подкатегории «протагонистов»:

Экзистенс	— протагонист бытия
Адресант	— агенс-отправитель речи
Донатор	— агенс в ситуации передачи материального объекта
Поманатор	— агенс в ситуации наименования, дачи имени
Функция	— протагонист-предмет, создающий ситуацию
Релянт	— лица, предметы и пр., находящиеся в некотором отношении друг к другу
Элементив	— один из элементов множества по отношению к множеству
Дескриптив	— протагонист — носитель признака, качества, свойства

Здесь была представлена лишь незначительная часть теоретического аппарата книги. В целом монография Всеволодовой является сокращенной для лингвиста, изучающего любые языковые явления с функциональных позиций. В ней много точек соприкосновения с с.ФС. Отметим основные, принципиальные различия.

1. Всеволодова (2000б: 10) пишет, что изучением языка по принципу «от смысла к форме» занимается идеографическая грамматика — составная часть функционально-коммуникативной грамматики. Однако на практике это утверждение не получает подтверждения. Концепция автора может быть применена к описанию синтаксиче-

свой парадигматике (см., например, Всеволодова, Демезьева 1997), а систематического рассмотрения языка по принципу «от семантических структур к языковым средствам» — реализации основной идеи ФС — в ней нет.

2. Понятие типовой ситуации у Всеволодовой «ближе к языку», чем соответствующее понятие «положение дел» в ФС. То, что в ее концепции называется типовыми ситуациями, в рамках ФС рассматривается как разные реализации одного и того же положения дел.

3. В связи с тем, что отмечено в пункте 2, число девокативных ролей в концепции Всеволодовой заметно больше, чем в ФС: они отражают не только их роли в ситуации, но и те языковые реализации, которые они получают на формальном уровне. В нашей концепции мы сознательно отказались от их чрезмерного дробления.

4. Система описания разных типов предикатов у Всеволодовой поражает и восхищает своей последовательностью (см. пример выше). В ФС практичность и соответствие интуитивным представлениям мы предпочли системности и отказались от такой детализации предикатов. Дело в том, что во многих случаях систематизация приводит к бессмысленному дроблению. Приведем два примера. По нашему мнению, разные характеристики (признаки) (др. *Он душой / символический / леммальный*) представляют собой один тип предикатов независимо от того, о какой сфере проявления признаков мы говорим. Точно так же мы не видим необходимости различать разные категории бытия (*Такое закона / стера / предположена / ограда моя*).

Модель «Смысл ↔ Текст» Н. А. Мельчука

В разных обзорах, посвященных функциональному подходу к языку, как правило, не упоминается теория «Смысл ↔ Текст» Н. А. Мельчука, несмотря на то что сам автор (Мельчук 1974/1999: 15) подчеркивает, «что наша модель является сугубо функциональной». Поводом к такому игнорированию не может быть требование советских властей в определенный период не ссылаться на работы этого политически неопосредованного гражданина. Очевидно, объяснение этому нужно искать в целях модели «Смысл ↔ Текст». В отличие от большинства «функционалистов», Мельчук стремится построить концепцию, которая может быть применена к автоматическому анализу и синтезу языка.

Модель впервые описана в более или менее полном виде в 1974 году. В предисловии к переизданию своей монографии Мельчук (1999:

X) отмечает, что у него нет потребности вносить существенные изменения в теорию. Таким образом, с полным правом можно сослаться на издание 1974 года, хотя в рамках данной теории автором опубликовано почти сто других работ (Мельчук 1999: XVI—XXII). Модель «Смысл \leftrightarrow Текст» ни в коем случае нельзя считать созданием только одного ученого. Наоборот, в его разработке участвовал и участвует целый ряд исследователей, в том числе А. К. Жолковский, Ю. Д. Апресян, Л. Л. Новикова, Н. В. Перцов, Л. Н. Норданская, но Н. А. Мельчук больше других отвечает за развитие данной модели¹⁴.

Модель «Смысл \leftrightarrow Текст» основана на идее, согласно которой можно создать целостную систему, позволяющую подробно описать преобразование смыслов в языковые выражения («тексты»). Чтобы показать этот сложный путь, в ней используется пять уровней или подуровней: семантический, уровни глубинного и поверхностного синтаксиса и уровни глубинной и поверхностной морфологии (Мельчук 1974/1999: 31–44). Кроме того, в полном виде модель должна иметь еще два модуля, которые не являются целиком языковыми, а являются модули «Действительность \leftrightarrow Смысл» и «Текст \leftrightarrow Звучащая речь» (Мельчук 1974/1999: 27). Самым известным элементом модели «Смысл \leftrightarrow Текст» является толково-комбинаторный словарь, лексические функции которого (Magis, Oris, Fines, Labor и др.) используются достаточно широко, в том числе в лингвистах, которые не принимают другие части модели.

В своей работе Мельчук неоднократно сравнивает модель с генеративной грамматикой Н. Хомского. Действительно, эти теории объединяет, между прочим, идея различения глубинного и поверхностного уровней. Однако есть и существенные различия: Мельчук (1974/1999: 21), например, подчеркивает, что модель «Смысл \leftrightarrow Текст» есть не порождающее, а преобразующее устройство, не генератор текстов, а транслятор смыслов в тексты и обратно.

Несмотря на разные цели, ФС имеет много общего с моделью «Смысл \leftrightarrow Текст». Основная идея в обеих концепциях одинакова: одна из задач лингвистики — создать теоретическое устройство, позволяющее описать соотношение семантических единиц и их поверхностных, языковых выражений. Мы также полностью разделяем многие взгляды Мельчука на роль говорящего в коммуникации и возможности лингвиста изучать ее (ср. примеч. 25 первой главы).

Общая исследовательская стратегия у нас такая же, как у Мельчука (1974/1999: 5–6). Он говорит о дилемме, стоящей перед лингвистом, который должен достичь компромисса между желательным и возможным. Мельчук красноречиво объясняет, почему он поскр-

вовал «качеством», а не «количеством», имея в виду, что лучше по-стараться дать целостную картину всего языка, чем сосредоточиться только на каких-либо отдельных фрагментах. Мы взяли на себя такой же риск, зная, что это неизбежно приведет к недостаткам в описании нюансов разных языковых явлений.

Упомянем различия между моделью «Смысл \Leftrightarrow Текст» и ФС.

1. Мельчук (1974/1999: 20–21) исходит из того, что его модель должна быть задана совершенно формально. ФС тоже стремится к точности в описании двух главных уровней — семантического и поверхностного. Однако связь между ними не демонстрируется сводом правил. Таким образом, ФС не является транслятором смыслов в текст, а его цель — описать, какие поверхностные структуры языка репрезентируют семантические категории.

2. В семантическом представлении модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» автор стремится использовать атомарные единицы семантики. Например (ср. Мельчук 1974/1999: 63), считается, что значение выражения *X сообщает Y, что P* можно описать следующим образом: *X* идентично каузирует то, что *Y* знает, что *P*. В ФС при определении семантических структур не идет так глубоко, а такие комплексные предложения дел, которые являются носителями языка воспринимают как единое целое, далее не дробится.

3. Лексико-семантические явления играют важную роль в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст»: так, говоря о «критической семантической гибкости языка», Мельчук (1974/1999: 31) приводит примеры, основывающиеся на тождестве значений лексических единиц. Цель ФС — описать языковые средства не на уровне отдельных лексем, а на уровне конструкций.

4. Модель «Смысл \Leftrightarrow Текст» построена так, чтобы она могла быть использована в машинной обработке языка, зато в рамках ФС мы стремимся к тому, чтобы созданные на его основе описания языка были доступными разным людям, не только лингвистам, но и нелингвистам тоже. Разные ориентации не могут не влиять на существование и построение моделей.

«Синтаксис русского языка» И. Пете

Книга Ингварна Пете «Синтаксис русского языка для негерманских студентов-русистов» (1988) заслуживает внимания по нескольким причинам. Во-первых, данная работа обычно полностью игнорируется в обзорах по функциональной грамматике. Во-вторых, она является, на наш взгляд, одним из самых удачных описаний синтаксиса

са современного русского языка. В-третьих, подход, используемый в одной части книги, весьма близок к тому, к которому мы стремимся в рамках ФС.

Рассмотрение уровня предложения начинается в (Пете 1988) с описания его «синтактики». Эта часть соответствует традиционному синтаксису по принципу «от формы к значению». Правда, от многих других описаний русского синтаксиса она отличается большей доступностью, которая достигается с помощью удачного выбора примеров и наглядных семантических иллюстраций.

Нам больше всего интересуют следующие разделы, под заголовками «Семантика предложения» и «Прагматика предложения». При рассмотрении семантики предложения Пете исходит из языковых **СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ**. Ссылаясь на работы (Гулыга, Шендельс 1969; Щур 1974), он выделяет следующие признаки категорий:

- наличие общего значения
- комплексность равноуровневых, равнофункциональных и разноразрядных средств
- возможность выделения доминанты среди этих средств
- многозначность средств.

Рассмотрение языковых семантических категорий проводится с помощью шести основных понятий:

- семантической субъект
- семантической предикат
- семантической объект
- притяжательные отношения
- атрибутивные отношения
- семантической конкретизатор.

Самыми интересными из них с точки зрения сопоставления с ФС являются семантический предикат и семантический конкретизатор. Семантический предикат разделяется на типы, которые составляют список предикатов ядерных семантических структур в ФС: экзистенциальные, назывные, идентифицирующие, классифицирующие, характеризующие, акциональные, событийные предложения и отношения состояния. Семантическими конкретизаторами являются адресатные, инструментальные, социативные, пространственные, временные, причинные, целевые, условные, сравнительные, ограничительные и количественные отношения, а также отношения происхождения, соответствия, образа и способа действия, замещения и интенсивности.

В разделе «Прагматика предложения» рассматриваются многие явления, которые в ФС помещены в рубрику модификаторов: речевые функции, модальность и др.

Благодаря своей инновативности и системной подаче материала работа Пете может быть использована как при определении семантических категорий, так и в описании тех языковых средств, с помощью которых они выражаются в русском языке. От ФС она отличается, в частности, следующими моментами:

1. Языковые семантические категории у Пете несколько ближе к конкретному языковому выражению, чем семантические категории ФС. Таким образом, они отличаются меньшей степенью универсальности. В ФС мы не предполагаем, что семантические категории обязательно имеют доминантное языковое средство в описываемом языке.

2. В ФС мы исходим из положений дела в целом, а Пете рассматривает отдельно выражение предикатов и главных актантов (субъект и объект).

3. Отличаются некоторые различия в классификации разных составляющих элементов семантического уровня. Например, адресаты и инструменты считаются в ФС ролями актантов ядра предложения дела, тогда как у Пете они входят в список конкретизаторов. К разряду конкретизаторов Пете относят также также случаи, в которых мы имеем дело с двумя подлежащими дела. Данные отклонения в ФС описываются с помощью метасконов.

«La pensée et la langue» Фердинанда Брюно

Во многих обзорах, посвященных истории подхода «от значения к форме», упоминается работа Ф. Брюно «La pensée et la langue» («Мысль и язык»), написанная еще в 1922 году. Однако нам нигде не удалось обнаружить подробного описания этой книги и ее основ¹². В связи с этим уместно остановиться на идеях, представленных в ней.

Фердинанд Брюно (Ferdinand Brunot) был во время публикации первого издания своей книги деканом филологического факультета Парижского университета. Его перу принадлежит также многотомная книга «История французского языка», которая, согласно индексам цитирования, все еще считается большим авторитетным трудом. Книга «La pensée et la langue» вышла в свет в нескольких изданиях. В предисловии к третьему изданию Брюно (Brunot 1922/1936) пишет: «Я не хотел переиздавать эту книгу. В своем настоящем виде она произвела ожидаемый мною эффект. Книга побудила к размышлению, и я позволил себе констатировать, что она заставила извлечь

некоторые уроки и даже идеологии на некоторые произведения. Их авторы не только грамматисты, занимающиеся французским языком, которым они увлечены, но и ученые, исследующие язык другой, не индоевропейской, группы, например семитские языки»²⁶.

Работа имеет подзаголовок: «Метод, принципы и план новой теории языка применительно к французскому». Во введении (с. VII) Брюно объявляет суть своей книги: «Эта книга — не „Психология“. [...] Тем более эта книга — не „Грамматика“. Конечно, здесь вы найдете слова *примативное, лалот, марече* и т. д. и разные правила. Моей целью было представить методическое изложение фактов мышления, рассматриваемых и классифицируемых по отношению к языку, и средства выражения, которые им соответствуют». (Выделено Брюно.)

Далее Брюно пишет, что грамматика должна отражать то, чем реально является «язык со своими нюансами, беспоследовательностями, вечной путаницей элементов, которые природные силы толкают к смешению». Автор грамматики должен «все понять и все выразить».

Эта характеристика работы, принадлежащая автору, дает хорошее представление о том, с каким трудом мы имеем дело. Книга не является в строгом смысле функциональной грамматикой, в которой язык описывается по принципу «от значения к форме», зато в ней дается многостороннее описание функционирования французского языка. Работу Брюно можно было бы назвать иначе: «Что такое язык и как он функционирует?».

В книге обстоятельно описываются разные возможности выражения членов предложения, дватезных (залоговых) и логических отношений, модальных значений. Определяются и анализируются многие понятийные категории, например «событие», «существо», «предмет», «определенность / неопределенность». Языковые категории сопоставляются с понятийными, например «ред : поле», «число в грамматике : число в реальности», «время в грамматике : время в реальности».

Рассмотрим более подробно один пример из той части работы, в которой в достаточной степени соблюден принцип «от содержательных категорий к языковым средствам». В этой главе (с. 541–543) Брюно рассматривает, как во французском языке выражаются чувства. При этом он приводит весьма широкий репертуар разных языковых средств выражения.

Автор начинает главу со следующего утверждения: «Нужно сказать, что модальность чувств не выражается никаким специаль-

вым лингвистическим способом, т. е. они не имеют никаких глагольных форм. Нет склонения любви или ненависти: для их выражения используются средства мало или совсем не подходящие для выражения объективного и бесстрастного мышления. Вот в сокращенном виде список способов выражения чувств у Брюне:

«1. **Интонация.** Эмоции меняют интонацию в высказываниях. Подумайте о том, чем при некоторых обстоятельствах становится *C'est lui!* 'Это он!', *C'est un garçon!* 'Это мальчик!', *Il chante!* 'Он поет!'. *Merci* 'спасибо' может быть благодарностью или пренебрежительным отказом. [—]

2. **Выбор слов.** Чувство часто определяет выбор слов; одни выделяют восхищение, а другие, наоборот, презрение, осуждение и т. д. Отсюда *un tableau* 'картина' или *une étoile* 'звезда'; *une observation* 'замечание' или *un avertissement* 'предупреждение', *une scène* 'сцена' или *une affaire* 'наглая выходка'; *unectar* 'нектар' или *de la bière* 'пиво, бурда'.

3. **Восклицания.** Чувство всегда есть в восклицаниях. *Peux!* 'смотри', *oh!* 'о!', *diable!* 'черт!', *allons!* 'идем; давай', *Ciel!* 'о боже!', *Mon Dieu!* 'Боже мой!' имеют разные оттенки интонации. [—]

4. **Восклицательные формы.** Целые предложения становятся восклицаниями или без именения формы: *Il aimait son fils, ce pauvre homme!* 'Он любил своего сына, этого беднягу!', или в форме специальных восклицательных конструкций: *Comment vous êtes changé!* 'Как вы изменились?' — *Que la France était belle, Au grand soleil de Mexique!* 'Как твоя Франция была красива, Под солнцем Мексика!' [—]

5. **Восклицания в вопросительной форме.** Восклицания могут иметь вопросительную форму: *Il en a de la chance, ce gars-là!* 'Он удачи, этот парень!' может быть: *En a-t-il de la chance, ce gars-là!* 'Везет же этому парню!'.

6. **Изменение порядка слов.** Порядок слов меняется: *Malheureusement je ne l'ai pas aperçu!* 'К сожалению, я его не заметил!', *Il a parlé naturellement* 'Он говорил естественно' и *Naturellement il a parlé!* 'Естественно, он говорил!'.

Наречие в начале предложения может стать основой предложения: *Heureusement qu'il m'est venu en aide!* 'Счастье, что он пришел на помощь!' — *Heureusement que mon salon est fait!* 'К счастью, мой салон открыт!' [—]

7. **Изменение структуры фразы.** Чувство разрушает логический и правильный порядок слов в предложении. Они урываются, сокращаются до фрагментов, в которых остаются только слова, чтобы

произвести впечатление: *Encore une revue!* 'Еще один журнал', *Pas de chance?* 'Нет шанса?' — *Parque je vous le dis!* 'Как я вам и сказал!', *Moi, un dandy!* *moi, dans un lit d'auberge à mon heure dernière!* 'И пожалуйста! я на гостиничной кровати в мой последний час!' [—].

«Мысль и язык» Фердинанда Брэнно представляют собой уникальное экспериментальное описание французского языка с учетом его функционирования. Работу нельзя, однако, считать настоящим образцом подхода «от значения к форме», поскольку исходным пунктом описания в ней оказывается то форма, то значение. Во всех случаях, для будущих составителей ФС французского языка книга Брэнно может послужить ценным источником.

«Functional Grammar» С. Дика

Голландский исследователь Симон Дик представил свою концепцию функциональной грамматики (Functional Grammar – FG) в книге (Dik 1978), в которой он, в частности, показал различие между «формальной» и «функциональной парадигмой» лингвистики (с. 4–5). Его теория была далее разработана во многих публикациях, которые содержат в себе также конкретные примеры ее применения к описанию различных языков (см., например: Dik 1980, 1983). Целостные отредактированные описания теории представлены сначала самим автором в (Dik 1989), а после его смерти К. Хенгевельдом (Kees Hengeveld) в (Dik 1997). Новые версии отличаются от оригинала (Dik 1978) только в некоторых деталях¹⁷.

По своей основной идее наш ФС напоминает FG Дика. Особенно много общего в группировке разных семантических элементов. В обеих теориях можно найти определенные ядерные предикаты и надстроенные над ними дополнительные смысловые элементы. «Глубина» семантической презентации в обоих случаях та же, что и в ФС. Покажем это на одном примере. С. Дик (1997: 23) старается «избегать абстрактных семантических предикатов». Иллюстрацией служит интерпретация в рамках генеративной семантики глагола $\text{kill}(x, y) = \text{CAUSE}(x)(\text{BECOME}(\text{NOT}(\text{ALIVE}(y))))$, которую Дик не принимает.

Существует, однако, и ряд различий между FG и ФС. Назовем самые значительные из них.

1. Начнем с отличия, которое играет второстепенную роль с точки зрения конкретного применения моделей, но отражает скорее степень общетеоретических амбиций их создателей. Согласно Дикю

(Dik, 1997: 12–15), при составлении модели FG необходимо принимать во внимание три «адекватности»:

- прагматическую («it would be capable of being integrated into model of natural language users»);
- психолингвистическую («it must relate as closely as possible to psychological models of linguistic competence and linguistic behaviour»);
- типологическую («it should be capable of providing grammars for languages of any type»).

Последнее требование мы принимаем: ФС должен обладать такой структурой, чтобы он мог быть применен к описанию языков разного типа. В части же, касающейся прагматической и психолингвистической компетенции, у нас более скромные цели. Безусловно, было бы заманчиво создать модель, которая описывает и объясняет языковую компетенцию носителя языка и отдельные процессы порождения речи. Однако мы считаем, что достижение такой цели нереально, по крайней мере в течение следующих ста лет. Языковая интуиция не является, таким образом, объектом исследования в нашей работе, зато она играет решающую роль в принятой методологии: соотношение семантической и поверхностных структур фиксируется на основе интуиции носителей языка. Что касается прагматической адекватности, мы считаем, что погрузить грамматику или синтаксис языка в общую модель коммуникативного поведения человека тоже преждевременно — если нет желания довольствоваться весьма приблизительным описанием процесса коммуникации и его прагматических характеристик. Следовательно, мы не отрицаем важности отечественных «адекватностей» как отдаленной цели психо- и социолингвистов, но, на наш взгляд, более целесообразно и, может быть, более обоснованно не ставить перед собой такие недостижимые в настоящее время цели.

2. В FG описываются не абстрактные предикаты (входящие в состав семантической структуры), а поверхностные глаголы. ФС же исходит из семантической структуры, которая по своему составу нередко отличается от соответствующей поверхностной структуры. Данное различие имеет весьма существенные последствия, особенно это касается интерпретации разных явлений и определения используемых терминов. Рассмотрим пример. В FG функции аргументов ядерной конструкции (*kernel semantic functions*) меняются, если говорящий выбирает альтернативное средство выражения данного смысла. Так, предложения (1–4) имеют разные активные составы

(Agent — Goal — Recipient; Agent — Goal — Reference; Agent — Goal — Instrument; Agent — Goal — Direction). В ФС схема повержностной структуры не меняет роли актантов.

- (1) *John teaches math to the children.*
- (2) *John teaches the children math.*
- (3) *John teaches children with math.*
- (4) *John teaches children into math.*

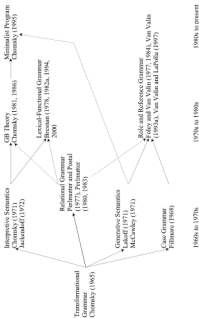
3. Отмеченное в пункте 2 различие приводит к тому, что FG отвечает прежде всего на вопрос КАКОВЫ ЯЗЫКИ? или, на более конкретном уровне, КАК УСТРОЕНА ОПРЕДЕЛЕННАЯ ФРАЗА РАССМАТРИВАЕМОГО ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА? Таким образом, основное свойство грамматики — интерпретационное. В отличие от этого, теория ФС стремится отвечать на вопрос КАК В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ ВЫРАЖАЮТСЯ ТЕ ИЛИ ДРУГИЕ СМЫСЛЫ? По моему мнению, то, что в основе концепции Дика лежит единичный повержностной уровня, наводит на противоречия с его идеей создать более или менее абстрактную универсальную модель описания языков.

4. Мы должны признать, что определение некоторых терминов у Дика более последовательно и систематично, чем в ФС. Например, положения дел распределяются по разрядам на основе комбинаций ряда семантических параметров, таких, как контролируемость, личность и предельность (*elic*) (Dik 1997: 107–117). При определении разрядов аспектуальности мы используем соответствующие критерии, а при определении положений дел и, следовательно, ядерных семантических конструкций — одновременно разные типы критериев. Созданная таким образом типология может показаться менее строгой, менее «научной», однако, используя такой прием, мы, как нам кажется, пришли к классификации, которая более адекватно отражает значимость разных положений дел с точки зрения языка и его функционирования.

«Role and Reference Grammar» Р. Ван Валлина

На многочисленных концепциях американских лингвистов ближе всего к ФС «Референциально-ролевая грамматика» (*Role and Reference Grammar*; далее — RRG) Роберта Д. Ван Валлина и его соавторов¹⁵. Он определяет свое место в развитии лингвистических идей с помощью следующей схемы на с. 133 (Van Valin 2001: 218)

Нам кажется, что в схему следовало бы добавить и некоторые другие стрелки, ведущие к референциально-ролевой грамматике.

Дело в том, что она не только продолжает традиции американских лингвистических исследований, но в ней можно видеть немалое количество, связывающих ее и с европейской традицией описания языка, в частности с теорией валентностей.

Концепция Ван Валина импонирует своей системностью и ясностью. Основные понятия определяются четко, принятые термины используются последовательно. В качестве иллюстраций Ван Валин приводит не только английские примеры, но и примеры из целого ряда других языков, в том числе и из русского.

При определении типов положений деп Ван Валин использует классификацию Вондлера, дополнив ее своими разрабами. Таким образом, получаются десять типов предикатов (Van Valin, LaPolla 1997: 82–102):

State: The boy is afraid.

Causative state: The dog frightens / scares the boy.

Achievement: The balloon popped.

Causative achievement: The rat popped the balloon.

Accomplishment: The ice melted.

Causative accomplishment: The hot water melted the ice.

Activity: The ball bounced around the room.

Causative activity: The girl bounced the ball around the room.

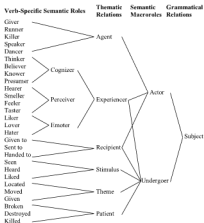
Active accomplishment: The soldiers marched to the barracks.

Causative active accomplishment: The sergeant marched the soldiers to the barracks.

Ван Валин развивает и систематизирует описание семантических ролей (глубинных падежей) и вообще аргументного состава глаголов, различая последовательно четыре уровня рассмотрения. Как показывает схема на с. 135 (Van Valin 2001: 31), он, с одной стороны, конкретизирует концепт семантических ролей (у него — «Thematic Relations») более детальным описанием специфических ролей и, с другой стороны, определяет две семантические «микророли», называемые *Actor* и *Undergoer*.

Основная идея ФС имеет много общего с концепцией Ван Валина. Обе модели стремятся структурировать семантические свойства предиката и языкового высказывания в целом. Из отличительных черт назовем две особенности в общих методологических подходах.

1. Систематизация семантических элементов в RRG приводит в некоторых случаях к решениям, от которых мы в ФС отказались. Например, на наш взгляд, не целесообразно рассматривать одинаково все клаузитивные модификации базовых положений деп (см. выше).

Нам представляется, что, например, с интуитивной точки зрения в конструкции *Мальчик поднял руку с пола* (Cognitive activity) когнитивное значение не так очевидно, как, скажем, в конструкции *Собака спрыгнул мальчика* (Cognitive state; ср. *Мальчик боялся собаку, Собака вызывает страх у мальчика*). Мы делаем из этого вывод, что когнитивные модификации положений дол должны быть описаны по-разному.

2. Второе важное принципиальное различие между RRG и ФС уже было отмечено при рассмотрении концепции Дина. Дело в том, что в RRG, несмотря на ее семантико-функциональную ориентацию, основное внимание уделяется единицам поверхностной структуры

(особенно характеристичным глаголом). В отличие от этого в рамках ФС мы стремимся исходить из семантических структур, еще не выходящих словесного наполнения.

Другие западные концепции

В слеме, с помощью которой Ван Валли характеризует развитие генеративной грамматики в Америке, отмечаются и другие семантико-ориентированные концепции. Однако по своей основной идее и / или по форме описания разных языковых явлений они находятся достаточно далеко от ФС. Следует сказать несколько слов о двух других известных и престижных лингвистических школах, а именно о системной грамматике М. А. К. Халлидея и когнитивной грамматике Р. Лапгера.

Концепция М. А. К. Халлидея называется обычно СИСТЕМОЙ ГРАММАТИКИ²⁴ (см., например: Halliday 1973). Однако нередко она характеризуется также как функциональная грамматика (см., например: Halliday 1985, 1994). Идея, представленная Халлидеем и другими «системистами», вызывает активную научную деятельность лингвистов-единомышленников, которые разделяют некоторые общие принципы лингвистического анализа, но расходятся в вопросах по конкретным вопросам.

Язык рассматривается в концепции Халлидея в трех перспективах, а именно (Halliday 1976: 29)²⁵:

	The sun was shining on the sea		
experiential:	Affected	Process	Locative
interpersonal:	Modal		Propositional
textual:	Theme	Rheme	

На экспериментальном уровне рассматриваются семантические компоненты высказывания, на интерперсональном уровне — грамматические отношения, а на текстуальном — разные тема-рематические явления. В принципе, уровневый подход к семантическим компонентам в описании языка свойствен и ФС. Нам знакомая и высказанная в ранней работе Халлидея идея о том, что «the grammar is based on the notion of choice» (Halliday 1976: 3). ФС можно охарактеризовать как попытку описать те возможности, которыми располагает говорящий, выбирая для своих мыслей словесную форму.

В отличие от ФС интерес лингвистов-«системистов» направлен скорее на прагматические свойства языка и интерпретацию готовых текстов. Халлидей сам (Halliday 1994: xv) констатирует, что его грамматика составлена для анализа текстов: «one that would make it possible to say sensible and useful things about any text, spoken or written, in modern English». В последней версии теории (Halliday, Matthiessen 2004) роль текстовых и речевых свойств усилена еще больше. Единство лексики и грамматики Халлидей подчеркивает и употребленным термином *lexicogrammar* (лексикограмматика).

Другая популярная среди западных лингвистов концепция, заслуживающая внимания в этом контексте, — это когнитивная грамматика (CG), основным представителем которой считается Р. Лангакер (см., например, Langacker 1987, 1991a, 1991b)²¹. CG является одной из тех лингвистических концепций, которые появились, чтобы быть противопоставом формоцентричной генеративной грамматике. В рамках теории Лангакера особое внимание уделяется соотношению действительности и языка. Данный вопрос рассматривается и в ФС, но он не играет в нем такой центральной роли, как в когнитивной грамматике.

Рассмотрим некоторые ключевые положения Лангакера с точки зрения того, в какой мере они применимы к ФС.

1. CG предполагает, что язык — это не самостоятельный механизм и он не может быть описан без ссылки на когнитивные процессы. Здесь у нас совсем другой подход. Мы не отрицаем заманливой перспективой описать языковые явления с одновременным учетом когнитивных процессов. Но мы, как уже не раз было сказано выше, считаем, что это пока невозможно. В связи с этим семантический уровень, исходный пункт описания в ФС, не претерпевает на отражение сознания и познавательной деятельности говорящего.

2. Согласно Лангакеру, семантические структуры отражают не только содержание ситуации, но и то, как организовано и истолковано это содержание. Хотя в ФС семантический уровень описывается иначе, чем в CG, это основное положение можно принять (ср. гл. 2.2.).

3. Лексикон, морфология и синтаксис образуют в CG континуум символических единиц, которые только произвольно разбиваются на отдельные составные части. Здесь намечается частичное совпадение во взглядах. Нам представляется, что одновременное системное рассмотрение всех этих уровней невозможно или по крайней мере нецелесообразно. С другой стороны, в ФС тоже нарушаются традиционные границы уровневое описания языка, в частности, в нем рассматриваются лексемы, участвующие в построении синтаксических структур.

4. Самое существенное различие между СГ и ФС в том, что в СГ большое внимание уделяется соотношению действительности и языка на уровне слов и конструкций, а ФС стремится описать то, что говорящий хочет выразить. Несмотря на это можно упомянуть еще об одном следствии. Для Лангакера «синонимичные» выражения, составленные различными способами, типа *форма* и *элементовое* в *меллоруббе локко* различаются по их композиционной значимости. Здесь мы поневоле возвращаемся к тому, что было сказано в разделе 2.2. Представляется, что у этих выражений одинаковое денотативное значение (*semantic value*), но, поскольку они различаются по составу формальных элементов, у них разные презентативные значения (*composite value*).

«Функциональная грамматика русского языка»

М. А. Шелкина

Книга «Функциональная грамматика русского языка» М. А. Шелкина играет в представлении разных функциональных школ роль белой вороны, поскольку в ней язык рассматривается как шаг в обратном направлении. В этой связи стоит отметить, что, согласно некоторым исследователям, описание в направлении «от формы к семантике» осуществляется исторически раньше, чем описание в направлении «от семантики к форме» (Храковский 1985: 67; ср. также Алытов 1985: 49). М. А. Шелкина (2001: 8; выделение наше) пишет по этому поводу еще более категорично: по его мнению, «экономическому описанию языковой системы должно предшествовать полное семасиологическое описание этой системы». Мы не разделяем такую точку зрения, поскольку вот никаких препятствий к тому, что исследователь, описывая язык по принципу «от значения к форме», находит в таких языковых средствах, которые еще не отмечены в работах, составленных по принципу «от формы к значению»²². В конце концов, любые конкретные описания языка помогают тем, кто анализирует язык на других основаниях.

Поскольку в «Функциональной грамматике» Шелкина весьма многосторонне и широко описываются функции формальных средств русского языка, она является важным источником для тех, кого интересует подход «от значения к форме». На ее основе можно конкретизировать то, чем два противоположных направления отличаются друг от друга.

Возьмем для примера возвратные глаголы. Согласно Шелкину (2001: 134–138), они употребляются в русском языке свыше чем в

40 разных функциях. В рамках ФС эти категории получают разные толкования. В некоторых случаях возвратность глагола не отмечается особо, а такой глагол равен невозвратному глаголу (1). Многие группы возвратных глаголов можно истолковать как содержащие инкорпорированный объект (2). В группе (3) инкорпорирован, кроме объекта, и инструмент или средство. Во взаимно-возвратных глаголах могут появляться разные субъектно-объектные инкорпорации (4). В некоторых случаях возвратные глаголы выражают значения, которые рассматриваются в ФС не среди ядерных семантических структур, а в рамках модификаторов (5)²⁷.

- (1) *любоваться, надеяться, пользоваться, жаловаться, смеяться*
- (2) *одеваться, мыться*
- (3) *спредаться, прыгаться, обниматься*
- (4) *целоваться, обниматься, переласкиваться, ласковаться*
- (5) *спрессоваться*

Хотя описание языковых средств на основе базовых моделей предложения представляет подход, противоположный принятому в ФС, к нему стоит обратиться: для составителя ФС русского языка книга М. А. Шейкина служит ценным источником языкового материала.

«Грамматика говорящего» Б. Ю. Нормана

Заслуживает внимания и другая работа, название которой близко к идеям ФС, но в которой на самом деле язык рассматривается совсем с других позиций. Речь идет о «Грамматике говорящего» Б. Ю. Нормана (1994). В этой оригинальной по содержанию монографии внимание уделяется как раз тому, от чего в составлении теории ФС мы отказались, — тем явлениям и процессам, которые происходят в мозгу человека при порождении речи. Ориентация исследователя — лингвистическая. Таким образом, это интересуют не психофизиологические процедуры, обуславливающие понимание и порождение речи, а те речевые явления, которые косвенно отражают их как будто бы постфактум. Материалом для Нормана служат результаты психолингвистических экспериментов разного рода, реальные разговоры, диктусы и игра слов, а также замечания журналистов, писателей и поэтов об употреблении языка. В своей книге Норман представляет новые динамические толкования многих традиционных явлений и понятий, таких, как омонимия / омофония, словообразование (в том числе левая этимология), семантическое согласование, структурные схемы предложения.

Хотя книга Нормана непосредственно не связана с принципами составления ФС, в ней можно найти некоторые трактовки, прямо контактирующие с подходом «от значения к форме». Назовем две из них.

Во-первых, Норман (1994: 119) подчеркивает, что основой единицей рассмотрения языка должно служить не слово, а ВЫСКАЗЫВАНИЕ. По его мнению, задача говорящего в самом общем виде заключается не в том, чтобы назвать предмет, а в том, чтобы передать смысл. Таким образом, деятельность говорящего нацелена на высказывание²⁴. В теории ФС так и поступают: основными единицами семантического уровня являются не отдельные слова, а целые семантические структуры.

Во-вторых, с точки зрения ФС, полезным понятием является СИНТАКСИЧЕСКИЙ БАГАЖ, заимствованный Б. Ю. Норманом (1994: 123) у А. М. Пешковского (1920: 428). Действительно, у говорящего есть в распоряжении определенная совокупность не только слов, но и синтаксических моделей, в которых он прибегает для выражения своих мыслей. Задача ФС — описать «подбагажи», используемые носителями языка для выражения разных семантических структур. Можно предположить, что «багажи» разных носителей не идентичны, однако различия на уровне синтаксических моделей незначительны; при составлении ФС следует обращать внимание именно на те элементы «багажа», «арсенала», которые являются общими для большинства носителей языка.

«Активная грамматика» Ю. Н. Караулова

В 1999 году вышла книга Ю. Н. Караулова «Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть». Она, как и предшествовавшая ей «Ассоциативная грамматика русского языка» (Караулов 1993), основана на огромном материале ассоциативных тестов, проводившихся среди носителей русского языка. Исследования представляют собой важные этапы в использовании результатов ассоциативных тестов. Раньше реакции испытуемых рассматривались только с лексико-семантической точки зрения, а теперь Караулов совершает на их основе тщательный грамматический анализ. В работе (Караулов 1993) анализ проводится в статистическом плане, а в книге (Караулов 1999) грамматические явления рассматриваются как отражение диалектической способности носителя языка. В «Активной грамматике» Ю. Н. Караулов (1999: 14) дает следующее определение (в оригинале разрядка): «Ассоциативная грамматика — это грамматика, заключенная в ассоциативно-вербальной сети носителя языка и выявляе-

мая из всех лингвистом, с целью создания либо статически-системного, либо динамически-активного ее описания».

Хотя Караулов употребляет в названии книги черновский термин *аксиомная грамматика*, обозначающий в оригинале подход «от значения к форме», на самом деле работа имеет мало общего с этим подходом и вообще с ФС. Тем не менее книга заслуживает внимания и в этом контексте, поскольку она позволяет уточнить некоторые методологические вопросы, связанные с составлением ФС. Дело в том, что, определяя место своей ассоциативной грамматики в ряду других типов грамматического описания, автор характеризует разные подходы к описанию языка.

Ю. Н. Караулов (1999: 8–9) выделяет три способа репрезентации естественного языка, а именно:

- язык-текст = язык как совокупность текстов, т. е. результатов речевой деятельности;
- язык-система = язык как системно-структурное знаковое образование, т. е. упорядоченный и взаимосвязанный, но статический перечень возможностей текстовой его реализации, установленный исследователем-лингвистом;
- язык-способность = язык как лингвистическая компетенция говорящего, т. е. язык в потенци, язык, не реализованный в текстах, но готовый к такой реализации; язык, способ существования которого принципиально отличен от статического системного представления его лингвистом, язык в его предречевой готовности, но не в завершенном, а в перманентно-действительном, динамическом состоянии.

Далее на основе установленных «трех иностасий» Караулов (1999: 9–14) дает классификацию разных форм грамматического описания:

▪ язык-текст → язык-система	дескриптивная грамматика
▪ язык-система → язык-текст	функциональная грамматика
▪ язык-текст → язык-способность	генеративная грамматика
▪ язык-система → язык-способность	генеративная грамматика
▪ язык-способность → язык-система	ассоциативная грамматика
▪ язык-способность → язык-текст	ассоциативная грамматика

Согласно Караулову, основным пунктом ассоциативной грамматики служит языковая способность, а ассоциативно-вербальная сеть является ее «материальным субстратом».

Нам хотелось бы сделать некоторые уточнения и комментарии по поводу классификации Караулова.

Во-первых, идея составления ассоциативной грамматики является нам намного более близкой к традиционному описанию языка, чем утверждает исследователь. Это можно доказать тем, что ее определение легко приложимо и к другим типам грамматик: дескриптивная / функциональная / генеративная грамматика — это грамматика, заключенная в сознании носителя языка и извлекаемая из него лингвистом с целью создания либо статического-системного, либо динамически-активного ее описания.

Во-вторых, хотя ассоциативные тесты и выведенные на их основе ассоциативно-вербальная сеть являются, как показали работы Кароулова, уникальным материалом в изучении не только лексико-семантических свойств языка, но и грамматики, они, как и любые другие психолингвистические тесты, представляют собой только следователъский материал. Таким образом, они могут соотноситься — несмотря на принципиальные различия — с языковым материалом («текстом»). И тесты, и языковой материал только косвенно и только фрагментарно отражают то, что можно назвать языковой способностью. Они имеют вероятностный характер: то, что какое-то языковое явление не фиксируется в текстах или ассоциативных тестах, еще не доказывает, что его нет в «языке».

В-третьих, если мы хотим получить точную информацию о том, на каких психофизиологических явлениях создается наша языковая способность, мы должны применять, кроме (или вместе?) ассоциативных тестов, эксперименты, прямо отражающие работу мозга. Приведем два примера. С помощью *word-stimulus negativity*-теста можно установить, в каком возрасте ребенок начинает узнавать фонемы своего родного языка или в какой мере взрослый человек владеет фонемами иностранного языка²⁰, а с помощью *M400*-теста можно показать, как мозг человека реагирует на семантически согласованные и несогласованные словосочетания²¹. Особенность этих методов заключается в том, что они дают возможность изучать не словесную продукцию или ответы информантов, а то, что у них происходит в мозгу.

В-четвертых, мы используем слово *система* в другом значении, а именно для обозначения потенциально возможного в языке (ср. Мустайки 1988а, 1995). Например, словоформа (множ.) **солдатов* образована согласно системе русского языка, но противоречит его современной норме. Влияние системы отражается в языковом материале (текстах) в оговорках, диалектах, иногда и в языковой игре. В рамках словообразования система имеет еще более существенное значение. На ее основе образуются окказионализмы, которые играют

важную роль в спонтанной речи и являются конкретным показателем языковой компетенции (способности) человека. В традиционных дескриптивных грамматиках в разделе «словообразование» системные особенности отмечают, уделяя особое внимание продуктивности / непродуктивности разных словообразовательных моделей.

«Практическая грамматика»

Н. А. Метс и другие учебные пособия

В 1985 году вышла в свет «Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов» под редакцией Н. А. Метс. Книга заслуживает более детального анализа, поскольку она является важным этапом описания русского языка по принципу «от значения к форме».

В предисловии к книге подчеркивается ее прикладная функция: она написана с учетом потребностей преподавателей-русистов, которым не всегда «удается повторить нужные сведения в Академических грамматиках современного русского языка, университетских курсах, специальных монографиях» (Метс 1985: 3). Действительно, книга отличается доступным стилем и обилием конкретных наблюдений, интересных именно с точки зрения преподавания русского языка как иностранного. Пособие содержит также основательную главу «Методический комментарий» и типовые задания-упражнения.

Однако практическая ориентация является не самым интересным свойством книги, она оригинальна прежде всего тем, что в ней языковые явления представлены по принципу «от значения к форме». Авторы пособия пишут в этой связи о «классификации материала на семантической основе» и необходимости «семантизации форм и конструкций на основе реальных, коммуникативных значений» (с. 4).

В подходе материала делается одно отступление от принципа «от значения к форме»: в первой главе книги представлены основные типы русского простого предложения. Все остальные 18 глав построены строго по этому принципу. Это видно уже из их названий:

- выражение неактивности носителя признака
- выражение неопределенности
- выражение бытия
- выражение наличия чего-либо
- выражение отрицания
- выражение состояния
- актуальная характеристика действия

- выражение качественной характеристики
- выражение модальности
- сравнение
- время
- условие
- причина и следствие
- цель
- уступка
- выражение связи явлений
- семантически согласованные или противопоставленные отношения
- пространственные отношения

В конкретных описаниях иногда делается небольшое отступление от строгого соблюдения семантического принципа, если это целесообразно с точки зрения подачи материала. Особо отметим, что трудная для семантического подхода категория аспектуальности последовательно представлена в соответствии с этим принципом.

До «Практической грамматики» в Советском Союзе были опубликованы и другие учебные пособия, в центре внимания которых находились семантические категории, представленные на более ограниченном языковом материале. Из них особенно стоит отметить «Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов» (1984) Н. А. Лобановой и Н. П. Слесаревой и книгу упражнений к нему (Лобанова и др. 1984). Книга «Система работы над русским предложением в иноязычной аудитории на материале некоторых семантических классов структур» (1987) А. В. Величко и О. В. Чагиной продолжает эту традицию. Данный жанр учебных пособий хорошо представлен и в наши дни (см., например: Иванова и др. 2003). Из вышедших за пределами России работ стоит отметить особенно книги немецких русистов (Gladew 1989, 1998; Wascha et al. 1998). Описанный выше «Синтаксис русского языка для венгерских студентов-русистов» (1988) И. Пете входит, собственно говоря, в эту же серию.

Практическая ориентация названных работ ни в какой мере не снижает их значения как источников для составления ФС русского языка. Наоборот, они содержат ценные фактические материалы по многим семантическим категориям.

Отдельно следует отметить книгу «Практическая функциональная грамматика русского языка» (Парменова 2000б), которая известна среди русистов сравнительно мало, поскольку она вышла небольшим тиражом в Германии. Работа принципиально отличается от

названным практическим пособием, как прямо основанная на функциональной теории, а именно на полевой теории А. В. Бондарко. Назовем еще одну оригинальную работу — «Практикум по курсу „Функционально-коммуникативный синтаксис“» (Васильцова 1995), который предназначен для студентов-филологов МГУ и с помощью конкретных упражнений знакомит с функционально-ориентированным подходом к описанию языка.

Самой свежей работой этого типа является «Книга о грамматике» (2006), составленная 14-ю преподавателями-исследователями МГУ. Третий раздел книги, «Функционально-семантические категории и их выражение», по своему общему подходу напоминает «Практическую грамматику» под ред. Н. А. Мещ. «Книга о грамматике» может быть использована не только студентами-русистами и преподавателями русского языка, но и теми, кто составляет ФС русского языка.

Примечания к третьей главе

¹ Дискуссия между представителями формальных и функциональных лингвистических школ продолжается, см. например: Dittell et al. 1999; Saito, Matsuda-Dettin 2003.

² Е. С. Кубрякова (1995: 206–230) видит в (не)функционализме только одну из существенных парадигмальных черт современной лингвистики. Остальные, по ее мнению, — это ЭКСПЛИЦИТНОСТЬ, АНТРОПОЦЕНТРИЗМ и ЭКСПЛИКАТОРНОСТЬ. Ю. Д. Воробьянов (2001: 4) дает следующий прогноз развития российской лингвистики: «Позволим себе смелость высказать предположение, что именно на путях „длинного языкового смысла“ можно ожидать новых прорывов в науке о языке и, кто знает, возможно, именно размышления в этом направлении приведут в XXI в. к формированию новой грамматической парадигмы — парадигмы „грамматика смысла“».

³ В описании главных направлений современной лингвистики существуют, кроме дихотомических разделений, и такие, в которых представлены три базовых направления (см. Степанов 1985; Соловья 1987: 87; Калашова 1999: 68). Р. М. Фрумкина (1999: 34), рассуждая о тенденциях развития лингвистики, видит в работах А. Е. Кубряки переход от «чисто-лингвистико» (описание структур) к «оно-лингвистико» (описание процессов) и даже созданию «почему-лингвистико». О функционализме в лингвистике см. также (Демьянков 1995: 262–275).

⁴ Разные версии функционального подхода посвящена монография А. К. Калашовой (1999; ср. также Баневич, Космиды 1997: 6–12; Гостюли 2001: 693–721). Языковые универсалии с точки зрения функционального подхода рассматриваются в работах (Givón 1995; Слей 2003).

⁵ Хотя прагматическая лингвистическая школа в общем характеризуется как функциональная, нельзя, однако, с точностью утверждать, что именно в не-

ду под этим определением. Ф. Давеш (Daves 1987) выделяет пять отличительных черт и задач пражской школы (ср. несколько иную интерпретацию у П. Сгалла (Sgall 1997: 73)). Одна из них совпадает с нашим пониманием термина *функциональный*, т. е. с подходом «от значения к форме». Этот аспект анализа особенно подчеркивал В. Маттеус. Чаще всего понятие функциональности пражской школы связывается с описанием функциональной перспективы предложения (так называемого актуального членения предложения).

Идеи пражской лингвистической школы оказали влияние на множество современных лингвистических направлений. Особенно плодотворной оказалась предложенная Ф. Давешем (Daves 1964) идея о трех уровнях описания предложения. Она была использована в самых разных грамматических теориях (о применении различных терминов; см., например: Dik 1989: 24; Nalaby 1985: 32–37). В академической «Русской грамматике» (Шведова 1980), которую можно отнести к числу традиционных, говорится также о форме, семантической структуре и коммуникативной парадигме предложения. В отличие от этого, В. Гладков (например, 2000: 51) выделяет четыре «структуры предложения»: пропозиционально-семантическую, конструктивно-синтаксическую, актуально-информативную и коммуникативно-прагматическую.

Функциональные традиции пражской школы связаны с генеративным направлением лингвистики, в особенности с группой исследователей во главе с П. Сгаллом (Sgall et al. 1969), стремившаяся к более четкому синтаксическому описанию с учетом семантики и функциональной перспективы предложения.

² Ср. также термин *динамический* у В. Ю. Парманя (1997).

³ Отсутствием еще термин А. Е. Кибрика *коммуникативно-семантическая парадигма*. Он пишет: «В отличие от ранних функционалистов (Пражская лингвистическая школа), для которых отправной точкой для объяснительных гипотез была языковая структура, в центре внимания предлагаемого подхода находится желание языкового поведения говорящего, так как основным мотивом организации языкового поведения человека и обслуживающего его Языка является когнитивная действительность говорящего человека» (Кибрик 2003: 28). Отмеченный А. Е. Кибриком подход сблизился с концепцией ФС в том, что в центре внимания находится говорящий со своими коммуникативными потребностями, однако в ФС не рассматриваются отдельные речевые ситуации, а позиция говорящего служит только исходной точкой при систематизации языковых средств, используемых для выражения определенных семантических структур.

⁴ В монографии (Бондарко 2002: 17–95) этот вопрос рассматривается в более широком контексте, а именно: как в истории русской лингвистики развивалась концепция о соотношении языкового и мыслительного содержания.

⁵ Русский перевод грамматики Пар-Ровля с комментариями вступительной статьей опубликован в книге (Арно, Ланцо 1998).

¹⁰ Вклады Л. В. Шербы на активную и пассивную грамматику подробнее рассматриваются В. П. Даниленко (1990), Т. И. Крылова (2002: 37) считая, что любую активную грамматику можно назвать грамматикой коммуникативной, или грамматикой говорителей. И. Г. Милославской (1993) употребляет в этой связи также термин *архидоминантная грамматика*, а Б. Ю. Норман (1997) — термин *доминантная грамматика*.

¹¹ Полковой подход теории Боллардо вошел и в английское название его книги *Functional Grammar: A Field Approach*.

¹² Г. А. Золотова является также одним из авторов некоторых учебников по изучению русского языка и / или лингвистики (см., например: Жуковская и др. 1984; Золотова и др. 2002).

¹³ Говоря о «двуклассном грамматическом анализе» и о «противопо- ставлении синтаксиса и семантики», Г. А. Золотова (2002б: 67–68) полагает, что развитие науки «не может не привести к осознанию искусственности, мнимости такого подхода, поскольку семантика и синтаксис слиты в языке органично, неразделимо». Она приводит и конкретный пример. При рассмотрении предложенной типа *Татьяне не спалось, Татьяне грустно, У нее горе, У нее беспокойство, Ее настроение «нет никакой подобности»* усложнить анализ, оперируя двойными крестиками (т. е. по форме дополнено, по значению субъект). Как уже стало ясно, в этом вопросе наша позиция расходится. По нашему мнению, если мы видим в этих предложениях Экспериментера, состояние которого выражается разными синтаксическими структурами, никак связанными не более сложное, и более информативное и более адекватное, чем «однородное» рассмотрение явлений такого типа.

¹⁴ Удачные введения в теорию «Смысл ↔ Текст» сделаны и без участия самого И. А. Мельчука. В этой связи нельзя не сделать замечание личного характера. Автор этой книги ознакомился впервые с данной теорией на основе статьи (Агросин и др. 1978), которая была — по определенным причинам — опубликована в журнале «Масловский язык». Журнал, естественно, никак не мог бы попасть в руки финского редактора, но отрывок статьи был подарен ему Юрием Дерзаниковичем с надписью «Дорого Мужайково дружески и на память о первой встрече». Много лет спустя, в 1988 году, нашей кафедре удалось способствовать проведению на «нейтральной» финской территории издаваемой встречи Юрия Дерзаниковича с Игорем Александровичем после их долгой разлуки.

¹⁵ Единственное исключение — статья (Крылова 1989). В ней планируются общие принципы составления книги Брюно, но критического анализа его подхода в статье нет.

¹⁶ Переводы с французского языка в этом разделе сделаны Элиной Тамминой.

¹⁷ На работы С. Дика, естественно, известно немало рецензий. Самый обстоятельный анализ дается, пожалуй, А. Северской в книге *Functional Grammar* (Zienkiewicz 1991). В ней не только критически рассматривается теория Дика, но и дается предложение по ее усовершенствованию.

¹⁸ В ряде работ соавторами Ван Валена являются Уильям Фели (например, Foley, Van Valin 1984) или Ральф Н. Лайболл (например, Van Valin,

LaRosa 1997), но самым важным представителем референциально-ролевой грамматики можно считать именно Ван Валдки. Краткое описание этой теории грамматики можно найти в (Клирик, Плунгян 2002: 282–293).

¹⁹ Эпитет «системный» применительно к конструкции Халлидей, имеющей скорее прагматическую ориентацию, может показаться странным, поскольку обычно толкование системы связано с рассмотрением формальной стороны языка. Сам Халлидей (Halliday 1976: 3) объясняет употребление этого термина следующим образом: «A system is a set of options with an entry condition: that is to say, a set of things of which one must be chosen, together with a statement of the conditions under which the choice is available» (см. также рассуждения Р. де Богранда (de Beaugrande 1997: 36) по поводу терминов «обитационная система» и *discourse*). У Халлидея есть и другие термины, которые вызывают удивление. Например, кажется неожиданным, что грамматическая структура высказывания рассматривается на уровне, который называется *intertextual*.

²⁰ У М. А. К. Халлидей концепция трех функций испытала немало уточнений и изменений. Ее последняя версия представлена в книге (Halliday, Matthiessen 2004).

²¹ Концептуальная грамматика Лангакера представлена на русском языке в работе (Ченна 2002: 356–366). Мы взяли из нее некоторые переводы на русский язык цитат и идей Лангакера.

²² Легко представить себе и такую ситуацию, когда лингвист собирает информацию о том, как используется язык, обращаясь к носителям языка с вопросами о том, как выражается то или иное значение.

²³ Интересно сопоставить представление возвратных глаголов у М. А. Шелкина с тем, как они подаются в «Книге о грамматике» (2004: 306–340). Практическая ориентация последней работы означает и на этот раз более систематическую подачу материала.

²⁴ В этой связи Б. Ю. Норман (1994: 119) приводит цитату С. Н. Бернштейна (1917: 25–26): «У говорящего есть отчетливое намерение — проточности фразы определенного содержания, и отдельные слова, составляющие эту фразу, лишь в относительно редких случаях оказываются объектом сознательного намерения». Далее Норман (1994: 120) повторяет слова А. М. Пешковского (1929: 52) о том, что неправильно говорить, будто бы фраза дробится на словосочетания, словосочетания на слова, слова на морфемы и т. д. Все определения должны быть выстроены в обратном порядке.

²⁵ *Mittwoch negativität*-тест рассматривается в сериях публикаций; см., например, работы (Cheolal-Lahyani et al. 1995; Nääänen et al. 1997; Winkler et al. 1999; Cheolal et al. 2002), в которых объектом интереса является оценка языка.

²⁶ О *Negativity*-тесте см., например (Cattin et al. 1993; Helenius et al. 1998).

Часть II

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
КАК ОСНОВА ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА
В РАМКАХ
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СИНТАКСИСА**

Вторая часть книги посвящена реализации теоретических принципов, изложенных в первой части. Примеры взяты в основном из русского языка. Однако это не означает, что речь идет о функциональном синтаксисе русского языка. Назначение примеров — проиллюстрировать сущность семантических категорий, из которых состоит модель ФС. В целом задача второй части книги заключается в том, чтобы показать, что с помощью ФС можно более или менее полно описать язык(и) по принципу «от семантических структур к языковому средству».

Во второй части, как и в некоторых главах первой части, ссылки на научную литературу помещены в сноски. Тем самым мы стремимся придать описанию ФС как можно более последовательный характер. Напомним также, что мы должны ограничиться достаточно широкой характеристикой отдельных семантических категорий; подробный анализ любой из них потребовал бы объема другого объема.

Поскольку СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА является исходным пунктом функционального подхода, в каждом конкретном случае ее нужно определить как можно более точно. Но, как было сказано в первой части, мы должны тем не менее примириться с тем, что в этом вопросе невозможно достичь абсолютной точности и завершенности. При этом следует помнить о том, что главная цель ФС — наиболее полное описание поверхностных структур. Определение семантических структур является, таким образом, не самоцелью, а инструментом для осуществления подхода «от значения к форме».

В четвертой главе описываются основные элементы семантической структуры, а именно предикаты и аргументы. Следующая глава посвящена описанию ядра семантической структуры. Далее рассматриваются разные способы осложнения и уточнения семантической структуры, по терминологии ФС — модификаторы и спецификаторы. В последней главе этой части внимание уделено так называемым метасловам, с помощью которых можно соединить (простые) семантические структуры.

4. Основные элементы семантической структуры

Центральным элементом семантической структуры является ЯДРО. Ядерная семантическая структура состоит из (ПЛУВИВНОГО) ПРЕДИКАТА (подробнее см. раздел 4.2) и связанных с ним АКТАНТОВ (подробнее см. раздел 4.1)¹. В семантической структуре, которая лежит в основе предложения (1), предикат «убрать» (Физическое действие) имеет два актанта «Виктор» (Агент) и «комнату» (Объект). Ядерные семантические структуры в рамках коммуникативно-семантических сфер рассматриваются в главе 5.

(1) *Виктор убрал комнату.*

Таким образом получаем первое определение (в скобках названы элементы смысла предложения 1):

ядро семантической структуры =
предикат («убрать») + актанта («Виктор», «комната»)

Кроме ядра, семантическая структура предложения (1) содержит обязательный модификатор Речевой функции (см. раздел 6.1). В этом случае она «нулевая», в том смысле, что не выражена эксплицитно. В семантической структуре модификаторы обозначаются метатглаголами, имеющими свой актантаый состав. В семантической структуре предложения (1) есть метатглагол «СООБЩАТЬ», репрезентирующий речевую функцию Сообщение. В семантической структуре предложения (2) отмечается другая речевая функция, Вопрос, обозначаемая метатглаголом «СПРАШИВАТЬ», а соответственно в семантической структуре предложения (3) есть метатглагол «ПОБУЖДАТЬ». Ядерная семантическая структура с обязательным модификатором называется простой семантической структурой.

(2) *Уберет ли Виктор комнату?*

(3) *Убери, Виктор, комнату!*

Используя как пример предложение (1), получаем следующее определение:

простая семантическая структура = ядро + обязательный модификатор (Речевая функция) («СООБЩАТЬ»)

Существуют также факультативные модификаторы, а именно Фаза и гипотетичность, Каузация, Авторизация (см. разделы 5.2–5.4). В вариантах предложения (4) наличествуют два типа Каузации, в (5) — Темпоральная фаза, в предложениях (6) — другой тип Фазы, Предварительная стадия, а в предложении (7) — Оценка, один из типов Авторизации. Соответственно выделяются метаглаголы, такие, как «ЗАСТАВЛЯТЬ», «ПОМОГАТЬ», «НАЧИНАТЬ», «КОНЧАТЬ» и т. д. Простая семантическая структура с факультативными модификаторами называется РАСШИРЕННОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ.

- (4) *Нина заставила Виктора / помогла Виктору убрать комнату.*
 (5) *Виктор начал / хотел убрать комнату.*
 (6) *Виктор решил / собирается убрать комнату.*
 (7) *Хорошо, что Виктор убрал комнату.*

Итак, определим следующий расширительный элемент. Примером служит предложение (5):

расширенная семантическая структура = простая семантическая структура + факультативный модификатор (в примере (5) Темпоральная фаза: («НАЧИНАТЬ»))

Чтобы ввести понятие СПЕЦИФИКАТОРА, вернемся к предложению (1). В его семантической структуре можно выделить следующие основные спецификаторы, а именно Утверждение / Отрицание, Темпоральность и Аспектуальность. Все они относятся к предикату ядра. Утверждение реализуется в этом случае отсутствием показателя Отрицания. Темпоральность присутствует в разных формах: Актуальное, Прошедшее время без временного ориентира, Повторяющееся положение дел. Предикат семантической структуры имеет Результативно-статусное аспектуальное значение. Кроме того, существует также дополнительные спецификаторы, как Определенность / Неопределенность, Количество, Место, а также Образ и Способ.

спецификатор = дополнительный семантический элемент, характеризующий аргумент или предикат семантической структуры либо положение дел в целом

В приведенном выше примере мы имели дело с простой семантической структурой, содержащей только один ядерный предикат, а также обязательные (возможно, и факультативные) модификаторы. Существуют и **СЛОЖНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ**, состоящие из двух или более простых семантических структур. Они нередко выра-

являются сложными предложениями. Однако в связи с асимметричными отношениями между семантическим и поверхностным уровнями сложной семантической структуре иногда соответствует поверхностная структура только с одним глаголом. Показателем «двуурядковости», как правило, является существительное, мотивированное глаголом или прилагательным (9). Так, например, семантическая структура, соответствующая предложениям (8–9), заключает в себе два ядра, между которыми установлены условно-следственные отношения типа «ЕСЛИ X разочаровывается, ТО X падает духом». Выражение «ЕСЛИ... ТО» представляет собой МЕТАСОЮЗ. К числу метасюзов относятся также, в частности, «И», «В ТО ВРЕМЯ КАК», «ТАК КАК» и «ЧТОБЫ» (подробнее о метасюзах см. гл. 8).

(8) *Если человек разочаровывается, он падает духом.*

(9) *Разочаровываясь, приходим к упадку духа.*

Кроме отлагательных существительных, есть и другие возможности выражать одним предложением две семантические структуры. В английском языке сравнительно легко можно создавать конструкции, в которых каузальная связь (10) или одновременность двух повлечений дел (11) выражаются специальной формой управления².

(10) *Dave ate himself sick.*

(11) *Ethel danced into the studio.*

сложная семантическая структура = простая (или расширенная) семантическая структура + метасюзы (в примерах (8–9) «ЕСЛИ») + простая (или расширенная) семантическая структура

Наряду с простыми и сложными семантическими структурами выделяется промежуточная их разновидность: простая семантическая структура с ПОТРУЖЕНИЕМ. Рассмотрим сначала предложение (12).

(12) *Сергей купил красную «феррари».*

Предложение (12) можно было бы считать репрезентантом сложной семантической структуры, где характеристика объекта представляет собой отдельную семантическую структуру со своим ядром: «Сергей купил „феррари“» и «„феррари“ красная»³. Такого типа интерпретация вполне оправдана. Однако с интуитивной точки зрения двуурядковость структур с определенными не очевидна, наоборот, такая трактовка представляется зата и теоретически возможной, но на практике искусственной. Поскольку конструкции та-

ного типа являются весьма распространенными в речи, мы этим решением существенно сократим число сложных семантических структур. Значит, такого рода атрибутивные отношения отмечаются в семантической структуре с помощью погружения.

погружение = такая часть простой семантической структуры, которая могла бы быть представлена отдельной семантической структурой

В качестве общего названия разных элементов семантической структуры будем использовать термин СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ. Так, Фонологическое состояние, Характеристика, Вопрос, Отрицание, Начало действия, Количество — это все семантические категории.

Каждая семантическая категория рассматривается в ФС отдельно. Между тем при их описании необходимо учитывать также особенности других элементов семантической структуры, если они релеванты с точки зрения изучаемого явления. Так, например, Аспектуальность рассматривается в главе о спецификаторах, однако следует учесть, что она по-разному проявляется в зависимости от типа (глубинного) предиката⁴.

Таким образом, мы пока определили следующие термины:

- ядро (семантической структуры) = (глубинный) предикат + астанты
- модификатор = определяющий семантическую структуру метатермом + астанты (в ряде случаев только метатермом без дополнительного астанты)
- простая семантическая структура = ядро + обязательные модификаторы
- расширенная семантическая структура = простая семантическая структура + факультативные модификаторы
- сложная семантическая структура = простая (или расширенная) семантическая структура₁ + метатермом + простая (или расширенная) семантическая структура₂
- погружение = астант простой семантической структуры, имеющий при себе дополнительные семантические элементы
- спецификатор = семантический элемент, уточняющий астант, предикат или положение дел в целом

В первой части мы уже ввели понятие положение дел. Сейчас нужно еще уточнить то, как оно соотносится с понятиями, определенными в этом разделе. Положение дел является интерпретированной и с точки зрения коммуникативных потребностей говорящего

модифицированной версии ситуации действительности. Ядро, а также многие модификаторы и спецификаторы относятся к подлежащему дел, но в него не входят «комментирующие» семантические элементы — Речевая функция и Авторизация.

Покажем, как семантические структуры обозначаются графически. Ядро семантической структуры заключается в квадратные скобки, другие ее части — в круглые скобки, а семантическая структура в целом — в фигурные скобки. Что касается других условных обозначений, связанных с семантической структурой, то они будут представлены ниже при рассмотрении соответствующих понятий¹. Так, семантическую структуру предложения (5) можно обозначить схемой (13).

$$(13) \text{ [Теперь} \text{Наче} = (\text{«НАЧИНАТЬ»}, A_1) \text{] [Ac}_{\text{теп}}; A_1, O \text{]}$$

4.1. Актанты

Простое ядро всегда состоит из (глубинного) предиката и одного или нескольких актантов². Центральное место в семантической структуре занимает предикат, его семантика предопределяет наличие актантов и их роль³. Однако сначала остановимся на актантах. Актант — это существенный припредикатный элемент положения дел, необходимый для описания ядра семантической структуры.

Особенности представления системы актантов

Перед тем как перейти к рассмотрению классификации актантов, необходимо сделать некоторые замечания общего характера.

1. Термин *актант* обычно вызывает представление о каком-либо конкретном участнике положения дел. Действительно, прототипический актант — это одушевленное существо или конкретный предмет, играющий ситутивную роль в ситуации, на которой основывается положение дел. Однако есть множество положений дел, в которых термин *актант* имеет условный характер. Например, в неактуальных положениях дел, связанных с характеристикой (*Нина / марсика / страна / земля красная*), носитель данного признака никак не участвует в соответствующей ситуации, а его соотношение с предикатом — другого типа⁴.

2. Независимо от того, какая классификация актантов будет применена, она состоит из классов, нечетко отличающихся друг от дру-

га; речь идет скорее о континууме, элементы которого непрерывно пересекаются⁹.

3. Нет четкой границы и между актантами и спецификаторами (Время, Отрицание, Определенность и др.). В большинстве случаев актанты являются элементами, без помощи которых нельзя определить данное положение дел, а без спецификаторов можно¹⁰. Это основной принцип, но наряду с ним мы хотим избежать выделения таких актантов, которые имеют только периферийное значение в общей системе ядерных конструкций. В связи с этим мы не предлагаем считать актантами, например, Деньги и Срок, хотя при описании положения дел «X дает Y в аренду Z за определенную сумму на определенный срок» такие элементы присутствуют¹¹. Деньги мы толкуем как особый вид Инструментов, а Срок играет в системе положений дел периферийную роль, в связи с тем что предикатов, требующих его при себе, весьма мало. Он считается спецификатором.

4. Актанты можно разделить или на достаточно большие группы, или на более мелкие категории¹². В ФС целесообразна классификация, состоящая из сравнительно небольшого количества типов, в связи с тем что актанты всегда рассматриваются вместе с предикатами, причем актанты придают им определенный оттенок, зависящий от семантики предиката.

5. Необходимо подчеркнуть общий принцип составления ФС: актанты являются в рамках этой модели единицами семантического уровня, а не «спутниками» каких-либо конкретных глаголов поверхностного уровня¹³. Прилагательные элементы мы называем АРГУМЕНТАМИ. В семантической и поверхностной структурах много похожих друг на друга элементов, но намечаются и существенные различия. Это имеет важные последствия для рассмотрения актантов. Отметим некоторые типичные случаи. Во-первых, некоторые поверхностные глаголы, обладающие определенным составом аргументов, не имеют одно-однозначного предикатного соответствия на семантическом уровне и, таким образом, у них нет и актантов. Это, например, аналитические выражения (1). Во-вторых, в случае инкорпорации актанта выражается не отдельно, а как (ядревой) элемент глагола-

сказуемого (2). В-третьих, особый случай представляют так называемые ОБЪЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ, являющиеся не настоящими объектами, а репрезентантами того же понятия, что и глагол. В этих случаях в ряде языков непереходный глагол «в виде исключения» сочетается с дополнением (3) ¹².

- (1) Игорь совершил лучший поступок.
- (2) Нина любит пилить дрова.
- (3) англ. *He lives his own life* (ср. **He lives a life*)
фин. *Hän nauttii oikein omaa* (ср. **Hän nauttii omaa*)
(«Он слит жизнью сою»)

6. Соотношение актантов и аргументов сказывается и на решении вопроса о факультативности / нефаккультативности актантов. Как было сказано в разделе 1.5, в ряде случаев мы предполагаем наличие актанта, который не выражен в аргументной структуре предложения. Так, в семантической структуре предложения (4) есть Объект, а в семантической структуре предложения (5) — Инструмент.

- (4) Нина читает по вечерам.
- (5) Нина рубит дрова.

7. При рассмотрении взаимосвязанных актантов возникают два принципиальных вопроса: может ли один актант одновременно иметь две роли и может ли одна роль быть выражена двумя актантами. Наш ответ на оба вопроса утвердительный. В семантической структуре предложения (6) оно так и есть: «Нина» является одновременно Агентов и Объектом, но эти же роли имеет и Игорь ¹³.

- (6) Нина и Игорь поцеловались.

8. Кроме ядер семантических структур, актанты встречаются еще у модификаторов (МЕТАГЛАГОЛОВ). С метаглаголом всегда связан Агнец, а в некоторых случаях также Реципиент или Объект. При необходимости для различения подтипов актантов можно использовать индексы, например, в семантической структуре, соответствующей предложению (7), A_{Ag} («Нина») является Агнцем действия при ядре, а A_{Caus} («Виктор») — Агнцем каузативной структуры.

- (7) На этом раз Виктор заставляет Нину выстирать свое белье.

9. Следует также прокомментировать случаи, вызывающие затруднения при определении того, обозначает ли тот или иной элемент предикат или является его актантами. С точки зрения русской грамматической традиции не удивительно, что в семантической

структура, соответствующая предложениям (8), есть только один актант, носитель признака или идентификации. Это означает, что предикатом является «быть учителем» или «быть высоким». Это менее очевидно то, что такое же толкование приложимо и к примеру (9), т. е. предикат данной семантической структуры — «быть в состоянии ангин»,

- (8) *Моя — учительница.*
Моя высокая роста.
 (9) *Мой брат болен ангиной.*

10. В принципе нет необходимости давать актантам названия, характеризующие их роли: они могли бы называться просто актант₁, актант₂, актант₃ и т. д. Однако на практике целесообразно приписывать им определенные роли, иллюстрирующие в семантической структуре их отношения к предикату. Роли актантов определяются на основании того, как говорящий интерпретирует данную ситуацию, но следует подчеркнуть, что определение ролей актантов не находится в зависимости от перспективы говорящего, т. е. от ориентации, диктаты и актуального члена предложения (ср. раздел 1.5).

Ингерентные свойства актантов

При описании ролей актантов целесообразно сначала классифицировать актанты на основе их ИНГЕРЕНТНЫХ СВОЙСТВ. Следует отметить, что речь при этом идет не только о свойствах, постоянно связанных с той или иной лексемой или высказываемым референтом, но и о свойствах актантов, зависящих от интерпретации говорящего. Рассмотрим в этой связи предложения (10–11):

- (10) *Молом* задался, усталые о смерти мамы.
 (11) *Университет* удовлетворен пребыванием в гостях.
Весь университет радуется новому ректору.

Так, например, в предложении (10), взятом из сказки, слово *молом* обозначает живое существо. Следовательно, хотя это слово обычно ассоциируется с неодушевленным предметом или инструментом, но именно в данном предложении оно сопоставимо с одушевленным существом. Соответственно можно истолковать метонимическое употребление слова *университет* в предложениях (11)¹⁰.

Актанты, способные, в соответствии с трактовкой говорящего, контролировать свои действия или испытывать различные чувства, мы называем актантами категории I (протоинлический случай): «чело-

вею»¹⁷. Кроме того, различаются актанты предметные (категория II; «стол»), вещественные (категория III; «вода») и отвлеченные (категория IV; «мысль»).

При этом следует упомянуть, что кроме собственно персонификации (10), существуют и другие факторы, от которых зависит категория определенного существа. Так, например, в (12) слово *червя* указывает на актант категории I, между тем как в (13) оно скорее указывает на актант категории II¹⁸:

(12) *Червя / старик медалью платит червя дарю.*

(13) *С дерева мне на плечо упал скользкий червя / лист.*

Метафоризация — весьма распространенное явление в языке. В связи с этим существенно, как она учитывается при описании языка. Принятое нами решение опираться на интерпретацию говорящего означает, что актантный состав семантических структур, стоящих за предложениями (14–16), одинаков.

(14) *Ласточка летает над озером.*

(15) *Самолет летает над аэродромом.*

(16) *Мои мысли летают туда-сюда.*

Категоризация актантов влияет на то, в каких ролях они могут выступать; например, Субъект-Агент (A), Субъект-Экспериментер (E) и Реципиент (послушатель / адресат) (R) допускают лишь актант категории I.

Субъекты

Начнем более детальный анализ с актантов субъектного типа¹⁹. Самый прототипический из всех «субъектов» — АГЕНТ, производитель и «контролер» физического или ментального действия или поступка (17). Такой Агент не всегда выражается эксплицитно, но входит в семантическую структуру (18).

Субъект-Агент (A)

(17) *Петя палит дрова*²⁰.

Поступа вымыта Виктором.

Петя убеждает от злой собаку.

Она опять играет на пианино.

Виктор, как всегда, думал о друзьях.

Змея ползет по дороге.

(18) *Рапорт был ялого качества.* («Кто-то ялого написал рапорт»)

В киоске продаются иностранные газеты. («Продавец киоска продает иностранные газеты»)

В определении Субъекта-Агенса мы использовали два критерия: для него свойственно, что он **производит**, и **контролирует** положение дел. Кроме явных случаев типа (17), есть и такие, которые характеризуются только одним из этих критериев. Они требуют более подробного рассмотрения. В положении дел, описываемых предложениями (19–21), главный актант ничего не «производит», но тем не менее контролирует положение дел²¹. Поскольку это не прототипический Субъект-Агент, он допускает и разные толкования²². Мы считаем, что и в этих случаях имеем дело с Субъектом-Агентом, поскольку данное положение дел («стоять у дверей», «лежать у камня», «прятаться в сарае») можно только при условии, что существо, играющее роль первого актанта, *хочет* этого. Для обоснования можно использовать также сопоставление с другими примерами. Так, роли Виктора в (19) и стола в (22) явно различны, следовательно, целесообразно отнести к разным категориям актантов. Таким образом, в этом случае решающим фактором является ингерентная категория актанта.

- (19) *Виктор стоит около дверей.*
 (20) *Собака неожиданно легла у камня.*
 (21) *Неизвестный человек прятался в сарае.*
 (22) *Стол стоит около двери.*

Рассмотрим промежуточный случай иного типа. В нем отсутствует другой критерий определения Субъекта-Агенса: актант не контролирует положение дел. Намеренность / ненамеренность — важная характеристика многих действий и, таким образом, могла бы служить критерием определения ролей актантов. Чтобы получить представление об этой проблематике, попытаемся определить роль выделенного актанта в следующих примерах²³:

- (23) *Сперая лодка, Виктор разбил лодку, полученную в подарок от отца.*
 (24) *Виктор уронил свой конспект.*
 (25) *Виктор потерял свой конспект.*
 (26) *Виктор упал на пол / спотыкнулся.*
 (27) *Улыбаясь голос Игоря, Ната несколько ослепнула.*
 (28) *Судьба занесла их во Владивосток.*
 (29) *Они поматы во Владивосток случайно.*

Приведенные примеры допускают, несомненно, разные оценочные реализации. Мы пришли к следующему решению по поводу типа актантов. Актанты в примерах (23), (24) и (27) представляют случаи, которые соответствуют нашему определению Субъекта-Агенса: актант хотя и не контролирует, тем не менее производит данное действие. Виктор и Нина что-то делают непротивоносно. В отличие от этих примеров, в (25) и (26) Виктор, скорее всего, ничего не делаа, а с ним что-то случилось. По нашему толкованию, он здесь не Субъект-Агент, а Субъект-Экспериментер, о котором будет речь ниже. Примеры же (28) и (29) можно сравнивать с примерами (23–24, 27): в них Агент что-то делает. Выбором повествовательной структуры дается дополнительная информация о том, что переезд в дальний город не был намеренным.

Продолжим наш путешествие по периферии агентивных субъектов. К примерам (19–21) близок случай, в которых речь идет о видении чем-то (30): в них актант в принципе тоже контролирует положение дел. Это касается также положений дел, которые выражаются не глаголом, а possessивной конструкцией (см. 31). Такой актант можно было бы назвать Субъектом-Посессором. Однако он выступает только с предикатом, обозначающим обладание. Таким образом, предикат подкомпонует позиции актанта. Учитывая этот факт, а также близость примеров (19) и (30), мы называем этот актант тоже Субъектом-Агентом.

(30) Свои деньги **Нина** хранит в сейфе.

(31) У **Виктора** много машин.

В предложениях (32) мы имеем дело с Субъектом иного рода, а именно ЭКСПЕРИМЕНТОМ (Е) эмоционального или физиологического состояния¹⁶. В отличие от Субъекта-Агенса, он не контролирует и не производит положение дел, а находится в нем, испытывая какое-либо чувство или физиологическое ощущение. В случаях эмоционального отношения можно также выделить Е — «носителя» данного чувства (33).

Субъект-Экспериментер (Е)

(32) У **матери** **Нины** рас / ангина / воспаленные легкие.

Мне было холодно / скучно.

Взрось пьян / в хорошем настроении.

Боксер потерял равновесие / терпение / сознание.

Моя планета / растет.

(33) **Взрось** терпеть не может **Виктора**.

Нина любит *Взрось* уже три года.

Для уточнения границ роли Субъекта-Экспериментера рассмотрим некоторые нетипичные случаи, толкование которых не является однозначным. Иногда чувства носят характер активной деятельности. Однако он имеет не первостепенное значение, и, таким образом, в ситуации, описанной в (34), мы имеем дело не с Агенсиом, а с Экспериментером.

- (34) *Сергей возмущается спортивными мизантропами.
Я удивляюсь его возмущению.*

В предложениях (35–36) описываются положения дел, в которых актант категории I становится «жертвой» неожиданного или неконтролируемого события: он не может быть ничем иным, кроме Субъекта-Экспериментера. А при анализе примеров (37–38), которые тоже связаны с физиологией человека, можно продолжать дискуссии о границах Субъекта-Агенса и Субъекта-Экспериментера. Кажется, пример (37) может быть интерпретирован только так, что Нина — нем Субъект-Экспериментер: она не контролирует половенные дела и ничего не производит, лишь реагирует на что-то. Предложение отвечает не на вопрос *Что Нина сделала?*, а на вопрос *Что случилось с Ниной?* Пример (38) менее очевиден: Нина что-то делает, правда, скорее всего плавает. Он напоминает пример (26) с плавальщицей Викторией, но, пожалуй, в этом случае плавца чуть больше «агентивности». Может быть, здесь возможны два решения вопроса в зависимости от контекста.

- (35) *С бабушкин оймарок.
У бабушка был сердечный приступ.*
(36) *Вая сломала себе ногу / У Оли сломана нога.*
(37) *Нина сидела.*
(38) *Нина громко плакала.*

Примеры (39–40) интересны тем, что они могут быть интерпретированы как конверсионные варианты предложений (39a) и (40a). Рассматривая вопрос о перспективе говорящего в разделе 1.5, мы пришли к выводу, что в конверсионных конструкциях состав ролей одинаков. Если мы поступаем так, «кошка» и «шарик» здесь — объектные актанты. Однако мы не исключаем толкования, в котором предложения (39) и (40) считаются «самостоятельными» без связи их с конверсионными вариантами. В таком случае бедным «кошке» и «шарик» следует приписать роль Субъекта-Экспериментера.

- (39) *Кошка ползла под лямку.*

- (39a) *Машинка встала на концы.*
 (40) *Защитник получил ключиком по рукам.*
 (40a) *Защитника ударили ключиком по рукам / Совершил ударил защитника ключиком по рукам.*

Пока мы выделяем два типа Субъектов: Агенты и Экспериментеры. Кроме этих случаев, в функции подлежащего поверхностных предложений часто выступают и актанты, которые ничего не делают и ничего не чувствуют. Они встречаются как в актуальных (локализованных во времени, ситуативных) (41), так и в неактуальных (не локализованных во времени, аситуативных) предложениях дел (42). В этих случаях, когда предикат обозначает физическое (внешнее) состояние, существование, характеристику или идентификацию актанта, возможны актанты всех категорий. Однако при локализуемых предикатах категория актанта определяет и его роль (ср. 43 и 44).

Субъект-Нейтрал (N)

- (41) *Мои руки / все фрукты были грязными.*
Воздушный шарик лопнул.
 (42) *Глазом / слухом лямпочка не существует.*
Суровенька / машинка / идея хорошая.
Урсула — пенка / лезвие / школьница.
 (43) *Цвета (= N) сливки в воде.*
 (44) *Игорь (= A) стоял у дверей.*

С точки зрения общей теории ролей как эквивалентов партиципов исковой «ситуации» действительности это периферийные случаи, а особенности всегда мы рассматриваем неактуальные предложения дел. Роль актанта в них — это своего рода агитирель: он, собственно, не «участвует» в ситуации, а является просто предметом информации. Мы назвали эту роль СУБЪЕКТ-НЕЙТРАЛ.

Один тип реализации Субъектов-Нейтралов на поверхностном уровне — это подлежащие при так называемых функциональных глаголах, которые могут иметь при себе и Агента в других значениях (45)²⁵.

- (45) *Играет музыка.* (ср. *Она играет на гитаре.*)
Телевизор не работает. (ср. *Игорь не работает.*)
Важ хорошо режет. (ср. *Выпекер режет хлеб.*)

Итак, мы определили три типа субъектных актантов. В дальнейшем опускаем перед ними слово *субъект*, говорим только об Агентах (A), Экспериментерах (E) и Нейтралах (N).

Объекты

Перейдем к рассмотрению объектных актантов. Прототипический Объект представляет актанта, на который направлено действие, производимое Агенсом (46–52). Как видно из примеров, степень конкретности действия варьируется, и, соответственно, связь между Агенсом и Объектом не всегда однозначна. В (46) представлены результирующие объекты²⁴ (Результативы или Креативы; Эпиминимативы²⁵), которые или возникают, или исчезают в результате деятельности Агенса; в (47) — актанта, квалификация которых меняется; в (48–49) актанта испытывают физический контакт с Агенсом, правда, весьма различного рода; в (50) наличествует физический контакт, но акцент не на этом; в (51–52) связь между Агенсом и Объектом имеет отвлеченный характер. Другой тип Объектов — это предметы отвлеченной чувств или ощущения (53)²⁶; в этих случаях вместо Объектов в семантической структуре встречается не Агенс, а Экспериментер.

(46) *Она украсила/она прекрасней/суп / подложила/ларчик/достав.*

Она увеличилась/она / документ / тараканы.

(47) *Она переделала/платье / текст.*

(48) *Она коснулась/лица / стекла / воды.*

(49) *Она дала/мне/книгу / денег / денег.*

(50) *Она читала/итальянский/роман.*

(51) *Она коснулась/важного/вопроса.*

(52) *Она долго/говорила/о/своих/проблемах.*

(53) *Она любит / ненавидит/близость / присутствие/спириты.*

То, что было сказано при рассмотрении разных Субъектов, действительно и здесь: различия между разными объектами появляются уже в классификации предиктов. Более детально остановимся на примерах (46) и (52). Действительно, Результатив (включая и Эпиминиматив) нередко упоминается в списках семантических ролей. Кроме того, это достаточно распространенный тип объектов (54–56). Однако много и таких случаев, в которых разница между Результативом и «обычным» объектом минимальна, так что с интуитивной точки зрения различия между ними практически нет (57). Поверхностные структуры, включая и проявление в них управления (по крайней мере, в русском языке), в целом одинаковы. В связи с этим нет необходимости использовать для результирующих актантов особое обозначение (Объект-Результатив). В их употреблении есть, однако,

одно существенное различие. Дело в том, что только результативные предикаты используются в контекстах, в которых встречаются и предикаты существования. В этих случаях результативный характер действия обозначается при помощи так называемого погружения (см. более подробно с. 173–174, 223–226).

- (54) *Мы сохранили новую классификацию асмантов.*
 (55) *Русские посетили организованное специальное собрание.*
Нина написала диссертацию.
Виктор сватил себе сватер.
 (56) *Виктор усталая плавно с рубашки.*
Воиска уполномочены выдать проездной билетной книжки жителям.
 (57) *Нина писала / читала диссертацию.*
Виктор прыгнул / прыгнул / прыгнул / прыгнул.

Второй кандидат на позицию подгруппы объектов — Объект-Делибератив, или Тема (см. пример 52 выше). Здесь мы имеем дело с предложением дел, в котором Агента совершает интеллектуальные или речевые действия (58). Действие только условно направляется на этот актанта, скорее это тема, предмет ментального действия. Кроме того, нередко актанта имеет предикативный характер, т. е. он может быть представлен в форме отдельного предложения дел (59). Одновременно с рассмотренным актантами иногда встречается и «обычный» Объект (60–61). Есть случаи, когда значения предложений с Объектом и без него неодинаковы. Как видно, мы имеем дело с актантами, место которого в общей системе актантами можно определить по-разному. Вот возможные альтернативы: 1) отдельный актанта, который называется Объектом-Делиберативом; 2) отдельный актанта, который называется Темой; 3) приактантный атрибутивный элемент. Мы склонны принять второй вариант, несмотря на то, что термин тема имеет и другое значение в рамках теории актуального членения.

- (58) *Нина рассказывала / говорила / спрашивала в поездке Немец в Германию.*
 (59) *Группа исследователей изучает (исследует) в работе метод / в том, как приобрести друзей при помощи хорошего владения языком.*
 (60) *Мы пели (спели) в романе.*
 (61) *Я рассказывал или в шведских / шведских / шведских / шведских.*

Рассматривая семантическую роль Объектов, можно определить статус дополнений в форме внимательного падежа типа рассказывала

рассказ. Данное словосочетание с трудом воспринимается без определения (62). В то же время словосочетание такого же типа немалое можно считать нормативным (63).

(62) ²Бабушка рассказала рассказ.

¹Бабушка рассказала рассказ об анализе грамматики.

Бабушка рассказала универсальный рассказ.

(63) Дедушка пел песню.

Однако то, какие поперечные структуры здесь присутствуют, не самое важное, нас интересует, является ли *рассказ* и *песня* так называемыми объектами содержания (ср. с. 158) или «настоящими» объектами. Если принять первое толкование, то мы должны были бы приписывать и предикаты «анекдотировать» = *рассказывать анекдот*, «историзировать» = *рассказывать историю*. Несколько иначе обстоит дело с предикатом «петь». Анекдоты и истории вряд ли можно считать разновидностями рассказов, а серенады и ария явно типы песенных, точнее, вокальных жанров. Таким образом, *петь серенаду* = *петь песню*, а именно *серенаду*. *Рассказ* и *рассказывать*, *петь* и *петь* соотносимы между собой словообразовательно, но это касается не всех языков (ср. *tell* и *story*, *sing* и *song*). Если мы отказываемся от учета явлений поперечной структуры одного языка — а это необходимо в соответствии с общим принципом ФС, — мы должны расширить круг возможных объектов содержания такими случаями, в которых не отмечаются словообразовательные связи (например, *читать пьесу*, *читать текст / книгу*). Это очень важный вопрос, если нашей целью является разработка семантического метаязыка, с помощью которого можно фиксировать все возможные смыслы. Для нас достаточно констатировать, что в семантических структурах такого типа действий встречается Объект, который при некоторых условиях не выражается эксплицитно, в связи с тем что он представлен в основе глагола.

Завершая дискуссию об Объектах, обсудим еще вопрос о том, нужно ли различать объекты на основании того, в какую интерферентную категорию они входят. Существует одна возможность разделить Объекты на две категории, I и не-I (т. е. II, III и IV), на том основании, что осуществленные астанты являются не только объектом действия, но и могут сами что-то чувствовать вследствие этого. Точно так же можно было бы говорить об Объекте-Экстерниенсоре. Рассматривая примеры типа (64), кажется, что для этого будто бы есть основания, но в большинстве случаев (например, 65) трудно или вообще невозможно (66) видеть какое-либо различие в рамках Объек-

тов. Представляется, что нет необходимости различать Объекты исходя из того, в какую категорию они входят.

(64) *Илья сильно ударил Игоря / по спине.*

(65) *Мы переместили выключатель / света в другую комнату.*

(66) *Илья похитил у Виктора / спортивную сумку / свою работу.*

Итак, у нас остался только один тип Объектов. Кроме того, мы выделили отдельный актант — Тему.

Другие роли актантов

Перейдем к рассмотрению других ролей. В различных ситуациях передаче информации или предметов присутствуют два актанта категории I: АГЕНС и РЕЦИПИЕНТ (R) — сообщение или предмет передается от Агенса Реципиенту. В некоторых случаях целесообразным представляется разделение Реципиентов на подгруппы. При этом требует решения вопрос, является ли в таких семантических структурах два или лишь одно ядро. Приведем примеры, иллюстрирующие данную проблематику²⁵:

(67) *Петя дал Урсуле книгу.*

(68) *Петя рассказывал Урсуле историю.*

(69) *Петя купил Урсуле книгу.*

(70) *Петя собирал для Урсулы цветы.*

(71) *Петя написал Урсуле письмо.*

(72) *Петя сватал Урсулу сватер.*

Эти примеры отличаются друг от друга тем, насколько тесно Реципиент связан с основным положением дел. В (67) Реципиент является его неотъемлемой частью (передача чего-нибудь предполагает существование получателя: если Петя дал Урсуле книгу, то та не могла ее не получить). В случае передачи информации (68) слушающий также является участником положения дел, но слушающий может и не слушать сообщаемое. В принципе, примеры (69) и (70) допускают трактовку, согласно которой они указывают на два отдельных положения дел (на покупку / собирание и передачу). В случаях (71) и (72) Реципиент находится еще «дальше» от основного положения дел. Однако, как нам представляется, во всех названных выше случаях говорящий видит лишь одно положение дел, о чем свидетельствуют, в частности, предложения, в которых один Реципиент заменяется другим (73) или передача чего-нибудь описывается (74):

(73) *Нина купил Урсуле книгу, но она да и отдаст ее Оле.*

(74) *Нина написала Урсуле письмо, но так и не отсылает его.*

Итак, согласно нашей трактовке, предложения (67–72) указывают на семантическую структуру, где лишь одно ядро, но они различаются актуальностью ролей Реципиентов. В (67) и (68) присутствует непосредственный Реципиент, а именно ПОЛУЧАТЕЛЬ (67) или СЛУШАЮЩИЙ (68), между тем как в (69–72) присутствует потенциальный Реципиент, которого можно назвать ПРЕДПОЛАГАЕМЫМ ПОЛУЧАТЕЛЕМ. Кроме того, следует выделить БЕНЕФИЦИАНТА, который — как видно из (75) — ничего не получает и не выслушивает, но для которого или за которого совершается действие. В случае необходимости на позиции Реципиентов можно указать при помощи верхаго индекса: R^1 (Получатель), R^2 (Слушающий), R^3 (Предполагаемый получатель) и R^4 (Бенефициант)²⁰.

(75) *Виктор купил мамушке мажину.*

В предыдущих примерах Реципиент выражен формой дательного падежа, являющегося в русском языке самым типичным средством в этих структурах. Возможны, естественно, и другие средства выражения, в частности, в предложениях (76) Реципиент выражается прямым дополнением, а в (77–78) он занимает место подлежащего, и, таким образом, меняется и ориентация предложения дел.

(76) *Виктор услышал детей колоколом.*

Президентов трансформировал парламентом в переломчат в США.

(77) *Нина получила в подарок от Виктора кольцо с бриллиантами.*

(78) *Машин услышал от бабушки сказку о прыжке на чердаке.*

Рассмотрим пример (78) с другой стороны — с точки зрения «бабушки», а затем обратимся к примерам (79–80). Отмеченные актанты являются своего рода противоположным вариантом Реципиента: они ничего не получают, а скорее от них что-то берут. В случае конкретного действия (79) данные актанты являются одновременно и объектами действия, а в примере (80) речь идет об источнике информации. Эти случаи образуют сравнительно гетерогенную группу. Почти все рассматриваемые актанты имеют свойства и какой-либо другой роли: «бабушка» имеет черты Агенса (она говорит); «сказка» не может быть Агенсиом, но похожа на Место; «учительница» напоминает Объект, так же как и «Виктор», но Виктор одновременно и Экспериментер; «Нина» в этом контексте отчасти и Агенса (Посессор).

Спрашивается, образуют ли данные акты общую группу в той мере, чтобы «заслужить» самостоятельную актинтную роль¹¹? Нам кажется, да. Назовем этот актант ИСТОЧНИКОМ (S).

Источник (S)

(79) *У Виктора украл булавочник.*

Историк школы берет деньги у Мины.

(80) *Афи читали о победе нашей команды в газете.*

Спроси лучше у своей учительницы!

В СЕМАНТИЧЕСКИХ структурах вместе с Агивком нередко выступает и ИНСТРУМЕНТ — орудие или средство в широком понимании этих слов. При выделении разных Инструментов удобно использовать их интереснейшие категории. Так, существуют инструменты предметные (II, 81), вещественные (III, 82) и отвлеченные (IV, 83)¹². Они различаются в том, что с ними происходит (используется они или нет) в данном процессе. Вещественные инструменты при этом разводуются, а инструменты категории II — нет. Нередко существуют параллельные конструкции, связанные с комбинированием разных способов использования орудия в действии: *рассматривать микроскопом и микроскопом, в микроскопе, через микроскоп, над микроскопом; анализировать спиритом, на спирите*¹³.

Инструмент (I)

(81) *Мина открыла бутылку водой из кувшина.*

*Я пил чай из ведра из лейки*¹⁴.

Афи стали на рынках на велосипеды.

(82) *Я пил чай из мягкой воды.*

Лекарь-самозучка излечил меня какими-то чудодейственным лекарством.

(83) *Виктор улетел домой ласковыми словами.*

Инструмент легко инкорпорируется в глагол. В этом случае его повторение без определения не всегда допускается (ср. 84):

(84) ¹*Мина ласковала дверь ласком.*

Мина ласковала дверь подрастворившим ласком.

Мина ласковала дверь ласком ласку «Виньветса».

МЕСТО (L) как таковое — сравнительно простой актант, поскольку ему можно найти эквивалент в реальности. Тем не менее его положение в общей системе актантов далеко не однозначно. Начнем с рассмотрения случаев, в которых оно имеет ролевой характер, а возможно, при указании на перемещение или расположение того / чего-либо в

положениях дел, ядро которых состоит из предиката с тем значением (85). Их следует отличать от спецификатора Место, который является дополнительным элементом многих положений дел (86)³⁷.

Место (L)

(85) *Никола перешел на другой берег.*

На Екатеринбург приехали гости.

Здесь мыло есть.

Дом расположен на берегу озера.

Мы перешли дуги из лодки на вилках.

(86) *Никола поет в ванной.*

Петя растет на поле.

Как показывают примеры (85), актант Место отвечает на вопросы *где?*, *куда?* и *откуда?*; кроме того, актанты, отвечающие на два последних вопроса, могут и одновременно присутствовать в положении дел. Таким образом, можно было бы выделить три типа актантов. Однако мы не склонны так поступать, поскольку в этих предикат подсказывает, идет ли речь о статическом или процессуальном положении дел (локации или передвижения), а для двух одновременно представленных в структуре Мест можно использовать индексы: L_1 (исходный пункт, старт) и L_2 (конечный пункт, финиш). Что касается возможного актанта Маршрут (87), нам кажется, что его можно считать спецификатором, поскольку он «всегда» обязательно при предикатах передвижения, кроме того, он напоминает по смыслу спецификатор Образа и способа действия (ср. 88).

(87) *Мы шли домой через лес / по лесу / лесом.*

(88) *Мы шли домой прямо.*

Отметим, что при рассмотрении разных локативных выражений мы допускаем следующую вольность: хотя выражение Места имеет разные реализации и в том случае, когда оно является актантом, мы рассматриваем эти случаи только в одном месте, а именно в рамках спецификатора Места.

Нужно прокомментировать еще одно толкование, которое касается локации. Дело в том, что единственным актантом в природных положениях дел нередко выступает именно Место (89). Кроме того, мы предполагаем наличие Места и в тех случаях, когда на поверхностном уровне оно не указано. В примере (90) это «здесь», «место», являющее отношению к нам; а в примере (91) — местонахождение этих мужчин в данный момент. Следует отметить, что до сих пор в каждом положении дел присутствовал один из субъективных актантов

(Агенс, Экспериментер или Нейтрал). Нам кажется, что Место в этих положениях дел — в отличие от (85–86) — как раз имеет значение, близкое к Экспериментеру: данная локация испытывается изменением в своем внешнем состоянии. В этом смысле можно было бы говорить о Субъекте-Месте.

(89) *На улице дождь.*

Погода в Китае была намного лучше, чем мы ожидали.

(90) *Завтра будет дождь.*

(91) *Хотя температура была выше 30, все мужчины были в пальто.*

Следует еще коснуться категории «самостоятельных» актантов, являющихся частью других актантов. Рассмотрим примеры:

(91) *Илья открыл дверь левой рукой.*

(92) *У Урсуса болит голова.*

(93) *Нана коснулась щеки Илья рукой.*

(94) *Нана коснулась пальца отца.*

(95) *Илья открыл дверь ногой.*

(96) *Илья открыл дверь отмычкой.*

Типичным представителем таких актантов являются части тела (91–93)²⁶, но существуют и другие виды «частей», к которым то или иное существо может иметь инклюзивное отношение (например, 94). В семантической структуре инклюзивное отношение целого и части обозначается при помощи скобок. Так, например, если Инструмент представляет собой часть Агенса (95), это обозначается с помощью скобок: [Ас; (А(П)), О]²⁷. В примере (92) сообщается, какая часть человеческого тела болит, т. е. речь идет о «части» Экспериментера: (Е(О)). В (93) имеется две инклюзивные структуры: Инструмент связан с Агенсом (А(П)), а Объект также уточняется при помощи части тела (О(О)). Отношения между Агенсом и Инструментом обозначаются, таким образом, по-разному в зависимости от того, является Инструмент частью тела (95) или нет (96). Последний случай имеет схему без скобок: [Ас; А, О, П].

Итак, мы готовы подвести итог и представить перечень типов актантов, используемых в внешнем варианте ФС:

- **Агенс** — актант, который производит и / или контролирует действие (относится всегда к категории П)
- **Экспериментер** — актант, который испытывает какое-либо чувство или физиологическое ощущение (относится всегда к категории П)

- **Нейтрал** — актант, который является предметом речи, высказывания (кто он, какой он, где он, существует ли он и т. п.) (все категории от I до IV)
- **Объект** — актант, на который направляется конкретное или неконкретное действие или который возникает в результате данного действия (все категории от I до IV)
- **Тема** — актант, о котором что-то говорится (все категории от I до IV)
- **Реципиент** — актант, который что-то получает или в пользу которого что-то делается (только категория I)
- **Источник** — актант, от которого что-то переходит Реципиенту (очевидно, возможны все категории)
- **Инструмент** — актант, с помощью которого Агенса что-то непосредственно делает (все категории, кроме I)
- **Место** — актант, указывающий на обязательный для данного положения деп лекативный элемент (очевидно, возможны все категории)

В семантической структуре актанты обозначаются указанными выше символами. Так, например, [Ac; A, O] является ядром семантической структуры, соответствующей смыслу предложения «писать» (= Ac, действие), «Нина» (= A), «книга» (= O) (иной способ записи: «Нина пишет книгу»). В случае необходимости подлин актанта можно обозначать при помощи индекса, например, символ O_1 означает, что позицию Объекта занимает лексема с предметным значением. Названия ролей актантов семантической структуры пишутся с начальных прописных букв. Ответ на вопрос, нужно ли в ФС конкретного языка использовать представленную терминологию и особый символический язык описания, во многом зависит от того, для кого предназначен данный ФС: одну и ту же информацию можно выразить и с помощью символов, и вербально.

Актант с погружением

В начале главы 4 мы уже привели пример погружения в характеристику семантической структуры («Сергей купил красную „Феррари“»). Ниже мы рассмотрим данное явление подробнее.

Предложение (97) включает в себе в погруженном виде характеристику Объекта точно так же, как и в примере с купившим красную «феррари» Игорем. Можно полагать, что в примере (97) в сложной форме выражено содержание предложений (98) и (99). В полной

форме погружение выражается в семантической структуре следующим образом: [Ac; A, (O₁ + (Ck; N₁)), L]; однако будем использовать более простую схему [Ac; A, (Ck; O), L].

- (97) [Ac; A, (Ck; O), L]
Я взял на руки безую кошку.
- (98) [Ac; A, O, L]
Я взял на руки кошку.
- (99) [Ck; N]
Кошка была белой.

Таким образом, семантические структуры, соответствующие данным предложениям, во многом напоминают семантические структуры со спецификаторами Определенности или Количества (ср. 100–101).

- (100) *Я взял на руки эту кошку.*
- (101) *Я взял на руки всех кошек.*

Характеристики представляют собой предложения дел с абстрактным, виртуальным временным планом. Что же касается актуальных положений дел, то они не погружаются в семантическую структуру, а трактуются как самостоятельные семантические структуры (совпадение актантов выражается при помощи индексов) (102–103).

- [Ac; A, O, L] [Ac; A,]
 (102) *Я взял на руки мурлыкающую кошку.*
- (103) *Я взял на руки кошку, которая мурлыкала / Я взял на руки кошку. Она мурлыкала.*

Положение дел (P) как актант и другие нестандартные актаны

Позицию актанта в семантической структуре иногда занимает целое предложение дел, так называемый ПРЕДИКАТНЫЙ АКТАНТ (P)¹⁶. В соответствующих повествовательных структурах при этом нередко встречаются имена существительные, мотивированные глаголом или прилагательным, т. е. названия действий или качеств. P встречается во многих клаузитивных конструкциях как сам клаузитор (104–105) или как «каузативный» Объект (одновременно Объект эмоционального отношения и его клаузитор) (106–107)¹⁷. Типичная роль для P также — Нейтрал (108).

- (104) *Красота фигуры Игоря ослепила Вилу.*
 («То, что фигура Игоря красивая...»)

- (105) *Бездельные Нины разоружают Виктора.*
 («То, что Нина бездельничает / ничего не делает...»)
- (106) *Многу нравится молодка Нины.*
 («...нравится то, как Нина ходит»)
- (107) *Многие люди боятся грозы*¹².
 «... боятся, когда приходит / случается / бывает гроза»
- (108) *Употребление алкоголя женщинами довольно новое явление, не так ли?*
 («То, что женщины пьют алкоголь...»)

Хотя прототипические случаи с предикатными аstantами являются достаточно очевидными, сама концепция этой категории далеко не ясна. Вольным в качестве примера трудных случаев предложены три (103–106)¹³.

- (103) *Болезнь жмет мне ногу.*
 (104) *Тяжелый рывок брал на явца.*
 (105) *Солнце вырвало ему голову.*
 (106) *Солнце вырвало камень.*

В поперечных структурах данных предложений встречается подлежащее, явно не входящее в группу Субъектов. Толкование данных конструкций требует, очевидно, предположения каузативной связи, а именно модификатора Каузатора. Таким образом мы получаем расширенные семантические структуры. В случае (103–105) речь идет о каузации Физиологического состояния человека (например, «То, что солнце светит ярко, вызывает: я чувствую тепло в голове»), а в случае (106) — о каузации Физического состояния. («То, что солнце светит ярко, вызывает: камень горит»). Однако примеры неоднородны с точки зрения предикатного характера аstantа: *солнце* легче понимается процессуально, чем *болезнь* или *рывок*.

В этом контексте мы не можем не затронуть известный вопрос о роли природных явлений как каузаторов действия¹⁴. Для определения их положения в системе аstantов в принципе существуют три альтернативы: 1) они отождествляются с Агенсами; 2) для них выделяется особый тип аstantов-субъектов; 3) они считаются отдельными положениями дел в том же расурсе, что и рассмотренные выше случаи. Составим предложения (107–111):

- (107) *Дом был подожжен детьми.*
 (108) *Дом был подожжен в результате игры детей со спичками.*
 (109) *Дом был подожжен женщиной.*

(110) *Дан был подолжесем ударом молнии.*

(111) *Ветер занес мусор на двор. / Грамь сломала два прише-
форматора. / Дождь хлестал по ладу.*

Сравнивая предложения (107) и (109), можно сделать вывод, что в каком-то смысле стихами можно сопоставить с Агенсами категории I. Таким образом, есть основания считать стихии Агенсами, учитывая и то, как мы выше истолковали случаи метафоризации. Однако, очевидно, мы имеем здесь дело не с метафоризацией, а конденсацией. Существенным свойством «природных каузаторов» является их тесная связь с полными положенными дел (ср. 109 и 110). С другой стороны, в случае «настоящего» Агенса (см. пример 107) замена полным положением дел приводит к изменению смысла предложения (108). Таким образом, «природные каузаторы» по своей роли в семантической структуре выходятся как бы между настоящим Агеносом и полным положением дел⁴². В ФС особый характер природных каузаторов учитывается следующим образом: хотя стихия и трактуется как самостоятельное положение дел (Р), но при описании семантической структуры она может быть представлена как элемент, погруженный при адресе. Таким образом, стихию можно назвать КвазиАгеносом (символ: P_{QA})⁴³. Он встречается в семантической структуре предложения (112); соответственно, в (113) у нас Агене, а в (114) Р — положение дел как Субъект-Агене Каузации.

(112) *Ветер поднял кобу Наны до ушей.*

(113) *Ветер поднял матыши на руки.*

(114) *Хорошая игра Оля подняла настроенные дригелей.*

Определение роли природных сил необходимо при описании любого языка, поскольку мы имеем дело — согласно общему принципу — с включением семантического уровня. Однако в описании русского языка данный вопрос является особенно актуальным, поскольку в русском языке существует, кроме нормальных действительных (115) и страдательных (116) оборотов, также специальная «стихийная» конструкция (117)⁴⁴. Согласно нашей трактовке, выбор поверхностной структуры не влияет роль агента. Таким образом, все предложения (115–117) являются проявлениями одной и той же семантической структуры, в которой встречается P_{QA} как первый агент. Но следует напомнить, что выбранные поверхностные структуры имеют свои специфические презентативные значения. Структура предложения (117) подчеркивает стихийный, случайный характер действия⁴⁵.

(115) *Ветер унес лодку.*

(116) *Лодка унесла ветром.*

(117) *Лодку унесло ветром.*

Кроме природных сил (ветера, вихря, землетрясения, «землетрясение» и т. п.), эти конструкции употребляются и в случаях, когда за происшествием стоит человек (118) или что-то просто происходит без указания на каузатив (119). Передки они также при выражении сильных порывов чувств (120). Спрашивается: нужно ли и в этих случаях предполагать $R_{\text{ка}}$? На наш взгляд, нет. Как показывают многочисленные примеры, поверхностные структуры весьма часто не отражают семантическую структуру. Таким образом, и здесь это нельзя предполагать априорно. Кажется, толковать их как метафоры типа (121) тоже не следует. В случаях типа (118–119) можно рассматривать P как Субъект, а примеры типа (120) — считать одним из возможных способов выражения изменения Эмоционального состояния.

(118) *Его убило / ранило / ослепило выстрелом / взрывом лавы.*

(119) *Ее ударило (булыжной) доской / электрическим током.*

(120) *Ее обожгло аномальным / аномальным светом жёлтого / аномальной радостью.*

(121) *Мои мысли лезли из куда-куда (= пример 16)*

Завершая представление размыл P в роли астанта, рассмотрим еще слова с абстрактным значением типа наука, искусство, социализм, демократия, интерпретация которых проблематична⁴⁷. Это связано с тем, что их можно использовать в разных контекстах (см. 122). Приведенные предложения допускают различные трактовки. По-видимому, чаще всего под словом наука подразумеваются достижения науки. Ниже приводятся некоторые смыслы предложений (или их варианты), которые могли бы соответствовать этим примерам.

(122) *Наука решает все проблемы*

«Достижения науки решают все проблемы (людей / человечества)»

Наука вызывает массу проблем.

«Использование (злоупотребление?) достижений науки вызывает: в мире много проблем»

Наука — достояние всего народа.

«Весь народ должен быть обладателем достижений науки»

Наука стала священной чертой современного общества.

«Достижения науки чересчур идеализируются в современном обществе»

Наука — интересная вещь.

«Когда *X* занимается наукой (или: когда *X* знакомится с достижениями науки), *X*-у бывает интересно»

Напомним еще о том, что далеко не все слова с абстрактным значением имеют прямое соответствие на семантическом уровне: многие такие слова входят в словарь особого метаязыка, используемого для образования различных аналитических выражений на поверхностном уровне (123; ср. 1.5).

(123) *Температура очень быстро повысилась.*

⇐ «Петь быстро стала горячей»

Наша цель — выиграть все матчи.

⇐ «Мы стремимся: мы выиграем все матчи»

Том, кого ударил Игорь, был его лучшим другом.

⇐ «Игорь ударил своего лучшего друга»

4.2. Предикаты ядра семантической структуры

Классификация предикатов ядра семантической структуры является одним из ключевых вопросов всего функционального подхода. Мы стремимся к созданию такой классификации, которая была бы достаточно систематической и последовательной, но в то же время — естественной в том отношении, чтобы она соответствовала интуитивному представлению о типах предикатов⁴¹.

При рассмотрении предлагаемой ниже классификации нельзя забывать, что, хотя она во многом и напоминает различные типологии поверхностных глаголов, тем не менее принципиально отличается от них⁴². Это проявляется, в частности, в том, что многие поверхностные глаголы, будучи репрезентантами не ядер семантических структур, а их модификаторов, остаются за пределами данной классификации. К числу поверхностных глаголов данного типа, репрезентирующих МЕТАГЛАГОЛЫ, относятся, между прочим:

Глаголы, обозначающие:

- Клаузицию (мыслить, полагать, представлять);
- Темпоральную фазу, Предварительную стадию или Модальную фазу (начинать, кончать, кончить, решать);
- Авторизацию (знать, думать, сомневаться);
- Речные функции (сообщать, спрашивать, сомневаться, обещать, требовать в перформативном употреблении).

Следует также помнить о том, что глаголы, встречающиеся в аналитических выражениях (совершаться, случиться, употребляться и т. п.), не имеют прямого соответствия на семантическом уровне. Поверхностный глагол может также отличаться от глубинного предиката, например, вследствие инкорпорации.

При классификации предикатов трудно совместить, с одной стороны, требование системности и, с другой стороны, «естественности», поскольку близость или сходство предикатов (и, тем самым, положений дел) могут быть установлены на основании разных критериев, пересекающихся друг с другом²⁰. Противоречия, возникающие при классификации предикатов, мы попытаемся сгладить при помощи синтеза разных подходов. Предваряя классификацию, мы должны сделать отдельные экскурсы в эту проблематику с учетом следующих вопросов:

- На какой вопрос отвечают предикаты?
- Какой у них количественный и качественный состав актантов?
- Какую семантику они представляют?
- Какими свойствами они обладают по отношению к Аспектуальности и Локализации во времени?

Экскурс I в классификацию предикатов

Обратимся к проблеме классификации предикатов, рассматривая во взаимосвязи три первых вопроса. Достаточно примитивным подходом при определении типов предикатов является постановка вопроса, на который они отвечают. Несмотря на простоту данного критерия, его использование можно обосновать тем, что как раз наличие устойчивых и употребительных вопросов свидетельствует о значимости, большом удельном весе разных типов предикатов. Здесь вытекают в виду не частные вопросы, направленные на выяснение отдельных актантов положения дел (например, *Куда мамисал зыят роман?* *Куда едет Игорь?*), а такие, которые касаются всего положения дел. Выделяются десять типов вопросов, на которые отвечают предикаты. Данным типам предварительные названия:

- Что делает X? (действие, деятельность)
- Что (там) происходит? (процесс)
- Что произошло? (пронесение, событие)
- Как X относится к Y? (отношение)
- Что имеет X? (обладание, владение)

- Где находится *X*? (локации)
- Что существует? (существование, бытие)
- В каком состоянии находится *X*? (состояние)
- Каков *X*? (характеристика)
- Что такое / кто такой *X*? (идентификация)

Рассмотрим более детально данные вопросы. При этом будем обращать внимание на актантный состав предикатов, а также на то, какие семантические подгруппы можно среди них выделить.

Действия противопостоят всем остальным типам предикатов. Лишь при действиях имеется Агент, который конкретно что-либо делает. В связи с этим действия всегда регулируются актантом категории I. По своей семантике различаются, по крайней мере, действия физические (в том числе и такие, которые связаны с передвижением), интеллектуальные, речевые, эмоциональные, социативные, физиологические (1) ²¹.

- (1) *Зина уехала.*
Мы долго кушались.
Нана чихает коню.
Настя не мог решить задачу.
Мы всю ночь говорили о переметрании в мире.
Нана редко плачет.
Два ворона дрались на кладбище.
Парламент договорил на крапинке нового закона.
Нана ела только суп, потому что на второе было мало.

Действие отличается от других субъектных семантических структур в том, что с ним могут быть связаны не только Объект, но и Инструмент и Реципиент (2):

- (2) *Исторь купил себе новый подтяк.*
Ваккер чистит детки картошку ножом.

Вопросы Что там происходит? и Что произошло? требуют уточнения двоякого рода. Во-первых, спрашивается, зачем нужны два вопроса с разными видо-временными формами? К этому вопросу мы вернемся во втором эссе при рассмотрении актуальных (ингерентных) свойств предикатов. Во-вторых, вопрос не однозначен, поскольку в описании того, что происходит, могут фигурировать не только процессы (3), но и действия (4). Вернемся к данной проблеме при окончательном синтезе определения типов предикатов.

- (3) *Идет дождь.*
Играет музыка.
- (4) *Исторь самолетом телекомар.*

ОТНОШЕНИЕ напоминает Действие тем, что при таком предикате также есть Объект. Но, в отличие от действия, при выражении отношения нет Агенса, а есть Экспериментер и Объект (5) или два Нейтрала (6). Следует оговориться, что вопрос Как X относится к Y? как таковой в некоторых случаях представляется не совсем удачным (альтернативный вопрос: КАКОВЫ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ X-ом и Y-ом?). С другой стороны, в таких случаях и вопрос ЧТО ДЕЛАЕТ X? явно невозможен. Существуют отношения разной семантики: интеллектуальные, эмоциональные, идентификационные⁵³.

- (5) *Петя знает Урсуду, бить может, даже сильнее лорочю.*
Петя нечаянно споря.
Петя очень нравится Урсуде.
Учитель лорочю относится к Пете.
- (6) *Константин Викторович — отец Нины.*
Ирландский язык родной в группе кельтских языков.

Необходимо отметить, что отношение всегда представляет собой неактуальное положение дел; действие же является по своему основному характеру актуальным, ср. (5–6) со значением отношения с примерами (7), которые, как и (1), указывают на действие.

- (7) *Петя долго обдумывал вопрос.*
Она долго решила все задачи.
Нина льстила директору школы.
Она слушала концерты по радио.

У семантических предикатов со значением ОБЛАДАНИЯ (владения) есть по меньшей мере два актанта: Агенса, контролирующей обладание, и Объект (8). Если речь идет о постоянном свойстве актанта, мы имеем дело не с обладанием, а с характеристикой (9).

- (8) *У Сергея красная сфферария.*
Дядя Игорь — владелец большой фермы в Германии.
У мамы только такие друзья, которые способны на все.
Россия имеет колоссальные природные ресурсы⁵⁴.
- (9) *У Игоря черные волосы.*
В доме шесть комнат.

При **ЛОКАЦИИ**, помимо Места, наличествует либо Агента, контролирующей локацию (10), либо Нейтрал (11). Положения дел могут быть или актуальными (10–11), или неактуальными (12).

- (10) *Нана сидела в кресле.
Живарины были в сауне.*
- (11) *Документы находились в портфеле.
Спальня лежала на комод.*
- (12) *Екатеринбург расположен на Урале, на границе Европы и Азии.*

При семантических предикатах со значением существования (экзистенции) нередко (13), хотя и не обязательно (14), присутствует эксплицитно выраженный аргумент, обозначающий место. В нейтральном стиле для различения Локации и Существования в русском языке нередко используется словопорядок. Существование и Локация коэкот в своей семантике некоторые зоны соприкосновения. Однако они принципиально отличаются друг от друга. В случае Существования обозначение места является частью предиката, в случае Локации — это отдельный аргумент. Когда мы говорим о существовании, мы сначала определяем тот кусочек мира, о котором мы говорим, а потом рассказываем о том, что там существует. Таким образом, предикат первого предложения (13) — *быть в сауне*. Вопрос о полипредикатности языковых высказываний далеко не прост. В примечании 63 в первой главе мы уже рассматривали случаи конденсации²⁴.

- (13) *В сауне были лишь бабушки.
На острове живет старый рыбак-пенсонер.
В портфеле были какие-то документы.
На комод лежали спальня.*
- (14) *Призраки вряд ли существуют.*

В зависимости от семантики **СОСТОЯНИЯ** выделяются разные типы предикатов²⁵. В Эмоциональных и Физиологических состояниях присутствует Экспериментер (15), в Физических состояниях — Нейтрал (16), а в Состояниях природы — выраженное или невыраженное Место (17).

- (15) *Малышу очень хотелось поесть.
Собака явно устала.
Нам было ужасно холодно.*
- (16) *Малыш / стал был совсем ленивым.
Впервые в этом году комната Пети была убрана.*
- (17) *В Москве было ужасно холодно.
Снего теплое.*

Разграничение Состояний и ХАРАКТЕРИСТИК (а также Идентификаций) осуществляется на основании актуальности / неактуальности положений дел (мы вернемся к этому вопросу ниже). При этом мы должны иметь в виду, что помимо вопроса, соответствующего Состоянию, — **В КАКОМ СОСТОЯНИИ НАХОДИТСЯ / НАХОДИТСЯ Л?** — возможны, например, вопросы типа **КАК / КАКОВЫ ДЕЛА / КАКОВО СОСТОЯНИЕ X-A ВО ВРЕМЯ Y?** Границу между Характеристикой (18) и Идентификацией (или КЛАССИФИКАЦИЕЙ) (19), в свою очередь, можно провести при помощи вопросов **КАКОВ Л?** (Характеристика) и **ЧТО ТАКОЕ / КТО ТАКОЙ Л?** (Идентификация). Как это часто бывает, наблюдаются также случаи, допускающие двоякую интерпретацию (20).

- (18) *Финляндия — довольно большая по своей площади страна, по крайней мере, в сравнении с некоторыми другими европейскими странами.
Норв — высокий и стройный.*
- (19) *Финляндия — республика.
Норв — русский.*
- (20) *Норв — бездельник / пьяница.
Нина — ленива / блондинка.*

Экспурс II в классификацию предикатов

В классификации предикатов альтернативный подход представляет концепция, которая рассматривает их аспектуальные свойства. Аспектуальность как спецификатор будет описана ниже (раздел 7.3), а здесь мы должны затронуть вопрос о том, можно ли использовать аспектуальные характеристики предикатов в качестве критерия их классификации. В этих целях рассмотрим разные критерии, применяемые в определениях глаголов / предикатов / словосочинений дел. Акцент будет поставлен на том, характеризуют ли эти критерии их **интерентные** или **аспектуальные** свойства⁷⁹. Интерентными мы считаем постоянные особенности предикатов, отличающие их от других типов предикатов. Аспектуальные же свойства предиката могут меняться: они имеют разные проявления в таком же смысле, как в выражении предикатов могут быть разные проявления Темпоральности, образующие систему парадигм. Хотя интерентные и аспектуальные свойства в принципе разные вещи, в действительности между ними нет четкой границы. Рассмотрим следующие бинарные параметры: контролируемость / неконтролируемость, предельность / неопредельность, динамичность / статичность, моментальность / отсутствие моментальности.

Мы уже использовали параметр КОНТРОЛИРУЕМОСТЬ / НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТЬ как один из критериев отличия Действий от не-Действий. Если человек бежит — это Действие, а если время бежит — это не-Действие. Различие не аспектуальное, а ингерентное. Предикаты в примерах (21) и (22) по своим аспектуальным характеристикам одинаковы, но они различаются по ингерентным свойствам.

(21) Игорь плывет к другому берегу.

(22) Бревно плывет к другому берегу.

Если параметр контролируемости / неконтролируемости явно определяет ингерентные свойства предикатов, то параметр ПРЕДЕЛЬНОСТЬ / НЕПРЕДЕЛЬНОСТЬ относится к аспектуальным характеристикам. Предикат предложения (23) отличается от предиката предложения (21) не ингерентными, а аспектуальными свойствами: положение дел имеет новую фазу — цель этого процесса достигнута.

(23) Игорь перешел на другой берег.

Параметр ДИНАМИЧНОСТЬ / СТАТИЧНОСТЬ оказывается более сложным. Мы использовали его выше в определении Состояний, а с другой стороны, он не может быть игнорирован в рассуждении об аспектуальных свойствах предикатов. Дело в том, что в определенных контекстах предложения типа (23) могут обозначать и состояние после достижения цели (ср. 24). Очевидно, мы должны выделить два состояния: Состояние₁ — один из классов предикатов и Состояние₂ — одно из аспектуальных значений предикатов⁷⁷.

(24) — Игорь перешел на другой берег?

— Да, он уже там.

Параметр МОМЕНТАЛЬНОСТЬ / ОТСУТСТВИЕ МОМЕНТАЛЬНОСТИ тоже имеет двойственный характер. В одних случаях моментальность означает начало нового Состояния₂ (25), в других мы имеем дело с «самоостоятельной» моментальностью и тем самым с ингерентным свойством предиката (26).

(25) Я досрочно вернулся / досрочно письмо / прыгал домой / решил задачу поздно вечером.

(26) Он громко чихнул / вздрогнул / подскок от испуга.

Остановимся еще на одной характеристике предикатов, а именно на обобщенности их временного плана. Она обычно рассматривается в рамках понятия АКТУАЛЬНОСТИ / НЕАКТУАЛЬНОСТИ положения дел. Другие соответствующие термины: локализация / нелока-

лизуемость во времени, эпизодичность / неизменность. Как мы уже видели, этот критерий может быть использован при ограничении Состояний, от Характеристик и Идентификаций¹⁹. Напомним, что Актуальность положения дел не означает моментальности, точности во времени, во временной план, на который указывается, должен быть достаточно ограниченным (ср. 27 и 28). Со своей стороны, неактуальные положения дел не всегда постоянны, они могут измениться (29).

(27) *В этот вечер все было прекрасное / пыльное / веселое / холодное.*

(28) **В паровозном обществе все было прекрасное / пыльное / веселое / холодное.*

(29) *Раньше Николая мама была беспощадной / суровой / спокойной.*

Нужно отметить, что существуют поверхностные структуры, способные репрезентировать как Состояния (30), так и Характеристики (31):

(30) *Я ужасно боюсь. (известно сейчас, в данный момент)*

В этот момент я был счастливей, чем когда-либо в своей жизни.

(31) *Я боюсь колчаевских.*

Не всегда члены колчаевской семьи — счастливые люди.

Существуют также некоторые переходные случаи. Если речь идет о деятельности актанта как постоянном его свойстве или занятии (32), мы имеем дело, с одной стороны, с Действием, с другой стороны, с Идентификацией или Характеристикой. Толкование таких случаев зависит от контекста.

(32) *Никола проводит в школе. (ср. Никола — учительница.)*

Никола в силах поднимать тяжелые вещи. (ср. Николу — сильный.)

Синтез классификации предикатов

Итак, мы рассмотрели классификацию предикатов с разных точек зрения: количества и ролей актантов; вопросов, на которые они отвечают, а также актуальных разрядов предикатов и актуальности / неактуальности положения дел. Нам осталось осуществить синтез этих подходов. При этом мы должны создать иерархию разных классификационных критериев, определяя, в каком порядке и в какой степени они принимаются во внимание.

В качестве критерия при определении предикатов мы не учитываем роли актантов, поскольку это создало бы порочный круг: в определении актантов мы уже принимаем во внимание то, при каких предикатах они используются.

Количество актантов — удобный и ясный критерий для различения предикатов. С другой стороны, в случае Действий, с интуитивной точки зрения, оно играет менее важную роль: «работать» (33) и «стирать» (34) кажутся одним и тем же типом предикатов, независимо от различия в количестве актантов. Однако когда речь идет о не-Действиях, этот критерий имеет больше веса, ср. (35) с (36), соответственно (37) с (38). На основе этого критерия примеры (36) и (38) представляют особый класс предикатов, а именно Отношение (R).

- (33) *Виктор работает.* (только Агенс)
 (34) *Виктор стирает белье.* (Агенс и Объект)
 (35) *Илья — высокого роста.* (один Нейтрал)
 (36) *Илья выше Виктора.* (два Нейтрала)
 (37) *Илья в постыле.* (только Экспериментер)
 (38) *Илья уже не любит Виктора.* (Экспериментер и Объект)

С Отношением мы имеем дело также при Локации и Обладании, которые отличаются от других Отношений по наличию особого вопроса. Одноактантными предикатами являются, со своей стороны, Составные, Характеристика и Идентификация. Различие между ними проводится, как было сказано выше, по линии актуальности / неактуальности положений дел. Характеристики отличаются от Идентификаций на основе вопроса, на который они отвечают.

Итак, мы готовы представить восемь **первичных** классов предикатов: Действие (Ac), Отношение (R), Обладание (Ps), Локация (Lc), Существование (Ex), Составные (S), Характеристика (Ch) и Идентификация (Id). Как показывает схема на с. 187, они образуют — несмотря на разные классификационные критерии — определенную систему.

Некоторые из данных классов делится дальше на подгруппы в зависимости от того, какими семантическими характеристиками они обладают, например, среди Составных выделяются Эмоциональные, Физиологические и Физические, а также Составные окружающей среды. В приводимом ниже перечне отмечаются класс предиката, состав возможных актантов и соответствующие семантические подклассы.

- Действие (Ac); необходимый актант: А, возможные актанты: О, I, R, T
 Передвижение (Ac₁): *Илья идет / несет сумку в школу.*

Физическое воздействие (Ac_{10}): Игорь прихлопнул / убил муху.
 Интеллектуальное действие / действительность (Ac_{11}): Виктор думает о детях.

Речевое действие (Ac_{12}): Мы должны говорить о судьбе матери.
 Действие, кодирующее (не)обладание (Ac_{13}): Виктор дал Оле книгу.

Социальное действие (Ac_{14}): Виктор назвал Петю.

Физиологическое действие (Ac_{Ph}): *Мне это суя.*

Характеризующее (или Идентифицирующее) действие (Ac_{Ch} / Ac_{Id}): *Виктор поет в горе.*

- Отношение (R1): возможные активные пары: N — N; E — O
Социальное отношение ($R1_{So}$): *Режиссер отвечает за все решения.*

Эмоциональное отношение ($R1_{Em}$): *Нана любит Игоря.*

Интеллектуальное отношение ($R1_{In}$): *Нана помнит все.*

Идентификационное отношение ($R1_{Id}$): *Ирина — мама Наны.*

Характеризующие отношения ($R1_{Ch}$): *Игорь — сын Виктора.*

- Обладание (P): A — O

У Сергея есть «феррари».

- Локация (L): A / N — L

Котик лежит на стуле. (с Агонсом)

Котик лежит на стуле. (с Нейтралом)

- Существование / бытие (Ex): необходимый аспект: N / A

Общая экзистенция (только N): *Плохих людей не бывает.*

Существование в определенном месте (A или N): *Тут много людей / друзей.*

- Состояние (St): необходимый аспект: E / N / L

Эмоциональное состояние (St_{Em}): *Мне скучно.*

Физиологическое состояние (St_{Ph}): *Мне холодно.*

Физическое состояние (St_{Ph}): *Руки / тарелки грязные.*

Состояние окружающей среды (St_{So}): *Здесь холодно.*

- Характеристика (Ch): N

Урсула 16 лет.

- Идентификация (и классификация) (Id): N

Урсула немка.

Примарные классы предикатов еще не покрывают все возможные типы предикатов. Многие из неотыченных случаев касаются ответов на вопросы ЧТО (ТАМ) ПРОИЗОШЛО? и ЧТО ПРОИЗОШЛО?, а также аспектуальных характеристик, скрывающихся за различием этих двух вопросов. Таким образом, целесообразно остановиться на этих свойствах более детально. Первое наблюдение: на данные вопросы могут отвечать и Действия. Кроме того, как показывают примеры (39), по аспектуальным признакам они представляют разные случаи.

(39) *Виктор ходит по двору.*

Виктор поет / танцует по саду.

Посуда вымыта Виктором.

Виктор попутчал в дворе.

На следующем этапе анализа рассмотрим также положения дел, в которых есть элемент динамичности и / или предельности, но которые не являются Действиями. Предложения (40–42), обозначающие динамический процесс, являются не совсем естественными ответами на вопрос ЧТО (ТАМ) ПРОИСХОДИТ?, а совершенный вид глагола изменения (43–44) часто употребляется для обозначения Состояния после процесса изменения. Выяснит, что данные процессуальные и предельные значения воспринимаются не самостоятельно, а через значение Состояния. Приблизительно так же обстоит дело с Неактуальными изменениями: процесс, связанный с Характеристикой (например, *Петя похолодел*), как правило, вообще не может быть ответом на вопрос ЧТО (ТАМ) ПРОИСХОДИТ?, а совершенный вид глагола изменения и в этом случае обозначает положение дел после процесса изменения (44) ¹⁷. Очевидно, описание предикатов в (40–44) следует осуществлять с помощью введения класса **вторичных предикатов**.

- (40) *Все были рады тому, что бабушка быстро выздоровела.*
 (41) *Все были рады тому, что бабушка быстро выздоровела.*
 (= «Бабушка уже здорова»)
 (42) *Игорь на глазах пьянет.*
 (43) *Игорь опьянел.* (= «Игорь пьян»)
 (44) *Ты замечаешь, что Петя похолодел?*
 (= «Петя толстый, но раньше он не был таким толстым»)

Таким образом, за пределами первичных классов предикатов остаются некоторые случаи, которые обозначают постепенное (ЧТО ПРОИСХОДИТ?) или моментальное (ЧТО ПРОИСХОДИТ?) изменение в положении дел, т. е. процесс или происшествие. Выделение их как особых классов первичных предикатов вызвало бы проблемы в классификации, поскольку большое количество Действий также относится к этим случаям. В связи с этим выделяется категория **вторичных предикатов**, которые обозначаются стрелками при символом первичных предикатов. Это оправдано не только из-за техники описания, но и содержательно: вторичные предикаты, как правило, мыслятся через первичные, в связи с ними. Такие случаи можно выделять во многих классах предикатов. Примеры показывают общую концепцию вторичных предикатов:

(45) (\Rightarrow Cb)	<i>Петя похолодел.</i>
(\Rightarrow Ex)	<i>Кот пьянел.</i>
(\Rightarrow Lc)	<i>Карадань упал на пол.</i>
(Pb \Rightarrow)	<i>Игорь потерял свой бутылочник.</i>

$(R)_{in} \Rightarrow$	<i>Ива забыла о встрече.</i>
$(E) \Rightarrow$	<i>Из кармана выскочил ключ.</i>
$(\Rightarrow S)_{(S_{(S)})}$ или $(S)_{(S_{(S)})} \Rightarrow$	<i>Ваза разбилась.</i>

Мы уже существенно сузили круг ответов на данные «аспектуально ориентированные» вопросы. Продолжим еще в этом направлении. Посмотрим предложения (46–48), которые можно считать выраженными Существованием³⁰.

- (46) *Смотри, здесь полетел.*
 (47a) *На шоссе проломилась / случилась авария.*
 (47б) *На шоссе была авария.*
 (48a) *Мельница / свернула машина.*
 (48б) *Только что была машина.*

В первом предложении (46) существенно не то, что здесь полетел, а то, что тут есть змея³¹. Для повествовательных структур (47a) и (48a) существуют варианты с глаголом *была* (47б, 48б). Если принимается близкая связь этих предложений, остается вопрос, как описать те случаи, в которых присутствует глагол, обозначающий моментальное происшествие (47a, 48a). Очевидно, есть две альтернативы: а) считается, что денотативные значения повествовательных предложений (47a) и (47б) (соответственно 48a и 48б) одинаковы, а различаются только презентативные значения, проявляющиеся в выборе глагола; б) предложения (a) и (б) принадлежат к одному классу предикатов (Существование), но у них разные аспектуальные значения. Чтобы выбрать более подходящее решение, представим себе ситуацию (отрезок действительности), в которой мельница молния и говорящий хочет выразить это словосочетание. С целью осуществить свое коммуникативное намерение он может сказать или (48a), или (48б). Данные высказывания, безусловно, имеют разные смысловые оттенки, но раз с их помощью выражается одно и то же положение дел, различия в их семантике следует приписать части значания, которое было названо презентативным. Отметим, однако, одно различие между (46), с одной стороны, и (47) и (48), — с другой. Дело в том, что в (46) наличествует актант категории I, а в (47) и (48) у нас положение дел (P) как актант, существованию которого вербализуется.

Сопоставим еще варианты (a) и (б) предложений (49) и (50). В обоих случаях в вариантах (a) встречается процессуальный глагол, а в вариантах (б) — нет. Оказывается, что высказывания (49a) и (49б) передают одно и то же денотативное значение, а (50a) и (50б) описывают разные положения дел. Таким образом, семантически

структуры (49а) и (49б) одинаковы: они обозначают процессуальное Состояние¹, т. е. с точки зрения аспектуальных значений здесь — Процесс, а с точки зрения классификации предикатов — Состояние. В отличие от этого предложения (50а) и (50б) чаще всего указывают на две разные семантические структуры. В одной из них у нас Локация, в другой — изменение Локации. Для сопоставления возьмем еще пример (51), который, несомненно, выражает Процесс как аспектуальное значение и может быть использован для выражения Состояния.

(49а) *Вчера целый день шел снег.*

(49б) *Вчера целый день был снег.*

(50а) *Сыграны футбольный матч кажутся на улице.*

(50б) *Сыграны футбольный матч лежат на улице.*

(51) *Из края течет вода.*

При характеристике случаев (50а) и (51) можно использовать тот прием, который мы описали выше: классификация предикатов и их аспектуальные характеристики образуют взаимосвязанную систему. Так, есть случаи, которые относятся на основе аспектуальных характеристик к Процессам, а по типу предиката — к Локации (50б) или Состоянию (51).

Таким образом, нами определено восемь основных классов предикатов и среди них семантические подклассы. Выделены также вторичные классы предикатов. Они нередко встречаются в погружениях, обозначающих разные когнитивные связи, как показано в (52).

(52) *Вихор уронил целым в реку.* [Ac; S, (≠ Lc; O)]

Вихор ударил свое пальто. [Ac; S, (≠ Cb; O)]

Вихор устонал малышка. [Ac; S, (≠ St; O)]

Вихор испек морю. [Ac; S, (≠ Ex; O)]

Примечания к четвертой главе

¹ При этом следует кратко сопоставить нашу терминологию с той, которой оперирует П. Адамс (1978). Он тоже выделяет на глубинном уровне ПРЕДИКАТ и АКТАНТЫ, а, кроме того, еще АДРЕРВАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ; вместе они образуют ПРОПОЗИЦИЮ. После того как в пропозиции присутствуют СПЕЦИФИКАТОРЫ, которые делятся на четыре группы (вид, фактивность и время; модальность; грамматическая презентация, т. е. датель; актуальное членство), получается РЕАЛИЗАЦИОННАЯ БАЗА ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

² Примеры взяты из работы (McIntyre 2004). В ней можно найти и обширную литературу по вопросу. Наше толкование означает, что на уровне

семантических структур нет необходимости выделять роль, которую иногда называют *effect of object* (Pavsonová 1994: 233), например, *купили* в конструкции *купилась любовь на куле*.

⁵ Если бы погружения не были доступны, предложение *Сергей купил красную «феррари»* следовало бы трактовать как репрезентант трех ядер: покупки («Сергей купил машину»), характеристики («машина красная») и идентификации («машина „феррари“»). В таком случае описание предложной типа (1–2) стало бы чрезвычайно сложным:

- (1) *Сергей мечтает о красной «феррари».*
- (2) *Сергей хочет купить красную «феррари».*

В таком случае предположится наличие сложной семантической структуры, тогда — простой семантической структуры с погружением, а когда — простой семантической структуры без погружения — вопрос: далеко не простой. А как нужно истолковать пример (3) из (Арутюнова, Шаров 1983: 6), который можно считать канонической бытия, локации (местоположения) и характеристизации: «У нас есть дача, она — небольшая и находится там»? Возможное решение: P_1 («Мы имеем (небольшую дачу)») + «И» + P_2 («Дача находится там»), т. е. две простые семантические структуры (одна с погружением, другая — без), которые образуют при помощи метаслова «И» сложную семантическую структуру.

- (3) *У нас там небольшая дача.*

⁴ Пока не определено точно, как избежать в ФС возможного повтора, связанного с тем, что некоторые языковые явления (с разных сторон) рассматриваются в разных главах.

⁵ Наш способ представления семантической структуры напоминает запись смысла предложений, используемое, в частности, П. Адрианом (1978) и С. Диком (Dik 1989).

⁶ И. А. Мельчук в своем основоположном исследовании, посвященном теоретическим вопросам «актантологии» (Mel'čuk 2004), обсуждает удачность термина *актант*, сравнивая его с другими кандидатурами для данного использования (*participle, implemētional participle, argument, complement, lego*), и приходит к выводу, что этот введенный еще Тольером (Toulmin 1959: 102) термин имеет больше положительных ассоциаций, чем другие.

⁷ ФС, подобно грамматике падежей, можно было бы построить целиком на ролях актантов. Такая грамматика отсылала бы на вопросы типа «Как в языке *г* выражается производитель действия (*Agent*), получатель (*Recipient*) и т. д.?». Подобный подход использован в некоторых сопоставительных языковых описаниях (см., например: Dixon, Rukhin 1977: 143–156). Однако языковое выражение определенных семантических ролей (семантическая падежей) тесно связано с выражением тех предикатов, которые открывают места для них. В связи с этим мы исходим в ФС из совокупностей, включающих в себе как актанты, так и предикатные элементы. По-видимому, такой подход больше соответствует интенции говорящего, кото-

рый хочет выразить не столько отдельный актант и предикат, сколько целое предложение.

⁹ Г. И. Кустова (1998: 36–37), обсуждая сущность разных актантов, отмечает, что Агенты, Пациенты, Средства и Инструмент являются равными участниками ситуации, а у Экспериментора роль, так сказать, второстепенна. Эксперименторские глаголы выражают информационную связь (отношение) человека с некоторой ситуацией.

¹⁰ Персонификация актантных классов подчеркивается, в частности, Ю. Д. Апресяном (1995: 140–142) и К. Чакин (Спирку 1996: 63–95).

¹¹ Вопросу о различиях актантов (*conferents*) и степеней свободы (*сир-константов, аджантов*) посвящена масса работ (см. ссылки в [Мол'гак 2004]). И терминология варьируется. А. Е. Кабырч (2003: 332) различает *аргументы* на *актанты* (= *центральные аргументы*) и *сирконстанты* (= *периферические аргументы*). Согласно Е. В. Падучевой (1998: 90–91), существует *аргументная точка зрения* [—], что: а) актанты семантически обязательны, а сирконстанты факультативны; их можно брать из ситуации, не разрушая ее; б) актанты выражаются идиоматично, и потому должны быть упомянуты в слогаре, а сирконстанты [—] в грамматике (см. также весьма основательные обсуждения данного вопроса В. С. Храковским (1998) и М. В. Филиппенко (1998)). Далее Падучева приводит достаточно веские аргументы для оправдания обеих утверждений. Созданы также тесты для того, чтобы определить границу между ними. Однако они, как правило, основываются на рассмотрении этого явления на уровне поверхностного синтаксиса. Таким образом, они не годятся для анализа семантического уровня.

¹² Если нужно найти формальный повод для итандирования актантов Делити и Срек, это можно сделать, только фразу (1) как конъюнкцию трех положений дел (2). Как показывает пример (1), данный смысл редко выражается в нормальной речи одним предложением. Валентные свойства этих глаголов рассматриваются, в частности, в работе (Pavetová 1994: 229–231).

(1) *Я дал брату в аренду свою комнату на три недели за 100 рублей.*

(2) «Я дал в аренду брату комнату»

«Брат обещал освободить ее через три недели» / «Срек аренды — три недели»

«Брат заплатил за это 100 рублей»

¹³ При определении актантов или семантических ролей (падежей) принимаются разные стратегии. Одни ученые соблюдают минималистский принцип и удовлетворяются минимальным числом разных ролей, а другие стремятся и как можно более подробно их исследовать. Рекордом первого типа можно считать локативистскую модель Дж. Андерсона (Anderson 1971) с четырьмя глубинными падежами. Другой конец спектра представляет, очевидно, М. В. Восточкова (2006), выделяющая более 50 донотативных ролей. Достаточно большое количество актантов (более 20) предлагают также Ю. Д. Апресян (1974: 126) и П. Сталл (Stall et al. 1969: 67). Рассуждения по поводу числа семантических ролей см. (Крылов 2004).

¹³ В некоторых трансовых «актантах» разных уровней различаются терминологически. Так, у В. Г. Тостальды (2001: 156) ситуации имеют парадигмативные, а предикаты — актановые. У Е. В. Падучевой (1998) три термина: парадигмативная ситуация, семантический актановый и синтаксический актановый. И. А. Мельчук (Mel'čuk 2004), со своей стороны, различает три вида актантов: *семантические*, *дербинко-синтаксические* и *полюстровско-синтаксические*. Если искать в этих концепциях эквивалент нашему актанту, то это, скорее всего, партиципant у Тостальды и Падучевой и семантический актант у Мельчука. Кроме того, Мельчук различает актанты и (абстрактные для актантов) места (*actant slots*). Конкретные актанты произносятся в речи, а актантовые места являются языковым понятием. Что касается нашего описания, эту разницу можно объяснить следующим образом: в ФС описываются явления языка, которые потом получают акустическое воплощение в речи. Поскольку мы стараемся избегать сугубо формальной презентации, для наглядности прибегнем к примерам с конкретными языковыми наполнениями. Несмотря на это, цель ФС — описать не конкретные случаи употребления, а тот потенциал, который имеет язык для выражения разных семантических категорий (ср. Муштайкина 2003а).

¹⁴ О. Эккерст (Eckert 1924: 37–39) при этом говорит о родственном объекте. В русском языке соответствующие примеры менее эффективны, поскольку в них нет прямого дополнения (1):

- (1) *Маленький спит крепким сном.* (ср. **Маленький спит сном.*)
Маленький спит крепкой сномом. (ср. **Маленький спит сномом.*)

Подобные случаи легко допускают приставку, в соответствии с которой с глубинным предикатом связан не Объект, а спецификатор Образа действия. Сказавшееся является также предложением со вычисленным состоянием болевания, только в этом случае семантическая структура, помимо спецификатора Образа действия, может заключать в себе еще идентифициацию болевания (2):

- (2) *Отцу Игорю болает серьезной болезнью.*
Отцу Игорю болает рывком.
 (ср. **Отцу Игорю болает болезнью.*)

¹⁵ Ср. на тему кодовы (Van Valin 2001: 33); см. также основательный анализ разных типов «ретроактивных» и «профлексивных» значений в (Неладков 2004).

¹⁶ Различные интерпретации коллективных актантов (т. е. вопрос о том, употреблена ли, например, слово *председатель* для выражения всего коллектива, его руководства, одного человека или небольшой группы) рассматриваются в (Васюковская, Шувакова 1989: 37).

¹⁷ Понятие одушевленности тесно связано с понятием Агенциальности, которое рассматривается особенно подробно в теоретическом исследовании по грамматике падежей. Критический обзор на эту тему содержится в (Стайс 1973).

Одушевленность по-разному проявляется в зависимости от типа предложения деп. Передвижение (1) и некоторые физиологические состояния (2)

легко ассоциируются с существными «более низких категорий»; по-видимому, часть позиционных состояний (3) могут испытывать и многозначные; действия же, связанные с работой мозга (4), обычно ассоциируются лишь с человеком (возможны также слова, метонимически указывающие на человеческий коллектив, например: университет, парламент, общество). Скаланно можно продемонстрировать, заменив слово *Виктор* в приведенных ниже примерах словами *собака*, *мышь*, *змея*, *каменное*, *дерево* и *парашютист*:

- (1) *Виктор медленно двинулся вперед.*
Виктор повернул направо и продолжил путь.
- (2) *Виктор спал.*
Виктору было холодно.
- (3) *Виктор бежался.*
Виктор любил рыбу.
- (4) *Виктор обдумывал свои планы на будущее.*
Виктор решил заплатить налоги.

¹⁸ В этом контексте возможны и одушевленные агенты, не контролирующей данные положения дел:

- (1) *С дерева мне на плечо упала рысь.*

¹⁹ Как было сказано в разделе 3.2, М. В. Воеводова (2000: 135) дает, вслед за А. Е. Кабриком (1992), агентам субъектного типа название ПРОТАГОНИСТ. В концепции Ван Валина (Van Valin 2001: 50) — это раннего рода Акторы (Actor). А. Е. Кабриком (2003: 116, 145–150) созданы для языков раннего типа целая система ГИПЕРРОЛЕЙ. Так, при аккумулятивной синтаксической схеме выделяются гиперроли Прнципал и Пациентка, при эргативной — Абсолют и Агент, при активной — Актор и Претерминация и при триггеровой — Единственный, Агент и Пациент. Термин *актор* употребляется также Е. В. Падучевой (1998).

²⁰ Здесь (как и во многих других местах) мы используем поверхностные предложения для описания понятий, связанных с семантической структурой. Это должно быть прочтено так, что данные поверхностные предложения и входящие в них члены предложения являются результатом опреледеленного типа семантической структур и роли агентов в них.

²¹ В этих предложениях дел встречаются, прежде всего, позиционные предикаты (ср. Рахлина 1998).

²² Можно утверждать, что Субъект полностью и повнимательнее способен контролировать положение дел, чем Субъект действия, поскольку у него можно силой отобрать объект possession или его можно полностью перенести в другое место. Однако следует отметить, что и действия также могут быть предопределены или проконтролированы посторонними лицами.

²³ Т. Н. Славина (1999, 2002) основательно описывает проблематику множественности действия. Часть наших примеров взята из ее работ. Согласно Н. В. Шатуновскому (1996: 191), одним из признаков с истиннолической и семантической точки зрения для языка концептуальных действий является деление Р на контролируемые и неконтролируемые.

¹⁸ Экспериментер является, таким образом, почти тем же самым, что и Субъект состояния, который, по данным Т. П. Бабьной (1997), может быть выражен в русском языке 22 формами.

¹⁹ О функциональных глаголах см., например, (Залотова и др. 1998: 63–63). В (Залотова 2003: 42) читаем: «Если акциональный глагол сочетается с именем неодушевленного субъекта, он перестает быть обозначителем действия, называя состояние или функционирование предмета».

²⁰ При некоторых глаголах возможен как результирующий, так и «нормальный» деривативный объект (*Мама поелаю еду / ложилу*). Возможно, что названный носитель языка не чувствует различия между ними. Продукты творческой деятельности человека, со своей стороны, могут иметь разные фазы реализации, ср. *сочинилу песню, исполнил песню; написала книгу, украсила книгу*. Окончательную реализацию они получают только в сознании воспринимающего зрителя или слушателя. Другого типа реализации мы находим в текстах, которые сначала создаются, а потом выводятся в оборот, например: *заключилу / съелу акцию; постронилу / опубликовалу документаль-ство, написала / осласила или опубликовала документ; съделала / състала надпись; выписала / пробылала ордер; написала / направила письмо и т. д. (Гиндин 1994). О глаголах создания см., например (Абрамов 2003: 103–139).*

²¹ Эпиметатив выделяет как отдельный аспект, например, Е. В. Муравько (1998: 71–72) и М. В. Востолодова (2000б: 144).

²² Расчленявая предикаты внутреннего состояния, Анна А. Залитина (1992: 31–32) выделяет три подкласса Объектов. При эмоциональных состояниях есть Прямая (*Он любит девочек*), при эмоциональных отклонениях — Объект (*Мама любит сына*), а при ментальных состояниях — Содержащие (*Я надеюсь, что он вернется*). Однако она добавляет, что сопоставление носит «не абсолютный характер». Согласно нашей трактовке, состояния не могут иметь при себе Объект: как только он появляется, мы имеем дело с отклонением.

²³ Случай конденсации этого типа были исследованы, в частности, А. Я. Михалевичем (1976: 134–166) и В. В. Мартыновым (1982: 156–161).

²⁴ М. В. Востолодова (2000б: 145–146) тоже выделяет четыре типа Реципиентов (адресных ролей): собственно Адресат — получатель информации, Реципиент — получатель материального объекта, Бенефициары — лицо, заинтересованное в осуществлении ситуации и получающее в результате ее осуществления / неосуществления моральную или материальную выгоду или ущерб, Достигатив — лицо или предмет, которому предначаста какой-либо предмет или действие. Как показывает Н. Д. Арутюнова (1992), выражение Бенефицианта имеет определенную связь с выражением цели. О номинативном статусе бенефициантов конструируй см. также (Яню 1996).

²⁵ Любопытно отметить, что данный тип аспиктов не выделяется во многих концепциях, в частности, в достаточно обширных списках аспиктов у Востолодовой (2000б) и Тестельды (2001) его нет. Е. В. Падручева (1998: 96)

любви); 2) X знает, что P имеет место в момент t_0 и относит P в будущему (P контролируемо для X-а: *боюсь жить жизнью*; P неконтролируемо для X-а: *боюсь заблудиться, боюсь ошибиться*); 3) X не знает, имеет ли место P в момент t_0 (*боюсь, что ошибаюсь*).

⁴¹ Наши рассуждения по этому вопросу возникли на основе содержательной статьи Г. И. Кустовой (1998). Некоторые примеры языка также оттуда.

⁴² В некоторых версиях грамматики падшей стигии представляет собой самостоятельный глубинный падеж. Так, например, В. В. Богданов (1977: 54) в связи с этим говорит об элиминативе, Д. Нильсен и А. Нильсен (Nielsen, Nielsen 1975: 93) — о силе (FORCE), а М. В. Воскобойнова (2000b: 142) вслед за Н. А. Мельчуком — о стигии.

⁴³ Еще более специфическую категорию производителей действия образуют Бог и боги; в определенных текстовых типах нередко встречаются такие предложения, как (1)–(2):

- (1) *Бог в своей премудрости предвидит из времени и вечности следующие члены нашего народа.*
 (2) *Бог наказал Айана и Бор.*

Для нас Бог здесь Агента, точнее, говорящий принимает ему такую роль. Вообще Бог и боги входят в класс Агентов без тела («bodyless») вместе с призраками (ср., например, Atlas 2002; Bering 2002; Ruusijärvi 1996, 2004). В целом с точки зрения теории роли боги составляют особый класс: они ведь в состоянии совершать нематериальные человеческие действия. Они своего рода Суперагенты.

⁴⁴ Стихи отличаются друг от друга тем, насколько легко они мыслятся как самостоятельные полуживые дела. Действие «мыслил» и «встрел» (1), по-видимому, довольно легко субъективизировать, между тем как для «сходило» и «грохот» роль субъекта менее допустима, хотя и возможна (2).

- (1) *Молния разбила большую сосну.*
 (ср.: *Удар молнии вынул ей, что сосна была разбита.*)
Ветер поднял кобру Нана до ушей.
 (ср.: *Ветер дун так, что кобра Нана поднялась до ушей.*)
 (2) *Дождь испортил футбольное поле.*
 (ср.: *Шел такой дождь, что футбольное поле испортилось.*)
Гром сорвал дом, который расположился на скале.
 (ср.: *Гром дрснул так, что дом, который расположился на скале, треснул.*)

Г. И. Кустова (1998: 31) обсуждает особую роль стигийного каузатора, сравнивая предложения (3) и (4):

- (3) *Душман сорвал ямную с призрака.*
 (4) *Ветер сорвал ямную с призрака.*

Для самостоятельного отметим, что в случае общественных явлений субъект повременной структуры явно мыслится как полуживое дело, из которого

го что-то вытекает (5); в данных случаях семантическая структура воспринимается как сложная.

(5) *Декальманция привела фантасмогическую жизнь к гибели.*

(«То, что произошло декальманция, привело к тому, что в фантасмогической жизни началась гибель»)

Сложные периоды являются бесполезными на заводах.

(«То, что зарплата была сложна, вызвало бесполезность на заводах»)

⁴⁵ А. Вешницкая (Wieszińska 1988: 223–233) в данном отношении русского языка видит некоторые «славяноязыческие» черты, а именно веру в силу судьбы. Обзоры по изучению конструкции данного типа можно найти в (Green 1986: 31–151; Сулейманова 1989: 171–178). Анализ «стихийных» предложений, основанный на обширном фактическом материале, приводится в работе (Мустафока, Копотев 2005).

⁴⁶ По В. Гладкову (Gladkov 2003: 46) употребление «стихийной» конструкции маркирует то, что роль семантического субъекта выполняет диффузная природная сила.

⁴⁷ Ср. в этой связи рассуждения в (Богданов 1977: 34). Интересно отметить, что в русском языке существительные с явно абстрактным значением в качестве объектов отрицательных предложений нередко «ведут себя» подобно существительным с конкретным значением (ср.: Matalajoki, Heino 1991: 160–161).

⁴⁸ Существуют десятки различных классификаций глаголов и предикатов (обзор их систем, в частности, в Jaquet 1977). Одна из самых систематической классификации (например: Мартынов 1974; Клобуков 1986) была уже представлена в прилжч. 18 в главе 2.

Ю. С. Степанов (1981: 150–159) делит глаголы, в соответствии с аристотелевской классификацией, на следующие предикатные классы: сущность (*Мой брат учится*), количество (*Мне холодно*), качество (*Она лгуна*), отношение (*Москва больше Ленинграда, Коробка из дерева*), место (*Мама в саду*), время (*Собрание будет завтра*), положение (*Ты шумишь, Ребенок сидит*), состояние (*Мне плохо, У меня кашляла*), действие (*Матьчас чашает кашу*), страдание (*Маша разбила ребенка*), пассив, который в современном русском языке образуется путем трансформации активного предложения.

Убедительной представляется классификация глаголов, созданная группой калугрибуургских исследователей (Митрова 1988), ибо она приводит значительное количество примеров (около 2500 русских глаголов), к которым применена данная классификация. Глаголы делится ими на три раздела: действия, состояния и отклонения. Каждый из разделов подразделяется на множество семантических подтипов, а они в свою очередь — на более мелкие группы. Так, например, отклонения делится на следующие основные категории: взаимные отношения (*жениться*), обладание (*иметь, брать, получать, давать*), отношения между людьми (*любить, уважать, почитать, оскорблять*) и социальные отношения (*испать, заставить, наказать, убеждать, любить, похвалить, похорошить*). Текстуриче-

ские описания разных семантических категорий, созданные данной группой исследователей, представлены, в частности, в книгах (Кузина 1979) и (Кузина 1989). Если трех основных классов предикатов сохранили в экспериментальном словаре «Русские глагольные предложения» (Вайсман 2002), представляющем уникальный материал для любого классификатора предикатов или глаголов.

Как уже было отмечено, Г. А. Золотова (1992: 156–168) делит глаголы сначала на полнонаименовательные и неполнонаименовательные, а потом еще на более мелкие разряды. В нашей классификации предикатов можно найти точки соприкосновения с классификацией Золотовой, несмотря на то что она оперирует глаголами, а мы — (глубинными) предикатами.

²⁰ Классификация, представленная в последовательной литературе, обычно касается повествовательных глаголов. Классификация, приведенная Т. Б. Алтшовой (1970: 98) и основывающаяся отчасти на идеях Ш. Балли, отличается тем, что в ней сначала определяются девять категорий простых предикатов. Многие одностепенные повествовательные структуры (например: *У него болела ухо, Он подышал носом, Он заложил руку на глаз*) трактуются как сложные. Хотя Т. Б. Алтшова и не говорит при этом о семантических структурах, ее классификация повествовательных глаголов основывается на относительно элементарных семантических компонентах. Р. Зимен (Zimen 1980: 129–147) также стремится, подобно ФС, классифицировать основные семантические типы мыслей, которых, на его взгляд, существует 20. Многообразную систематизацию глаголов приводит Н. Н. Болдырев (2000), основывая ее на «категориальных значениях глаголов», а именно: акциональности, каузативности, процессуальности, «свойства», стипенциальности, релятивности, — и учитывая, присутствует или нет в предикате каждое из них.

²¹ О сложности создания классификации предикатов свидетельствует также то, что в предварительных версиях ФС было представлено несколько вариантов, отличающихся от того, который принят в настоящей работе.

²² Разные классификации Действий можно найти, в частности, в работе (Степанов, Пресурин 1992), а рассуждения по поводу границы между Действиями и не-Действиями в (Троттеран 1992).

²³ И. Б. Шагуновский (1996: 6–7), ссылаясь на работы известных философов и лингвистов, приходит к такому заключению: нет понятия «более неопределяемого и загадочного, чем откровение».

²⁴ Здесь опять приводится пример, в котором объединение людей (страна, государство) употребляется метафорически как контролирующей Агента. Можно, конечно, поспорить, в какой мере Россия контролирует свои природные ресурсы, но это не влияет на то, как данный аспект здесь интерпретируется.

²⁵ Связь выражения Существования и Локации в предложениях типа (1–2) очевидна. Сравнив их с предложениями (3) и (4), можно предположить, что у предложений (1) и (2) одинаковое деноминативное значение, а различаются они только по коммуникативной перспективе (актуальному членению)

(ср. Шатуновский 2000). Однако наше толкование иное. Мы считаем, что в случаях выражения *Существования* и *Локации* мы имеем дело с принципиально различными похожениями дел, а в (3) и (4) имеется только акцент, факт высказывания: обе версии высказывания выражают единичное Действие, свойство которого как предмета явкам не меняется.

- (1) *На стене висит явкам.*
- (2) *Явкам висит на стене.*
- (3) *Виктор убрал комнату.*
- (4) *Комнату убрал Виктор.*

²² Здесь стоит отметить состояние другого рода. Рассмотрев сущность категории состояния, Анна А. Зализная (1992: 14–15) ссылается на размышления Витгенштейна (Wittgenstein 1953) о «состоянии интенциональности» состояния. «Так, фраза *Я люблю его* является не соответствующей состоянию, когда человек может возд-внреть по козыря, смотрит на часы и выглядывает в окно [...] и может выразить абстрактное ожидание, т. е. состояние человека, который считает, что в некоторый момент в будущем произойдет определенное событие. Абстрактное ожидание «не занимает выключен»: *Я жду, что он придет* в этом смысле означает только то, что я был бы удивлен, если бы он не пришел».

²³ Здесь нельзя не сослаться на классификацию, представленную Э. Вендлером, который разделил глаголы на четыре класса: глаголы со значимым действием (*activities*; см. 1), со значимым использованием (*accomplishments*; см. 2), глаголы со значимым достижением (*achievements*; см. 3) и со значимым состоянием (*states*; см. 4) (Ussiflet 1967; впервые это исследование опубликовано в виде статьи в 1957 г.).

- (1) *Мама гуляет.*
- (2) *Мама рисует круг.*
- (3) *Мама выиграла соревнования.*
- (4) *Мама любит Машу.*

Категория Э. Вендлера как таковая была по новизне К. Чванн (Chvan 1990: 219) в этой связи говорит о «классификации Аристотеля-Вендлера-Райна» (ср. также Monaghan 1981: 191–194). Заслугой Э. Вендлера явилась попытка создать тесты, при помощи которых можно было бы классифицировать глаголы. Классификация Э. Вендлера пользуется большой популярностью среди лингвистов, правда, некоторые из них перенормировали часть его терминов или определили их по-другому (см., например: Monaghan 1981; Wexler 1985). Одной из проблем при применении классификации Э. Вендлера оказываются разногласия среди исследователей по поводу того, что именно он классифицирует: глаголы, предложения, положения дел или ситуации (ср. Lindstedt 1985: 145).

Классификация Э. Вендлера была уточнена, в частности, Л. Карлсоном (Carlson 1981: 37–39). При помощи трех тестов, предложенных в связи с изучением английского языка, он выделяет шесть классов. Класс «достиже-

ний» он далее разделяет на *achievement* и *potentials*, кроме того, Л. Карлсон создает новый класс (*dynamic*), частично из состояний, частично из действий. Наша классификация имеет определенные сходства с классификацией Л. Карлсона, но если он классифицирует повествовательные глаголы, то мы классифицируем полные действия.

Р. Ван Валлиа и Р. ЛаПола (*Van Valin, LaPoila 1997: 92*) различают две версии классификации, выделая «*State-of-affairs*» и «*Aktionarts*»:

<i>State-of-affairs type</i>	<i>Aktionart type</i>
Situation	State
Event	Achievement
Process	Accomplishment
Action	Activity

С. Дак (в частности, *Dak 1994: 28–29*) представляет классификацию полных действий, состоящую из шести классов: *Position, State, Accomplishment, Activity, Change, Dynamism*. У А. Швайбе (*Schabe 1998: 272*) — пять классов (*Action, Event, Activity, Process, State*), но два из них (*Action* и *Event*) имеют два разновидности.

В России классификация Э. Веккера была обсуждена и дополнена в особенности Т. В. Булыгина (*1982; Булыгина, Швылев 1997: 43–112*), О. Н. Селиверстовой (*1982*) и Е. В. Падучевой (*1985: 221–224; 2000: 187–190*). Т. В. Булыгина различает статические состояния и динамические явления. И в том и в другом случае она выделяет еще некоторые подгруппы. К числу динамических явлений относятся гомогенные процессы / действия (*гореть, жить*), гетерогенные / повлиять (*просветляться, писать письмо*), результаты / доведения до результата (*быть просветленным, написать*) и события / достижения (*дождаться [исхода], обнаружить*). Точка соприкосновения «северной» и «южной» традиций рассматривается В. Глазьевым (*2002*).

Классификация глаголов занимает центральное место также в исследовательской литературе о глагольных видах славянских языков (см., например: Маслов *1948; Fisiyuk 1970*).

¹⁷ О проблематике составной формы рода см., например, (Матханова *2003*).

¹⁸ О связи семантики качественности с временной локализацией см., например, (Смирнов *1996*).

¹⁹ Рассматривая предложную форму *Он изумлен, любил; Ребенок молчит*, Г. А. Золотова (*2002a: 9*) задается вопросом, «есть ли тут предл. цельность и достижимое результата?».

²⁰ На данное явление обратили внимание, в частности, И. Д. Арутюнова и Е. Н. Шаров (*1983*).

²¹ Значение существования в таких предложениях возникает именно тогда, когда имеет место семантическое согласование (ср. Гак *1972: 380–381; Арутюнова, Шаров 1983: 37–38*).

5. Ядерные семантические структуры

Перейдем к рассмотрению ядерных семантических структур. Приведенная выше классификация предикатов и актантов служит, естественно, основой их анализа. Однако целесообразно сгруппировать ядра семантических структур не непосредственно на основе классификация предикатов, а на основе степени их близости с точки зрения функций в речи. Очевидно, такой подход отражает в какой-то мере и то, как различные средства выражения разных смыслов распределяются в сознании человека. Для того чтобы показать, как данный принцип работает на практике, достаточно одного примера. Нам представляется, что для говорящего, скажем, предикат «искупить» (Действие) ближе к предикату «иметь» (не-Действие), чем к другим Действиям (например, «обещать»).

Таким образом, наш подход напоминает то, что обычно делается в рамках теории семантических полей. Однако для нас «поля» определенных языковых единиц образуется на основе их близости друг к другу с точки зрения коммуникативных потребностей говорящего. В связи с этим мы называем единицы классификация ядерных структур коммуникативно-семантическими сферами.

Соблюдая отмеченный принцип, мы пришли к следующей классификации ядерных семантических структур ¹:

- **Физическое действие и деятельность:** Действие и воздействие, Деятельность;
- **Передвижение и локация:** Передвижение Агенса, Перемещение Агеном Объекта, Локация и ее изменение;
- **Социальное действие и деятельность:** Общое занятие (деятельность), Поведение, Социальные ритуалы и процедуры, Социальное взаимодействие (отношения);
- **Интеллектуальная деятельность:** Получение, обработка и передача информации, Речевая деятельность, Интеллектуальное отношение;
- **Существование:** Общая экзистенция, Существование в определенном месте, Исчезновение и появление, Создание, соиздание и появление, Именованное и рождение;

- **Обладание / Владение:** Собственно обладание, Появление, изменение и прекращение обладания Объектом, Передача, клятва, получение;
- **Эмоции:** Эмоциональное состояние, Появление, изменение и исчезновение эмоционального состояния, Эмоциональное отношение и взаимодействие;
- **Физиологические состояние:** Физиологическое состояние, Изменение физиологического состояния, Физиологическое действие;
- **Физическое состояние:** Физическое внешнее состояние, Изменение (появление, исчезновение) внешнего состояния;
- **Состояние окружающей среды:** Внешняя среда, Состояние природы, Изменение окружающей среды и природы;
- **Характеристика:** Собственно характеристика, Опосредованная характеристика, Изменение характеристик;
- **Идентификация:** Собственно идентификация, Классификация.

Прежде чем перейти к рассмотрению разных ядерных семантических структур, напомним, что в связи с асимметрией семантического и формального уровней языка одни и те же поверхностные структуры могут быть использованы для выражения разных семантических структур. Из этого следует, что при рассмотрении разных ядерных структур могут появляться одни и те же примеры. Однако в большинстве таких случаев какой-либо из их значений выдвигается на передний план. Так, в примере (1а) «купить» выражает, скорее всего, Физическое действие, а в (1б) основной акцент на том, что Агента становится обладателем данного предмета. Соответственно, в (2а) речь идет о состоянии природы, а в (2б) — о восприятии звуковых сигналов².

(1а) *Давид съезжает вниз: я уберу квартиру, а ты купишь то, что нужно к обеду.*

(1б) *Мы купили новую машину и очень довольны ею.*

(2а) — (по телефону) *Какая там погода?*

— *Летит сильный дождь, дремит гром.*

(2б) — *Дедушка, ты слышишь, что дремит гром?*

— *Нет, ничего не слышу.*

Стоит также обратить внимание на то, что одни и те же глаголы разных языков, в том числе и русского, могут служить как репрезентантами предиката ядерной структуры, так и репрезентантами метглагола модификатора. Приведем пример: в предложении (3) мы имеем дело с Социальным действием (ядерная структура), а в пред-

должны (4) — с одним из видов Клаузулы (расширенная семантическая структура).

- (3) *Виктор всегда выполняет Писте.*
 (4) *Виктор хочет Писте решить трудную математическую задачу.*

5.1. Физическое действие и действительность³

Напомним сначала о том, что видно из приведенной выше классификации ядерных семантических структур: «физическое действие» следует понимать как условное обозначение⁴. Дело в том, что и в некоторых других ядерных структурах тоже имеются компонент физического действия (передвижение, социальное действие и др.). Однако они рассматриваются отдельно, поскольку в них на первый план выдвигается другое значение. Физические действия, в результате которых возникает или исчезает какой-либо Объект, будут рассмотрены в разделе «Существование», хотя есть контексты, в которых данное различие сглаживается.

В семантических структурах, выражающих Физическое действие или действительность, всегда присутствует Агента, активно участвующий в положении дел. Его действия обычно направлены на тот или иной Объект. Действия, обозначаемые предикатами, сильно различаются тем, какой физической силы со стороны Агента они требуют. Весьма различны также соотношения предиката и Объекта, а также происхождение с Объектом в процессе Действия. Разнообразие случаев можно проиллюстрировать следующими примерами (1), которые имеют одинаковую семантическую структуру [$Ac_{(1)}; A, O$].

- (1) *Нина вернула вращающее колесо.*
Нина открыл окно.
Нина коснулся велосипед.
Тестис ударил велосипед.
Урсула включила велосипед.

Действие может быть направлено и на Объект категории I (2). Сравнительно часто конкретизируется также часть тела, на которую направляется действие: [$Ac_{(1)}; A, O(O_{ch})$] (3). В примере (4) Объект совпадает с Агентами: удар направлен на часть тела самого Агента.

- (2) *Мне сделали массаж.* («Умассировал меня»)
Нина погладила конюху.

- (3) *Нана ударила по лицу своего партнера по паре.
Нана поцеловала Игоря в щеку.
Матьюс укусила Олю за ногу.
Петя взял Урсулу за руку.*
- (4) *Темненьким мечением ударил себя по голове.*

Вопрос о наличии Инструмента в физических действиях решается неоднозначно (ср. раздел 1.5). Очевидными являются случаи, когда он выражен эксплицитно, чаще всего это предметный [Ac_{topol} ; A, O, I_{cl}] (5), реже вещественный Инструмент [Ac_{topol} ; A, O, I_{cl}] (7). Достаточно часто существование Инструмента на семантическом уровне нужно предполагать, несмотря на то что он не выражен словесно (6). Возможен также инкогнитивный Инструмент, например часть тела Агенса [Ac ; ($A(T)$), O] (8).

- (5) *Игорь накрыл цветы пакетом.
Виктор накрыл цветы лейкой / из лейки.*
- (6) *Виктор поднял нос.*
- (7) *Виктор накрыл цветы дождевой водой.*
- (8) *На зевком рыл шрек ударил по лицу левой рукой / носом.*

Инструмент того и другого типа может быть также инкорпорирован в значение поперодостного глагола (9). С физическим действием может быть связан также Реципиент-Бенефициант, хотя это не очень типично: [Ac_{topol} ; A, O, R^1] (10)

- (9) *Нана вымыла дрова.
Виктор вымыл голову.*
- (10) *Нана обучила бабушке картошку.
Виктор почитал мурку малышу.*

К числу физических действий относятся также некоторые безобъектные положения дел, указывающие на более или менее большую совокупность действий. Они имеют простую схему [Ac_{topol} ; A] (11).

- (11) *Нана сводытала / провела сводыт на кмл.
Петя занимается в библиотеке.*

Рассмотрим еще некоторые промежуточные случаи, место которых в общей системе ядерных семантических структур не однозначно, поскольку они обладают свойствами более чем одной коммуникативно-семантической сферы. При их классификации можно придерживаться принципа «что важнее»: какое из их свойств является с коммуникативной точки зрения самым значимым.

Начнем рассмотрение «передней зоны» с уточнения различия между Физической и Интеллектуальной деятельностью (ср. раздел 5.4). Деятельность, обозначаемую предикатами «знать», «видеть», «думать», без сомнения, нужно считать интеллектуальной. Менее очевидны такие положения дел, в которых отмечаются, кроме умственных усилий, и движение руки или другие физические усилия. Примером может служить положение дел, в котором Агента исправляет какой-либо текст. Важную роль в нем играет работа головой, а с другой стороны, сам процесс исправления осуществляется в письменном виде ручкой или карандашом (или, возможно, с помощью компьютера); кроме того, внешнее проявление исправления — галочки и другие пометки на полях страниц — имеет конкретную форму. Использование классификационного принципа «что важнее» может вести здесь к разным решениям. Нам представляется, что чаще всего на первый план выступает умственная сторона такой деятельности.

Возьмем второй трудный с точки зрения классификации адерных структур случай: определение демаркационной линии между физическим действием и передвижением (см. раздел 5.2). Здесь решающим фактором является не характер самого действия, а наличие / отсутствия информации в положении дел об изменении местоположения Объекта. Таким образом, в семантической структуре предложения (12) мы имеем дело с физическим действием, тогда как в (13) — с передвижением.

(12) *Ребенок бросил камень, а девочка смотрела на него.*

(13) *Урсула перебросила камень на двор соседа.*

К вопросу об одной из границ физической деятельности мы еще вернемся при определении социальной деятельности в разделе 5.3.

5.2. Передвижение и локация

Рассматриваемые в данном разделе положения дел делятся на два основных типа: локацию и движение¹. Переходный между ними тип образуют результирующие положения дел, лишь слегка отличающиеся от собственно локации, ср. (1) и (2). В силу семантической близости таких случаев движению, представляющего конкретное действие, и локация, являющаяся, собственно говоря, отношением между Агентам или Нейтралом и Местом, рассматриваются в одном разделе.

(1) *Нана уже пришла домой.*

Мебель уже перенесена в комнату.

- (2) *Нина уже дома.*
Мебель уже в другом зале.

Статусная локация отличается от существования / бытия тем, что она отвечает на вопрос Где *X* находится? Определенные глаголы (например, *жить* и *находиться*) указывают на неактуальные положения дел, в то время как глагол *быть* может указывать и на актуальное статусное положение дел. Согласно определенным, предложенным в разделе 4.1, актантам категории I при локация является Агентом [Lc; A, L] (3), а актанта категории II — Нейтралом [Lc; N, L] (4). Если речь идет об Объекте, выполняющем в распоряжении того или иного лица, то обладающий актанта является не Местом, а Агентом, поскольку он контролирует положение дел [Lc; O, A] (5).

- (3) *Жители были в сумке.*
Нюра сидит, как обычно, в баре.
Бабушка сидит на качелях.
Николай лежал на острове.
- (4) *Все вещи были уже в сумке.*
Подарок мамини был еще в шкафу.
Дача Николаевых расположена на острове.
На столе осталась открытая бутылка молока.
- (5) *Все вещи были у Нины.*
Подарок мамини был еще у Виктора.
Мен был у Оли.

Есть и положения дел, в которых присутствует Агент, Объект и Место. Такие положения дел могут быть как неактуальными [Lc; A, O, L] (6), так и актуальными (7). В (7) Объект является ремой положения дел [Lc; A, L, O].

- (6) *Бабушка держит деньги в сумке.*
У Нины ключи на столе.
Виктор держит одежду друзей у себя в шкафу.
- (7) *У гостей в сумке была кофта.*
 (ср. вопрос: *Что у гостей было в сумке?*)

При локации иногда присутствует актанта со значением части тела, который может быть как Объектом [Lc; A, (O_A), L] (8), так и Местом [Lc; A, O, (L_A)] (9). Пример (10) также следует, очевидно, трактовать так, что в нем присутствует Агент, контролирующей локацию Объекта [Lc; O, (L_A), A].

- (8) *Нюра держит руки в карманах.*

(9) *Нана держала чашку в левой руке.*

(10) *Меч был в руках у Оли.*

Изменения локация (11–12) следует отличать от действий, связанных с движением (13–22). Первые являются неконтролируемыми, а вторые — контролируемыми. В изменениях локация присутствует либо Экспериментер, либо Нейтрал, в зависимости от того, относится ли движущееся существо к категории I [\Rightarrow Lc; E, L] (11) или же к категории II либо III [\Rightarrow Lc; N, L] (12).

(11) *Рамный складывал скатинка вниз по склону.*

Котика ползала под машинку.

Виктор спотыкнулся.

Собака ползла по дву.

(12) *Меч захватывался под кроватку.*

Снежок ползатился под лору.

Вода текла на пол.

Карабкала упал на пол.

Машинка кресталась в дереву.

Лодка ползала по дву.

Выше мы рассмотрели вербные семантические структуры с предикатом Lc. Теперь перейдем к анализу семантических структур с предикатами Действия. Они имеют две разновидности: с Объектом [Ao_{Lc} ; A, O, L] и без Объекта [Ao_{Lc} ; A, L]⁴. Этим предикатом свойственно указание на положения дел, самые различные с точки зрения их аспектуальных свойства: процессуальные (13), динамические (процесс с недостигнутой целью) (14), термальные (процесс с достигнутой целью) (15), резульативные (переход в новое состояние) (16), резульативно-статальные (новое состояние с предшествующим изменением в положении дел) (17)⁵. Эти значения часто перекрываются; вообще они обуславливаются ситуацией.

(13) *Собаки бежали по улице.*

Оли летела по деревьям.

Машинка ползала по полу.

Виктор ползает мячку, а в ней сидит машинка.

(14) *Собаки бежали за кошкой.*

Оли летела вверх по дереву.

Увидел собаку, машинка упала.

Жела села Нюри долгой.

(15) *Собаки вбежали в дом вслед за кошкой.*

Оли летела на дереву.

*Малыш встал и прыгнул.
Виктор съел пирог на кухне.
Нина положила книгу на стол.
Она мыла посуду в ванной.*

- (16) *Собака без разрешения вошла в дом, поэтому Виктор ее выгнал.*

*Она залезла на дерево и оторвала кусок коры лапами.
Малыш встал в комнату и принялся играть кубиками.
Отец Нины пошел на работу.
Собака была унесена на ласточкой.*

- (17) *Виктор пришел из магазина домой.
Нина вошла в кино.*

Движение может привести также к устойчивому изменению положения дел. В таком случае само изменение является актуальным, но состояние, следующее за ним, — неактуальным (18). В этом значении употребляются и глаголы *бросить*, *покинуть* и *оставить* (19). Соответствующий английский глагол *to leave* употребляется в актуальных предложениях дел с указанием конечного пункта движения с помощью предлога *for* (20).

- (18) *Нинины уехали на остров на лето.
Петровы переехали отсюда в другой город.*
(19) *Дедушка решил бросить дерево.
Она уже давно оставила родные места.
В ранней юности она покинула родительский дом.*
(20) *John left for Cambridge.*

С движением и перемещением кого/чего-либо кем/чем-либо нередко связан Инструмент (средство передвижения) [$A_{CL}; A, I, L$] или [$A_{CL}; A, O, I, L$] (21)².

- (21) *Нина летела в Швецию.
Игорь ездил на работу на автобусе.
Нина и Игорь долго катались на лодке.
Виктор съезжал своим родителям на машине в аэропорт.*

С предствлением о движении часто связывают ответ на вопрос КАК? [$A_{CL}; (M); A, L$]. Спецификатор Образа действия может быть выражен эксплицитно (22), или он инкорпорируется в значение глагола (23). Как показывает пример (24), Инструмент и Способ действия иногда близки друг к другу.

- (22) *Виктор медленно шел с работы домой.*

(23) *Виктор выдвигается с работы домой.*

Машама мчаться к вокзалу.

(24) *Виктор вернулся домой пешком, а Нина — на автобусе.*

К обозначению движения часто привязка цель, которой на семантическом уровне соответствует актаномет «ЧТОБЫ» (25) (ср. раздел 8.3).

(25) *Петя пошел на работу, чтобы заработать немного денег.*

Она пришла домой, чтобы выстирать белье.

Пойдем на рынке купить в колбаски!

Объект перемещения может находиться в каком-либо предмете, переносимом Агеном. Такой «инструмент» следует, по-видимому, трактовать как Место [Ac_{Loc} : A, (O, L₁), L₂] (26). Однако не исключено его истолкование как спецификатора Образа и способа действия.

(26) *Нина отвесила мусор в ведре на свалу.*

Игорь пронес ланчу оформленную в кармане пиджака будущую нину.

5.3. Социальное действие и действительность

Социальное действие и действительность, пожалуй, самый неопределенный и многообразный из типов адерных семантических структур. К нему могут быть отнесены, во-первых, положения дел со значением коллективного или взаимного действия. Нередко с этими положениями дел связан также тот или иной физический элемент, но главную роль в них тем не менее играет социальное реципрокное или совместное действие⁹. Во всех этих положениях дел присутствует более одного активного актанта, занимающегося социально значимой деятельностью. Роли актанта могут различаться. В одних случаях они совершают одинаковый акт в отношении друг друга [Ac_{Soc} : A₁ - O₁, A₂ - O₂] (1), в других действия актанта могут быть содержательно разными, но в целом их роли одинаковы [Ac_{Soc} : (PLURAL) A] (2), а в третьих у них в принципе одни и те же роли, но они находятся на противоположных сторонах [Ac_{Soc} : A₁, A₂] (3)¹⁰. Для контраста приведем еще пример, который в большинстве контекстов не относится к социальным действиям, хотя в нем многочисленные Агенты совершают одно и то же физическое действие [Ac_{Soc} : (PLURAL) A] (4).

(1) *Мы встретились с соседями у входа в дом.*

Игорь и Нина крепко поцеловались.

Виктор и сосед поспорились.

- (2) *Мы до утра праздновали / отмечали победу нашей команды.*
 (3) *Хулиганы дрались на улице.*
Команды сражались за призовое место или есть сыр.
После уроков мы с девушками играли в лаской.
 (4) *Мы работали до утра.*

Положения дел типа (3) характеризуются процессуальностью. Для того чтобы выразить результат, итог игры или борьбы, прибегают к глаголам *выиграть* и *проиграть* (5):

- (5) *«Арестанте проиграл» / «выиграл» со счетом 0 : 3.*
Наша команда выиграла у испанцев.

К семантическому классу социальных действий следует отнести также описание деятельности, которая связана с конкретным актом поведения, отражающим отношение Агенса к Объекту или Реципиенту. Как показывают примеры (6), положения дел такого рода нередко содержат также элементы физического и / или речевого действия.

- (6) *Виктор наказал Петю за непослушание.*
Виктор наградил мамана за хорошее поведение школьным батончиком.
Лектор поблагодарил присутствующих за внимание.
Все осудили расовую дискриминацию. / Все осудили власти за расовую дискриминацию.
Нана уговядила Игорю.
Нана льстила директору школы.
Игорь вел себя по отношению к жене безобразно.
Нана часто изменяет своему мужу.
Петя заботится о своей собаке.

В примерах (6) мы видим дело с социальным действием (Ac_{soc}). Кроме того, существуют более или менее постоянные, неактуальные социальные отношения (Rl_{soc}) (см. 7). Их можно сравнить с близкими положениями дел, выражающими эмоциональные отношения (8).

- (7) *Учитель положительно относится к Петю.*
 (8) *Петю очень нравится учителю.*

К социальным действиям относятся также положения дел, в которых рассказывается о поведении Агенса вообще без упоминания того, имеет ли оно прямое отношение к другим людям (9)¹¹.

- (9) *Не все милые люди ведут себя так, как следует.*
Ты приворожешься!

Когда речь идет о постоянной деятельности человека, на основе которой его можно классифицировать как представителя какой-либо категории людей, социальное неактуальное действие становится фактором, идентифицирующим данного актанта. В зависимости от контекста положение дел можно истолковать или как Идентифицирующее действие [Ac_{id} ; A], или как Идентификацию [Id; N] (10).

- (10) *Она учится в университетах.* (ср. *Она — студентка университета.*)
Петя профессионально занимается большим теннисом. (ср. *Петя — теннисист.*)
Нина работает в школе, а Виктор — в поликлинике.

3.4. Непредельная деятельность

Интеллектуальная деятельность понимается здесь широко: она покрывает, в частности, следующие подтипы: Обработка информации (1), Передача информации (2), Выступление (3) и Получение / Добывание информации (4). Если во всех отмеченных ядерных структурах наличествует Агенса, который что-то делает, то при «инкогнито» Восприятии — несмотря на участие органов чувств человека в данном положении дел — Агенса не предполагается (5). С Отношением, а не Действием мы имеем дело также в Знании (6). Последние две группы можно только условно называть деятельностью.

- (1) *Урсула долго обдумывала предложение Пети.*
 (2) *Сергей рассказывает в своей поездке в Рио-де-Жанейро.*
 (3) *Она спела серенаду Миме.*
 (4) *Мы внимательно слушали концерт. / Я долго смотрел на нее.*
 (5) *Я слышал петле лямку / видел лямку с красной головкой.*
 (6) *Нина все знает.*

Сделаем краткий обзор приведенных типов интеллектуальных положений дел. На ОБРАБОТКУ ИНФОРМАЦИИ («обдумывание») указывают предикаты, выражающие мышление или интеллектуальную деятельность подобного типа. Семантическая структура состоит из Интеллектуального действия, Агенса и Темы [Ac_{id} ; A, T]. Хотя Агенса, может быть, не всегда целиком контролирует свое обдумывание, но во всяком случае он целенаправленно совершает данное интеллектуальное действие. Второй актант опять-таки не является протипичическим представителем ни одной из категорий актантов, но мы считаем его не Объектом, а Темой; в этой роли может выступать

актант любой категории, а также целое предложение как актант. Обработка информации может иметь не только процессуальный характер (7), но она может быть и динамическим действием, цель которого еще не достигнута (8) или уже достигнута (9). Сравнение представляет собой особый случай с двумя Объектами [$Ac_{об}$; A, (T₁, T₂)] (10).

- (7) *Виктор часто думает о детях.*
Виктор размышляет над философскими вопросами.
Виктор исполняет свое действие.
- (8) *Нина тщательно анализирует пролонги преподавательской к ней.*
Нина с разным стилем оценивает ситуацию.
- (9) *Самое трудное упражнение Петья решил за несколько минут.*
- (10) *Виктор сравнил Нину с Ираной.*

Следует отметить, что те же глаголы, которые встречаются при выражении мышления, употребляются и в других функциях. Так, глаголом *думать* выражается авторизация (11), а ряд глаголов, близких к обдумыванию, используется для представления модальной фазы (12) (ср. раздел 6.2).

- (11) *Думаю, что будет дождь.* (ср. *Наверно, будет дождь.*)
- (12) *Нина намеревается купить себе новый костюм.*
Игорь решил бросить курить.
Она мечтает о карьере менеджера.

Передача информации тесно связана с использованием глаголов речи¹². В отличие от Обработки информации, при ее Передаче обычно встречается, кроме Агенса и Темы, и Реципиент (слушающий) [$Ac_{р}$; A, R, T]. В примерах типа (13) мы не предполагаем наличие Объекта, но в семантической структуре предложения (14) он есть. Кроме глаголов речи, эти значения нередко выражаются и аналитическими конструкциями типа *если переключимся*¹³.

- (13) *Любопытнейший сосед рассказал Виктору о миссии Нины.*
Преподает говорит (высказ) об экономической депрессии и политике в мире.
- (14) *Нина рассказывала прекраснейший анекдот / поучительную историю.*

Иногда Агенса и Реципиента находится в реципрокном (диалогическом) отношении и меняются своими ролями в процессе передачи

информации, в этом случае у нас два Агенса-Реципиента [Ac_{int} : A_c/A_b , R_c/R_b , T] (15). Обычно передача информации происходит с помощью вербальной коммуникации, но, очевидно, мы должны включить в эту же коммуникативно-семантическую подферу и такие положения дел, в которых информация передается в основном через зрительные каналы (см. 16).

(15) *Оля и Петья часто спорят о том же спорят.*

(16) *Экскурсовод показал нам все местные достопримечательности.*

В преподавании, несомненно, тоже передается информация. Однако здесь мы идем «на один шаг дальше», мы каузируем (или, по крайней мере, стараемся каузировать) то, что Реципиент станет обладателем знаний или умений. В связи с этим в положениях дел, имеющих отношение к преподаванию, нужно видеть модификатор Каузации (ср. раздел 6.3).

Мы должны еще остановиться на случаях, которые образуют переходную зону между рассматриваемой сферой адерных структур и модификаторами Речевого действия. Сравним предложения (17) и (18):

(17) *Я обещаю (тебе) прийти домой рано.*

Принцу не учиться!

Советую тебе не выходить на улицу, там ужасная погода.

(18) *Я / Нина обещала прийти домой рано.*

Нина обещала мне, что она придет домой рано.

Я / учительница попросила (вас) не учиться.

Он советует мне не выходить на улицу, потому что погода ужасная.

Я советовал ему не выходить на улицу, потому что погода ужасная.

Речевые функции приоседают к адерной семантической структуре элемент, раскрывающий цель говорящего: что он делает, выражая данный смысл. Пронизано предложения типа (17), он обещает, просит или советует что-то. В отличие от них, говорящий во всех предложениях (18) делает одно и то же: он сообщает о чем-то. В одном случае он рассказывает об обещании, в другом — о просьбе, в третьем — о совете. Таким образом, в семантических структурах предложений (17) присутствуют разные Речевые функции (метаглаголы «ОБЕЩАТЬ», «ПРОСИТЬ» и «СОВЕТОВАТЬ»), а в структурах предложений (18) — один и тот же метаблагод, а именно «СООБЩАТЬ». Соответственно мы получим для первых предложений и

примерах (17) следующие схемы: $\{(\text{Fакт}=\text{ОБЕЩАТЬ}, A_1, R)\} [A_{C_{1,2}}; A_0, L]$, а в (18) — $\{(\text{Fакт}=\text{СООБЩАТЬ}, A_1, R)\} [A_{C_{0,2}}; A, R, (T = P)]$ ¹².

ВЫСТУПЛЕНИЕ отличается от предыдущих случаев тем, что в нем главный акцент положения дел не на передаче информации, а на осуществлении перформативного акта перед публикой. Сам акт может быть осуществлен разными способами, и публикой может быть специально собранная масса слушателей или зрителей (19), а может индивид или группа людей, у которых соответствующая роль (20). Актант, который кроме Агенса привыкает к предикату, на этот раз скорее всего является Объектом $[A_{C_{0,2}}; A, R, O]$ (19), но может встречаться и Тема $[A_{C_{0,2}}; A, R, (O, T)]$ (20).

(19) *Оркестр исполнил 5-ю симфонию Сибелюса.*

Нина выступила с речью перед родителями учеников.

(20) *Виктор прочитал дочери / детям сказку о Царевне-лягушке.*

Посмотрим еще на случай, который находится на грани Выступления и Передачи информации. Если в (21) речь явно идет о передаче информации (после этого R знает: у Игоря проблемы с алкоголем), то пример (22) допускает, как нам кажется, двоякую интерпретацию (я слышал анекдот о женах нового русского) или (теперь я знаю анекдот о женах нового русского).

(21) *Нина рассказала, что у Игоря проблемы с алкоголем.*

(22) *Нина рассказала мне анекдот о женах нового русского.*

Глаголы восприятия делятся на «активные» (слышать, слышать, видеть и т. д.) и «пассивные» (слышать, видеть, чувствовать и т. д.). Лишь активные глаголы могут указывать на ДОБАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ¹³. Это можно проверить, вставляя их в контекст с союзом *чтобы* (23); ср. также (24).

(23) *Нина слушала кассеты, чтобы научиться правильному произношению.*

**Нина слышала кассеты, чтобы научиться правильному произношению.*

(24) *Ты будешь смотреть новый фильм Михалкова?*

**Ты будешь видеть новый фильм Михалкова?*

Предикаты, указывающие на активное чувственное восприятие, имеют, таким образом, при себе Агенса, и сам предикат входит в класс Действий. Однако этот же актант является — в отличие, например, от Выступления или Передачи информации — одновременно и Реципиентом. Таким образом, схема данной семантической

структуры имеет вид: [$Ae_{\text{ин}}; A/R, O$]. Объекты могут быть разными (ср. 25). Слушать и смотреть могут не только люди, но и животные «высшего ранга». Допустимость таких сочетаний зависит от речевой ситуации, а также от других элементов данного положения дел (26–27).

- (25) *Нана смотрела телевизор / холкой / на ногу школьников.*
 (26) *Обычная / собака / кошка / лиса / рысь / *рыба / *стрекоза / внимательно вставлялась в неслыханные звуки.*
 (27) *Обычная / собака / лиса / рысь / *рыба / *стрекоза испуганно смотрела на нас.*

Рассмотрим две пары русских глаголов: *читать* — *прочитать* и *узнавать* — *узнать* с точки зрения того, какую семантическую структуру они могут представлять. Оказывается, что, если Виктор читает вслух сказки детям, мы имеем дело с Передачей информации. Если же он читает газету — это Получение / Добывание информации. Предложение (28) имеет семантическую структуру [$Ae_{\text{ин}}; A/R, S, T$], т. е. в ней присутствует и Источник. Такое употребление приближает глагол *читать* к глаголам *узнавать* — *узнать* (29–30), которые, со своей стороны, могут указывать и на намеренное действие (Добывание информации), и на случайное получение информации (Восприятие):

- (28) *Виктор читал в газете о смерти космонавта / о арде курения.*
 (29) *Виктор узнал по телевизору о смерти космонавта / о арде курения.*
 (30) *Я узнавал / узнал / слышал об этом от отца.*

ВОСПРИЯТИЕ как пассивный, неконтролируемый процесс иногда считается одной из реализаций Авторизации. Для такого толкования есть достаточно веские аргументы, поскольку Восприятие является очень субъективным процессом, образующим мост между реальностью и нашим сознанием. Однако когда мы рассмотрим самые простые положения дел, связанные с восприятием (как, например, 31), в них трудно видеть нечто другое, кроме ядерного положения дел. Но в отличие от Добывания информации здесь нельзя предполагать Агенса: воспринимающий актант является Экспериментером-Результативом, а предикат входит в категорию Отношений [$R_{\text{ин}}; E-R, O$] ¹⁶.

- (31) *Я / Виктор видел на улице своего друга.*
Все слышать узнавать арде.

Я чувствую, как быстро проходит год.

Мы не воспринимаем маленький год событий в стране.

ЗНАНИЕ тоже представляет собой отношение. Знающий актант не Агенса, а скорее Экспериментер. Определение Знания затрудняется полнотемичностью русского глагола *знать*. Постараемся, однако, очертить рамки того, что мы здесь называем Знанием, на примерах с глаголом *знать*. Основные его значения можно проиллюстрировать примерами (32–34).

(32) *Разные Виктор знал Нина только по имени, (знал, как его зовут)*

Нина знает много книг западной музыки 80-х годов.

(33) *Нина хорошо знает Пушкина / русскую классическую литературу.*

Нина знает все параграфы посланной ей статьи в журнале.

Виктор не знает, что вчера случилось у них дома.

(34) *Нина знает несколько языков.*

Хотя отдельные примеры и многозначны, мы думаем, что разницу между этими случаями можно определить следующим образом: в примерах (32) «знающий актант» в состоянии узнавать указанные Объекты, отличая их от других; в случаях (33) он имеет сведения о содержании того, что передается дополнением; в (34) Нина обладает некоторым умением. На семантическую структуру со значением Знания указывают только примеры (33).

Возникает и другой принципиальный вопрос: как нужно определить актантный состав предложения *дети*, обозначающего Знание? Первый, «субъективный» актант не может быть Агенса, поскольку он никак не контролирует действие, ничего не делает. Таким образом, данный актант нужно, очевидно, считать типичным случаем Экспериментера. Из этого следует, что в предикте семантической структуры не может быть Действием, он является Отношением. Второй актант также неоднороден. Разные возможности управления у русского глагола *знать* тоже говорят о расплывчатости данного актанта (35–36). Представляется, что дополнения в примерах (35) являются Объектами, а в примерах (36) — Тематми. В примерах с двойным управлением типа (37) мы тоже видим Тему, а кроме того, в семантической структуре находится Образ действия.

(35) *Он знает много о русской литературе. / Он хорошо знает русскую литературу.*

- (36) *Все знают о вчерашнем происшествии. / Все знают о том, что случилось вчера. / Все знают ход вчерашних событий.*
- (37) — *Что вы знаете о правилах игры? (ср. Каким-то образом вы знаете правила игры?)*
— *Я знаю о правилах только некоторые детали. (ср. Я довольно плохо знаю эти правила.)*

Таким образом, положение дел со значением знания состоит из Отношения как предиката и из двух астантов — Экспериментера, познающего астанта категории I, и Темы. Интеллектуальное отношение Знания выражается и глаголом *знать* (38). Кроме того, существуют специальные глаголы, обозначающие «опытно» или «экспериментально» (ознакомление и забывание). В семантических структурах это обозначается с помощью вторичных предикатов [= $R1_{int}$; E, T] [$R1_{int}$ =>; E, T] (39–40).

- (38) *Я хорошо только вот знаю, когда убил президента Кеннеди. / Она помнит Сергея, с которым она дружила в школе.*
- (39) *Виктор познакомился с теорией относительности, когда ему было 14 лет.*
- (40) *Нена уже совсем забыл свою первую любовь. / Она забыла о встрече с Виктором.*

Кроме глаголов в финитной форме, в значении Знания в русском языке употребляются и другие средства, в частности конструкции с бесличными глаголами, существительными и прилагательными (41).

- (41) *Мне хорошо помнится время, когда я служил в Чехии. / Мне есть сведения о вчерашнем заседании. / Брама нет знает об установленном компьютере. Ты знаешь с правилами игры? Все были озадачены о терпении выборов, но некоторые делают вид, что не знают об этом. Всем было известно, что опрос среди работников фирмы был сделан только для вида: все было решено уже заранее.*

Необходимо еще раз напомнить о близких к Знанию случаях в других частях ФС. Если объектом знания является целое положение дел, то соответствующие поверхностные глаголы иногда выступают в роли авторизатора (42) (ср. раздел 6.4). В этом случае мы имеем дело с выданным значением уверенности или достоверности информации. Однако целые положения дел встречаются также и как Объекты адерных структур, см., например, (43).

- (42) *Я знаю, что Виктор этого не делал. (ср. Я уверен, что Виктор этого не делал.)*
 (43) *Я хорошо помню, как мы лежали на крытом пляже. (ср. Я хорошо помню тебя.)*

3.3. Существование

Выражение Существование (бытия) относится к основным семантическим категориям языка. Кроме положений дел, обозначающих статуальное существование, встречаются положения дел, указывающие на изменения в существовании, а также на границу существования.

Собственно Существование является статуальным положением дел, которое может быть как неактуальным, так и актуальным. При нормальном прочтении пример (1) толкуется как неактуальное положение дел, а пример (2) — как актуальное.

- (1) *У нас в доме тараканы.*
 (2) *У нас в доме гости.*

Существование делится на два типа в зависимости от дивизиона, локализации существования: можно говорить об общей экзистенции и о существовании в определенном месте. Общая экзистенция выражается обычно тем, что в предложении отсутствует аргумент со значением места (3); другой вариант: употребляются обобщающие выражения типа *на свете*, *в мире* (4).

- (3) *Глобом не существует.*
Есть самолеты, способные подниматься вертикально.
Нет безыгодных ситуаций.
Отцу Виктора нет.
Материя вечна / существует вечно.
 (4) *На свете нет справедливости.*
В мире всегда неспокойно.
Нет в жизни счастья.

Связь Существования с Локацией чувствуется особенно сильно, когда Существование ограничивается рамками определенного места¹⁷. Как уже говорилось, в русском языке это различие часто обозначается словопорядком, ср. примеры (5) и (6). Ограниченность Локации обычно выражается эксплицитно (7), но иногда она подразумевается из контекста (8).

- (5) *В селене были одни жемарины / одны дроны.*
В голове у меня лишь светлые воспоминания об этой встрече (Существование)
- (6) *Все жемарины / дроны были в селене. (Локация)*
- (7) *Вокруг города леса.*
В нашем городе есть аштары.
В университете имеется своя аштыра.
На улице был только пыльный проколосы.
- (8) *Дрое лес. (вероятно, у нас дома).*
Везде пыльные. (в нашем городе, в районе)
Свидетели являются. (покушения, авария, для дачи свидетельских показаний)

Обозначение Локация нам уже известно: [Lc; A, L] или [Lc; N, L] в зависимости от того, способен ли актант контролировать данное положение или, конкретнее говоря, может ли он сам установить, где он находится (6). При Существовании мы тоже имеем актанты разных категорий (5). Однако нам кажется оправданным считать их все Нейтралами, поскольку Существование по своему характеру — неконтролируемое положение дел. Таким образом, Существование обозначается схемами [Ex; N] — общее существование и [Ex; L, N] — существование в определенном месте.

Кроме «чистых» бытийных глаголов (*есть, имеются, существуют, являются, присутствуют, присутствуют и т. п.*) и бытийных глаголов, обозначающих одновременно и «способ» существования (*стоять, лежать, висеть*), Существование выражается множеством глаголов, обозначающих дополнительно что-то еще (9). Особую группу образует предложения типа (10), в которых уточняется Место.

- (9) *На лезавоме смысле родина.*
Рядом с нами окурал ручей ¹¹.
От селене к сараю вети дорожа.
На полу катилась мяч ¹².
На небу летали птицы.
В машине осыпался помидок.
В магазине продается даже галеты.
- (10) *На плече у Оти катилась червяк.*

Разумеется, Существование также имеет свое начало и свой конец: соответственно схемы: [⇒ Ex; N], [⇒ Ex; L, N] (11–12) и [Ex ⇒; N], [Ex ⇒; L, N] (13–14). И в этих случаях Место может быть выражено эксплицитно (12, 14) или не выражено (11, 13).

- (11) *Если вы родились в начале декабря, вы Сатурец.
Телемом появился на свет вчера утром.
Вышел в свет новый роман Петрова.
Дом вырос к пятидесятому сроку.
Клим вылезет.*
- (12) *В лесу в конце августа появились грибы.
На площади собрался народ.
Около университета был построен новый универсам.*
- (13) *Одна из собак Нины умерла.
На первой войне в Персидском заливе погибли десятки тысяч жителей Ирака.
Хорошие деревянные доски больше нигде не найдены.
Дом сгорел дотла.*
- (14) *Из лесу козылка исчисли бумажные деньги.
Все развалили на три пачки.*

Как с Существованием, так и с его изменениями нередко связано Количество (15–16), представляющее собой самый важный элемент передаваемой информации, поскольку в других отношениях данные положение дел уже известно слушающему. В примере (15) у нас семантическая структура [Ex; L, (Quant) N], в (16) — [⇒ Ex; L, (Quant) N]. Многие примеры допускают и другие, кроме Существования, интерпретации.

- (15) *В Феминдеи мало иностранцев.
В Московском университете учатся около 30000 студентов.
В лите было довольно много народу.
Бутылки были почти пусты. (ср. В бутылке было мало воды.)
Человек был выбит одеждой.
Огород кишел пчел.
Ветка обить лопыт пале.
По пустыне белает явобун дикая лошадей.*
- (16) *Число слушателей все увеличивалось.
Площадь использовалась народом.*

Выражения Существования можно разделить на две группы на основании того, что именно хочет выразить говорящий. Он может либо акцентировать внимание на самом существовании (17), либо давать идентификацию тому или иному существу или предмету (18) — соответствующая схема: [Ex; L, (Id; N)]. В первом случае речь идет о том, существует нечто или нет, а во втором говорящий идентифицирует лицо или предмет, существование которого пред-

полагается в данном месте¹⁸. И здесь разница между этими случаями нечеткая.

- (17) *В доме тараканы.* (ср. вопрос: *В доме есть тараканы?*)
В лесу, наверху, лед.
На улице далеко в середине ночи был народ.
- (18) *В доме живут цыгане.* (ср. вопрос: *Кто живет в доме?*)
За решеткой был лед.
В пакете был подарок Нине от коллег-преподавателей.

Выше были рассмотрены бессубъектные положения дел, просто указывающие на существование. Далее мы остановимся на таких случаях, когда существование того или иного Объекта кем-нибудь вызывается или прекращается. В семантических структурах данного типа присутствует Объект создания или уничтожения (так называемый результирующий объект; см. раздел 4.1), при котором погружено состояние, обозначающее существование: [$A_{с\text{тв}}$; A_0 (\Rightarrow E_x ; O)] (21), ср. бессубъектное стативное (19) и результирующее (20) положения дел.

- (19) *На острове стоял избушка.*
 (20) *На острове появилась избушка.*
 (21) *На острове была построена избушка.*

Поверхностными глаголами могут быть более или менее «нейтральные» глаголы со значением создания или уничтожения (22) или же глаголы, указывающие на тот или иной характер действия (23). Каузативное действие может быть как физическим ($A_{с\text{тв}}$), так и интеллектуальным ($A_{инт}$). Возникновение и исчезновение Объекта обозначается погружением, например: [$A_с$; A_0 (\Rightarrow E_x ; O)]. Как показывают приведенные ниже примеры, с Объектом нередко связана Характеристика.

- (22) *Виктор приготовил вкусный обед.*
Петя выполнил все задания уже вечером.
Она создала новый файл.
Виктор составил короткий план.
Она удалила старый файл.
Виктор уничтожил всю свою коллекцию почтовых марок.
Судну нужно было разобраться.
- (23) *Виктор сватал малышку сватер.*
Нелзя построила дом.
Виктор испек вкусный пирог.

Петя сочинил хорошие стихи.

Он сочинил свое первое произведение при помощи компьютера.

Петя написал прекрасную картину.

Дети придумали новую игру.

В действительности положения дел, на которые указывают приведенные выше глаголы, могут состоять из нескольких этапов или следующих друг за другом разных действий. Так, например, строительство дома и выкладка паркета являются многоступенчатыми действиями, но глаголы *создал* и *выложил* могут быть употреблены для указания на всю цепь соответствующих поддействий.

С созданием и уничтожением могут быть одновременно связаны два различных Объекта: предметный (O_{11}) и вещественный (O_{12}) (24). Возможны также Инструмент (25) и Предполагаемый получатель (26). При ментальных действиях встречается также Тема, связанная с Объектом (27). Из данных аргументов могут быть образованы различные комбинации (28–29). Представим семантическую структуру самого сложного примера (29): [A_0 (Topic); A, (Cb; O_{11}), R', (Cb; I), (\Rightarrow Ex; (Cb; O_{12}))]. В речи такие высказывания практически не встречаются.

(24) *Матью сделал из пластика машину.*

Нана построила курятник из досок.

Виктор распустил свитер (из шерсти).

Петя сочинил рассказ из слов, вычитывающихся с буквы «р».

Студент написал новый вариант дипломной работы.

(25) *Петя рубил пилой хорошую скульптуру.*

Он сочиняет при помощи компьютера.

Петя написал письмо авиаручкой.

(26) *Петя писал письмо Урсуле в Германию.*

Он сочиняет сережки для Маше.

Бабушка свила платочком 20 пар носков.

(27) *Петя сочинил новые стихи о муравье.*

Моя тетя написала красивый пейзаж с озером.

(28) *Петя сделал из сушеного дерева пилой хорошую скульптуру.*

(29) *Виктор свил свои детские из старых ленток на толстых крутых спицах хорошие свитера.*

Отметим еще, что глаголы создания и уничтожения могут быть употреблены так же, как и глаголы физического или умственного действия, без результативного значения, например, в качестве ответа

на вопрос Что делает Л? (*Он смеется / кричит / колеблется / впадает в ступор*). Помещая данные глаголы в этот раздел, мы стремились показать их коммуникативно-семантическую связь также и с Существованием.

Следует еще остановиться на трех особых случаях, близких к Существованию.

Предложения (30) близки к Идентификациям, но отличаются от них тем, что указывают на постоянные увлечения лиц, а не на их профессии: *Моя Петья, например, пишет стихи, он же поэт*:

- (30) *Петья сочиняет стихи.
Виктор впадает в ступор.
Игорь пишет рассказы в детстве.*

Предложение (31) допускает разные толкования в зависимости от того, какая сторона положения дел выдвигается на первый план. Вот разные варианты: а) речь идет о сохранении существующего Объекта [Ac; A, (Ex; O)]; б) о негации уничтожения Объекта [Ac (NEG); A, (Ex \Rightarrow ; O)]; в) о субъективном «во-действии» относительно существующего объекта [Ex; A, N]:

- (31) *Виктор сохранил одну марку с изображением Моны Лизы.*

Сравним еще изменения Существования (начало Существования [\Rightarrow Ex; N] или его конец [Ex \Rightarrow ; N]) с идущей возникновению ([Ac; A, (\Rightarrow Ex; O)]) или исчезновению ([Ac; A, (Ex \Rightarrow ; O)]). Как показывают примеры (32) и (33), они различны и в тех случаях, когда Агента неизвестно.

- (32) *В машине остались лопаты.
В центре площади появился новый универсам.
Рядом со стеной лежала груда кирпичей.
Старой сады больше нет.*
- (33) *Кто-то оставляет лопаты в машине.
В центре площади был построен новый универсам.
Рядом со стеной были собраны в свалку кирпичи.
Старая сады были разрушены.*

Необходимо еще добавить, что приведенные ниже предложения не указывают ни на Существование, ни на Локацию. В предложениях (34) говорится о постоянных свойствах существ, т. е. дается их Характеристика, в предложениях (35) сообщается об Эмоциональном воздействии, а в предложениях (36) — о Физиологическом состоянии. Несмотря на «бытийность» поверхностного предложения, в

даже если соответствующая поверхностная структура обычно используется для выражения Обладания (4) (подробнее см. раздел 5.11):

- (4) *У Нины широкие брови дугой.*
У Игоря волнистая грива.
У овец длинная шерсть.
У муравья шесть лапок.

В случае, если сообщается, что кто-то что-либо получает (R) или теряет (E) без указания на взаимодействие между получателем и адресантом, то соответствующий предикат указывает, согласно нашей трактовке, на изменение в Обладании. Поскольку в такой семантической структуре нет Агенса, второй актант нужно считать не Объектом, а Нейтралом; соответствующие схемы семантических структур $[\rightarrow R; R, N]$ (5) и $[\rightarrow E; E, N]$ (6).

- (5) *Ка двою рождення Екатерина получила в подарок прекрасную книгу с иллюстрациями.*
У Ивановых родился большой здоровый мальчик.
- (6) *Я потерял свой ключ.*

Положения дел, указывающие на обмен материальными или интеллектуальными продуктами, имеют характер социального взаимодействия. Помимо Агенса, в них обычно присутствуют и Объект, и Реципиент (Получатель или Предполагаемый получатель) $[Ac_{Rc}; A, R, O]$ (7). Как было сказано в разделе 4.1, мы не выделяем как отдельные актанта цену или срок, хотя они приписываются к леем слогам, продажи и под.; эти элементы считаются спецификаторами (8).

- (7) *Нина отдала секретарю свои записки.*
Нина подарила Игорю кофе.
Игорь продал / подарил брату Нине свою старую машину.
- (8) *Моя племянница стала секретарю на три месяца.*
Продаю велосипедов: 80 рублей за штуку.

Существуют многие конверсивные варианты положений дел, в которых актанта меняются местами, например $[Ac_{Rc}; R, A, O]$ (9) и $[Ac_{Ec}; A, E, O]$ (10). Никогда Агенса получает и роль Реципиента, а второй актант категории I становится Источником $[Ac_{Rc}; A/R, S, O]$ (11); ср. с другой структурой (12) с Источником $[Ac_{Rc}; O, A, S]$. Здесь так же, как и при передаче информации, возможен и такой вариант, когда оба участника данной ситуации обладают ролями как Агенса, так и Реципиента: $[Ac_{Rc}; A_c \rightarrow R_c, R_c \rightarrow A_c, O_c, O_k]$ (13).

- (9) *Урсула получила от Вактора книгу «Das Leben kommt zu griffe».*
 (10) *Вактор дал Урсуле книгу «Das Leben kommt zu griffe».*
 (11) *Вор украл у Нины деньги и документы.*
 (12) *Машины были куплены Норман у одного иностранца.*
 (13) *Норман и Нина брали похитителями машинами.*

Говоря об Обладании и possessивных конструкциях, нельзя не обратить внимание на их частое появление в качестве погруженного элемента в атрибутивной позиции: *моя книга, книга Нины, латинская книга*. При этом необходимо помнить, что как притяжательные местоимения, так и конструкции с родительным падежом имеют и многие другие функции, в том числе субъектно-объектные: *смерью бабушка, убийство рыбак*. Другая свойственная русскому языку конструкция с possessивным элементом — это так называемый второй possessor, который имеет две основных конкретизации: дательный падеж и родительный падеж с предложением *у* (ср. 14 и 15).

- (14) *Я пожал ему руку.*
 (15) *Я был у него в кабинете.*

3.7. Эмоции

Эмоции являются неотъемлемыми элементами человеческой жизни. В связи с этим не удивительно, что их сущность и классификация издавна волнует философов, психологов и лингвистов. Вот некоторые основные эмоции: Боль / Страх, Печаль, Гнев, Омерзение, Стыд, Радость²². Список отражает понятие Эмоции в узком смысле: это внутреннее состояние человека, которое может получать отражение и внешне, на его лице. Если мы рассмотрим эмоциональный мир человека в целом, то должны включить в список и такие чувства, как Любовь, Ненависть, Зависть.

Эмоциональное состояние имеет простую схему: [St_{em}; E]. Экспериментом в нем является чаще всего человек (1). Домашние или вообще обитатели человеку животные тоже могут выступить в роли Экспериментера (2), зато человеческие организации, которые широко употребляются метонимически в роли Агенса (3), обычно не выступают в роли Экспериментера (4).

- (1) *Вактору / всем нам было стыдно.*
 (2) *Наша собака / коварейша была в порочном настроении.*

- (3) *Университет решил поднять зарплату преподавателей / принять меры по новым студентам.*
 (4) **Университет был в хорошем настроении.*
 **Университету было стыдно / весело.*
 Ср., однако: *Весь университет рад / возмущен / доволен / радует...*

В русском языке существует достаточно много разных повербовых структур, с помощью которых можно выражать эмоциональные состояния: глагольные, субстантивные, атрибутивные, наречные (5)²⁴.

- (5) *Виктор сердит / возмущен / возмущается.*
Нина буйствовала как помешанная.
Жена Игоря была в крайнем гневе.
У Игоря также было плохое настроение.
Настроение у нас прекрасное.
Нам скучно / весело.

Кроме состояний, эмоциональные положения дел могут быть также отношенными. Это означает, что в семантической структуре присутствует и Объект. Первый аргент и в этих случаях ничего не делает, а является носителем чувства по отношению к Объекту: $[N]_{\text{subj}}; E, O$. Отношения делится на две категории на основе того, актуально (6) или неактуально (7) положение дел, однако четкой разницы между ними нет. Как показывает пример (8), в эмоциональных отношениях шире возможности выражения Экспериментера с помощью местоимения.

- (6) *Жена сердится на Игоря.*
Нина злится на Виктора.
 (7) *Нина любит Урсалу.*
Мне жалко Виктора.
Виктор гордится своим сыном.
Виктор терпеть не может Игоря.
 (8) *Правительство Италии ослаблено ростом безработицы.*
Весь город рад предстоящим праздникам.

Положения дел, указывающие на возникновение эмоционального состояния $[\Rightarrow S]_{\text{subj}}; E$, является либо результативными (9), либо моментальными (10) в зависимости от того, следует ли за «началом чувства» длительное состояние.

- (9) *Жена Игоря окончательно потеряла терпение.*
Большой обрадуется, увидев нас.

(10) *Нина испугалась и улетела.*

В действительности эмоциональные состояния всегда возникают по той или иной причине: мы радуемся чему/кому-то, сердимся из-за чего-то и т. д.²⁵ Как показывают приведенные выше примеры, при определении семантической структуры это не всегда целесообразно принимать во внимание. Если тест «уметь сделать что-то» дает положительный результат, каузатор эмоционального состояния должен быть обозначен в семантической структуре как модификатор (ср. раздел 6.3). В зависимости от точки зрения говорящего мы можем дело или с каузативным модификатором $\{(\text{Син} = \text{«ВЫЗЫВАТЬ»}; P) [\Rightarrow S_{\text{Em}}; E]\}$ (11), или со сложной семантической структурой с мета-союзом «ТАК КАК»: $\{[\Rightarrow S_{\text{Em}}; E] \text{ ТАК КАК } [P]\}$ (12).

(11) *Цвета порадовали большого.*

Слова Нины возмуждали Виктора.

Шум леса успокаивает моря.

Вид на море делает людей людей счастливыми.

(12) *Большой очень обрадовала цветом.*

Виктор был возмуждал словами Нины.

Необходимо еще остановиться на случаях, представляющих переходные зоны эмоциональных положений дел. Во-первых, Эмоциональные и Физиологические состояния частично пересекаются, например, примеры (13) могут, очевидно, быть отнесены к обоим категориям. Иногда эмоциональное состояние вызывает физиологические реакции (14). Интерпретация этих случаев зависит от того, что этим старается выразить: эмоциональную реакцию или стоящее за ней эмоциональное состояние. Промежуточные случаи можно найти также между Эмоциональным состоянием (15) и Характеристикой (16).

(13) *У дедушки депрессия.*

Бабушка в горючем состоянии.

(14) *Нина покраснела, улыбаясь о стариках.*

Увидев в фильме настоятельные кадры, Виктор сильно задрожал.

(15) *В этой ситуации Виктор остался спокойным / был спокоен.*(16) *(По характеру) Виктор спокойный.*

Во-вторых, эмоции иногда вызывают определенные реакции, которые влекут за собой действия. Это прежде всего плач, смех и улыбка. Здесь возможны две интерпретации, касающиеся субъектного агента на такого положения дел: если подчеркивается выражение опреде-

ленного эмоционального состояния, его нужно считать Экспериментером, а если основной акцент делается на конкретном выражении этого состояния, — Агенсиом (17). В том случае если высказывание депод содержит элементы речевой деятельности (глаголы типа *думать*, *издаваться*, *ароматизированы*), мы имеем дело скорее всего с интеллектуальными действиями, см. пример (18). Если речь идет о постоянном отношении к Объекту, то можно провести такое разграничение: «чистое» эмоциональное отношение (19) и особое поведение, вызванное определенными чувствами (20). Последние случаи следует отнести скорее всего к социальным отношениям или действиям.

- (17) *Улыбаясь о малом позорном событии, все засмеялись / заплакали.*
 (18) *Ночь передо мной / издаваться над Виктором.*
 (19) *Ночь презирает Виктора.*
В школе уважают Нину.
Бельшницы ценят культуру немцев.
Многие мамы школы не боялись довыми своими детьми.
 (20) *Виктор иногда замалчивает перед начальством.*

Следует коснуться еще одного спорного типа конструкций. Дело в том, что при рассмотрении Физиологических состояний конкретизация «местоположения» состояния интерпретируется без особой трудности (см. следующий раздел). В отличие от этого, соответствующие конструкции с Эмоциональными состояниями более спорны по той простой причине, что человеческие чувства «находятся» в определенном месте «где-то внутри нас». Если чувство «локализуется» в «стандартном» месте («душа», «сердце»), это не требует уточнения на семантическом уровне, а является только вариативным способом выражения (21). Если же эмоция «читается» на лице, в голосе, во взгляде Экспериментера, то выражение получает оттенок авторизации: на основании того, что (было) видно или слышно, говорящий делает свои выводы об эмоциональном состоянии Экспериментера (22). Значение первого примера в (22) приблизительно таково: 'То, как Виктор говорил, заставило меня (говорящего) сделать вывод, что Виктор слабачка' или 'Говорящий считает (на основании того, как Виктор говорил), что Виктор слабачка'.

- (21) *У него горе в душе.* (ср. *У него горе.*)
У него на сердце тревога. (ср. *У него тревога.*)
В душе у матери было полное спокойствие. (ср. *Мать была вполне спокойна.*)

- (22) *В словах Валтера была азбучность.
 Во взгляде Нины (чувствуется) боль.
 На лице бабушки была печаль / можно было видеть печаль.*

5.8. Физиологическое состояние

Физиологические положения дел²⁹ связаны с функционированием организма или с ощущениями в нем у человека (или животного). Основной тип — Физиологическое состояние St_{ph} . К физиологическим положениям дел причисляются, однако, также некоторые положения дел с контролирующим Агеном (см. конец этого раздела). Прототипом семантических структур этой коммуникативно-семантической сферы можно считать стилизованные состояния Экспериментера [St_{ph} ; E]. Физиологи и врачи разного профиля (в том числе патологи) могут дать Физиологическим состояниям научные определения и обоснования. Однако мы не можем опираться на них, поскольку ФС отражает не научные, а живые представления человека о мире. С этой точки зрения физиологические состояния можно разбить на следующие разряды:

- Общее состояние живого существа или его тела: «(не)привное состояние», «сон», «(не)сонательное состояние»;
- Восприятие, ощущение температур: «холод», «жар», «тепло»;
- Ощущение физиологической нужды: «голод», «жажда»;
- Разные симптомы болезненного состояния: «кашор», «интоксика», «боль», «давление», «сыть»;
- Внутренние и внешние травмы: «рана», «вывих», «перелом»;
- Приступы: «удар», «инсульт», «инфаркт»;
- Кратковременные болезни: «грипп», «понос», «ангина»;
- Долговременные болезни: «аллергия», «рак», «живо».

Как показывают примеры (1), в русском языке существует целый ряд различных повествовательных структур, выражающих Физиологическое состояние.

- (1) *Мне холодно.
 Мне нездоровится.
 Я устал.
 Я голодный / голоден.
 У меня температура / грипп.*

Нана больна.
С бабушкой обморок.
Большого лихорадит.
Малым стын / бодрствуют.
Изорь пьма / в неприятом состоянии.

Передко говорящий сообщает, в какой именно части тела локализуется то или иное ощущение [St_{part} ; E(N_{part})]. И в данных случаях в русском языке встречаются разные конструкции (3). Сам Экспериментатор не всегда указывает это эксплицитно, но это выясняется на основе контекста (часть тела не может болеть без носителя, который чувствует боль) (3)¹⁷.

- (2) *У меня сердце болит.*
У меня головная боль.
У меня в ушах шумит.
- (3) *Зуб болят.*
Опьянь приступ тошноты начинается.

Из статуральных физиологических положений дел можно образовать положения дел с секундарными предикатами [$\Rightarrow St_{\text{part}}$; E] (4) или [$\Rightarrow St_{\text{part}}$; E(N_{part})] (5).

- (4) *Малым быстро устает.*
Малым пастует на руках у Вакмора.
Я работает дружно.
- (5) *Я сломал себе палец.*
У малыма заперты уши.

Мы описали выше случаи, когда предикат входит условно в категорию Состояний, но по аспектуальным характеристикам положение дел может быть также моментальным [St_{part} (MOM); E] (6). Такие моментальные непротяженные события могут быть направлены также на часть тела (7).

- (6) *Вакмор пьма сильно кашлет, чмо все вырвало.*
Малыма уже трижды спомыла.
После шестого стакана пьма Изорь немально рынул.
- (7) *Рука у Вакмора дернулась.*
В ухе опьянь стрельнуло.

При рассмотрении физиологических положений дел вызывают трудности некоторые поверхностные глаголы, способные обозначать как контролируемые, так и неконтролируемые положения дел¹⁸. В

соответствии с одной интерпретацией можно различать три их типа: предложения типа (8) указывают на контролируемое физиологическое действие с Агентом, т. е. отражают схему [$Ac_{PM}; A$], предложения (9) — на неконтролируемое процессуальное состояние, схема [S_{PM} (PROC); E], а предложения (10) — на статуальное состояние, схема [S_{PM} (STAT); E]²⁷.

- (8) *Публика закончила и ушла только, чтобы лектор закончил лекцию.
Виктор глубоко дышит по просьбе врача.*
- (9) *Не выспавшись, Виктор часто кашляет.
Нана хрипит.
Большой самолет взлетал в тумани.*
- (10) *Вернувшись из поездки только вчера, Оля была усталой.
Нана крепко спала, пока дети кричали.*

Хотя начало и конец физиологического статуального состояния не всегда зависит от действия человека, однако на них можно попытаться воздействовать. В каузативных семантических структурах данного типа присутствует активный Агент, действие которого можно описать также как результитивное [$Ac; A, (\Rightarrow S_{PM}; O)$] (11).

- (11) *Тата! Виктор ублачивает малышка.
Виктор ублажает малышка.
Врач-санитучка излечивает больного.*

В некоторых случаях, особенно при рассмотрении болезней, разница между Физиологическим состоянием и Характеристикой не всегда ясна. Здесь, как и в других промежуточных зонах, решающим фактором является не длительность состояния как таковая, а общее представление о его длительности и о том, в какой мере болезнь оказывает человека в целом. «Ангина» и «скарлатина» — явные Физиологические состояния, менее явные — «рак» и «язва желудка», в этой группе можно отнести «депрессию» и «диабет», а «склероз», «шизофрению» и другие ментальные болезни, скорее всего, следует считать Характеристиками.

Физиологические состояния

Характеристики

Физиологические состояния			Характеристики
ангина	рак	диабет	склероз
скарлатина	язва желудка	депрессия	шизофрения

Еще нужно коснуться маленькой группы предикатов, обозначающих Физиологическое действие. Основными глаголами здесь являются *есть* и *пить*. Показателен дес, обозначающий прием еды или питья, находится, вообще говоря, достаточно далеко от Физиологического состояния, и может показаться странным, что они рассматриваются в этом разделе. Действительно, можно легко придумать контексты, в которых эти предикаты употребляются так же, как и предикаты, обозначающие физическое действие. Однако у них своеобразное отношение между Агентом и Объектом. С одной стороны, в процессе еды или питья Объект убывает так же, как при предикатах, обозначающих уничтожение (*разрушить*, *использовать*). С другой стороны, эти процессы непосредственно влияют на физиологическое и психическое самочувствие человека (или животного), который является не только Агентом, но и своего рода Реципиентом. Вследствие этого такие предикаты нередко встречаются в контекстах вместе с выражениями Физиологического состояния (12). На этой основе они могут быть рассмотрены вместе с ними в одном разделе.

(12) — *Ты голодный?*

— *Нет, я только что съел бутерброды / послал кашу / пообедал.*

5.9. Физические состояния

Физические состояния вместе с Физиологическими и Эмоциональными состояниями противопоставлены Характеристикам (см. ниже). В отличие от Эмоциональных и Физиологических состояний, в Физических состояниях возможны как актанты категории I (1), так и актанты категорий II (2) и III (3). Признаки, вызывающие Физическое состояние, как правило, видимые, конкретные (1). Хотя Физическое состояние у актанта категории I, бескомпромиссно, может вызывать и кое-какие физиологические ощущения, это следует считать не Экспериментером, а Нейтралом, как и актанты других категорий, поскольку внимание обращается именно на физическую (внешнюю) сторону состояния. Таким образом, мы получаем общую для всех случаев схему: $[S]_{F_{01}}; N$.

(1) *Матчи был весь мокрый.*

После матча все игроки были в гриме.

(2) *Трени / краска была сухая.*

В комнате был беспорядок.

Дверь была открыта.

(Я не смог позвонить тебе:) телефоном не работал.

- (3) *Вода была теплая.*

Физическое состояние может быть направлено также на часть Нейтрала [$S_{\text{нейтр}}; \text{N}(\text{O}_2)$] (4).

- (4) *Руки у матыла грязные.*

У Виктора волосы стали дыбом.

У Игоря был смех на лице.

У Нины все ноги в царапинах.

Пестряки на даче были совсем в плохом состоянии.

С Физическими состояниями также связаны элементы изменения [$\Rightarrow S_{\text{изм}}; \text{N}$]. По аспектуальным свойствам они могут быть динамическими (5) или результитивными (6), реже терминальными (7).

- (5) *Трава / краска быстро сохла.*

- (6) *Телефон сломался / сломан.*

- (7) *Краска высохла за три часа.*

Особую группу среди физических состояний образуют неказенные дел, указывающие на одежду человека. Если в предыдущих случаях предикаты имели формы типа «быть грязными», «быть в беспорядке», то в этих случаях часть предиката состоит из предмета одежды («быть в фраке», «быть в сапогах», «быть в галстуке»). Поверхностные русские предложения могут иметь разнообразные структуры (8).

- (8) *У Нины юбка.*

На Нине были черные кожаные ботинки.

Впервые в своей жизни Виктор был во фраке / надев фрак.

Девочки были парадно одеты.

3.10. Состояния окружающей среды

Осталась еще одна сфера актуальных ядерных семантических структур, а именно Состояния окружающей среды²⁶. К ним относятся различные состояния, процессы и события, на которые (или на ход которых) человек не способен повлиять. Напомним, что иногда необходимо различать Состояния₁ — один из классов предикатов и состояний₂ — одно из аспектуальных значений предикатов (см. раздел 4.2). В некоторых контекстах они близки к физиологическим

состояниям. Если в примере (1) мы явно имеем дело с физиологическим состоянием человека, то пример (3) следует считать состоянием природы, а у примера (2) возможны две интерпретации: говорящий рассказывает или о своих ощущениях, или о том, какова погода на улице. Другая переходная зона касается связи с Существованием. Здесь наше толкование однозначно. Хотя в принципе можно было бы отнести эти случаи к Существованию (ср. 4 с примером 5), но более естественно считать их Состояниями окружающей среды.

- (1) *Мне было холодно.*
- (2) (Вернувшись с улицы): *На улице было холодно.*
- (3) (Глядя из комнаты на градусник, висевший за окном): *На улице холодно.*
- (4) *На улице (сильно) тепло / мороз / жара.*
- (5) *На улице сильный восток.*

Независимо от того, выражается ли место эксплицитно или нет, во всех положениях дел, обозначающих состояние окружающей среды, предполагается актив Места [S_{loc} ; L] (6).

- (6) *В Дании сейчас жара.*
На улице сильный мороз.
Сегодня тепло.
Дождливо.

В русском языке существуют весьма разнообразные структуры, обозначающие состояние окружающей среды: наречные (7), substantive (8), глагольные (9). С положением дел данного типа нередко связана нагруженная Характеристика [S_{loc} (Ch); L] (10) или спецификатор Количества [S_{loc} (Quant); L] (11).

- (7) *В комнате светло / жарко / душно / пыльно.*
- (8) *Зима. Мороз.*
Недалеко шел град.
Река в тумане / на реке туман / над рекой туман.
- (9) *Моросит / вечерит / дует.*
Все небо усыпано звездами.
- (10) *Был проливной / сильный / метель дождь.*
Здесь сильный восток.
- (11) *Было десять градусов мороза.*

Состояния природы (или окружающей среды) могут быть также процессуальными, правда, граница между процессуальными и стативными состояниями не очень четка. При процессуальных по-

поволяющая дел следует, по-видимому, видеть скорее Нейтрал, чем Место (12) [$St_{\text{Место}}; N$]; ср. также изменение состояния [$\Rightarrow St_{\text{Место}}; N$] и [$St_{\text{Место}}\Rightarrow; N$] (13). В (14) дается примеры моментальных явлений природы.

- (12) *Костер весело горит.*
Свет блистает на драке лани.
Часы громко тикают.
- (13) *Костер лгало загорелся.*
Костер погас.
- (14) *Гром грянул.*
Молния сверкнула.

Как отмечалось в разделе 4.1, стихия является каузатором, сопоставимым с Аггнсом; в семантической структуре она обозначается как целое погруженное подложное дел [$A_c; (P_{\text{Место}}), (\Rightarrow C_t; O)$] (15) или [$A_c; (P_{\text{Место}}), (\Rightarrow St_{\text{Место}}; O)$] (16).

- (15) *Молнией разбило дерево.*
 (16) *Дверь открыла ветром.*

3.11. Характеристика

Характеристики охватывают описание постоянных душевных, физических и других черт, свойств существа, вещей и явлений. Единственный аргумент — Нейтрал: [$C_t; N$] (1).

- (1) *Степан лезвый¹⁹.*
Она исключительно одаренная.
Отец Виктора суровый.
Земля не круглая.
Экспериментары довольно безжалостны.
Генератор хорошо работает.
Та собака кусается²⁰.
Лед тает на солнце.
Земля вращается²¹.

Любая Характеристика содержит и Авторизацию (*По-моему, Степан лезвый; Солнце не очень горячим днем*). Однако мы отмечаем Авторизацию только в том случае, когда она специально выражается.

В примерах (2) Характеристика относится к части Нейтрала:

- (2) *У Нины длинные ноги.*
У Игоря хорошие друзья.
У Кати красивая обложка.

С Характеристикой может быть связано также Количество. В примере (3) она относится к целому положению дел и соответствует слову [Сh (Quant); N], а в (4) — к части Нейтраля [Сh; N, (Quant)(N_{ch})]¹⁴.

- (3) *Вес человека больше 20 килограммов.*
Рост Игоря 183 см.
 (4) *У Игоря шесть зубов.*

Несмотря на относительное постоянство неактуальных черт существа, и они могут изменяться. Так, мы получаем вторичные адерные структуры: [\Rightarrow Сh; N] для примера (5), [\Rightarrow Сh; N(N_{ch})] для (6) и [\Rightarrow Сh (Quant); N] для примера (7).

- (5) *Виктор пошел за последний год.*
Игорь лысел.
Матвей / Игорь быстро растут.
Серебро со временем делается темным / темнеет.
Синтетические материалы не гнутся.
 (6) *Волосы у Виктора стали седыми.*
Страницы старинной книги пожелтели.
Корпус машины заржавел.
 (7) *Виктор поправился на пять килограммов.*
Количество безработных увеличивается.

Квалифицирующие положения дел всегда включают в себе то или иное сравнение. Мнение о том, что кто-то является умным, талантливым, послушным и т. д., базируется на его сравнении с другими представителями той же категории. Сравнение может быть осуществлено также эксплицитно. Тогда в положении дел присутствуют два актанта. Такие положения дел естественно трактовать как Отношение [R]₁₂; N_a, N_b]. Основными случаями сравнения являются, конечно, следствие и различие (8). Позицию актантов могут занимать также целые положения дел [R]₁₂; P_a, P_b] (9).

- (8) *Нина намного более одаренная, чем Виктор.*
Виктор отличается от других русских мужчин.
По своему характеру Игорь напоминает большинство русских мужчин.
 (9) *Слова нередко являются поступком.*

К Характеристикам можно и привычно отнести также такие выражения мнения, которые заключают в себе не только Характеристику, но и Идентификацию (см. ниже). Если трактовать приведенный ниже пример (10) как «волейбол относится к классу интересных игр», то соответствующей семантической структурой являлась бы [Id; N]. Более естественной представляется, однако, такая трактовка, согласно которой в данном примере Характеристика связана с целым положением дела. Тогда семантическая презентация будет такова: [Ck; P], для подтверждения такой интерпретации можно привести вариант (10a) ¹¹.

- (10a) *Волейбол — интересная игра.*
 (10б) *Волейбол — интересное занятие.*
 (10в) *Играешь в волейбол интересно.*

Переходным типом между Характеристикой и Идентификацией является также такая разновидность положений дела, когда указывается на материал, из которого сделан (изготовлен) тот или иной предмет. Например, согласно одной трактовке деревянные ложки и клещебумажные рубашки не входят в общие классы ложек и рубашек, а образуют самостоятельные классы пометий. Предметы данного типа можно трактовать также и в свете их «истории» как результирующие Объекты определенного типа Физических действий. Пожалуй, самой естественной является трактовка, в соответствии с которой в таких положениях дел характеризуются предметы подобно тому, как они характеризуются, например, по их размеру или форме, например, в выражениях типа *математическая ложка* или *квадратная тарелка*, т. е. деревянные ложки не образуют отдельный идентификационный класс (11).

- (11) *Стол из пластика/железа.*
Темпловая ракетка Нанки сделана из графита.
Это железное ведро.
Сетка синяя из кожи подбитого буйвола.

Характеристика представляет собой описание более или менее постоянных свойств и является, таким образом, неактуальным положением дела. Следует, однако, отметить, что некоторые прилагательные, встречающиеся в Характеристиках, употребляются также для выражения актуальных положений дела. В таких случаях речь идет не о Характеристике существа, а о Действии, о чем свидетельствует, в частности, возможность употребления при них императивных форм (12) ¹².

- (12) *Вихорь был унылым, когда унылым лето.* (Ср. ...*лестным уныло*)

Будь осторожнее!
Будь настойчивым, и ты победишь!

В случае если свойства того или иного существа кем-то изменяются, каузативом изменения является Агент [Ac; A, (\Rightarrow Ch; O)] (13). Аналогичным является изменение Физического состояния [Ac; A, (\Rightarrow St_{физ}; O)] в (14).

- (13) *Мать удивляла кланья.*
Петя перепрыгнул концы пастыли.
Петя сокрыл рассыл.
Он добавил одну фальшивку в табакер.
Он удалил одну фальшивку из табакера.
Он соединил две табакеры.
- (14) *Нана чистила концы / починила лампу / разбила окно.*

5.12. Идентификация

Можно различать три основных типа идентификации: классификацию, собственно идентификацию и отождествление³⁷.

При КЛАССИФИКАЦИИ определяется класс или группа, к которым относится определенное существо или предмет (1). При СОБСТВЕННО ИДЕНТИФИКАЦИИ дается имя или название отдельного существа (2). При ОТОЖДЕСТВЛЕНИИ сообщается, что два понятия или названия указывают на одно и то же явление (3). Все они имеют одинаковую семантическую структуру [M; N]: ср. «X — русский / четверь / растворенное».

- (1) *Виктор — русский / православный / врач / левша*³⁸.
Нана работает учительницей.
- (2) *Того мальчика зовут Джулетте.*
Сегодня четверь.
- (3) *Слово уезд означает 'растворенное'.*

Идентифицирующие отношения (4) могут иметь и конверсивный характер [R_{id}; N₁, N₂] (5).

- (4) *Госпожа Катонел — президент Фальсиды.*
- (5) *Наскита — отец Нана.*
Нана — дочь Наскиты.
Петя — товарищ Аятона по школе.
Аятон — товарищ Петя по школе.

К числу Идентификаций следует отнести также такие предложения дел, в которых описывается отношение части к целому²⁹. Основные типы реляционных идентификаций репрезентируются следующими семантическими структурами: $[R]_{del} (N_{del}, N)$ (6), $[R]_{del} (N, (N_{del}))$ (7) и $[R]_{del} (N, (Quant)(N_{del}))$ (8). Как показывают примеры, русский язык (и другие языки тоже) имеет для выражения этих семантических структур довольно много равнообразных конструкций:

- (6) *Ирландский язык входит в число кельтских языков.*
Она играет в сборной команде университета.
Это мероприятие является частью более обширного проекта.
Эта деревня относится к Курской губернии.
Это судно Балтийского флота.
- (7) *Университет делится на факультеты / состоит из факультетов.*
К кожаной мебели относится письменный стол.
Языки подразделяются на языкознательские и лингвистические классы.
- (8) *К малой флоте относятся восемь судов.*
Мебель комнаты состоит из одного письменного стола.
Наша команда включает шесть игроков.
В нашей команде шесть игроков.
В книге 100 страниц.

Как выше уже отмечалось, Идентификация может быть связана также с акциональными предложениями дел, если они воспринимаются как неактуальные (9). Существует несколько способов обозначения соответствующих семантических структур в зависимости от того, что конкретно имеется в виду (см. раздел 4.2): Идентифицирующее действие $[Ac]_{del} (A)$, Характеризующее действие $[Ac]_{del} (A)$, Неактуальное действие $[Ac] (Abstr) (A)$.

- (9) *Она играет в команде «Суровые люди».*
Наша учит математические детей в школе.
Моя сестра поет в церковном хоре.
Мой отец в свое время работал на парничном заводе.

К определенному типу Идентификациям можно отнести также такие предложения дел, в которых называется производитель Действия. Другая возможная интерпретация — здесь отмечается особого рода аналитическая конструкция (ср. раздел 1.5).

- (10) *Привнес Валентин.
Торт испек Вова.*

Идентифицирующие положения дел могут иметь как свое начало, так и свой конец. В семантической структуре это может быть обозначено при помощи вторичных предикатов [\rightarrow Id; N] (11) и [Id \rightarrow ; N] (12).

- (11) *Нина стала директором школы.*
(12) *Она больше не является членом правления студенческого общества.*

Примечания к пятой главе

¹ В ее составлении, классификации, а также в ее применении основным источником оказался Семантический словарь русских глаголов, составленный скотериавбургскими лингвистами (Бабенко 2002).

² Г. И. Володина (2001: 211) приводит примеры, где одна и та же форма в разных контекстах толкуется по-разному, например, *Он курит* обозначает в (1), что действие происходит в момент речи, в (2) — таинственные отношения, в (3) — характеристику человека (полосызначимость положения дел), а в (4) — то же самое, но дополнительно и основаны выбора подарка.

- (1) *Он курит. А когда покурят, будем пить чай.*
(2) *Мы пообещали, и он курит.*
(3) *Он курит. Дурная привычка!*
(4) *Он курит. Подарим ему набор хороших сигарет.*

³ По изучению любой коммуникативно-семантической формы существует обширная научная литература. То же самое касается модификаторов и спецификаторов. В рамках этой работы невозможно сослаться на все работы по разным темам. Мы будем ограничиваться только некоторыми основными и существенными с точки зрения концепции ФС упоминаемыми.

⁴ Содержание понятия «действие» рассматривается, в частности, в работах (Степанов, Прокуран 1992; Бонков 1992; Падучева 1992; Кубрякова 1992).

⁵ Система локальных и пространственных отношений и действий представлена, в частности, в (Ган 1996).

⁶ В приваде движение можно рассматривать как передвижение, перемещение Субъекта им самим. Однако, на наш взгляд, отсутствием представления о движении явно отличается от представления о передвижении чего/чего-либо кем/чем-либо. О семантике движения см. в особенности (Talmy 1975).

⁷ Русские глаголы со значением множественной локации представляют собой во многих отношениях интересную группу. Глаголы однонаправленного действия типа *идти* и глаголы неоднаправленного действия типа *ходить*

отчасти отражает различие между динамическими и процессуальными предложениями, однако не совсем точно. Уникальность русских глаголов движения проявляется ярко при сопоставлении с другими языками (см., например: Климов 1983; Макал 1988).

⁸ Предложение (1) допускает двойную интерпретацию. С одной стороны, оно, подобно (2), указывает на движение Субъекта с помощью определенного средства передвижения (семантическая структура: $[A_{0,1}; A, I, I, I]$), с другой стороны, оно указывает на смысл «Нина села себя на своей машине в аэропорту», но, в отличие от предложения (3), в (1) Агенса совпадает с Объектом. В соответствии с последней трактовкой, семантической структурой является: $[A_{0,1}; A_{\infty}, I, O_{\infty}, I]$. Предложение (4) в свою очередь отличается от (3) тем, что начальную позицию занимают Ивановы $[A_{0,1}; O, A, I, I]$.

- (1) *Нина села на своей машине в аэропорту.*
- (2) *Нина села на автобусе в аэропорту.*
- (3) *Нина села Ивановых на своей машине в аэропорту.*
- (4) *Ивановы посади / присели в аэропорту на машину Нины.*

⁹ Социальный и физический элементы по-разному идентифицируются в зависимости от вида игры: в некоторых случаях присутствует также сильный интеллектуальный элемент. Во многом же последователем остается решение вопроса, какие из игр следует отнести к сфере социального взаимодействия, а какие — к сфере физических действий. В любом случае одним из составных элементов игры является социальный контакт:

- (1) *Мы играли в хоккей, мама не устала.*
Команды «Рост» встречались с командой «Динамо».
Петя играл нарком в бильярд со своим другом.
Дорогим играли в карты весь вечер.
Николай Виктор играет в шахматы с Петей.
Виктор сам с собой играет в шахматы.
Она очень играет в какую-то игру на компьютере.

¹⁰ Если в предложении участвуют Агенты, имеющие разные роли, может употребляться термин *контрагент* (или *контрболус*).

¹¹ Русские глаголы со значением поведения рассматриваются, в частности, в (Васильев 1976).

¹² Русские глаголы речи описываются, в частности, в книге (Волочко и др. 1986: 8–43) и в (Волочко, Чагина 1987: 74–147).

¹³ Об инвариантных выражениях этого типа см. (Ройтер 1994).

¹⁴ Эти две принципиально разные речевые функции П. К. Рыбина (1994: 84) описывает так (в оригинале): «Сообщение противоречит реальному действию. В отличие от сообщения реальное действие не декларируется, а перформативно; оно не описывает прагматическую ситуацию, а актуализирует ее, провозглашая в объект изложения, ср. *Сидимся ты, Петя, предположила Ване сыграть*».

¹⁵ В некоторых контекстах различие между «активными» и «пассивными» глаголами чувственного восприятия, по-видимому, нейтралится:

(3) *Яна смотрела / видела все фильмы для Кюрасао.*

Следует, однако, подчеркнуть, что это является особенностью повествовательного глагола на семантическом уровне в данном контексте: возможен лишь предикат «смотреть».

¹⁶ Службы Редванента или Экспертисора с Субъектом, а также другие координативные роли описываются, в частности, в классической работе по грамматике голландской (Cook 1979: 93–94).

¹⁷ Русские тематизационные и доминантные предложения широко обсуждаются, в частности, в работах (Стефану 1975; Арутюнова, Шаршев 1983); фундаментально описано русских неинверсионных глаголов дано Н. Ю. Шведовой (1989). О теории «бытийных ситуаций» см. также (Войнова 1996). Сущность русских бытийных конструкций проанализируется особенно ярко в сопоставительном исследовании, см., например, сопоставлении с польским (Калыцкий 1990), с финским (Нитыньми 1991), с французским и английским языками (Морозов 1999).

¹⁸ Для обозначения существования можно, по-видимому, использовать глаголы, обозначающие действие, в том случае если рассматриваемое действие типично для данной группы существ, другими словами, когда происходит «семантическое согласование» (ср.: Арутюнова, Шаршев 1983: 37–40). В связи с этим (1) указывает на существование, а (2) — нет:

(1) *В машине сидит шофер.*

(2) *В машине нет шофера.*

Если сравнить (3) и (4), то можно заметить, что и полнотематический глагол актуализирует существование.

(3) *Рядом с лесом была дорога.*

(4) *Рядом с лесом нет / пропала / или дорога.*

¹⁹ Это опять пример возможности альтернативных толкований в зависимости от контекста: глагол *иметься* может обозначать или Существование, или Процесс с изменением Локации.

²⁰ Об идентификации, связанной с бытийными предложениями, пишет, в частности, Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Шаршев (1983: 62, 64).

²¹ Ср. примеры Н. Д. Арутюновой и Е. Н. Шаршева (1983: 16) о кладокопеляторах, которые они делят на два типа: дуговые произведения (1) и определенного рода события или состояния (2):

(1) *В рывке необыкновенная колыбелька.*

(2) *В шуме воды можно услышать кофр.*

В рамках ФС первое предложение считается Характеристикой с «романом» в качестве Нейтрала. Для второго примера такое толкование тоже возможно, но в нем можно видеть также Экзотическое воздействие.

¹⁹ О possessивных конструкциях русского языка см. (Николаева 1988б) и указанную там литературу. С функциональной точки зрения possessивные конструкции рассматриваются, в частности, в работах (Арофьяна 1988; Красовская 1988; Чичелой 1996). На более сложных работ см. (Wайс 2004a, б), с литературой.

²⁰ А. Павленко (Pavlenko 2002) кратко описывает историю изучения человеческих эмоций. В этой связи, ссылаясь, в частности, на работы (Isard 1992; Ekman 1992), она приводит в список основных человеческих эмоций (ср. Вежайтцкая 1997б). Рассматривая эмоции в рамках ФС, мы должны относиться к классификациям эмоций, сделанным учеными-психологами, с определенной осторожностью, поскольку они отражают лишь воле научную картину мира. С другой стороны, если мы используем факты только одного языка, классификация может потерять универсальный характер.

²¹ Русские глаголы, обозначающие эмоциональное состояние и отношение, описаны, в частности, в (Кречкова 1979; Васьков 1981: 75-122). Различные лексические средства выражения эмоций описываются в (Бабенко 1989). Структура и особенности эмоциональных предикатов рассматриваются, в частности, в работах (Вальф 1989, 2002; Графова 1991; Арсезян 1992), а также в сопоставлении с китайским языком в (Янгсен 1996).

²² Ю. Д. Апресян (1995: 366-373) различает пять фаз в развитии (сценарии) эмоций: 1) первоначальная эмоция — обычно физическое восприятие или ментальное содержание некоторого положенной ветвей; 2) непосредственная причина эмоций — как правило, интеллектуальная оценка этого положения ветвей; 3) собственно эмоция; 4) желание продлить или пресечь существование причины, которая вызывает эмоцию; 5) влияние протекания эмоции: как неконтролируемые физиологические реакции тела, или контролируемые двигательные и речевые реакции. Все эти фазы отражаются в языке. Это, несомненно, осложняет и описание выражения эмоции.

²³ Название этой коммуникативно-семантической сферы варьируется: ее главный компонент определяется то как Физиологическое состояние (например, Матхинова 1987), то как Физическое состояние (Сергеев 1991). Мы предпочитаем первый из вариантов, а под Физическим состоянием понимаем эмоциональные состояния, которые не затрагивают физиологический Экстериора.

²⁴ Здесь — как и во многих других случаях — можно найти примеры, когда слова семантической структуры может быть интерпретирована по-разному. Предложение (1) указывает на положение дел, переходные между физиологическими и логическими:

- (1) *У Пети соринка в глазу.
У Оли рана на руке.*

В соответствии с одной возможной трактовкой поверхностная структура с логическим значением сообщает предложению дополнительный логический оттенок смысла, но на глубинном уровне речь идет о нормальном фе-

позитивном состоянии: [St_{11b} E(N₁)]. Соответствующими смыслам предельными являются: «Глаз у Пети закрылся» и «Рука Оли рваная». Однако возможны и другие трактовки.

¹⁹ Глаголы, обозначающие физиологическое состояние дел (1), в некоторых случаях отвечают на вопрос: ЧТО Х ДЕЛАЕТ / ДЕЛАЛ?, ср.:

- (1) *Нина спит.*
Виктор зевает.

Что касается целенаправленности таких покровных дел, то, по-видимому, можно говорить, например, о цели сна (2).

- (2) *Нина спит, чтобы быть завтра бодрой.*

Следует, однако, отметить, что предложения типа (3) могут быть ответами на вопрос ЧТО Х ДЕЛАЕТ / ДЕЛАЛ? Это свидетельствует о том, что сон не «поступок» и не активное «действие», ведь при описании сна мы можем говорить о состоянии сна.

- (3) *Нина ничего не делает, она только спит.*
Виктор ничего не делает, он спит так и только зевает.

Таким образом, на наш взгляд, сон — ституальное состояние, не контролируемое Субъектом, что, по-видимому, соответствует и интуитивному представлению о характере сна.

²⁰ Интересную проблему представляет собой описание глаголов, обозначающих процесс еды и питья. Во-первых, по своей семантике они сопоставимы либо с «физиологическими» глаголами (1), либо с обычными глаголами действия (2):

- (1) *Петя обьедся.*
Петя выпил.
Парень горлово ест и рвало дьявол.
- (2) *Нина съела рис пачочник.*
Виктор пил молоко из берестяной кружки.
Она пила дрова.
Когда Петя обьедал, Оли играли в мячи.

Во-вторых, решая вопрос, следует ли покровный объект данных действий трактовать как дополнение содержания (ср. раздел 4.1). О возможности такой трактовки свидетельствует то, что предложения типа (3) представляются анормальными, ср. (4).

- (3) **Нора ест кашу.*
Нора ест еду.
- (4) **Нора боится богами.*

Таким образом, можно утверждать, что название предмета или еды представляет собой такую же идентификацию (5), как, например, название болота при глаголе *болеть* (6):

- (3) *Номер есть право / левое / «Гармония».*
Номер есть выфигурис / суп / амбаской.
 (4) *Номер болует одной оксидом.*

³⁰ Наша трактовка выражения Состояний окружающей среды во многом сходится с трактовкой Г. А. Золотовой (см., например: Золотова и др. 1988: 194–197). Н. Д. Арутюнова (1988: 171) отмечает, что природные явления становятся событиями только в том случае, если они каким-то образом касаются жизни людей. Это верно относительно всех возможных дел, касающихся природы. Хотя мы различаем (физиологические) состояния человека (*Мне холодно*) и состояния окружающей среды (*Здесь холодно*), последние релевантны только в контексте человеческого опыта.

³¹ В русском языке прилагательное в функции сказуемого может стоять либо в краткой, либо в полной форме. В грамматиках различие между ними традиционно объясняется тем, что краткая форма указывает на временное состояние, а полная форма — на постоянное свойство. Т. В. Булыгина (1982: 34) показала, что дело отнюдь не только в этом.

³² В. Гладков (Gladkov 1989: 49) отмечает, что в немецком языке эквивалентом русских глаголов, обозначающих свойство, нередко является прилагательное (1–2).

- (1) *Собака кусается.*
Der Hund ist bissig.
 (2) *Кайма колется.*
Der Kaim ist stechbüg.

³³ Русские выражения, указывающие на процессуальную функцию предметов как их свойство, широко представлены в книге (Жуковская и др. 1984: 100–117; ср. также Нойкова, Пупылин 1996; Ахимова, Клиникова 1996).

³⁴ Средства выражения характеристики и идентификации в русском деловом стиле рассматриваются в книге (Жуковская и др. 1984).

³⁵ Как показывает Т. А. Черныкова (2002), компоненты высказывания типа *Воспитан — интересный учра содержит общую тему* (ср. *Воспитанье — трудные дела; Мама — умная женщина*). Как раз в свете этого факта естественно, что в синтаксической ряд обычно входит конструкция с одним прилагательным или наречием (словом категории состояния) в главной части сказуемого: *Воспитанье трудное; Воспитаньями трудно*.

³⁶ Употребление прилагательных для выражения действия рассматривается, в частности, в (Солнверстова 1982: 143).

³⁷ Разные варианты Идентификации (классификации, тождества, тавтологии) в русском языке рассматриваются во множестве работ, начиная с (Арутюнова 1976) и (Арутюнова, Шаров 1983); во недавно опубликованных работ можно упомянуть (Швелен 2002: 186–204).

³⁸ Предложения типа (1) не всегда указывают на идентификацию, иногда они могут быть использованы, например, для аналитического выражения Агноса, как в (2) (ср.: Булыгина 1982: 27).

(1) *Нина* — жена Виктора.

(2) *Нина* — победитель соревнования.

²⁰ Русские конструкции, выражающие отношение части к целому, детально рассматриваются в книге (Восточнова, Шувалова 1983: 71–79). Характеристика о множестве различных средств выражения данного значения можно получить, анализируя примеры, приведенные в книге (Жуковская и др. 1984: 69): смысловая структура «предмет состоит из частей» в русском языке может быть выражена по крайней мере восемнадцатью различными конструкциями.

6. Модификаторы

Высказывания естественного языка, как правило, содержат смысловые элементы, репрезентирующие не только простое ядро семантической структуры, но и другие семантические компоненты. Как уже было кратко отмечено в начале второй части книги, к числу данных компонентов относятся **МОДИФИКАТОРЫ** и **СПЕЦИФИКАТОРЫ**. Если спецификаторы лишь уточняют положение дел относительно Тензоральности, Места или других подобных факторов, то модификаторы являются более существенным расширением семантической структуры. На поверхностном уровне это нередко проявляется в том, что языковые конструкции содержат в глгольные элементы, вследствие этого предикат ядерной структуры выражается инфинитивом (например, *начать / закончить читать*). Как легко догадаться, четкую границу между модификаторами и спецификаторами провести невозможно.

В ФС модификаторы отличаются от спецификаторов тем, что на семантическом уровне при них предполагается существование того или иного **МЕТАГЛАГОЛА** (например «**ПОБУЖДАТЬ**», «**ВЫЗЫВАТЬ**», «**НАЧИНАТЬ**», «**ПЫТАТЬСЯ**») и его Агенса, между тем как при спецификаторах такого рода метаклаголов нет. Правда, следует сразу оговориться, что часть модификаторов состоит только условно из «метаклаголов»: конкретное их проявление — другие структурные метаклассы (например, «**ВОЗМОЖНО**», «**НЕОБХОДИМО**»). Но и в этих случаях модификатор относится ко всему ядру семантической структуры.

Модификаторы подразделяются на две категории: **ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ** и **ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ**. К первой категории относятся **Речевые функции**. В реальной ситуации коммуникации любое высказывание произносится с какой-либо целью: мы что-то сообщаем, спрашиваем, побуждаем и т. п. Факультативные модификаторы сгруппированы в три блока: это — **Фаза**, **Каузация**, **Авторизация**. Легко представить себе также семантические структуры, в которых нет фазовости, каузативных элементов или авторизации, т. е. они не обязательны в такой степени, как **Речевые функции**.

Следует подчеркнуть принципиальное различие между описанием модификаторов и ядерных семантических структур. Как уже выяснено в гл. 5, предикаты ядра рассматриваются как классы, т. е. бо-

лее подробный анализ из семантики не входит в задачи функционального описания. Иначе обстоит дело с метаграммами, с помощью которых образуются модификаторы: они входят в структурные элементы описания и, таким образом, требуют более подробного анализа. Напомним, однако, что несмотря на это требование, невозможно составить окончательный и удовлетворяющий всех и во всех отношениях перечень модификаторов.

Модификаторы могут также совмещаться друг с другом. В семантической структуре предложения (1) Темпоральная фаза относится к ядру семантической структуры, в предложении (2) — к Каузации, а предложении (3) отражает семантическую структуру, в которой еще на один, каузативный, слой больше. Возможны и более сложные комбинации модификаторов (4), правда, в нормальных ситуациях речи они практически не встречаются.

- (1) Виктор начал мыть посуду.
- (2) Виктор начал учить Нилу мыть посуду.
- (3) Виктор заставил Нилу начать учить Олю мыть посуду.
- (4) Виктор старался заставить Нилу начать учить Олю мыть посуду.

В схематическом обозначении модификаторов как части семантической структуры возможна разная степень подробности. Для иллюстрации возьмем пример из сферы Каузации. Допустим, что Агнец Каузации = «Виктор», метаграмм Каузации Сказ = «ПОЗВОЛЯТЬ», Р = «Дети пойдут в кино». Так, семантическая структура повествовательного предложения *Виктор разрешил детям пойти в кино* может быть записана одним из следующих способов (в notatione пропущены разные стандартные модификаторы, в том числе показатели Темпоральности и Аспектуальности)¹:

- {Сказ; А} [Р]
- {Сказ = ПОЗВОЛЯТЬ; А} [Р]
- {ПОЗВОЛЯТЬ; А} [Р]
- {ПОЗВОЛЯТЬ; А_{Сказ}} [Ас; А_{Агн}; L]
- «А_{Сказ} ПОЗВОЛИЛ: А_{Агн}, идут в кино»
- «Виктор ПОЗВОЛИЛ: дети идут в кино»

Предлагаемая ниже классификация модификаторов имеет предварительный характер. Предполагается, что проблематика, связанная с определением модификаторов и их разграничением между собой, будет подробнее рассмотрена в последующих последующих по отдельным модификатором. Следует, кроме того, отметить, что некоторые

более или менее друг к другу по значению выражения в данной теоретической классификации представлены в разных главах, ибо здесь мы ставим перед собой цель показать принципиальные различия между элементами семантической структуры. В конкретных функциональных условиях (в функциональных синтаксисных рядах языков) языковой материал может быть перегруппирован иначе в зависимости от конкретных задач исследования.

Анализ модификаторов проводится в следующем порядке: сначала обязательный модификатор — Речевые функции, а потом факультативные модификаторы — Фаза, Каузация и Авторизация.

6.1. Речевые функции

Речевые функции являются объектом изучения прежде всего в теории речевых актов². С другой стороны, встречающиеся в традиционных грамматиках деление предложений по цели высказывания на повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные в какой-то степени напоминает рассматриваемый здесь подход, но отличается от него тем, что классификация основывается главным образом на формальных критериях. В ФС Речевые функции являются модификаторами, присоединяющимися к ядру семантической структуры или другим модификаторам; они указывают на ту цель, в соответствии с которой говорящий упоминает данное положение дел.

Поскольку Речевые функции связаны с различными речевыми ситуациями, при них естественно можно выделить как *Агенса* ($A_{r_{\text{func}}}$), так и адресат ($R_{r_{\text{func}}}$)³. В семантической структуре речевая функция может быть обозначена либо в общем виде $\{(Func: A, R) [P]\}$, либо в более конкретной форме, например: $\{(Func = ПОВЕЖДАТЬ; A_{r_{\text{func}}}, R_{r_{\text{func}}}) [P]\}$.

Агенса ($A_{r_{\text{func}}}$) Речевой функции, может либо совпадать (1), либо не совпадать (2) с Агенсиом ядра:

- (1) (Сообщение) Я поеду в Екатеринбург.
- (2) (Сообщение) Нина поедет в Екатеринбург.

Все главы Речевых функций встречаются только в ПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ (диалоге). Побуждать или спрашивать мы можем лишь в том случае, если у нас есть собеседник. Повествованию свойственно использование по преимуществу одной Речевой функции, Сообщения. Когда в повествовании рассказывается о ситуации

общения, содержащих различные другие Речевые функции (вопросы, просьбы и т. д.), что делается при помощи непрямой речи (3). С точки зрения Речевых функций это — Сообщения, а то, о чем сообщается, — Речевая действительность (ср. раздел 5.4).

- (3) *Виктор предупредил детей, чтобы они не уходили без разрешения.
Я посоветовал ему не задавать глупых вопросы.
Наконец я попросил его уйти.
Поскольку он не ушел, я угрожал позвать полицию.
Кто-то спросил, здоров ли я.*

Так называемая прямая речь (4) является специальным случаем повествования. При ней говорящий имитирует или воспроизводит первоначальную речевую ситуацию, слово в слово повторяя произнесенные в ней реплики.

- (4) *Кто-то спросил: «Вы здоровы?»
Наконец он сказал: «Уходи, пока не поздно!»*

Мы разделим Речевые функции на пять разделов в зависимости от характера отношений между Агенсом и Реципиентом речевого акта. Основная роль Агенса во всех случаях одинакова — он совершает речевой акт. Однако цели он преследует разные. В связи с этим меняется и роль Реципиента. С точки зрения самого акта говорения он — Слушатель, но в зависимости от волеизъявлений на него ожидаемых он получает дополнительные предполагаемые роли. В самом очевидном виде это проявляется в трех основных разделах речевых функций. При Сообщении Агенс нечто сообщает Реципиенту и прямо не требует от него каких-либо реакций, кроме восприятия информации (5). При вопросе ожидается, что Реципиент ответит на заданный вопрос (6), а при побуждении Реципиент является потенциальным Агенсом действия, на которое акт побуждения направляется (7). Во всех этих случаях наблюдается (по крайней мере, в русском языке) явный структурный эквивалент, соответствующий каждой из трех речевых функций: повествовательные, вопросительные и побудительные предложения, но, как будет изложено ниже, существует и немало других средств выражения Речевых функций, особенно это касается Побуждения.

- (5) *Завтра будет хорошая погода.*
(6) *Когда вы придёте домой?*
(7) *Дай мне сахар!*

Несколько более сложные отношения между Агенсиом и Реципиентом речевого акта мы встречаем в двух других разрядах Речевых функций. Особое место среди Речевых функций занимает ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ (8). В нем Агенси обладает специальным (социальным, профессиональным и т. п.) статусом, позволяющим ему совершать такие действия, которые не всем дозволены. От Реципиента ничего не требуется, но вследствие данной процедуры он получает новое положение или статус.

(8) (Судья) *Провозглашаю обвиняемого к смертной казни.*

Последняя из Речевых функций — формулы РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА. Когда мы здороваемся, выражаем благодарность, извинение или уточнение, главная цель нашего речевого поведения в том, чтобы показать, что мы обращаем внимание на Реципиента согласно нормам данного общества. С Реципиентом не всегда ведется длинный диалог, весь речевой акт может состоять только из обмена двумя-тремя репликами. В типичном случае эти выражения Речевого этикета образуют пары: речевая формула Агенса и реакция на него Реципиента (9).

(9) — *Внимание, пожалуйста!*
— *Ничего, пожалуйста!*

Необходимо еще прокомментировать отсутствие в списке Речевых функций восклицания или вообще выражения эмоциональных реакций (10). Мы толкуем эти предложения так, что в них отношения Агенса речевого акта и его Реципиента такие же, как в Сообщении, Вопросе или Побуждении. Эти случаи находятся в промежуточной зоне между Оценкой (Авторизация) и Речевым этикетом⁴.

(10) *Скорее бы лето!*
Какой у вас прекрасный сад!

Сообщение

Метаглаголом «СООБЩАТЬ» передаются речевые ситуации, в которых говорящий о чем-либо информирует слушающего⁵. Типичными поверхностными глаголами, выражающими Сообщение, являются *сказать, рассказать, сообщить* (11).

(11) *Я сообщаю, что ожидается на завтрашнее заседание.*
Прямо скажу: все это кажется мне чудом.

Однако чаще всего данная Речевая функция эксплицитно никак не выражается. Если речевая функция не выражена, то обычно речь идет как раз о Сообщении. Говорящий может рассказывать, что происходило, происходит с ним самим или планируется в его жизни. В таком случае Агента Сообщения полностью или частично совпадает с Агенсиом (или другим типом субъекта) ядерной структуры (12). Говорящий может повествовать и о положениях дел, в которых сам не участвует (13).

(12) *Я оказало на замкнутое население.
Мы с друзьями встречались на стадионе.
Все это кажется мне чудом.*

(13) *Нина опять была у Игоря.
В Центральной Африке сейчас жарко.
Фемальная победила Россию в теннисном матче.*

В абсолютном большинстве случаев Сообщение выражается отсутствием каких-либо внешних показателей. Достаточно редки, но в некоторых речевых ситуациях возможны вопросительные предложения в этой функции. Это или так называемые риторические (14) ⁶, или констатирующие вопросы (15). Последний тип вопроса задается с целью подтверждения или привлечения внимания Ресивента.

(14) *Как можно не надеяться на лучшее?
Кто же любит праздники?*

(15) *Так мы еще встретимся, да?
Вы уже уезжаете?*

Как уже говорилось выше, Сообщение может содержать и оценочные элементы, входящие в сферу Модальной фазы или Авторизации (16).

(16) *Я хотел бы поехать на Луну.
Только бы не пошел дождь.
Ужас как холодно!*

В рамках Сообщения различаются семантические подклассы в зависимости от того, какая дополнительная Речевая функция содержится в высказывании. Можно выделить, по крайней мере, следующие типы: Ответ (17), Согласие (18), Возражение (19), Обещание (20), Клятва (21), Угроза (22). Их особое положение по сравнению с «нейтральным» Сообщением проявляется в том, что они употребляются только от первого лица, говорящего. Если мы говорим о третьем лице, любая Речевая функция превращается тем самым в Сообщение (23).

- (17) (— Виктор дома?) — Нет.
Я ожидалась говорить с вами на эту тему.
- (18) Согласен с вами по всем.
Привет вам предложены.
- (19) Возражаю. / Я категорически против этого предложения.
- (20) Я обещаю прийти вовремя. / Я приду вовремя.
- (21) Клянусь, что это не был я.
- (22) Я убью тебя! / Подожди, я тебе это еще покажу!
- (23) Он согласен с вами.
*Виктор обещал закончить работу в срок.
 Председатель Пушиным принял предложения Буны.*

Когда говорящий реагирует на какое-либо положение дел, он нередко выражает и свои эмоции. Реакции могут быть направлены на его внутренний мир (24), на собеседника (25) или на другие обстоятельства (26). Когда говорящий комментирует поведение собеседника, Реакция может содержать упрек или похвалу. Речевой функцией таких высказываний-реакций чаще всего является Сообщение. Многие стереотипные конвенциональные Реакции можно считать также формулами Речевого этикета (27).

- (24) Ужас, как я устал!
- (25) Что ты наделял!
*Какая ты умница!
 Вы просто волшебство.*
- (26) Какая прекрасная погода!
- (27) Какой вкусный обед!
*Вы мне так понравились!
 Я вам вам признателен за подарок!*

Специальными типами Сообщения являются выражения Разрешения («РАЗРЕШАТЬ») и Запрещения («ЗАПРЕЩАТЬ»). Метаглагол «РАЗРЕШАТЬ» сочетается с модификатором Модальной фазы «РАЗРЕШЕНО». Пример (28) иллюстрирует Речевую функцию Разрешения: говорящий сообщает собеседнику, что он может пользоваться галенокислоткой, а в примере (29) нет указания на Агенс Разрешения; в этом случае у нас модификатор Модальной фазы «РАЗРЕШЕНО». Соответствующее различие между примерами (30) и (31). К связи метаглаголов «РАЗРЕШАТЬ» и «ЗАПРЕЩАТЬ» с соответствующими метаглаголами «ПОЗВОЛЯТЬ» и «ЗАПРЕЩАТЬ» мы еще вернемся в разделе 6.4. Следует также отметить, что значение метаглагола «ЗАПРЕЩАТЬ» близко к Побуждению (ср. *Соединю тебе*) и не реализуется галенокислоткой.

- (28) Ты можешь пользоваться личной автомобильной.
 (29) Вамперу разрешено пользоваться личной автомобильной.
 (30) Тебе нельзя пользоваться личной автомобильной.
Я запрещаю тебе пользоваться личной автомобильной.
 (31) Вамперу не позволено пользоваться личной автомобильной.

Вопрос

Если целью говорящего является осведомиться о чем-нибудь, на семантическом уровне следует предполагать метатеглол «СПРАШИВАТЬ». При этом положение агента, к которому спрашивающий обращается, особое: он Реципиент с точки зрения процесса спрашивания, но одновременно он предполагаемый Источник информации. На поверхностном уровне глаголы типа спрашивать, осведомляться, добывать/исследовать встречаются сравнительно редко; они придают высказыванию официальный или провозглашенный оттенок (32).

- (32) *Я еще раз спрашиваю, есть ли в этом лице, на которые анкеты.
 Я хотел бы только спросить, до какого часа вы сегодня работаете.
 С глубоким уважением осведомляюсь, можете ли Вы прислать мне программу Вашего конгресса.
 Пожалуйста поболтайте/исследуйте, где вы купили эту машину?*

На основании того, что Агента Вопроса хочет выяснить, разделяются осведомительные (33), спецификативные (34), частичноинформативные (35) и частичноинформативные (36) вопросы. Как показывают примеры, информативные Вопросы выражаются в русском языке, как правило, при помощи вопросительного слова (местоимения или наречия), а верификативные — при помощи особой интонационной конструкции¹.

- (33) *Что это такое? / Что случилось?*
 (34) *Тебе плохо?*
Были ли долги в кино?
«Докончили» победил вчера?
 (35) *Кто спал на моей кровати?*
Зачем он пришел сюда?
Сколько времени вы живете здесь?
Где в конце концов принимается административные решения в вашем университете?

- (36) *У Нины сегодня выходные?
Ей лет сорок или больше?*

Кроме отмеченных повествовательных структур, Вопросы выражаются в русском языке частицами *ли, разве, ну уж так*. Самая нейтральная из них частица *ли*, но она часто выражает, кроме Вопроса, и оттенок неуверенности и предположения говорящего (37). Частицы *разве* и *ну уж так* всегда содержат авторитупонный элемент, чаще всего это выражение удивления или сомнения (38а), но может быть и другое тонациональное отношение говорящего к положению дел (38б).

- (37) *Пришел ли дядя?
Успели ли вы сделать все задания?
А не сам ли ты виноват?*
- (38а) *Разве вы не знаете адреса почты материале?
Ну уж так наши промзрнали?*
- (38б) *Разве так можно поступать?
Ну уж так уже заблудились?*

Своеобразный Вопрос-Побуждение выражается в текстах анкет без каких-либо видных словесных показателей вопроса (39). Использование такой мягкой формулировки возможно в силу того, что само оформление анкеты и ее назначение подсказывают, что требуется от отвечающего.

- (39) *Ваше имя, отчество, фамилия. Дата и место рождения.
Национальность. Семейное положение. Профессия.*

Побуждение

Общее нейтральное Побуждение передается в семантической структуре метавысказыванием «ПОБУЖДАТЬ»⁵. Так получим схему: $\{R_{\text{пов}} - \text{ПОБУЖДАТЬ}; S_{\text{пов}}, R_{\text{пов}}\} (P)$. Данной Руневой функцией свойственно то, что $R_{\text{пов}}$ одновременно является Агенсом P . Естественно, речь идет об ирреальном, потенциальном действии Агенса.

Кроме общего побуждения, можно различать семантические подтипы. В зависимости от потребностей описания их число может варьироваться. Назовем некоторые достаточно очевидные метавысказывания: «ПРОСИТЬ» (40), «СОВЕТОВАТЬ» (41), «ПРИГЛАШАТЬ» (42), «ТРЕБОВАТЬ» (43), «ПРЕДЛАГАТЬ» (44), «УМОЛЯТЬ» (45), «ПРЕДУПРЕЖДАТЬ» (46).

- (40) *Сядьте, пожалуйста! Помогите мне!*
- (41) *Идите в старинное кафе, там вам скажут, что сделать.*

- (42) *Приходите к нам сегодня вечером!*
 (43) *Дайте намоченную жесткую кисть!*
 (44) *Давай поможешь друг другу!*
 (45) *Ради бога, пожалуйста бойтесь!*
 (46) *Не влезайся ты в это дело!*

Во всех приведенных примерах разные варианты Побуждения выражаются повелительной формой глагола⁷. Другое распространенное средство выражения Побуждения — глаголы, соответствующие метаглаголам, в перформативном употреблении (47)¹⁰.

- (47) *Пряну! Призываю! Побуждаю тебя уйти. // Требую, чтобы ты ушел.*
Пряну, чтобы ты немедленно ушел. / Пряну тебя; уходи!
Приглашаем вас на ужин в ресторан «Дальше деревня».
Рекомендую не принимать это предложение. / Не рекомендую принимать это предложение.
Уговлаю тебя: не уходи!
Не советую! Не советовать бы Вам стало в Праге: там все еще небезопасно.
Генерал приказывает вам оставаться¹¹.

Повелительном наклонении (41–46) и перформативные конструкции (47) можно считать самыми естественными выражениями Побуждения. Однако существует большое количество и других языковых средств. Назовем некоторые из них: инфинитив (48), формы настоящего или будущего времени (49), конструкции с соответствующими существительными (50). Возможны также безглагольные именные и наречные конструкции (51).

- (48) *Не курить! / Молчать!*
В случае необходимости действовать по инструкции.
Всем быть в парадной форме!
 (49) (в школе) *Открываем учебники, читаем первое предложение.*
 (начальник секретариата) *Защита проверяете еще раз текст письма и позвоните нашим клиентам.*
 (50) *Просьба во всем не опаздывать!*
Мой совет тебе: брось курить!
 (51) *Во мне! / На котле!*
Быстро! / Тихо! / Прочь!

В устной речи широко используются вопросительные предложения в функции Побуждения (52). Таким образом можно делать Побуждения менее категоричным и более вежливым.

- (52) *Вы не скажете, где ближайший банкомат?
У вас нет ручки?
Можно кружку чая?
Вы не могли бы прийти ко мне после обеда?*

Поскольку в общении между людьми прямое Побуждение нередко нарушает нормы вежливости, прибегают к косвенным способам. В разделе 2.2 мы обсуждали вопрос о том, в какой мере такого рода намёки следует учитывать в рамках ФС. Тогда было отмечено, что если намёки сильно ситуативны и требуют особого толкования и взаимопонимания между собеседниками, их описание вряд ли стоит включать в ФС, но если намёки конвенциональны и имеют определённую поверхностную структуру, они могут быть учтены. Очевидно, использование утвердительных предложений в функции Побуждения в ряде случаев можно считать настолько устойчивым, что их можно причислить к одному из средств его выражения (53).

- (53) *Курить очень хочется. (= «Дайте сигарету»)
Я забыла дома ручку. (= «Дайте ручку»)*

Провозглашение

Как особый тип Речевых функций выделяются декларативные речевые акты, Провозглашения. Это перформативные высказывания, вызывающие изменения в мире как минимум социального или иного статуса Реципиента. Для выполнения этой Речевой функции нужны особые условия: социально установленный ритуал, традиция; произнесение лицом, наделённым таким полномочиями, в определённый момент, например, церемония бракосочетания, коронация, выборы, суд и т. д. Провозглашение предполагает исполнение говорящим соответствующей социальной роли. Реципиенты также имеют определённую позицию: подчинение, осознание права другого / других диктовать свою волю. Вот типичные Провозглашения:

- (54) (Священник:) *Перед всемирным Богом я объявляю вас мужем и женой.*
(55) (Письмо президента:) *Назначю Вас, Олега Семёновича Пушкова, Министром обороны с 1 сентября 2004 года.*

Использование перформативных глагольных форм типично для выражения Провозглашения. Однако и здесь нет полного соответствия формы и значения. Перформативные глагольные формы встречаются и в высказываниях, которые не выражают Провозглашения

(56; ср. особенно 57 с 54). С другой стороны, Провождение может быть выражено также другими языковыми средствами (58).

(56) *Собираю, что у меня не будет возможности участвовать в заседании.*

Требуем объяснений, почему в количестве одиннадцать.

(57) *Объявляю начало заседания.*

(58) (Председатель заседания:) *Заседание открывается... Объявляется перерыв на 30 минут... Продолжаем наше заседание... Дискуссия закрыта...*

(Работодатель:) *Вы уволены!*

Речевой этикет

Речевой этикет является особым видом Речевых функций. Это социально заданные и национально специфичные правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контактов между коммуникантами. Формулам речевого этикета свойственна устойчивость, стереотипность. С их помощью обеспечивается бесконфликтное общение и неагрессивное поведение собеседников. На выражение всех Речевых функций влияет то, с кем и в каких условиях ведется разговор. Для формул речевого этикета это особенно важный фактор: в сущности, вариативность разных языковых средств возникает как раз на основе того, в каких социальных отношениях находится собеседник и в какой речевой ситуации имеет место контакт между ними ¹².

Выделим две основные семантические структуры, передающие главные функции Речевого этикета:

- формулы Социального взаимодействия
- формулы Поддержания коммуникативного контакта

Для первой функции определим метакатегору «СОЦИАЛЬНО ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ». Она может быть представлена более конкретными метакатегорами, а именно: «ПРИВЕТСТВОВАТЬ» (59), «ЗНАКОМИТЬСЯ» (60) «ИЗВИНЯТЬСЯ» (61), «БЛАГОДАРИТЬ» (62) «СОБОЛЕЗНОВАТЬ» (63), «ПОДРАВЛЯТЬ» (64), «ЖЕЛАТЬ» (65) «ПРОЩАТЬСЯ» (66).

(59) *Здравствуйте! / Приветствую вас!*¹³

(60) *Познакомьтесь! / Позвольте представиться!*

(61) *Извините! / Прощу прощения!*

(62) *Спасибо! / Благодарю Вас!*

- (63) *Примите наши соболезнования! / Искренне сочувствуем вам.*
 (64) *Поддерживаем от всей души! / С днем рождения!*
 (65) *Желаем всех благ! / Будьте здоровы и счастливы!*
 (66) *До свидания! / Спокойной ночи!*

Формулы Поддержания коммуникативного контакта менее стандартные, но по значимости они никак не уступают формулам Социального взаимодействия. Это необходимый элемент социального благополучия и психологического комфорта человека. Основные функции таких речевых — привлечение внимания, поддержание общения. Их можно назвать междокоммуникативными «связками». Обозначим их общим метавыражением «СОЦИАЛЬНО ПОСЛАЖИВАТЬ». Можно выделить ряд семантических классов: Одобрение, поддержка (67), Сочувствие (68), Утешение (69), Уваживание (70), Комплимент (71).

- (67) *Да, да, вы правы! / Целиком на вашей стороне.*
 (68) *Мы с тобой! / Не плачь, скоро все пройдет.*
 (69) *С кем не бывает! / Это все-таки не самое главное в жизни.*
 (70) *Ну, не расстраивайся ты так! / Девкой не будешь торопылиться.*
 (71) *Да Вы просто красавица! / Эта прелесть тебе очень идет.*

В разделе 2.6 мы рассматривали границы охвата ФС, констатируя, что его вычисления вернее не выходят далеко в прагматику. Если окажется нужным более детальное описание прагматических факторов как часть расширения рассматриваемых семантических элементов, это может быть осуществлено в пределах Речевого этикета¹¹.

6.2. Фаза

Понятия ФАЗЫ и ФАЗИНОСТИ мы обычно связываем с началом и концом действия (1). Однако здесь мы понимаем фазу шире, как покрывающую и разного рода гипотетические представления о том, в каком мере реально осуществление Р. Крайний случай здесь такой, где Р является виртуальным: его реализация никак не ожидается (2). Есть и промежуточные типы семантических структур, в которых представляется та или иная предварительная фаза реализации Р (3).

- (1) *Вектор начал двигаться попутно.*
 (2) *Нана хотела бы чаще играть в теннис, если бы у нее было больше времени.*
 (3) *Нана собирается поехать в Китай на поезде.*

Выделяются шесть классов случаев, которые условно помещаются под рубрикой Фазы. Для наглядности представим их также визуально.

1) ИРРЕАЛЬНОСТЬ (Irreal): не P , но могло бы быть P (т. е. P только гипотетично)

Я планирую бы все законно, если бы у меня было время.

2) ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ (PrePhase): существование или осуществление P еще не началось, но передается информация о предварительных (обычно ментальных) действиях потенциального Агенса P ; эти действия направлены на реализацию P .

Нина решила / собирается открыть личный счет в банке.

3) МОДАЛЬНАЯ ФАЗА (ModPhase): передается информация о наличии тех или иных модальных обстоятельств (необходимость, возможность, желание и т. п.), определяющих мотивы и вероятность осуществления P . Схема модальной фазы такая же, как у Предварительной стадии; их различие заключается в причинах реализации P .

Нина хочет / должна / может открыть личный счет в банке.

4) ТЕМПОРАЛЬНАЯ ФАЗА (TempPhase): основной случай — начало и конец P . В первом случае конец P присутствует лишь гипотетически.

Высокор начал читать книгу.

Высокор закончил читать книгу.

5) ИЗМЕНЕНИЕ ТЕМПА (Tempro): ускорение или замедление времени ожидания P или процесса его осуществления. При Изменении

тема время события (ср. 7.2) на временной оси помещается или до или после того места, где оно предполагалось (Нина спешила с ответом / закончить работу).

6) СТАДИЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ (FinPhase): было неизвестно, может ли F быть осуществлено вообще или в заданное время, но F имело место.

Нина спешит вырубать все деревья на участке.

Выражения Фазы обнаруживают многие точки соприкосновения с другими модификаторами и спецификаторами, например, Темпоральная фаза имеет сходные особенности с Клаузулой¹², Модальная фаза — с Авторизацией, Стадия достижения цели — с Актуальностью.

Ирреальность

Категория Ирреальности (гипотетичности) — особая семантическая категория, которую только условно можно поместить под рубрику «Фаза»¹³. Дело в том, что она проявляется также как элемент многих других семантических категорий, например, Будущее время не может не содержать оттенков Ирреальности. Также многие категории, рассматриваемые в этом разделе (в частности, Модальная фаза), имеют, наряду с другими значениями, и оттенки Ирреальности. Эту связь можно проиллюстрировать, например, такими высказываниями, как (4–7). В (4) мы имеем дело с Предварительной стадией, в (5) — с Модальной фазой, в (7) — с Ирреальностью, а пример (6) содержит элементы как (5), так и (7). Несмотря на эти семантические связи, есть основания выделять Ирреальность также как самостоятельную категорию.

- (4) *Я собиралась написать все лето.*
 (5) *Я пишу написать все лето.*
 (6) *Я хотел бы написать все лето, если бы у меня только было время.*
 (7) *Я написал бы все лето, если бы у меня было время.*

Уточним сущность Ирреальности, сравнивая ее с виртуальным миром, о котором шла речь в разделе 1.3. В примере (8) нет Ирре-

альности, а сообщается о том, что случилось в виртуальном мире. С лингвистической точки зрения такое высказывание ничем не отличается от высказывания, сообщаемого о реальном мире. Пример (9) содержит определенные отсылки Ирреальности: Виктор не уверен, видел ли он медведя, но он предполагает такое; перед нами одно из проявлений Авторизации (конкретнее, Степени вероятности).

- (8) *Мне казалось, что я был на Тверской улице среди толпы совсем лютая и раздавала лютые звуки.*
 (9) *Виктору показалось, что / как будто / будто он видел в лесу медведя.*

В примере (10) у нас настоящее Ирреальное значение: такого Р не было ни в реальном, ни в виртуальном мире говорящего, и он не предполагает, что оно будет; зато он мысленно конструирует его как фрагмент потенциальной действительности. В примере (11) несколько иная ситуация: Р помещается в неопределенном потенциальном пространстве времени, но сложная синтаксическая структура в целом переносится во временной план прошлого.

- (10) *Если бы я увидел медведя, я бы улетел в обморок.*
 (11) *Если бы я знал об этом раньше, я бы мог остановить этот опасный процесс.*

Как было уже сказано, Ирреальность редко встречается как таковая, а чаще сочетается с другими семантическими категориями. Типичны выражения Условия с помощью метаслова «ЕСЛИ» (10–11). Часты также сочетания с Модальными формами, например, с Желательностью (12), с Необходимостью (13), с Авторизацией (14).

- (12) *Пошел бы дождик сейчас!
 Знать бы, куда он улетал!
 Я давно сбегал бы отсюда.*
 (13) *Надо бы поговорить! Поговорать бы нам!*
 (14) *Я сказала бы об этом маме. (ср. По-возможу, это не так.)
 (— Ты улетал?) — Без тебя он разве улетал бы? (ср. Считаю невозможным, что он улетал без тебя.)*

Ирреальность можно наблюдать и в высказываниях, которые передают мнение говорящего или другого субъекта речи.

- (15) *(Было бы) хорошо, если бы все люди думали друг о друге.
 Будет ужасно, если продолжась на западе.
 (Было бы) важно суметь все сделать вовремя.*

Предварительная стадия

Предварительная стадия (PrePhase) указывает в процессе осуществления P на период, когда P еще не начало свое существование, но потенциальный Агент P совершает те или иные предварительные (обычно ментальные) действия в целях сделать или начать делать P ¹⁷. В зависимости от близости к переходу в P , можно различать разные этапы: «есть варианты, предварительные планы сделать P_0 » → «есть более конкретные планы сделать P_0 » → «есть решение сделать P_0 » → «идет подготовка к осуществлению P_0 » (16). Таким образом, можно выделить следующие метаглаголы «ПЛАНИРОВАТЬ», «НАМЕРЕВАТЬСЯ», «РЕШАТЬ», «ГОТОВИТЬСЯ»¹⁸.

- (16) *У Нины есть планы поехать в Мокшотин.*
Нина собирается поехать в Мокшотин.
Нина решила поехать в Мокшотин.
Нина готовится к поездке.

Однако общая картина разных предварительных этапов осложняется многими факторами, связанными как с особенностями конкретного значения PrePhase, так и с P . Приведем некоторые примеры такого рода: разница между «ПЛАНИРОВАТЬ» и «НАМЕРЕВАТЬСЯ» во многих случаях стирается (17); аспектуальная характеристика самих метаглаголов может проявляться так, что «РЕШАТЬ» не последует за намерением, а намеряется — то же самое, что и *решил* (18). В предложениях со значением Предварительной стадии нередко наблюдается метонимическое употребление существительных, играющих роль Агента.

- (17) *Игорь планирует / собирается / думает бросить пить водку.*
 (18) *Мы решили купить новую квартиру. = Мы собираемся купить новую квартиру.*
 (ср. *Игорь решил бросить пить водку ≠ Игорь собирается бросить пить водку*)
 (19) *Университет собирается / решил поддерживать предложе-
 ние министерства.*

Отмеченный комплекс значений допускает разные толкования. Тот факт, что разные поверхностные структуры могут быть использованы для выражения одной и той же семантической структуры, делает обоснованным толкование, согласно которому вместо четырех метаглаголов выделен только один или два, а различия в семан-

тиве считается привлекшими презентативного значения, вызванными выбором поверхностных конструкций.

Уточнения требует и этап подготовки к переходу в Р. Он производится как в процессуальном, так и в результативно-статусном значении (20). Однако нам кажется, что готовность без стадии предварительной подготовки следует считать, скорее всего, моральным отношением Агенса к данному Р. В примерах (21) речь идет не о том, что Нина подготовилась к данным ситуациям, а о том, что она в состоянии (хочет и может) это сделать. Таким образом, здесь в семантической структуре следует предполагать не Предварительную стадию, а Мотивальную фазу.

(20) *Нина готовилась отвечать на вопросы родителей.*

Нина была хорошо подготовлена к ответам на вопросы родителей.

(21) *Нина готова отвечать на любые вопросы родителей / принимать на себя уроки в адрес учителей школы.*

К Предварительной стадии примыкают также случаи, где описываются попытки и старания Агенса совершить Р. Рассмотрим сначала примеры (22).

(22) *Нина старалась уйти тайком.*

Виктор попытается влезть верх над Ниной, но безуспешно.

Сергей старается не в чем не оплошать от своих новых друзей-бизнесменов.

Мы долго пробовали завести мотор.

Заполняем сделанную псевдому попытку убежать.

Если очень постараться, можно кончить работу за год.

Первый вопрос, возникающий в этом контексте, касается количества необходимых метаглаголов. Конкретно говоря, отражают ли русские глаголы *пытаются*, *стараться* и *спрессоваться* (я, может быть, также *пробовать*) разные метаглаголы или же мы имеем дело с одним метаглаголом, который может быть выражен несколькими отличающимися друг от друга по своему презентативному значению языковыми средствами? Как мы уже знаем, для решения этого вопроса нет единого приема. Однако о том, что нам приходится довольствоваться только одним метаглаголом «ПЫТАТЬСЯ», говорят два факта. Во-первых, в русском языке можно найти немало контекстов, в которых употребляется более одного глагола из синонимического ряда (23). Во-вторых, все отмеченные русские глаголы могут быть переведены только одним глаголом на другие языки, в том числе на английский ¹⁹.

(25) *Мыслыма старарыцца / вымарыцца / старелыцца вымарыць и выйць в фамал.*

Лоды не мадуць не старарыцца / вымарыцца / старелыцца лодыць в лоду со своей советыю.

Другой вопрос, который мы должны поднять, это связь между металаглом «ШЫТАТЬСЯ» и аспектуальными значениями. Действительно, когнитивность можно считать одним из значений «несовершенного аспекта». Как мы уже отметили в разделе 2.1 (см. также примеры 15 той же главы), рассмотрение Аспектуальности как семантической категории обязывает расширить круг языковых средств, участвующих в ее выражении, и отнести к ним помимо традиционных видовых оппозиций (24) также аналитические (25) и супплетивные (26) конструкции. Вопрос о месте этих случаев в ФС мы должны решить, основываясь не на существующих в русском языке грамматических категориях, а на более общих критериях. Представляется, что здесь уместен прием «и – не»: призываем, что когнитивное значение отражает как Предварительную стадию, так и Аспектуальность.

(24) *Я долго решил задачу и наконец-то решил.*

Виктор убеждал Петю бросить курить, но так и не смог убедить его.

(25) *Мы пытались убедить его маленькой собачкой, и нам это удалось.*

Она пыталась получить грант под проект и получила его.

(26) *Купцова участвовала уже в десяти марафонах без победы / не выигрывая, а сейчас она наконец-то выиграла.*

Всего мы еще одна металагла, а именно «ИЗБЕГАТЬ», имеющий приблизительное значение «стремиться к тому, чтобы не Р» (27).

(27) *Виктор избегал встречаться с Игорем.*

Мы старались не говорить о другом.

Модальная фаза

Модальная фаза напоминает Предварительную стадию тем, что она обращает внимание не на само положение дел, а на те обстоятельства, которые влияют на вероятность его осуществления. Разница между ними в том, что при выражении Предварительной стадии мы предполагаем Агенса, совпадающего с Агеном Р, а в Модальной фазе — нет. Уточним: он присутствует как потенциальный Агент Р,

но он прямо не контролирует Модальную фазу, а является скорее своего рода Экспериментером. Такого актанта мы, правда, не припишем Модальной фазе, а воспользуемся металексемой без актанта (например, «НЕОБХОДИМО»). Общеизвестен тот факт, что модальные значения весьма часто переплетаются, сливаются²⁹.

Существует три основных круга значений Модальной фазы, а именно: Возможность, Необходимость, Желательность.

Начнем определение Модальной фазы ВОЗМОЖНОСТИ с «отрицательных» случаев, которые мы помещаем в другие части ФС³¹. Так, в примерах (28) описываются физические, истинные или интеллектуальные способности лица, а в (29), близких к предыдущим, умения делать что-то. В этих семантических структурах отмечается Характеристика без модификатора Модальной фазы. Характеристика «в виде возможности» может касаться и актанта категорий II–IV (30). В (31) мы имеем дело со Стадией достижения цели, а в (32) с Авторизацией — выражением степени Уверенности.

- (28) *Он способен к прыжкам / на млекопитающих.
Он силен в математике.
Он в состоянии решать любые задачи. / Он решает любую задачу.*
- (29) *Николай умеет радоваться жизни.
Виктор умеет петь лучше, чем Нина.
Маленькие умеют лодкам.*
- (30) *Вещество может раствориться / растворимо в воде.*
- (31) *Он смог решить все задачи / поступить в институт / подпаять челноки на веревочном попуте.*
- (32) *Полоды можем изменяться. (ср. Возможно, холода изменятся. / Холода, вероятно, изменятся.)
Он может еще прийти. (ср. Он, возможно, еще придет.)*

Отграничив соседние с Модальной фазой семантические категории, определим те значения, которые остались в этой части ФС. Их, пожалуй, можно структурировать под двумя металексемами: «ВОЗМОЖНО» и «РАЗРЕШЕНО». Первое из них имеет место, когда обстоятельства допускают совершение действия Агенса (33), второе — когда у Агенса есть на это разрешение или право (34). Возможны поперечностные структуры, которые допускают разную интерпретацию (35). Предложение (36), со своей стороны, может указывать или на модальную фазу «ВОЗМОЖНО», или на Степень достоверности (ср. раздел 6.3).

- (33) *Большое или срочное дело, можем пойти в кафе.*

Валентин имеет возможность погулять и почитать вечером с детьми.

Надеюсь, что она сможет позвонить нам.

Там можно покупать свежие лимоны.

(34) *Можно пойти?*

Здесь можно ходить по лужам.

Петя может пойти в кино один. / Петя позволил пойти одному.

(35) *Петя может прийти к нам.*

(36) *Он может стать новым профессором нашей кафедры.*

Обе металексемы имеют и отрицательные варианты: «НЕВОЗМОЖНО» (37) и «ЗАПРЕЩЕНО» (38). В качестве примеров, допускающих двоякую интерпретацию, приводим также, в которых можно видеть или одновременно, или в зависимости от коммуникативной ситуации и металексему «ЗАПРЕЩЕНО», и Речевую функцию Побуждения в варианте Запрета (39) или Упрёка (40)

(37) *Я не могу прийти, дети заболели.*

Туда нельзя пойти пешком.

Эту нельзя брать в магазин, у неё сломана нога.

(38) *Мне нельзя пить молока.*

Петя не может ходить в кино на последний сеанс.

(39) *Здесь нельзя ходить по лужам.*

Не разрешается есть свои пиццы в ресторане.

(40) *Как ты можешь грубить матери?! (ср. Не груби! Не смей! / Нельзя грубить матери!)*

Перейдем к рассмотрению НЕОБХОДИМОСТИ²². Она покрывает достаточно большую группу лексических средств: существительные (необходимость, обязанность, должностное, долг, необходимость), модальные наречия и прилагательные (надо, нужно, необходимо, должен, обязан, вынужден; неизбежный, необходимой, нужной, обязательной), безличные формы глагола (следует, требуется, надеется, предается). Кроме того, инфинитивные предложения могут иметь кроме других значений и значение Необходимости (*Тебе решать, Ван выступать*). Непрямым способом выражения Необходимости можно считать в определенных контекстах формы повелительного наклонения (41).

(41) *Все отсыпайся, а я работой тушу.*

Кто-то допустил ошибку, а мы отвечаем.

В рамках Необходимости вряд ли целесообразно выделять другие метатексты, кроме «НЕОБХОДИМО». Однако ее проявление в конкретных речевых ситуациях сильно связано с тем, как возникла необходимость в том или ином действии. Кроме того, на характер Необходимости влияет то, от какого лица говорится. В самом «чистом» виде Необходимость отмечается в тех случаях, когда говорящий рассказывает о своей собственной ситуации, которая является результатом поручения (42а), внешней обязанности (42б) или внутренней потребности (42в). Как только мы говорим об обязанностях других лиц, значение Необходимости получает одновременно и оттенок Авторизации или Побуждения (43). Авторизация налична в той или иной степени также в случаях, где Необходимость — обычно имплицитно — аргументируется общественными правилами, законами или традициями (44). Нигде слова, используемые для выражения Необходимости, употребляются в контекстах, где Р является не Действием, а Эмоциональным или Интеллектуальным отношением (45). В таких случаях уже нельзя говорить о Необходимости, перед нами «чистая» Авторизация.

(42а) Мне надо / Я должна еще пойти в библиотеку.

(42б) Закрыли мне дежурный до вечера.

(42в) Я должна / обязана вас предупредить о последствиях.

(43) Тебе / Ему надо больше оптимизма. (ср. По-моему / На мой взгляд ...)

Ты должна пойти к врачу (ср. Советую тебе: иди к врачу!)

(44) Все граждане должны / обязаны платить налоги. (ср. По закону...)

Политик должен ставить выше интересы своего государства выше своих собственных интересов. (общепринятое мнение)

Дети должны помогать своим пожилым родственникам. (согласно моральному кодексу общества)

(45) Родители должны прежде всего любить своих детей.

Ты не должен забывать о своих обязанностях по отношению к родственникам.

Следует (или целесообразно?) выделить также метатекст «ЦЕЛЕСОБРАЗНО», содержащую и оценочные элементы (46). Таким образом, она находится на промежуточной «территории» между Модальной фазой и Авторизацией.

(46) Стоит обратить внимание на выбор слов в конце письма.

Целесообразно оставлять все вещи дома.

Есть смысл поговорить обо всем открыто / расставить все точки над я.

Необходимость (47) и Целесообразность (48) имеют и свои отрицательные варианты. Когда Агенсиом Р является второе лицо, высказывание легко получает и дополнительное значение Побуждения (49).

- (47) *Не надо больше / не стоило говорить об этом.
Нам не надо завтра идти в библиотеку. / Мы можем завтра не идти в библиотеку.*
- (48) *Не стоило обращать внимание на его слова.*
- (49) *(Тебе) не надо плакать: он не заслуживает твоей любви.
Вам не стоило / не следует так волноваться, все уладится.*

Третья основная сфера Модальной фазы — ЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ, обозначаемая метадиксемой «ЖЕЛАТЕЛЬНО». Она имеет точки соприкосновения с Предварительной стадией (ср. 50 и 51). Желание — субъективно личное чувство, поэтому естественно, что оно чаще всего проявляется, когда Агенсиом Р является сам говорящий. Для выражения Желательности в русском языке есть ряд глагольных и именных конструкций, а также таких, в которых встречается частица *бы* (52). Правда, есть случаи, когда несмотря на употребление первого лица, дается совет собеседнику (53). Пожелание же является одним из значений Речевого эпитета (54).

- (50) *Я собираюсь / еще пытаюсь убежать из этой тюрьмы.*
- (51) *Я хочу убежать из этой тюрьмы.*
- (52) *Я хотел бы встретиться с вами завтра.
Оте хотел бы читать / заниматься кн.-бизнесом.
У меня давно уже есть желание увидеть Гринуэ.
После такого собрания стоило вылить ява.
Вам бы летом на Байкал съездить.*
- (53) *Я бы ничего не говорил ей об этом. (на твоём месте)*
- (54) *Желаю Вам счастья и здоровья!*

Отрицательный вариант Желательности чаще всего выражается частицей *не* (55). Одно из значений глаголов *бояться* и *опасаться* близко к Нежелательности (56).

- (55) *Я не хочу больше видеть тебя.
Виктору не хочется спорить с Ниной.*
- (56) *Я боюсь смотреть боязливым. (ср. Я не хочу смотреть...)
Она опасалась подходить к словам с тюрьмы. (ср. Не хотели расковырять...)*

Темпоральная фаза

Основными метаглаголами при выражении Темпоральной фазы²² предложения деп являются «НАЧИНАТЬ» и «КОНЧАТЬ»²³. Они привносят временные границы событий к определенным точкам на временной оси. Если точное время события не названо, оно может быть выведено из контекста. В обоих случаях Агента Темпоральной фазы совпадает с Агентом Р. Глагол «НАЧИНАТЬ» можно употребить как при процессуальных (57), так и при динамических (58) предложениях деп. Кроме глагола *начинать* — *начать*, есть и ряд других (*приступать*, *браться*, *арамыканься*), см. (59), а также приставочные глаголы (особенно с приставками *за-* и *по-*) (60).

- (57) *Записки свои явил! Начинаем играть группа «Уиндоуза».*
Девочки начали играть в футбол около пяти часов.
- (58) *Я вчера начал писать новый роман.*
Сергей начал строить себе новый дом.
- (59) *Пора приступать к делу.*
Мы не начали браться за это.
Мы арамыканься за самый трудный вопрос только поздно вечером.
- (60) *Все задела / заплясала / подружилась / поговорила.*

При процессуальных предложениях деп, очевидно, можно всегда прибегать к метаглаголу «КОНЧАТЬ» (61). Что же касается динамических предложений деп, то для них следует выделить два типа окончания; значения предложений (62) и (63) явно различаются:

- (61) *Можешь опять слушать. Группа «Уиндоуза» кончила играть.*
Девочки кончили играть только около десяти часов.
- (62) *Нана кончила свою речь в смысле с трибуны.*
- (63) *Нана прекратила свою речь в смысле с трибуны.*

Различие между предложениями (62) и (63) заключается в том, что в (62) завершение речи совпадает с моментом его естественного окончания, а в (63) речь прекращается преждевременно. Поскольку последний смысловой оттенок явно выделяется и передко проявляется также на поверхностном уровне, мы определяем для него метаглагол «ПРЕКРАЩАТЬ», ср. его значение (63) с значением метаглагола «КОНЧАТЬ» (64)²⁴.

- (64) *Я кончат писать домашнюю работу только поздно ночью.*
Мы укались закончить домашнюю работу только поздно ночью.

Когда Виктор кончил усложненные упражнения, он явился на матиные колоды.

(65) *Я прекратила / кончила писать домашнюю работу, так как она никак не получалась.*

Виктор прекратил / прервал усложненные упражнения и пошел к своему посту.

Кроме начальной и конечной фазы, есть и средняя фаза: Р начинается после его временного окончания. Для этого выделяется метаглагол «ПРОДОЛЖАТЬ»²⁶. Глаголу *продолжать* (и соответствующим глаголам в разных языках) дается толкование 'не кончить'. Точнее говоря, можно выделить (по крайней мере) три значения: «основать/начать с того места, где остановились», т. е. «возобновить» (66), «не прекращать» (67) и «не кончить» (68). Соответственно, в случае необходимости, на семантическом уровне можно различать три метаглагола: «ПРОДОЛЖАТЬ₁», «ПРОДОЛЖАТЬ₂», «ПРОДОЛЖАТЬ₃».

(66) *Нина сделала маленькую паузу и продолжила речь.*

(67) *Несмотря на шум, Нина продолжила говорить.*

(68) *Даже достигнув фазы, Нина еще продолжала беситься.*

Не все предикаты могут быть расширены Темпоральной фазой: моментальные положения дел не имеют ни начальной, ни конечной фазы (69)²⁷. Если моментальные глаголы употребляются с фазовыми глаголами, они теряют моментальное значение и приобретают процессуально-терминальное значение (70)²⁸.

(69) **Она начала рисовать.*

**Все закончили набить гвозди.*

**Она начала перетирать руки.*

(70) *Она начала прыжок, когда красная лампочка еще горела.*

Она приостановила прыжок, так как маневр еще подул ветер.

В перфектном употреблении глаголы, указывающие на начало и конец (и прекращение) действия, могут также выражать процесс или состояние или их отсутствие (71).

(71) *Нинаны начали строить дом. =*

Нинаны строят дом.

Нинаны кончили строить дом. =

Нинаны больше не строят дом. / Дом построен.

Иногда в повествовательных структурах нет указания на то, кто именно начал или кончил действие. Посмотря на это, Агенса действия выделяется из контекста (72).

(72) *Лекция закончилась.* (Агенса — лектор, докладчик)

Войны закончилась в среду в двенадцать часов. (Агенса — командир армии)

Во всех рассмотренных случаях мы предполагаем наличие Агенса Темпоральной фазы, совпадающего с Агенсами Р. В случае если выделение особого Субъекта на семантическом уровне представляется нецелесообразным, начало / конец / продолжение положения дел обозначается не глаголами «НАЧИНАТЬ», «КОНЧАТЬ», «ПРОДОЛЖАТЬ», а соответствующими существительными «НАЧАЛО» (73), «КОНЕЦ» (74), «ПРОДОЛЖЕНИЕ» (75)²². Отметим, что пример (76) не указывает на фазу действия, а имеет особое темпоральное значение «охват определенного периода».

(73) *Доказь началось утром.* / *Утром начал доказь.*

(74) *Доказь кончался под вечер.*

(75) *Доказь начал слова.*

(76) *Доказь продолжался целый день.* (ср. *Весь день начал / дел доказь.*)

Для сопоставления разных случаев рассмотрим еще некоторые типичные примеры. В семантической структуре примера (77) наличествует Темпоральная фаза с метаглаголом «НАЧИНАТЬ», а в примере (78) — метакласса «НАЧАЛО». При рассмотрении предложения (79) мы не используем модификатор Темпоральной фазы, а толкуем его семантическую структуру как переход к существованию: [\Rightarrow Ex; L, N]. Предложение (80), пожалуй, следует интерпретировать как особое проявление Темпоральности («Я с детства люблю баклажаны»). В (81) мы имеем дело с началом «характеризующего или идентифицирующего» Р («Я года два как игрок команды „Динамо“»).

(77) *Мы читали старинный русский романс.*

(78) *В три часа начался доказь.*

(79) *В лесу в конце августа появились грибы.*

(80) *Я люблю баклажаны еще в детстве.*

(81) *Я начал играть в команде «Динамо» года два тому назад.*

Изменение темпа

По значимости и удельному весу в речи Изменение темпа уступает предыдущим типам Фазы. Речь идет об ускорении / замедлении наступления Р (82) или его завершения (83). Эти значения встреча-

ются в речи сравнительно редко; разных средств их выражения также не много¹⁰.

(82) *Сергей спешит / летит / заплывает с покупкой новой аппаратуры.*

Загодя активизировал / заплывал выпуск нового прибора.

(83) *Сергей торопится под собрание, чтобы успеть на поезд.*
Сергей заплывал под собрание, чтобы для последнего пункта повестки дня осталось как можно меньше времени.

Мы замедлили шаг / пошли медленнее, чтобы не устать.

Речь больного стала замедляться, вскоре он умер.

Мысли со страшной скоростью проносились в его голове.

Ускоренные ритмы науки и образования приводят к заметным сдвигам в развитии общества.

Если в семантических структурах предложений (82) и (83) можно предположить метаглаголы «УСКОРЯТЬ» и «ЗАМЕДЛЯТЬ», введем и соответствующие металексемы, не имеющие Агенса, — «УСНОВИТЕЛЬНО» (84) и «ОСЛАБЛЕНИЕ» (85). Они выражают интенсификацию процесса. Здесь можно видеть аналогии с Темпоральной фазой («НАЧИНАТЬ» — «НАЧАЛО»).

(84) *Ветер / дождь усиливается / стал сильнее.*

(85) *Ветер / дождь ослабевал / стихал.*

Стадия достижения цели

Если (Тепро) описывает градуальное изменение процесса совершения Р или его Предварительной стадии, то Фаза достижения цели или результата отражает изменение представления о его совершении в целом. При передаче этого значения можно использовать метаглаголы «УДАВАТЬСЯ», «УСПЕВАТЬ», а также отрицательный вариант последнего глагола — «ОПОЗДАТЬ». Во всех этих случаях речь идет о соотношении предварительного представления говорящего о совершении Р с тем, что происходит или произошло в действительности. Значение метаглагола «УДАВАТЬСЯ» передается не только соответствующим глаголом (86), но и другими средствами, в том числе и глаголами *случь* и *случись* (87). Его употребление подчеркивает усилия или умения Агенса в достижении цели. Можно было бы выделить и соответствующий метаглагол, но речь идет не о разных денотативных значениях, а скорее о дополнительных оттенках в значениях, вызванных или выбором глагола (87) или контекстуальными элементами (88)¹¹.

- (86) *Нине удалось найти и преданную добрую собаку.*
 (87) *Петя смог решить все задачи.*
Три мальчика сумели убежать.
 (88) *После долгих уговоров Виктору удалось убедить Нину в необходимости купить новую стиральную машину.*
Нина все-таки забыл майку, пока уже легла на поду.

Метаглаголы «УСПЕВАТЬ» (89) и «ОПАЗДЫВАТЬ» (90) подчеркивают не само повлечение *P*, а то, в какое время или за какое время оно было достигнуто. В зависимости от характера *P*, они выражаются разными лексическими способами (89–91). Пример (92) показывает, что в ряде контекстов разница между «УДАВАТЬСЯ» и «УСПЕВАТЬ» нейтрализуется.

- (89) *Петя успел решить все задачи за полчаса. / Петя справился со всеми заданиями за полчаса.*
Мы пришли на вокзал вовремя. // Мы успели на поезд / и отпущу поезда. // Мы не опоздали на поезд.
 (90) *Мы опоздали на поезд. / Мы не успели на поезд. / Мы не пришли вовремя на вокзал.*
Мы пришли на вокзал уже после отхода нашего поезда.
 (91) *Я успел позвонить до обеда. / У меня было достаточно времени, чтобы позвонить до обеда.*
У меня не было времени позвонить до обеда.
 (92) *Сергей успел / сумел / смог убеждать учителя дураком.*
Петя не смог / не сумел / не успел решить все задачи за полчаса.

Рассмотрим еще в этой связи возможный метаяглагол «СМЕТЬ». В значении «иметь смелость сделать *P*» он недалеко от метаяглагола «УДАВАТЬСЯ» (93). В обоих значениях есть элемент «могло бы быть и не-*P*, но все-таки *P*». Если выделение метаягглагола «СМЕТЬ» оправдано, его можно считать проявлением заверительной фазы.

- (93) *Нина посмела высказать Сергею все, что думала о нем.*
Виктор не смел противостоять Нине.
Она набралась храбрости и прыгнула в холодную воду.

6.3. Каузация

Анализ Каузации является одним из самых проблематичных вопросов в описании языка⁵².

Мы уже касались некоторых проблем, связанных с исследованием Каузации. Во-первых, не всегда каузация трактуется как самостоятельный смысловой элемент, а некоторые каузативные выражения считаются неделимыми. Так, например, передача не считается каузацией обладания (см. 1.4). Во-вторых, каузация состояния или свойства (уменьшения, увеличения) и создание объектов (спиритов, язмана) описываются при помощи одного только ядра, в связи с чем в семантической структуре нет модификатора, а есть каузативное погружение (см. концепцию вторичных предикатов в разделе 4.2).

Каузация обозначается в виде модификатора в том случае, когда Агента Каузации (S_{caus}) более или менее непосредственно воздействует на событие. Глубинные предикаты при нем могут указывать, например, на действие (1), изменение духовного или эмоционального состояния (2), изменение локации (3) или состояния природы (4):

- (1) *Нана заставила Петю выстирать ее белье.
Виктор разрешил детям выйти на улицу без ямок.
Нана попросила Виктора заполнить маленькую декларацию.
Виктор уговорил Нану пойти в кино.
Нана проинтервьюировала Виктора продолжая аспирантуру.*
- (2) *Нана привела Виктора в ярость.
Высокотермие Нюра раздражила Виктора.
Хорошая игра Оли вызвала восторг у зрителей.*
- (3) *Оли пустила мяч в противоположную сторону.
Петя не останавливался крокетометры от лавки.*
- (4) *Собака вызвала пожар.
Дождь похитил пожар.*

Следует также обратить внимание на то, чем модификатор Каузации отличается от каузальных метасюжетов. Если говорящий хочет выразить причину появления R_{caus} , то речь идет о модификаторе Каузации. В случае же, если говорящий хочет дать объяснение положению дел P , то в семантической структуре следует выделить метасюжет (см. 8.3). Так, например, предложения (5) отвечают на вопрос, что вызвало R_{caus} , а предложения (6) — на вопрос, почему P . Соответствующие словосочетания $\{(S_{\text{caus}}; R_{\text{caus}}) [P]\}$ и $\{[P] \text{ ТАК КАК } [R_{\text{caus}}]\}$.

- (5) *Сильный дождь вызвал потепление хлеба.
Политика реформ, проводимая Горбачевым, привела к тому, что консервативные силы решили совершить государственный переворот.*

Неудельноводная политика министерства финансов причиняет необратимый ущерб деятельности университета.

- (6) *Хлеба колхоза вследствие сильного дождя.
Консервативные политики решили совершить государствен-
ственный переворот, так как они больше не могли терпеть
политику реформ, проводимую Горбачевым.
Деятельности университета будет причинен необратимый
ущерб, потому что министерство финансов ведет недаль-
новидную политику.*

Существует разные семантические варианты Каузации. Во всех присутствует каузативный металагел, у которого есть Агенса, не совпадающей с Агенсию ядра семантической структуры. Разновидности Каузации могут встречаться и при одних и тех же P (7).

- (7) *Нина заставила Виктора выстирать ее одежду.²⁴
Нина препитомонила Виктору стирать ее одежду.
Нина уверила Виктора выстирать ее одежду.
Нина разрешила Виктору выстирать ее одежду.
Нина запретила Виктору стирать ее одежду.
Нина позволила Виктору выстирать свою одежду.
Нина научила Виктора стирать свою одежду.*

Чистая каузация «ВЫЗЫВАТЬ»

Начнем рассмотрение разновидностей Каузации с самого непосредственного и нейтрального вида воздействия, который мы назвали ЧИСТОЙ КАУЗАЦИЕЙ. Она обозначается металагелом «ВЫЗЫВАТЬ», способным модифицировать ядро самых различных семантических структур. Обычно каузитором является целое предложение деп $P_{C_{int}}$, которое на поверхностном уровне может быть репрезентировано одним лишь существительным (8). В этом случае у Каузации нет непосредственного Агенса, но у каузирующего положения деп он есть. В некоторых случаях, в частности при Каузации динкоция, нет смысла предполагать $P_{C_{int}}$ как каузитор, присутствует только каузирующий Агенси $A_{C_{int}}$ (9).

- (8) *Подарок Урсулы очень порадовал Петю.
Лесной шум успокаивает душу.
Вид на море делает многих людей счастливыми.
По своей невнимательности сосед причинил боль собаке /
ученику поспор.*
- (9) *Петя пустил мяч по склону.*

Факитивная каузация: «ОБЯЗЫВАТЬ»

Второй тип Каузации, называемый нами ФАКТИВНОЙ, отличается от Чистой каузации тем, что при ней действие, совершаемое $A_{\text{кау}}$, приносит ту или иную пользу $A_{\text{суб}}$. В некоторых случаях речь идет о действиях, которые, по мнению говорящего, должно было быть совершено Агентом Каузации. Для обозначения этого смысла в русском языке нет прямого лексического или грамматического способа. В связи с этим приводим пример из финского языка, в котором есть словообразовательный способ для передачи этого смысла (например, *pesä* – ‘мыть’, *pesettää* – ‘обязывать мыть’; или основной глагол финского действия *tehdä* – ‘делать’, *teettää* – ‘обязывать делать’) (10). В другом виде Факитивной каузации $A_{\text{суб}}$ является клиентом, пользующимся той или иной услугой. В русском языке в этих случаях употребляется обычный глагол действия без -ся или с -ся (11), а в финском языке, как правило, глагол с факитивным суффиксом (*ompeuttaa*, ср. *ompeella* ‘шить’; *ajuttaa rattaita*, ср. *ajaa rattaita* ‘бриться’).

- (10) *Nina pesettii likkansa Viktorilla*
(бука. ‘Нина стирала-ФАКТИВ свои чулки у Виктора’)
- (11) *Nina syntyi (selle) в аптеке пошу пошу.*
Nina забрился у парикмахера.

Деонтическая каузация: «ЗАСТАВЛЯТЬ»

Метаглагол «ЗАСТАВЛЯТЬ» имеет явный модальный (деонтический) оттенок. От модального спецификатора Необходимости (ср. 6.2) он отличается тем, что при Каузации эксплицитно выражен Субъект Каузации или он явствует из контекста (12); предложения данного типа семантически сближаются с предложениями со значением факитивной каузации. Если же в предложении нет Агенса каузации и это вообще нельзя индивидуализировать, тогда в семантической структуре, в соответствии с нашей трактовкой, следует видеть модификатор «НЕОБХОДИМО» (13):

- (12) *Viktor zastavil Ninu vozitъ drova.*
Nine ne dala drugoi vozmozhnosti, prozhe kak ostavitъ na postu direktora.
- (13) *Mne nuzhno bylo poitъ domoi.*
Rossin sleduet poitъ na kommandirovku в voynе в polozhenii Чехии.

Если вынуждающим фактором является P , говорящим выражается мысль, что из той или иной проблематичной ситуации можно найти только один определенный выход (14). В семантической структуре при этом присутствует метасема $\{(\text{Mod} = \text{НЕОБХОДИМО}) [P_1] \text{ТАК КАК } [P_2]\}$.

- (14) *Изменяющиеся обстоятельства заставили нас скорректировать нашу стратегию.
В этой ситуации мы могли только пойти дальше.*

Речевая клауза: «УГОВОРИТЬ»

Метаглагол «УГОВОРИТЬ» имеет семантические связи с некоторыми метаглаголами Речевой функции (ср., например: «ПОБУЖДАТЬ», «СОВЕТОВАТЬ»). Однако от них он отличается своим результиativным характером: P действительно осуществляется / осуществилось; при Побуждении и Совете внимание акцентируется на цели сообщения, без указания на обязательность осуществления P ¹². Подобно метаглаголу «ЗАСТАВЛЯТЬ», Субъектом при метаглаголе «УГОВАРИВАТЬ» может быть как $A_{\text{Сам}}$ (15), так и $P_{\text{Сам}}$ (16):

- (15) *Виктор уговорил Нину проанализировать за «зеленым».*
(16) *Примеры Виктора убедили Нину в необходимости проанализировать за «зеленым».*

С ситуацией уговаривания всегда связан элемент «что удалось сделать». От метаглагола «УДАВАТЬСЯ» (Стадия достижения цели, 17) «УГОВОРИТЬ» (Клаузаива, 18) отличается тем, что при Клаузаива «Экспериментер удача» не Агента P , а другое лицо.

- (17) *Оле удалось выиграть борьбу.*
(18) *Оле удалось уговорить Петю на свою сторону.*

Превентивная клауза: «ПРЕПЯТСТВОВАТЬ»

Метаглагол «ПРЕПЯТСТВОВАТЬ» выражает приблизительно следующий смысл: «выпытать то, что P не осуществится». На поверхностном уровне ядро семантической структуры может быть репрезентировано одним существительным (19); на семантическом уровне препятствование всегда направлено на целое положительное дел (≠Виктор препятствовал: пожар разгорелся):

- (19) *Виктор предотвратил пожар.*

В поверхностной структуре Агенса действия, которому $A_{C_{\text{main}}}$ препятствует, нередко является дополнением (20). Тем не менее при Каузации нет отдельного Объекта, а она направлена на все действие в целом $\{(\text{Сказ}; A) [R]\}$ или точнее: $\{(\text{Сказ}; A_{C_{\text{main}}}) [A_c; A_{\text{obj}}]\}$.

(20) *Нико не препятствовал Виктору пойти на курсы повышения квалификации.*

Сильный ветер мешает нам двигаться дальше.

Передане позицию препятствующего Субъекта занимает R; если в поверхностной структуре при этом названо только имя лица, к нему легко присоединить слова типа *своими действиями* (ср. 19 и 21). Однако, по-видимому, такая трактовка нецелесообразна в случаях, когда препятствование имеет непосредственный характер (22).

(21) *Своими действиями Виктор предотвратил пожар.*

(22) *Ветер не дает / не разрешает Оле пойти в кино / был против ее похода в кино.*

Пермиссивная каузация: «ПОЗВОЛЯТЬ»

Метаглагол «ПОЗВОЛЯТЬ» является антонимом метаглагола «ПРЕПЯТСТВОВАТЬ», т. е. выражает значение 'не препятствовать' (23). Кроме глагола *позволять*, есть и другие средства выражения этого значения (24)³⁶.

(23) *Виктор не препятствовал уходу Оли в кино. =*

Виктор позволял Оле пойти в кино.

(24) *Виктор дал Оле разрешение пойти в кино.*

Виктор оговорился Оле в кино.

По своему значению «ПОЗВОЛЯТЬ» сближается с метаглаголом «РАЗРЕШАТЬ», который выражает Речевую функцию (25). Разница между ними в том, что при Каузации мы даем причинно-следственную рамку для R, а Речевая функция передает, с какой целью мы сообщаем о R.

(25) *Дал тебе разрешение / разрешил тебе пойти в кино.*

Ты можешь пойти в кино.

Прохибитивная каузация: «ЗАПРЕЩАТЬ₁»

Разницу метаглаголов «ЗАПРЕЩАТЬ₁» и «ЗАПРЕЩАТЬ₂» можно объяснить таким же образом, как разницу между «РАЗРЕШАТЬ»

и «ПОЗВОЛЯТЬ»: в первом случае у нас Речевая функция (26), во втором — Каузация (27). Напомним еще о том, что мы выделили метателексту «ЗАПРЕЩАЮ», выражающую Модальную фигу (28).

- (26) *Тебе нельзя курить.*
 (27) *Я запрещаю детям курить.*
 (28) *Здесь курить запрещено.*

Ассистивная каузация: «ПОМОГАТЬ»

Метаглагол «ПОМОГАТЬ» указывает на ситуацию, в которой Агенту Каузации помогает другому Агенту осуществить то или иное действие (29)¹⁷.

- (29) *Нина помогает Виктору осваивать новую компьютерную программу.*
Девя помогала Виктору и уборке.

Когда помощь не связана с выполнением конкретного действия, а указывает скорее на социальное отношение между людьми, соответствующее положение дел трактуется как простое (30).

- (30) *Виктор часто помогает своей матери.*

Агентом при метаглаголе «ПОМОГАТЬ» может быть также целое предложение дел. В этом случае действие, совершаемое $A_{\text{дел}}$ является как бы средством или видом помощи (31). Повержностный глагол *помогать* встречается также в предложениях, выражающих следствие (32).

- (31) *Нина помогает Виктору и мыть посуду, помывая посуду и сушить её насухо.*
 (32) *Хорошие знания языка помогают справиться с трудными ситуациями. (ср. Если хорошо знаешь язык, справишься с трудными ситуациями.)*

Каузация умения: «УЧИТЬ»

Когда x обучает y делать что-то, реализуется Каузация умения. Она обозначается метаглаголом «УЧИТЬ». Таким образом, «УЧИТЬ» означает 'вызывать то, что A умеет делать что-либо' (33).

- (33) *Виктор учит маму читать.*

Что касается предложений типа (34), то в них не следует усматривать Каузацию, они сопоставимы с предложениями типа (35).

(34) *Вакхер учит матьна математику.*

(35) *Вакхер показывает лосман сломку.*

6.4. Авторизация

Информация, выраженная адрес семантической структуры, уточняется при помощи Авторизации через указание на то, с чьей точки зрения рассматривается данное положение дел. Авторизация делится на три разновидности в зависимости от того, идет ли речь об авторе мнения, достоверности информации или ее оценке³⁸. В отличие от Речевых функций, при Авторизации главный акцент делается не на цели высказывания, а на том, о чьем мнении или наблюдении идет речь.

Перед тем как начать рассмотрение разновидностей Авторизации, прокомментируем отсутствие среди них восприятия. Повествовательные высказывания, в которых встречаются перцептивные глаголы (1), можно считать ядрами семантической структуры точно так же, как и высказывания, содержащие глаголы речи (2). В них можно видеть разные степени модальности³⁹. На наш взгляд, нет необходимости выделять ее как отдельную семантическую категорию, она является частью сферы выражения Достоверности сообщения. Более сложны для интерпретации высказывания, прямо передающие наблюдения или ощущения, основанные на наших органах чувств. Иногда это выражается эксплицитно (3), чаще выводится из контекста (4).

- (1) *Вакхер видит своего отца вчера на улице.
В этот момент я услышал ужасный крик.
Миллионы людей в мире видят по телевизору, как в 2001 году рухнула башня центра World Trade.*
- (2) *Вакхер узнал у отца, как он собирается провести лето.*
- (3) *Слышите: идет дождь?
(На палубе корабля.) Волну уже как остров.*
- (4) *Ворона ходит на крыше.
Там стоит какой-то странный человек.*
- (5) *Идет дождь.*

Высказывания типа (3) и (4) в принципе входят в общую тематику Авторизации: сообщение персонализируется, связывается с наблюдениями или ощущениями самого говорящего⁴⁰. Однако такого рода Авторизацию весьма трудно включить в общую систему опи-

своя языка, поскольку на практике сравнительно редко высказывания типа (3) и (4); часты, наоборот, случаи типа (5), когда мы не знаем точно, слышит ли говорящий доклад, видит ли он его или его сообщение основывается на каких-либо других источниках информации.

Автор мнения

При помощи метаблага «СЧИТАТЬ» выражается тот, кому можно приписать содержание P . Следовательно, мы имеем дело с автором данного P . Схематически это обозначается следующим образом: $\{(A_{\text{Aut}} = \text{СЧИТАТЬ}; A_{\text{Adv}}) [P]\}$. Таким образом, A_{Adv} считается Агенсиом выражения P ; с другой стороны, его можно называть и Автором мнения. Используя эту нотацию, схему можно придать более компактную форму. Так, если P является мнением Виктора, это можно обозначать кратко: $\{(A_{\text{Adv}} = \text{Виктор}) [P]\}$.

Метаблаг «СЧИТАТЬ» является нейтральным в том смысле, что он не указывает на какую-либо авторскую оценку положения дел. Само ядро семантической структуры может, например, содержать Характеристику (6) или же какое-нибудь другое положение дел. Как показывают приведенные примеры, существует сравнительно много языковых средств для выражения Мнения. Однако предложение (7) репрезентирует, пожалуй, самый типичный случай: положение дел представляется как факт, но на самом деле оно является мнением говорящего. В примерах (8) речь идет о Мнении другого распространенного типа: Автор мнения высказывает свои взгляды на то, что нужно или можно сделать.

- (6) *По мнению Ивана, Игорь красивый. / Иван считает Игоря красивым. / Иван думает, что Игорь красивый.*
Согласно убеждениям Сергея, бедные люди сами виноваты в том, что они бедны.
- (7) *Игорь красивый.*
- (8) *По-моему, мы должны обязательно купить акции «Номикс».*
По мнению Сергея, новую машину можно купить сразу же.
Я думаю, что в любой финансовой ситуации у нас просто нет другого метода, как сократить число сотрудников.

Интерпретация самого положения дел, а также того, кто стоит за ним, сильно ситуативна. Если мы слышим высказывание (9) из уст нашего коллеги по работе, мы предполагаем, что это его мнение. Если мы читаем его в газете или в учебнике по географии, мы относимся к нему иначе: мы понимаем, что речь идет не о мнении только

одного человека, а в более общем смысле, правда, читатели могут делать неодинаковые выводы по поводу распространённости данной точки зрения.

(9) *США — весьма недемократическая страна.*

Весьма часто Автор мнения неизвестен; тогда можно говорить об «общем мнении» или «общественном мнении». Для этого есть разные выражения типа: *общественно; существует точка зрения; чин; по мнению многих; сложилось мнение; чин; обычно думают; чин.* Очень часто широта распространённости того или иного мнения особо не оговаривается, говорящий предполагает, что это и так всем понятно.

Пример (10) представляет собой другой случай, где высказывание, собственно говоря, не содержит мнения автора. Здесь мы сталкиваемся с положением дел, для которого не может быть разных оценок, а просто являются разные сведения. Это будет ясно, если сравнить (10) с примерами (11). Таким образом, на этот раз в авторизирующей части семантической структуры нет Автора мнения, а есть Источник (S) того утверждения, которое содержится в P. По аналогии с $A_{\text{дан}}$ это можно обозначить $\{(S_{\text{дан}} = X) [P]\}$. Даже если $S_{\text{дан}}$ не выражено, как в (11–12), у нас тем не менее обычно имеется представление о том, кто он. Если председатель собрания высказывает (12), понятно, что он сам определяет данную дату. Если же рядовой участник собрания говорит (12) в коридоре, ясно, что он не автор данного сообщения, а услышал об этом от других или прочёл где-то. Когда излагаются такие энциклопедические факты, как в (13), любой слушатель понимает, что говорящий не сам их придумал.

(10) *По-моему, собрание начинается не в 6, а в 7 часов.*

(11) *Я читаю в объявлении, что собрание начинается в 7 часов.*

По словам Нины, собрание начинается в 7 часов.

Нина сказала, что собрание начнется в 7 часов.

(12) *Следующее собрание будет через неделю в понедельник.*

(13) *Столица США — Вашингтон.*

Желтого велосипеда нет.

Рассмотрим примеры (14). Русские в них не автор мнения, как в (15), не источник информации, а что-то другое. Их роль немного напоминает роль жука в примере (16). Для этой цели мы ввели в разделе 4.1 термин **ВЕЩНОЦЕНТРАЛ** (R^+). Продолжая аналогию, мы можем описать эти случаи семантически следующим образом: $\{(R^+_{\text{дан}} =$

«русские») [P]). Для сопоставления приводим еще пример (17), в котором отмечается эмоциональное отношение [R_{em}: E (= «русские»), O = P (= «тогда в Финляндии»)].

- (14) *Для русских Финляндия — прекрасная страна для отдыха.*
 (15) *Многие русские считают, что Финляндия — прекрасное место отдыха.*
 (16) *Бабушка звонила внукам на большом шуму.*
 (17) *Русским нравится отдых в Финляндии.*

Достоверность

Эпистемическая модальность (Mod_{ep}) охватывает смысловые элементы, указывающие на отношение говорящего к достоверности положения дел¹⁴. Решение вопроса о том, сколько степеней Достоверности целесообразно выделить, зависит отчасти от целей описания. Кроме того, и здесь нужно иметь в виду «разделение труда» между семантическим и поверхностным уровнями, т. е. в каких случаях можно предполагать наличие разных семантических категорий, а в каких речь идет о различиях в презентативных значениях, вызванных особенностями языковых средств.

Предложим один возможный вариант классификации Mod_{ep}. Она состоит из следующей шкалы:

- почти полная уверенность (высокая степень вероятности)
 умеренная уверенность (средняя степень вероятности)
 почти полная неуверенность (низкая степень вероятности)

Перед тем как рассмотреть более конкретно разные степени Достоверности, напомним о трех видах. Во-первых, Достоверность P — не параметр действительности, а элемент Авторизации: это субъективное мнение говорящего о вероятности P. Во-вторых, шкала разных степеней вероятности на самом деле не ступенчатая, а составляет континуум разных возможностей; три степени Mod_{ep} представляют собой, естественно, идеализацию этого континуума. В-третьих, лексические средства для выражения степеней Достоверности, как правило, по своему значению точны и в зависимости от ситуации могут быть использованы в разных функциях.

Поскольку практически все лексемы, с помощью которых выражаются степени Достоверности, полифункциональны, их употребление в качестве металексем затруднено. В связи с этим определим следующие металексемы: «ВЫСОКАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ», «СРЕД-

НЯЯ ВЕРОЯТНОСТЬ», «НИЗКАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ», для простоты употребим вместо слова *вероятность* его символ p (т. е. «ВЫСОКАЯ p » и т. д.). Их языковое выражение варьируется в зависимости от контекста, интонации и того положения дел, о котором говорится. Приведем для начала примеры, где P относится к будущему, так что полной уверенности в нем не может быть: Mod_{hp} = ВЫСОКАЯ p (18, 21), Mod_{sp} = СРЕДНЯЯ p (19, 22), Mod_{lp} = НИЗКАЯ p (20, 23).

- (18) Уверен, что будет дождь.
По всей вероятности, будет дождь.
- (19) Вероятно / Похоже / Возможно, будет дождь.
- (20) Скорее вряд ли будет дождь.
Кажется, дождя скорее не будет.
Возможность дождя в этом районе минимальна.
- (21) Уверен / Убеден, что Барсово когда-нибудь распадется.
- (22) Возможно, Барсово еще распадется.
Считаю вероятным, что Барсово в определенном будущем распадется.
- (23) Сомневаюсь, что Барсово может распасться / перестанет существовать.

Когда мы высказываем свое мнение о достоверности уже состоявшихся положений дел, указу вероятности нужно дополнить. Дело в том, что кроме отмеченных разновидностей Mod_{hp} , в этом случае можно подчеркивать утверждение или отрицание P . То же самое касается эпистемологических сведений. Выделим метаязыковую «ИСТИННО» (24). Она встречается также с отрицательным положением дел (25).

- (24) (Синонимически) уверен / убежден, что это была Нина.
Знаю точно, что это была Нина.
Так могли поступить только Нина.
- (25) (Синонимически) уверен / убежден, что это была не Нина.
Это не могли быть Нина.

Метаязыковая «ИСТИННО» возможна также касательно будущего, если речь идет не о предположении, а о точных сведениях по поводу будущих событий. Так, в (26) «ВЫСОКАЯ p », поскольку мы имеем дело с событиями, о которых у нас могут быть только предположения; зато у нас могут быть достоверные сведения о приезде президента (ср. 27), независимо от того, придет ли он на своем деле или нет. То же самое касается событий прошлого (28); и в этом случае мы можем ошибиться.

- (26) *Уверен / знаю, что Кузнецова выиграла / игроки «Норвич» скоро поднимутся / бабушка скоро выдворюется.*
- (27) *Знаю, что президент Путин придет в Екатеринбург 20 сентября.*
- (28) *Знаю, что счет был 2 : 4 / что это произошло не Александру Третьяку, а Александру Воякову.*

Особый тип выражения отношения говорящего к Достоверности P — свидетельственность, пересказываемость (эвиденциальность), о которой мы говорили в начале раздела 6.4. В этих случаях говорящим высказывается одновременно факт и сомнение в достоверности информации, потому что она получена «из вторых рук». Обычно выражен также источник, Автор информации, или он подразумевается из контекста. Для выражения неуверенности такого рода есть разные языковые средства: *мол, будто, якобы* и др. (29).

- (29) *Говорят, будто ты уезжаешь / будто бы они разошлись.
Она рассказывала, что брал ее, мол, был репрессирован в 1937 году и с тех пор она ничего о нем не знала.
Она думала, будто нас легко поймать.
В газете писали, якобы министр был арестован прямо в рабочем кабинете.
Знаюл сестра, дескать, пусть дети дружатсям и мой и деревню на лето.*

Оценка

Для человека часто важно не только то, о чем сообщается в ядре семантической структуры, он хочет также оценить это P . Самая очевидная и важная шкала при этом — по линии «скорости — плетсе». В философии вопросы этого рода рассматриваются в рамках аксиологии, в теории ценностей. В повседневной речи эти оценки имеют менее высокий и принципиальный статус, но тем не менее играют важную роль в человеческом общении. Автор мнения $A_{\text{мн}}$ может быть эксплицитно выражен (30) или нет. Тогда значение либо исходит от говорящего (31), либо, что более вероятно, является «общим мнением» (32)⁴². Схематически Оценка может быть описана так: $\{(\text{КОРОШО}; A_{\text{мн}}) [P]\}$.

- (30) *Я слышал, что прекрасна / жаль, если вообще не будет снега.
По-моему, здорово / дескать, что я скоро выйду на пенсию.*

По мнению Виктора, хорошо / плохо, что он узнал правду о Нике.

Многие люди убеждены: плохо, если приблизит к драматическим условиям.

- (31) *Призрачно, что доводи наконец-то кончатся / что пошел наконец-то дождь / что идет дождь.*

Великолепно, что мы опять собрались вместе.

Просто здорово, что Россия выиграла на чемпионате мира.

Очень жаль, что мы пропустили этот концерт.

- (32) *Очень хорошо, что во время «сталинской войны» смогли избежать прелестей мировой войны.*

Хорошо, что в Персидском заливе договорились о прекращении огня.

Как показывают примеры, Оценка может относиться к различным дел любого временного плана. Из примеров ясно и то, что «хорошо» и «плохо» имеют ряд вариантов, которые расширяют диапазон оценки, обычно усиливая ее. Кроме того, наряду с «ХОРОШО» и «ПЛОХО» существует и другие выражения оценки, например «ВАЖНО» (33) и «ОПРАВДАНО» (34). Полный список возможных метаконном давать преждевременно (назовем еще только одного кандидата: «ПРЕЖДЕВРЕМЕННО») (35) ⁹.

- (33) *Важно, чтобы все люди пришли на собрание.*

- (34) *Я считаю оправданным, что работники ознакомились со предложенной работодателями.*

Все считают, что фаворит заслужил победу у шведов.

- (35) *Считаю преждевременным говорить о выборах Путина в президенты на короткий срок.*

Оценка имеет переходные зоны с Модальной фазой. Пример (36) сравнительно ясно выражает Оценку, а (38) — Модальную фазу, а пример (37) находится между ними; скорее всего он входит в категорию Оценки. Соответственно можно истолковать примеры (39–41).

- (36) *Хорошо, если кончатся лонку вооружений. / Означенные лонку вооружения кончат много преимуществ.*

- (37) *Важно, чтобы закончили лонку вооружения.*

- (38) *Необходимо закончить лонку вооружения.*

- (39) *Хорошо, если придет вечер. / Плохо, если опоздает. / Означенные неправильно / метрилично.*

- (40) *Важно прийти вечером.*

- (41) *Необходимо прийти вечером.*

Рассмотрим еще случаи, когда интерпретация значений повествовательных глаголов зависит от актуальности / неактуальности положения дел. В примере (42) выражается Авторизация, а в (43) — Передача информации. Другими словами, (42) отвечает на вопрос, каково мнение Виктора, а (43) — на вопрос, что Виктор сделал.

- (42) *Виктор категорически осуждает применение оружия.* —
По мнению Виктора, применение оружия недопустимо.
 (43) *Виктор категорически осудил применение оружия.* —
Виктор выразил мнение, согласно которому применение
оружия недопустимо.

Необходимо также затронуть вопрос о связи Оценка (44) с Побуждением (45) и Модальной фазой Необходимости (46). Составление примеров показывает их тесную связь. Однако в них отмечаются и разные точки зрения, оправдывающие различия в их интерпретации.

- (44) *Жаль, что тропические леса уничтожаются!*⁶¹
 (45) *(Деломословными действиями:) Не уничтожайте тропические*
леса!
 (46) *Тропические леса не надо уничтожать.*

Примечания к шестой главе

¹ Как отмечает В. Б. Косович и В. С. Храмовский (1983: 26), семантическая структура предложения типа (1) может быть проинтерпретирована двояко, а именно как (2) или как (3). Мы, таким образом, предпочитаем интерпретацию (2). Тем самым можно упростить описание модификаторов: отпадает необходимость определять mencionado роли второго арганта метаглагола.

- (1) *Виктор заставляет Петю учить уроки.*
 (2) «Виктор ЗАСТАВИЛ Петю учил уроки»
 (3) «Виктор ЗАСТАВИЛ Петю: учил уроки».

² Основоположившими теорию речевых актов считаются Дж. Остин (Austin 1962) и Дж. Серль (Searle: многие публикации, например: 1976, 1979; ср. также Вежбицкая 1985). Рассмотрев данную проблематику с точки зрения преподавания языка, Д. А. Уилкинс (Wilkins 1976: 41–54) говорит о «категориях коммуникативной функции». Развитие теории речевых актов с точки зрения описания русского языка представлено в (Арутюнова 1976: 45–62). Подробная типология и систематизация коммуникативных актов представлена в работе (Гордещая 2003).

³ О ролях Адресата см. (Формановская 1998: 99–105).

⁴ Как констатирует Н. Д. Арутюнова (1990: 175–176), различным реакциями (контролируемыми) респондам в теории речевых актов уделяется оп-

несколько мало внимания, несмотря на то что с ними связаны многие особенности.

⁵ И. Б. Шагуновский (1995: 158–165) различает, кроме ряда других речевых актов, *Сообщение*, *Констатацию* и *Объявление*. Действительно, можно найти контексты, где различия между ними ощутимы. Однако в большинстве случаев трудно увидеть различия. В качестве метаязыка мы выбрали из этого ряда самый нейтральный глагол «СОБЩИТЬ».

⁶ А. А. Мясленникова (2003: 68–75), рассматривая риторические вопросы, приводит в другие встречающиеся в литературе термины: *псевдовопрос* (Ростан), *ложный вопрос* (Балли), *вопрос без спрашиваемого и без спрашивающего* (Гадмер), *вопрос без вопросительной силы* (Лоч).

⁷ Выделение информативных и верификативных, с одной стороны, и общих и частных вопросительных предложений, с другой, делается во многих работах. Еще более детальную классификацию можно найти, например, в Академической грамматике (Шведова 1980 II: 394–396).

⁸ Обширный конкретный материал, представляющий разные варианты побуждения, описан в работе (Безменова 2002).

⁹ Императивные и побудительные предложения различных языков как со структурой, так и с функциональной точки зрения рассматриваются в (Хризовской, Володин 1986; Императив 1988; Баркотта, Хризовский 1990, 1992; Болдаров 1996; Долгикова 1992; Vijālin, Xrižovskij 2001; Van der Auwera и др. 2004). Русскому императиву посвящена монография (Баркотта 1994).

¹⁰ Русские перформативные глаголы, связанные с речевыми актами, рассматриваются, в частности, в (Агроски 1980: 30; 1988: 75–78; Касимова 1989; Михлев 1990; Калита 1994; Кустова, Падучева 1994; Падучева 1994; Кресач 1998, 2002; Формановская 2001).

¹¹ Пример взят из работы (Кустова, Падучева 1994: 30). Авторы приводят и другие примеры такого же рода (1–2). Это редкий случай, когда перформативное значение передается не от первого, а от третьего лица. В данной речевой ситуации присутствуют Адресат и посыл Посредник, который передает слова настоящего Агенса речевого акта.

(1) *Вам благодарят Вас за книгу.*

(2) *Моя желает вам счастливого пути.*

¹² Проблемы речевого этикета посвящены многие работы Н. Н. Формановской (см., например: 1982b: 3–16). В своих учебных пособиях она описывает темы, связанные не только с чисто «общим» учетом. Так, например, в книге (1982a) рассматриваются следующие формы речевого этикета: обращение, приветствие, знакомство, приветствие, прощание, поздравление; пожелание; благодарность; приглашение; просьба; приглашение; совет; предложение; упреки; сочувствие; соболезнование; намекание; одобрение; разговор по телефону. Хотя некоторые из данных тем рассматривает и теория речевых актов, они тем не менее имеют одно принципиальное отличие: описание речевого этикета основывается в рабо-

тад Фермановской на ситуативном подходе. Типология речевого этикета представлена в работе (Кронгауз 2004a).

¹² Здесь, как и при восприятии, употребление перформативного глагола в повествовательной структуре представляется табуированным, ср. (1):

(1) **Приветствую вас: «Доброе утро!»*

М. Ю. Михов (1990: 224) объясняет это тем, что пилотутивная сила такого сообщения выключается в без перформативного глагола: вместо не скажет *Доброе утро!* в других случаях, кроме приветствия.

¹³ Раскрытие ФС в направлении прагматических факторов может быть осуществлено по-разному. Пример того, как можно систематизировать некоторые прагматические функции говорящего, представлен в работе (Клеин 2007).

¹⁴ Отношение Тензоральной фазы к Каузальной фазе всего проявляется в выраженных типах (1), с «каузализованном измерении действителю»:

(1) *Мой брат довел свою диссертацию до конца на прошлой неделе.*

В соответствии с принципами ФС, в семантической структуре такого предложения присутствует метаглагол «КОНЧАТЬ», но повествовательная структура придает данному предложению дополнительной смысловой оттенок по сравнению с предложением (2):

(2) *Мой брат начал писать свою диссертацию на прошлой неделе.*

¹⁵ Понятие спонтанности обычно рассматривается в обиход рамках модальности (см., например: Баронен, Корде 1990). Другие понятия, используемые в этом контексте, — РЕАЛЬНОСТЬ / ИРЕАЛЬНОСТЬ и ПОТЕНЦИАЛЬНОСТЬ (Болдаров 1990г; Клеин 1998; ср. также Парикова 2000a, 2002a, 2003a). В лексическом и типологическом плане эти проблемы подробно рассматриваются в (Плунгин 2004б; Урманцева 2004a, б).

¹⁶ Одну из первых классификаций Предварительных стадий (или ПРОГНОСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ) можно найти у Д. Вундерлика (Wunderlich 1970, 1971).

¹⁷ Разные этапы целесообразной деятельности рассматривает В. М. Труб (1983), выделяя практическое рассуждение, планирование, решение, планирование и действие.

¹⁸ Имеется в виду английский глагол *to be*. В английском языке существуют, естественно, и другие синонимичные глаголы (например, *to attempt, to believe, to live*; ср. Wade, White 2004). Если в данном случае речь идет не об абсолютном смысле значений этих глаголов, то по крайней мере о высшей степени диффузности значений.

¹⁹ Модальность рассматривается в сетях публикаций. Перечислим некоторые из них, где модальность, по крайней мере отчасти, рассматривается с функциональной точки зрения: (Bevan 1922; Adams 1978: 93–139; Kobbetová, van Peteghem 1983; Добанова, Слесарева 1984; Deib 1988). Многосторонней теоретической анализ различных средств выражения

модальности содержится в книгах (Залозова 1973: 140–157; ТФГ 1990: 59–243).

²¹ О средствах выражения возможности см., например (Белкина 1990a).

²² Теоретические вопросы, связанные с выравниванием необходимости, рассматриваются, в частности, в (Каболова, Лауфер 1990; Цейтлин 1990; Туровская 1990; Булыгина, Шмелев 1991). Модальности должностности посвящены работы (Туровская 1998, 2003).

²³ Русские фазисные глаголы рассматриваются, в частности, в (Белорусов 1989: 195–202; Падучева 2004a: 179–202); обстоятельная таксономия этих глаголов дается в (Шмелева 1989: 45–101, 144–168). С контрастной точки зрения средства выражения фазы исследованы, в частности, в (Gladkov 1989; немецкий — русский языки) и (Tonello 1984; финский — русский языки). «Фазовость» как семантическая категория описывается в (Храковский 1987). Следует отметить, что в данной работе — как и в ряде других — фазовость считается одним из проявлений аспектuality. Мы не отрицаем возможность такого толкования, но нам представляется, что целесообразнее придерживаться узкого понимания Аспектuality как спецификатора предиката, а Темпоральная фаза не только уточняет предикат ядра, но модифицирует *P* более основательно, расширяя ядро новым элементом, напомнимось, в частности, модальными модификаторы.

²⁴ Ю. Д. Апресян (1995: 36) считает, что общим компонентом значения всех фазисных глаголов является смысл 'начинать': переставлять *P* = 'начинать не *P*'; продолжать *P* = 'не переставлять *P*' = 'не начинать не *P*' (ср. также: Сильницкая, Сильницкий 1983: 41).

²⁵ Метаглаголь «ПРЕКРАЩАТЬ» отличается от инфинитива «КОНЧИТЬ» тем, что при нем сильнее акцентуруются другие смысловые элементы, помимо чисто временной локализации события: «прекращать внезапно / преждевременно / не доводить до конца». В связи с этим вопрос ПОЧЕМУ? всегда связан только с прекращением, но не с окончанием (действие можно было бы продолжать, кон оно должно было продолжаться), хотя в повременной структуре возможен и тот и другой глагол (1):

- (1) *Почему вы прекратили бесить / читать книгу?*
Почему вы перестали бесить / читать книгу?

Таким образом, употребление повременных глаголов, соответствующих метаглаголю «ПРЕКРАЩАТЬ», всегда предикат положительно дел дикламический характер.

Предложение (2) указывает на начало процесса, а в случае (3) действие должно было быть доведено до определенного конечного пункта.

- (2) *Массажистка начала делать Ивану массаж.*
 (3) *Массажистка прервала массаж, так как в итоге у Ивану массажистки спавший друг.*

Различаются два типа прекращения: «прекращать преждевременно совсем, окончательно» и «прекращать на время» (= «отрывать»). В связи с

этим можно выделить — если это целесообразно с точки зрения подробности описания — два метасягала: «ПРЕКРАЩАТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО» (4) и «ПРЕКРАЩАТЬ НА ВРЕМЯ» (5).

(4) *Девочка прервала игру, когда начался дождь, дома остались делурья еще несколько минут.*

(5) *Девочка приостановила игру на то время, пока идет дождь.*

²⁰ О значении русского глагола *продолжать* см. (Душтыня, Шыслас 1982: 112).

²¹ Х. Томпала (Tomppala 1984: 115–117) констатирует, что с моментальными и результитивными глаголами может быть связан некий «процесс начала» (1):

(1) *Я заболею, заболела.*

²² Метасягала «НАЧИНАТЬ» и «КОНЧАТЬ» не употребляются при лективных положениях дел даже тогда, когда они являются контролируемыми, что отражается и в поперечных структурах (1). Состояние может быть представлено как следствие результитивного положения дел (2).

(1) **Я начал сидеть рядом с любимой.*

(2) *Я вошел к любимой / оказался рядом с ней.*

²³ Об употреблении фактивных глаголов в бытовых предложениях см. (Арутюнова, Шарвап 1983: 44–47).

²⁴ Группу модально-темновых глаголов выделяет, в частности, Г. А. Золотова (1982: 158; Золотова и др. 1988: 79).

²⁵ Принятая нами классификация семантически неоконченных глаголов, обозначающих модальную фазу, отчасти базируется на работе (Сальникова, Сальникова 1983). В рамках семантической модели «замысел — осуществление замысла» описываются модальные глаголы русского языка и (Чернова 1997; см. также (Хансен 1998)).

²⁶ Проблематике клаузиры посвящен сборник «Типология клаузирных конструкций» (Холодкович 1989). Теория русских клаузирных конструкций обсуждается, в частности, в (Золотова 1973: 278–297; Арутюнова 1978: 167–178).

²⁷ Явные семантически (конверсивные) связи между модификатором клаузиры и глубинным союзом «ТАК КАК» поднимают вопрос о том, как они должны быть описаны с точки зрения «причастической» функциональной грамматики: возможно, целесообразным окажется их рассмотрение в рамках одной главы, хотя при системном подходе, соблюдаемом в настоящей книге, они отделены друг от друга. Сказанное касается также других подобных случаев.

С функциональной точки зрения причинно-следственные отношения в русском языке рассматриваются в работе (Васильцова, Яценко 1988); интерес представляет также теоретическая классификация причинно-следственных отношений, предложенная Ю. С. Степановым (1991).

³⁴ Как видно, предложения типа (1) допускают две интерпретации относительно референта местоимения *сын*:

(1) *Моя мать хотела Виктора выдать за своего сына.*

³⁵ Как отмечает, в частности, М. Я. Глазновская (1991: 18), в русском языке различие между иллюкутивными (в ФС — *False*), см. (1), и перилокутивными (*Sincere*), см. (2), речевыми актами нередко выражается видом глагола.

(1) *Я уверовал от выдан замуж за Александра Ивановича.*

(2) *Я уверовал от выдан замуж за Илюра.*

³⁶ О русских первичных глаголах см. (Подлесная 2004).

³⁷ О семантике глагола *показывать* — *показыв* см. (Арутюнова 1976: 151).

³⁸ Появление инверсии в русском оперирует в первую очередь Г. А. Залотова (1973: 220–221, 263–278; Залотова и др. 1998: 279–302). Вслед за ней данное понятие исследуется, в частности, в работах (Воскологова, Шувалова 1988: 139–158; Липова 1991a, b; Воскологова 2000b: 221–223, 302–305).

³⁹ О засвидетельствованности в русском языке см., в частности, (Конищева 2000). Как известно, есть языки, в которых выражение модальности грамматикализованно (см., например: Наушкин 2000a: 321–323).

⁴⁰ Отношение между чувственным восприятием и знанием расширяется, в частности, в (Ивановски 1988).

⁴¹ Средства выражения исторической модальности в русском языке рассматриваются, в частности, в (Селезнев 1988; Бельева 1990; Шатуновский 1988, 1996).

⁴² Когда Автор знания экзистенциально не выровнен, нередко трудно бывает определить, чье это знание (1):

(1) *В настоящее время хорошо знают несколько языков.*

Есть много хороших языков для здоровья.

Хорошо, что Восточный Тимор известен независимостью.

По-видимому, существование таких языковых средств, которые могут быть использованы для неэкзистенциального выражения той или иной мысли, в частности, Автор знания, обусловлено коммуникативными потребностями говорящих.

⁴³ Многие смысловые элементы, относящиеся к выражению мнения, так или иначе связаны с понятием общественной нормы (данная тема широко обсуждается Н. Д. Арутюновой (1988)), даже если это не выражено эксплицитно. В предложениях (1) речь явно идет также и о мнении говорящего: он считает, что в возрасте десяти лет обычно не читают Тургенева и что перед обедом необходимо мыть руки.

(1) *Еще в возрасте десяти лет он читал все произведения Тургенева.*

Он даже не мыл руки перед обедом.

Т. М. Николаева (1988а) относит выражения этого типа к сфере Являющей диалогичности.

При выражении мысли может быть также допущено пренебрежение: например, говорящий может употребить слово *всегда*, хотя и не подразумевает при этом действительно «всегда». Так, предложение (2) имплицитно, что адресат речи, по мнению говорящего, главным образом интересуется возрастом других людей. Такие высказывания распространены в повседневной речи, особенно при выражении упрека (3) или неодобрения (4).

(2) Ты *всегда* сравниваешь в возрасте других людей.

(3) *Вечно* ты забываешь выключить свет!

Почему ты никогда не замечаешь, если на мне видно что-то новое?

(4) *Мам* каждый день опаздывает на работу в новом парике.

Ты все время / без конца меняешь свое мнение!

⁴⁰ Социально как речевой акт в русском языке обсуждается в (Саленчук 1988).

7. Спецификаторы

Как уже было сказано выше, спецификаторы определяют не все ядро семантической структуры, а ее отдельные элементы, предикаты или аргументы, а также метаягенты и аргументы модификаторов. Спецификаторы подразделяются на основные и дополнительные. Основные спецификаторы относятся прежде всего к предикату и потому играют весьма существенную роль в общем значении семантической структуры. Основные спецификаторы — это ОТРИЦАНИЕ, ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ и АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ. Дополнительные спецификаторы или уточняют аргументы, или специфицируют значение предиката менее существенно, чем основные спецификаторы. К дополнительным спецификаторам относятся ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ, КОЛИЧЕСТВО, МЕСТО и спецификатор ОБРАЗА и СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ.

7.1. Отрицание

Отрицание или, говоря более обобщенно, выражение того, утверждается или отрицается положение дел, является основополагающим элементом семантической структуры. Мы исходим из того, что спецификатором считается ОТРИЦАНИЕ (Neg), а не утверждение / отрицание. Таким образом, утверждение особо не отмечается в семантической структуре, оно подразумевается в том случае, если не отмечено отрицание.

С онтологической точки зрения отрицание является относительно простой категорией: либо определенное положение или его элемент есть, либо его нет. Отрицание обозначается символом Neg, который относится или к предикату (1), или к его аргументу (2). Эту разницу отражают разные местоположения Neg в схеме семантической структуры: $[Ac_{L_1} (Neg) A, L]$ $[Ac_{L_2} (Neg) A, L]$. На поверхностном уровне соответствующими понятиями являются общее и частное отрицание¹. К тому же отрицание может быть прикреплено к любым другим элементам семантической структуры, в том числе к модификатору (3) или другому спецификатору (4). Соответствующие схемы: $\{[C_{\text{ан}} (Neg) A] [P]\}$ и $[Ac_{L_2} A, L, (Neg) (\text{Ориентир времени} = \text{вчера})]$.

- (1) *Нина не пришла.*
- (2) *Пришла не Нина.*
- (3) *На этот раз Нина не оставила Вадима ждать ее.*
- (4) *Нина пришла не вчера.*

Как правило, в разных языках можно найти прямые средства для выражения отрицания. Что касается русских показателей отрицания, в их употреблении отмечается немало явлений, вызывающих интерес у лингвистов. Это, например, падеж дополнения и подлежащего в отрицательных предложениях (5)¹ или сфера действия отрицательной частицы в тех случаях, когда отрицание относится к определенному члену предложения (6)².

- (5) *Несмотря на все усилия, мы не нашли в магазине чая / чай.
Для кого не существует приятельский / для кого приятельский не существует.*
- (6) *Я не считаю русский язык трудным.*

Несмотря на широкую четкость понятия отрицания, при его определении возникают проблемы, в связи с тем что любое утвердительное высказывание может быть интерпретировано как отрицание чего-то другого. К тому же в тех случаях, когда говорящий хочет выразить отрицательное значение, он может прибегать к косвенным и имплицитным средствам его представления. Поэтому иногда трудно решить, следует ли на семантическом уровне предполагать наличие отрицания или нет. Данную проблематику можно проиллюстрировать следующими примерами. В предложениях (7–8) отрицание выражается лексически, в предложениях (9) оно связано с модальными (в широком понимании слова) значениями, а со значениями предложений (10) связана отрицательная коннотация³.

- (7) *Налево-то я без долгов. (= «нет долгов»)*
- (8) *Я провалился на экзамене. (= «не сдал»)
Нина вела себя. (= «не говорила правду»)*
- (9) *Должен сумасшедший, если жеманит на актрисе. (= «не следует этого делать»)
У нас трудности с финансированием. (= «недостаточно денег»)*
- (10) *Если бы я нарушил свое обещание, я сразу сказал бы тебе об этом. (следовательно: «не нарушил»)
Он говорит по-английски как настоящий англичанин. (следовательно: «он не настоящий англичанин»)
Я думаю, что он покепер. (следовательно: «он не покепер»)*

Приведенные примеры заставляют задаться вопросом, нужно ли в ФС учитывать языковые средства, с помощью которых выражается отрицание (в данном случае в русском языке). В главе 2.2 мы определили вашу позицию относительно прямых и косвенных способов выражения разных значений. Тогда было сказано, что в лингвистических описаниях в рамках ФС и те и другие должны быть учтены, тогда как намекать нецелесообразно, иногда практически и невозможно включить в описание. На наш взгляд, приведенные примеры относятся не к намекам, а к косвенным способам выражения отрицания, поскольку их правильное понимание не требует от слушателя особой ситуативно обусловленной интерпретации. Таким образом, они в принципе входят в группу описываемых нами явлений. У них, однако, другой «недостаток»: они образуют достаточно обширную группу с точки зрения употребляемых языковых средств. Представляется, что, несмотря на это, они должны быть все-таки по возможности включены в описание средств выражения отрицания. Это не просто, поскольку данные языковые средства нелегко поддаются систематизации. Рассмотрим для иллюстрации примеры (8) выше. На первый взгляд, круг глаголов с «отрицательным значением» кажется сравнительно очевидным (кроме отмеченных, например *забыть* = «не помнить»). Однако в конкретных речевых ситуациях их значения также могут содержать значение отрицания, как в (11).

- (11) *Странно много человек из-за болезни, но на этом раз он сидит немаяк.* (= «не провалялся»)

Во многих естественных речевых ситуациях Отрицание может быть выражено как отрицательной частицей, так и другими средствами (12–14). Таким образом отмечается чисто ситуативная синонимия. В экспрессивных выражениях Отрицание иногда передается разными устойчивыми выражениями (15).

- (12) — *Она еще ходит на тренировки?*
— *Нет, она перестала / прекратила / бросила ходить / уже не ходит.*
- (13) *Вана разлюбила Виктора / уже не любит Виктора.*
- (14) — *Гости еще там?*
— *Нет, они ушли / их уже нет.*
- (15) *Даст он тебе деньги, ведь!* (= «Он ни в коем случае не даст тебе деньги»)

При описании средств выражения отрицания обычно обращается внимание на усиленное и двойное отрицание. С семантической

точка зрения усиленные Отрицание (16) в принципе не отличается от сложных случаев с другими компонентами семантической структуры, включающие при себе ИНТЕНСИФИКАТОР (17). Что касается двойного отрицания, оно представляет собой своего рода подчеркнутое утверждение (18).

- (16) *Виктор по вечерам **никуда** не ходит.
Виктор **совсем** не умеет плавать.
Сегодня **совсем** не голодно.
Это **далеко** не первый раз.*
- (17) *Он **еще** **совсем** молодой.
Новая машина Сергея **очень** дорогая.*
- (18) *Не могу не согласиться с вами.
Нана была не в силах не посмотреть на Игоря.*

Сравним еще примеры (19) и (20). Оказывается, что положения дел в (19) те же самые, что и в (20), но в них сказано «еще больше». Это своего рода авторитетный элемент: «я подтверждаю категоричность / обобщенность этого положения дела».

- (19) *Воды не хватает на пол.
Врчи не может сделать этого.
Все проблемы являются разрешимыми.*
- (20) ***Нисколько** воды / **Воды** **совсем** не хватает на пол.
Ни один врач не сделает этого.
Ни одна проблема не является неразрешимой.*

С Отрицанием мы возмем дело также при определении некоторых семантических метатеглов (например: «ПРЕПЯТСТВОВАТЬ», «ПРЕДУПРЕЖДАТЬ»); отсюда следует, что отрицание при них не нужно специально обозначать в семантической структуре, оно «инкорпорировано» в метатегле.

7.2. Генеральность

Несмотря на то, что понятие времени в нашей повседневной жизни является более или менее ясным, с его языковой интерпретацией связано немало различных проблем. Одна из них — его связь с семантической категорией Аспектуальности. Трудности вызывает как осмысл этих понятий на семантическом уровне, так и определение языковых средств, которыми они выражаются. На промежуточной «территории» между этими понятиями находятся, в частности, по-

второящиеся положения дел. Что же касается используемых языковых средств, то нередки случаи, когда значения, выражаемые в русском языке видами глагола, передаются в других языках временными формами глагола (ср. 1–2 а и б). В русском языке анализ примеров затрудняется полифункциональностью глагольных форм. Особенно сильно это чувствуется в глагольных формах простого будущего времени (см. 3).

- (1а) *Kosha Viktor amat posudy. Nina slusala radio.*
 (1б) *While Viktor washed the dishes, Nina watched television.*
 (2а) *После того как Виктор мыл посуду, он пошел в магазин.*
 (2б) *When Viktor had washed the dishes, he went to the shop.*
 (3) *Виктор скоро вымоет посуду.*

Хотя Темпоральность и Аспектуальность нередко выражаются (особенно в русском языке) полифункциональными языковыми средствами, как семантические категории они отличаются друг от друга. Темпоральность отражает отношение положения дел к тем или иным «релевантным точкам» на временной оси, между тем как Аспектуальность определяет внутренний характер положения дел в том отношении, является ли оно ситуативным, процессуальным, динамическим, результативным или моментальным. Так, например, предложения (4–5) совпадают по Темпоральности, но отличаются друг от друга по Аспектуальности.

- (4) *Nina pročitala roman za tri časa.*
 (5) *Nina vyčitala roman tri časa.*

Мы выделяем в рамках спецификатора Темпоральности следующие разновидности: (СОБСТВЕННО) ВРЕМЯ, АКТУАЛЬНОСТЬ / НЕАКТУАЛЬНОСТЬ положения дел и ПОВТОРЯЮЩИЕСЯ положения дел. Кроме того, можно выделить ВРЕМЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ положения дел (например: «вчера», «в шесть часов», «с понедельника до пятницы»).

Собственно время

При описании (собственно) Времени рассматривается локализация положения дел относительно определенных точек отсчета на временной оси. Реальные ситуации в мире всегда имеют место в определенный момент. Расположение этого места на временной оси постоянно меняется; того момента, который только что был, сейчас уже нет. Соответственно, говорящий, выражая актуальное положение

ние дел, лежащее в основе его высказывания, помещает его на какой-либо точке временной оси. То место на временной оси, на котором располагается положение дел, называется ВРЕМЕНЕМ СОБЫТИЯ (E). Рассматриваются положения дел ТОЧЕЧНЫЕ (символ *) и ДЛИТЕЛЬНЫЕ (символ —). (Отметим уже сейчас, что в описании аспектуальных значений положений дел используется более точное обозначение; здесь при рассмотрении временных характеристик предикатов достаточно этих двух символов.)

В русском языке Время обычно выражается временными формами глаголов. Как было уже сказано, тем самым отвечает и Аспектуальность (6). Для сравнения приведем соответствующие примеры на финском языке, в котором нет грамматической категории будущего времени и в связи с этим Время (а тем самым и Аспектуальность) выражается падежом дополнения. Пример (7a) соответствует русскому (6a), а пример (7б) — (6б). Иногда на Время указывает контекст, например частицы или наречия (ср. 8a и 8б)⁷.

(6a) Я покупаю машину.

(6б) Я купил машину.

(7a) Ostaen ('покупать', наст. время) autoa ('машину', partitiivi).

(7б) Ostin ('покупать', наст. время) auton ('машину', akkusatiivi).

(8a) Minä olen idässä ja tällä hetkellä.

(8б) Minä olen tällä hetkellä ja idässä.

На временной оси, помимо времени события, отмечаются еще точки двух типов: МОМЕНТ РЕЧИ (S) и одна или несколько МОМЕНТОВ РЕФЕРЕНЦИИ (—|—) (R). Если моменты референции являются равными друг другу, образуя ПЕРИОД РЕФЕРЕНЦИИ, то это обозначается символом —|—|—. Если же имеется два самостоятельных момента референции, то один из них является первичным (—|—), а другой — вторичным (—|—).

По отношению момента речи и времени события различаются три основные разновидности Времени (Temp). Если время события совпадает с моментом речи, это НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ. Если время события предшествует моменту речи, это ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ. Если время события следует за моментом речи, это БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ.

Названные выше смысловые элементы могут быть обозначены следующим образом: прошедшее время — (Temp = E S), настоящее время — (Temp = S = E), будущее время — (Temp = S E). Вместо буквенных символов можно употребить и английские термины: (Temp = PRESENT), (Temp = PAST) и (Temp = FUTURE)⁸.

Приведем схемы и примеры, иллюстрирующие указанные выше основные разновидности Времени. Время изображается в схемах в виде отношения, условно говоря, «оси» события к временной оси.

Наиболее ясным случаем **НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ** ($T_{\text{свр}} = S=E$) является такой, когда момент речи совпадает с моментом референции и временем события (9). Графическое изображение требует пояснения. Дело в том, что момент референции является точным; настоящее время не имеет временной протяженности. Зато положение дел, о котором сообщается, не может быть точным. Таким образом, предполагается, что положение дел имело место и до момента речи и после него, но релевантно только то, что оно имеет место в момент речи⁷. Момент референции («сейчас», «в настоящий момент») обычно не называется, поскольку он само собой разумеется.

- (9) положение дел: —————
 время: —————S—————

Виктор съезжает беге.

На улице холодно.

Нина простужена.

Эх, я весь в поту!

Положения дел данного типа не могут быть моментальными. Как только мы говорим о моментальных положениях дел, мы выходим за пределы настоящего времени (10).

- (10) *Я сейчас армяк.*
Он только что армяк.

В случае «расширенного настоящего» статуальное положение дел уже имело место определенное время и продолжает по-прежнему иметь место (11).

- (11) положение дел: —————
 время: ————+—————S—————

Виктор съезжает беге уже два часа.

У нас стоял мороз с начала месяца.

В зависимости от того, является время события точным или длительным и / или имеется при этом один или два момента референции, могут быть выделены четыре основные разновидности **ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ** ($T_{\text{свр}} = E \neq S$) (12–15). Обозначение момента референции не всегда задано эксплицитно; оно может явствовать из контекста («тогда», «в тот момент»).

- (12) положение дел: $\overset{*}{\quad}$
 время: $\text{---}| \text{---} S \text{---}$

*Вчера был осуществлен рейс в три часа ночи.
 Я устал с постели в этот момент, когда часы пробили двенадцать,
 Вирс родился вконец.*

- (13) положение дел: $\overset{*}{\quad}$
 время: $\text{---}| \text{---}| \text{---} S \text{---}$

*Ночью я устал с постели,
 Нина родилась в декабре.
 В один прекрасный летний день Нина объявилась Игорю в любви.
 Проникнув летом мой брат прыгнул в яму на 5 метров
 34 сантиметра.*

- (14) положение дел: ---
 время: $\text{---}| \text{---} S \text{---}$

*Вчера в это время я был еще в Москве.
 В шесть часов утра Нина уже работала над своим уроком.
 Гость сидит на диване,
 Виктор стирал белье.
 На улице было холодно.
 Вчера мы так спокойно спали, вирс прошептал что-то
 страшное: картин сам по себе поднимается на высоту одного
 метра (так называемое «настоящее историческое»).*

- (15) положение дел: ---
 время: $\text{---}| \text{---}| \text{---} S \text{---}$

*Вечером я постелил в кровать свежие газетки.
 В четверг Нина много работала.
 Летом мы армеец окупил в Ялте.*

Возможна и такая комбинация разных временных моментов, при которой положение дел имеет место после момента основной референции, но до момента речи (16).

- (16) положение дел: $\overset{*}{\quad}$
 время: $\text{---} || \text{---}| \text{---}| \text{---} S \text{---}$

Он не знал мысли, что уже на следующий день должен был поехать.

В БУДУЩЕМ ВРЕМЕНИ (Тепер = S E) положение дел следует после момента речи. Существуют четыре основные разновидности будущего времени (17–20).

- (17) положение дел:
 время:

Нина вернется в три часа.

Урсула позвонит Пете в воскресенье в полдень пилота.

- (18) положение дел:
 время:

Нина вернется завтра.

Урсула позвонит Пете в воскресенье.

- (19) положение дел:
 время:

Я буду работать и в воскресенье.

Я завтра напишу письмо бабушке.

- (20) положение дел:
 время:

К 2020 году на поверхность Марса ступит нога человека.

Существует и ряд других возможностей сослаться на будущее время, в том числе и такая: положение дел началось уже до момента речи, а продолжается в будущем (21). Такие случаи близки к фактическим выражениям с метаглаголом «ПРОДОЛЖАТЬ», однако он придает несколько иной оттенок положению дел, подчеркивая его «второе начало».

- (21) положение дел:
 время:

Думаю, что будем собирать чернику еще долго.

(ср. Продолжим собирать чернику до вечера.)

Остановимся еще на одном случае, когда в русском языке вид глагола участвует в выражении времени. Имеется в виду ЛИМИТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ совершенного вида; оно проявляется, когда к однословным глаголам со значением стативного состояния или процесса присоединяется приставка *не-* или *до-*. Первая из названных приставок сообщает глаголу дополнительный оттенок 'не-

которое время' (22), а вторая — значение 'заполнить определенное время действием' (23)⁹.

(22) Я *встал*, потом начал работать.

(23) Я *проехал* там два года.

Присоединение данных приставок к глаголу не влияет на изменение аспектуального класса положений дел: оно не становится при этом динамическим или результативным. Временные значения (Тотр) данных положений дел, по-видимому, также не отпадают от временных значений, выражаемых бесприставочными глаголами: и в том и в другом случае время события охватывает весь период референции (24).

(24) положение дел: —
время: $\begin{array}{c} | \text{---} | \text{---} S \end{array}$

Девы спали всю ночь / десали всю ночь.

Девы проспали всю ночь / послали десаль всю ночь.

На наш взгляд, употребление совершенного вида в подобных случаях весьма часто обусловлено организацией повествования, в частности таковыми характеристиками положений дел (25; см. подробнее раздел 10.2).

(25) Она *вернулась* домой, *встала* и *начала* готовиться к экзамену.

Нана подошла к двери, *вставила* музыку и *вошла* в комнату.

Неактуальные положения дел

В предыдущих главах мы неоднократно должны были обращаться к концепции актуальности / неактуальности положений дел, что свидетельствует о важности данной дихотомии. При классификации предикатов в разделе 4.2 мы предварительно определили данные типы положений дел, были также упомянуты другие термины, используемые в этом или приблизительно в этом же значении: локализованность / нелокализованность во времени, нисходящность / нисходящность, ситуативность / аситуативность.

Как это часто бывает с лингвистическими понятиями, и здесь трудно провести четкую границу между актуальными и неактуальными положениями дел. И те и другие могут продолжаться длительное время. Актуальные положения дел (действия, процессы или со-

стояния) иногда даже длиннее (26), чем неактуальные (27). Значит, длительность предложения дел не может быть решающим критерием при определении этих семантических категорий.

- (26) *Ивановы строили дом уже два года.*
Ваня так же у меня курит: курит так же уже целый месяц!
У меня болела голова уже почти две недели.
- (27) *Степанов был маляком только два дня.*
У него каждый день болит голова другого цвета.

Самый лучший способ отграничения неактуальных положений дел от актуальных — это тест, о котором шла речь в разделе 2.1. В нем описывается конкретная ситуация (например: *Когда Виктор вчера пришел домой, ...*), а потом в этот контекст вставляются предложения, описывающие другие положения дел. Если они возможны (*Наша была львиной / смотрела телевизор и т. д.*), то мы имеем дело с актуальным положением дел, а если невозможны, то с неактуальным (*Наша любила морозное / узнала вещь*). Однако надо признать, что и этот тест не всегда дает однозначные результаты.

Вообще неактуальность означает, что положение дел мыслится как абстрактное¹⁰. Самой типичной разновидностью неактуальных положений дел являются истины логики и математики (28), классификационные (29) и генерализованные (30) утверждения, а также «почти вечные» характеристики предметов или явлений (31).

- (28) *Два плюс два — четыре.*
- (29) *Армянский язык стоял в чисте индоевропейских языков.*
- (30) *Голова не существует.*
Все мужчины — смерны.
Самый — одно из самых узнает жеманит.
- (31) *Температура кипения Селена — 15 миллионов градусов.*

Приведенные высказывания описывают положения дел, явно не имеющие временной локализации; об этом свидетельствует, например, тот факт, что они с трудом сочетаются со словом *раньше*. Но по отношению к времени они несколько отличаются друг от друга. Истины логики и математики (28) самые а-tempоральные; их можно считать по-настоящему вечными. Достоверность классификационных и генерализованных положений дел (29–30) имеет свойство меняться в истории человечества; можно найти также культуры, в которых люди так не думают. Однако существенно то, что сами конструкции предназначены для выражения неактуальных, постоянных положений дел. Разные мнения или изменения

взглядов могут быть отражены в Авторизирующей части семантической структуры (*Рыные думан / Живети этого острова счи- ланом, чмо...*). Что касается последнего примера (31), температура Солнца, действительно, не всегда была одинаковой и не будет через несколько миллионов лет именно такой. Однако временные границы этих изменений так велика, что теряет практическую значимость для говорящего.

Для всех рассмотренных выше примеров характерна определенная невременность; в связи с этим они в большинстве контекстов не могут быть ответами на вопрос КОГДА? Если же мы рассмотрим неактуальные положения дел другого типа, такой вопрос возможен, когда обстоятельство времени контрастирует с тем или иным временным планом¹¹. Приведем примеры сначала касательно прошедшего (32) и будущего времени (33). В отличие от актуальных положений дел, неактуальное положение дел обозначается пунктирной линией.

(32) положение дел: -----
 время: ————|—————S—————

*Еще год тому назад брат Нины был холостяком.
 Когда-то волосы у отца Нины были черные как смоль.
 Несколько лет тому назад Урсула была еще маленькой де-
 вочкой, а сейчас она уже почти взрослая женщина.
 Еще пять лет тому назад Нина безумно любила Виктора.
 Не было ли у вас раньше машины красивого цвета?*

(33) положение дел: (-----)-----
 время: ————S—————|—————

*Думаю, что Петя через некоторое время будет лучше сво-
 его отца.
 Уверен, что, когда ему исполнится 40 лет, он будет еще не
 лезлым.*

Неактуальные положения дел встречаются также в настоящем времени (34). Они могут иметь контрастивный характер, но не обязательно. Еще один возможный тип: подчеркивается то, что вышеш- нее положение дел имело место и раньше (30).

(34) положение дел: -----
 время: ————S—————

*Нина хорошо говорит по-английски.
 Брат Нины теперь / в настоящее время лезлым.*

Отцу Нины еще лень.
Отцу Нины уже сидой.

(35) положение дел:

Начиная со вторника для Нины работает директором школы.

Еще в детстве Виктор интересовался пением.

Уже в детстве Нина хорошо говорила по-английски.

Неактуальные положения дел обозначаются символом (Тотпр = ABSTR). Актуальность положения дел особо не отмечается.

Повторяющиеся положения дел

Различаются две основные разновидности Повторяющихся положений дел: ФРЕКВЕНТАТИВНЫЕ (Тотпр_ф), повторяющиеся более чем один раз, и УТУАЛЬНЫЕ, повторяющиеся регулярно (Тотпр_у)¹². Между данными разновидностями нет четкой границы. И при той и при другой возможен вопрос КАК ЧАСТО? Начнем с утуальных положений дел, выходящих точки сопереживания с Неактуальными положениями дел.

Действительно, различие между Актуальными и Неактуальными положениями дел сводится почти к минимуму в случае УТУАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ДЕЛ¹³. В принципе границу между неактуальностью и утуальностью можно определить следующим образом: неактуальные положения дел описывают постоянные свойства Нейтралов или классифицируют их по разным критериям, см. (36); утуальные же положения дел указывают на регулярно повторяющееся действие или на ту или иную привычку, см. (38). Однако нередко границу между этими двумя категориями провести бывает трудно, см. (37).

(36) *Она играет в команде «Локотиты» / является игроком команды «Локотиты».*

Виктор ест только вегетарианскую пищу / является вегетарианцем.

(37) *Нина ест правой рукой, хотя она левша.*

Виктор всегда пьет кофе без сахара.

Она собирает свои волосы в узел.

(38) *По субботам Оля играет в баскетбол.*

На завтрак Виктор ест хлеб с маслом.

*Нина всегда сидит в школе на скамейке.
В жару даже Нина ходит без рубашки.*

Что касается третьей группы (38), то игра, завтрак и поездка в школу явно связаны с определенными моментами на временной оси, тогда как жара по-другому ограничивает ситуацию. Вторая же из приведенных выше групп (37), по-видимому, отличается от третьей группы тем, что та или иная привычка не связана с ситуацией, имеющей определенные временные рамки. Хотя еда и кофеинные и являются часто происходящими действиями, но они как таковые не связаны с конкретными моментами на временной оси; они представляются, таким образом, на более абстрактном уровне. В связи с этим предложения группы (37) следует, на наш взгляд, относить к числу неактуальных положений дел¹⁴.

Что касается средств выражения утраты, во многих языках в этой функции широко употребляются наречия и предлово-подлежащие конструкции (39). В русском языке (в отличие от некоторых других славянских языков) повторяемость выражается несовершенным видом даже тогда, когда речь идет о результативном действии (40). Неактуальное положение дел, указывающее на постоянную привычку, в русском языке может быть выражено одним несовершенным видом (41).

- (38) *Нина часто покупает сладости.
Нина обычно спит лежа.
Нингда Нина спит лежа.
Раньше Нина ходила к Игорю по окрестностям.*
- (40) *Нина читала / прочитывала такие романы за три часа.*
- (41) *Он ходил / приходил к нам, но больше не ходит.*

Близко к утрате стоит понятие фреквентативности. В ФРЕКВЕНТАТИВНЫХ положениях дел указывается на то, сколько раз они имели (имеют) место¹⁵. На количество указывает также другой спецификатор, а именно спецификатор Количества (см. раздел 7.5). Чтобы объяснить их различие, посмотрим следующие примеры (42–46)¹⁶.

- (42) *Три солдата поспали. / Трое солдат поспали.
Девя леги спать.*
- (43) *Нина сразу прочитала всю книгу.
Группа «Бабушки» исполнили свой последний гимн «Дайте Европе мир».*
- (44) *Нина прочитала все три газеты подряд.
Группа «Бабушки» исполнили три песни.*

- (45) *За последний год Нана прочитала три романа.*
 (46) *Петя трижды победил в этом максималном турнире.
 Нана встречалась с Игорем в прошлом месяце три раза.
 Петя дважды бывал в Германии.*

Когда в положении дел больше одного Агенса (или Субъекта другого типа), остоственное всего предположить, что количество приписывается не предикату, а агенту, т. е. ($Tetr_{pr_1} = 1$) (42). То же самое касается примеров (44); это решение подтверждает их сопоставление с примерами (43). Таким образом, и здесь у нас не ($Tetr_{pr_1} > 1$), а ($Quant > 1$). Зато примеры (46) — самые типичные в выражении фреквентативности; в них встречается показатель *раз* (больше чем один раз) и на поверхностном уровне. Что же касается примера (45), очевидно, его также следует отнести к этой категории.

Фреквентативность в значении ($Tetr_{pr_1} > 1$) встречается у всех типов предикатов. В примере (47) — Действие, в (48) — Процесс, а в (49) — Состояние. Возможны и такие случаи, когда повторяется Неактуальное положение дел (50).

- (47) *На-из травмы Касаткин сделал только три прыжка.*
 (48) *Земой я катался на лыжах раз весте.*
 (49) *У меня в этом году уже дважды была оспа.*
 (50) *За время своей карьерной жизни мой брат был жетман четыре раза.*

В русском языке фреквентативность может быть выражена также при помощи глагольных суффиксов (51). Однако те же суффиксы могут указывать также на процессуальные положения дел (52)¹⁷. Если утальность выражается словообразовательными средствами, утальные положения дел нередко облекаются с фреквентативными (53).

- (51) *Нана время от времени подглядывала на Игоря.*
 (52) *Нана все время подглядывала на Игоря.*
 (53) *Игорь подглядывал продукты в супермаркете.*

Временные ориентиры положения дел

Временные ориентиры разделяются на три основные группы в зависимости от того, обозначают ли они точечное время (*в два часа*), временную рамку (*завтра, во вторник*) или период (*с понедельника до субботы*)¹⁸. Кроме того, можно различить относительное время (*через два дня*) и абсолютное время (*23 августа*), хотя разница не всегда существенна. Дело в том, что, если сегодня 23 августа и мы

говорим *Встретимся 25-го*, указанное время получает относительный характер; тем самым, приведенное высказывание равняется высказыванию *Встретимся через два дня*. Есть языковые выражения, специализирующиеся на обозначении относительного времени (*завтра, на прошлой неделе, в будущем году, на следующий день, два года тому назад, после войны*). Относительное время имеет свои точки сопоставления с Такесом (см. 8.2).

Как уже выяснилось, одно из проявлений точечного времени, настоящего время, может быть отнесено к стативным и процессивным положениям дел (54). Как только мы имеем дело с результативным или моментальным положением дел, точечное время переносится в план «моментально следующего, ближайшего» будущего (55) или «только что прошедшего» прошлого (56). В случае точечного времени, не связанного с моментом речи, возможны разные по типу Аспектуальности положения дел (57).

- (54) *У Виктора болит голова.*
(по телефону) — *Что вы сейчас делаете?* — *Смотрю телевизор.*
- (55) *Я сейчас прыду.*
- (56) *Он только что / уже прыгнул.*
- (57) *В два часа ночи раздался гром / в ту же минуту кончился роман Петеньки / было уже светло / и наконец-то дождик пошел.*

Временная рамка отличается от периода тем, что внутри нее возможны единичные результативные и моментальные положения дел (ср. 58 и 59). Выражением особой относительной временной рамки можно считать конструкции с предлогом *к* (*ко вторнику, к завершению дела*). При этом временная рамка начинается с момента речи или момента референции, а кончается в назначенное время; в течение этого времени Р должно произойти. Такие высказывания часто связаны с обещанием или намерением сделать что-то (60).

- (58) *В пятницу у нас уехала большая группа / и дождит роман Петеньки.*
- (59) *С пятницы до субботы у нас уехала большая группа / и дождит роман Петеньки.*
- (60) *Петя обещал, что / придет к 12 часам.*
Я собираюсь закончить курс к началу / до начала учебного года.

Выражения временной рамки в русском языке варьируются (*к пятнице, весной, на этой неделе, в 2004 году* и т. п.). В обозначении

периода тоже есть варианты, но они с семантической точки зрения значимы, сигнализируя начало, исход (с утра, после душа) или конец периода (до утра, по 23-е) или же весь период (с утра до вечера, между 4 и 7, всю субботу, два часа, на два часа). Относительное время выражается, в частности, предлогами до (61), после (62), (по-лу) назад (это послепол) (63) и через (64), а также их синонимами.

- (61) Мы ждем здесь еще до войны.
Перед завтраком я узнал о смерти своего отца.
(62) После пяти все казалось невыносимым.
Мы познакомились друг с другом только после нашей свадьбы.
(63) Неделю тому назад я еще был в Москве.
(64) Через неделю я уже буду в Москве.

Выражения с предлогом на можно считать заимствованными: с их помощью передается синтетически план будущего (65).

- (65) Бабушка Виктора приехала к нему на неделю (= пришла к Виктору и собирается пробыть у него неделю.)

Когда временной ориентир ясен из контекста, его можно не маркировать. В случае настоящего времени им является «сейчас», «в настоящее время» или «теперь» (66), в случае прошедшего времени — «тогда», «в тот момент» (67); допустимы и другие трактовки (68).

- (66) Директор у себя в кабинете?
Дождь льет как из ведра.
Я ужасно устал. / Падал с ног от усталости.
(67) Я был уверен, что был не в силах помочь тебе.
Мы сидели на балконе и любовались заходящим солнцем.
(68) Отпуск был хорошим? (тот отпуск, который только что кончился)
А сестры Ульяны участвовали? (в турнире, о котором идет речь)
Росские были сильнейшей нацией (в свое время)
Я безуспешно приду. (в следующий раз, на следующее собрание)

Интересным с точки зрения временных ориентиров представляется случай, когда подчеркивается отсутствие такого элемента. Тогда важно не время происшедшего, а имело (имеет) ли оно место вообще. В данной функции в русском языке широко употребляется несовершенный вид с общефактическим значением. Аспектуальные

характеристики этих случаев, как правило, входят в разряд терми-
нальных или результативных положений дел (ср. раздел 7.3). Таким
образом, следовало бы ожидать употребления глаголов совершенно-
го вида. Глаголом же несовершенного вида как раз и передается то,
что положение дел не прикреплено к какой-либо конкретной точке
на временной оси (69).

(69) Ты смотришь фильм «Клужанка»?

Для того, чтобы проникнуть глубже в эту проблему, следует вы-
делить два равнозначности общефактического значения. Если срав-
нить предложения (70) и (71), можно заметить, что временные от-
ношения, выражаемые в (70), совпадают с теми, которые выражают-
ся в (69). Это как раз тот случай, когда положение дел имело место
до момента референции, вопрос же, когда именно это было, является
несущественным. Обозначим в этом случае временную ось пунктир-
ной линией. Поскольку время события не имеет точной проекции на
временную ось, мы оставляем его необозначенным. В предложении
же (71) подчеркивается, что до указанного времени был момент, ко-
гда данное положение дел имело место, но не известно или не реле-
вантно, когда именно. Обозначим эту равнозначность общефактиче-
ского значения вопросительным знаком на временной оси. Ср. этот
случай с примером, где встречается конкретный временной ориен-
тер (72) ¹².

(70) положение дел: —
время: —————S-

Мы уже обедали.

(71) положение дел: —
время: ———?———S-

Мы когда-то обедали в этом ресторане.

(72) положение дел: —
время: ———|———S-

Мы обедали в этом ресторане год тому назад.

Отсутствие временных ориентеров и нефиксированность в опре-
деленном месте временной оси свойственны предикатам разного ти-
па (73).

(73) Ты когда-нибудь плавал с лодкой?

Отец Нины даже писал две книги.

Ты когда-нибудь (пять раз) был в США?

Ты когда-нибудь (в своей жизни) был счастливым?

Я однажды даже был в тюрьме.

Выше были рассмотрены случаи, когда описываемое положение дел имело место до момента речи²⁰. Что касается будущего времени, то в нем труднее отличить друг от друга смысловые оттенки представленных выше типов. По-видимому, можно различить по крайней мере следующие случаи: (74) — констатация возможного поравнения; важно не то, когда мы его повторим, важен сам его факт (как результат в конце игры); (75) — констатация того, что этот терминальный процесс когда-нибудь, в неопределенном будущем будет иметь место; (76) констатация того, что наступит определенный момент, когда говорящий осуществит свою угрозу²¹.

(74) положение дел *
время —S—

Мы проиграем матч.

(75) положение дел —
время —S—

Я обязательно буду читать / прочитаю это письмо.

(76) положение дел *
время —S—T—

*Я еще покажу тебе! Ты можешь еще вспомнить! / Я еще до-
берусь до тебя!*

7.3. Аспектуальность

В разделе 4.2 мы уже коснулись вопроса об аспектуальных разрядах положений дел, а в разделе 2.1 уделили внимание трудностям при определении данной семантической категории. Ее сложность связана с несколькими обстоятельствами. Во-первых, смыслы, входящие в сферу Аспектуальности, имеют менее конкретные соответствия в действительности, чем многие другие семантические категории. Во-вторых, даже в тех языках, где выражения аспектуальных значений грамматикализованы (например, в славянских), Аспектуальность встречается не изолированно, а вместе с показателями Времени. В-третьих, употребление показателей Аспектуальности ре-

гулируется не только функцией выразить аспектуальные значения, но те же самые языковые средства участвуют в выражении Такисиса и в структурировании текста.

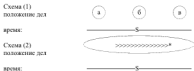
В настоящем разделе мы постараемся уточнить нашу концепцию Аспектуальности. На основе сказанного уже очевидно, что Аспектуальность — семантическая категория; ее характеризует та же асимметрия формы и значения, что и другие семантические категории: аспектуальные значения передаются не только видовыми формами глагола, и соответственно видовые формы имеют не только аспектуальные значения ²².

Если Темпоральность, «используя» три референциальные точки, определяет место положения дел по отношению к временной оси, то Аспектуальность характеризует внутреннюю структуру положения дел и его протекание во времени. На основе того, как *P* во время события ($t_{\text{д}}$) относится к *P* во время $t_{\text{д-1}}$, выделяются три основные разновидности Аспектуальности. Если в *P* не произошло никакого изменения, это Состояние (символ: —) к если произошло градуальное изменение, это Процесс (>>>>>>), а если произошло существенное изменение в *P* или во время $t_{\text{д-1}}$ вообще не было *P*, то это Поворотный момент (*). Покажем это на конкретном примере.

Игорь > Игорь выбе- > Игорь > Игорь прибе- > Игорь в
был дома жал из дому бежал жал в магазин магазине

В приведенном примере два Состояния («Игорь дома», «Игорь в магазине»), два Поворотных момента («Игорь выбежал из дому», «Игорь прибежал в магазин») и один Процесс («Игорь бежал (в магазин)»).

Последовательность тех или иных положений дел на временной оси не обязательно означает, что они имеют между собой аспектуальную зависимость. Покажем это, используя следующие слова. Предположим, что мы строим дом. Схема (1) представляет, например, ситуацию: вчера мы положили пол в одной комнате (а), сегодня мы лакируем его (б), а завтра будем красить потолок (в). Таким образом мы представляем их как отдельные положения дел, которые с аспектуальной точки зрения никак не связаны. Схема (2) символизирует, в свою очередь, высказывание *Я уже давно строю дом, надеюсь доокончить его к концу года*. На уровне действительности соответствующая ситуация состоит из многих отдельных процессов и событий, но говорящий упоминает их как одно целое, имеющее «аспектуальную внутреннюю структуру».

На основе трех основных типов Аспектуальности выделяются следующие аспектуальные ряды положений дел²³:

только состояние	————	статуальные положения дел
только процесс	>>>>>>	процессуальные положения дел
только поворотный момент	*	моментальные положения дел

Рассмотрим более детально эти случаи.

Согласно определению, в СТАТУАЛЬНЫХ²⁴ положениях дел ничего не происходит. На месте Субъекта в прототипическом случае стоит Экспериментер или Наблюдат (1).

(1) —————

Исторю холодно.
Нана была в восторге от случившегося.
От Игоря падает человек.
Собаке хочется есть.
Дорога была грязная.
На улице ветрено.
На столе лежали бумажки.

Процессы, как фазы хода событий, имеют более живой динамический характер, чем состояния: при них всегда что-то происходит. Прототипическим способом выражения ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ положений дел является конструкция с непереходными глаголами, обозначающими действия (2).

(2) >>>>>>

Нана шла по парку.
Петя так сильно смеется, что у него трясется живот.
Путин разговаривал со своим министром о борьбе с терроризмом.
Умаривший старик стоял от боли.

*Сытая кошка мурлыкала на подоконнике.
Собака лаяла во дворе.*

Однако процессуальные положения дел могут выражаться также переходными глаголами, особенно если дополнение не указывает на цель или на результат действия (3). Если же дополнение указывает на цель или результат действия, то соответствующее положение дел может быть либо процессуальным, либо динамическим.

(3) *Нина пошла на прогулку.*

Как уже было сказано, процессуальные положения дел характеризуются некоторой «активностью» по сравнению со стативными положениями дел. Это может создать неверное представление, что критерием их разграничения является наличие или отсутствие контроля со стороны Агенса семантической структуры. Однако это не так, процессуальное положение дел также может быть неконтролируемым (4).

(4) *Степн выскла по заказам Виктора.
В аудиториях летали букашки-самолетики.
Из окна выскла вода.
На улице шел мокрый снег²⁰.*

Стативное положение дел как таковое может скрывать в себе изменение. Так, например, положение дел, описываемое в предложении *Малень болелте краснухой*, в реальной действительности не является, по всей вероятности, статическим, а проходит разные сменяющиеся друг друга стадии. Однако существенно то, что говорящий представляет его как стативное: он сообщает, в каком состоянии маленький находится. Процесс изменения статического состояния нередко выражается при помощи особых глаголов изменения (5).

(5) *Болельте малень все усиливается и усиливается.
Насторожение Нины по и дело немается.
Число студентов-иностранцев на нашей кафедре увеличилось.
Интерес к изучению русского языка во многих странах падает.*

Отношение статических составных к времени является противоречивым. С одной стороны, они имеют не пунктуальный, точечный, а длительный характер. С другой стороны, для них (как правило) характерен сильный дефисизм, т. е. указание на определенную времен-

ую и пространственную локализацию. Первая из названных черт является аспектуальной, а вторая — темпоральной.

В определенном смысле к переходному типу между состояниями и процессами относятся также положенные дел, в которых Агенис категории I контролирует действие, но при этом ничего не происходит. На наш взгляд, такие положенные дел все же ближе к процессам, чем к статическим состояниям (ср. 6 и 7).

(6) *Виктор моет посуду, а Иван сидит в кресле.*

(7) *Ивану приходится, а Иван сидит в кресле в легком платье.*

Сложное предложение (6) в целом можно трактовать как ответ на вопрос ЧТО ТАМ ПРОИСХОДИТ?. С нашей точки зрения, в подобных случаях глаголы со значением состояния выражают процесс. Если же они отвечают на вопрос ГДЕ НАХОДИТСЯ X?, тогда они указывают на статические положения дел (8)²⁶.

(8) *Виктор сидит на полу, а Иван — в кресле.*

Рассмотрим третий основной тип Аспектуальности — МОМЕНТАЛЬНЫЕ положенные дел. В них Р не было во время t_{0-1} и его существование не предполагается также во время t_{1-1} ²⁷. Мир в целом после Р остается в таком же виде, в каком он был и до Р. Положенное дел имеет мгновенный и однократный характер, оно не приводит к статическому состоянию нового типа. На временной оси наблюдается лишь скачок к новому положению дел, а потом возвращение к предыдущей ситуации. Моментальные положенные дел могут следовать одно за другим без каких-либо процессов или состояний между ними (9). Они широко используются для описания сюжета. Кроме того, они могут представлять собой своего рода мгновенные события на фоне процесса (10) или состояния (11).

(9) * * * * *

Татьяна мерно вымывала и выжимала в душе Александрю. Александрю выключил, вырвался про себя и громко крикнул: «Вода, моя милая Катя!».

(10) *

>>>>>>

Когда Игорь мыл посуду, кто-то вывалил в душе.

(11) *

В это было совсем тихо, когда Игорь вымывал.

Названные три аспектуальных ряда положений дел покрывают только часть встречающихся аспектуальных вариантов. Дело в том, что широко распространены также их комбинации. Выделяются следующие типы²⁶:

процесс, направленный на поворотный момент	○○○○○(*)	ДИНАМИЧЕСКОЕ положение дел
процесс, достигающий поворотного момента	○○○○○*	ТЕРМИНАЛЬНОЕ положение дел
поворотный момент, за которым последует статическое состояние	* ———	РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ положение дел

Прежде чем перейти к рассмотрению выделенных аспектуальных значений, отметим, что «однокомпонентные» аспектуальные значения (статическое, процессуальное, моментальное) характеризуют прежде всего постоянные свойства ряда предикатов. Таким образом, они не меняются по аспектуальным признакам, а данные особенности являются их постоянными чертами. В отличие от них, «двухкомпонентные» аспектуальные значения, как правило, встречаются как варианты одного и того же предиката.

Уточним также сущность поворотного момента (*). Собственно говоря, он имеет несколько иное толкование в моментальных положениях дел по сравнению с теми случаями, когда он является частью двухкомпонентного аспектуального значения. Дело в том, что само название «поворотный момент» лучше характеризует как раз последний случай, а в моментальных положениях дел он имеет условный характер.

Начнем рассмотрение комбинированных аспектуальных значений. ДИНАМИЧЕСКОЕ положение дел можно определить, сравнивая примеры (12) и (13). Оба высказывания указывают на процесс, но они отличаются друг от друга тем, направлен ли процесс к определенному конечному пункту или нет²⁷.

(12) *Игорь бежал во дворе.*

(13) *Игорь бежал в магазин.*

Данное различие имеет важное значение при выделении класса динамических положений дел. Он может быть определен следующим образом: при динамических положениях дел (в отличие от процессуальных) действие предвигается к определенному конечному пункту, о достижении которого, однако, не говорится²⁸. В связи с этим в динамических положениях дел различаются фазы и степени,

т. е. они продвигаются. Процессуальные же положения дел являются в этом отношении более гомогенными — их разные фазы не отличаются друг от друга или, если и отличаются, то различие между ними является нерелевантным. В «аксентуальной слемме» динамических положений дел эта особенность отмечается звездочкой (поворотный момент) в скобках.

- (14) <ооооо>(*)
Петя шел будочку.
Нина распаковывала коробку.
Петя писал письмо.
Нина молчала минуту в парке.
Птица летела в округе леса.

Как показывает последний пример, существование поворотного момента не связано с тем, имеет или не имеет предикат Объект (или дополнение на поворотовном уровне)¹¹. Подобное несоответствие наблюдается также в противоположном случае: с положением дел может быть связан Объект, хотя оно не является динамическим (15)¹².

- (15) *Мы долго смотрели телевизор.*
Роль Татьяны играет новая актриса театра.

Различие между динамическими и процессуальными положениями дел проявляется и в том, что только первые могут быть продолжены указанием на доведение / недоведение процесса до конца, ср. (16) и (17).

- (16) *Виктор взял себе рубашку, но еще не дочитал ее.*
Петя читал «Анну Каренину», но так и не дочитал ее.
Игорь бежал в магазин (покупать и возвращал его), но еще не добегал.
- (17) **Нина читала разные газеты, но еще не дочитала их.*

При ТЕРМИНАЛЬНЫХ положениях дел поворотный момент уже достигнут¹³; компонент динамического процесса, однако, все еще присутствует. В русском языке для выражения терминальных положений дел употребляется, как правило, глаголы совершенного вида (18).

- (18) <ооооо>+
Петя встретил просто великолепный парня.
Нина распаковала коробку.
Петя написал Урсуне очень длинный письмо.
Нина сказала маме что-то невероятное.

Контролируемые положения дел представляют собой протезны динамичности и результативности. Однако неконтролируемые положения дел также могут быть динамическими (19) или терминальными (20). В этом случае можно говорить о тенденция и о ее завершении.

- (19) *Скородня пролего на лыжах древо.*
Белые сумаслось медвежью, пеленаря на солнечную поладу.
Пелю все пелюстел и пелюстел.
- (20) *Скородня содрела как ряз к началу школьных занятий.*
Брелки высколи к утру.
Ушкол малюстелся водою.
Объедла слывом за несколько дней.

На поворотный момент указывается также в РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ положениях дел²⁴. От моментальных положений дел они отличаются тем, что в них изображается не только точечный поворотный момент (событие), но и следующее за ним статическое состояние. Как показывают примеры ниже, речь может идти как о состоянии Субъекта (Агенса или Экспериментера) (21), так и о состоянии Объекта (22)²⁵.

(21) <i>Исторь пришел дитюй.</i>	⇒	<i>Исторь дитю.</i>
<i>Собаки Иваны утонули в реке.</i>	⇒	<i>Собаки мот.</i>
<i>Она остановилась у двери.</i>	⇒	<i>Она стоим у двери.</i>
(22) <i>Кни-то выключил свет.</i>	⇒	<i>Свет выключен.</i>
<i>Иван ужас закрыл окно.</i>	⇒	<i>Окно закрыто.</i>

Нередко глаголы, использующиеся для выражения динамического и терминальных положений дел, могут быть употреблены также в результативном значении. В таких случаях они указывают не на (динамический) процесс, а только на поворотный момент и последующее за ним состояние (23)²⁶.

- (23) *Сергей построил себе пятикомнатный дом.*

Результативность и терминальность являются, таким образом, родственными понятиями: и с тем и с другим связан поворотный момент. Они различаются между собой лишь тем, уделено ли главное внимание процессу, предшествовавшему поворотному моменту (терминальные положения дел), или же состоянию, следующему за ним (результативные положения дел). Иногда даже малейшее изменение в предложении может привести к изменению смысла. Так, например, (24а) ближе к терминальному положению дел, (24б) допус-

вост к тому же и результативную интерпретацию, между тем как (24в) может быть истолковано только как результативное. Ср. также (25а) с подчеркнутым терминальным значением и (25б) с подчеркнутым результативным значением («Нина уже давно здесь»).

(24а) *Nina napisala učebnik.*

(24б) *Nina napisala veseloživotnyj učebnik.*

(24в) *Nina has written a great textbook.*

(25а) *После атлантой дороги Нина приехала наконец в Иркутск.*

(25б) *Нина приехала уже давно.*

В определенных контекстах поворотный момент также остается на заднем плане, в них положение дел указывает лишь на состояние. Положения дел данного типа можно назвать РЕЗУЛЬТАТИВНО-СТАТУАЛЬНЫМИ. От обычных ступенчатых положений дел они отличаются минимально (26–28)¹⁷.

(*) —————

(26) *He mogle v razvedenku bystikom: na nog vyshli vody!*

ср.: *He mogle v razvedenku bystikom: na nog vody!*

(27) *Ona ne mogla poititi v kono, takh kax ona vybelyla korvno.*

ср.: *Ona ne mogla poititi v kono, takh kax ona vybelyla korvno.*

(28) *Nina uže prišla?*

ср.: *Nina doma?*

Если внимание обращается не на статуйное положение дел после поворотного момента, а на сам поворот, мы имеем дело с другой разновидностью результативных положений дел, а именно с РЕЗУЛЬТАТИВНО-МОМЕНТАЛЬНЫМИ (29)¹⁸.

(○○○○) * (—————)

(29) *My prišli domoj ravno v polnoč.*

Следует еще отметить, что при контролируемых терминальных и результативных положениях дел само достижение поворотного момента не находится под контролем Агенса, т. е. хотя действие само по себе и является контролируемым, но наступление поворотного момента не зависит от воли Агенса. Существуют глаголы, специально выражающие достижение поворотного момента (30), ср. также другие способы подчеркивания достижения цели (31)¹⁹.

(30) *Nina dobrablas' do verhinny pod večer.* («Нина поднималась на вершину, добралась до вершины, была на вершине»)

Ona omlať pobedyla Petrov v baidymovom²⁰.

(31) *Нине удалось написать письмо как раз в Рождество.
Василис вымыл-мыла посуду до ужаса.*

Итак мы определили следующие аспектуальные ряды пассивной деп.

Стативальное (Asp = STAT) —

Положение деп представляется как неизменное, стабильное состояние.

Процессуальное (Asp = PROC) >>>>

Положение деп представляется как процесс без указания на его завершение.

Динамическое (Asp = DYN) >>>> (*)

Положение деп представляется как процесс, направленный на его завершение.

Терминальное (Asp = TERM) >>>> *

Положение деп представляется как целостный процесс, достигший своего завершения или достигший его.

Моментальное (Asp = MOM) *

Положение деп представляется как моментальное происшествие без процессуальности или ситуативности до или после него (мир остается таким же, каким он был до того).

Результативное (Asp = RES)

Положение деп представляется как поворот в ходе событий и состоянии после него.

Две равнозначности результативных положений деп:

- Результативно-моментальное значение: акцент на моменте поворота (Asp = RES-MOM) (>>>>)* (———),
- Результативно-стативальное значение: акцент на состоянии после поворота (Asp = RES-STAT) * (———).

Остановимся еще на некоторых деталях процессуального значения. Дело в том, что предикаты образуют разные классы в зависимости от того, при выражении каких процессов они могут быть использованы. Определим два типа процессуальности: кратко-процессуальное значение и длительно-процессуальное значение. Первое из них встречается в таких тестовых ситуациях, например, когда спрашивают по телефону: *Что вы там делаете? / Что там происходит?* или когда рассматривают картину или фотографию: *Что здесь изображено? / Что мы видим?*, а также в радиорепортажах. В таких контекстах возможны самые разные предикаты (32–33).

- (32) *Петя читает роман. / Нина смотрит телевизор. / Игорь читает часы. / Виктор убирает комнату.*
 (33) *Игорь дает книгу Оле. / Дедушка кладет в комнату. / Нина пишет бабушке. / Оля прикасается ко лбу Димы. / Нина кладет книгу на стол. / Игорь садится на диван. / Урсула уступает место бабушке.*

Более ограниченный набор предикатов может иметь длительно-процессуальное / динамическое значение. Тестовыми контекстами могут служить, например, такие: *Сделано впервые и продолжу ... через пять минут или Я буду ... до вечера*. В этих случаях допустимы только «подлинно-процессуальные» предикаты (34), и никакие другие (35).

- (34) *читать роман / смотреть телевизор / читать часы / убирать комнату*
 (35) **двигать книгу Петю / *класть в комнату / *красить булавками / *прикасаться ко лбу Димы / *класть книгу / *садиться на диван / *уступать место*

Установленное различие проявляется у некоторых предикатов и в том, что, если они имеют единичный Объект, возможно только кратко-процессуальное / динамическое значение (36), а если Объектов много, возможно и длительно-процессуальное / динамическое значение (37а). Это возможно и в том случае, если Объект указывает на понятие, которое само по себе связано с множественностью действий или элементов (37б).

- (36) *бросать камень // исправлять ошибку // посылать письмо*
 (37а) *бросать камни // исправлять ошибки // посылать фотографии*
 (37б) *бросать камни // исправлять текст*

Отметим еще подтип длительно-процессуального / динамического значения — ОГРАНИЧЕННО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Сравним примеры (38–40). Когда мы играем в теннис, подсчитывая очки, нашей целью является не сыграть гейм, сет или целый матч, а выиграть (38)⁴. В связи с этим предложение (39) не содержит элементы динамичности, а имеет ограниченно-процессуальное значение, в котором дополнением предложения очерчиваются временные границы положения дел. Данное значение близко к делimitативному (40). Ограниченно-процессуальное значение имеют также сочетания *(по)-смотреть фильм по аналитику, (по)-строить новый дом, (с)матривать карты*.

- (38) *Мы играли в теннис. Я проигрывал со счетом 1 : 4, но выиграл сет со счетом 6 : 4.*
 (39) *Мы съездили два раза.*
 (40) *Мы поиграли в теннисе полчаса и потом поели в кафе.*

Проявление Аспектуальности у предикатов действия

Поскольку Аспектуальность является весьма сложной семантической категорией, которую трудно отличать от формальной категории вида, целесообразно еще раз уточнить ее сущность с помощью примера. Дело в том, что возможные аспектуальные значения сильно связаны с семантикой предиката. Рассмотрим более детально аспектуальные свойства одной группы предикатов, а именно обозначающих актуальное действие.

Как показал анализ ядерных семантических структур (глава 5), предикаты действия образуют весьма неоднородную группу. Их можно классифицировать по разным критериям, в частности ⁴²:

- По отношению между Агентом и Объектом: 1) безобъектные: «работать»; 2) директивные (действие Агента направляется конкретно или образно на Объект): «касаться (потока / вопроса)»; 3) рефлексивные (действие Агента направляется на себя самого): «улыбаться»; 4) реципрокные (Агент и Объект или меняются ролями, или играют одновременно одну и ту же роль): «драться».
- По характеру изменений, которые происходят в мире вследствие данного действия: ср. «думать», «строить», «разрушить», «красить», «ударить», «известно», «покусаться», «рассказывать», «смотреть».
- По СЕМАНТИКЕ ПРЕДИКАТА: 1) физические: «строить», «красить»; 2) умственные / интеллектуальные / ментальные: «думать», «сомнить»; 3) речевые: «обсудовать»; 4) символические: «наказывать», «подаривать».
- По ВНУТРЕННЕЙ ОДНОРОДНОСТИ: 1) более или менее однородные, гомогенные: «писать письмо» (ср. «писать диссертацию»); 2) более или менее неоднородные, состоящие из разных этапов и фаз: «строить», «петь», «завтракать» (ср. «есть кашу», «пить кофе» и т. д.)⁴³.

Все отмеченные классы тем или иным образом влияют на то, какие аспектуальные значения возможны или типичны для предикатов, а также на то, какие оттенки получают данные значения. Однако

с точки зрения Аспектуальности самая важная классификация строится на отношении между процессом и его завершением⁴¹. На этой основе выделим пять групп предикатов действия.

Первая группа — ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ: процесс понимается как длительное действие без отношения к его завершению. Типичные предикаты: «отдыхать» (= «проводить отпуск»), «заниматься (спортом)», «смотреть (телевизор / футбол)», «возиться», «спрашивать», «мечтать», «ласкаться», «копать (землю)», «беседовать (с другом)», «держать (в руке)», «говорить», «квитаться», «облагодать». Данным предикатам свойственно только процессуальное значение (41); эти действия нельзя довести до конца без специального на то указания. Смена Объекта у некоторых предикатов меняет их аспектуальные особенности, например, для предиката «сколоть кожу» свойственно не процессуальное значение, а динамическое, терминальное и результативное значения (группа 3).

- (41) *Летом люди обычно отдыхают, занимаются спортом, смотрят телевизор, копают землю, беседуют с друзьями, наслаждаются природой.*

Некоторые глаголы, обозначающие предикаты этой группы, имеют форму совершенного вида (*спортились — поспорили*, *беседовали — побеседовали*), однако они указывают не столько на совершение действия, сколько на его временную ограниченность. К этой группе примыкают предикаты с ограничительно-процессуальным значением, например «смотреть (фильм)» (ср. *выше*). Возможно, так следует толковать и предикаты типа «целоваться».

Вторую группу образуют ПРОЦЕССУАЛЬНО-РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ предикаты, так называемые КОНАТИВЫ; процесс выглядит как попытка завершить действие. Типично также то, что достижение цели не обязательно зависит от Агенса (42). Это может быть подчеркнуто употреблением выражений типа *мне удалось / я смог ...* Однако возможно и случайное достижение цели без указания на стремление к этому (43)⁴².

- (42) *Я долго ломала голову / решила задачу / искала в лесу мысленно и наконец-то поймала / решила / нашла.*

- (43) *Я нашел на улице монету. / Я узнал от Пины, что сегодня не будет заседания.*

Кроме таких достаточно очевидных предикатов, как «решать», «искать (= найти)», «узнавать», «лечить», «доказывать», «объяснять», в этой группе можно отнести также предикаты, как «обудить»,

«считать». Процесс как попытка достичь цели и совершение этого процесса намечается также у предикатов, которые в русском языке не образуют типичных видовых оппозиций (видовых пар в традиционном их понимании), например: «бомбардировать — утопить (корабль)», «играть / участвовать (в турнире) — выиграть / победить». Ряд предикатов можно отнести к разным группам, например «спрашивать»: в большинстве контекстов он входит в четвертую группу предикатов (44), но может получить и черты второй группы (45).

(44) *Мы **спрашиваем** / **спрашивали** нашу старую мамину брату.*

(45) *Мы уже **спрашиваем** нашу старую мамину. (= пытаемся продать)*

Рассмотрим, в каких значениях употребляются предикаты этой группы. В качестве иллюстрации используем предикат «искать — найти». Он не может быть употреблен в процессуальном значении: невозможно искать без конкретной цели. Зато возможны динамическое (46), терминальное (47), результативно-моментальное (не очень типично, но возможно, 48) и результативно-статусальное (49) значения.

(46) *Искать уже давно **ищем** себе работу. / Поиск провального **продолжаться** всю ночь, но без успеха.*

(47) *Комму **искали** два дня и наконец **нашли**.*

(48) *Рамо утром **поиска** успешно **завершилась**.*

(49) *Все провавшие турсты **найдены**. / Я **нашел** на улице мамину.*

Третья группа — ПРОЦЕССУАЛЬНО-ТЕРМИНАЛЬНЫЕ предикаты. В этом случае процесс градуально идет к завершению вследствие активности Агенса. В данной группе отношение между «несовершенным» и «совершенным аспектами» прототипическое. Приведем некоторые предикаты подобного типа: «читать», «писать», «выступить (с речью)», «стронуть», «собирать (ягоды)», «убирать (комнату)», «идти — прийти / подойти», «переводить (текст)», «вести (детей в школу)», «подниматься (на пятый этаж)», «исправлять (текст)». Например, у предиката «читать» возможны процессуальное (50), динамическое (51), терминальное (52), результативно-моментальное (53), результативно-статусальное (54) значения⁴⁹.

(50) *Нана что-то **читала** в постели. / Я **читал** свою электронную почту два часа. / Дедушка **читает** детям сказки. / После обеда у детей сегодня **чтение**.*

(51) *Вчера Нана **читала** новый детектив. / Профессор **читает** работы студентам уже три дня.*

- (52) *Нико (прочитывал) детективы. / Ты уже читал новый детектив Акулина?*
 (53) *Нико дочитывал детективы в полдень. / Ты уже прочитал последний детектив Акулина?*
 (54) *Все эти детективы / романы прочитаны Никой.*

Внутри этой группы можно различать разные подгруппы в зависимости от того, какую значимость имеют разные аспектиальные значения. Возьмем для сравнения предикат «идти — прийти домой». В принципе семантическое описание его аспектиальных значений одинаково. Однако момент завершения (*) динамического процесса у предиката «идти — прийти» является одновременно и началом нового состояния (55). Более типично для него также результативно-моментальное значение (56).

читать детектив ○○○○○○○○○○○○○*	детектив прочитан —————
идти домой ○○○○○○○○○○○○○*	быть дома —————

- (55) *Все уже пришли* (ср. *Все уже на месте*) / *(Ты можешь поговорить об этом с Игорем), он придет сюда завтра.*
 (56) *Мы пришли / добралась домой / до дома в два часа.*

В следующей группе представлены РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ предикаты. Это также предикаты, как «открыть (дверь)», «открыть (окно)», «бросить (камень)», «сварить (в воду)», «оставить (цветы в вазу)», «сдать (книгу Игорю)», «красть (книгу у Игоря)», «сесть», «войти», «уйти», «послать (письмо)», «включить телевизор», «активировать (минibus)», «подписывать (документ)». Их прототипическое аспектиальное значение — результативно-статусальное (57). Менее типично, но возможно и результативно-моментальное значение (58). Значение процесса вообще незначимо, но в определенных контекстах кратко-процессуальное значение допустимо (59).

- (57) *Виктор запер дверь / открыл окно / активировал свет / включил цветы в вазу / дал Никой книгу / сел на стул.*
 (58) *Дверь медленно заперта ровно в шесть.*
 (59) *Когда Виктор включил телевизор / дал Никой книгу / открыл окно / стоял в комнате, он устал в обморок.*

Пятую группу составляют МОМЕНТАЛЬНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ предикаты. У них как будто два вида реализации: моментальное (60) и процессуальное (61) значения, которые связаны с семантикой пре-

двигала. Другие аспектуальные значения для них несвойственны. Это такие предикаты, как «вскрикивать — кричать», «кивать — кивнуть», «взглянуть — смотреть».

(60) *Петя громко вскрикнул от испуга.*

(61) *Петя громко кричал от испуга.*

Итак, мы рассмотрели регулярные реализации аспектуальных значений у разных групп предикатов действия.

Аспектуальность неактуальных положений дел

Выше мы анализировали актуальные положения дел, в которых Аспектуальность проявляется более отчетливо, чем в неактуальных положениях дел. Следует задаться вопросом, можно ли вообще соотнести с последними семантическую категорию Аспектуальности. Попытаемся ответить на этот вопрос. Напомним, что под Аспектуальностью мы подразумеваем то, как положение дел протекает и развивается во времени.

Кажется, и на этот раз ответ затруднен тем, что рассматриваемые случаи отличаются гетерогенностью большой степени. Начнем с «самых неактуальных» положений дел — общих утверждений («фактов» — в одном из значений этого слова), которые не обязательно вечны, но достаточно стабильны и соответствуют общему представлению о мире (62). Иногда такие значения выражаются и конкретными глаголами (63). Нам кажется, что говорящий не может видеть в этих положениях дел никакого протекания во времени.

(62) *В марте 11 день.*

Русский язык арамейский и ивритской языковой семье.

(63) *Земля обращается вокруг Солнца.*

Вторая группа состоит из классификационных положений дел (Урсула — жена, Нина — директор школы). Урсула всегда была женой, так что в этом положении дел нельзя видеть поворотного момента. Но Нина могла быть избрана директором школы недавно. Таким образом, в ее жизни был период, когда она не была директором школы, потом произошел «поворотный момент» в ее жизни и она стала директором. Хотя это было большим событием, его нельзя считать естественным результатом какого-либо процесса, мы скорее имеем дело с началом нового этапа в жизни Нины. В этом контексте вряд ли можно говорить о поворотном моменте в аспек-

туальном смысле, поскольку данные положения дел прямо не взаимосвязаны.

не быть директором

стать / быть директором

Остается еще один распространенный тип неактуальных положений дел — Характеристика. Для них свойственны не только обозначения состояния (64), но и процесса (65). Глаголы совершенного вида имеют особое значение: они указывают не столько на состояние после процесса и поворотного момента, сколько на то, что данный актант раньше не обладал рассматриваемым свойством в такой степени (66).

(64) *Мой брат сильный / большого возраста / толстый.*

(65) *Мой брат становится сильнее / стареем / толщеет.*

(66) *Мой брат стал сильнее / постарел / потолстел.*

7.4. Определенность

Определенность / неопределенность (будем для простоты употреблять название Определенность) — спецификатор, связанный с актантами семантической структуры. Выделяются три основные разновидности Определенности¹⁷:

- **определенный** — указывает на объект действительности, знаковый как говорящему, так и, согласно предположению говорящего, слушающему, Det = DEF (1);
- **специфицированный** — указывает на объект действительности, который, как полагает говорящий, не знаком слушающему, Det = SPEC (2);
- **неопределенный** — указывает на объект действительности, который не знаком ни говорящему, ни слушающему, Det = INDEF (3).

(1) *Я купил эту / эту машину.*

Я купил все / все эти книги.

Странно, как Билл летит.

Пожалуйста, вот ваши сигареты.

(2) *Я купил новую машину.*

Я купил книги.

(Хозяин гостя:) Странно, как софисты всегда летят.

Пожалуйста, сигареты.

(3) *Я хотел бы купить машину.*

Издательство «Славянские языки и культуры» публикует книги по русской лингвистике.

Ступай, как (вакал-то) собака лает.

Купи мне сувениры.

В выражении Определенности важную роль играют артикли (или их отсутствие) в языках, которые их имеют: в английском, немецком, французском, шведском и др. Однако было бы неверно предполагать, что наличие или отсутствие артикля всегда может фиксировать то, о каком значении Определенности идет речь. Это можно доказать уже тем, что правила употребления артиклей в разных языках различаются. В языках, лишенных артиклей, как в русском, с этой целью употребляются разные синтаксические, морфологические и лексические средства. Рассмотрим некоторые примеры¹⁰. В примерах (4a) и (4б) Определенность выражается прежде всего порядком слов. Как видно, помимо Определенности, порядок слов реализует также актуальное членение. Используются и морфологические средства: винительный или родительный падеж существительных и местоимений (5a) и (5б), падежные формы (6a) и (6б), широко используются местоимения, специализирующиеся на передаче неопределенности (7–9), и разные лексические средства (10).

(4a) *(Уже несколько дней по мосту улице бежала бездомная собака.) Собака укусила девочку.*

(4б) *(— Почему укусила девочка?) — Девочку укусила собака.*

(5a) *Я не вижу дерева.*

(5б) *Я не вижу (какое-то) дерева.*

(6a) *(?) кому я ему показывал.*

(6б) *Я показывал ему кому.*

(7) *Вчера Сергей смотрел с левой **одной** ногой бокала.*

(8) *В подъезде я напугался на **какого-то** человека, который урчал.*

(9) *Приведи мне **какую-нибудь** ленту.*

(10) ***Некоторые** поздоровались и продолжили курить.*

В приведенных примерах не всегда легко различить три типа Определенности. В примерах (11–13) они выражаются разными лексическими средствами: Det = DEF (11), Det = SPEC (12), Det = INDEF (13).

(11) *Она хочет выйти **замок** на **одного** француза. Вчера мы с ней случайно встретились на улице.*

- (12) *Она хочет выйти замуж за какого-то француза. Говорит, что она с ним познакомилась в прошлом году в Москве.*
- (13) *Она хочет выйти замуж за какого-нибудь француза. Она уже три года занимается французским языком. Ей очень хочется жениться в Париже.*

На сущность Определенности оказывает влияние и семантический разряд актанта. Вещественные и предметные актанты имеют неодинаковое толкование, когда речь идет о неопределенности (14–15). Однако в некоторых контекстах разница, кажется, нейтрализуется (16).

- (14) *Дай мне какой-либо / любой журнал почитать.*
- (15) *Дай мне воды / сока / вина.*
- (16) *Передай мне (этом / мой) журнал / (это / мое) вино.*

Категория Определенности, особенно ее значение Det = INDEF, получает особую значимость, когда она относится к Субъекту. Существует ряд языковых средств для выражения неопределенного Субъекта (Агенса). Это прежде всего неопределенно-личное употреблении форм множественного числа прошедшего времени и / или третьего лица глагола в настоящем или будущем времени (17) и страдательные обороты (18). Надо, однако, иметь в виду, что эти же языковые средства используются и в том случае, если Субъект известен, но говорящий по тем или иным причинам не хочет его называть¹⁰.

- (17) *Автомобиль закрыли на ремонт.
В конце вечера телевизоры.
Где здесь ремонтируются машины?*
- (18) *Автомобиль закрыли на ремонт.
Где здесь ремонтируется машина?*

Очевидно, следует еще выделить две металексемы, уточняющие категорию Определенности, а именно «ЛЮБОЙ» и «КАЖДЫЙ»¹¹. Это весьма словные металексемы, так как соответствующие лексемы русского языка нередко употребляются как синонимы. Кроме того, «каждый» передается и словами *все, все, всякий*. Употребление разных лексем (словом, *каждый* и *все*) во многом обуславливается лексическим значением актанта. Таким образом, на уровне семантической структуры, на наш взгляд, достаточно этих двух металексем, обозначающих: «ЛЮБОЙ» — «какая-либо единица из какой-либо совокупности, безразлично какая»; «КАЖДЫЙ» — «каждая единица какой-либо категории, взятые в отдельности». Как было сказано, для лексем поверхностных структур это различие не всегда соблюдается.

Так, примеры (19) характеризуют металексему «ЛЮБОЙ», а примеры (20) — «КАЖДЫЙ». При вещественных понятиях соответствующие языковые выражения получают другое толкование (например, *весь* = «целиком, полностью», 21).

- (19) *Один из нас должен поговорить с тобой.*
Покрысь собачьей кожей какой-нибудь / любой краской.
Бери любые фрукты, все они съеданы.
- (20) *Он знает каждого посетителя / всех посетителей ресторана.*
Каждое утро / всегда / каждый раз по утрам Нина делает зарядку.
Все проблемы разрешены.
Петя знает наизусть все стихотворения Пушкина.
Все президенты России — мужчины.
Любой / каждый / всякий способом // все способами развивать свое хозяйство.
- (21) *Весь суп надо съесть.*
Весь хлеб убрал с полки.

Отмеченные значения Определенности встречаются как в актуальных (22), так и в неактуальных положениях дел (23):

- (22) *Нина читает сегодняшнее «Вечернее Москову».* (Det = DEF)
Нина, кажется, читает какую-то газету. (Det = SPEC)
Нина, наверно, спит дома и читает какую-нибудь газету. (Det = INDEF)
- (23) *Нина любит Морю.* (Det = DEF)
Он любит только пирожки. (Det = SPEC)
Виктор любит кофе. (Det = INDEF)

Особый случай Определенности представляет Обобщенность (Det = ABSTR)¹¹. Если в других случаях Определенность связана только с актуантами, Обобщенность можно считать свойством всего положения дел. Об этом свидетельствует и то, что Темпоральность при этом также обобщенная (Temp_{ABSTR}). В типичном случае Обобщенным актантом является Субъект-Нейтрал (24).

- (24) *Книжка — хороший подарок.*
Собака лает, а кошка молчит.
Сидящие в Филадельфии (х. счастливая) дорогие.

Для обобщенных положений дел характерно то, что часто количественный признак единичности / множественности утрачивает

свое значение (ср. 25 и 26). Правда, могут появляться разные оттенки значения¹².

(25) *Женщина говорит мужчине.*

Женщины говорят мужчине.

(26) *Черемуха может прожить сто лет.*

Черемухи могут прожить сто лет.

7.5. Количество

Категория КОЛИЧЕСТВА представляется достаточно четкой по сравнению с некоторыми другими семантическими категориями, например, с Аспектуальностью и Определенностью. Такое представление возникает вследствие того, что Количество «осознаемо, видимо» в реальном мире. Пять или много яблок явно не то же самое, что одно яблоко. Однако с Количеством как семантической категорией связаны трудности другого типа. Одна из них — определение границ описания лексиче и синтаксиче. Мы отказались от «полного», интегрированного описания того и другого в рамках одной концепции¹³. В связи с этим необходимо сначала уточнить, какие явления, связанные с Количеством, относятся к лексиче, а какие описываются в рамках ФС. Для того, чтобы провести эту границу, нет четких критериев. Мы думаем, что анализ явлений, которые в традиционных грамматиках в основном рассматриваются при изучении лексиче-грамматических разрядов существительных, не входит в задачи описания ФС. Это касается, например, категорий собирательности и вещественности. По данному принципу следует, что ФС не пытается отвечать на вопрос, как в языке *X* выражается собирательность или вещественность. Но когда в ФС рассматриваются условия и ограничения в употреблении тех или иных поверхностных структур, эти свойства лексиче могут быть использованы в качестве объяснительных факторов.

Другая трудность в определении спецификатора Количества — его тесные связи с другими семантическими категориями. Мы уже сталкивались с одним из таких случаев при рассмотрении повторяющихся положений дел. Хотя в принципе разница очевидна, поскольку спецификатор Количества определяет аспект, а не предикат, на практике, однако, не всегда ясно, о каком моменте идет речь. Кроме того, вне контекста многие высказывания полифункциональны (ср. 1 и 2). Другой спецификатор, с которым переплетается Количество, это Определенность.

- (1) *Я был дважды на концертах русских рок-ансамблей.
Я четыре раза видел русского космонавта.*
- (2) *Я ходил на три концерта / побывал на трех концертах русских рок-ансамблей.
Я видел четырех русских космонавтов.*

Мы разделим при рассмотрении Количества, с одной стороны, точное количество и неточное количество, а с другой, абсолютное количество и относительное количество. Они образуют четыре основных типа Количества: точное абсолютное (3), точное относительное (4), неточное абсолютное (5) и неточное относительное (6) Количества.

- (3) *В комнату вошли три незнатных человека / трие мужичи.
В Феминиды вошли пять младших человек.*
- (4) *Двое из нас остались без бытовки.
Шесть из десяти абитуриентов оказались латышами.*
- (5) *В комнату вошли несколько незнатных мужичи.
В Феминиды вошли приблизительно пять иностранных.*
- (6) *Редко кто из нас способен на это.
Некоторые гости ушли уже до десяти часов. (= «некоторые шестей»)*

Как точное абсолютное, так и точное относительное Количества в семантической структуре обозначаются соответствующими цифрами. К выражениям данного типа нередко присоединяется «определитель», с помощью которого выражается приблизительное Количества (7)²⁴.

- (7) *У меня остались **мало** книг. (инверсия)
В демонстрации приняло участие **приблизительно** **пять** тысяч человек.
Примерно **семь** из нас были в таком состоянии, что не смогли продолжать путь.*

Неточному (относительному и абсолютному) Количеству соответствуют глубинные лексемы следующего типа: «МАЛОЕ КОЛИЧЕСТВО» (8), «НЕЙТРАЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО», которое имеет две разновидности: неопределенное (или «какое-то количество») (9) и определенное (10), а также «БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО» (11). Языковые выражения этих смыслов в значительной степени связаны с тем, входит ли данный аспект в число исключаемых или включаемых понятий.

- (8) *Слушателей на вечер поэзии пришло множество.
Маленькая стояла дышит душой задержалась у друзей.
Тарма осталась совсем чуть-чуть.
Редкий посетитель откликнется.
Поэзия редко откликнется*²⁸.
- (9) *Какие-то количество слушателей пришло на вечер поэзии.
Несколько человек еще не зашла на сцену.
Некоторые из зрителей действительно красивые.*
- (10) *Рой людей гуляет вокруг нас.
Табуи лошадей бежит по пустыне.
Группа людей стояла на остановке автобуса.
Часть гостей ушла только на рассвете.
Я съел круг жарен.*
- (11) *Слушателей на вечер поэзии пришло очень много.
На вечер соседнего дерева собралась большая группа
стала.
Огромное количество пылевой воды уходит в канализацию.
Большинство русских лингвистически весьма писатели.*

К выражениям Количества иногда привязывают элементы, которые входят в сферу Авторизации, поскольку они отражают мнение говорящего о том, как данное количество относится к ожидаемому, желательному или нормативному количеству. Что касается употребления слова *мало*, толкование в (12) бесспорно. Слово *достаточно* (и соответствующая метатекста) определяет Количество по отношению к определенной цели (13). Очевидно, и здесь возможно толкование «нейтральное количество + мнение о том, что это достаточно».

- (12) *У меня осталось только пять евро (= «У меня осталось пять евро + считаю, что это мало»)*
- (13) *Денег у меня было достаточно.*

7.6. Место

Место — относительно новый спецификатор²⁹. Однако и с ним связаны некоторые принципиальные вопросы и переходные случаи. В разделе 4.1 отмечалось, что предложениям типа (1) соответствует предикат со значением локация и актант Места (L). В предложении же (2) нет актанта Места, а есть спецификатор Места (Loc).

- (1) *Дом находится на берегу озера.
Все окна уже в темноте.*
(2) *Нана поет в ванной.*

Таким образом, предложение (2) указывает не на два ядра («Нана поет» и «Нана в ванной»), а лишь на одно ядро. Правда, не исключена и противоположная трактовка, но она несколько хуже соответствует нашему представлению о том, что хочет сказать говорящий. К тому же принятая нами точка зрения упрощает описание данных случаев. Следует еще подчеркнуть, что одна и та же поверхностная структура может выступать в разных функциях. Так, например, если предложение (3) является ответом на вопрос ГДЕ Нана?, оно указывает на локацию, а не на пение, происходящее в месте, определенном спецификатором Места.

- (3) *Там, она поет в ванной.*

Вопрос о том, является ли Место актантом или спецификатором, не влияет на то, как оно выражается. В связи с этим рассмотрение языковых средств, используемых в выражении Места, можно осуществлять в одном разделе ФС.

Поверхностные структуры с выражением Места иногда двусмысленны, например, высказывание *Я выел зефира в магазине* имеет два толкования в зависимости от того, находился говорящий также в магазине или нет. Это может быть показано в семантической структуре: в (4) как Экспериментер-Решитель, так и Объект восприятия в магазине, в (5) — только Объект.

- (4) [R]_{loc}: E/R (Loc = «магазин»), O (Loc = «магазин»)
(5) [R]_{loc}: E/R, O (Loc = «магазин»)

После этих теоретических рассуждений рассмотрим некоторые метаязыковые или, точнее говоря, метапредлоги, используемые при обозначении Места¹⁷. Вот первая группа метапредлогов: «В» — «НА₁» / «ВНЕ», «НАД» — «ПОД», «ПЕРЕД» — «ЗА»; «МЕЖДУ», «НАПРОТИВ», «ПОСРЕДИ», «ОКОЛО», «РЯДОМ С», «ВОКРУГ», «ВДОЛЬ₁». Этот список требует пояснений.

1. У всех метапредлогов есть три варианта, в зависимости от того, на какой вопрос — КУДА?, ГДЕ? или ОТКУДА? — они отвечают. Таким образом выделяются метапредлоги типа «В-КУДА» — «В-ГДЕ» — «В-ОТКУДА», «МЕЖДУ-КУДА» — «МЕЖДУ-ГДЕ» — «МЕЖДУ-ОТКУДА» и т. д. Однако только у ряда русских предлогов есть прямые соответствия для всех трех вопросов: КУДА?, ГДЕ?, ОТКУДА?.

- на + вин. п. — на + предл. п. — с + род. п.
 в + вин. п. — в + предл. п. — из + род. п.
 за + вин. п. — за + твор. п. — из-за + род. п.
 над + вин. п. — над + твор. п. — из-над + род. п.
 к + дат. п. — у + род. п. — от + род. п.

Ряд значений метапредлогов выражается в русском языке так, что «ГДЕ»-предлог употребляется также в значении «КУДА»-предлога в таком же падеже (*над, перед, между, напротив, посреди*), однако у этих лексем отсутствует выражения для вопроса ОТКУДА, ср. (6–8). Эти значения должны быть выражены в русском языке иначе. Ответно, что например, в финском языке присутствуют предлоги для всех этих значений: «МЕЖДУ-КУДА» — *välillä*, «МЕЖДУ-ГДЕ» — *välillä*, «МЕЖДУ-ОТКУДА» — *väliltä*.

- (6) *Нана поставила цветы в шкафу / на пол / над диваном / под диван / перед диваном / за диван / между креслами / посреди комнаты / около дивана / рядом с диваном / вокруг дивана.*
 (7) *Цветы стоят в шкафу / на полу / над диваном / под диваном / перед диваном / за диваном / между креслами / посреди комнаты / около дивана / рядом с диваном / вокруг дивана.*
 (8) *Нана взяла цветы из шкафа / с пола / *из-над дивана / из-под дивана / *из-перед дивана / из-за дивана / *из-между креслами / *из-посреди комнаты / *из-около дивана / *из-рядом с диваном / *из-вокруг дивана.*

2. Что касается вариативности передачи метапредлогов в русском языке, то отмечаются разные реализации этих смыслов. Для выражения части из них существует практически только одна лексема (например, *между, за, вокруг*), иногда эквивалентов целый ряд (например, «ОКОЛО» — *у / возле / подле / близ / близко от / недалеко от / около, близко к*).

3. Мы пришли к выводу, что русские предлоги *в* и *внутри* передают значение одного и того же метапредлога. На практике в большинстве случаев они или синонимичны, или различие в их значениях зависит от контекстуальных обстоятельств (9). Есть случаи, когда отмечается различие в значениях, например (10–11). Однако предлог *в* выражает здесь особое значение «внутри поверхности», которое является своего рода контаминацией метапредлогов «В» и «НА». Для того значения в принципе можно выделить специальный метапредлог, если потребуется более подробное описание локативных значений.

- (9) *В доме / Внутри дома новая мебель.
На улице холодно, а в здании / внутри здания тепло.
Что у тебя в чемодане / внутри чемодана?*
- (10) *Внутри скалы много воды.*
- (11) *В скале большая расщелина.*

4. Различия между метапредлогами «ОКОЛО» и «РЯДОМ» можно проиллюстрировать примерами (12–13), характеризующими разное местонахождение гостя по отношению к президенту.

- (12) *Я сижу около / недалеко от президента.*
- (13) *Я сижу рядом с президентом.*

5. В русском языке достаточно легко найти несоответствия между метапредлогами и теми предлогами, с помощью которых они выражаются на поверхностном уровне. Хотя мы говорим *на почве* или *на земле*, метапредлогом в этих случаях нужно считать «В». Однако определенная граница между «В» и «НА₀» в целом весьма затруднительна. Есть очевидные случаи, особенно такие, которые допускают при себе обе метакосмы с дифференциацией в значении (например, «шкаф», «чемодан», «кровать»). Есть и другие достаточно ясные случаи: «НА₀» — «площадь», «крыша», «поле»; «В» — «ещеря», «карман», «комната». Существует, однако, немало понятий, которые прямо не относятся ни к одной из этих метакосм, например: «улица», «ряд», «стакан», «балкон»; то же самое касается некоторых обозначений природных мест («сталь», «лес», «тропинка») ²⁴. Существует также большое количество лозунгов, обозначающих конкретное Место в административную единицу, которые могут быть употреблены также метонимически как действующее лицо, например: *мэрия*, *факультет*, *интервал*, *форма*, *форма*, а также *город*. Нередко Место ассоциируется также с целью (*мысли в высоту, на достояние*) или типом деятельности (*сын в школе, она на достояние*).

6. Ответы на вопрос *где?* нередко перешиваются с временными ориентирами. Если мы вчера были в Киеве, сегодня в Москве, а завтра будем в Твери, «вчера» обозначает также «в Киеве», «сегодня» или «сейчас» — «в Москве», и «завтра» — «в Твери». Таким образом мы можем передавать временной ориентир локативным выражением, и наоборот.

Особо нужно выделить метапредлоги «НА₀», «У», «ПРИ». При них Место имеет более конкретное значение, чем при других метапредлогах. Под «НА₀» мы подразумеваем выровненную, в которой Местом является микропритив или событие типа *на выставке*, *на*

интерете, на конференция. Метапредлог «У» обозначает Место, принадлежащее человеку (*быть у бабушки, у директора*); обычно такие выражения толкуются так, что данный человек находится в данном Месте. Метапредлог «ПРИ», в свою очередь, обозначает отнесенную (однако нередко и локальную) «привязанность» одного агента к другому, например, *при университет, музе, центре по-высшей квалификации*. Эти метапредлоги имеют, подобно тем, о которых шла речь выше, свои варианты для вопросов КУДА?, ГДЕ? или ОТКУДА?.

Кроме основных «трехмерных» смысловых элементов Места, есть и ряд таких, которые употребляются только при выражении движения. Это, например, «ЧЕРЕЗ» (14), «МИМО» (15), «ВДОЛЬ» (16). При более детальном анализе можно выделить и больше таких метапредлогов.

(14) *Мы шли через лес / сквозь туман. // Мы перешли улицу.*

(15) *Мы шли мимо вокзала. // Мы проехали мимошколу.*

(16) *Мы шли вдоль набережной / по шоссе / берегу.*

7.7. Образ и способ действия

При помощи спецификатора Образа и способа действия квалифицируется внешнее проявление положения дел, представленного в ядре семантической структуры. Образ действия чаще всего встречается в семантических структурах, имеющих Агенса. Но не обязательно; при других типах предикатов название Образа и способа действия имеет условный характер. С выраженным Образом действия всегда связана оценка говорящего: если он, например, сообщает, что кто-то поет красиво или бежит быстро, то такая квалификация базируется на субъективной оценочной шкале говорящего²⁰. Однако о «настоящей» Авторизации речь идет только в случае, когда сообщаемое представлено как мнение (1) или допускает трансформацию в мнение (2).

(1) *На мой взгляд, для лорно подготовились к зиме.*

Все слышати шумку Нюри удачной.

(2) *К счастью, зима скоро пройдет.*

(ор.: По-моему, лорно, что зима скоро пройдет.)

Внимание Нюри, к сожалению, было выражено слишком поздно.

(ор.: С моей точки зрения, жаль, что внимание Нюри было выражено слишком поздно.)

Спецификатор Образа и способа действия охватывает многообразные выражения; поверхностные структуры, выражающие Образ и способ действия, также весьма разнообразны. Особые подкатегории Образа действия образуют выражения, сопоставимые с Характеристиками и Идентификациями (3). Пример (4) показывает и близость выражений Образа и способа действия к инструментальным астантам (5). Употребительны разные образные выражения и сравнения (6).

- (3) *Имя всегда слышн крепко.
Я с интересом наблюдаю за твоим собираньем.
Мы быстро бежали к берегу.
Мы долго выжидали маму.*
- (4) *Петя написал адрес лавианскими буквами.*
- (5) *Петя написал адрес новой ручкой.*
- (6) *Виктор был нем как мышь / как рыба. // Он молчал, будто воды в рот набрал.
Петя секретной помычался к дверям.
Время летит как на крыльях.*

При данном спецификаторе непременно возникает вопрос о том, в каких случаях мы имеем дело с разными предикатами, а в каких должны предполагать один предикат + спецификатор Образа и способа действия. Конкретизируем это следующим примером. Сравнивается, соответствует ли глаголу *бежать* предикат «бежать» или предикат «идти» + «быстро»; равно как соответствует ли глаголу *мчаться* предикат «мчаться» или предикат «идти / ехать / передвигаться» + «очень быстро». Мы склонны думать, что в том случае, когда выражение с наречием, возможно, и имеет такое же значение, как у данного глагола, можно говорить об одном предикате со спецификатором Образа и способа действия; в другом случае — нет. Так, обычное толкование значения глагола *бежать* — не 'идти быстро', но 'быстро передвигаться, попеременно отталкиваясь ногами от земли', а это значение заключено в предикате «бежать». В отличие от него значение глагола *мчаться* не охватывает других особых компонентов, кроме быстроты передвижения. Таким образом, естественно предположить, что соответствующим предикатом можно считать «передвигаться очень быстро». Другие примеры такого же типа: *молчать* — «говорить очень тихо, беззвучно» — «говорить тихо и невнятно»⁶⁰.

Продолжим рассмотрение решений, которые должны быть приняты при определении спецификатора Образа и способа действия.

Предложения (7) и (8) заставляют задаться вопросом, идет ли в них речь об одном или о двух положенных делах. По нашему мнению, (7) указывает на два положенных дела; в соответствующей семантической структуре имеется погружение: [Ac; (S)_{acc}; A], L], т. е. Физическое действие, Агента которого находится в определенном Физiologicalическом состоянии. Предложению же (8) соответствует семантическая структура со спецификатором Образа и способа действия. Что касается предложения (9), то в нем выражаются причинно-следственные отношения (метафора: «ТАК КАК») между двумя положенными делами.

(7) *Своим уставом, победитель прибыл к финишу.*

(8) *Петя мог вытаться.*

(9) *Размышляя об солнце, мы могли только думать об явном.*

Примечания к седьмой главе

¹ Общая теория отрицания рассматривается, в частности, в (Givón 1978). В русском языке различие между частным и общим отрицанием нередко проявляется в словопорядке, однако, как показывает Е. В. Падучева (1969), не вполне последовательно. Отрицание как элемент конфигурации предиката рассматривается в работе (Синичкина 2002). Достаточно полные описания средств выражения отрицания находим в прагматически ориентированных пособиях (Мите 1985: 72–86; Книга о грамматике 2004: 661–677).

² Подход доказательства в русских отрицательных предложениях рассматривается во многих работах, одна из самых свежих из них (Гиро-Вебер 2005). Два принципиально разных подхода к изучению данного вопроса представлены в работах (Муштайко 1985; Muštajoki, Heino 1991). Первый основывается на сопоставлении с носителями языка, второй — на анализе языкового материала.

³ Сложные случаи сферы действия отрицания и возникающей при этом омонимии рассматриваются, в частности, в (Адресова 1995: 66–72).

⁴ Часть примеров заимствована из статьи (Евстафьев 1986).

⁵ Временные значения выражаются также частицами *уже* и *еще* (см., в частности, Муштайко 1986; Богуславский 1996: 227–302; Труб 2003; Падучева 2004а: 506–510). Прилагательные типа *древний* также указывают на время (см., например, Кронгауз 1990). Вообще, как констатирует Х. Таммола (1986: 29), с выражением Времени связано относительно много языковых элементов: помимо временных форм глаголов, для выражения времени нередко употребляются также различные лексические средства.

⁶ Описание времени при помощи трех точек базируется на идеях, выдвинутых Г. Рейхенбахом (Reichenbach 1947). Впоследствии его теория была уточнена и дополнена многими последователями, в частности, финскими

исследователями (Leinonen 1982: 150–159; Lindstedt 1985: 30–38; Тоймала 1986: 30–31). В российской лингвистике этот вопрос рассмотрен особенно подробно Е. В. Падучевой (см., например: Падучева 1996: 12–15; 1997).

¹ Ср. примеры в (Зеленова 2002a: 10).

² Демонстративные положения дел с точки зрения «осязаемости» аспектов описываются, в частности, П. Линдстедтом (Lindstedt 1984: 24–27; 1985: 175–184). С теоретической точки зрения разные типы длительности обсуждаются в (Бондарко 1987b: 98–124; ср. также Воробьевой 2004).

³ В некоторых случаях глагольные формы с приставкой *ко-* утрачивают свою первоначальную семантику и становятся видовой парой соответствующего бесприставочного глагола, например, в предложении (1) имеется в виду не «гулять по полю», а просто «гулять» (ср.: Кожарина 1997: 219).

(1) Я общаюсь *людьми* с тобой в субботу.

⁴ Т. В. Булыгина (1982) делит состояния (в широком смысле слова) на СИТУАЦИОННЫЕ и АСИТУАЦИОННЫЕ, подобно тому как мы различаем актуальные и неактуальные положения дел. Первые из них она называет ЯВЛЕНИЯМИ, а вторые — КАЧЕСТВАМИ и СВОЙСТВАМИ явления, но ее значение, свойственны неопределенность, а качеством и свойством — определенность.

Е. В. Клобуков (1986: 47–63) при этом говорит о ДИНАМИЧЕСКИХ и ЛОГИЧЕСКИХ положениях дел. Его классификация близка к классификации Т. В. Булыгиной, но она основывается не на отношении положения дел к времени, а на том, указывает ли предложение на объективную действительность или на «абстрактное мышление». Ср. также выделение событийных и логических предикатов в (Шмелева 1999).

Термины ЛОКАЛИЗОВАННОСТЬ — НЕЛОКАЛИЗОВАННОСТЬ ПО ВРЕМЕНИ (или обобщенно ВРЕМЕННАЯ ЛОКАЛИЗОВАННОСТЬ) употребляются, в частности, А. В. Бондарко и его коллегами (ТФГ 1987).

⁵ К некоторым «вечно постоянным» неактуальным положениям дел можно присоединить относительно точные показатели времени (1).

(1) Когда Путин был избран президентом... / когда Клинтон был убит... / когда мы поехали...
я работал на заводе / играл в команде «Спартак» / был членом партии любителей тенниса.

По-видимому, это объясняется предположением говорящего, что слушающий знает о прошедших путем изменений в положении дел. Это, вероятно, обусловлено и несовершенным видом глагола в таких высказываниях.

⁶ Разные типы неопределенных положений дел (эпистемическо-моральных фактов) рассматриваются, в частности, в (Leinonen 1982: 104–149; Lindstedt 1985: 122–128; Данилина 1989, 1996; Козьмов 1998; Смирнов 2000: 134–144; Баронин 1989, 2002). В этой связи используются также термины БРАТНОСТЬ (Храковский 1987).

⁷ С. Мёнхсхофд (Mönchshof 1984) разделяет узуальные события на фреквентативно-узуальные (1) и стативно-узуальные (2). Первой термин

соответствует высшему термину УТУАЛЬНОЙ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ, а второй, скорее всего, термину НЕАКТУАЛЬНОЙ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ. Мы привели примеры из этой работы несколько примеров.

(1) *I often / usually / sometimes met him in the street.*

(2) *I used to know him.*

Т. В. Булыгина же (1982: 51–53) предлагает следующий тест: если в предложении можно вставить слова *обычно, постоянно, всегда без значительного изменения смысла предложения*, то речь идет о генерализованном «намеренном» (неактуальном) утверждении, в остальных же случаях речь идет о повторяющемся действии. Данный тест хорошо работает в некоторых случаях типа (3), но иногда он дает противоречивые результаты, ср. (4):

(3) НЕАКТУАЛЬНОЙ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

Он играет в команде «Динамо». / Обычно Он играет в команде «Динамо».

УТУАЛЬНОЙ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

По субботам Он играет в баскетбол. = Обычно по субботам Он играет в баскетбол.

(4) НЕАКТУАЛЬНОЙ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

Мама ест улиток. / Мама всегда ест улиток.

УТУАЛЬНОЙ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ?

Мама пьет кофе без сахара. = Обычно Мама пьет кофе без сахара.

Г. Кучера (Кубова 1983: 181–183) делит привычки (*habits*) на «квантифицированные состояния» (5) и «открытые серии состояний и событий» (6). Последние являются явно неактуальными.

(5) *Обыкновенно по воскресеньям Мама сидит в ресторане.*

(6) *Мама говорит по-русски.*

О различии между утуальными и «постоянными» положениями дел см. также (Бондарко 1982а; Булыгина, Шивелев 1989; Козырева 1990, 1991).

¹⁰ Особо следует упомянуть о предложениях, описывающих привычки и способности той или иной группы существ. То, что положение дел охватывает не отдельные существа, а совокупность, образованную ими, упрощает его абстрактность. Однако это является лишь вторичным аспектом положения дел, сами же действия или состояния делятся на те же группы, что и в случае индивидуальных действий. Таким образом, примеры (1) указывают на неактуальное положение дел, примеры (2) также описывают, хотя и несколько менее выраженно, но все равно неактуальное положение дел, что же касается примеров (3), то они демонстрируют актуальное повторяющееся положение дел.

(1) *Собака вернее человека.*

Говорят, что всегда лодыж.

(2) *Финны мало пьют ром.*

Японцы едят с помощью палочек.

Тыся не любит, а презирает.

(3) *Раньше фанаты любви в сауну по субботам.*

В пятницу полуду змея дремлет на калитке.

¹⁵ В работах русских лингвистов проводится много интересные классификации «групп ситуаций», «нормальности глаголов», «множества ситуаций». И. Б. Долгикова (1990) различает две основные группы: ТЕМПОРАЛЬНЫЕ и ДИСТРИБУТИВНЫЕ ситуации; среди данных основных групп она выделяет, в частности, ДИСКРЕТНЫЙ и КОМПЛЕКТНЫЙ типы (см. также: Кравковский 1986, 1989, 1997).

Л. А. Бартолин (2001) дает подробную классификацию дистрибутивных конструкций в русском языке, которые называются конструкциями «со значением последовательного распределения действия по множеству тех или иных предметных переменных: глагольного предиката» (Бартолин 2001: 198). Внутри этой категории он выделяет десять семантических подтипов: субъективный, объективный, адресатный, количественный, инструментальный, медитативный, параллельный, лексативный дистрибутив, а также дистрибутив способа действия. Часть русских глаголов может выступать как монодистрибутив, имея только одно значение, например, субъективный (*Все ребята переловились*) и объективный (*Мы переловили все рыбкины*) дистрибутив. Другие же выступают в разных функциях, например, глагол *переловились* употребляется как субъективный (*Все дети переловились маме на бабушку*), так и объективный (*Ребенок переловились маме на всех учителей*) и адресатный (*Ребенок переловились всем родственникам на бабушку*).

¹⁶ Фреквентативные положения дел представляют интерес с точки зрения употребления глагольных видов в русском языке. При фреквентативных положениях дел нередко встречается совершенный вид с суммарным значением (см., например: Бондарко 1990): 15), как в примере (1).

(1) *Кто там дважды открылся.*

¹⁷ В (Топицко 1986) сопоставляются русские и финские итеративные глаголы, рассматриваются также различия между итеративными, фреквентативными, континуативными и моментальными глаголами.

¹⁸ Название временного плана с теоретической точки зрения рассматривается, в частности, в (Sgall et al. 1969: 99). Обстоятельное описание русских временных показателей дается в работе М. В. Веселоводовой (1973). Таксономия предельно выразительна времени представлена в (Морозовка 1977). Е. В. Подучева же (1988) обсуждает отношения между моментами временных планов и классом ситуаций.

¹⁹ Неопределенность временного плана, свойственная объективному положению дел, хорошо проявляется в таких предложениях, где идентифицируется производитель действия (cp. 1):

(1) *Кто писал роман «Как писалась статья?»*

Кто автор романа «Как писалась статья?»

Для обозначения нефиксированных положений дел Й. Линдквист (Lindkvist 1983: 217) использует удачный термин *EVENT ISOLATED FROM ANY SETTING*. Неисполненный вид, выступающий в данной функции, называется, соответственно, *IMPERFECTIVE OF ISOLATED EVENT*.

²⁰ Спектральные равнозначности нефиксированных положений дел, отмеченных в плане прошлого, образует по крайней мере следующие случаи: (1) время события расположено между моментом референции и моментом речи, (2) время события предшествует моменту референции, который в свою очередь предшествует моменту речи, ср.:

- (1) *положение дел:* *
время: ---|---?---S
Тогда еще Иван была уверена, что Она никогда-никогда станет профессором.
- (2) *положение дел:* ---
время: ----?-----|---S
К тому времени мы уже были в Швеции.
(By then we had already been to Sweden.)

²¹ С событиями будущего времени вообще связаны определенная временная неопределенность. Так, например, при употреблении слова *еще* в будущем времени временная ось и ось событий, по-видимому, пересекаются (см.: Муштакова 1988b: 116).

²² Русский язык предоставляет удобный терминологический способ, различая ВИД как языковую категорию и АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ как семантическую категорию. М. Ю. Черток (например, 2004) употребляет также термины АСПЕКТ (или аспект / вид), имея в виду обязательную и регулярную грамматическую категорию. Для нас Аспектуальность, как это определено, например, в (ТФГ 1987), — семантическая категория, которая может иметь весьма различные средства выражения в разных языках (о предыстории понятия см. Schneider 1963; Bonczarow 1983; Кобца 1983; об Аспектуальности в рамках разных функциональных подходов см. Тилков 1995; Войнович 2001). С нашей точки зрения, термин *аспект* может быть употреблен как условное обобщенное обозначение тех аспектуальных значений, которые соответствуют основным значениям несовершенного, с одной стороны, и совершенного вида — с другой. Таким образом, *несовершенный АСПЕКТ* соотносывает ституальное, процессуальное и динамическое значения, а *совершенный АСПЕКТ* — терминальное, результативное и моментальное значения.

В последние десять-двадцать лет появилось немало работ, посвященных рассмотрению Аспектуальности в разных языках. В этой связи стоит упомянуть диссертацию (Verhaar 1972), где представлена своеобразная теория Аспектуальности и применение ее к описанию голландского языка. Важными этапом были сборники статей, в которых Аспектуальность рассматривается с точки зрения разноструктурных языков. Одной из первых публикаций такого рода была книга *Aspect Bound: A Voyage into the Realm of*

Germanic, Slavic and Finno-Ugric Aspectology (de Groot, Tammola 1994); но самым основным трудом стоит назвать основательный анализ многих европейских языков в рамках проекта EUROTYPE (Dahl 2000).

²⁰ Аспектуальные классы предикатов (для полнокровной версии) графически изображает, в частности, Ч. Скарбороу-Эксларус (*Scarborough-Exlarus* 1979: 85; цитируется по (Broche 1985: 10; ср.: Падучева 1996: 111). Подобно ФС, он различает фазы трех типов: состояния, процессы и цели. Однако это описание аспектуальных классов явно отличается от нашего. Так, например, он ставит знак равенства между состоянием, предшествующим процессу, и состоянием, следующим за достиганием цели. Мы же считаем необходимым различать данные типы состояний: в первом случае между состоянием и процессом нет прямой связи, между тем как в последнем случае поворотный момент является одновременно и началом нового состояния.

²¹ Поворотные глаголы могут быть охарактеризованы при помощи тех же атрибутов (стабильный, процессуальный и т. д.), что и полнокровные дел, но при этом следует помнить, что данная классификация основывается не на синтаксических свойствах глаголов, а на описываемых ими положениях дел. Отметим также, что наравне с терминем *смысловый* передко употребляется и термин *смысловый*.

²² В случае живостей природы процессы выливаются в состояния. Об этом свидетельствует возможность употребления сочинительных союзов в предлоказном типе (1).

(1) *На улице холодно и идет мокрый снег.*

²³ В частности, Л. Карлсон (*Carlson* 1981: 37–39) считает глагол *to smäll* динамическим, поскольку можно сказать *He is smälling*. Если мы рассуждаем на уровне глаголов, а предикаты семантического уровня, такие тесты невозможны, но менее убедительны.

²⁴ Моментальные глаголы русского языка рассматриваются, например, Ю. Д. Апресяном (1988).

²⁵ Как видно, по своей основной идее наша модель напоминает классификацию Э. Ветцлера, о которой уже шла речь в разделе 4.2.

²⁶ Можно спорить о том, отличается ли чем-то конечный пункт (*goal*, *result*, *limit*, *terminal point*, *end-state*, *climax*; ср.: Dahl 1981: 83) динамического положения дел от «поворотного момента» результативных полнокровных дел. А. В. Бондарко (1990b: 11), ссылаясь на А. А. Баренцова, констатирует, что, когда действие представляется как одно целое, его окончание совпадает с переходом к новому состоянию. Различные типы поворотных моментов рассматриваются, в частности, П. Линдстедтом (*Lindstedt* 1985: 213). В русском языке поцелонаправленность действия может быть выражена, в частности, при помощи глаголов неоднороднонаправленного движения (1).

(1) *Пловец плывет над озером.*

Мальчик плывал по волнам.

²⁰ Э. Дайл (Dahl 1981: 80) называет 15 повествов. пар, используемых в лингвистике для описания различия между процессуальными и динамическими положениями дел. В западной лингвистике широко употребляются термины *telic* и *atelic*; Р. Брехт (Brecht 1985: 14–16) говорит также о «телеизации» и «ателеизации» (*telicization* / *atelicization*). В русской аксиологической литературе обычно употребляются термины *предельность* / *непредельность* (*ограниченность* / *неограниченность*) и *целостность* / *нецелостность*.

²¹ Изначная сущность терминальности, М. Лейновел в (Leinonen 1982: 25) отмечает, что дополнение объекта не обязательно вызывает «синтаксическую терминальность», и приводит к выводу о том, что терминальность представляет собой главным образом прагматическую характеристику положения дел.

²² Следует также отметить, что нередко повествовательные глаголы имеют различные значения и смысловые оттенки, релевантные для их интерпретации. Такими факторами являются, в частности, семантика и число дополнения (ср.: Carlson 1981; Mourelatos 1981: 196; Brecht 1985: 13; Timberlake 1985: 45–46).

- (1a) *Иван подарил Маше цветы.*
(результативное положение дел: – у Маши цветы)
- (1б) *Иван подарил Маше подарок.*
(акциональное положение дел: в у Маши подарок)
- (2a) *Иван открыл в двери замок.*
(акциональное положение дел)
- (2б) *Иван позвонил бабушке.*
(процесс) – Иван разговаривал с бабушкой по телефону)
- (3a) *Николай Иван сказал, что она не любит Виктора.*
(акциональное положение дел)
- (3б) *Иван решает трудно поставленную задачу.*
(ситуативное абстрактное состояние со значением способности)

Рассматривая значение дополнения при интерпретации категорий глагола, Р. Брехт (Brecht 1985: 14) отмечает, что говорящий может модифицировать основную ситуацию, либо обращая внимание на ту или иную ее часть, либо изменяя характер ситуации. Такие случаи широко обсуждаются также Э. Дайлом (Dahl 1981).

²³ Достижение поворотного момента не означает, что процесс уже не может продолжаться. А. Д. Кошаров (1998: 227) констатирует по этому поводу: «[...] в некоторых случаях типа *Иван съел суп* предельное состояние совпадает с исчерпанностью действия, но чаще исчерпанность акциона и объективно действие вполне может продолжаться дальше. Например, в высказывании *Белье выстило, Иван подошел к двери* достигание предела вовсе не связано с исчерпанностью действия. Возможность продолжения действия 'идет', 'идет' после предела иллюстрируют примеры *Белье перешила, Иван повторно подошел к двери*. Наблюдение верно:

действительна, и предел относительна, после его достижения он может быть перенесен дальше. Можно даже придумать ситуацию, где и первый пример имеет продолжение: *Иван съел друку и потом решил съесть сыр и колбасу!* Примеры конкретно показывают то, о чем мы неоднократно уже говорили в этой работе: решающим в каждом предложении дел является ограничение и толкование ситуации говорением.

²⁸ Согласно мнению Ю. С. Маслова (1983: 42–43), различие между перфектом (как семантической категорией) и результативным значением в том, что перфект является более общим понятием, которое охватывает те случаи, где акциональность глагола потеряла свое значение. Однако в той же коллективной монографии В. П. Подданных и С. Е. Яковлев (1983: 7) причисляют к результативным глаголам и такие, которые, если следовать концепции Ю. С. Маслова, к ним не относятся. Перфективность широко рассматривается также, в частности, К. Таммола (1984, 1985, 1986: 35–39) и Н. Тейлором (см., например: Тейлор 1988).

Интересное сопоставление понятий перфекта, пассива и субъективной и объективной результативности проведено Э. Ш. Геймонено (1991), которая иллюстрирует отклонение между ними в виде следующей таблицы.

	перфект	пассив	субъективный результатив	объективный результатив
именные аспекты	—	—	+	+
именные диктаны	—	+	—	+
результативность	+	—	+	+

Следует еще упомянуть о терминологии, используемой Ф. Даншем (Danah 1991: 74–76). Он различает, во-первых, две основные группы: стативные и динамические предикаты. Последние (*non-goings*) делятся далее на процессы и мутации. Мутации представляют собой переходы от «открытых» ситуаций к «закрытым» ситуациям, которые считаются «результатом».

В ФС употребляется термин *результативный*, поскольку термин *перфективный* чаще ассоциируется либо с совершенным видом, либо с временной формой перфекта.

²⁹ По мнению К. Чванн (Слону 1990: 222), русские предложения типа *Иван убил Бориса* не выражают значение состояния без поддержки контекста.

³⁰ Следует, однако, отметить, что при описании поворотных моментов говорения может изменять свой угол зрения на ситуацию. Те же глаголы, которые указывают на результативные положения дел, могут указывать также на моментальные положения дел. В примере (1) положение дел не выражает собственно результативного значения, переход к новому составному, а представляет цепочки моментальных событий.

• •

(1) *Иван прыгнул в воду и стал плавать на весло двумя руками.*

³⁷ В некоторых случаях В. Гладков (Gladkov 1989: 46) дает русским предложениям с результативным значением следующие немецкие эквиваленты, которые выражают только значение состояния:

- (1a) *Сун остыл.*
 (1b) *Die Suppe ist kalt.*

Результативное значение чаще всего встречается в прошедшем времени (в финском языке в перфекте и плюсквамперфекте), но оно возможно также при описании будущих событий (2–3).

- (2) *Я устает на концерте, как рубашка быстро высыхает.*
 (3) *Я устает на концерте, как рубашка вскоре будет сухой.*

³⁸ Как показывает М. А. Шелкина (1983: 40), мимик глагола русского языка не допускает результативно-момантального значения (1).

- (1) *Утром / *В эту минуту она старела обед.*

³⁹ Специфический характер данных глаголов виден как в русских, так и в финских повествовательных структурах. Несовершенный вид русских глаголов *принять, достичь и выйти* не может быть употреблен для выражения процесса. Соответственно, в финском языке при данных глаголах нельзя использовать партитивный объект: **Minä lähtin / lähten kahvikod* ('Миня уходит / выходит моменту').

⁴⁰ Глагол *победить* в данном случае выражает значение 'прекратить кого-либо в каком-либо состязании'. На этом основании значение данного глагола на глубинном уровне можно было бы разделить на компоненты, но при этом потерялась бы представленность о том, что данное положение дел является именно действительным. Глагол *проиграть* отличается от глагола *победить* тем, что мы можем специально, нарочно проиграть, но не выиграть.

⁴¹ Примеры с теннисом требуют дополнительного комментария. Уже написав эти строки и выступая в июне 2004 года в Москве на конференции «Семантическая поле игры», организованной Проблемной группой «Логический анализ языка», с докладом на тему «Актуальность и игра в теннис», я ознакомился с работой К. Кабайлети об актуальности в английском языке. Автор тоже (Kabaylety 2000: 243–247) приводит примеры об игре в теннис поочередно или гейм. Правда, для *to play a game of tennis* представляет перфектность (перфективный аспект), поскольку действие доведено до своего естественного конца (*natural endpoint*). Следовательно, мы видим ситуацию несколько иначе. Мы исключаем из того, что в игре на счет конец гейма или сет — это победа или поражение. Мы пишем письмо с целью написать его, так и, играя гейм или сет в теннис, мы ставим цель не просто доиграть его до конца, а выиграть.

⁴² О разных типах ситуаций и предикатов см. (Бондарко 1992).

⁴³ О глаголах множественной полипропозиционной семантики см. (Валленка 1997), с литературурой.

⁴⁶ Ср. классификации видовых противопоставлений в: (Ferguson 1970: 49; Шелкин 1987: 74–76; Тихонов 1998; Залепина, Шмельс 2000: 56–57; Глозницкая 2001: 82–147). Разные аспектуальные варианты одного и того же предиката можно считать вариантами АСПЕКТУАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ. Термин исла Т. В. Беломытцова (2001). Мы хотели бы дать ему несколько иную интерпретацию. Согласно нашей концепции, модификация полемичности дел с помощью показателей фактивности и итеративности (и мультипликативности) выходит за пределы такой парадигмы, то, с другой стороны, мы включили бы в нее случаи, когда аспектуальные значения выражаются разными лексемами (ср. *idena, doilya, priyima* и т. п.).

⁴⁷ Литература о конитивах уже упоминалась в примеч. 25 второй главы. Отметим еще в этой связи, что наличие видовой оппозиции у русских глаголов делает возможным выражение предварительной фазы до достижения цели одной только видовой формой. Как показывает Б. Коори (1997: 119), в английском языке нельзя сказать (1). Правда, решающую роль здесь играет не только грамматическая категория вида, но и особенности конкретной лексики.

(1) **You are solving this problem.*

⁴⁸ В разговорной речи иногда употребляется глагол *чашерю* (1), но он имеет, несмотря на его словообразовательный тип, терминальное или результирующее значение.

(1) [---] *конфидурционный файл гораздо удобнее, если дома бы один раз **чашерю** доку* (из Интернета)

⁴⁹ Данная классификация степеней определенности используется, в частности, в (Dirven, Radden 1977: 217–223; ср. также Гладков 1992; Шмельс 1992; Коварина 2003).

⁵⁰ Примеры частично взяты из работы (Gladkov 1998, ср. Gladkov 1979), в которой приводится и подробный анализ показателей Определенности в номинисме и русском языках. Другие работы, в которых составляются артиклевые и неартиклевые классы: (Сельветтан 1991: 162–180 — английский и финский; Сельветту 1993 — английский, болгарский и русский; Кари Херманн 2001 — русский и испанский). Как констатирует А. Честерман (Сельветтан 1991), с категорией определенности (*definiteness*) связаны разные измерения, при определении которых, помимо крайних значений, следует выделить различные переходные ступени.

⁵¹ Употребление пассива в случае, когда Субъект известен, связано с потребностью «нейтрализовать» речь. Тенденция к такому употреблению пассива наблюдается, в частности, в русском языке (см., например: Караулов 1991: 27; ср. также: Николаева 1988а: 159). Такое употребление пассива широко обсуждается, например, в (Вихлял-Аннинский 1993).

⁵² Категория типа *acc. indefin.* любой рассматривается во многих исследованиях (см., например: Падучева 1989). Обшая классификация «квантитативов» русского языка представлена в работе Т. В. Ломтева (1971; ср. также Калашник 1998). Соотношение категории Определенности и катего-

рин Количественности расширяется в работах (Эдельман 1996; Шмелс 2002: 72–132).

²¹ Русские обобщенные предложения описываются в работе (Гулыга 1979; см. также: Лобанова, Слесарева 1984: 10–11; Огредт 1998).

²² В. Гладков (Gladkov 1999: 49) приводит пример из немецкого языка, в котором есть четыре возможности выразить обобщенное значение:

- (1) *Der Mensch ist sterblich.*
- (2) *Ein Mensch ist sterblich.*
- (3) *Die Menschen sind sterblich.*
- (4) *Menschen sind sterblich.*

²³ О категории Количественности в широком смысле слова см., например, (Сурури 1996; Рудские 1996). О «наивной математике» см. (Норман 2004).

²⁴ Выражения предельной квалификации в русском языке обсуждаются в (Рете 1984).

²⁵ Обстоятельства времени при абстрактных предложениях деп рассматриваются в (Булыгина 1982: 27).

²⁶ Систематическая классификация средств выражения логикан в русском языке дается в (Возволодова, Владимировой 1982; см. также: Бонков 1975; Юрковский 1975; Freidhof 1978; Gladkov 1999: 121–134). Средства выражения логикан в английском и русском языках сопоставляются в книге (Vel'finklin et al. 1988: 118–168). С теоретической точки зрения логикан рассматривается в работе (Spall et al. 1969: 100; ср. также Норман 1999; Пушгина 1999; Саскина 2004).

²⁷ Разные выражения места образуют сложную систему с многими отношениями значения. Они хорошо проанализированы, в частности, в многочисленных работах Ю. Д. Агрескина и Е. В. Падучевой. Особую роль играет метаязыковые наблюдения, семантические особенности того предмета, который является ориентиром, а также нормативное представление о мире. Приведем только один пример. Мы, как правило, интерпретируем, что в (1) такса стоит назового дальше от двери, чем человек в (2).

- (1) *Такса стоит у двери.*
- (2) *Невысокий человек стоит у двери.*

²⁸ Очевидно, здесь нужно различать две виды языковых конвенций, противоречащие представлению о мире, с одной стороны, и различие между научной и наивной картинками мира — с другой (ср. Рахманова 2000: 23).

²⁹ См., например, работу (Богуславский, Намдин 2000), в которой анализируются разные выражения медленности (ср. Пушгина 2000б).

³⁰ Принятая реляция означает, что число возможных предикатов существенно увеличивается. Это облегчает составление полного списка предикатов — задачу, которая не входит в рамки нынешней версии ФС, но которая может быть поставлена на повестку дня позднее.

8. Сложные семантические структуры

Сложными называются семантические структуры, которые состоят из более чем одного простого ядра или из сочетания простого и расширенного ядра. Напомним, что существуют промежуточные случаи, когда дополнительный элемент отмечается в семантической структуре в виде погружения. Пример (1) соответствует семантической структуре $[Ac; A, (Cb; O), L]$, т. е. Характеристика выражается как погруженный элемент при Объекте.

- (1) *Мы отнесли старую мебель на улицу.*

Напомним также о том, что асимметрия семантического и поверхностного уровней проявляется и в сложных семантических структурах. Существуют сложные семантические структуры, которые выражаются простым предложением³ (2), а, наоборот, существуют простые семантические структуры, которые выражаются сложным или двумя простыми предложениями (3).

- (2) *Вместо президента на открытии выступил министр обороны.*
(= «Должен был выступать президент, но выступил министр обороны»)
Мы опоздали из-за сильного дождя.
(= «Мы опоздали, потому что шел сильный дождь»)
- (3) *Игорь торжественно открыл бутылку вина. Он использовал новый штопор.*
(= «Игорь торжественно открыл новым штопором бутылку вина»)

В схематической презентации сложных семантических структур используются метасюжеты, соединяющие два положения дел: $\{[P_1]$ **МЕТАСЮЖЕТ** $[P_2]\}$ или $\{$ МЕТАСЮЖЕТ $[P_1], [P_2]\}$.

Метасюжеты делятся на три типа в зависимости от того, какие отношения между положениями дел они передают: **КОННЕКТИВНЫЕ**, **ТАКТИСНЫЕ** или **ЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**. Переходя к их рассмотрению, напомним, что нашей целью является не перечисление тех языковых средств, которые могут быть использованы в русском

языке при выражении разных метасоюзов, а представление разных семантических категорий с помощью русских примеров.

А.1. Конъюнктивные союзы

Своим характерным конъюнктивным метасоюзом является «И», указывающий на общность или одинаковость компонентов или целых положений деп. Данное значение, как правило, выражается союзом *и*, предложением с или отсутствием средства соединительной связи (1). Следует подчеркнуть, что повествовательный союз *и* может выражать также таковые (2) и логические (3) отношения. Семантическую структуру примера (1) можно передать двумя простыми предложениями [Ас, А (= «Нина»), L] И [Ас, А (= «Виктор»), L]; или таким вариантом, где метасоюз приписан к актанту [Ас, А (= «Нина» И «Виктор»), L]

- (1) *Нина и Виктор / Нина с Виктором пойдут в кино.*
«Нинка», «Моторола», «Самсунг» и «Сони-Эрикссон» — самые крупные производители мобильных телефонов в мире.
- (2) *На кухне Виктор мыет посуду и Петя ловит рыбу.*
- (3) *Пошел дождь, и мы отменили поездку.*

Близок к метасоюзу «И» метасоюз «А ТАКЖЕ» (4). При этом союз [P₁] остается на заднем плане, а на передний план выдвигается [P₂]. Таким образом, [P₂] занимает подчеркнутую позицию ремы. Для выражения этого значения существуют разные повествовательные структуры: *не только ... но и, вместе с, наряду с, помимо, кроме, также*. Каждая из них предстает высказыванию своей смысловой оттоком.

- (4) *Помимо волейбола, Оля любит еще баскетбол.*
В городе нет ни одного миниатюра, баскетбол также еще спорится.
Нина превосходит Петю не только в теннисе, но и в бадминтоне.
Кроме английского языка, Нина знает еще и итальянский².

Метасоюзы «И» и «А ТАКЖЕ» не указывают на противоречие или несоответствие между [P₁] и [P₂]. Несоответствие же выражается метасоюзом «А», при котором [P₁] представляет собой нечто отличное от [P₂] (5). Существуют разные средства выражения этого значения: *а, а то время как, между тем как, если ... но³*. Кроме того, метасоюзом «НЕ... А» можно обозначать случаи, в которых какой-

либо из элементов семантической структуры получает реализацию, отличающуюся от ожидаемого. Семантическая структура примера (6) — [Ac; A (= «НЕ Виктор, А Петя»), O]. В (7) другие примеры того же типа.

- (5) *Виктор — врач, а Нина — директор школы.
Она — хороший математик и спортсменка, в то время как
Петя отличается своими талантами в литературе и музы-
ке.
Если Игорь — приятный собеседник, то Виктор — прекрас-
ный олея.*
- (6) *Вместо Виктора обид красивейшая Петя.*
- (7) *Нина помела квартиру не в пятницу, как обычно, а в субботу.
США не такая-то так сказочная страна чудес, а скорее
страна ужасов.
В отличие от Нью-Йорка, в Питере достаточно безопасно
ходить по улицам вечером.
Вместо того чтобы поехать с Ниной, Виктор один пошел
на дискотеку.*

Метасоюз «ИЛИ» указывает на альтернативу (8). Если альтерна-
тивные положения дел являются повторяющимися, употребляются
также двойные союзы *то... то, или... или, либо... либо* и (реже) *или-
ли... а иногда* (9).

- (8) *Я прыгну завтра или послезавтра.
Я завтра пойду гулять или играть в теннис.*
- (9) *Нина поедет к Игорю то в воскресенье, то в субботу / или по
воскресеньям, или по субботам.
Иногда Нина любит спать в палатке, а иногда в самой доро-
гой гостинице города.*

Следует также выделить конъюнктивный метасоюз «РАВИНО», вы-
ражающий, что $[P_1]$ и $[P_2]$ указывают на тождество двух положений
дел. Если предложения типа Сергей — *замечательный молодой русский*
содержат только одно положение дел, идентификацию, то в приве-
дах (10) два положения дел ⁴.

- (10) *Формализованные — это привезенные дискиеты в рабочем со-
стоянии.
Для Виктора расслабиться с Ниной — то же самое, что по-
пытаться оторы в жезла.
Русские говорят, что переезд на новое место равносильно
двум переездам.*

Отметим в этой связи, что поперечные структуры, близкие к примерам (10), иногда выражают не конъюнктивные, а скорее логические отношения между $[P_1]$ и $[P_2]$. Такие пары положений дел взаимосвязаны достаточно сложным образом: $[P_2]$ является следствием $[P_1]$, а одновременно $[P_1]$ является объяснением или поводом для $[P_2]$ (см. 11).

- (11) *Мотор у машины стонет, т. е. / другими словами / иначе говоря / таким образом / в результате / это значит, на машине мотая слани.*
Бомбардировка самолёты означает наслышавше войну / обильные войны.
Ты сердишься, значит, ты не прав.

Необходимо еще рассмотреть совокупность сложных семантических структур, обозначающих Сравнение (метаслово «КАК») ². Остановимся на нем более подробно, чтобы обсудить и общие классификационные проблемы при рассмотрении метасловов. Оказывается, что Сравнение находится на стыке многих семантических категорий. Это в частности в сложных семантических структурах тем или иным способом сочетаются как минимум два положения дел.

Начнем со случаев, которые можно считать простыми семантическими структурами, выражающими Характеристику или Идентификацию; в них передается Отношение двух Нейтралов (12). В примере (13) предметом Характеристики является голос Нины сегодня и ее голос вообще. Такое сравнение, пожалуй, можно описывать как Отношение двух Нейтралов, при этом оба слабости погружены в выражение Времени.

- (12) *Наш двор как сад / слово сад / напоминают сад.*
Сын — копия отца / вылитый отец / похож на отца.
Екатеринбург больше Одессы.
Волосы по численности выделены равны Волгу.
Наша политика в этом вопросе одинакова / стоим (рядом) собой).
Наша политика в этом вопросе далека друг от друга / различия / сильно отличаются.
- (13) *Голос у Нины сегодня был иной / не такой, как обычно.*

Другой случай, где мы имеем дело с простой семантической структурой, — это сравнение в функции спецификатора Образа и способа действия. Устойчивые сравнения типа (14), как правило, выражают большую степень какого-либо качественного или количе-

ственного признака. Когда употребляются соответствующие, но менее устойчивые сравнительные обороты, как в (15), возможно двойное толкование в зависимости от речевой ситуации: «Они приняли нас, как принимают друзья» или «Они приняли нас тепло».

- (14) *Льет как из ведра.*
Я люблю Москву как свои пять пальцев.
Он молчит как рыба.
Птица камнем упала на землю.
 (15) *Они приняли нас как друзей.*

Сравнение может быть связано и с авторизацией (16). Кроме того, некоторые союзы (*будто, словно, как бы* и др.) сигнализируют одновременно о сравнении и недостоверности данной информации (17). Такие высказывания приближаются к выражениям Уступки («хотя он ничего не понимал»). Пример (18), в свою очередь, имеет в отглаголи Слособа и образ действия («познано хорошо»).

- (16) *Я, как и все, думаю, что Россия богата природными ресурсами.*
Петя точно так же, как и Виктор, считает, что Нина слишком мало работает дома.
 (17) *Он слушает внимательно, (как) будто комкает рот на незнании ему языка.*
 (18) *Я помню этот день, будто он был вчера.*

Следующая пограничная зона, которая требует комментария, это семантические структуры, представленные метасоюзами «КАК» и «А ТАКЖЕ». Сопоставим сначала пример (19а) с примерами (19б—19д). Спрашивается, представляют ли все они одну и ту же сложную семантическую структуру, а именно такую, где есть метасюзы «А ТАКЖЕ». Нам кажется, что такое толкование оправдано, поскольку различия в значении приведенных высказываний обусловлены не столько их семантической, сколько контекстуальными (текстуальными) факторами или фокусом внимания говорящего. Когда компоненты перечисляются без выдвигания одного из них на передний план, между ними стоит не метасюзы «А ТАКЖЕ», а метасюзы «И».

- (19а) *Лермонтов, как и Пушкин, родился в Москве.*
 (19б) *Помимо Пушкина, и Лермонтов родился в Москве.*
 (19в) *Не только Пушкин, но и Лермонтов родился в Москве.*
 (19г) *И Лермонтов и Пушкин родились в Москве.*
 (19д) *Лермонтов и Пушкин оба родились в Москве.*

Несколько иной тип случаев, когда предметом сравнения является временной план. Значение примера (20), приблизительно, «Он спал не только вчера, но он делает это часто», а примера (21) — «Москва и Санкт-Петербург продолжает соперничать в области культуры». На основе таких интерпретаций можно предполагать, что в семантической структуре примера (20) метаслово «А ТАКЖЕ», а в (21) — темпоральная фаза с метадлагоном «ПРОДОЛЖАТЬ».

(20) *Вчера он спал, как всегда.*

(21) *Москва и Санкт-Петербург, как и раньше, / по-прежнему соперничают в области культуры.*

Выше мы рассмотрели случаи, где есть сравнение, но не предполагается наличия метаслова «КАК» между двумя полужонкими дел. Уже пора приводить и такие примеры, где он есть. Как показывают примеры (22–24), используемые языковые средства могут существенно различаться по своим структурам.

(22a) *В Питере мало уличного движения по сравнению с Москвой.*

(22b) *В Питере меньше уличного движения, чем в Москве.*

(22в) *В Питере много уличного движения, а в Москве еще больше.*

(23a) *По сравнению с Ниной, Виктор часто бывает дома.*

(23b) *Виктор бывает дома чаще, чем Нина.*

(23в) *Виктор больше бывает дома, чем Нина.*

(24a) *Финляндия относится к Англии, как Финляндия к России, — малая зеленая страна рядом с большим восточным соседом.*

(24b) *Финляндия — это маленькая зеленая страна рядом с большим восточным соседом. В таком же положении находится Финляндия по отношению к России.*

Рассмотрим еще примеры, где союз *как* употребляется в функции, которую нельзя считать Сравнением. Во всех случаях речь идет, так или иначе, о роли актанта, но их интерпретации с точки зрения описания в ФС различны. В (25) у нас Идентификация, которая прикреплена к определенному Месту. В примерах (26) выражаются, скорее всего, причинно-следственные значения («Ты мой друг, и потому...»). В примере (27), в свою очередь, выражается Сравнение особого типа: поведение Агенса сопоставляется с нормой поведения подобных Агентов. Такое предположение имеет значение, близкое к «Поскольку Сергей — мужчина, он...». Семантика примеров (28) достаточно очевидна: интерес или удивление к актанту касается его не в целом, а в определенной роли или качестве. Такое ограниченное значение трудно схематизировать.

Аспектуальные черты одновременных положений дел могут варьироваться. В примерах (6–7) оба положения дел являются процессами, которые совпадают по времени целиком. В примере (8) $[P_1]$ является процессом, а $[P_2]$ — моментальным положением дел, которое имеет место во время процесса. В примерах (9) и (10) $[P_1]$ является неактуальным положением дел, которое составляет широкий фон; в примере (9) $[P_2]$ также неактуальное положение дел, а в (10) — узкое.

- (6) *В то время как Нина смотрела телевизор, Виктор мыл посуду.*
 (7) *Моя посуду, Виктор слушает радио. / Слушая радио, он мыл посуду.*
 (8) *Когда Нина смотрела телевизор, малышка ударилась в дверь на дворе.*
Когда Виктор мыл посуду, он разбил старинную вазу, подаренную мамой.
 (9) *Когда Нина была маленькой, ее волосы были черные как смоль.*
 (10) *Когда Виктор еще ходил в школу, он каждую субботу ходил к бабушке.*
В школе Виктор всегда собрал все задания на выходные.

Кроме отыменных союзов и деепричастных оборотов, одновременность передается отычательными существительными, перед которыми стоит предлог (на, за и др.) или эквивалент слова ⁵ (во время, в течение, в ходе и т. п.) (11). В этом значении используются также деепричастные слова или конструкции (12)⁶. Предлог *при* употребляется, в частности, с личными именами или названиями состояний и процессов (13). Одновременность выражают и конструкции *параллельно с и в то же время* (14).

- (11) *За завтраком / Во время завтрака / Когда мы завтракали, мы разговаривали о планах на лето.*
В военное время / Во время войны отец Виктора работал в местном сельском госпитале.
 (12) *Вчера Петю били в школе. // Петю побили, когда он вчера был в школе.*
Они познакомились у моря / в Испании / на юге / после конференции.
На выставках современного искусства мне всегда дружно / непринужденно / свободно / легко / удобно / не по себе.

- (13) *При Петре Первом начались европеизация России,
При Петре все было иначе.
На людях Паша и Игорь мало улыбались друг другу,
При свете / На свету / Когда зажгется свет, она выглядела
еще старомоднейше.
При переходе улицы / Переходи улицу, будьте осторожны.*
- (14) *После перерыва работаем почти сейчас. В это же время /
Одновременно / Параллельно с нами идут еще «крутые
столы».*

Одновременность с дополнительными оттенками выражают местоимения «ПО МЕРЕ ТОГО КАК» и «ПОКА». Первый из них указывает на пропорциональное изменение $[P_1]$ во время $[P_2]$ (15), а второй подчеркивает необходимость или важность осуществления $[P_1]$, когда $[P_2]$ еще не окончено.

- (15) *По мере того как город растет, растут и проблемы змее-
ного движения.
По мере того как в компании таяли деньги, в молодой семье
портилась атмосфера.*
- (16) *Пока мы все еще в сборе, давайте фотографироваться.
Пока цены на акции выше 10 евро, их стоит покупать.*

Выражение НЕОДНОВРЕМЕННОСТИ типично, если следующие друг за другом положения дел являются терминальными, результативными или моментальными (17–18). Процессуальные положения дел с трудом сочетаются с ними (ср. 19а и 19б). Это понятно, поскольку переход в новое положение дел возможен только после того, как предыдущее закончено. Когда процессуальные положения дел следуют друг за другом, они толкуются как временно ограниченные («ЗАКРЫТЫЙ ПЕРИОД») (20, ср. гл. 10).

- (17) *Выступ пришел дым и пошел спать.*
- (18) *Раздался звонок, и дети убежали во двор.*
- (19а) **Выступ шел, армянам дым, и пошел спать.*
- (19б) *Выступ шел, армянам дым, и звонок пошел спать.*
- (20) *Выступ шел несуду, шел, армянам дым и пошел смотрел
экранатор.
Мы слушали доклад, потом долго обсуждали его, а дальше
пяти пяти в соседнем кабинете и разговаривали до полудня.*

Неодновременность можно разделить на две разновидности в зависимости от того, имеет ли место акцентированное, основное поло-

вопрос дел до или после фонового положения дел. Таким образом, можно говорить о предшествовании и последовательности / следовании. Рассмотрим сначала случаи последовательности. Общее, «нейтральное» следование положений дел обозначается метасловом «А ПОТОМ»: $\{[P_1] \text{ А ПОТОМ } [P_2]\}$. Кроме многофункционального союза *когда*, для выражения этого значения есть такие специфические средства, как *после того как*, *с тех пор как* (21). Кроме того, употребляются наречия (22), деепричастные обороты (23), (реже) причастные обороты (24), а также различные предлоги (25).

- (21) *После того как / Когда война кончилась, начался длительный период восстановления страны.*
После того как доктору диссертацию, когда на ее отвечать.
Я это сдала, когда будет закончена работа над книгой.
- (22) *Сначала мы разговаривали в нормальном тоне, а потом начали ужасная ссора.*
Мы долго купались в теплой воде, а потом загорали на пляже.
- (23) *Выучив уроки, она пошла на тренировку.*
- (24) *Человек, прочитавший книгу, отнес ее в библиотеку.*
- (25) *После войны началось восстановление страны.*

В некоторых случаях $[P_2]$ понимается как начало нового длительного периода. И здесь возможны разные языковые средства выражения (26).

- (26) *С тех пор как дедушка на пенсию, он нигде уже не ходит.*
После выхода на пенсию дедушка уже нигде не ходит.
С открытием местного клуба все в этом районе изменилось.
После того как здесь открыли ночной клуб, в районе стало неспокойно.

Иногда бывает нужно подчеркнуть быстрое следование $[P_2]$ за $[P_1]$, оно обозначается метасловом «СРАЗУ ПОСЛЕ»: $\{[P_1] \text{ СРАЗУ ПОСЛЕ } [P_2]\}$. Для выражения этого значения есть специальные средства, например союз *как только*, и др. (27).

- (27) *Как только война кончилась, / Сразу по окончании / После окончания войны началось активное восстановление страны.*
Как только раздался звонок, / Сразу после звонка дети убежали во двор. // Звонок — и дети бегут во двор.

*Сразу после занятий все поставил на складной, чтобы успеть
на матч между «Локомотивом» и «Арсеналом».*

Не успел и отлучиться, как тор пелел.

*Не успел я / Только я успел высказаться предположить, как
случившиеся события меня поразили.*

Другая основная разновидность Несовременности — предшествование. В ней речь идет так же, как и при последовательности, о двух положениях дел, которые следуют одно за другим. Однако отношение между $[P_1]$ и $[P_2]$ иное. Если при последовательности фон составляет временно первое положение дел, а основной акцент высказывания на $[P_2]$, то при предшествовании ситуация обратная.

При выражении предшествования намечаются разные семантические нюансы. Они могут быть сгруппированы под двумя метасловами, обозначение которых в русском языке затруднено из-за полифункциональности союза *до*. Дело в том, что он покрывает те значения, которые передаются в английском языке предложениями *before* и *until*. Это как раз те смыслы, которые здесь нужны. Поэтому мы избегаем использования слова *до* как такового, а вводим менее звучные, но более однозначные метаслова «РАΝЬШЕ ТОГО КАК» и «ДО ТОГО МОМЕНТА, КАК». Они оба передаются многими языковыми средствами (см. 28 и 29).

(28) *Задолго до смерти бабушки Виктор понял, что ему уже ничем было не помочь.*

Еще до того, как Нина уехала в Новосибирск, Виктор пытался поговорить с ней.

До начала учебного года работы над книгой так и не были завершены.

(29) *Мы были в сауне, пока женщины не потребовали от нас освободить их.*

Мы досидели на веранде до восхода солнца.

До того как изменит будильник, все в доме сладко спало.

Заключив этот раздел, следует еще сказать несколько слов о соотношении таксисных метасловов и временных ориентиров. Как показывают приведенные примеры, одни и те же предположительно-надежные выражения могут быть использованы в обеих функциях. Для различения этих случаев нет четкого критерия. В качестве теста предлагается использовать возможность образования придаточного предложения. Обычно это получается легко, если время обозначено отпайгольным существительным (*завтрак, война, зима, использование*), но

сравнению с теми случаями, когда оно обозначается временным ориентиром типа *завтрашес, вечер, весна*. Иногда временной ориентир может быть соединен с придаточным предложением (30).

- (30) *Нана уходит в магазин по вторникам и / или когда она чувствует себя усталой.*

8.3. Логические отношения

При логических отношениях $[P_2]$ является тем или иным объяснением для $[P_1]$. Эти значения часто рассматриваются также в рамках поля обусловленности¹⁰. Выделяются следующие логические отношения: Причина, Следствие, Условие, Уступка и Цель. Набор логических метасловов диктуется принципом целесообразности в конкретных функциональных описаниях языков.

Остановимся сначала на вопросе о том, как изменение перспективы говорящего (ср. 1.5) влияет на логические отношения. Хотя однозначного ответа здесь нет, но, очевидно, можно выделить следующие случаи по отношению к степени существенности изменения. В одних случаях изменение порядка следования положений дел не оказывает особого влияния на смысл предложения (1); в других случаях фоновая информация, выдвигаясь на передний план, придает предложению новый смысловой оттенок (2); иногда же можно говорить об отдельной семантической структуре, как в (3), где выражение причины становится выражением следствия.

- (1) *Если не хочешь заболеть, надень шапку.
Надень шапку, если не хочешь заболеть.*
- (2) *Виктор спортсмен, но он не умеет плавать.
Виктор не умеет плавать, но / хотя он в общем-то хороший спортсмен.*
- (3) *Трубы лопнули, так как они были заморожены.
Трубы были заморожены, так что они лопнули.*

ПРИЧИНУ можно считать основной категорией логических отношений. Ее сущностью интересуются не только лингвисты, но и — еще в большей степени — философы¹¹. О значимости этой семантической категории говорит тот факт, что для ее выражения существует обилие разных языковых средств: одних союзов, используемых в этой функции, больше 25, предлогов или эквивалентов предлога не меньше¹². Несмотря на разные варианты значения, выделим только

един метавсказ «ТАК КАК»: $\{[P_1] \text{ ТАК КАК } [P_2]\}$ ¹³. Удовольствуемся некоторыми примерами (4).

- (4) *Председатель не придет, потому что заболел.
Он поспустил так из ревности / из-за слепоты / по инерции / со стыда / в знак протеста / под влиянием начальства / без всякого умысла / без задней мысли / благодаря врожденной тактичности / не подумав / споряча / обиду.
Ситуация в университете тихая: студентами заняты кабинетом ректора / потому что студентами заняты кабинет ректора.
Виктор вынужден вести домашнее хозяйство один, так как / потому что / вследствие того что у Нины так много увлечений.
Виктор вынужден вести домашнее хозяйство один из-за множества хобби Нины.
С точки зрения будущего человечества значимые занятия центральное место среди научных дисциплин, поскольку оно вместе с другими науками изучает самую острую проблему мира — почему люди не понимают друг друга.*

Разные языковые средства вносят свои смысловые оттенки в сложное денотативное значение (ср. 5а и 5б). Иногда достаточно определенной последовательности высказываний (6) ¹⁴. Для выражения Причины характерны клишированные конструкции, в которых актант только упоминается, а имеется в виду то, что он сделал или что с ним случилось (7). Иногда Причина передается напрямую; тогда на это значение накладываются и другие семантические оттенки (8).

- (5а) *Из-за дождей / Благодаря дождям цены на клубнику повысились.*
Благодаря сезонному немы было крайне тяжело.
- (5б) *Из-за (долгих) дождей цены на клубнику повысились.*
Из-за немы садовая мяк не спелась.
- (6) *(Ответ на побуждение Победим я знаю:) Не могу. У меня завтра экзамен.*
Ресторан заболел и не мог быть на собрании.
- (7) *Россия проиграла из-за Иванова, Петрова или Сидорова.*
Я опоздала из-за очков. («потому что не могла найти очки»)
- (8) *С новой прической Нину не узнать.*
(Решивка другу:) Между друзьями нет секретов. («Так как мы друзья, у нас нет секретов» ⇒ «Открой мне секрет»)

Следствие является обязательным обратным (конверсивным) партнером Причины: между двумя положениями дел существует та же самая взаимосвязь, но на этот раз Причина занимает первую позицию. Это не обязательно означает линейную последовательность $[P_1]$ и $[P_2]$; важно то, как они мыслятся говорящим. В этой функции используется метаслово «ПОЭТОМУ»: $\{[P_2] \text{ ПОЭТОМУ } [P_1]\}$. Встречаются самые разные поверхностные структуры; некоторые примеры в (9).

- (9) *У Нины только любовь, и поэтому Виктор вынужден вести домашнее хозяйство один.*
У Нины столько любви, что Виктор вынужден вести домашнее хозяйство один.
Она открыта, и ветер свободно дует по комнате.
Мы сподобили на нашу любовь. В результате / Из-за этого мы пропускаят первый акт спектакля.
Ваша улыбка и разбилась.
История была так, что его здоровье уже страдает от этого.
Нина влюблена в Игоря так сильно, что уже думает о разводе с Виктором.

Хотя не порядок слов или частей высказывания определяет различие между Причиной и Следствием, он может влиять на их толкование (ср. 10а и 10б). Как случай соподчинения с другими семантическими категориями приведем пример (11), который выражает в зависимости от речевой ситуации или Следствие, или Образу и способ действия.

- (10а) *Из-за количества любви Нины Виктор вынужден вести домашнее хозяйство один.*
 (10б) *Виктор вынужден вести все домашнее хозяйство один из-за количества любви Нины.*
 (11) *Она обиделась до слез. (открыть обиделась или обиделась и ПОЭТОМУ заплакала)*

Выделим также метаслово «СЛЕДОВАТЕЛЬНО», обозначающий Вывод. Он покрывает многообразные случаи, применяющиеся как к Причине, так и к Следствию. В (12а) метаслово «ТАК КАК», а в (12б) — «СЛЕДОВАТЕЛЬНО»; соответственно в (13а) — «ПОЭТОМУ», а в (13б) — «СЛЕДОВАТЕЛЬНО». Нередко высказывания, выражающие Вывод, имеют и авторизирующие элементы (14).

- (12а) *Президиумальна работата, защото като престудилася.*

- (12б) *Преподаватель заболел, поэтому что занятия отменяла.*
 («Занятия отменили, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, преподаватель, видимо, заболел»; правда, существует и менее вероятное прочтение: «Преподаватель заболел, ТАК КАК занятия отменили»)
- (13а) *Закрыла музыка, поэтому мы поехали танцевать.*
- (13б) *Закрыла музыка, значим, концерт начался.*
- (14) *Раз мы здесь, пойдём вместе обедать.*
Студент не пришел. Наверное, заболел.
Если Виктор разговаривает с Никой, это значим, он узнал от неё о ней.

Когда речь идет о логических отношениях со значением ПОСТОЯННОГО СЛЕДСТВИЯ, можно говорить также об Условии: если $[P_1]$, то из этого всегда следует $[P_2]$. При этом также различаются два варианта, которые, в случае необходимости, обозначаются следующим образом: {ЕСЛИ $[P_1]$, ТО ВСЕГДА $[P_2]$ } (15) и {[P_2], С ТЕМ УСЛОВИЕМ ЧТО $[P_1]$ } (16)¹⁷.

- (15) *Если дрова мокрые, они не загорятся.*
Всегда, когда дрова мокрые, они не загорятся.
Мокрые дрова плохо загорятся.
- (16) *Чтобы дрова загорелись, они должны быть сухими.*
Чтобы тост был вкусным, в нем должны быть яйца бы одной порции.

УСЛОВНЫЕ отношения между актуальными положениями дел выражаются метаслоном «ЕСЛИ». Можно выделить две разновидности в зависимости от того, реальны (17а) или виртуальны (17б) сопоставляемые положения дел. Для выражения реального условия существует много разных языковых средств (18)¹⁸.

- (17а) *Если я приеду вовремя, пойдем собирать грибы.*
- (17б) *Если бы я приехал вовремя, мы могли бы пойти собирать грибы.*
- (18) *Если не пошутишь новым парфюмом, я должен буду пользоваться старым.*
Если все будет хорошо, я дам тебе через неделю мыльницу евро.
При желании можете пойти ко мне в любое время.
В том случае, если у вас нет особой необходимости, можете меня не беспокоить.
В случае пожара следует немедленно покинуть здание.
Без общения с носителями языка никто не научится говорить на иностранном языке.

Ты придешь завтра — или тебе будет плохо!

Выбрось мусор, а не то не получишь карманных денег на неделю.

Мне надо гулять каждый день, а то я совсем потеряю форму.

При выражении ирреального условия употребляется форма сослагательного наклонения глагола или ее аналог, например инфинитив, именное или наречное группы с частицей *бы*. Таким образом, в русском языке время в подобных конструкциях не выражается формой глагола. Возможные толкования формы: прошедшее время (19), будущее время (20), неактуальное или повторяющееся положение дел (21).

(19) *Если бы коллеги не помогли мне, я не мог бы закончить эту книгу.*

Будь Буре помощнее в своем ударях, российская команда выиграла бы матч.

(20) *Спасибо за приглашение. Я бы с удовольствием принял на ваш день рождения, если бы не командировка в Китай в это же время.*

Если бы я закончил эту работу до конца года, я был бы самым счастливым человеком в мире.

(21) *Если бы я умел лучше использовать свое время, я не был бы здесь.*

Если бы не жена, он не достиг бы таких успехов. / Без помощи жены он не стал бы президентом.

Если бы не обращать внимания на ошибки, люди говорили бы лучше на иностранных языках.

УСТУПКА выражается глубинным союзом «НОТЯ... НО». Многие языки используют средствами выражения данных отношений. Примеры (22) иллюстрируют достаточно стандартные языковые средства для выражения Уступки. В примерах (23) чувствуется большое экспрессивности, или они содержат другие дополнительные оттенки значения¹⁷.

(22) *Хотя шел дождь, мы поехали в поход.*

Мы поехали в поход, хотя шел дождь.

Несмотря на дождь, мы поехали в поход.

Пошел дождь. Несмотря на это мы поехали в поход.

Шел дождь, но мы поехали в поход.

Дождь не препятствовал / не помешал нам поехать в поход.

- (23) *Идем дождь или светит солнце, мы все равно пойдем в поход.
Идем хоть снег, мы пойдем в поход.
Я пойду за мам, поведу он маму хоть в ад. / Я за маму хоть на край света!
Мамин собака съест все, что мы положим перед ней, дай ей хоть старую обувь.
Старая мамина была продана, тогда как ее можно было бы сохранить в виде реликвии для будущих поколений.*

Для выражения уступки есть множество разных несправых средств. Они не обязательно имеют какую-либо специальную структуру, но конструкции обычно содержат те или иные лексические маркеры (*даже, удивительно, ужасно* и т. п.), придающие им уступительное значение (24).

- (24) *Даже уйм, Макаром сумел забросать майбу. (= хотя Макаром уйм...)*
Мокрое дрова высушить удивительно быстро. (= хотя дрова были мокрые...)
*В короткой речи Нана успела / сумела многое высказать. (= хотя речь была короткой...)*¹⁵

Если о Причине обычно спрашивают ПОЧЕМУ?, то о ЦЕЛИ спрашивают ЗАЧЕМ!¹⁶ Цель передается метасоюзом «ЧТОБЫ»; союз *чтобы* и является основным языковым средством ее выражения (25). Весьма распространенный способ выражения Цели — инфинитив (26).

- (25) *Я переехал на горю, чтобы дышать чистым воздухом леса.
Нана ухаживает в магазин, чтобы сохранить хорошую форму.
Нана обожает все макароны, чтобы пойти себе новое платье.
Мы потрогивались, чтобы устать на поезд.
Россия ведет осторожную политику, чтобы не испортились отношения с США.*
- (26) *Я езжу каждое лето в Яму отдыхать.
Нана любит в Илуро показать свое новое платье.
Шольманов ответил и смеется своим друзьям.
Петя дал Оле показать свои стихи.*

Для выражения Цели используются и конструкции, в которых встречается само слово *цель* (27). Употребляются также разные предложно-подлежащие обороты, особенно с предлогом *для* и предложными, обозначающими направление (*на, в*) (28). Целевое значение имеют также конструкции с глаголами движения и предлогом *из* (29).

- (27) *Иванка и мурка говорят, что цель учбы в школе — научить
интеллектуального мурка или лису.
В целях привлечения избирателей на свою сторону некоторые
политики готовы на любые поступки.
С какой целью эта делегация пришла к вам?*
- (28) *Для решения этой проблемы нужно еще больше людей.
Словам отправны на посты промышленного матышка.
Малыш закрыл на переучет.
Мы должны опидать телевизор в ремонт.*
- (29) *Виктор пошел за хлебом.
Я пойду за вами в колхозные местное.*

Примечания к восьмой главе

¹ По терминологии Я. Г. Тостельма (2001) это — аллус.

² Подробный анализ русского предлога кроме проводит В. Ю. Апресян (2004).

³ Употребление русского союза и анализируется, в частности, в работе (Урысов 2003; с литературой, особенно (Николаева 1997), где сопоставляются союзы и, а и но; ср. также Урысов 2004).

⁴ Семантическая структура с союзом «ИЛИ» можно в принципе трактовать и таким образом, что при них погружена Идентификация.

⁵ Описание многообразных средств выражения Сравнения можно найти в (Книге о грамматике 2004: 563–574); некоторые из данных примеров использованы оттуда. См. также (Барков 1996).

⁶ Теоретические основы изучения табууса заложены, в частности, в работах (Т40Г 1987 разными авторами; см. также: Храковский 1999; Надалько 2003; Юханов 2004).

⁷ Виды глагола участвуют не только в выражении табуальных отношений, но они могут играть важную роль и в выражении обусловленности (см. например: Кольцов 1998).

⁸ Об эквивалентности слова см. (Мустаева, Колотев 2004). К той группе выражений можно отнести не только предлоги типа *на доске, в комнате, к столу* и т.п., но и многие союзы, представленные в этой главе: *потому что, после того как, перед тем как* и т.п.

⁹ Порядок слов может повлиять на толкование логических выражений: ср. *В лесу вдали дома, В лесу дома вдали* (см. подробно: Дручинина 2002).

¹⁰ См., например, работу (Евдоким 1996; ср. также: Евдоким 1997), в которой наряду с теоретическими рассуждениями представлена в целом история изучения категории обусловленности в русской лингвистике. В. Б. Евдоким (1996: 138) пишет, что объединение «нечкой обусловленности» в рамках одной группировки имеет как языковые, так и внязыковые основания.

Под экстралингвистическим углом зрения языковые категории причины, следствия, условия, цели и уступки можно рассматривать как отражение детерминированности явлений действительности, их влияния друг на друга, упорядоченности по отношению друг к другу. Как можно убедиться, список равнозначностей обусловленности у нас такой же, как и у Батшалы, но мы называем их не языковыми, а семантическими категориями.

¹¹ Об истории изучения причинно-следственных связей в философии и лингвистике см., например, (Степанов 1991; Хагг 2004: 9–27).

¹² В диссертации Э. Хагг (2004: 38) приводится достаточно полный список средств выражения причинных отношений в русском языке. Подробное сопоставление значений причинных предлогов можно найти также в работе (Mittwoch, Nitschardt 1995: 236–237).

¹³ В работе (Клига о грамматике 2004: 479–507) выделяются собственно-причинные отношения, несобственно-причинные отношения и контекстуально-обусловленные причинные отношения. Некоторые наши примеры из этой работы. Отметим, однако, что мы не приняли упомянутую классификацию. На наш взгляд, большинство несобственно-причинных отношений можно отнести в Следствия, более конкретно — к сфере действия метаслова «СЛЕДОВАТЕЛЬНО», а контекстуально-обусловленные причинные отношения не образуют особый семантический класс Причины, они являются прямым или косвенным выражением Причины.

¹⁴ См. например (Сивану 1990: 215).

¹⁵ Как показал А. Рагга (Ragga 1991: 251–256), обобщенное предложение с *если* является, с точки зрения семантической структуры, конъюнктом предложения с *и*. Так, например, предложение (1) может быть произведено при помощи правила квантификации, а (2) — при помощи правила присоединения из одной в той же семантической структуре.

(1) *Все солдаты мужественны.*

(2) *Если существует солдат, он мужественен.*

Как представляется, предложения с *если* более уместны в случаях, когда с условием связана характеристика (3). Если же с условием связана экзистенция (как в 1–2), то более типичной является семантическая структура с обобщенным местоимением *кто*. Так, вариант (2) кажется скорее чисто теоретическим, в то время как (3) явно предпочтительнее по сравнению с (4).

(3) *Если фронты сужие, они легко захоронятся.*

(4) *Все сужие фронты легко захоронятся.*

¹⁶ Условные конструкции рассматриваются, в частности, в работах В. С. Хриковского (1996a, б).

¹⁷ Теоретическое описание условительных предложений представлено в работах (Хриковский 1998; Малочука 2004). В нашей рабочей группе подготавливаются две диссертации, в которых рассматривается выражение уступки в русском языке. Работа Юрия Павловича (Хельсинкский универ-

сией) называется «Theory and practice of functional contrastive discourse analysis: restriction of interpretative relevance in Russian and Finnish», в работе Катрин Кару (Тартуский университет) — «Функциональная типология средств выражения уступительных отношений в русском и эстонском языках».

¹⁸ По поводу примеров этого типа см. (Арутюнова, Шварца 1983: 17).

¹⁹ Философская сторона концепта Цель обсуждается в работе (Арутюнова 1992); практические реализации данной семантической категории представлены, в частности, в (Клишова-Грамматика 2004: 533–543).

Часть III

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СИНТАКСИСА В ПРИКЛАДНЫХ ЦЕЛЯХ

Грамматическая модель, основы которой представлены в предыдущих главах и которая описана более подробно во второй части книги, представляет собой одну из альтернатив теоретического описания любого языка. Однако теория ФС может быть также использована и в прикладных целях. В третьей части будет затронут вопрос о том, как она может быть применена при сопоставлении языков, изучении текста и в преподавании иностранных языков.

9. Функциональный синтаксис и сопоставление языков

В теории сопоставительной (контрастной) ¹ лингвистики ключевым понятием является TERTIUM COMPARATIONIS — некая точка отсчета (основа) для сравнения языков. Данный термин связан с термином ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ, заимствованным из теории перевода: в зависимости от того, какой из типов эквивалентности мы хотим соотнести, меняется и наше *tertium comparationis* ².

А. Честерман в своей монографии *Contrastive Functional Analysis* (Chesterman 1998: 29–40) подробно анализирует разные типы эквивалентности с целью создать теоретически обоснованное и практически применимое *tertium comparationis* ³. Он приходит к выводу, что ФС является хорошим кандидатом для этих целей.

Рассмотрим сначала более подробно ключевые понятия контрастной лингвистики, а затем приведем пример применения нашей модели ФС при сопоставлении языков.

9.1. ФС как *tertium comparationis* и функциональная эквивалентность

При сопоставлении двух или более языков исследователь должен в первую очередь определить то общее, что служит основанием для сравнения, *tertium comparationis* ('третье в сравнении'). Как при описании одного языка, так и при контрастивном описании языков различаются два основных принципа в зависимости от того, построено ли описание в направлении от формы (поверхностной структуры) или от значения (семантической глубинной структуры) ⁴.

Если основанием для сравнения служат поверхностные структуры, названием исследования могло бы быть, например, «Эквиваленты английского плюсквамперфекта в русском языке» или «Употребление родительного падежа в русском и немецком языках». При сопоставлении поверхностных структур можно сделать интересные наблюдения, связанные с употреблением различных конструкций и форм. Причем, как уже говорилось, с точки зрения исследователя такой подход относительно всен, поскольку описание формальных катего-

рий языка вызывает меньше затруднений, чем определение семантических категорий. В прикладном контрастивном анализе⁹, который уделяет особое внимание практическим, в частности учебным, целям, конкретные понятия, связанные с языковыми категориями, могут создать надежную основу для усвоения изучаемого материала¹⁰.

Когда же основой для сравнения служат не формальные категории языка, а определенные смысловые структуры, называемые контрастивного исследования место бы быть, например, «Выражение возможности / будущего времени / состояния / просьбы в русском и английском языках». Итак, название исследования нередко указывает на то, какой подход использован, ср., например: «Эквиваленты русского веда во французском языке» (подход «от формы»), «Выражение актуальности в русском и французском языках» (подход «от семантической категории»), «Эквиваленты английских артиклей в русском языке» (формальный критерий), «Выражение определенности / неопределенности в английском и русском языках» (семантическая основа сопоставления).

И тот и другой подходы нашли отражение в многочисленных сопоставительных описаниях языков. Написаны сопоставительные грамматики, основывающиеся на подходе «от формы»¹¹. Что касается описаний, исходящих из семантики, то в них обычно внимание концентрируется лишь на каком-либо частном вопросе¹². Кроме того, существуют сопоставительные описания, в основе которых лежат определенные грамматические теории, исходящие из семантики, в частности различные версии грамматики падежей¹³. Некоторые контрастивные грамматики можно отнести к числу грамматик смешанного типа, в которых (нередко достаточно удачно) совмещены оба названных выше принципа описания¹⁴.

Т. Касиковски (Kasikowski 1996a)¹¹ различает в рамках контрастивной лингвистики следующие типы эквивалентности: статистическую (количественную), переводческую, структурную (системную), семантико-синтаксическую, трансформационно-генеративную, концептуальную (дистотативную) и прагматическую¹². В соответствии с данной типологией ФС объединяет в себе особенности семантико-синтаксической, концептуальной и прагматической эквивалентности. Основанием для сравнения в ФС служит общая для сопоставляемых языков семантическая структура. В качестве обобщенной характеристики в этой связи можно использовать термин **ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ**.

Кратко уточним соотношение понятия функциональной эквивалентности и ФС.

1. Определенные выражения сопоставляемых языков являются функционально эквивалентными в том случае, если они репрезентируют одну и ту же семантическую структуру или рассматриваемую ее часть. Таким образом, отношение между эквивалентными языковыми средствами двух разных языков в принципе не отличается от отношения между предложениями одного языка, репрезентирующими одну и ту же семантическую структуру. Из этого следует, что синонимичность структур двух языков относительно у них одинаковое денотативное значение, но, как правило, разные репрезентативные значения.

2. Поскольку одной из целей является создание контрастивного синтаксиса, то вопросы, связанные с лексической семантикой, если они не имеют отношения к стилистическим компонентам семантической структуры, оставляются в сопоставительном ФС без внимания.

3. ФС является модулярным в том смысле, что в нем в каждом конкретном случае какое-либо языковое явление рассматривается отдельно. Таким образом, эквивалентность всегда связана лишь с рассматриваемым явлением. Так, например, английское и русское предложения (1–2) выражают одну и ту же модальную фразу и являются функционально эквивалентными с этой точки зрения, но при рассмотрении других семантических категорий они не имеют ничего общего. В связи с этим предложения нельзя считать функциональными эквивалентами в рамках теории перевода.

- (1) *I would like to see your new film.*
 (2) *I would like to go to bed.*

4. Как было сказано в разделе 2.2, одна из задач автора ФС какого-либо языка — описать ограничения, определяющие употребление разных поверхностных структур. Точно таким же образом должен работать ученый, использующий ФС для сопоставления языков.

5. Версия ФС, представленная в этой книге, оперирует на уровне синтаксиса, но возможен охват языковых единиц и более высокого порядка¹⁰.

Необходимо еще остановиться на характере отличий функциональной эквивалентности от так называемой переводческой эквивалентности¹¹. Несомненно, данные понятия имеют много общего. Ср.: «выражение x языка A является функциональным эквивалентом выражения y языка B , если они репрезентируют одну и ту же семантическую структуру»; « x является переводческим эквивалентом y -а, если оно может быть использовано как перевод y -а таким образом, что выражаемое значение во всех отношениях остается тем же». Однако данные понятия имеют некоторые принципиальные различия.

Во-первых, в переводе предложение всегда является частью текста. Текст в целом также обладает специфическими функциями, что отражается и на переводах отдельных предложений. В ФС же рассматриваются лишь отдельные предложения. Во-вторых, понятие переводческой эквивалентности оперируют обычно при рассмотрении конкретной языковой продукции, в то время как функциональная межязыковая эквивалентность устанавливается на более обобщенном уровне: объектом описания являются целые языки. В-третьих, многие факторы, от которых зависит допустимость или правильность переведенного текста, являются по своему характеру количественными: выражения, правильные как таковые, становятся «квази-правильными», если они повторяются в тексте слишком часто. При функциональном подходе частотность или употребительность анализируемых структур также должна учитываться, однако это осуществляется не на уровне конкретного текста, а на уровне всего языка.

Как было сказано, подход «от семантических категорий» уже нашел некоторые конкретные формы применения. Можно спросить, что нового может дать ФС сопоставлению языков. Преимуществом использования ФС в сопоставительных исследованиях следует считать то, что он образует целостную систему, в рамках которой рассмотрение отдельных семантических категорий происходит не изолированно, а является частью единого исследовательского аппарата.

9.2. Структурная эквивалентность

Когда ФС используется при сопоставлении языков, ключевым понятием является «функциональная эквивалентность». Тем не менее есть основания ввести и понятие СТРУКТУРАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ¹². Уточним, что под ним подразумевается.

Начнем рассмотрение этого вопроса с обывденного понимания различий между языками. Мы нередко употребляем выражения типа «на языке X этот смысл передается так, а по-русски это выражается несколько иначе». Ср., например, (1–3).

- (1) *I am cold* : *Я холодно*. (ср. *Я холоден / холодный)
- (2) *Ann rides a tractor* : *Анна управляет трактором*. (ср. *Анна управляет трактор)
- (3) *Tom sits on the table* : *Том сидит на столе*.

Очевидно, в примерах (1–2), несмотря на семантическое соответствие или близость, стилистические средства, употребляемые в

русском и английском языках, различаются. К тому же, примеры в этом отношении не идентичны. Кажется, что предложения (1) полностью отличаются друг от друга по своей структуре. Предложения же (2) имеют одинаковую синтаксическую структуру (подлежащее в форме номинатива и согласующееся с ним сказуемое), но они различаются падежной формой дополнения. В отличие от (1–2), предложения (3) толкуются скорее всего «одинаково». Таким образом, можно говорить о полном структурном несоответствии (1), о частичном структурном несоответствии (2) и структурном соответствии (3). Остановимся более детально на этих случаях.

Рассмотрим сначала примеры структурного соответствия. На основе трактовки, представленной в разделе 2.2, можно констатировать, что если поверхностные структуры отличаются друг от друга своей структурой, то они не могут быть полностью идентичными по своему значению, поскольку каждая поверхностная структура вносит в предложение свой дополнительный смысловой оттенок. Спрашивается, как обстоит дело с конструкциями двух языков типа (3): совпадают ли в них не только дежигативные, но и презентивные значения? В соответствии с нашей трактовкой такие предложения имеют (незначительное) смысловое различие, связанное с тем, что сферы употребления грамматических форм (в данном случае, например, формы презенса / настоящего времени и формы номинатива / именительного падежа) совпадают в английском и русском языках не полностью. Конкретизируем сказанное: например, в английском языке форма презенса (*live*) стоит в оппозиции к форме Present Continuous (*be living*). Следовательно, поскольку совокупность лексико-грамматических средств в двух языках не совпадает, то (презентивные) значения их отдельных предложений также не могут совпадать полностью¹⁶.

Продолжим рассмотрение разных случаев (не)соответствия, сравнивая предложения (4–7).

- (4) *John has children* : Джон имеет детей.
 (5) *John has children* : У Джона есть дети.
 (6) *John has a temperature* : У Джона температура.
 (7) *John is cold* : Джону холодно.

Нет сомнения в том, что структуры предложения (4) (по крайней мере, в общих чертах) соответствуют друг другу больше, чем структуры предложений (5). С другой стороны, предложения (6), несмотря на их сходство с предложениями (5), вызывают представление об

определенном слюде с предложениями (7). Обычное выражение сравнения звучит так: «В случае (6) англичанин и русский выражают данное физиологическое состояние одинаково, а в случае (7) — по-разному». Такое несколько парадоксальное толкование объясняется тем, что предложения (6) ассоциируются с (5). Таким образом, их «идентичность» или «одинаковость» основывается не на структурной общности, а на том, что в этом случае в обоих языках употребляется конструкция, привычная для выражения обладания.

Установление структурной эквивалентности основывается на субъективном представлении двуязычного информанта о функциях языковых форм. Важное значение при этом имеют употребительность и частотность разных языковых средств. Пожалуй, было бы возможно создать формулу для измерения степени структурной эквивалентности. Однако ее внедрение, по всей вероятности, привело бы к результатам, не вполне соответствующим интуитивному представлению о близости разных конструкций. В связи с этим в данном вопросе мы довольствуемся интуитивным представлением о степени структурной эквивалентности. Накопленный опыт сравнения многих разных информантов показывает, что в большинстве случаев в них нет существенных различий.

9.3. Пример применения функционального синтаксиса как основы сопоставления языков

А. Честерман (Chesterman 1998: 93–149) приводит некоторые конкретные примеры применения ФС при сопоставлении языков. Дополним их одним случаем, в котором сопоставляются языковые средства, выражающие Физиологическое состояние в русском, английском¹⁷ и финском языках (ср.: Мустайнен 2003г). Конструкции трех языков распределены по их структурным свойствам. Финские примеры снабжены «деструктурным» переводом¹⁸. Определение Физиологического состояния можно найти в разделе 5.8. Материал не претендует на полноту.

1. Адъективная конструкция

Во всех трех языках встречается конструкция, в которых Физиологическое состояние выражается прилагательным. В русском языке таких возможностей меньше, чем в двух других сравниваемых языках. В финском языке возможны две конструкции: в одной употребляется

комнатива (9), а другой — эссив (11), который придает выразительное значение временного состояния, похожее на функцию русской краткой формы прилагательного (1).

- (1) *Sergey bolon / zdorov / zimnoe / lyeto.*
- (2) **Sergey zimnoe.*
- (3) *Sergey zimnyy.*
- (4) **Sergey kashlyemiy / zhazhdymiy / nasmorochenyy.*
- (5) *John is hot / cold / hungry / thirsty / dizzy / ill / (un)well / warm.*
- (6) *John is worn out / hung over.*
- (7) *John is tired / exhausted / starved / drunk / wounded.*
- (8) **John is hungared / thirsted / dizzied.*
- (9) *Mfika on terve (здоров) / veiras (болен) / pidiakos (насморочен / сопливо) / yskidnos (кашлемый) / jankinos (жаждомый).*
- (10) **Mfika on kudin (холодный) / kyma (горячий).*
- (11) *Mfika on tervevni (здоров), veiravni (болен), pidiakvni (насморочен / сопливо) / yskidvni (кашлемый).*

2. Специальная конструкция, обозначающая состояние (непоминативное подлежащее + неглагольное сказуемое)

Конструкция, в которой Экспериментер, носитель состояния, стоит в косвенном падеже, а само состояние выражается не глаголом, а существительным, прилагательным или предиктивным наречием, сравнительно широко распространена в русском (12) и финском (15) языках, однако в каждом из них наличествуют четкие семантические правила ее употребления (ср. 13 и 16). Отсутствие в английском языке этой конструкции (14) можно объяснить отсутствием подходящих падежных форм, но вряд ли это обстоятельство является здесь единственным или даже решающим фактором, поскольку отсутствие падежей всегда можно компенсировать предлогами.

- (12) *Sergeju zimno / bolno / zimno / zimno.*
- (13) **Sergeju zimnomo / zimno.*
- (14) **It is cold / ill / to (for) John.*
- (15) *Mfikaa on kudin (холод) / jano (жажда) / pidid (голод).*
- (16) **Mfikaa on yski (кашель) / kymne (температура) / jankni (грим).*

3. Посессивная конструкция

Посессивная конструкция финского языка похожа на русскую конструкцию с предлогом у, а в английском языке есть только have-конструкция. Несмотря на эти различия, данная конструкция имеет широкую диапазон применения во всех трех языках, в том числе и в случаях, где упоминается, кроме носителя состояния, часть тела, о которой идет речь (19, 22, 29). В английском языке проявляется широкая вариативность в употреблении артикля и формы Present Continuous (20–26). В финском языке, в зависимости от характера состояния, предпочтительны или номинатив (27), или партицип (28).

- (17) *У Сергея насморк / кашель / температура / рак / язва / язва / дислексия / бессонница.*
- (18) **У Сергея кашель / усталость.*
- (19) *У Сергея вылезт мозли / рана на голове. // У Сергея болит зуб / голова / живот.*
- (20) *John has (has got) a cold / a temperature / (the / a) flu / a hangover.*
- (21) **John has (a) hunger / a thirst / a cancer.*
- (22) *John has a pain / a wound in his arm.*
- (23) *John has (has got) cancer / heart disease / measles / diarrhoea / concussion / insomnia / (a) headache.*
- (24) **John has (has got) temperature / cold / hunger / thirst.*
- (25) *John is having heart trouble / diarrhoea.*
- (26) **John is having heart disease / concussion / cancer / a temperature.*
- (27) *Mikaelia on nälkä / *nälkää (голод) // jano / janoa (жажда) // kylmä / kylmyä (холод) // huipä / *huipää (риск) // angina / *anginaa (ангина).*
- (28) *Mikaelia on *lämme / lämmetty (температура) // Tuskä / yskä (кашель) // *naha / nahaa (насморк) // *verenpaine / verenpainetta (давление).*
- (29) *Mikaelia on myymä jalkaa (оторезом и ногою) / haava käsissä (рана в руке) // Mikaelia särkee päätä (болит голова) / vatkaa (живот) / korva (ухо) // Mikaelia on jalka ärsäissä (нога в гипсе).*

4. «Локативная» конструкция

«Локативная» конструкция встречается во всех трех языках, но в английском она имеет весьма ограниченное употребление. В финском языке встречается оригинальная конструкция с формой множественного числа инессива (36). Кроме того, в финском языке можно отметить любопытную группу болезней, при описании которых возможна конструкция типа «Сергей в ангине» (34). Очевидно, существуют три условия употребления данной финской конструкции: 1) болезнь должна длиться сравнительно недолго; 2) больной обычно находится не в больнице, а дома; 3) из-за температуры больной в основном лежит в постели. Возможно, конструкция является контаминацией двух конструкций «Сергей лежит в (постели и болезни) и».

(30) *Sergey is in fever / in a fever / in hysteria / in a blackout / in a postle / in a coma / in a state of coma.*

(31) **Sergey is in temperature / in a fever / in a fever / in a fever / in a fever / in a fever.*

(32) *John is in pain / in a coma / in good health.*

(33) **John is in hunger / in thirst / in (a) temperature / in fever / in cold.*

(34) *Mika on kuumetta («в температуре») / ysköstä («в кашле») / flunssaa («в гриппе») / angina («в ангине»).*

(35) **Mika on janoissa («в жажде») / ruuhoissa («в раке»).*

(36) *Mika on kuumissa («в своих температурах») / kylmissään («в своих холодах») / polkissa («в своих болях»).*

(37) **Mika on kuumissa («в своих температурах») / ysköissään («в своих кашлях»).*

(38) **Mikalla on tuberkkeli / leikkaukset («В Мике рак / операции»).*

5. «Реферативная» конструкция

Следующая конструкция условно называется реферативной. Она свойственна только русскому языку и возможна лишь в некоторых случаях (ср. 39 и 40). Как в английском (42), так и в финском (44) языке существует структурно-эквивалентная конструкция, но она неприменима к описанию физиологического состояния.

(39) *С Сергеем обморок / удар / истерика.*

(40) **С Сергеем холод / голод / дремот / ангина.*

- (41) **There is a cold / temperature / ... with John.*
 (42) *We have troubles with John.*
 (43) **Mikko kaksia on ruuhutusta (обзорно) / nälkää (голод).*
 (44) *Mikko kaksia [meillä] on vaikeuksia. (У нас проблемы с Микко)*

6. Субъектно-глагольная конструкция

В следующей группе конструкций Экспериментор является подлежащим предложения, а состояние выражается или глаголом (а), или дополнением при глаголе (б) ²².

а. Во всех трех языках есть конструкции этого типа, их сфера употребления немного варьируется.

- (45) *Sergey stays / болелет / голодает / мерзнет / мучается (устар.) / температурит (разг.).*
 (46) **Sergey shobles / жаждеет / ломан.*
 (47) *John is sleeping / starving / freezing / shivering / sweating.*
 (48) **John is hawgaring / thirsting / fevering / dizzying // sleeps / freezes.*
 (49) *Mikko nälkää (sunt) / sairastelee (болелет) / ¹lämpöilee («температурит») / ¹olgitse («снимтоизирует(ся)»).*
 (50) **Mikko nälkiiilee (голодает) / janoilee («жаждет»)*

б. Во всех трех языках существует несколько семантически бедных глаголов, с помощью которых передается Физiologicalическое состояние, при этом суть состояния выражается дополнением при глаголе. В употреблении всех глаголов есть ограничения. В русском языке дополнение стоит или в творительном (51, 53, 55), или в винительном падеже (57), а в финском встречаются формы партитива (66, 68, 72), транслатива (69) и латива (70, 71).

- (51) *Sergey (частю) болелет гриппом / ангиной / ¹раком.*
 (52) **Sergey болелет насморком / кашлем / янгой / ¹диабетом.*
 (53) *Sergey чувствует себя хорошо / здоровым / усталым / тым.*
 (54) **Sergey чувствует грипп / ангину.*
 (55) *Sergey страдает бессонницей / ревматизмом / ¹диабетом.*
 (56) **Sergey страдает насморком / кашлем / раком / янгой.*
 (57) *Sergey испытывает боль / жажду / ¹голод / усталость.*
 (58) **Sergey испытывает температуру / насморк / рак.*

- (59) **John diseases / is diseasing cancer / (a) cold.*
 (60) *John is feeling hot / cold / sick / hungry / thirsty / tired / warm.*
 (61) **John is feeling drunk.*
 (62) *John suffers from cancer / rheumatism / heart trouble / insomnia.*
 (63) **John suffers from temperature / flu.*
 (64) *John is suffering from measles / diarrhoea / insomnia / a cold / a fever.*
 (65) **John experiences / is experiencing coldness / exhaustion.*
 (66) *Mika sairastuu (болест) flunssaa (гриппi) / aurinkaa (жигинна) / syöpää (рак) / reumatismia (ревматизм).*
 (67) **Mika sairastaa nuhaa (насморк) / jalkia (каптели).*
 (68) **Mika tuntee (чувствует) kivon (жажда) / nälkää (голод).*
 (69) *Mika tuntee itsensä (чувствует себя) terveeksi (здоровым) / oloonsa erinomaisiksi (отлично).*
 (70) *Mika kärsii (страдает) kylmänmyrkyistä (бессоница) / reumatismista (ревматизм).*
 (71) **Mika kärsii nuhasta (насморк) / aurinkatauti (жигинна).*
 (72) **Mika kokee (испытывает) väsymystä (усталость) / kymmenä (запор).*

7. Объектно-глагольная конструкция

В английском языке отсутствует конструкция, в которой Экспериментер является дополнением при предикате. Вообще английскому языку двойственно выражение состояния с помощью конструкций с Экспериментером в номинативе. В русском языке есть конструкции с винительным (73) и дательным (75) падежами, но их употребление весьма ограничено. Больше всего объектно-глагольных конструкций в финском языке. Дополнение в них всегда стоит в партитиве (80, 82).

- (73) *Sergesä ihaloraidan / ihaloo / pölyttää.*
 (74) **Sergesä ihaloo / ihaloo / ihaloo / ihaloo.*
 (75) *Sergesä ihaloraidan / ihaloo (part.) / ei ihaloo / ei ihaloo.*
 (76) **Sergesä ihaloraidan / ihaloo / ihaloo.*
 (77) **Sergesä ihaloo / ihaloo / ihaloo.*
 (78) *Sergesä / ihaloo / ihaloo / ihaloo.*
 (79) **It ihaloo John's heart. // It ihaloo / ihaloo John.*

- (80) *Mikaa jättää* («ожидает») / *vältyä* («избегает») / *ruikuttaa* (привст / любит) / *ruikuttuu* (кружится) / *oksettaa* (рвонит) / *niiväntää* («накажет(ся)») / *kolottaa* («ломит»).
- (81) **Mikaa näkössä* («видит»).
- (82) *Mikaa päätä* (голову Мика) / *vaivaa* (живот) / *hammasta* (зуб) *läikkee* («брызгает») // *Mikaa jalkaa kolottaa* («ногу Мика ломает») / *niivottaa* («накажет»).

8. Изменение состояния

Мы рассматриваем здесь только Физиологическое состояние, так что Изменение состояния как семантическая категория нас в этой связи не интересует. Русскому языку, однако, свойственно употребление результативного совершенного вида в значении состояния, которое следует после фазы изменения (83). Эта особенность русского языка проявляется и в мини-диалогах типа *Вопрос: крикает? — Да, он здесь*. Сюда же примыкают состояния после тяжелого внешнего происшествия (84). Такое употребление возможно и в других языках, но в русском оно носит более последовательный характер и заслуживает особого внимания.

- (83) *Serhei uunat* / *prokolodalsja* / *zabivets* / *vyzdorovets* / *prospudalsja*.
- (84) *V Serhei byl serdecnyj pristup* / *infarkt* / *nesutyn*.

9. Выражение состояния как желания изменить существующее

Отметим еще одну особенность русского языка. Состояния голода и жажды весьма часто выражаются в русском языке с помощью конструкции, которая дословно обозначает желание есть или пить (85). Соответствующая конструкция можно найти в английском и финском языках, но в них первоначальное значение не утратило своей «силы» в той мере, как в русском языке.

- (85) *Serheju хочется пить / есть / спать*.

Мы рассмотрели разные конструкции, с помощью которых в русском, английском и финском языках выражается Физиологическое состояние. На основе анализа можно сделать и количественные измерения одинаковых структур в трех языках и таким образом пока-

зять степень их структурной близости. При сопоставительном анализе можно использовать и другие приемы, например, вместо классификации структурных типов разделить их по семантическим классам в зависимости от того, с каким подтипом Физиколингвистического состояния мы имеем дело (общее состояние, ощущение температуры, физиологической нужды и т. п.; см. подробнее 3.8).

Примечания к девятой главе

¹ Рядом некоторые исследователи, в частности П. Заброски (Zabroski 1970: 33), различают понятия контрастивного и конформативного исследования согласно данной концепции, в контрастивном анализе рассматриваются преимущественно различия между языками, а в конформативном анализе описываются как различия, так и сходства языков. В настоящее время термин *контрастивный анализ* употребляется и в том и в другом значении. (Правда, некоторые лингвисты пока предпочитают термин *когнитивный*; см., например: Eckert, Gledow 1989; Гладков 1996; Gledow 1998.) В русистике понятие *контрастивный анализ* встречается у некоторых исследователей (см., например: Ярица 1981), однако более широкое распространение получил термин **СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ**, который, правда, иногда употребляется также для обозначения типологического анализа (об этом см., например: Нерознак 1987). И. А. Стернин (1991a) пытается разграничить понятия «сопоставительной» и «контрастивной лингвистики».

² Сопоставительная (контрастивная) лингвистика имеет точки соприкосновения не только с теорией перевода, но и с лингвистической типологией. Определяя типологию языков как научную дисциплину, У. Крофт (Croft 2003: 1–13) неоднократно говорит о сравнении языков (*cross-linguistic comparison*). Составляя употребительные статьи в английском и французском языках, он наглядно демонстрирует, что в типологическом подходе сравнение отдельных языков — это необходимое, но недостаточное условие для выводов, на основе которых устанавливаются типологические связи и универсальные свойства языков. В русистике связь между контрастивной лингвистикой и типологическими исследованиями рассматривается, в частности, в работах (Ярица 1981, 1988).

³ Обзоры контрастивной лингвистики сделаны, в частности, в книгах (Fisiak 1990, Krzeszowski 1990a, b; Шенетман 1998); см. также приведенные в них списки литературы.

⁴ Вопрос о том, строить ли контрастивное исследование по принципу «от поверхностной структуры» или «от глубинной структуры», обсуждается, в частности, в работах (Fisiak 1990: 7; Krzeszowski 1990a: 16; ср. также: Кубик 1978, Селестин 1981: 188–189; Lötsch 1990).

⁵ Теоретики контрастивной лингвистики обычно разграничивают области прикладных и теоретических исследований. Одна из направлений кон-

тривальной лингвистике стремится к получению данных, полных с точки зрения обучения языку (хорошим примером конкретного применения этого принципа служит книга (Gärden 1981)). Что касается контрастного функционального синтаксиса, то это, по-видимому, следует отнести к числу исследований теоретического направления контрастной лингвистики. Однако конкретные работы, посвященные по такому принципу, как правило, дают результаты, которые имеют значение также с педагогической точки зрения. Актуальным вопрос о корректности / адекватности функционального контрастного синтаксиса (ФКС) станет при создании целого конкретного синтаксиса. К. Дэйвис (Davis 1980: 98) говорит при этом о микро- и макролингвистике, в какой-то степени соотносимых с понятиями «грамматической» и «коммуникативной компетенции». В соответствии с данной классификацией ФКС охватывает «макролингвистику», а также отчасти «микролингвистику».

⁸ Последовательное соблюдение функционального принципа иногда приводит к интересным, но сложным описаниям. Примером этого служит работа М. В. Востолодовой и Т. А. Яценко (1988) о причинно-следственных отношениях (ср. Мустаюли и др. 1990: 14).

⁷ К числу грамматик, построенных по принципу «от формы» и посвященных сопоставлению русского языка с каким-нибудь другим языком, относятся, в частности, (Пидаль и др. 1962; Wójcik 1973; Виноградов, Милославский 1986). Грамматика данного типа напоминает типологические исследования, в которых различия двух или более языков описываются на категориальном уровне: какие грамматические категории существуют в языках и как различаются их употребление (ср., например: Гак 1977; Коляма и др. 2005). Понятие эквивалентности, связанное с исследованиями данного типа, рассматривается, в частности, в (Бондарко 1990a).

⁸ Примером сопоставительного исследования, основанного на семантической категории, служит не раз упомянутая здесь монография (Томмала 1986) о показателях аспектuality в русском и финском языках. См. также (Коро Харвиля 2001) о выражении определенности / неопределенности в русском и польском языках.

⁹ Теория грамматики подходов в языковом сопоставлении применяется, в частности, в работах (Fink 1976; Вилломан, Соболова 1981; Anderson 1990).

¹⁰ К сопоставительным исследованиям смешанного типа относятся, в частности, (Dörnyei, Radden 1977; Fisiak et al. 1978). Чаще всего описания грамматик этого типа построены по принципу «от формы», но внутри глав, в случае необходимости, применяется также подход «от семантики».

Книга *Wykład w sprawie odczytu* (1989, 1998), написанная группой исследователей во главе с В. Гладковым, по своей основной идее напоминает ФКС: задачей исследователей является описание того, как в русском и немецком языках выражаются определенные семантические категории. С другой стороны, она напоминает функциональную грамматику А. В. Бондарко, базирующуюся на семантических полях, и тем самым отличается от ФКС в тех же отношениях, что и модель А. В. Бондарко.

¹¹ При этом следует рассмотреть вопрос о том, чем наш подход отличается от модели Т. Каспювски (Kasprowski 1989: 67), основывающейся на понятии «семантико-синтаксической эквивалентности» и, как и наша концепция, на понятии семантического глубинного уровня. Во-первых, в отличие от концепции Т. Каспювски, семантический уровень в нашей концепции охватывает также прагматические элементы. Во-вторых, при нашем подходе поверхностная структура не порождается из глубинной путем особых правил, отношение между глубинной и поверхностной структурами у нас более свободное. В-третьих, Т. Каспювски предпочитает использовать дерево при описании глубинной структуры; ФС же можно назвать модулярным: каждое понятие (ядро, модификаторы, спецификаторы) в нем рассматривается отдельно. (Ср. также рассуждения некоторых исследователей об использовании семантических категорий как оснований для сравнения языков; см., например: Löblich 1990; Гладров 1994.)

¹² При сопоставлении языков разные типы эквивалентности применяются уже до того, как эти термины были определены. Например, предисловие к знаменитой книге (Гак, Ройзенблют 1965: 3) начинается с четкой формулировки подхода: «Настоящая книга представляет собой опыт сопоставительного изучения двух языков в семантико-структурном плане». Н. М. Крылевская (1988) в своей концепции сопоставительных грамматик не оперирует понятием эквивалентности, но во многом ее модель описания напоминает ту, которая используется в ФС (ср. также Гладров 1985, 2000).

¹³ Заметим, что понятие «коммуникативное поведение» и разработанная Н. А. Стерниным систематизация его элементов дают возможную базу для сопоставления языков с точки зрения коммуникативных правил (ср. Стернин 1989, 1991б; Стернин, Стернина 2001).

¹⁴ С точки зрения контрастной лингвистики понятие переводческой эквивалентности отличается от эквивалентности, рассматриваемой в теории перевода (ср., например: Comella 1981; Ivir 1983). Данные области науки имеют много общего, но они различаются по своему предмету исследования: в контрастной лингвистике изучаются и сопоставляются языки, в теории перевода рассматривается перевод и связанные с ним вопросы. В целом в теории перевода введено намного больше разных типов эквивалентности. Там под функциональным эквивалентом понимается *netto* иное. О функционализме в теории перевода см. особенно книгу (Nord 1997), ср. также (Стернина 1997).

¹⁵ Т. Каспювски использует для обозначения понятия, близкого понятию структурной эквивалентности, термин «согласование» (правила, в рамках генеративной контрастной грамматики). Отношение Каспювски к вопросу о степени эквивалентности заметно изменилось. Сначала (например: Kasprowski 1967) он выделял только двухступенчатую шкалу «согласования»: «да» и «нет». Впоследствии в (Kasprowski 1979) он констатировал, что согласование может иметь разные степени. В книге (1990a) Каспювски опять несколько изменяет свою точку зрения по данному вопросу, оперируя понятиями так называемой теории прототипов. Со временем дан-

ный термин стал весьма популярным в теории перевода (см., например: Takkanen-Saarelä 1996).

¹⁶ То, что единицы разных языков не могут полностью соответствовать друг другу, касается также лексической семантики. Если слово *л* языка *х* и слово *й* языка *у* указывают на один и тот же референт и даже если они совпадают статистически и вызывают у носителей языка одни и те же ассоциации (что практически невозможно), их значения не могут быть вполне идентичными, так как в каждом из языков они расположены в разных полях конкурирующих слов.

¹⁷ Английская часть сопоставления выполнена Ханнесом Хейне.

¹⁸ Порядок элементов на семантическом уровне условный.

¹⁹ Русские глаголы, используемые в данных конструкциях, описываются в работе (Бабенко 2002: 309–313).

10. Функциональный синтаксис и исследование текста

Вариант ФС, который представлен в этой работе, не является текстовой грамматикой в том смысле, что в нем не рассматривается создание текста из предложений. Однако в работе (Chesterman 1997) вводится основополагающийся на принципе «от функций к языковым выражениям» когнитивный аппарат, позволяющий применять идеи ФС при описании явлений, которые обычно относятся к текстовой лингвистике. Представим основные элементы концепции Честермана.

А. Честерман (Chesterman 1997: 151) начинает четвертую главу своей монографии, основополагаясь на ФС нашей рабочей группы, констатируя: «there is no reason in principle why the general conceptual framework of Contrastive Functional Analysis should not be extended to account for larger chunks of language». Он употребляет термин «риторика» (*rhetoric*), имея в виду единицы языка больше предложения. Соотношение уровня предложения и текста представлено им в виде таблицы (с. 154):

Level of sentence meaning	Level of text meaning
<i>semantic structure</i>	<i>semantic macrostructure</i>
<i>predication</i>	<i>message</i>
<i>predicate types</i>	<i>text types</i>
<i>actants</i>	<i>episodes</i>
<i>specifiers</i>	<i>text specifiers (re aspects of episodes)</i>
<i>complicators</i>	-
<i>commentators</i>	<i>appeals (re pathos, ethos)</i>
<i>connectors</i>	<i>coherence (re logoi, metatext)</i>

Сопоставляя разные концепции текстовых типов, Честерман (с. 162) приходит к выводу, что следующие канонические типы текстов достаточно адекватно отражают потребности описания:

- Narrative (Nar)
- Descriptive (Des)
- Expository (Exp)

Argumentative (Arg)

Instructive (Ins)

Следующий шаг в работе Честермана — определение эпизодов, соответствующих актантам на уровне ядра семантической структуры. Ссылаясь на исследования других «структурных» лингвистов, он предлагает, в частности (с. 167), различать в нарративном тексте следующие основные эпизоды: BEGINNING, SETTING, COMPLICATION, RESOLUTION и ENDING.

Далее (с. 169–178) Честерман определяет четыре спецификатора текстов, а именно POINT, PROFILE, ANGLE и CHRONOLOGY. Автор показывает, как по-разному основной смысл (Point) текста или его отрезка выражается в разных языках в начале, середине и в конце текста. Спецификатор Profile характеризует структурную организацию текста, способ связи между отдельными компонентами, то, каким образом основные носители мысли распределены в тексте. Возможные варианты профилей: линейный, параллельный, спиральный, неопределенный (scattered) и профили с отвлечениями (digressive) и списками. Точка зрения (Angle) определяет, рассказывается ли о событиях от первого или третьего лица. Хронологическая последовательности Честерман показывает с помощью того, в каком порядке связанные во времени события 1, 2, 3 и 4 могут быть расположены в тексте. На основе их соотношения образуются следующие типы:

- 1, 2, 3, 4 (isotic)
- 4, 3, 2, 1 (reverse)
- 2, 3, 1, 4 (flashback)
- 1, 2, 4, 3 (flashforward)
- 1, 3; 2, 3; 1, 2, 4 (overlap).

Наконец (с. 179–183) Честерман предлагает описывать отношения говорящего на уровне текста с помощью понятий PAVOS и ЭТОС, вместе представляющих APPEALS (ср. также модификаторы на уровне предложения, как Речевая функция и Модальная фаза). Как можно предположить, соединенно-положенный деп с помощью метаслов соответствует на текстовом уровне понятие «связность» (coherence). Здесь (с. 183–186) исследователь различает синхал дополняющей (адверсативной), темпоральной и логической типы связности, разновидности которых можно найти на уровне соединенных предложений. Кроме того, он выделяет три других типа связности: метатекстуальную, информационную, межтекстовую.

Отмеченные выше семантические категории Честермана могут быть применены к описанию монологического текста любого языка.

Затем (с. 186–196) он рассматривает возможность использовать идеи ФС в описании диалогической речи. Хотя здесь, казалось бы, труднее найти параллели, тем не менее автором отмечены шесть эквивалентных понятий.

В целом монография Честермана представляет собой хороший пример того, как идеи ФС можно распространить на другие сферы описания языка.

10.1. Текстовый аспект

Рассмотрим одно конкретное явление, которое имеет особую значимость в анализе языкового материала за рамками предложения. Назовем его **ТЕКСТОВЫМ АСПЕКТОМ** ($A_{\text{ФТ,тек}}$).

С Текстовым аспектом связаны три смысловых элемента представления «части положений дел»: «ОТКРЫТЫЙ ПЕРИОД» (—), «ЗАКРЫТЫЙ ПЕРИОД» (|—) и «ТОЧКА» (*). «ОТКРЫТЫЙ ПЕРИОД» не ограничен ни с того, ни с другого конца. «ЗАКРЫТЫЙ ПЕРИОД» ограничен либо с обоих концов, либо лишь с одного конца (|—, —|). «ЗАКРЫТЫЙ ПЕРИОД» и «ТОЧКА» используются для создания сюжета, а «ОТКРЫТЫЕ ПЕРИОДЫ» — для описания фона.

Данные смысловые элементы имеют явные связи с употреблением видов в русском языке: «ОТКРЫТЫЙ ПЕРИОД» обычно выражается несовершенным видом, а «ЗАКРЫТЫЙ ПЕРИОД» и «ТОЧКА» — совершенным видом¹. Правда, полной симметрии в идею установить нельзя.

Влияние Текстового аспекта на определение вида на поверхностном уровне проявляется, в частности, в том, что при описании сюжета ституальные состояния и процессы нередко обозначаются через указание на их определенную фазу, что придает положению дел более ограниченный характер (1).

- (1) *Он встал поздно, позавтракал и пошел на работу.
Улыбаясь повсюду, он заглянул.*

И тот и другой элемент повествования имеет свои темпоральные особенности. У фона это чаще всего одновременность, а у сюжета — неодновременность. Одновременность и неодновременность в ФС описываются при помощи метасюжетов. Для соответствующих поверхностных структур типичны сюжеты (2–3):

- (2) *Когда мы были на Крыме, я обзорел на солнце.*

Каждо Нине читала газеты, дети перели радам.

Смыло нешто, а потом ефур: блеснула молния.

- (3) *После этого, как мы покарнулись в сауме, мы, конечно, жарили колбасу на костре.*

Сначала мы покарнулись в сауме, а только потом посла.

В этой связи необходимо еще остановиться на случае, когда видовые характеристики активно участвуют в выражении текстурального аспекта в русском языке. Повторим примеры, приведенные на странице 397. Как известно, диминативные (пертуративные) приставки *по-* и *пре-* придает глаголу дополнительный оттенок 'некоторое время' (4) или 'заполнение определенного времени действием' (5)².

- (4) *Я поспал, потом начал работать.*

- (5) *Я прежека там два года.*

Как было сказано в разделе 7.2, присоединение данных приставок к глаголу не влияет на изменение аспектуального класса положения дел: последнее не становится динамическим или результативным. Временные отношения данных положений дел, по-видимому, также не отличаются от временных отношений, выражаемых бесприставочными глаголами: и в том и в другом случае время события охватывает весь период референции (6):

- (6) положение дел: —
время: + — + — S—

Дети спали всю ночь.

Дети проспали всю ночь.

Употребление совершенного вида в подобных случаях обусловлено именно Текстовым аспектом. Функцию, выполняемую глаголами с диминативным значением, можно выявить, если рассмотреть их роль в повествовании: они используются для обозначения «ЗАКРЫТЫХ ПЕРИОДОВ» (ср. 7):

- (7) *Он вернулся домой, вставил и начал заниматься в зале.*

Она подошла к двери, вставила минулку и вошла в комнату.

Таким образом, на конкретном примере анализа аспектуальной и темпоральной семантики мы убедились, что их изучение на уровне текста открывает новые горизонты для использования ФС.

Примечания к десятой главе

¹ Использование глагольных видов для выражения различных «отношенностей повествования» рассматривается, в частности, в (Гаспаров 1979; Leinonen 1982; Маслов 1984; Tiofin 1984, 1990; Сивану 1985, 1990; Золотова 2002a). А. Тамберлеви (Tamberlake 1982: 309–310) представляет такую иерархию показателей аспектуальности, в которой уровень дискурса занимает первое место (ср.: Leinonen 1984).

² Как было сказано в списке 8 в главе 7, существует и такой подход к решению этих проблематичных вопросов русской аспектологии, в котором допускается существование разных слоев аспектуальности (Mested Aarset). В соответствии с данной концепцией глагольная форма может быть одновременно (в разных слоях) как несовершенной, так и совершенной. Такая модель описания разрабатывается особенно П. Линдстедтом (Lindstedt 1984, 1985).

II. Функциональный синтаксис и электронная обработка языка

Общая ориентация ФС на семантический уровень открывает заманчивые перспективы в области автоматической обработки языкового материала. Можно представить себе, например, такие варианты программы, которая порождает высказывание на основе того, какие семантические единицы ей заданы; программа, которая переводит текст сначала на «семантический язык» и потом на основе этого на какой-либо естественный язык. Однако надо признать, что ФС не может служить платформой для таких программ. Препятствий к тому несколько. Во-первых, при составлении ФС мы отказались от систематизирующей генеративной связи семантической и поперечностной структур. Во-вторых, в ФС отсутствует лексикон, без которого порождение любого текста, конечно, невозможно. В-третьих, представляется, что, несмотря на все усилия определить семантические категории как можно более точно, мы еще далеки от однозначности, требуемой в автоматическом анализе и синтезе.

Если подумать о других возможностях использования модели ФС в компьютерной сфере, не исключена иная форма ее «эксплуатации». В принципе возможно составление электронного «словаря» нового типа. В отличие от традиционных словарей, основывающихся на представлении лексических единиц, он должен был бы отвечать на вопросы типа «Как выражается X в данном языке?», когда X -ой является не понятие, а смысл, «стародыш высказывание». Такой подход больше соответствовал бы основной идее человеческого общения. Составление такого словаря, естественно, намного сложнее, чем составление традиционного словаря; работа с ним, очевидно, потребует от пользователя тоже больших усилий. Однако как раз компьютерная форма сохранения и презентации материала облегчит обе процедуры.

Запретом в этой связи еще вопрос об использовании электронных корпусов в поиске языковых примеров, отражающих семантические категории. Ситуация такого поиска неудовлетворительна. Что касается русского языка, существует множество больших корпусов, но они пригодны только для того, чтобы искать лексемы или в лучшем

случае лемматизированные лексические единицы. Поиск типа «физиологическое состояние» не позволяет производить ни один знакомый нам электронный корпус. Отсутствие такого рода корпусов объясняется тем, что их составление требует кропотливой ручной работы. На Отделении славистики и балтистики Хельсинкского университета в настоящее время идет работа по созданию корпуса такого типа (см. подробности: Копова, Муштайкина 2003).

12. Функциональный синтаксис и преподавание иностранных языков

М. В. Восталова (2006: 3–4; ср. также: 2006a: 16–18; 2003: 75) отмечает, что «в России сформировались как бы два крыла функциональной грамматики: академическое, собственно теоретическое, основоположниками которого справедливо считаются А. В. Бендарино и Г. А. Золотова, и университетское, в основе своей прикладное, педагогическое, выросшее из практики преподавания русского языка иностранцам». Цитата интересна тем, что в ней противопоставляются научные исследования ученых Академии наук и университетов. Для ученых, живущих в странах, где университетские преподаватели-исследователи применяют по отношению к себе собирательное название *Academia*, такая дихотомия кажется ненужной. Что касается российских ученых, представляющих те или иные функциональные направления, среди них можно, действительно, отметить группу тех, кого волнуют вопросы преподавания русского языка. Однако нам кажется, что нет оснований для подобного деления на два лагеря, поскольку концепции «теоретиков» также могут быть применены к практическим целям, в то время как и в работах «практиков» можно найти интересные принципиальные положения, особенно в связи с определением разных семантических структур.

Кроме общих замечаний о перспективности использования подхода «от смысла», русские «функционалисты-практики» рассматривают применимость функциональных концепций к преподаванию особенностей русского языка и более детально. При этом, как правило, проводятся исследования трех типов:

- описание языковых средств, которые могут быть использованы для выражения семантических полей, категорий или структур;
- демонстрация возможностей сопоставления языков на их основе;
- анализ языковых средств с точки зрения трудностей их использования для иностранных учащихся и причин возникновения этих трудностей.

Приведем по одному примеру каждого типа. М. В. Весолодова заканчивает многие разделы книги «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса» параграфом, в котором обсуждаемый вопрос рассматривается с точки зрения преподавания. Автор приводит немало примеров, когда «одни и те же смыслы в разных языках выражаются средствами разных уровней, входят в разные сегменты структуры функционально-семантического поля, и нужно учитывать возможные несоответствия в структурах одноязычных функционально-семантических полей русского и родного языка» (Весолодова 2000б: 97). Такие наблюдения и сравнения можно, разумеется, делать и без функциональной ориентации описания языка, но она придает подобному рассмотрению более систематический характер.

Перечисленные формы обсуждения вопросов дидактического характера можно найти и в «Практической грамматике русского языка» (Мете 1985), но еще больше внимания в ней обращается на трудности, возникающие в обучении тем или иным семантическим категориям. Так, в данной книге (с. 334–335) приводится, в частности, перечень тех особенностей русских бытийных предикатов, которые представляют наибольшую трудность для иностранных учащихся. Здесь действительно та же оговорка, что и выше: список перечня трудных для обучения случаев можно составить и в рамках других подходов, но функциональный подход позволяет рассмотреть как одно целое явления, которые связаны не формально, а содержательно и коммуникативно.

Второй том уже неоднократно упоминавшейся «Книги о грамматике» (2004) содержит обстоятельное описание основных типов семантических отношений, передаваемых в русском языке, с комментариями трудностей в усвоении средств выражения той или иной семантики и советами по устранению ошибок в речи изучающих язык на среднем и продвинутом этапах.

В отмеченных работах даются полезные дидактические комментарии по отдельным вопросам обучения русскому языку, но в них не обсуждается более общий вопрос о том, как функциональное описание в смысле «от значения к форме» вообще может быть применено при обучении языкам¹. Данному вопросу уделено сравнительно мало внимания в методике преподавания русского языка. Самые основательные рассуждения можно найти в работе Т. В. Пармытовой. Автор (Пармытова 2002б: 32–33) проводит лингвистические, психологические и дидактические обоснования целесообразности применения функциональной грамматики в практике преподавания:

- «Лингвистическое обоснование связано с современными взглядами на язык. Исследователи и преподаватели все чаще выходят за рамки уровней структуры языка. Содержательная, функциональная, коммуникативная грамматика, грамматика для говорящего и слушающего открывают новые языковые пространства и перспективы совершенствования обучения языкам. Нас интересуют не столько уровни языковой системы и их единицы [—], сколько единство плана содержания и выражения — высказывание, текст».
- «Психологические основы использования ТФГ [теории функциональной грамматики] кроются в самой природе порождения речи. Психологи ищут «существования в мозге человека механизмов для выбора средств выражения мысли. [—] Наличие мотива речи формирует сосредоточенность говорящего на смысле запланированного высказывания. Такая концентрация ведет к извлечению, вытягиванию соответствующего смыслового ряда (поля), затем происходит выбор из этого ряда нужных элементов».
- «Дидактическая необходимость применения ТФГ связана с поиском более эффективных методов преподавания языков. Преимущества интегрирующего подхода в обучении грамматике очевидны: он дает возможность видеть и оценить весь комплекс средств, необходимых для создания высказывания и таким образом ускорить и упростить выбор единиц, наиболее уместных и действенных в определенной ситуации».

Развивая высказанные идеи, рассмотрим некоторые аспекты применения ФС в преподавании иностранных языков.

12.1. Функциональный подход к лингвистике

и коммуникативный метод обучения иностранным языкам

Если понятие функционализм широко — как особое лингвистическое направление, в нем нетрудно заметить общие идеи с тем, что в методике преподавания называется обобщенно коммуникативным подходом. Содержательная близость между функциональным подходом в лингвистике и коммуникативным методом обучения кажется такой очевидной, что как будто бы не нуждается в более детальном анализе. Действительно, их идейное родство можно легко показать, используя синонимичные понятия. Нефункциональное («дофунк-

циональность», автономное, строго структуральное) языкование уделяет внимание только языку как системе, без учета его употребления в речи, так же как в некоммуникативной (эдикоммуникативной) методике преподавания иностранных языков целью обучения было теоретическое знакомство с языком без особого интереса к тому, в какой мере учащийся в состоянии использовать языковые единицы в реальных ситуациях общения.

Коммуникативная ориентация в методике преподавания языков проявляется, в частности, в том, что цели обучения определяются уже не языковыми (формальными) понятиями, а единицами коммуникации. Весьма конкретный пример, наглядно показывающий, как практическая направленность заставляет при подаче материала принимать решения, которые еще ждут адекватного язычного описания. Хотя список, приводимый далее в сокращенном виде, достаточно объемный, представляется, что его стоит показать, поскольку он имеет прямое отношение к ФС.

Примером для нас служат цели обучения, представленные в программе «Переговорный уровень. Русский язык. Том II. Профессиональное общение» (Совет Европы 1996)¹. Они разделены на восемь глав. Кроме вводной главы и глав под названием «Тематическая лексика», «Чтение и аудирование», «Жанры и типы текстов», «Письмо», «Социокультурная компетенция», «Темы, ситуации и коммуникативные задачи», в программе есть две главы, релевантные с точки зрения нашей темы (списки конкретного наполнения разных пунктов даны в сокращенном):

• **Речевые интенции и действия**

1. Предметная и фактическая информация (идентификация; сообщение, описание, комментирование, повествование; коррекция, уточнение; выделение информации; ответы на вопросы).
2. Выражение интеллектуальных отношений (согласие; несогласие, отказ; память, припоминание; выделение степени вероятности; неопределенность; сомнение; собственное мнение; вопрос о чьем-то мнении; потребность; намерение, планы и т. п.).
3. Выражение эмоциональных отношений (радость, удовольствие; неудовольствие, огорчение; интерес, отсутствие интереса; удивление, отсутствие удивления, вопрос по поводу удивления; надежда; разочарование, досада, сожаление; потерянности; беспокойство, боязнь, страх; одобрение; неодобрение и т. п.).

4. Воздействие, убеждение, достижение взаимопонимания (предложение совместного действия; просьба совершить определенное действие; согласие с предложением, просьбой; ответ на предложение помощи; предложение, приглашение; принятие приглашения; отказ от приглашения, уклончивый ответ и т. п.).
5. Речевой этикет (привлечение внимания; ответная реплика; обращение; приветствие, ответ на приветствие; вторая этикетная реплика; ответ на вторую этикетную реплику; ответ на представление; прощание; поздравление, принятие поздравления; благодарность; ответ на благодарность; комплимент; ответ на комплимент и т. п.).
6. Структурирование речи (начало; поиск слова / пауза; самокоррекция; введение темы; последовательность; замечание по обсуждаемому вопросу; дополнение; приведение примера; выделение, подчеркивание; обобщение, выводы, заключение; индентификация речи собеседника; показатели внимания в речи собеседника; прерывание собеседника, беседы; завершение речи, разговора, беседы).
7. Опосредованное общение (разговор по телефону в учреждении).
8. Восстановление коммуникации (сигнал непонимания; просьба повторить сказанное; просьба об уточнении слова или фразы; вопрос об уточнении, подтверждении; просьба о разъяснении чего-либо, объяснение другими словами; выяснение, поиск ли вас собеседник; сообщение о непонимании слова или выражения; просьба о помощи в речи; просьба говорить медленнее и т. п.).

• **Общие понятия и языковые средства их выражения**

1. Существование, бытие, наличие (существование лица, предмета; присутствие / отсутствие; наличие / отсутствие; реальность / виртуальность).
2. Пространство (экзистенциальное в пространстве; положение в пространстве; пространственные координаты).
3. Движение (движение на транспорте; транспортировка; направление движения; передвижение относительно ориентира; начало движения; количество движения; количество движения).
4. Время (бесотносительное время, относительное время).
5. Качества и свойства (физические свойства предмета; состояние предмета; признаки; оценка; изменение качества).
6. Количество (число; определенность / неопределенность; общее количество; расчлененное количество; степень, мера; изменение количества).

7. Эмоциональные, волевые и интеллектуальные действия (чувства, эмоции, воля; интеллектуальные действия).
8. Связи и отношения (противопоставление, соответствие; причинность; субъектные отношения; объективные отношения; определительные и определительно-обстоятельственные отношения; обстоятельственные отношения; логические отношения).

Многие из отмеченных категорий состоят из подкатегорий. Программа включает, кроме описания целей обучения, еще и языковые средства (синтаксические структуры, лексические элементы, идиомы), необходимые для выражения отмеченных значений. Таким образом, общая структура презентации материала напоминает ту, которая используется в ФС, т. е. «от семантических структур (функций) к языковым средствам». Из названий этих глав («Речевые интенции и действия», «Общие понятия и языковые средства их выражения») становится ясно, что подход покрывает и такие элементы, которых в ФС нет. Собственно, на уровне рубрик только последняя напоминает то, что свойственно ФС. Если наш подход можно охарактеризовать как «от семантической структур к языковым средствам», то подходу, используемому в данном описании целей обучения, можно дать такие характеристики: «от коммуникативных интенций / ситуаций / потребностей к языковым средствам».

В целом функциональный подход, в том числе и ФС, имеет довольно тесную связь с коммуникативной направленностью преподавания иностранных языков. Однако, на наш взгляд, между ними нет генетической связи. Скорее речь идет о параллельных процессах в области двух наук. Нам, лингвистам, свойственно признавать, что достижения функционально ориентированной лингвистики можно и нужно использовать в методике преподавания. Однако было бы ошибочно предполагать, что методика в этой сфере всегда играет роль реципиента. Наоборот, в лингвистических исследованиях вполне можно использовать идеи и концепции, возникшие в области преподавания языка.

1.2.2. Коммуникативная компетенция

Центральное понятие, с помощью которого определяется цель обучения иностранным языкам, — это **КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ**. В сжатой форме о ней можно сказать так: в сферу коммуникативной компетенции входит все, что мы должны знать и уметь,

чтобы акт коммуникации оказался успешным. С помощью этого понятия можно конкретизировать и применение ФС к обучению иностранным языкам. Тем самым, из функционально-коммуникативной ориентации не следует, что методика в целом основывается на принципе «от значения к форме». Если мы хотим усвоить способность прыгать в длину как можно дальше, тренировка, направленная на достижение этой цели, должна состоять из разного рода приемов, в том числе и из занятий со штангой. Таким же образом, чтобы достичь успеха в акте коммуникации, мы должны приобрести разные умения, «нарастить необходимые мускулы», позволяющие конструировать те языковые единицы, которые необходимы в этих актах.

Следовательно, общая цель — достижение коммуникативной компетенции — состоит из множества составляющих, которые можно назвать «подкомпетенциями»¹. Они могут быть сформулированы в виде такого перечня:

Знания

1. Знание фонетических и фонологических правил данного языка
2. Знание слов, устойчивых словосочетаний и их значений
3. Знание словообразовательных, словообразовательных и синтаксических закономерностей
4. Знание правил соединения предложений / фраз / реплик
5. Знание исправных значений лексических единиц (ассоциативные и коннотативные связи)
6. Знание социальных правил / социального кода данного общества
7. Представление о культурной базе данного общества

Навыки, умения

- A. Умение понимать и передавать звуки, их сочетание и просодические явления
- B. Умение понимать и правильно употреблять слова и идиомы
- C. Умение понимать и правильно конструировать словоформы и предложения языка
- D. Умение понимать и конструировать связный текст и диалог
- E. Умение употреблять и понимать конкретные значения лексических единиц данного языка
- F. Умение согласовывать свою речь с разными условиями и ситуациями, а также соответствующими речевыми навыками
- G. Умение понимать и использовать в общении те знания о мире, которые имеются у представителей данного общества

Перечень разных «подкомпетенций» наглядно показывает, что ФС покрывает только часть из них, а для consistenteго выражения

своих мыслей нужно одновременно владеть всеми названными навыками и умениями. ФС имеет дело прежде всего с пунктами 3 и 5. Однако это не означает, что другие пункты (1–2, 4–7; А–В, D–G) менее важны с точки зрения успешной коммуникации; предполагается, что эти строевые элементы конструирования правильных фраз учены в других частях описания языка и обучения ему.

12.3. Формы использования ФС при обучении иностранным языкам

Рассмотрим более детально, какую роль может играть ФС в преподавании иностранных языков. Как было сказано, его общая идеология, ориентация на употребление языка — это важный принцип, из которого исходят многие методологические принципы, влияющие на процесс обучения. Существенно, например, то, что функциональный подход подчеркивает креативное отношение к языку. Без умения интуитивно создавать новые формы выражения своих мыслей учащийся вынужден довольствоваться только теми языковыми средствами, с которыми он познакомился в учебном процессе.

Переходя к более конкретным формам использования ФС при обучении иностранным языкам, выделим сначала два основных вопроса методики: ЧТО преподавать и КАК преподавать? Таким образом, можно говорить о «что-методике» и «как-методике»⁴.

В рамках «что-методики» определяются цели обучения. Поскольку невозможно охватить в процессе обучения «весь язык», необходимо так или иначе ограничить объем преподаваемого языкового материала. В связи с этим при определении целей обучения сознательно или интуитивно определяются разного рода МИНИМУМЫ: фонетические, морфологические, грамматические, культурологические и т. п. На основе ФС также можно создавать минимумы, правда, они имеют другой характер. Во-первых, можно составить перечень тех семантических категорий, которые необходимо включить в курс изучаемого языка. При этом обнаруживается, что мало таких категорий, которые можно было бы исключить из учебного материала на продвинутом этапе. Во-вторых, при изучении каждой семантической категории следует определить, какие языковые средства нужно представлять и активизировать.

В «как-методике» можно различить по крайней мере три взаимосвязанные между собой области: презентация учебного материала, состав упражнений и проведение занятий. Рассматривая вопрос по-

диче материала, Т. В. Парменова (2002б: 36–39) предлагает два пути. Первый из них она описывает так: «при изучении морфологии и синтаксиса в рамках традиционного курса очень полезно дополнить характеристику единиц одного уровня сведениями о других средствах выражения близкой, сходной семантики». Затем она иллюстрирует этот путь рядом примеров. Второй путь — создание специального курса, основанного на функциональном принципе подачи языкового материала. Автор предлагает лингводидактическое обоснование разработки и представления языка как системы функционально-семантических категорий и полей (с. 39–46). Книга (Парменова 2000б) является конкретным доказательством того, что это возможно.

Упражнения составляют существенный элемент как в учебном материале, так и при проведении занятий. Спрашивается, требует ли функциональная ориентация использования упражнений особого типа? Рассматривая данный вопрос, О. Д. Гавос и Н. Б. Малышкина (2002: 104–105) предлагают систему упражнений, которая строится на строго определенной последовательности: «от текстов для понимания и анализа через систему усложняющихся упражнений подстановочного, трансформационного и репродуктивного характера до порождения самостоятельного высказывания»¹. Авторы представляют свою концепцию в виде следующей таблицы:

Уровень речевых действий	Уровень речевых действий	Уровень речевых операций
Информационные упражнения	Опорные упражнения	Продуктивные упражнения
Тексты для анализа и идентификации конститuentов изучаемого ФСП	Подстановочные, трансформационные, репродуктивные упражнения	Продуктивные тексты, содержащие конститuentы изучаемого ФСП

Взгляды упомянутых исследователей соответствуют и нашему мнению о том, какую важную роль функциональное описание языка может играть в обучении иностранным языкам. Единственное, что нам хотелось подчеркнуть, — это необходимость учета уровня учащихся. Функциональный подход может и должен быть применен при обучении языку на продвинутом этапе, когда учащиеся уже владеют основами морфологии и синтаксиса данного языка. Особенно это требование касается языков с богатой словоизменительной системой. Как известно, русский язык относится к таким языкам. Нет смысла представлять разные синтаксические конструкции, позволяющие выражать какую-либо семантическую категорию, если уча-

щимся неизменно необходимые формы, «стройматериалы» для этих высказаний.

Примечания к двенадцатой главе

¹ Кроме отмеченных работ см. также (Пант 1986; Мустаюва и др. 1996; Карай 1996; Фурсово 1997; Газов, Малышкова 2002; Куркуленко 2002). Стоит также отметить дискуссию о применении «функциональной грамматики» и преподавание языков еще в первые десятилетия XX века (Стева 1915; McLaughlin 1919; Назар 1921; Leonard 1933); правда, концепция функциональной грамматики в то время была иной.

² Соответствующие законодательные цели обучения представлены во многих источниках. Классической стала работа (Wilkins 1976).

³ Об элементах коммуникативной компетенции см. (Мустаюва 2003б).

⁴ Мы ввели эти понятия в работе (Мустаюва 1980; см. также 2003а).

⁵ О типах упражнений см. также (Мустаюва 2001) с литературой.

РЕЗЮМЕ: основные принципы и понятия функционального синтаксиса

1. Общая идея и задачи функционального синтаксиса

1.1. Функциональный синтаксис (ФС) строится по принципу «от значения к форме», точнее говоря, «от семантических структур к языковым средствам».

1.2. ФС отличается от традиционного описания языков по принципу «от формы к значению» не столько содержательно, сколько представленном языкового материала. Например, поверхностные структуры, на которых основываются предложения *У меня болела голова, Мне захотело, С бабушкой обговорю* и т. п., рассматриваются в одном разделе ФС, поскольку с их помощью можно выразить одну и ту же семантическую структуру (Физиологическое состояние Эноперенсора).

1.3. ФС не нацелен на замещение традиционного описания языка, а является альтернативным, дополняющим способом описания языка.

1.4. ФС отражает положение говорящего, порождающего языковые объекты для выражения своих мыслей. Однако ФС не ставит задачу описания конкретных ментальных процессов.

1.5. Нынешняя версия ФС не уходит далеко в прагматику (особенности диалогической речи и дискурса) или в изучение построения текста, но данные элементы могут быть добавлены к модели ФС.

1.6. Составление ФС состоит из трех этапов:

- установление основы описания — семантических структур и составляющих их элементов (семантических категорий);
- описание тех языковых средств, которые могут быть использованы в языке x (или в языках x и y) при выражении установленных семантических структур и категорий;
- определение возможных ограничений в употреблении этих языковых средств.

2. Основное понятие ФС

2.1. Описание в модели ФС основано на семантических структурах, отражающих положения дел и комментарии к ним говорящего.

2.2. **Положения дел** — ограничиваемые и интерпретируемые говорящим ситуации, фрагменты действительности (реального, виртуального или внутреннего мира).

2.3. Кроме типизированной схематической структуры, можно говорить о ее реализации в виде конкретного смысла. Например, Физиологическое состояние — одна из ядерных семантических структур — может реализовываться в большом количестве разных смыслов, в частности: «Игорь в состоянии голода / голода / сна / нетерпеливости / гнева / ангины» и т. п.

2.4. Используется следующая нотация:

- $[S_{\text{схем}}; E]$ — семантическая структура, которая состоит из предиката (Физиологическое состояние) и одного аргумента — Экстерналисера;
- «Игорь в состоянии голода» — один из возможных смыслов данной семантической структуры;
- $N_{\text{суб}} + V_{\text{суб}} + Adv_{\text{суб}}$ — одна из возможных поперечных структур, используемых при выражении данной семантической структуры в русском языке;
- *Игорю голодно* — одна из возможных словесных реализаций данного смысла и данной языковой структуры.

2.5. При определении семантических категорий не ставится целью деление их на мельчайшие элементы (семантические атомы, или примитивы), критерием их выделения является канонная картина мира носителя языка. Например, за смыслом «Нина дает Игорю книгу» стоит ядерная структура, которая не делится на более мелкие семантические элементы типа «Нина изучает владения книгой Игорем».

2.6. Семантическая структура состоит из следующих элементов:

- **ядро семантической структуры** = (глубинный) предикат + аргументы

Например: предикат, обозначающий конкретное действие, + аргумент; (Агент) + аргумент; (Объект): «Игорь строит дом».

- **модификатор** — определяющий семантическую структуру метаяглагол + аргументы (в ряде случаев только металексем без дополнительного аргумента).

Примеры метаягглов: «ПОБУЖДАТЬ», «НАЧИНАТЬ», «ЗАСТАВЛЯТЬ»; примеры металексем, используемых в роли модификатора: «ВОЗМОЖНО», «КОНЕЦ».

- **спецификатор** = семантический элемент, уточняющий актант, предикат или положение дел в целом.
Например: *Время*, *Аспектуальность*, *Определенность / неопределенность*, *Количество*.

2.7. По степени сложности можно различать два основных типа семантических структур:

- **простая семантическая структура** = ядро + обязательные модификаторы.
Например: СПРАШИВАТЬ + предикат, обозначающий конкретное действие, + актант₁ (Агент) + актант₂ (Объект); возможный соответствующий смысл: «СПРАШИВАЮ: Игорь строит дом»; возможное словесное выражение: *Игорь строит дом?*
- **сложная семантическая структура** = простая семантическая структура₁ + метасвязь + простая семантическая структура₂.
Возможный соответствующий смысл: «Сергей строит дом ХОТЯ у Сергея уже есть два дома»; возможное словесное выражение: *Сергей строит дом несмотря на то, что у него уже есть два дома*.

2.8. Простая семантическая структура может быть расширена двумя способами: факультативными модификаторами или погруженным элементом. Данные понятия определяются следующим образом:

- **расширенная (простая) семантическая структура** = простая семантическая структура + факультативные модификаторы.
Например: «НАЧИНАТЬ + предикат, обозначающий конкретное действие, + актант₁ (Агент) + актант₂ (Объект); возможный соответствующий смысл: «Игорь НАЧАЛ строить дом»; возможное словесное выражение: *Игорь начал строить дом*.
- **погружение** = актант простой семантической структуры, имеющий при себе дополнительные семантические элементы.
Например: предикат + актант₁ + (Характеристика + актант₂); возможный соответствующий смысл: «Игорь строит (раскопанный дом)»; возможное словесное выражение: *Игорь строит раскопанный дом*.

2.9. Если положение дел является частью семантической структуры, оно может быть обозначено символом [P], например: {[P₁] ЧТОБЫ [P₂]} (*Сергей построил новый дом, чтобы осуществить мечту жены*).

Актанты

2.10. В модели ФС актанты рассматриваются не отдельно, а как составные неразделяемые элементы ядра семантической структуры или его модификаторов.

2.11. Актанты, способные, в соответствии с трактовкой говорящего, контролировать свои действия или испытывать различные чувства, принадлежат к категории I (прототипический случай: «человек»). Кроме того, различаются актанты предметные (II: «стол»), вещные (III: «вода») и отвлеченные (IV: «мысль»).

2.12. По своей роли актанты делятся на следующие типы:

- **Агент (А)** — актант, который производит и / или контролирует действие (относится всегда к категории I): «Игорь пишет письмо / открывает окно / бежит».
- **Экспериментер (Е)** — актант, который испытывает какое-либо чувство или физиологическое ощущение (относится всегда к категории I): «Игорю холодно / скучно», «Игорь любит Нишу».
- **Нейтрал (N)** — актант, который является предметом речи, высказывания (кто он, какой он, где он, существует ли он и т. п.) (все категории от I до IV): «Пальцы / дороги / рассказы длинные», «Игорь — русский», «Есть идея».
- **Объект (O)** — актант, на который направляется конкретное или неконкретное действие или который возникает в результате действия (все категории от I до IV): «Игорь открывает окно / пишет письмо», «Игорь любит Нишу / музыку».
- **Тема (Т)** — актант, о котором что-то говорится (все категории от I до IV): «Игорь говорит о спорте / о Нише».
- **Реципиент (R)** — актант, который что-то получает или в пользу которого что-то делается (только категория I): «Игорь дал Нише книгу / рассказал Лиде анекдот».
- **Источник (S)** — актант, от которого что-то переходит Реципиенту (очевидно, возможны все категории): «Нина получила книгу от Игоря / читала о катастрофе в газете».
- **Инструмент (I)** — актант, с помощью которого Агент что-то непосредственно делает (все категории, кроме первой): «Нина писала работу карандашом / на компьютере».
- **Место (L)** — актант, указывающий на обязательный для данного положения дел локативный элемент (очевидно, возможны все категории): «Дом расположен на берегу моря», «Здесь ничего нет», «Мач у яхты».

Предикаты

2.13. Классификация предикатов ядерных структур основывается на комбинации разных критериев: семантика предиката, на какой вопрос он отвечает, каков его аргентный состав, каковы темпорально-актуальные характеристики. Выделяются следующие **примарные** предикаты и их семантические подтипы:

- **Действие (Ac):** Агента что-то делает, контролирует положение дел; при нем возможны другие агенты: Объект, Инструмент, Реципиент, Тема. Семантические подтипы актуальных (локализованных во времени) положений дел:
 - Передвижение (Ac_{1a}): «Нина идет / несет книги в школу».
 - Физическое воздействие (кроме передвижения) (Ac_{1b}): «Игорь прибил / убил мышку кулаком».
 - Интеллектуальная деятельность (Ac_{1c}): «Виктор думал о детях».
 - Речевое действие (Ac_{1d}): «Мы долго говорили о судьбе матери».
 - Действие, копирующее обладание (Ac_{1e}): «Нина дала собаке кости».
 - Социальное действие (Ac_{1f}): «Виктор наказал Петю».
 - Физиологическое действие (Ac_{1g}): «Мы ели суп».
 - Подтип неактуального положения дел:
 - Характеризующее (или Идентифицирующее) действие (Ac_{2a} / Ac_{2b}): «Виктор поет в хоре».
- **Отношение (R):** уточняется взаимосвязь между Экспериментером и Объектом или между двумя Нейтралими. Семантические подтипы (все обозначают неактуальное положение дел):
 - Социальное отношение (R_{1a}): «Ректор отвечает за все решения».
 - Эмоциональное отношение (R_{1b}): «Нина любит Игоря».
 - Интеллектуальное отношение (R_{1c}): «Нина помнит все».
 - Идентифицирующее отношение (R_{1d}): «Ирина — мама Нины».
 - Характеризующее отношение (R_{1e}): «Игорь выше Виктора».
- **Обладание (P):** отношение между владельцем-Агентом и Объектом: «У Сергея есть „Феррари“».
- **Локация (L):** актуальное (временное) или неактуальное (более или менее постоянное) отношение между Агентом и Местом («Конка стоит у окна», «Они живут в деревне») или Нейтралом и Местом («Ваза стоит на окне», «Дом стоит у моря»).

- **Существование / бытие (E_x):** передается общая информация о существовании Нейтрала («Ангелы существуют») или о существовании Агенса или Нейтрала в определенном месте («Там существуют люди / там: *Здесь стояли люди / На озере там*).
- **Состояние (S₀):** характерные черты — 1) речь идет о непроцессуальном актуальном положении дел; 2) в семантической структуре только один актант: Экспериментер при Физических или Эмоциональных состояниях, Нейтрал при Физических состояниях и Место при Состояниях окружающей среды. Выделяются следующие типы состояний: Эмоциональное состояние (S_{Emo}): «Игорь в состоянии скуки» (*Игорю скучно*). Физическое состояние (S_{Phys}): «Игорь в состоянии холода» (*Игорю холодно*). Физическое состояние (S_{Phys}): «Руки / ноги в состоянии грязи» (*Руки / ноги грязные*). Состояние окружающей среды (S_{Env}): «Это место в состоянии холода» (*Здесь холодно*).
- **Характеристика (C_h):** как и в (S₀), здесь только один актант — Нейтрал, но положение дел — неактуальное, качественная квалификация: «Нина красивая / сороклетняя», «Книга новая / интересная».
- **Идентификация и классификация (I_d):** неактуальное положение дел, классификационная квалификация одного актанта — Нейтрала: «Нина русская / учительница».

2.14. Кроме первичных предикатов, выделяются **вторичные** (схематически обозначаются ⇒), характеризующие изменение отношения или состояния. Они передают динамические, терминальные или результирующие процессы. Например:

(R_{Em} ⇒): «Нина помнит своих друзей» (*Нина забыла о своих друзьях*).

(⇒ R_{Le}): «Карандаш лежит на полу» (*Карандаш упал на пол*).

(R_{Ev} ⇒): «У Игоря есть бумажонка» (*Игорь потерял свой бумажонка*).

(⇒ E_x): «Существуют ключи» (*Ключ найден*).

(⇒ S_{Em}): «Игорь здоров» (*Игорь выздоравливает*).

Ядерные семантические структуры

2.15. Ядерные семантические структуры группируются по степени их близости с точки зрения коммуникативных потребностей го-

говорящего. В связи с этим семантические структуры с предикатами «купить» и «иметь», например, рассматриваются в одном разделе, хотя предикаты отличаются друг от друга принципиально (действие и не-действие). Различаются следующие коммуникативно-семантические сферы:

- **Физическое действие и деятельность:** Действие и воздействие, Деятельность.
- **Предложение и локация:** Предложение Агенса, Перемещение Агеном Объекта, Локация и ее изменение.
- **Социальное действие и деятельность:** Общое занятие (деятельность), Поведение, Социальные ритуалы и процедуры, Социальное взаимодействие (отношения).
- **Интеллектуальная деятельность:** Получение, обработка и передача информации, Речевая деятельность, Интеллектуальное отношение.
- **Существование:** Общая конституция, Существование в определенном месте, Исчезновение и появление, Создание, сождение и появление, Изменение и разрушение.
- **Обладание / Владение:** Собственно обладание, Появление, изменение и исчезновение обладания Объектом, Передача, влание и получение.
- **Эмоции:** Эмоциональные состояния, Появление, изменение и исчезновение эмоционального состояния, Эмоциональные отношения и взаимодействия.
- **Физиологические состояния:** Физиологические состояния, Изменение физиологического состояния, Физиологические действия.
- **Физические состояния:** Физические внешние состояния, Изменение (появление, исчезновение) внешнего состояния.
- **Состояния окружающей среды:** Внешняя среда, Состояния природы, Изменение окружающей среды и природы.
- **Характеристика:** Собственно характеристика, Опосредованная характеристика, Изменения характеристика.
- **Идентификация:** Собственно идентификация, Классификация.

Модификаторы

2.16. Выделяются **обязательные** и **факультативные** модификаторы. Обязательные модификаторы присутствуют в каждой семантической структуре, факультативные появляются только sporadически, в зависимости от коммуникативных целей говорящего.

2.17. На семантическом уровне модификаторы передаются в виде металаголов. Модификатор ставится в схематической презентации семантической структуры перед ядром [R], например, Каузация обозначается [(Сам, А) [R]] или более подробно [(Сам = ВЫЗЫВАТЬ; А) [R]], где А — Агенса данного модификатора (в данном случае Агенса-каузатор).

2.18. Модификаторы могут быть эксплицитно выражены или не выражены на поперечном уровне.

2.19. Существует один обязательный модификатор — **Речевая функция** (Func). Она представлена следующими основными типами:

- Сообщение: основной металагол «СООБЩАТЬ», обычно не выражается эксплицитно: *Выход убрает команду.*
- Вопрос: «СПРАШИВАТЬ» (*Убирает ли выход команду?*).
- Побуждение: «ПОБУЖДАТЬ» (*Убери команду!*).

При необходимости основные Речевые функции можно обозначать более точно. Так, Побуждение выражается, в частности, следующими металаголами: «ПРОСИТЬ», «СОВЕТОВАТЬ», «ПРИГЛАШАТЬ», «ТРЕБОВАТЬ», «ПРЕДЛАГАТЬ», «УМОЛЯТЬ», «ПРЕДУПРЕЖДАТЬ».

2.20. Кроме основных, выделяются два доминантных типа Речевых функций:

- Провокационное: «ПРОВОЗГЛАШАТЬ» (*Объявлю вас мужем и женой.*)
- Речевой этикет: «СОЦИАЛЬНО ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ» (*Здравствуйте!*) и «СОЦИАЛЬНО ПОГЛАЖИВАТЬ» (*Мы с тобой.*)

2.21. Вся гамма Речевых функций проявляется только в прямой речи. Повествованию свойственно преимущественно Сообщение.

2.22. Существует три вида факультативных модификаторов, а именно Фаза, Каузация и Авторитация.

2.23. Агенса модификатора Фазы не может отличаться от Агенса ядра. Выделяются шесть разновидностей семантических категорий, условно называемых Фазой: Ирреальность, Предварительная стадия, Модальная фаза, Темпоральная фаза, Именование темы и Стадия достижения цели.

- Значение Ирреальности (Irreal) возникает тогда, когда говорящий мысленно конструирует положение дел, которого не было ни в реальном, ни в виртуальном мире (*Если бы я увидел медведя, я бы упал в обморок*).
- Предварительная стадия (PrePhase) указывает в процессе осуществления R на период, когда R еще не начало свое су-

ществование, но потенциальный Агент Р совершает те или иные предварительные (обычно метаязыковые) действия, чтобы сделать или начать делать Р. Метаглаголы «ПЛАНИРОВАТЬ», «НАМЕРЕВАТЬСЯ», «РЕШАТЬ», «ГОТОВИТЬСЯ», «ПЫТАТЬСЯ», «ИЗБЕГАТЬ» (*Нина собирается послать в Мюнхен*).

- При **Модальной фазе** (ModPhase) внимание обращается на те обстоятельства, которые влияют на вероятность осуществления положенной дел. Агент (или своего рода Экспериментор) не всегда прямо контролирует Модальную фазу, а присутствует как потенциальный Агент Р. Обозначается не метаглаголами, а модальными металексемами. Возможность: «ВОЗМОЖНО», «РАЗРЕШЕНО», «НЕВОЗМОЖНО», «ЗАПРЕЩЕНО»; Необходимость: «НЕОБХОДИМО», «ЦЕЛЕСООБРАЗНО», Желательность: «ЖЕЛАТЕЛЬНО», «НЕЖЕЛАТЕЛЬНО».
- **Темпоральная фаза** (TempPhase) выражается тремя метаглаголами «НАЧИНАТЬ», «ПРОДОЛЖАТЬ», «КОНЧАТЬ» и их бесчисленными вариантами «НАЧАЮ», «ПРОДОЛЖАЮ», «КОНЕЦ» (*Виктор начал / продолжает / кончил убирать комнату. // Довод пошел / продолжается / прекратился*).
- **Изменение темпа** (Tempo) выражается метаглаголами «УСКОРЯТЬ» и «ЗАМЕДЛЯТЬ» (*Нина стала / замедлила с ответом*).
- **Стадия достижения цели или результата** (FinPhase) сигнализирует об изменении в представлении говорящего о совершении [Р]. Выделяются, в частности, метаглаголы «УДАВАТЬСЯ», «УСПЕВАТЬ», «ОПАЗДЫВАТЬ».

2.24. При выражении **Каузации** (Caus) действие или деятельность Агенса является причиной реализации того или иного положения дел, субъективным актантом которого сам Агент каузации не является. (ср. *Нина расстроила Виктора* = «Нина ВЫЗВАЛА (своей деятельностью) Виктора стал сердитым»).

2.25. Модификатор Каузации отличается от погружения каузации тем, что в последнем случае речь идет о непосредственном воздействии на Объект. Следовательно, метаглагол не дает естественного толкования положению дел (ср.: [Ас; А, (⇒) Сг; О]) *Виктор укоротил свое пальто* ≠ «Виктор ВЫЗВАЛ: пальто стало короче»).

2.26. Модификатор Каузации отличается от сложных семантических структур с метасогномом «ТАК КАК» тем, что в последнем случае речь идет не о каузации, а только о естественной причинно-следственной связи, ср.: ((Caus; P_{Caus}) [Р]) *Сильный дождь вызвал*

повеление дробом; ([P] ТАК КАК [P_{Сам}]) *Люба велела исследовать следующего дождя.*

2.27. Каузация представлена следующими семантическими разновидностями:

- Частия каузации состояния или движения: «ВЫЗЫВАТЬ» (*Гидарос Урузма мордавока Петма / Петма пулвал лив мо сламу.*)
- Фактивная каузация: [P] приносит ту или иную пользу Агенсу Каузации S_{Сам} (он сам не Агене [P]): «ОБЯЗЫВАТЬ» (*Нана ставла себе в аялме нукуо ливу.*)
- Девотическая каузация: «ЗАСТАВЛЯТЬ» (*Нана ластавила Викторя убравь комнату.*)
- Речевая каузация: «УГОВОРИТЬ» (*Нана уговорила Викторя убравь комнату.*)
- Превентивная каузация: «ПРЕПЯТСТВОВАТЬ» (*Нана мачила учебе Викторя.*)
- Перmissiveная каузация: «ПОЗВОЛИТЬ» (= «НЕ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ») (*Нана позволила Викторю учиться.*)
- Проксибативная каузация: «ЗАПРЕЩАТЬ» (*Исорь не разрешил Нане пойти в кино.*)
- Ассистивная каузация: «ПОМОГАТЬ» (*Нана помогла Викторю помараться с Игорем. / Она содействовала их разводу.*)
- Каузация умения: «УЧИТЬ» (*Виктор учил матыма стывамь.*)

2.28. Авторизация (Am) дает дополнительную характеристику того, кому принадлежит высказывание о [P] или того, как оценивается [P].

- Автор мнения ([Am = СЧИТАТЬ; A_{Сам}] [P]). Сообщает, кто стоит за данной информацией (*По мнению ливале ливчылма / Согласно мнению ливчылма, термин департамент может быть заменен термином министерство.*)
- Достоверность (мистическая модальность, Mod_р): говорящий комментирует, в какой мере [P] вероятно; выделяются три степени вероятности (она обозначается символом р/): «ВЫСОКАЯ р», «СРЕДНЯЯ р», «НИЗКАЯ р» (*Уверен / возможно / думаю, что будет дождь*); дополнительно выделяется метакласса «ИСТИННО», значение которой проявляется наиболее отчетливо в отношении прошедших положений дел.
- Оценка: говорящий определяет свое отношение к [P], например ([ХОРОШО; A_{Сам}] [P]): используемые метаклассы: «ХОРОШО», «ПЛОХО», «ВАЖНО», «ОПРАВДААННО» и др. (*Плохо / досадно / жаль / вероятно, что будет дождь*).

Спецификаторы

2.29. **Спецификаторы** конкретизируют те или иные свойства предиката или отдельных актантов. Различаются основные и дополнительные спецификаторы.

2.30. **Основные спецификаторы** относятся прежде всего к предикату. В связи с этим они играют важную роль в семантической структуре. Выделяются следующие основные спецификаторы: **Утверждение / Отрицание, Темпоральность** и **Аспектуальность**.

2.31. В языке в речи **Утверждение**, как правило, специально не выражено и воспринимается по умолчанию. В связи с этим можно условно говорить о спецификаторе **Отрицание (Neg)**. Отрицание относится:

- или к предикату (и тем самым ко всему ядру семантической структуры) или к метазлагоду какого-либо модификатора (и тем самым ко всему модификатору): *Вчера вечером Виктор не читал газету. // Вчера Виктор не читал / не хотел читать / не успел прочитать газету.*
- или к одному из актантов или спецификаторов: *Вчера вечером Виктор читал не газету. / Виктор читал газету не вчера.*

2.32. В рамках спецификатора **Темпоральность** рассматриваются (собственно) **Время, Актуальность / неактуальность** положения дел и **Повторяющиеся** положения дел.

- (Собственно) время (Темп) имеет три основных значения: **Прошедшее, Настоящее** и **Будущее**.
- Все положения дел делится на **актуальные** и **неактуальные** (Темп_{акт}). Только актуальные положения дел прикреплены к конкретному моменту или периоду референции: *Вчера вечером Виктор прочитал письмо от отца / был в пути / смотрел телевизор. // *Вчера вечером Виктор был английской князь / был русским / был высокого роста.*
- **Повторяемость** реализуется или в виде **Фреквентативности** (Темп_{фр}): *Виктор был два раза в Одессе*, или в виде **Угательности** (Темп_{уг}): *Виктор часто бывает в Одессе*.

2.33. Выделяются следующие основные значения **Аспектуальности**:

- **Стативное (Asp = STAT)** — положение дел представляется как неизменное, стабильное состояние: *На улице холодно. / У Иры была температура. / Собака сидит на диване.*
- **Процессуальное (Asp = PROC)** — положение дел представляется как процесс без указания на его завершение: *Друны делал*

*в лесу. / Анна что-то бурмочет про себя. / Урина стала вер-
хом на лошади. / Анна вернула вечером на даче.*

- **Динамическое (Asp = DYN)** — положение дел представляется как процесс, направленный на его завершение: *Ури пишет диссертацию. / Анна пишет / анализирует материал в архиве. / Мы шли к вокзалу.*
- **Терминальное (Asp = TERM)** — положение дел представляется как целостный процесс, достигший или достигающий своего завершения: *Ури пишет диссертацию. // Анна анализи-
ровала / проанализировала материал в архиве. // Мы дошли до вокзала /
подъехали к вокзалу. / Забрали я еду домой.*
- **Моментальное (Asp = MOM)** — положение дел представляется как моментальное происшествие без процессуальности или ситуативности до или после него (мир остается таким же, каким он был до этого): *Ури чихнула. / Собака прыгнула. / Свет блеснул. / Я бросил взгляд на Уру.*
- **Результативное (Asp = RES)** — положение дел представляется как поворот в ходе событий и состоянии после него: *Мы при-
ехали домой уже темно / рано в пятницу.*

2.34. К дополнительным спецификаторам относятся **Определенность / неопределенность**, **Количество**, **Место** и спецификатор **Образ** и **способ действия**.

2.35. Спецификатор **Определенность / неопределенность (Def)** имеет три основные разновидности:

- **Определенный (Def = DEF)** — указывает на объект действительности, знакомый как говорящему, так и, согласно предположению говорящего, слушающему: *Я купил эту машину.*
- **Специфицированный (Def = SPEC)** — указывает на объект действительности, который, как полагает говорящий, не знаком слушающему: *Я купил новую машину.*
- **Неопределенный (Def = INDEF)** — указывает на объект действительности, который не знаком ни говорящему, ни слушающему: *Я хотел бы купить машину.*

2.34. Кроме того, особый случай представляет **Обобщенность**, которая проявляется только в неактуальных положениях дел (Temp = ABSTR). Им свойственна нейтрализация значений единственного и множественного числа и обобщенное значение формы времени: *Собака лаял, а кошка мяукала*. Обобщенность в своем широком смысле приводит к генерализованным положениям дел (пословицы и поговорки, афоризмы, сентенции): *Цыплят по осени считают. Любит все подростки поворны. Зри в корень*.

2.35. Спецификатор **Количество** (Quant) относится к разным актантам. При его рассмотрении различаются, с одной стороны, **Точное количество** и **Неточное количество**, а с другой, **Абсолютное количество** и **Относительное количество**. Их сочетание образует четыре основных типа Количества:

- Точное абсолютное: *три человека*,
- Точное относительное: *два из нас*,
- Неточное абсолютное: *несколько человек*,
- Неточное относительное: *рядом из нас*.

2.36. Неточному (относительному и абсолютному) количеству соответствует глубинные лексемы следующего типа:

- «МАЛОЕ КОЛИЧЕСТВО»: *Судимостей на вечер было пришло немного*.
- «НЕЙТРАЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО»: *Какое-то количество судимостей пришло на вечер поздно. Часть листов ушла только на расклате*.
- «БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО»: *Большинство русских политическим весьма напугано*.

2.37. Количество в сочетании с Авторизацией выражают метаксемы «ТОЛЬКО» и «ДОСТАТОЧНО».

2.38. Спецификатор **Место** (Loc), в отличие от актанта Место, является факультативным элементом семантической структуры. Можно выделить следующие основные смысловые элементы, связанные с Местом:

- «В» — «НА₁» / «ВНЕ»: *в доме / на доме / из предельно дома*,
- «НАД» — «ПОД»: *над столом / под столом*,
- «ПЕРЕД» — «ЗА»: *перед диваном / за диваном*,
- «МЕЖДУ», «НАПРОТИВ», «ПОСРЕДИ», «ОКОЛО», «РЯДОМ С», «ВОКРУГ», «ВОДОПЬЮ»: *между домами, напротив дома, посреди двора, около школы, рядом со школой, вокруг парка, вдоль улицы*.

2.39. Основные смысловые элементы Места имеют три разновидности в зависимости от того, на какой вопрос они отвечают: где?, откуда? или куда?. Таким образом различаются, например:

- «НА-КУДА»: *на стол*,
- «НА-ГДЕ»: *на столе*,
- «НА-ОТКУДА»: *со стола*.

2.40. Кроме основных метапредлогов, выделяются три, при которых Место имеет более конкретное значение:

- «НА₂»: *на конференции, на выставке*,
- «У»: *у бабушки*.

- «ПРИ»: при университете.

Они тоже имеют три разновидности в зависимости от того, на какой вопрос отвечают: где?, откуда? или куда?.

2.41. Кроме того, есть такие метапредлоги, которые используются только при выражении движения:

- «ЧЕРЕЗ»: (идти) *через лес / степь / туман // перейти улицу*,
- «МИМО»: (идти) *мимо вокзала*,
- «ВДОЛЬ»: (идти) *вдоль набережной, по шоссе*.

2.41. Спецификатор **Образа и способа действия** (Ман) покрывает различные элементы, уточняющие те или иные характеристики предиката или аргентов. Некоторые из них касаются общей квалификации предиката, например «БЫСТРО / МЕДЛЕННО». Образ и способ действия нередко выражается также инкорпорацией, например, *бежать* (ср. «говорить тихо и внятно»).

Сложные семантические структуры: метасюжеты

2.42. Сложные семантические структуры состоят из двух или более простых (или простой и расширенной) семантических структур и метасюжета, их соединяющего. Схематически сложные семантические структуры обозначаются следующим образом: $\{[P_1] \text{ МЕТАСЮЖЕТ } [P_2]\}$. Различаются три разновидности отношений: Контекстные, Таксовые и Логические отношения.

2.43. **Контекстные отношения** включают в себя следующие варианты и соответствующие им заставки:

- Соединение: «И», «А ТАКЖЕ».
- Противопоставление: «НЕ...А».
- Разделение: «ИЛИ».
- Идентификация: «РАВНО».
- Сравнение: «КАК».

2.44. **Таксовые отношения** представлены следующими разновидностями:

- Одновременность: «В ТО ВРЕМЯ КАК», «ПО МЕРЕ ТОГО КАК», «ПОКА».
- Неодновременность: предшествование — «РАНИШЕ ТОГО КАК», «ДО ТОГО МОМЕНТА КАК»; следование — «А ПОТОМ», «СРАЗУ ПОСЛЕ».

2.45. **Логические отношения** включают в себя следующие варианты:

- Причина: «ТАК КАК».
- Следствие: «ПОЭТОМУ»; (вывод) «СЛЕДОВАТЕЛЬНО».

- Условие: «ЕСЛИ».
- Уступка: «ХОТЯ... НО».
- Цель: «ЧТОБЫ».

1. Соотношение семантической и поверхностной структур

3.1. Хотя семантическая структура в целом напоминает поверхностную структуру, между ними нет полной симметрии.

3.2. Одна и та же семантическая структура или ее элемент может иметь (и весьма часто имеет) несколько языковых выражений; например, Физиологическое состояние $[S_{\text{физ}}, E]$ может быть выражено многими поверхностными структурами, в частности: *Он болен*, *У него грипп*, *Ему плохо* и т. д.

3.3. Одной и той же поверхностной структурой можно выражать разные семантические структуры, например: *У него грипп* (Физиологическое состояние), *У него жарые глаза* (Характеристика), *У него много лыжины* (Обладание).

3.4. Не только поверхностная структура, но и отдельное высказывание может иметь разные толкования: например, фраза *Ты не можешь себе представить, как он изменился* имеет значения «Ты не можешь мысленно создать его изменившийся образ» и «Он изменился так сильно, что представить себе такое значительное изменение невозможно».

3.5. Есть ряд регулярных видов несоответствия семантической и поверхностной структур:

- **Искорпорация:** *Нина убила мышь отравой*. (ср. «Нина убила мышь отравой»).
- **Эллипсис:** *Я дружу коровам*. (ср. «Я обещаю, что дружу коровам»).
- **Аналитическое выражение:** *Виктор помогает маме*. (ср.: «Виктор помогает маме») // *Игорь сбил замок*. *Он искалывал для этого замок*. (ср. «Игорь сбил замок топором»).
- **Стажение** (целое положение дел выражается одним словом или словосочетанием): *Разочарованная дружила к упадку духа*. (ср.: « $[P_1]$ ВЫЗЫВАЕТ $[P_2]$ » или «То, что X испытывает разочарования, ВЫЗЫВАЕТ то, что X падает духом»).

3.6. Языковые структуры, репрезентирующие одну и ту же семантическую категорию, имеют общие денотативные (инвариантные) значения, но разные презентативные (вариантные) значения, создаваемые конкретными формами выражения.

3.7. При рассмотрении языковых выражений, репрезентирующих те или иные семантические категории, не принимаются во внимание структурно не специализированные **языки**, правильное толкование которых требует особой речевой ситуации и взаимодействия собеседников. Зато в сферу описываемых средств входят все **непрямые** конвенциональные языковые средства. Так, при описании языковых средств, с помощью которых выражается Побуждение, принимается во внимание вопросительная форма (*Вы не скажете, где здесь находится метро?*), но не высказывания типа *Здесь нужно со значением побуждения открыть окно*.

3.8. Соответствия между семантическим и поверхностным уровнями устанавливаются не с помощью какого-либо порождающего устройства, а **интуитивным способом**: языковое средство является репрезентантом рассматриваемой семантической категории, если с его помощью можно выразить — согласно интуиции носителей языка — данный смысл.

3.9. Семантические структуры не основываются на каком-либо определенном языке и его категориях. Их универсальность, однако, относительна, поскольку нет гарантии, что на их основе можно описывать любые языки мира.

3.10. Теория ФС может быть использована как при описании одного языка, так и при сопоставлении двух или более языков. В последнем случае семантический уровень служит *tertium comparationis* сопоставления.

4. Методологические аспекты и выводы, вытекающие при составлении ФС

4.1. Вся модель последовательно основывается на семантических категориях по принципу «от семантических структур к языковым средствам».

4.2. Данный принцип касается направления презентации языкового материала. При определении основополагающих понятий можно использовать среди других приемов описания и фактов, наблюдаемых в естественных языках, т. е. принцип «от формы к значению».

4.3. Описание языка в рамках ФС покрывает язык «в целом» в том же смысле, в каком это осуществляется в традиционных грамматиках. Однако фонетические, словоизменительные и словообразовательные явления отдельно не описываются, а подразумеваются как известные, данные. То есть с точки зрения ФС русского языка достаточно указать, что структура «дательный падеж + наречие на «о» ве-

пользуется для выражения физиологического состояния, а описание того, как образуются формы дательного падежа, не входит в задачи ФС.

4.4. Концепция ФС отличается стремлением соединить прочную научную основу с практической, прикладной ориентацией. Из этого следует, в частности, что:

- использованная литература включает как фундаментальные теоретические труды, так и работы, предназначенные для практических целей;
- некоторые классификации построены не на одном-единственном принципе, а с применением «плюралистического» подхода для достижения более адекватного с точки зрения релевантных свойств языка описания языковых явлений;
- использование терминологии стремится к соблюдению точности и последовательности, но абсолютная однозначность терминов потребовала бы еще более подробных определений, которые, в свою очередь, привели бы к более сложному представлению концепции;
- используется «номерная» слематическая нотация.

4.5. Теория ФС представляется сразу в полном виде, так что покрывает «весь язык». Такой подход позволяет многосторонне тестировать ее «работоспособность». Это важно и с той точки зрения, что отдельные детали теории получают свое значение только в отношении к другим языковым явлениям. Однако неизбежным следствием широкого охвата языка является то, что его отдельные явления освещаются с разной степенью глубины.

Сокращения

[F] – положение дел (как часть семантической структуры)

Акшаны

A – Агенты
E – Экспериментер
I – Инструмент
L – Место
N – Нейтрал
O – Объект
R – Реципиент
S – Источник
T – Тема

Типы предикатов

A_d – Действие (A_d)
A_{d_{int}} – Передвижение
A_{d_{ext}} – Физическое воздействие (кроме передвижения)
A_{d_{int}} – Интеллектуальная деятельность
A_{d_{sp}} – Речевое действие
A_{d_{ob}} – Действие, обусловленное (не)обладанием
A_{d_{so}} – Социальное действие
A_{d_{ph}} – Физиологическое действие
A_{d_{ch}} / A_{d_{cl}} – Характеризующее (или Идентифицирующее) действие
RI – Отношение
R_{I_{so}} – Социальное отношение
R_{I_{ob}} – Эвонциональное отношение
R_{I_{in}} – Интеллектуальное отношение
R_{I_{id}} – Идентифицирующее отношение
R_{I_{ch}} – Характеризующее отношение
Р_o – Обладание
L_d – Локация
E_x – Существование
S_t – Состояние
S_{t_{ob}} – Эвонциональное состояние
S_{t_{ph}} – Физиологическое состояние
S_{t_{ext}} – Физическое состояние
S_{t_{ext}} – Состояние окружающей среды

Ch – Характеристика**Id** – Идентификация и классификация

(Кроме примычных предикатов, выделяются **субъективные**, которые обозначаются стрелкой, например $\Rightarrow St_{mod}$ или $St_{mod} \Rightarrow$)

Метафункции

Func – Речевая функция

Intenl – Истинность

PrePhase – Предварительная стадия

ModPhase – Модальная фаза

TempPhase – Темпоральная фаза

FinPhase – Фаза достижения цели или результата

Caus – Клаузула

 A_{caus} – Автор клаузулы

Aut – Авторизация

 A_{aut} – Автор мненияMod_{pr} – Эпистемическая модальность (Достоверность)**Спецификаторы**

Neg – Отрицание

Temp – Собственно время

E – Время события

K – Момент референции

S – Момент речи

Temp_{act} – Невыполненное положение делTemp_{pr} – ФредикативностьTemp_{st} – Угнательность

Asp – Аспектуальность

Asp = STAT – Стативное положение дел

Asp = PROC – Процессуальное положение дел

Asp = DYN – Динамическое положение дел

Asp = TERM – Терминальное положение дел

Asp = MOM – Моментальное положение дел

Asp = RES – Результативное положение дел

Asp = RES-MOM –Результативно-моментальное

Asp = RES-STAT –Результативно-стативное

Det – Определенность / неопределенность

Det = DEF – Определенный

Det = SPEC – Специфицированный

Det = INDEF – Неопределенный

Det = ABSTR – Обобщенный

Quant – Количество

Loc – Место

Man – Образ и способ действия

Литература

- Абрамов 2003 — *Абрамов В. П.* Семантические поля русского языка. М.: Акад. вед. и соц. наук РФ; Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003.
- Адамца 1966 — *Адамца П.* Порядок слов в современном русском языке. Прага: Státní pedagogické nakladatelství, 1966.
- Адамца 1973 — *Адамца П.* Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. I. Однобазовые предложения. Прага: Státní pedagogické nakladatelství, 1973.
- Адамца 1975 — *Адамца П.* Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. II. Двухбазовые предложения с нефинитными К-структурами. Прага: Státní pedagogické nakladatelství, 1975.
- Адамца 1978 — *Адамца П.* Образование предложений из пропозиций. Прага, 1978. (Acta Universitatis Carolinae Philologica, Monographia, 69).
- Адамца 1991 — *Адамца П.* К вопросу о синтаксической означенности // *Russian Linguistics*. 1991. Vol. 15, No. 2. С. 139–152.
- Алексеева, Колчанова 1996 — *Алексеева Т. Г., Колчанова М. А.* Значение качественной параметризации в конструкциях с глагольными предикатами // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 79–93.
- Алексеева 1970 — *Алексеева Т. Е.* Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений // *Вопр. языкознания*, 1970, № 2, С. 91–94.
- Алексеева 1985 — *Алексеева В. М.* О способах построения функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. В. Н. Ягеля. М.: Наука, 1985. С. 49–55.
- Адресная В. 2004 — *Адресная В. Ю.* Кванторы со значением исключения, включения и добавления // Кванторыная логика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Диалог'2004. М.: Наука, 2004. С. 14–20.
- Адресная 1974 — *Адресная Ю. Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Адресная 1980 — *Адресная Ю. Д.* Исправляемые семантические приемы и правила выбора значений // *Восприятие языкового значения*. Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1980. С. 27–49.
- Адресная 1988 — *Адресная Ю. Д.* Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование* / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 57–78.
- Адресная 1995 — *Адресная Ю. Д.* Избранные труды: Интегральное описание и системная лингвистика. Т. 2. М.: Языки рус. культуры, 1995.

- Агрески и др. 1978 — *Агрески Ю. Д., Мамдан Л. Л., Перцов Н. В.* Объекты и средства модели поверхностного синтаксиса русского языка // *Македонский язык*. 1978/XXIX. С. 125–171.
- Агрески, Цанман 1998 — *Агрески Ю. Д., Цанман Л. Л.* Перефразирование на компьютере // *Семантика и информатика*. Вып. 36. М.: Язык рус. культуры. Рус. словарь, 1998. С. 177–202.
- Арефьева 1988 — *Арефьева Т. Л.* Соотношение смысла и формы в пределах функционально-семантического поля принадлежности в современном русском языке // *Языковая системность при коммуникативном обучении* / Ред. О. А. Лагунова, Н. А. Лобанова, Н. Н. Формановская. М.: Рус. яз., 1988. С. 95–102.
- Арно, Лакло 1998 — *Арно А., Лакло К.* Грамматика обшая и рациональная Пор-Рокки / *Общ.* ред. Ю. С. Степанов. 2-е изд. М.: Прогресс, 1998.
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложения и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Сибирск. Фил. М.: Наука, 1988.
- Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н. Д.* Феномен второй ритмики, или О пользе спора // *Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 175–194.
- Арутюнова 1992 — *Арутюнова Н. Д.* Язык цели // *Логический анализ языка: Модели действия*. М.: Наука, 1992. С. 14–23.
- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Язык рус. культуры, 1999.
- Арутюнова, Шарпан 1983 — *Арутюнова Н. Д., Шарпан Е. Н.* Русское предложение: Бilingualный тип. М.: Рус. яз., 1983.
- Ван дер Ауверс и др. 2004 — *Van der Auwers P., Густ В. Ю., Добрушина Н. Р.* Семантическая карта императива-гортатива // *Типологические обозначения и грамматика: К 70-летию проф. В. С. Хриковского* / Отв. ред. А. П. Володин. М.: Знак, 2004. С. 36–60.
- Вайблиц 2000 — *Вайблиц В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000.
- Вайблиц 1989 — *Вайблиц Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.
- Вайблиц 1997 — *Глаголы комплексной полипроблемативной семантики // Русская глагольная лексика: пересечение парадигм*. Памяти Э. В. Кузнецовой / Под общ. ред. Л. Г. Вайблиц. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 30–45.
- Вайблиц 2002 — *Вайблиц Л. Г.* Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Вайблиц. М.: Флинта: Наука, 2002.
- Вайблиц и др. 2000 — *Вайблиц Н. С., Володарская Э. Ф., Карликова Е. М., Кричкова Г. Б., Селюк-Григорьева О. Н., Семелов Н. М.* К теории вариативности: современное состояние и некоторые перспективы изучения // *Вопр. филологии*. 2000. № 2.

- Бабина 1997 — *Бабина Г. П.* Способы выражения субъекта составных // Слитными: изучение и преподавание: Сб. работ учителей В. А. Белошановой. М.: Диплом-МГУ, 1997. С. 78–92.
- Баделяк, Космеда 1997 — *Баделяк Ф. С., Космеда Г. А.* Очерки по функциональной лингвологии. Львов: Світ, 1997.
- Белкина 2002 — *Белкина И. Г.* Семантика коммуникативного уровня изучающего языка: Выявление и выражение желаний говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во МГУ, 2002.
- Беленько 1990 — *Беленько И. И.* К истории изучения синтаксического сложения в советском языкознании // Языковые единицы в парадигматике и синтагматике: Сб. науч. тр. Днепропетровский, 1990. С. 63–68.
- Белочина 1990 — *Белочина Е.* О теории функциональной грамматики // Вестн. языкознания. 1990. № 2. С. 64–78.
- Белузов 1989 — *Белузов В. И.* Глаголы с нулевой лямбда-местностью и их синтаксические характеристики // Слово и грамматические законы языка: сб. ст. / Отв. ред. Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин. М.: Наука, 1989. С. 172–210.
- Белощанова 2001 — *Белощанова Г. В.* Актуальная парадигма простого предложения // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти В. А. Белошановой / Сост. Т. В. Белощанова, Т. В. Шмелева. М.: Издрик, 2001. С. 20–30.
- Белощанова, Милославский 1988 — Цифрографические аспекты русской грамматики / Ред. В. А. Белощанова, И. Г. Милославский. М.: Изд-во МГУ, 1988.
- Белощанова, Шмелева 1981 — *Белощанова В. А., Шмелева Г. В.* Деривационная парадигма предложения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1981. № 2. С. 43–51.
- Белова 1990а — *Белова Е. И.* Возможность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 126–142.
- Белова 1990б — *Белова Е. И.* Достоверность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 157–170.
- Берков 1996 — *Берков В. И.* Компаративность. Семантика сравнения и темы ее выражения // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 167–169.
- Бернштейн 1922 — *Бернштейн С. И.* Основные вопросы синтаксиса в еврейском А. А. Шахматова // Изв. СФРС РАН. 1922. Т. XXV. С. 208–233.
- Бернштейн 1937 — *Бернштейн С. И.* Вопросы обучения грамматике применительно к преподаванию русского языка иностранцам. М.: Изд-во иностр. рабочих в СССР, 1937.
- Берковиц 1989 — *Берковиц Л. А.* Квантификация предикатов // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 243–258.

- Бартоли 1994 — *Бартоли Л. А.* Семантика и прагматика русского императива. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1994. (*Slaviae Helsingiensis*, 13).
- Бартоли 2001 — *Бартоли Л. А.* Дистрибутивные конструкции в русском языке // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти В. А. Белошапковой / Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шышева. М.: Изд-рик, 2001. С. 198–211.
- Бартоли 2002 — *Бартоли Л. А.* Итеративные конструкции: опыт семантического моделирования // *Current Approaches to Formal Slavic Linguistics. Contributions of the Second European Conference on Formal Description of Slavic Languages FDSL II*. (Potsdam University, November 20–22, 1997). Frankfurt etc.: Peter Lang, 2002. С. 423–433.
- Бартоли, Корда 1990 — *Бартоли Л. А., Корда Е. Е.* Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарен. Л.: Наука, 1990. С. 67–71.
- Бартоли, Храковский 1990 — *Бартоли Л. А., Храковский В. С.* Функционально-типологические аспекты императива 1–2 / Ред. Л. А. Бартоли, В. С. Храковский. М.: АН СССР, 1990.
- Бартоли, Храковский 1992 — *Бартоли Л. А., Храковский В. С.* Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций / Ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 1992. С. 3–48.
- Блинов 1975 — *Блинов Е. М.* Употребление конструкций направления и места в современном русском языке. София: Nauka Publishers, 1975.
- Блинов 1992 — *Блинов А. Л.* Формальная онтология действий // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 50–55.
- Богданов 1977 — *Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.
- Богданов, Рыкова 1997 — *Богданов В. В., Рыкова Ю. В.* Русская служебная лексика: Сводные таблицы. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997.
- Богуславский 1996 — *Богуславский М. М.* Сфера действия лексических единиц. М.: Языки рус. культуры, 1996.
- Богуславский, Номдин 2000 — *Богуславский М. М., Номдин Л. Л.* Семантика модальности // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. Л. Д. Номдин, Л. П. Крысин. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 52–60.
- Болдырев 2000 — *Болдырев Н. Н.* Теоретические аспекты функциональной категоризации глагола // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. С. 5–46.
- Болдырев 2003 — *Болдырев Н. Н.* Варианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая вариативность / вариативность. СПб.: Наука, 2003. С. 34–34.
- Босютин 1996 — *Босютин М. А.* Соответствие позиций «модальная рамка» и «протопозиция» в структуре высказываний с модальными глаголами

- // Проблемы семантики и грамматики: Сб. науч. тр. / Ред. В. И. Заботкина и др. Калининград: КГУ, 1996. С. 59–65.
- Бондарко 1978 — Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978.
- Бондарко 1983 — Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. [Англ. изд.: *Functional Grammar: A Field Approach*. Amsterdam: John Benjamins, 1991].
- Бондарко 1984 — Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984.
- Бондарко 1985 — Бондарко А. В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. В. Н. Ярэна. М.: Наука, 1985. С. 16–29.
- Бондарко 1987а — Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики: Введение. Актуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 210–233.
- Бондарко 1987б — Бондарко А. В. Длительность // Введение. Актуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 98–124.
- Бондарко 1987в — Бондарко А. В. Семантические категории в аспекте сопоставительных исследований // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв. ред. В. Н. Ярэна. М.: Наука, 1987. С. 26–37.
- Бондарко 1988 — Бондарко А. В. Направления функционально-грамматического описания «от формы» и «от семантики» // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Гос. пед. ин-т им. А. Н. Герцена, 1988. С. 5–11.
- Бондарко 1990а — Бондарко А. В. Интерпретационный компонент языковых значений и понятие эквивалентности в сопоставительной лингвистике // *Zeitschrift für Slavistik*, 1990, Bd 35/4, С. 482–487.
- Бондарко 1990б — Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 80–89.
- Бондарко 1990в — Бондарко А. В. О значимых видах русского глагола // Вестн. языковедения, 1990, № 4, С. 5–24.
- Бондарко 1990г — Бондарко А. В. Реальность / виртуальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 72–79.
- Бондарко 1990д — Бондарко А. В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 5–28.
- Бондарко 1992 — Бондарко А. В. Субъектно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 20–71.

- Бондарко 1996 — Бондарко А. В. К интерпретации понятия «язык» // Словарь. Грамматика. Текст / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Лекан. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 1996. С. 316–321.
- Бондарко 2001а — Бондарко А. В. К вопросу о системе анализа аспектов языка и речи в функциональной грамматике // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти В. А. Болванчиковой / Сост. Т. В. Болванцова, Т. В. Шмелева. М.: Издрик, 2001. С. 31–40.
- Бондарко 2001б — Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001.
- Бондарко 2002 — Бондарко А. В. Теория языков в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки слав. культуры, 2002. (Studia philologica).
- Бондарко 2003а — Бондарко А. В. Из проблематики системно-функционального анализа грамматических единиц // Языковые функции: семантика, прагматика. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003. С. 11–26. (Тр. по рус. и слав. филологии. Лангустика. ИС. Вып. VIII).
- Бондарко 2003б — Бондарко А. В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб.: Наука, 2003. С. 5–36.
- Булыгина 1982 — Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 7–83.
- Булыгина 1990 — Булыгина Т. В. Косвенное выражение побуждения: общенонинквативные постулаты или языковые конвенции // Функционально-типологические аспекты анализа высказывания. Ч. 2. Семантика и прагматика высказываний предикатив. М.: Наука, 1990.
- Булыгина, Шмелев 1989 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Пространственно-временная локализация как супракатегория предикатива // Вопр. языкознания. 1989. № 3. С. 51–61.
- Булыгина, Шмелев 1991 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Концепт долга в поле действительности // Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. С. 14–21.
- Булыгина, Шмелев 1992 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Идентификация событий: онтология, аксиология, лексикография // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 108–115.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки рус. культуры, 1997.
- Вайс 2004а — Вайс Д. Смысловой потенциал possessivного отношения и его текстуальная обусловленность в современном русском языке // Сокровенные смыслы: Слова. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 283–295.
- Вайс 2004б — Вайс Д. Евразийский облик possessора в современном русском языке // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию

- проф. В. С. Хранныхого / Отв. ред. А. П. Володин. М.: Знак, 2004. С. 99–118.
- Винчала-Антонески 1992 — *Vincula-Antonescu M.* Функции глагола в русском и финском языках. *Juväskylä*, 1992. (*Studia Philologica Juväskylänsis*, 25).
- Вардунь 1973 — *Вардунь И. Ф.* Об изучении семантического аспекта языка // *Вопр. языкознания*. 1973. № 6. С. 9–21.
- Васильев 1976 — *Васильев Л. М.* Семантический класс глаголов поведения в современном русском языке // *Исследования по семантике*. Вып. 2. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1976. С. 40–64.
- Васильев 1981 — *Васильев Л. М.* Семантика русского глагола. М.: Высш. шк., 1981.
- Веселовская 1985 — *Веселовская А.* Речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. М., 1985.
- Веселовская 1997a — *Веселовская А.* Прототипы в Винаршанты // *Язык. Культура. Познание* / Отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Рус. словарь, 1997. С. 201–230. [Orig.: *Wierzbicka A.* Prototypes again: on the uses and abuses of the notion of prototype in linguistics and related fields // *Meaning and Prototypes: Studies in Linguistic Categorization* / Ed. S. L. Tsohatzidis. N. Y.: Routledge, Ch 17, 1990. P. 347–367].
- Веселовская 1997b — *Веселовская А.* Толкование эмоциональных концептов // *Язык. Культура. Познание* / Отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Рус. словарь, 1997. С. 326–373. [Orig.: *Wierzbicka A.* Defining emotion concepts // *Cognitive Science*. 1992. 16. P. 539–581].
- Вельичко и др. 1986 — *Вельичко А. В., Луцкая Ю. А., Чалова О. В.* Простое предложение: Опыт семантического описания. М.: Изд-во МГУ, 1986.
- Вельичко, Чалова 1987 — *Вельичко А. В., Чалова О. В.* Система работы над русским предложением в языковой аудитории (на материале номинативных семантических классов структуры). М.: Рус. яз., 1987.
- Ветрова 2002 — *Ветрова И. Г.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
- Володина, Соболева 1981 — *Володина В. Г., Соболева И. А.* Семанτικο-синтаксические проблемы в контрастивной лингвистике // *Проблемы структурной лингвистики*, 1978. М.: Наука, 1981. С. 68–83.
- Виноградов, Милославский 1986 — *Виноградов В. С., Милославский И. Г.* Составительная морфология русского и испанского языков. М.: Рус. яз., 1986.
- Войкова 1996 — *Войкова М. Д.* Выживаемые ситуации // *Теория функциональной грамматики: Локальность. Выживаемость. Послестность. Обусловленность* / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 53–80.
- Войкова, Пузыкин 1996 — *Войкова М. Д., Пузыкин Ю. А.* Предиктивная множественность // *Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность* / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 53–65.

- Вайсодой 2000 — *Вайсодой Д.* О неких аспектах современных функционально-семантических структурах у латвийской русистики и славистики // *Славистика*. Вып. IV. Белград: Славистичко друштво Srbije, 2000. С. 167–182.
- Вайсодой 2001 — *Вайсодой Д.* О функционально-основах современного аксиологиче // *Славистика*. Вып. V. Белград: Славистичко друштво Srbije, 2001. С. 44–55.
- Валодина 1997 — *Валодина Г. И.* Структурно-семантические варианты предложения и их содержательная противопоставленность // *Синтаксис: изучение и преподавание: Сб. работ учеников В. А. Белошапковой / Отв. ред. Н. В. Галактионова*. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 33–46.
- Валодина 1999 — *Валодина Г. И.* Семантическая дифференциация содержательно близких высказываний // *Структура русской языковой картины мира в лексике и грамматике / Под ред. Т. И. Степановой*. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. С. 262–274.
- Валодина 2000 — *Валодина Г. И.* Простое предложение в «Функциональной грамматике» // *Формы обучения РКН в современных условиях: Материалы в сообщении междунар. научно-практической конф. (10–12 ноября 1998 г.)*. М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 8–16.
- Валодина 2001 — *Валодина Г. И.* Контекстно обусловленные варианты предложения // *Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти В. А. Белошапковой / Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелева*. М.: Издрик, 2001. С. 211–214.
- Вальф 1989 — *Вальф Е. М.* Эмоциональные состояния и их представления в языке // *Литературский анализ языка: Проблемы интенциональных и грамматических контекстов*. М.: Наука, 1989. С. 55–75.
- Вальф 2002 — *Вальф Е. М.* Функциональная семантика описки. 2-е изд. М.: Эдиториа URSS, 2002.
- Вареников 2001 — *Вареников Ю. Л.* «Како градети?» (о возможных путях развития российской лингвистики) // *Вопр. философии*, 2001. № 2.
- Васюкович 1975 — *Васюкович М. В.* Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1975.
- Васюкович 1988 — *Васюкович М. В.* Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка // *Языковая системность при коммуникативном обучении / Ред. О. А. Лазина, Н. А. Лобанова, Н. П. Формановская*. М.: Рус. яз., 1988. С. 26–36.
- Васюкович 1995 — *Васюкович М. В.* Практикум по курсу «Функционально-коммуникативная синтаксис». М.: ИИО Лев Толстой, 1995.
- Васюкович 2000a — *Васюкович М. В.* Объем и содержание понятия «функционально-коммуникативная грамматика» в рамках прикладной (педагогической) модели языка // *Формы обучения РКН в современных условиях: Материалы в сообщении междунар. научно-практической конф. (10–12 ноября 1998 г.)*. М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 16–23.

- Восколовича 2000б — Восколовича М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2000.
- Восколовича 2002 — Восколовича М. В. Об одном классе возможных синтаксисов ($n + \text{род. п.}$) // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и языка: Сб. ст., посвящ. юбилю Г. А. Зализной. М.: Загитория УРСС, 2002. С. 101–108.
- Восколовича 2003 — Восколовича М. В. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка и контуры фундаментальной прикладной грамматики русского языка // Русское слово в мировой культуре: Материалы X конгресса МАПРЯЛ. Т. II. СПб.: Полиглия, 2003. С. 75–83.
- Восколовича, Владимирский 1982 — Восколовича М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Рус. яз., 1982.
- Восколовича, Деметтьева 1997 — Восколовича М. В., Деметтьева О. Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включивших имя документа). М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.
- Восколовича, Шувалова 1989 — Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / Ред. М. В. Восколовича, С. А. Шувалова. М.: Изд-во МГУ, 1989.
- Восколовича, Яценко 1988 — Восколовича М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М.: Рус. яз., 1988.
- Гак 1972 — Гак В. Г. К проблеме семантической синтаксистики // Проблемы структурной лингвистики, 1971. М.: Наука, 1972. С. 370–410.
- Гак 1973 — Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики, 1972. М.: Наука, 1973. С. 349–372.
- Гак 1977 — Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1977.
- Гак 1985 — Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. В. Н. Арсина. М.: Наука, 1985. С. 5–15.
- Гак 1992 — Гак В. Г. Назначение действия // Логической анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 77–84.
- Гак 1995 — Гак В. Г. Истина и язык // Логической анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 24–31.
- Гак 1996 — Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Блтийность. Пассивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 6–26.
- Гак 1998 — Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Язык рус. культуры, 1998.

- Гай, Рейзенблют 1965 — Гай В. Г., Рейзенблют Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М.: Высш. шк., 1965.
- Гайс, Малышкова 2002 — Гайс О. Д., Малышкова Н. Б. Теоретические и прикладные аспекты функционально-семантического подхода к изучению языка // Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер. Филология. 2002. Вып. 1. С. 100–107.
- Гард 1985 — Гард Д. О так называемых «синтаксических подсказках» в сопоставлении русского языка // *Russian Linguistics*. 1985. № 9. С. 181–196.
- Гаспаров 1979 — Гаспаров К. М. О некоторых функциях видовых форм в повествовательном тексте // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1979. Вып. 482.
- Гаспаров 1996 — Гаспаров К. М. Язык, память, образ. М.: Новое лит. обозрение, 1996.
- Геттошис 1991 — Геттошис Э. Ш. О соотношении перфекта, passato и результиativa // Типология грамматических категорий: Тез. докл. Всесоюзной науч. конф. Л.: АН СССР, 1991. С. 17–18.
- Гладен 1994 — Гладен С. В. Речевые действия и речевые противопоставления // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 59–63.
- Гиро-Вебер 2000 — Гиро-Вебер М. Еще раз о русском полагателе отрицания: взгляд со стороны // *Russian Linguistics*. 2000. Vol. 27. No. 3. С. 363–384.
- Гладков 1985 — Гладков В. О разных ступенях эквивалентности между единицами двух языков // *Zeitschrift für Slavistik*. 1985. Bd XXX. С. 211–218.
- Гладков 1992 — Гладков В. Семантика и выражение определенности / неопределенности // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1992. С. 232–266.
- Гладков 1994 — Гладков В. Классификация употреблений местоимений и призывов в сопоставительном изучении русского языка // *Рус. яз. за рубежом*. 1994. № 5–6. С. 17–23.
- Гладков 1996 — Гладков В. Конфигуративная логика и преподавание русского языка // *Русистика*. 1996. № 1–2. С. 17–28.
- Гладков 2000 — Гладков В. От эквивалентности языковых структур к адекватности речевых актов // *Русистика*. 2000. № 1–2. С. 48–59.
- Гладков 2002 — Гладков В. В. Визградил и формирование современной конструкции сравнения русского языка // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2002. № 1. С. 22–33.
- Глованская 1991 — Глованская М. Я. Иллюкутивы и перлюкутивы в связи с видом в русском языке // Типология грамматических категорий: Тез. докл. Всесоюзной науч. конф. Л.: АН СССР, 1991. С. 18–20.
- Глованская 2001 — Глованская М. Я. Многозначность и синонимия в инфинитивной системе русского глагола. М.: Азбуковник: Рус. словарь, 2001.

- Глозманская 2004 — *Глозманская М. Я.* Скрытая гипербола как проявление и оправдание речевой агрессии // *Современные смыслы: Слово, Текст, Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюнянкой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян.* М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 69–76.
- Голубева-Монякина 1999 — *Голубева-Монякина Н. Н.* Классификационное исследование в лингвистике: вопросы и ответы диалогической речи. М.: МГУ, 1999.
- Гольдин 2000 — *Гольдин В. Е.* Внутренняя типология русской речи и строение рустемия // *Русский язык сегодня.* М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН; Азбуковник, 2000.
- Городицкий 2003 — *Городицкий Е. Ю.* Моделирование вербального общения и типология коммуникативных актов // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Диалог'2003.* М.: Наука, 2003. С. 199–203.
- Графова 1991 — *Графова Т. А.* Смысловая структура эмотивных предиктов // *Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы возбудимости / Отв. ред. В. Н. Телия.* М.: Наука, 1991. С. 67–99.
- Григорьева 2001 — *Григорьева О. И.* Семантика номинативных марок в рассказах А. П. Чехова // *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. науч. ст. к 80-летию проф. К. В. Горшковой.* М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 288–301.
- Григорьев 1992 — *Григорьев Е. Л.* Действие и деятель // *Лингвистический анализ языка: Модели действия.* М.: Наука, 1992. С. 96–102.
- Гришина 1997 — *Гришина Н. И.* Семантика предположений детского типа: класс «Детям радость / Нет заботы» // *Синтаксис: изучение и преподавание: Сб. работ учителей В. А. Белошапковой.* М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 105–111.
- Гуляга 1979 — *Гуляга Е. В.* Реализация категории обобщения на синтаксическом уровне // *Вопр. рус. языкознания.* Вып. 2 / Ред. К. В. Горшкова. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 29–39.
- Гуляга, Шендельс 1969 — *Гуляга Е. В., Шендельс Е. И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.
- Давыденко 1988 — *Давыденко В. П.* Онтосемантическое направление в истории грамматики // *Вопр. языкознания.* 1988. № 3. С. 108–131.
- Давыденко 1990 — *Давыденко В. П.* «Активные грамматики» в концепции Л. В. Щербы // *Славяноведческая парадигма.* 1990. Вып. 15, кн. 2. С. 107–112.
- Демьянков 1995 — *Демьянков В. З.* Доманирующая лингвистическая теория в конце XX века // *Язык и наука конца 20 века.* М.: ИЯ РАН, 1995. С. 239–320.
- Должанка 1989 — *Должанка Н. Е.* Теоретические аспекты глагольной множественности // *Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский.* Л.: Наука, 1989. С. 258–269.
- Должанка 1990 — *Должанка Н. Е.* Глагольная множественность: содержательные типы // *Типология и грамматика / Отв. ред. В. С. Храковский.* М.: Наука, 1990. С. 141–151.

- Долгина 1992 — Долгина И. Е. Императивная парадигма: содержательная структура и механизмы маркировки // Типология императивных конструкций / Ред. В. С. Храмовской. СПб.: Наука, 1992. С. 275–284.
- Долгина 1996 — Долгина И. Е. Количественность в сфере предикатов // Теория функциональной грамматики: Количественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 219–245.
- Дресслер 1990 — Дресслер В. У. Против количественности термина «функция» в «функциональной» грамматике // Вопр. языкознания, 1990. № 2. С. 57–64.
- Дручина 2002 — Дручина Г. И. Предложения с локативным субъектом // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. ст., посвящ. юбилю Г. А. Золотовой. М.: Издательство УРСС, 2002. С. 152–158.
- Джок 1990 — Джок Л. Функциональная грамматика и типологическая характеристика русского языка // Вопр. языкознания, 1990. № 2. С. 42–57.
- Евстафьев 1986 — Евстафьев В. В. Императивное выражение отрицания в высказывании // Совместительные изучение семантической динамики / Под ред. Э. М. Медвиной. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 147–164.
- Евдоким 1996 — Евдоким В. Е. Группировка целей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики: Локативность. Вытительность. Назосвязность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 138–174.
- Евдоким 1997 — Евдоким В. Е. Категории обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997.
- Ермакова 2004 — Ермакова О. П. Толерантность и проблемы коммуникации // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / Отв. ред. Н. А. Кунина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 60–73.
- Естерош 1958 — Естерош О. Философия грамматики. М.: Иностран. лит., 1958.
- Еськова 2002 — Еськова Н. А. Старр или Виноградов? (очень детективный сюжет) // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. ст., посвящ. юбилю Г. А. Золотовой. М.: Издательство УРСС, 2002. С. 498–499.
- Жуковская и др. 1984 — Жуковская Е. Е., Золотова Г. А., Леонова Э. И., Мельникова Е. Н. Учебник русского языка для студентов-иностранцев испаноязычных и немецкоязычных специальностей. I–II курсы: Практическая грамматика. М.: Рус. яз., 1984.
- Затюнская 2002 — Затюнская А. А. Некоторые проблемы теории коммуникативного текста // Вопр. языкознания, 2002. № 3. С. 62–73.
- Затюнская 1988 — Затюнская Анна А. О семантике сожительства // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: Наука, 1988. С. 189–213.
- Затюнская 1990 — Затюнская Анна А. О повлинии «факта» в лингвистической семантике // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 21–33.

- Зеленова 1992 — Зеленова Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner, 1992. (Slavistische Beiträge. Bd 288).
- Зеленова 2004 — Зеленова Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопр. языкознания. 2004. № 2. С. 20–46.
- Зеленова, Шенели 2000 — Зеленова Анна А., Шенели А. Д. Введение в русскую аксиологию. М.: Языки рус. культуры, 2000.
- Зельдонич 2003 — Зельдонич Г. М. Конкативные глаголы и глаголы устранимого результата: два фактивных глагольных класса // Изв. РАН. Сер. линг. и яз. 2003. № 3. С. 46–52.
- Зеленова 1973 — Зеленова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
- Зеленова 1982 — Зеленова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
- Зеленова 1988/2001 — Зеленова Г. А. Синтаксический словарь: Ретеругур элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. (Перевод: М.: Издательство УРСС, 2001).
- Зеленова 1999 — Зеленова Г. А. О путях и возможностях грамматической науки (приглашение к дискуссии) // Вопр. филологии. 1999. № 3.
- Зеленова 2000 — Зеленова Г. А. О главных членах предложения: дискуссионные вопросы // Функциональные и семантические характеристики текста, описывающие слова. МГУ, 2000. С. 11–23. (Вопр. рус. языкознания. Вып. 8).
- Зеленова 2002a — Зеленова Г. А. Категории времени и виды с точки зрения текста // Вопр. языкознания. 2002. № 3. С. 8–29.
- Зеленова 2002b — Зеленова Г. А. О возможности функционального исследования языка // Рус. яз. в науч. освещении. 2002. № 1. С. 65–75.
- Зеленова 2003 — Зеленова Г. А. К проблеме системности русской грамматики // Языковые функции: семантика, прагматика. Тарту: Tapa Ühikooli Kirjastus, 2003. С. 40–48. (Тр. по рус. и слав. филологии. Латвиястана. NS. Вып. VIII).
- Зеленова 2004 — Зеленова Г. А. Значение, функция и форма в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Диланг'2004 («Воронежский», 2–7 июня 2004 г.). М.: Наука, 2004. С. 232–236.
- Зеленова и др. 1998 — Зеленова Г. А., Овсянко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г. А. Зеленовой. М.: Изд-во МГУ, 1998.
- Зеленова и др. 2002 — Зеленова Г. А., Дручинина Г. П., Овсянко Н. К. От системы к тексту. 10 кл.: Учеб. пособ. для факультативных занятий в общеобразоват. учрежд. гуманитарного профиля. М.: Дрофа, 2002.
- Никонова и др. 2003 — Никонова Н. С., Карамышева Э. М., Кузнецова Г. Ф., Митрофанова М. Г. Русский язык. Практический синтаксис: Учеб. пособ. по рус. яз. для иностранцев. 4-е изд. М.: Рус. яз. курсы, 2003.

- Иванратин 1988 — Иванратин в речеструктурных языках / Под ред. В. С. Хриковского, Л.: ИО ИЯ АН СССР, 1988.
- Ивансон 1988 — Ивансон Е. Р. Знание и построение // Прагматика и проблемы интенциональности / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М.: ИГиЛ ИАН АН, 1988, С. 214–224.
- Ивансон 1999 — Ивансон Е. Р. Пространственные предлоги и альтернативные миры человека // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. В. Левонтина, М.: Издрик, 1999, С. 239–243.
- Иванченко 1960/2003 — Иванченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словцом: Морфология. 2-е изд. М.: Языки слав. культуры, 2003. [1-е изд. Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960].
- Казанян, Тестелец 2002 — Казанян К. И., Тестелец Я. Г. Исследование синтаксической ограниченности в генеративной грамматике // Современная лингвистическая лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кабыра, Н. М. Кобяковой, Н. А. Сиверской. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2002, С. 58–109.
- Карузов 1991 — Карузов Ю. И. О составе русского языка современности: (Доклад на конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и материалы итоговой дискуссии). М.: ИЯ АН СССР, 1991.
- Карузов 1993 — Карузов Ю. И. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Рус. яз., 1993.
- Карузов 1995 — Карузов Ю. И. О некоторых особенностях современного состава русского языка и науки о нем: Доклад на общем собрании ОЛЯ РАН 26 дек. 1994 года // Русистика сегодня. 1995, № 1, С. 5–13.
- Карузов 1999 — Карузов Ю. И. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999.
- Касенич, Куцакова 1999 — Касенич В. Е., Куцакова Н. И. Семантические привитивы и «стихологическая реальность» // Система языка и структура высказывания: Материалы чтений, посвящ. 90-летию со дня рождения В. Г. Адмони (1909–1993). СПб.: Наука, 1999, С. 33–36.
- Касенич, Хриковский 1983 — Касенич В. Е., Хриковский В. С. Конструкции с предиктивными аstantами // Категория глагола и структура предложения (конструкции с предиктивными аstantами) / Отв. ред. В. С. Хриковский, Л.: Наука, 1983, С. 3–27.
- Катамова 1989 — Катамова Г. Е. Глаголы со значением информации и субъективные связи их предиктивных форм // Слово и грамматические законы языка: глагол / Отв. ред. Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин, М.: Наука, 1989, С. 211–247.
- Кашалясов 1972 — Кашалясов С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Коро Хорватца 2001 — Коро Хорватца Э. Ф. Е. Составительские изучение категории определенности / неопределенности в русском и итальянском языках. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

- Кайрян 1992 — Кайрян А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992.
- Кайрян 2003 — Кайрян А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Кайрян, Наурузи 2002 — Кайрян А. А., Наурузи В. А. Функционализм // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кайряна, Н. М. Кабановой, Н. А. Семеркиной. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 276–339.
- Касляков 1998 — Касляков А. К. Язык и логика: Лингвистические проблемы идентификации. München: Otto Sagner, 1998. (*Studia philologica Slavica*).
- Касляков 1999 — Касляков А. К. Лекции по функциональной лингвистике. Мн.: Белорус. гос. ун-т, 1999.
- Кирей 1996 — Кирей М. Функциональная грамматика и преподавание иностранных языков // *Problèmes de philologie slave (Studia, articles, préleçons)* IV. Timişoara, 1996. С. 69–80.
- Климов 1983 — Климов В. Д. Семантико-синтаксические структуры в коммуникативно направленной порождоной модели // *Zeitschrift für Slawistik*, 1983, Bd 28/2. С. 212–217.
- Клюбуков 1986 — Клюбуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке: Выделение и методика позиционного анализа. М.: Изд-во МГУ, 1986.
- Клюбуков 2000 — Клюбуков Е. В. К установлению уровней языковой категоризации // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова / Ред. М. Л. Ремнева, Е. В. Клюбуков. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 24–46.
- Книга о грамматике 2004 — Книга о грамматике: Материалы по курсу «Русский язык как иностранный». М.: Изд-во МГУ, 2004.
- Ковал 1983 — Ковал Ю. П. Результатива, пассив и перфект в русском языке // Типология результативных конструкций (результатив, пассив, перфект) / Отв. ред. В. П. Немецкий. Л.: Наука, 1983. С. 149–160.
- Ковал 1994 — Ковал Ю. П. Речевые действия: их следствия и особенности обозначения // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 17–22.
- Ковал 1998 — Ковал Ю. П. Шахи реальности / ирреальности; наклонные, время и тахтонимические классы глаголов // Типология, Грамматика, Семантика. К 65-летию В. С. Хржановского / Под ред. Н. А. Козинковой, А. Г. Оглоблина. СПб.: Наука, 1998. С. 209–213.
- Кобелева 2000а — Кобелева Н. М. Два аспекта содержания речи: значение и смысл // Язык о языке / Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 303–359.
- Кобелева 2000б — Кобелева Н. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Кобелева 2003 — Кобелева Н. М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предельности) // Комму-

терная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. *Диалог'2003* / Под ред. Н. М. Кобозовой, Н. Н. Лауфер, В. П. Селеста. М.: Наука, 2003. С. 267–271.

Кобозова, Лауфер 1990 — *Кобозова Н. М., Лауфер Н. Н.* Семантика модальных предикатов декларативности // *Логический анализ языка: Культурные контексты* / Отв. ред. П. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 169–175.

Колтунова 1976 — *Колтунова И. И.* Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.

Колтунова 1990 — *Колтунова И. А.* Временная локализация действия // *Исследования по лингвистике и ее смежным областям* / Отв. ред. В. С. Храковский. М.: Наука, 1990. С. 152–161.

Колтунова 1991 — *Колтунова И. А.* Временная локализация действия и ее связи с актуальными, модальными и таксономическими значениями. Л.: Наука, 1991.

Колтунова 2000 — *Колтунова И. А.* К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // *Проблемы функциональной грамматики: Категория морфологии и синтаксиса в высказывании*. СПб.: Наука, 2000. С. 226–240.

Кокорина 1997 — *Кокорина С. В.* Совершенный или несовершенный вид? // *Синтаксис: изучение и преподавание*. Сб. работ учителей В. А. Белошапковой. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 218–237.

Кокорина 2003 — *Кокорина С. В.* Некоторые наблюдения над языковыми явлениями, связанными с категорией референции и определенности / неопределенности // *Слово, Грамматика, Речь: Сб. науч. метод. ст. по преподаванию РКИ*. Вып. V. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 71–80.

Колосова, Черемисина 1986 — *Колосова Т. А., Черемисина М. И.* О терминах и понятиях описания семантики синтаксических единиц // *Синтаксическая и лексическая семантика на материале языков разных систем* / Отв. ред. Л. Г. Панна, М. И. Черемисина. Новосибирск: Наука, 1986. С. 10–32.

Козра 1997 — *Козра Е.* Общая теория глагольного вида // *Тр. аспирантско-семинарского семинара филол. фак. МГУ*. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 115–121.

Козлов, Мустахов 2003 — *Козлов М., Мустахов А.* Принципы создания Хельзинкского аннотированного корпуса русских текстов (ХАНКО) в сети Интернет // *Научно-техническая информация*, 2003, № 6, С. 33–37.

Копров 2002 — *Копров В. Ю.* Составительная типология предложения. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002.

Коринков 1999 — *Коринков О. Д.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Изд-во МГУ, 1999.

Косарева 2002 — *Косарева И. В.* Наблюдения над прилагательным девербативом // *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*. Сб. ст., посвящ. коллеге Г. А. Залотовой. М.: Заграница UPSS, 2002. С. 211–215.

Костанди 1997 — *Костанди Е. И.* Синтаксическая связь как средство реализации коммуникативно-прагматической установки // *Тр. по рус. и слов.*

- филология, Лингвистика, ИС. Выд. I. Тарту: Tarto Ülikooli Kirjastus, 1997. С. 94–104.
- Катон 2003 — Катон А. А. Описание речевого воздействия в лингвистической модели // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Диалог'2003. М.: Наука, 2003. С. 299–304.
- Кашалова 1998 — Кашалова А. Д. К описанию главного видового значения русского глагола // Типология языка: проблемы, поиски, решения: (Материалы Междунар. науч. конф., 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. Ломоносова). М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 219–231.
- Красовская 1988 — Красовская Н. М. Прагматические основы создания функционально-составительных грамматик на примере сопоставительного изучения категории посюсторонности в русском и вьетнамском языках // Языковая системность при коммуникативном обучении / Ред. О. А. Лантеева, Н. А. Лобанова, Н. В. Формановская. М.: Рус. яз., 1988. С. 44–56.
- Красова 1991 — Красова Е. А. Природа вариативности подчинительной связи // Функциональный синтаксис и семантика: Сб. науч. тр. / Под ред. О. А. Красовой. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. С. 35–39.
- Красова 2002 — Красова Е. В. Субъективность — модальность (материалы лекционной грамматики). СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002.
- Красова 2003 — Красова Е. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. М.: ИТДБК Гипсов, 2003.
- Красоч 1998 — Красоч В. К проблеме перформативов предписания в Библии // Типология языка: проблемы, поиски, решения: (Материалы Междунар. науч. конф., 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. Ломоносова). М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 241–248.
- Красоч 2002 — Красоч В. Семантика и прагматика перформативных глаголов // Компьютерно-языковые параметры грамматики и текста: Сб. ст., посвящ. юбилю Г. А. Золотовой. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 42–51.
- Красоч 1990 — Красоч М. А. Структура времени и значение слов // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 45–51.
- Красоч 2004а — Красоч М. А. Речевой этикет: внешняя и внутренняя типология // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Диалог'2004 («Воронежский», 2–7 июля 2004 г.). М.: Наука, 2004. С. 377–381.
- Красоч 2004б — Красоч М. А. Сдвиги и семантика глагола // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского / Отв. ред. А. П. Володина. М.: Язык, 2004. С. 250–258.
- Крылов 1989 — Крылов Б. Вспомогательные глаголы и сравнительная функциональная грамматика // Сопоставительно-языковедение. XIV, 1989/3. С. 102–107.
- Крылов 2004 — Крылов С. А. Семантическая роль как элемент метаязыковой типологии // 40 лет Санкт-Петербургской лингвистической школы: Сб. ст. М.: Язык, 2004. С. 234–252. (Studia philologica).

- Крыжова 1979 — Крыжова М. Л. Особенности глагольного неограниченного ударения в современном русском языке. М.: Рус. яз., 1979.
- Кубик 1978 — Кубик М. К. Проблемы сопоставительного изучения семантической структуры предложения // *Slavia*. 1978. № 42. С. 143–147.
- Кубрякова 1981 — Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.
- Кубрякова 1992 — Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // *Логический анализ языка: Модели действия*. М.: Наука, 1992. С. 84–90.
- Кубрякова 1995 — Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигматического анализа) // *Язык и наука конца 20 века*. М.: ИЯ РАН, 1995. С. 144–238.
- Кубрякова 2002 — Кубрякова Е. С. Константная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // *Изв. АН Сер. лит. и яз.* 2002. Т. 61. № 1. С. 13–24.
- Кушечкина 1989 — Лингво-семантические группы русского глагола / *Ред. Э. В. Кушечкина*. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989.
- Купина 1979 — Классы слов и их взаимодействие / *Отв. ред. Н. А. Купина*. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1979.
- Курдюмова 2002 — Курдюмова В. Б. К вопросу о методологических принципах функционально-коммуникативной грамматики // *Вестник Рос. ун-та дружбы народов*, Сер. Русский язык филологам: Теория и практика. 2002. Вып. 3. С. 67–73.
- Кустова 1996 — Кустова Г. И. О коммуникативной структуре значения глагола с событийным аргументом // *Московский лингвистический журнал*. Т. 2. М.: РГГУ, 1996. С. 240–261.
- Кустова 1998 — Кустова Г. И. Производные значения с экспериментальной составляющей // *Семантика и информатика*. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словари, 1998. С. 19–40.
- Кустова, Падучева 1994 — Кустова Г. И., Падучева Е. В. Перформативные глаголы в неперформативных употреблении // *Логический анализ языка: Язык речевых действий*. М.: Наука, 1994. С. 30–37.
- Козьмов 1998 — Козьмов И. И. Конструктивные обусловленности подформальных форм глагола в сложных предложениях // *Типология речи: проблемы, поиски, решения: (Материалы Междуг. науч. конф., 18–19 сентября 1997 г., МГУ им. Ломоносова)*. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 248–255.
- Козьмов и др. 2003 — Козьмов И., Вайды Э., Салы М. Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2003.
- Латова 1988 — Латова О. А. Экстралингвистика в слове (лингвистически двусмысленности) // *Язык: система и функционирование* / *Отв. ред. Ю. В. Кардашов*. М.: Наука, 1988. С. 145–151.

- Далева 1996 — Далева О. А. Текстовая семантика и синтаксические нейтрализации // Словарь. Грамматика. Текст / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Лихон. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 1996. С. 396–415.
- Лехман 1984 — Лехман В. А. Синтаксическая синонимия и синтаксическая парадигматика // Синтаксическая синонимия в русском языке: Москва, сб. науч. тр. М., 1984. С. 3–8.
- Леонтьев 2003 — Леонтьев А. А. Язык, деятельность, общение // Człowiek, Świadomość, Komunikacja. Internet / Red. L. Sztyrlowiec. Warszawa, 2003. С. 9–17.
- Лихова 1991a — Лихова Г. Авторизация и синтаксические средства ее выражения в русском языке // Болгарская русистика. 1991. № 3. С. 62–68.
- Лихова 1991b — Лихова Г. Система глагольных предикатор-авторизаторов в русском языке // Болгарская русистика. 1991. № 4. С. 42–49.
- Лобанова и др. 1984 — Лобанова Н. А., Арефьева Г. Л., Крючкова М. Л. Пособие по грамматике русского языка для иностранных студентов филологического (третий курс). М.: Рус. яз., 1984.
- Лобанова, Слесарева 1984 — Лобанова Н. А., Слесарева Н. И. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов (систематизирующий курс: третий год обучения). 2-е изд. М.: Рус. яз., 1984.
- Ломов 1994 — Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994.
- Ломов 1971 — Ломов Г. И. Качественные современного русского языка // Памяти акад. В. В. Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 106–116.
- Дурин 1979 — Дурин А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979.
- Мальчуков 2004 — Мальчуков А. Л. Наблюдения над семантикой и типологией протипических конструкций // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Хрковского / Отв. ред. А. П. Володин. М.: Знак, 2004. С. 268–283.
- Марина, Павлова 2004 — Марина К., Павлова Я. Еще раз по поводу нулевых элементов в структуре предложения // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Хрковского / Отв. ред. А. П. Володин. М.: Знак, 2004. С. 285–299.
- Маршальков 1998 — Маршальков Ю. С. Метафора «валентность»: место в метаязыковых лингвистике // Семантика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словарь, 1998. С. 51–70.
- Маршальков 1974 — Маршальков В. В. Семантические основы информатики. М.: Наука и техника, 1974.
- Маршальков 1982 — Маршальков В. В. Категории языка: семиологический аспект. М.: Наука, 1982.
- Маршальков 2001 — Маршальков В. В. Основы семантического подуровня: опыт представления и преобразования языков. М.: Европейский гуманитарный ун-т, 2001.
- Масленникова 2003 — Масленникова А. А. Место риторического вопроса в антропоцентрической парадигме // Антропоцентризм в языке и речи.

- Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 8. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. С. 68–73.
- Маслов 1948 — Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Сер. линг. и яз. 1948. Т. 7. № 4. С. 303–316.
- Маслов 1983 — Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций / Отв. ред. В. П. Нидялков. Л.: Наука, 1983. С. 41–54.
- Маслов 1984 — Маслов Ю. С. Типология славянских видов-временных систем и функционирование форм претерита в «эпическом» повествовании // Теория грамматического значения и аксиологические исследования / Отв. ред. А. В. Болдырев. Л.: Наука, 1984.
- Матвеев 1988 — Лексико-грамматические группы русских глаголов: (Учеб. словарь-справ.) / Гл. ред. Т. В. Матвеева. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
- Матвеева 1987 — Матвеева И. И. Высказывания со значением физиологического состояния в современном русском языке. Л., 1987.
- Матвеева 2003 — Матвеева И. И. Вариативность высказываний с семантикой непроцессуального состояния в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность. СПб.: Наука, 2003. С. 101–118.
- Мельчук 1974 — Мельчук И. А. О синтаксическом поле // Типология послеловных конструкций. Диактика и синтаксис. Л.: Наука, 1974. С. 343–361.
- Мельчук 1974/1999 — Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст». М.: Наука, 1974. [Перевод: М.: Языки рус. культуры, 1999].
- Мельчук 1991 — Мельчук И. А. Еще раз о вопросе об эргативной конструкции // Востр. языковедение. 1991. № 4. С. 46–88.
- Мете 1985 — Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов / Ред. Н. А. Мете. М.: Рус. яз., 1985.
- Мещанинов 1945 — Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945.
- Миллер 2003 — Миллер Л. В. Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
- Милославский 1987 — Милославский И. Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Рус. яз., 1987.
- Милославский 1993 — Милославский И. Г. Активные и редуктивные грамматика среди других типов описания русского языка // Рус. яз. за рубежом. 1993. № 5–6. С. 62–67.
- Милославский 2003 — Милославский И. Г. Активная речевая действительность — дательность языка — языковая картина мира // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Т. 1. СПб.: Полиглотика, 2003. С. 275–283.
- Милославская 1998 — Милославская И. Г. К вопросу о классификации номинативных аксиологических ситуаций нестандартного типа в современном рус-

- ском языке // Топология вида: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. М. Ю. Чертова. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 315–320.
- Минин 1990 — Минин М. Ю. Перформативное и метатекстовое высказывание, или чем можно испортить перформатив? // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 213–225.
- Михалевич 1976 — Михалевич А. Я. Проблемы семантико-синтаксического деления белорусской лексики. Мн.: Наука и техника, 1976.
- Морозовкин 1977 — Морозовкин В. В. Опыт психографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М.: Изд-во МГУ, 1977.
- Морозов 1999 — Морозов В. В. Сравнительный анализ глаголов движения в английском, русском и французском языках // Логический анализ языка: Язык динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, В. Б. Шагуновский. Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека, 1999. С. 78–86.
- Муравкина 1998 — Муравкина Е. В. О случаях нетривиального соответствия семантическим и синтаксическим значениям глагола // Семантика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словарь, 1998. С. 71–81.
- Муравкина 1977 — Муравкина Э. М. Статус говорящего в речевой деятельности (теория языка К. Бюллера и современные интерпретации) // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 8. Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики / Гл. ред. В. А. Звегинцев. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 224–236.
- Муслыкова 1980 — Муслыкова А. Типы ударения слов существительных в современном русском языке и их минимизация в учебных целях. Хельсинки, 1980. (Näkökulmia kieliteollisuuden kehitykseen, 26).
- Муслыкова 1983 — Муслыкова А. Падеж дополнения в русских отрицательных предложениях. I: Изыскания новых методов в изучении старой проблемы. Хельсинки, 1985. (Slavica Helsinkiensia, 2).
- Муслыкова 1988a — Муслыкова А. О предмете и цели лингвистических исследований // Язык: система и функционирование / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 170–181.
- Муслыкова 1988b — Муслыкова А. О семантике русского темпорального глагола // Studia Slavica Fennica, V: Доклады финской делегации на X съезде славистов (София, сентябрь 1988). Хельсинки, 1988. С. 99–141.
- Муслыкова 1990 — Муслыкова А. «Примитив», «триграммы» и «объяснение», или разные подходы к истолкованию языковых фактов // Russian Linguistics, 1990. № 14. С. 147–170.
- Муслыкова 1993 — Муслыкова А. Актуальные разрезы возможностей лексики в функциональном слепяестве // Studia Slavica Fennica in congressu XI slavologica internationali. T. X. Helsinki, 1993. С. 63–93.
- Муслыкова 1995 — Муслыкова А. О лингвистических экспериментах // Язык — система, язык — текст, язык — способность: (К 60-летию чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова). М.: РАН, 1995. С. 155–160.

- Муштайко 1997 — *Muštajkovič A.* Возможно ли грамматика на семантической основе? // *Вопр. языкознания*. 1997. № 3. С. 15–25.
- Муштайко 1999 — *Muštajkovič A.* Аспектуальность в теории функционального синтаксиса // *Die grammatischen Korrelationen (Osteuropäistischer Slavistiktag)* / Hrg. von B. Tolović. Graz, 1999. С. 229–244.
- Муштайко 2001 — *Muštajkovič A.* Углубления по русской грамматике: таксономия и база данных // *Русский язык на рубеже тысячелетий*. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2001. С. 122–138.
- Муштайко 2003a — *Muštajkovič A.* Новые методические приемы в преподавании русского языка // *Русское слово и мировой культуре: Обзор по теории и практике преподавания рус. яз. как иностранного*. М., 2003. С. 130–166.
- Муштайко 2003b — *Muštajkovič A.* Обучение межкультурной коммуникации — это обучение чему? // *Szlovák, Švábnotovád, Kottaihácska. Internet / Red. L. Szendrőié. Wauzawa*, 2003. С. 18–27.
- Муштайко 2003c — *Muštajkovič A.* Роль аспектов в рамках функционального синтаксиса // *Языковые функции: семантика, синтаксика, прагматика*. Тарту, 2003. С. 116–133. (Тр. по рус. и слав. филологии. Лингвистика. НС. Вып. VIII).
- Муштайко 2003e — *Muštajkovič A.* Функциональный синтаксис как основа сопоставления языков // *Дока. финской делегации на XIII международном съезде славистов*. Хельсинки, 2003. С. 100–125. (*Studia Slavica Fennica*, T. XX).
- Муштайко 2004a — *Muštajkovič A.* К вопросу о соотношении языка и действительности // *Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретации и типы интерпретации*. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С. 20–36.
- Муштайко 2004b — *Muštajkovič A.* Толерантность в государственной языковой политике и коммуникации // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации* / Отв. ред. Н. А. Кунина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 87–99.
- Муштайко 2005 — *Muštajkovič A.* «Победительная» тема, или новый взгляд на когнитивные предикаты в системе астетических значений // *Юбилейной сб. посвящ. Т. М. Николаевой*. М., 2005 (в печати).
- Муштайко и др. 1990 — *Muštajkovič A., Павлова Р., Сурган А. Е.* Функциональное русское языка и его лингвистическое описание: (племарный доклад на VII Международ. конгрессе МАЛПЯЛ). М.: Рус. яз., 1990.
- Муштайко, Копотев 2004 — *Muštajkovič A., Копотев М.* К вопросу о статусе эквивалентов слова типа *поэтому что*, и зависимости *он*, и *сложительно* // *Вопр. языкознания*. 2004. № 3. С. 88–107.
- Муштайко, Копотев 2005 — *Muštajkovič A., Копотев М.* *Дакоу* узнало *летром*: условия и контексты употребления *остаточной* русской конструкции // *Visionary Linguistics*. 2005. № 28. С. 1–38.
- Макин 1988 — *Макин К.* Способы выражения однонаправленности и неодинаковости движения в русском и финском языках: (Глаголы те-

- на языке — любовь, их факские эквиваленты). Helsinki, 1988. (Neuvosto-Tieteidenlaitoksen julkaisu, 36).
- Насилов 1999 — *Насилов Д. М.* К понятию «функция» в функциональной грамматике // Вопросы теоретической филологии. Вып. 4. М., 1999. С. 112–122.
- Недалков 2003 — *Недалков В. П.* Зависимый такис и разноструктурных языков: значение однородности / предосторожности / следования // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб.: Наука, 2003. С. 156–174.
- Недалков 2004 — *Недалков В. П.* Заметки по типологии выражения реципрокального и рефлексивного значений (в аспекте полисемии реципрокальных показателей) // 40 лет Санкт-Петербургской лингвистической школе: Сб. ст. М.; Язык, 2004. С. 315–393. (Studia philologica).
- Недалков, Яковлев 1983 — *Недалков В. П., Яковлев С. Е.* Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) / Отв. ред. В. П. Недалков. Л.: Наука, 1983. С. 5–41.
- Нерознак 1987 — *Нерознак В. П.* О трех подходах к изучению языков в рамках синхронного сравнения (лингвистический — характерологический — контрастивный) // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв. ред. В. Н. Ядова. М.: Наука, 1987. С. 5–26.
- Николаева 1988a — *Николаева Г. М.* «Лингвистическая деагностика» // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: Наука, 1988. С. 154–165.
- Николаева 1988b — *Николаева Г. М.* Об одном подходе к интерпретации послесловных значений // Язык: система и функционирование / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 181–190.
- Николаева 1995 — *Николаева Г. М.* Теория функциональной грамматики как представление языковой действительности (на материале 4 выпуска книги «Теория функциональной грамматики») // Вопр. языкознания. 1995. № 1. С. 68–79.
- Николаева 1997 — *Николаева Г. М.* Сочинительные союзы А, ИО, И: история, сходства и различия // Славянские сочинительные союзы. М., 1997. С. 3–24.
- Нильссон 2002 — *Нильссон Е.* Девербаливмы и коммуникативная организация текста // Коммуникативно-семантические параметры грамматики и текста: Сб. ст., посвящен. юбилю Г. А. Залотовой. М.: Записки УРСС, 2002. С. 198–210.
- Норман 1994 — *Норман В. Ю.* Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994.
- Норман 1997 — *Норман В. Ю.* Наречие в структуре высказывания: путь вперед: (Фрагмент динамической грамматики русского языка) // Русистика. 1997. № 2. С. 5–15.
- Норман 2003 — *Норман В. Ю.* Грамматическая информация в слове vs лексическая информация в грамматике // Языковые функции: семантика, прагматика. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjandus, 2002. С. 148–162. (Tr. по рус. и слав. филологии. Лингвистика. ВС. Вып. VIII).

- Норман 2004 — *Норман Е. Ю.* Наивно-математическая картина мира и ее отражение в языке // *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского* / Отв. ред. А. П. Володин. М.: Язык, 2004. С. 358–367.
- Объяснительный словарь 2002 — *Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия.* М.: Астрель-АСТ, 2002.
- Падучева 1969 — *Падучева Е. В.* Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // *Машинный перевод и прикладная лингвистика.* Вып. 12. М., 1969. С. 5–35.
- Падучева 1983 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1983.
- Падучева 1988 — *Падучева Е. В.* К семантической классификации временных дестерминантов предложений // *Язык: системы и функционирование* / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 190–201.
- Падучева 1989 — *Падучева Е. В.* Цели всеобщности в поэтике и в естественном языке // *Вопр. языкознания.* 1989. № 2. С. 15–25.
- Падучева 1992 — *Падучева Е. В.* Глаголы действия: толкование и сочетаемость // *Логический анализ языка: Модели действия.* М.: Наука, 1992. С. 69–77.
- Падучева 1994 — *Падучева Е. В.* Вид и время перформативного глагола // *Лингвистический анализ языка: Язык речевых действий.* М.: Наука, 1994. С. 37–42.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки рус. культуры, 1996.
- Падучева 1997 — *Падучева Е. В.* Точка отсчета в семантике времени и вида // *Тр. аспирантского семинара филол. фак. МГУ.* Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 140–156.
- Падучева 1998 — *Падучева Е. В.* Коммуникативное подделение по уровню синтаксиса в семантике // *Семантика и информатика.* Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словарь, 1998. С. 82–107.
- Падучева 2000 — *Падучева Е. В.* Наблюдатель как Эксперимент «на экране» // *Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна* / Отв. ред. Л. Л. Володин, Л. П. Крысин. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 183–201.
- Падучева 2004а — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексемы. М.: Языки слов. культуры, 2004.
- Падучева 2004б — *Падучева Е. В.* Метафора и ее родственники // *Сокращенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюняновой* / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки слов. культуры, 2004. С. 187–203.
- Панн 1986 — *Панн Ф.* Функционально-системный подход к описанию русского языка как иностранного // *VII междунар. конгресс преподавателей рус. яз. в заг. Будапешт.* 1986. С. 1–14.
- Пармелова 2000а — *Пармелова Г. В.* Гипотетическая модальность в русских повествованиях и поэмах // *Slavische Sprachwissenschaft und Inter-*

- disziplinarity / *Begr.*, von G. Foidhof, H. Kuba, F. Schindler, 2000/6, S. 155–182. (*Specimina philologiae Slavicae*, Bd 129).
- Парменова 2000б — *Парменова Т.* Прикладная функциональная грамматика русского языка. München: Otto Sagner, 2000. (*Specimina philologiae Slavicae*, Bd 127).
- Парменова 2002а — *Парменова Т. В.* Гипотетическая модальность и ее функции в речи и тексте // Языковые средства в системе, тексте и дискурсе: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. Н. Гвоздева (25–27 ноября 2002 г.). Ч. 1. Самара, 2002. С. 254–262.
- Парменова 2002б — *Парменова Т. В.* Что может дать функциональная грамматика прикладно преподаванию языков // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. V. СПб.: Сударьян, 2002. С. 50–69.
- Парменова 2003а — *Парменова Т. В.* О языкодействии реальности и гипотетичности в речи // Русское слово в мировой культуре: Рус. текст в рус. дискурсе сегодня (X Конгресс МАИРА). СПб.: Издательство, 2003. С. 68–75.
- Парменова 2003б — *Парменова Т. В.* О категориальных ситуациях и персонификации содержания ситуативной грамматики русского языка // Русистика и современность. Глоссология, 3 / *Red.* Antoni Rabinicki, Kraków, 2003. С. 137–159.
- Парменова 2004 — *Парменова Т. В.* Семантика потмоковых миров и гипотетическая модальность: К вопросу об интерпретации действительности в языке // Проблемы интерпретативной лингвистики: интерпретаторы и язык интерпретации. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С. 134–143.
- Переворотов 1998 — *Переворотов К. А.* Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // *Вопр. языкознания*, 1998, № 3, С. 24–53.
- Переворотов 2000 — *Переворотов К. А.* Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме дивергентной онтологии // *Логический анализ языка: Язык пространств* / *Отв. ред.* Н. Д. Арутюнова, Н. В. Левонтина. М.: Язык рус. культуры, 2000. С. 253–267.
- Перцов 1998 — *Перцов Н. В.* К проблеме инварианта грамматического значения 1 (Плательное время в русском языке) // *Вопр. языкознания*, 1998, № 1, С. 3–26.
- Петс 1988 — *Pets H.* Синтаксис русского языка для венгерских студентов-русистов. Будапешт: Талканьяккеро, 1988.
- Петрушина 2003 — *Петрушина Е. В.* Семантические доминанты русской языковой картины мира: представление динамических явлений // *Проблемы функциональной грамматики: Семантическая вариативность* / *вариативность*. СПб.: Наука, 2003. С. 37–53.
- Пешковский 1920 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 2-е изд. М., 1920.
- Пешковский 1929 — *Пешковский А. М.* Еще к вопросу о предмете синтаксиса // *Рус. яз. в сов. ин.* 1929, № 2.

- Паштарева 1997 — *Паштарева А. М.* Глаголы с исключительной акцентной рамкой // *Русская глагольная лексика: переосмысление парадигмы*. Памяти Э. В. Кузнецовой / Под общ. ред. Л. Г. Вайсено. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 48–69.
- Пашуки 1999 — *Пашуки В. А.* К типологии глагольной ориентации // *Логический анализ языка: Язык динамического мира* / Отв. ред. П. Д. Арутюнова, Н. Б. Шагуновский. Дубай: Междунар. ун-т природы, общества и человека, 1999. С. 205–223.
- Пашуки 2000a — *Пашуки В. А.* Общая морфология: Введение и проблематика. М.: Издательство УРСС, 2000.
- Пашуки 2000b — *Пашуки В. А.* «Быстро» в грамматике русского и других языков // *Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна* / Отв. ред. Л. Л. Номини, Л. П. Крылов. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 212–223. (*Studia philologica*).
- Пашуки 2004a — *Пашуки В. А.* К дискурсивному описанию аструктурных повелительных // *Типологическое обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского* / Отв. ред. А. П. Володин. М.: Знак, 2004. С. 350–411.
- Пашуки 2004b — *Пашуки В. А.* Предисловие // *Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреальное и ирреальность* / Ред. Ю. А. Зандер, В. А. Пашуки, А. Ю. Урманцева. М.: Гнозис, 2004. С. 9–25.
- Подлесная 1990 — *Подлесная В. И.* «Важно», «события» и «просто» в свете фактов японского языка // *Вопр. языкознания*, 1990, № 4, С. 95–105.
- Подлесная 2004 — *Подлесная В. И.* Глагольные категории во взаимодействии: русские переносные конструкции со вспомогательным глаголом *быть* // *Типологическое обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского* / Отв. ред. А. П. Володин. М.: Знак, 2004. С. 413–428.
- Постомалова 1988 — *Постомалова В. И.* Картина мира и акцентуальности человека // *Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира*. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
- Прохорова 1992 — *Прохорова Л. А.* Семантика отношений характеристика: место и действие // *Логический анализ языка: Модели действия*. М.: Наука, 1992. С. 102–107.
- Паль и др. 1962 — *Паль Э., Гангель Э., Пухович Г.* Сравнительная грамматика лезгинского и русского языков для преподавателей и студентов. Таллин: Eesti riiklik kirjandus, 1962.
- Рабинович 1981 — *Рабинович И. И.* Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения // *Вопр. языкознания*, 1981, № 4, С. 24–34.
- Рабинович 1989 — *Рабинович Е. В.* Отношение причины и цели в русском языке // *Вопр. языкознания*, 1989, № 6, С. 46–54.
- Рабинович 1998 — *Рабинович Е. В.* Семантика русских «активаторных» предикатов: *спомочь, помочь, сделать, вызвать* // *Вопр. языкознания*, 1998, № 6, С. 69–80.

- Радванова 2000 — *Радванова Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен семантика и сочетаемость. М.: Рус. словарь, 2000.
- Роббес 1997 — *Роббес В. А.* О новом подходе к исследованию грамматики тунгусо-маньчжурских языков // Наука и образование. 1997. № 2.
- Розин 2000 — *Розин В. М.* Существование, реальность, виртуальная реальность // Концепции виртуальных миров и научное познание. СПб.: ФХТИ, 2000.
- Ройтер 1994 — *Ройтер Т.* О перифрастическом наименовании речевой действительности // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 76–82.
- Руденко 1996 — *Руденко Д. В.* Количественность и семантика имени // Теория функциональной грамматики: Количественность. Качественность. / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 181–214.
- Руженица 1988 — *Руженица Р.* Скрытый субъект и пустое подлежащее // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 216–219.
- Русский семантический словарь 1998 — *Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений* / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998.
- Рябцова 1994 — *Рябцова И. К.* Коммуникативный модуль и метаречь // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 82–92.
- Рябцова 1995 — *Рябцова И. К.* Истинность в субъективно-модальном контексте // Логический анализ языка: Ветина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 139–151.
- Селезнева 1988 — *Селезнева М. Г.* Вера слову приему языка // Прагматика и проблемы индивидуальности. М.: Наука, 1988. С. 244–254.
- Селъверстова 1982 — *Селъверстова О. М.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. В. Селъверстова. М.: Наука, 1982. С. 86–157.
- Сенар 1934 — *Сенар Э.* Язык. М.: ОГПЗ СОИЗКГПЗ, 1934.
- Сергеев 1991 — *Сергеев М. В.* Семантическая структура простого предложения со значением «субъект-человек и его физическое состояние». М.: МПТУ им. В. И. Ленина, 1991.
- Серебрянников 1988 — Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебрянников. М.: Наука, 1988.
- Сильвандр, Сильвандрей 1983 — *Сильвандр Г. В., Сильвандрей Г. Г.* Модель глагольного действия и семантическая классификация глаголов с предикативными астантами // Категории глагола и структура предложения (конструкции с предикативными астантами) / Отв. ред. В. С. Христовский. Л.: Наука, 1983. С. 28–41.
- Сильвандрей 1973 — *Сильвандрей Г. Г.* Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов // Проблемы структурной лингвистики, 1972. М.: Наука, 1973. С. 373–391.

- Савицкая 2002 — Савицкая И. Е. Конфигурация грамматического предиката в высказывании с обязательным отрицанием. СПб.: ЛГОУ им. А. С. Пушкина, 2002.
- Саскина 2004 — Саскина О. Ю. О классификации пространственных отношений (на материалах турецкого, английского и русского языков в многоязычной системе машинного перевода) // Коммульторная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Диалог'2004. М.: Наука, 2004. С. 548–553.
- Смирнов 1996 — Смирнов И. И. Семантика количественности и временная локализация // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 93–107.
- Смирнов 2000 — Смирнов И. И. Простая повторяемость или переходная зона между локализацией и нелокализацией действия во времени // Язык. Функция. Жизнь: Сб. в честь проф. А. В. Бондарко. СПб., 2000. С. 134–144.
- Смирнова 1995 — Смирнова Е. Д. Истинность и природа логического знания // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 151–157.
- Сорокина 2003 — Сорокина Т. С. Функциональные основы теории грамматической синонимии // Вспр. языкознания. 2003. № 3. С. 92–112.
- Стеклова 1999 — Стеклова Т. И. Невыполнение осуждения в русской языковой картине мира // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: Междуц. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. С. 153–162.
- Стеклова 2002 — Стеклова Т. И. Семантика невалности в русском языке: лексика, выражение, функции. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2002.
- Степанов 1981 — Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Продолжения. М.: Наука, 1981.
- Степанов 1985 — Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985.
- Степанов 1991 — Степанов Ю. С. Концепт «отрицание» и два подхода к концептуальному анализу языка — логический и сублогический // Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. С. 5–14.
- Степанов, Праскурац 1992 — Степанов Ю. С., Праскурац С. Г. Концепт «действие» в контексте мировой культуры // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 5–14.
- Стернин 1989 — Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. С. 279–282.
- Стернин 1991а — Стернин И. А. О разграничении самостоятельной и контрастной эмфатикости // Болгарская русистика. 1991. № 2. С. 68–72.
- Стернин 1991б — Стернин И. А. Очерк русского коммуникативного поведения. Галле, 1991.

- Стернин, Стернина 2001 — Очерк американского коммуникативного поведения / Наука, ред. Н. А. Стернин, М. А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2001.
- Столярова 2001 — Столярова Е. К. Семантическая синонимия: из истории вопроса // Слово. Грамматика. Речь. М., 2001. С. 177–183.
- Сулaimанова 1999 — Сулaimанова О. А. Проблемы русского синтаксиса. М.: Дашков-МГУ, 1999.
- Сурин 1996 — Сурин А. Е. Общие характеристики семантики количественности // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 162–170.
- Толка 1988 — Толка Н. Б. О системном статусе перфективного значения в функциональной грамматике // Язык: системы и функционирование / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 236–249.
- Тольер 1988 — Тольер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
- Тосталец 2001 — Тосталец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Тихонов 1995 — Тихонов А. Н. Категория видов в функционально-семантической грамматике // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Лингвистика. 1995. № 2. С. 88–95.
- Тихонов 1998 — Тихонов А. Н. Видовые корреляции в современном русском языке // Типология видов: проблемы, теория, решение (Материалы Междунар. науч. конф., 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. Ломоносова). М.: Язык рус. культуры, 1998. С. 466–477.
- Томзола 1984 — Томзола Х. К категории прошедшего времени русского языка // Studia Slavica Fennica. 1984. I. С. 134–164.
- Томзола 1985 — Томзола Х. К вопросу о «перфективном» значении русского прошедшего времени // Семантическое значение как средство выявления особенностей их структуры (Тез. семинара) / Отв. ред. А. Павлак. Таллин: АН ЭССР, Кафедра иностр. яз., 1985. С. 44–51.
- Томзола 1986 — Томзола Х. Актуальность в финском и русском языках. Хельсинки, 1986. (Metsäkirjallisuuden vuosikirja, 28).
- Томзола 1998 — Томзола Х. Заметки к типологии абстрактности // Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В. С. Храковского / Под ред. Н. А. Копытцовой, А. Г. Ослобина. СПб.: Наука, 1998. С. 41–57.
- Труб 1993 — Труб В. М. Лексика телеснообразной деятельности (опыт описания) // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 58–66.
- Труб 2003 — Труб В. М. О специфике семантической интерпретации предложения с заполненными темпоральными валентностями частиц *еще* и *уже* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Тр. междунар. конф. Дашков'2003. М.: Наука, 2003. С. 673–679.
- Тулкина 1996 — Тулкина Г. А. Предикатные акты как компоненты семантической структуры предложения в тексте // Словарь. Грамматика.

Текст / Отв. ред. Ю. П. Карпузов, М. В. Давыд. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 1996. С. 432–441.

Турушкова 1998 — Турушкова Ю. А. Зона пересечения нескольких функционально-синтаксических полей как объект исследования в функциональной грамматике // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 3. М.: Филология, 1998. С. 44–51.

Турушкова 1990 — Турушкова С. И. О синтаксической зоне модальности необходимости в русском языке // *Tartu ülikooli toimetised 856: Функциональные и синтаксические проблемы описания русского языка*. Тарту, 1990. С. 4–20. (Тр. по рус. и слав. филологии).

Турушкова 1998 — Турушкова С. И. Условные виды глагола в высказываниях с модальным смыслом необходимости (К вопросу о роли участия вида в формировании модального значения) // *Типология видов: проблемы, поиски, решения: (Материалы Междунар. науч. конф., 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. Ломоносова)*. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 477–485.

Турушкова 2003 — Турушкова С. И. В пространстве доказывания. Таллинн, 2003. (*Acta Universitatis scientiarum socialium et artis educandi Tallinnensis*. A 23. Nomaalioina).

ТФГ 1987 — Теория функциональной грамматики: Выделенность. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987.

ТФГ 1990 — Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990.

ТФГ 1991 — Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1991.

ТФГ 1992 — Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная персональность высказывания. Определенность/неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1992.

ТФГ 1996a — Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996.

ТФГ 1996b — Теория функциональной грамматики: Локативность. Базийность. Пососность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996.

Урмавичева 2004a — Урмавичева А. Ю. Выражение реальности / ирреальности ситуации в глагольных системах языков Африки. М.: ИВ РАН, 2004.

Урмавичева 2004b — Урмавичева А. Ю. Сдвигос доказательство реальности ирреальности // *Восстановление по теории грамматики*. Вып. 3. Ирреальность и ирреальность / Ред. Ю. А. Лавров, В. А. Плуткина, А. Ю. Урмавичева. М.: Глобус, 2004. С. 28–34.

Урысов 2003 — Урысов Е. В. Система значений слов *A* // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Давлен-2003*. М.: Наука, 2003. С. 680–685.

- Урылов 2004 — Урылов Е. В. Ситуация грамматики и ее выражение в языке // Коммуникативная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Диалог'2004. М.: Наука, 2004. С. 624–637.
- Уткинских 1988 — Уткинских А. В. Синтаксическая синонимия: тождество смысла или тождество ситуаций? // Вопр. грамматического варьирования. Иркутск, 1988. С. 126–143.
- Федоскин 2001 — Федоскин М. Ю. Речевой замысел говорящего и его компоненты // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти В. А. Белошапковой. М.: Издрик, 2001. С. 155–166.
- Фильченко 1998 — Фильченко М. В. О лексических единицах с плавающей и фиксированной сферой действия (к вопросу об астантах и не-астантах предиката) // Семантика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словарь, 1998. С. 120–140.
- Формановская 1982a — Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. М.: Рус. яз., 1982.
- Формановская 1982b — Формановская Н. И. Вы скажите: «Здравствуйте»: Речевой этикет в нашем обществе. М.: Знание, 1982.
- Формановская 1998 — Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: ИРЯ им. А. С. Пушкина, 1998.
- Формановская 2001 — Формановская Н. И. Еще раз о перформативном высказывании // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти В. А. Белошапковой / Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелева. М.: Издрик, 2001. С. 176–183.
- Фрумкина 1999 — Фрумкина Р. М. Самономинные лингвистика: вчера и завтра // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58. № 4. С. 28–38.
- Фрумкина и др. 1991 — Фрумкина Р. М., Малеев А. В., Мостовой А. Д., Рольва Н. А. Семантика и категоризация. М.: Наука, 1991.
- Фурсово 1997 — Фурсово Д. В. Функционально-семантическая категория орудающей и факторы, влияющие на изменение ее места в активной и пассивной грамматике для изучающих русский язык как иностранный // Лингводидактические аспекты освоения языка и гибкая модель обучения: Проблемы и перспективы. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 128–133.
- Халл 2004 — Халл Э.-С. Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в русском языке. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensia, 13).
- Хавкин 1998 — Хавкин В. Модальные вспомогательные слова в славянском языке // Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В. С. Хржановского / Под ред. В. А. Колыцовой, А. Г. Ослобина. СПб.: Наука, 1998. С. 58–66.
- Холодкович 1969 — Типология каузативных конструкций (морфологический аспект) / Отв. ред. А. А. Холодкович. Л.: Наука, 1969.
- Хржановский 1973 — Хржановский В. С. Трансформации и деривации // Проблемы структурной лингвистики, 1972. М.: Наука, 1973. С. 489–507.

- Храковский 1985 — Храковский В. С. Типы грамматических единиц и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. В. Н. Ярыса. М.: Наука, 1985. С. 65–77.
- Храковский 1986 — Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций (опыт классификации) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 2. С. 149–158.
- Храковский 1987 — Храковский В. С. Краткость // Теория функциональной грамматики: Введение. Актуальность. Временная помпозитивность. Тексты / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 124–152.
- Храковский 1989 — Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 2–53.
- Храковский 1996а — Храковский В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 22–42.
- Храковский 1996б — Храковский В. С. Условные конструкции (опыт исследования) // Теория функциональной грамматики: Локальность. Баттальность. Послословность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 175–213.
- Храковский 1997 — Храковский В. С. Полемическая база и опыт классификации семантических типов множества ситуаций // Тр. аксиологического семинара филол. фак. МГУ. Т. II. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 128–139.
- Храковский 1998 — Храковский В. С. Понятие супрорегиста и его статус // Семантика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словарь, 1998. С. 140–153.
- Храковский 1999 — Храковский В. С. Параметры текста // Система языка и структура высказывания: Материалы чтений, посвящ. 90-летию со дня рожд. В. Г. Адыкина (1909–1997). СПб.: Наука, 1999. С. 12–14.
- Храковский, Володина 1986 — Храковский В. С., Володина А. Д. Семантика и типология повествования. Русский повествов. Л.: Наука, 1986.
- Худков 1999 — Худков А. А. Полемические категории как объект лингвистического исследования // Аспекты лингвистических методологических исследований. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1999.
- Цейтлин 1990 — Цейтлин С. Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики: Текстуальность. Медальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 142–156.
- Чейф 1975 — Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975.
- Ченка 2002 — Ченка А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, Н. М. Кобелевой, Н. А. Северяковой. 2-е изд. М.: Издательство УРСС, 2002. С. 340–369.
- Черкасов, Бродягин 2003 — Черкасов И. Е., Бродягин О. И. Морфологический язык с помощью антропоцентризма // Антропоцентризм в языке и

- речи: Мелкув, сб. / Отв. ред. Л. П. Чалова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. С. 174–182.
- Чернова 1997 — Чернова С. В. Модальные глаголы в современном русском языке: Семантическая модель «языка» — коммуникативные замыслы. Киров, 1997.
- Чернышова 2002 — Чернышова Г. А. Семантико-синтаксическая синонимия как средство дифференциации моделей простого предложения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. ст., посвящ. юбилю Г. А. Золотовой. М.: Издательство УРСС, 2002. С. 223–231.
- Чернышова 2004 — Чернышова Г. А. Вид или аспект? К типологии славянской и романской категории (на материале русского и испанского языков) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология, 2004. № 1. С. 97–122.
- Чичаской 1996 — Чичаской К. Г. Пале-послосивности и послосивные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Послосивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 100–118.
- Шабес 1989 — Шабес В. Я. События и текст. М.: Высш. шк., 1989.
- Шатуновский 1988 — Шатуновский И. Б. Эпистемические предикаты в русском языке (семантика, коммуникативная перспектива, прагматика) // Прагматика и проблемы интенциональности / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Из-т языкознания АН, 1988. С. 255–277.
- Шатуновский 1995 — Шатуновский И. Б. Коммуникативные типы высказывания, эпистемическая действительность // Логический анализ языка: Истоки и истоки в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 158–165.
- Шатуновский 1996 — Шатуновский И. Б. Семантика предложения и периферитные слова (языково, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Язык рус. культуры, 1996. (Série philologique).
- Шатуновский 2000 — Шатуновский И. Б. Предложения наземия vs. бытийные и локативные предложения в русском языке // Логический анализ языка: Язык пространства / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Язык рус. культуры, 2000. С. 189–198.
- Шатуновский 2004 — Шатуновский И. Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Диалог'2004. М.: Наука, 2004. С. 666–670.
- Шведова 1967 — Шведова И. Ю. О понятии синтаксического ряда: Историко-филологические исследования // Сб. ст. к 75-летию акад. Н. Н. Конрада. М.: Наука, 1967. С. 209–213.
- Шведова 1980 — Русская грамматика. Т. I—II / Гл. ред. И. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
- Шведова 1985 — Шведова И. Ю. Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. В. Н. Ягцева. М.: Наука, 1985. С. 30–37.
- Шведова 1989 — Шведова И. Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты // Слово и грамматические законы языка: Глагол / Отв. ред. И. Ю. Шведова, В. В. Лопатин. М.: Наука, 1989. С. 5–171.

- Шведова 1999 — Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // *Вопр. языкознания*, 1999, № 1, С. 3–16.
- Шведова, Лопатин 1989 — *Краткая русская грамматика* / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989.
- Шелман 1983 — Шелман М. А. Категория вида и способы действия русского глагола: Теоретические основы. Таллинн: Валгус, 1983.
- Шелман 1987 — Шелман М. А. Способы действия в поливалентности // *Теория функциональной грамматики: Введение. Актуальность. Временная локализация*. Таллинн / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987, С. 63–85.
- Шелман 2001 — Шелман М. А. *Функциональная грамматика русского языка*. М.: Рус. яз., 2001.
- Шелман 2002 — Шелман М. А. *Язык и человек*. Тарту, 2002. (Тр. по рус. и слав. филологии. Ливонистика. НС. Вып. VII).
- Ширва 1997 — Ширва Е. Н. Конкуренция предлогов бытия и характеристика в разных языковых формах // *Облик слова*: Сб. ст. М.: ИРЯ РАН; Рус. словарь, 1997, С. 183–190.
- Шмелев 1992 — Шмелев А. Д. Определенность / неопределенность в аспекте теории референции // *Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность* / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1992, С. 266–280.
- Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. *Русский язык и языковая действительность*. М.: Язык слов, культуры, 2002. (Язык. Семантика. Культура).
- Шмелева 1980 — Шмелева Г. В. Проникация и ее репрезентация в предложении // *Проблемы теории и истории русского языка* / Ред. К. В. Горюнова. М.: Изд-во МГУ, 1980, С. 131–137. (Вопр. рус. языкознания, 3).
- Шмелева 1988 — Шмелева Г. В. *Семантический синтаксис: Текст лекций курса «Современный русский язык»*. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.
- Шмелева 1999 — Шмелева Г. В. Языковая картина мира и активная грамматика // *Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике*. Новосибирск: Изд-во НГПИУ, 1999, С. 127–141.
- Шувалова 2003 — Шувалова С. Исполнительные словоупотребительные предложения с позиций грамматики *act semantics* (семантическая интерпретация некоторых разновидностей) // *Новое и старое* / Ed. N. Bachtinskoff, L. Sifian. *Journal*, 2003, С. 112–123. (Learning by Doing. Working Papers from the Russian Department of Jozsnak).
- Щерба 1974 — Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. Л.: Наука, 1974.
- Щербин 1998 — Щербин В. Обзор зарубежной литературы по функциональной грамматике // *Вопросы функциональной грамматики: Сб. науч. тр.* Гродно: ГрГУ, 1998, С. 3–34.

- Щур 1974 — *Щур Г. С.* Теория пола в лингвистике. М.: Наука, 1974.
- Эдельман 1996 — *Эдельман Д. В.* Поле количественности и категории единственного/общего // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 170–181.
- Курковский 1975 — *Курковский М.* Пространственные отношения предикто-подлежащих конструкций // *Linguistica Silesiana* 1, Katowice, 1975. С. 43–54.
- Яко 1996 — *Яко Е. Е.* Коммуникативный статус безаффиксных конструкций // *Московский лингвистический журнал*. 1996. № 2. С. 417–431.
- Янцзон 1996 — *Янцзон Я.* Продолжение: содержание, форма, парадигма. Пекин; Шанхай; Тонгчжоу; Сямь, 1996. [Имя автора на обложке и место издания — на китайском языке].
- Ярцева 1981 — *Ярцева В. Н.* Конструктивная грамматика. М.: Наука, 1981.
- Ярцева 1985 — *Ярцева В. Н.* Проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1985.
- Ярцева 1988 — *Ярцева В. Н.* Методы сопоставительного изучения языков / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1988.
- Яхонтов 1998 — *Яхонтов С. Е.* Падежные категории, скрытые категории, падежоморфемные категории // *Типология. Грамматика. Семантика* К 65-летию В. С. Хржановского / Под ред. Н. А. Коллержевой, А. Г. Ослобанин. СПб.: Наука, 1998. С. 131–141.
- Anderson 1971 — *Anderson J. M.* The Grammar of Case: Towards a Localistic Theory. London, 1971.
- Anderson 1990 — *Anderson J. M.* Case Grammar Contrasts // *Further Insights into Contrastive Analysis* / Ed. J. Fisiak. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1990. P. 23–28. (Linguistic & Literary Studies in Eastern Europe, 30).
- Aprésjan 1992 — *Aprésjan Ju. D.* Systemic Lexicography // *EURALEX '92: Proceedings*. 1 / Ed. Hanna Tommola et al. Tampere, 1992. P. 3–16. (Studia translologica, Ser. A, Vol. 2).
- Atran 2002 — *Atran S.* In Gods We Trust: The Evolutionary Landscape of Religion. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.
- Austin 1953 — *Austin J. L.* Other Minds // *Logic and Language* (second series) / Ed. A. Flew. Oxford: Basil Blackwell, 1953. P. 123–158.
- Austin 1962 — *Austin J. L.* How to Do Things with Words. Cambridge, Mass.: Clarendon Press, 1962.
- Bally 1965 — *Bally Ch.* Linguistique générale et linguistique française. Bern: Francke, 1965 (1re éd. 1932).
- de Beaugrande 1997 — *de Beaugrande E.* Linguistics — Systemic and Functional: Revisiting «Warrants» // *Reconnecting Language: Morphology and Syntax in Functional Perspectives* / Ed. A.-M. Simon-Vandenbergen, K. Davids, D. Noël. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 49–70. (Current Issues in Linguistic Theory, 154).

- Bel'djashin et al. 1988 — Bel'djashin F. S., Balshin N. V., Gibbons I., Borvina G. I., Karamlaeva T. M. *Adverbial Relations in Russian and Their English Equivalents*. M.: Pyc. яz., 1988.
- Bering 2002 — Bering J. Intuitive Conceptions of Dead Agents' Minds: The Natural Foundations of Afterlife Beliefs as Phenomenological Boundary // *Journal of Cognition and Culture*. 2002. 2/4. P. 263–308.
- Bijelin, Krakovsčij 2001 — Bijelin L. A., Krakovsčij F. S. Imperative Sentences: Theoretical Problems // *Typology of Imperative Constructions*. München: LINCOM Europa, 2001. P. 5–50. (LINCOM Studies in Theoretical Linguistics, 09).
- Bogusławski 2004 — Bogusławski A. Small is Beautiful. A Note on Verbs of Small Events // *Тимочисленность обозначения в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храмовского / Отв. ред. А. И. Бондари*. М.: Знак, 2004. P. 61–76.
- Brecht 1985 — Brecht R. D. The Form and Function of Aspect in Russian // *Issues in Russian Morphosyntax* / Ed. M. S. Hies, R. D. Brecht. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. P. 9–24. (UCLA Slavic Studies, 10).
- Brunet 1922/1936 — Brunet F. *La pensée et la langue (méthode, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliqué au français)*. Paris: Masson et Co, 1922.
- Brunet 1922 — Brunet F. *L'expressions des relations et l'expressions des modalités (en langues française concordances et discordances)*. Copenhagen: Bianco Lunos, 1922. (Det Kgl. Danske Videnskabsnernes Selskab, Historisk-Hølogiske Meddelelser, 4/8).
- Bascha et al. 1998 — Bascha J., Frenksberg-Findelers R., Frenkenter E., Koch H., Kestek J. *Grammatik in Feldern. Ein Lehrbuch und Übungsbuch für Fortgeschrittene*. München: Verlag für Deutsch, 1998.
- Carlson 1981 — Carlson L. Aspect and Quantification // *Syntax and Semantics, 14. Tense and Aspect* / Ed. P. J. Tedeschi, A. Zaenen, N. Y. etc.: Academic Press, 1981. P. 31–64.
- Carnie, Mersdotz-Denton 2003 — Carnie A., Mersdotz-Denton N. Functionalism isn't Formalism: an Interactive Review of Darnell et al. (1999) // *Linguistics*. 2003. 48. P. 373–389.
- Charf, Nichols 1986 — Charf W. Evidentiality: the Linguistic Coding of Epistemology // Ed. W. Charf, J. Nichols. Norwood (NJ): Ablex, 1986. (*Advances in Discourse Processes*. Vol. 20).
- Cheour et al. 2002 — Cheour M., Martynova O., Näätänen R., Erkkola R., Siipajoki M., Kero P., Raz A., Kalpio M. L., Piltanen J., Aaltonen O., Savelle J., Näätänen R. Speech Sounds Learned by Sleeping Newborns // *Nature*. 2002. 415/6872. P. 599–600.
- Cheour-Laitanen et al. 1995 — Cheour-Laitanen M., Alho K., Kajala T., Sainio K., Reivinkinen K., Reunanen M., Aaltonen O., Erkkola O., Näätänen R. Mismatch Negativity Indicates Vowel Discrimination in Newborns // *Hearing Research*. 1995. 82/1. P. 53–58.

- Chesterman 1991 — Chesterman *A.* *On Definiteness: a Study with a Special Reference to English and Finnish.* Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press, 1991. (Cambridge Studies in Linguistics, 50).
- Chesterman 1997 — Chesterman *A.* *Mimesis of Translation.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997.
- Chesterman 1998 — Chesterman *A.* *Contrastive Functional Analysis.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1998. (Pragmatics & Beyond, NS, 47).
- Chomsky 1973 — Chomsky *N.* *Conditions on Transformations // A Festschrift for Morris Halle / Ed. S. Anderson, P. Kiparsky.* N. Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1973. P. 232–286.
- Chomsky 1986 — Chomsky *N.* *Barriers.* Cambridge: MIT Press, 1986.
- Chvany 1975 — Chvany *C. F.* *On the Syntax of BE-sentences in Russian.* Cambridge, Mass.: Slavica Publishers, 1975.
- Chvany 1983 — Chvany *C. F.* *On «Definiteness» in Bulgarian, English and Russian // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists (Kiev, September 1983). Vol. I. Linguistics / Ed. M. S. Plier.* Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1983. P. 71–82.
- Chvany 1985 — Chvany *C. F.* *Foregrounding, «Transitivity», Saliency // Essays in Poetics.* 1985, 10/2. P. 1–27.
- Chvany 1990 — Chvany *C. F.* *Verbal Aspect, Discourse Saliency, and So-Called «Perfect of Results» in Modern Russian // Verbal Aspect in Discourse / Ed. N. B. Thelin.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1990. P. 213–225. (Pragmatics & Beyond, NS, 5).
- Chvany 1996 — *Selected Essays of Catherine V. Chvany / Ed. O. T. Yokoyama, E. Klein.* Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1996.
- Cook 1979 — Cook *W. A.* *Case Grammar Development of the Matrix Model (1970–1978).* Washington, DC: Georgetown Univ. Press, 1979.
- Cooper 1971 — Cooper *D.* *The Czarist Epoch.* London, 1971.
- Coseriu 1981 — Coseriu *E.* *Kontrastive Linguistik und Übersetzung: ihr Verhältnis zueinander // Kontrastive Linguistik und Übersetzungswissenschaft (Akten des Internationalen Kolloquiums Trier/Saarbrücken 25.–30.9.1978) / Ed. Wolfgang Kühwein, Gisela Thome, Wolfram Wilts.* München: Wilhelm Fink Verlag, 1981. P. 183–198.
- Coseriu 1987 — Coseriu *E.* *Formen und Funktionen // Studien zur Grammatik.* Tübingen: Niemeyer, 1987.
- Craft 2003 — Craft *W.* *Typology and Universals.* 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Cross 1915 — Cross *E. A.* *The Functional Teaching of English Grammar // English Journal.* 1915, Vol. 4. P. 653–659.
- Cross 1973 — Cross *D. A.* *Some Thoughts on Agentivity // Journal of Linguistics.* 1973, 9. P. 11–23.
- Curran et al. 1993 — Curran *T., Tucker-Doss M., Kutas M., Posner Michael I.* *Topography of the N400: Brain Electrical Activity Reflecting Semantic Expectancy // Electroencephalography and Clinical Neurophysiology.* 1993, 88. P. 188–209.

- Dahl 1981 — Dahl Ö. On the Definition of the Tense-Aspect (Bounded-Non-bounded) Distinction // *Syntax and Semantics*, 14. Tense and Aspect / Ed. P. J. Tedeschi, A. Zaenen, N. Y. et al.: Academic Press, 1981. P. 79-90.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Dahl 2000 — Tense and Aspect in the Languages of Europe / Ed. Ö. Dahl. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. (Empirical Approaches to Language Typology, 20-6. Eurotyp 6).
- Daneš 1964 — Daneš F. A Three-Level Approach to Syntax // *Travaux de Cercle Linguistique de Prague*, T. 1. Praha: Académie Tchécoslovaque des Sciences, 1964. P. 225-240.
- Daneš 1987 — Daneš F. On Prague School Functionalism in Linguistics // *Functionalism in Linguistics* / Ed. R. Dirven, V. Fried. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1987. P. 3-38. (Linguistic & Literary Studies in Eastern Europe, 20).
- Daneš 1991 — Daneš F. A Functional Model of the System of Sentence Structures // *Functional and Systemic Linguistics* / Ed. E. Vainola. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991. P. 63-79. (Trends in Linguistics, Studies and Monographs, 55).
- Daneš 1994 — Daneš F. The Sentence-Pattern Model of Syntax // *The Prague School of Structural and Functional Linguistics* / Ed. Ph. A. Luchsdorff. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 197-222. (Linguistic & Literary Studies in Eastern Europe, 41).
- Daneš et al. 1981 — Daneš F., Hlavas Z. / *Isolátiv: Výběh vzorů v češtině*. Praha: Academia, 1981.
- Darnell et al. 1999 — *Functionalism and Formalism in Linguistics*. Vol. I. General Papers & Vol. II. Case Studies / Ed. M. Darnell, E. Moravcsik, F. J. Newmeyer, M. Noonan, K. M. Wheatley. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1999. (Studies in Language Companion Series, 41, 42).
- Deh 1998 — Deh R. Modalität // *Russisch im Spiegel des Deutschen: eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich*. Korrigierte und ergänzte Neuausgabe / Hrsg. W. Gladrow. Frankfurt a.M.; Berlin; N. Y.; Paris; Wien: Lang, 1998. P. 91-125. (Berliner Slavistische Arbeiten, Bd 8).
- Dik 1978 — Dik S. C. *Functional Grammar*. Amsterdam etc.: North-Holland, 1978. (North-Holland Linguistic Series, 37).
- Dik 1980 — Dik S. C. *Studies in Functional Grammar*. London etc.: Academic Press, 1980.
- Dik 1983 — *Advances in Functional Grammar* / Ed. by S. C. Dik. Dordrecht: Foris Publications, 1983.
- Dik 1985 — Dik S. C. *The Theory of Functional Grammar*, Pt I. The Structure of the Clause. Dordrecht: Foris Publications, 1985. (Functional Grammar Series, 9).
- Dik 1994 — Dik S. C. *Verbal Semantics in Functional Grammar // Tense, Aspect and Action: Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology* /

- Ed. C. Boche, H. Basboll, C.-E. Lindberg. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1994. P. 23–42.
- Dik 1997 — *Dik S. C. The Theory of Functional Grammar* / Ed. K. Hengeveld. 2nd ed., rev. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1997.
- Dürven, Radtke 1977 — *Dürven R., Radtke G. Semantische Syntax des Englischen*. Wiesbaden: Athenäum, 1977. (Schwerpunkte Linguistik und Kommunikationswissenschaft, 15).
- Eckert, Gladrow 1989 — *Synchroner Slawisch-Deutscher Sprachvergleich* / Hrg. R. Eckert, W. Gladrow. Berlin, 1989. (Akademie der Wissenschaften der DDR. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Linguistische Studien. Reihe A, Arbeitsberichte, 200).
- Elman 1992 — *Elman P. An Argument for Basic Emotions // Cognition and Emotion*. 1992. 6. P. 160–200.
- Fink 1976 — *Fink S. R. Semantic-Pragmatic Aspects in Foreign Language Pedagogy Based on Case Grammar and Valence Theory // Linguistische Berichte*. 1976. 41. P. 77–87.
- Fisiak 1990 — *Fisiak J. On the Present Status of Some Metatheoretical and Theoretical Issues in Contrastive Linguistics // Further Insights into Contrastive Analysis* / Ed. J. Fisiak. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1990. P. 3–22.
- Fisiak et al. 1978 — *Fisiak J., Lipińska M., Zahrochci T. An Introductory English-Polish Contrastive Grammar*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1978.
- Foley, Van Valin 1984 — *Foley W. A., Van Valin R. D. Functional Syntax and Universal Grammar*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984.
- Forsyth 1970 — *Forsyth J. A Grammar of Aspects: Usage and Meaning in the Russian Verb*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970.
- Freidhof 1978 — *Freidhof G. Kasusgrammatik und lokaler Ausdruck im Russischen*. München: Otto Sagner, 1978. (Specimina philologiae Slavicae 15: Beiträge zur Kasusgrammatik der slawischen Sprachen).
- Gabelentz 1891 — *Gabelentz G. von der. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse*. Leipzig: T. O. Weigel Nachfolger, 1891.
- Givón 1978 — *Givón T. Negation in Language: Pragmatics, Function, Ontology // Syntax and Semantics, 9. Pragmatics* / Ed. P. Cole. N. Y. etc.: Academic Press, 1978. P. 69–112.
- Givón 1995 — *Givón T. Functionalism and Grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 1995.
- Givón 2001 — *Givón T. Syntax. Vol. I*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Comp., 2001.
- Gladrow 1979 — *Gladrow W. Die Determination des Substantivs im Russischen und Deutschen*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1979.
- Gladrow 1989 — *Russisch im Spiegel des Deutschen (eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich)* / Hrg. W. Gladrow. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1989.

- Gladrow 1998 — Gladrow W. Prinzipien der kontrastiven Darstellung des Russischen und Deutschen // *Russisch im Spiegel des Deutschen: eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich* Korrigierte und ergänzte Neuausgabe / Hrsg. W. Gladrow, Frankfurt a.M.; Berlin, N. Y.; Paris; Wien: Peter Lang, 1998. S. 17–21. (Berliner Slavistische Arbeiten, Bd 6).
- Gladrow 2001 — Gladrow W. Die Konzeption der mehrdimensionalen Aufbaustruktur im russisch-deutschen Sprachvergleich // *Beiträge zu einer russisch-deutschen kontrastiven Grammatik* / Hrsg. W. Gladrow, R. Hammett, Frankfurt a.M. etc.: Peter Lang, 2001. S. 27–46.
- Gladrow 2003 — Gladrow W. Zur Spezifik von Eingliedrigkeit und Nichtgegliedertheit der Struktur des slawischen Satzes // *Die slawischen Sprachen im aktuellen Funktionalisieren und historischen Kontakt*. Beiträge zum XIII. Internationalen Slawistenkongress, Frankfurt etc.: Peter Lang, 2003. S. 31–49. (Berliner Slavistische Arbeiten, 23).
- Grace 1987 — Grace G. W. *The Linguistic Construction of Reality*. London etc.: Croom Helm, 1987.
- Green 1980 — Green M. C. *On the Syntax of Impersonal Sentences in Russian: a Study of the Sentence Type «Vetom unsko lozku»*. Cornell, 1980.
- Gregor 1998 — Gregor J. *Gemeinlich // Russisch im Spiegel des Deutschen: eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich*. Korrigierte und ergänzte Neuausgabe / Hrsg. W. Gladrow, Frankfurt a.M.; Berlin, N. Y.; Paris; Wien: Lang, 1998. S. 76–90. (Berliner Slavistische Arbeiten, Bd 6).
- de Groot, Tommola 1984 — *Aspect Bound: A Voyage into the Realm of Germanic, Slavic and Finno-Ugric Aspectology* / Ed. C. de Groot, H. Tommola. Dordrecht etc.: Foris Publications, 1984.
- Gruber 1970 — Gruber J. S. *Studies in Lexical Relations*. Bloomington: Indiana Univ., 1970.
- Gürtler 1981 — Gürtler J. *Kontrastive Grammatik, kommunikativ (Arbeitsmöglichkeiten im Deutschunterricht)*. Tübingen, 1981. (Tübinger Beiträge zur Linguistik, 166).
- Hakulinen et al. 2004 — Hakulinen A., Filkova M., Koschonen R., Koivisto P., Penttinen T. R., Aho J. *ISO murren kieloppi*. Helsinki: SKS, 2004.
- Halliday 1975 — Halliday M. A. K. *Explorations in the Functions of Language*. London: Edward Arnold, 1975.
- Halliday 1976 — Halliday M. A. K. *System and Function in Language: Selected Papers* / Ed. G. R. Keuss. London: Oxford Univ. Press, 1976.
- Halliday 1985 — Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar*. London etc.: Edward Arnold, 1985.
- Halliday 1994 — Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar*. London etc.: Arnold, 1994.
- Halliday, Matthiessen 2004 — Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar* / Rev. by Ch. M. I. M. Matthiessen. 3rd. ed. London, N. Y.: Oxford Univ. Press Inc., 2004.

- Harp 1921 — *Harp H.* *Functional Grammar // School and Society*. 1921. January 15. P. 73–75.
- Heinäsmäki 1984 — *Heinäsmäki O.* Aspect in Finnish // *Aspect Bound: A Voyage into the Realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian Aspectology* / Ed. C. de Groot, H. Tuomala. Dordrecht etc.: Foris Publications, 1984. P. 153–177.
- Helenius et al. 1998 — *Helenius P., Seuren R., Service E., Connolly John F.* Distinct Time Courses of Word and Context Comprehension in the Left Temporal Cortex // *Brain*. 1998. 121. P. 1133–1142.
- Holm 1983 — *Holm E.* *Causality in Linguistic Theory: a Critical Investigation into the Philosophical and Methodological Foundations of 'Non-autonomous' Linguistics*. London: Croom Helm; Bloomington: Indiana Univ. Press, 1983.
- Iivä 1983 — *Iivä F.* A Translation-Based Model of Contrastive Analysis // *Cross-Language Analysis and Second Language Acquisition. 1* / Ed. K. Sajavaara. Jyväskylä. 1983. P. 171–178. (*Jyväskylä Cross-Language Studies*, 9–10).
- Inard 1982 — *Inard C.* Basic Emotions, Relations among Emotions, and Emotion-cognition Relations // *Psychological Review*. 1982. 99. P. 561–585.
- James 1980 — *James C.* *Contrastive Analysis*. London: Longman, 1980.
- Janzen 1977 — *Janzen L. M.* Aspekte der Klassifikation von Verben // *Kausalthorie, Klassifikation, semantische Interpretation* / Hrsg. K. Heger, J. S. Petőfi. Hamburg: Helmut Buske, 1977. S. 211–230. (*Papiere zur Textlinguistik*, 11).
- Jespersen 1924 — *Jespersen O.* *The Philosophy of Grammar*. London: George Allen & Unwin, 1924.
- Johanson 2004 — *Johanson L.* On the Contribution of Viewpoint Markers to Topic // *Тематическое обозначение в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Хрижанова* / Отв. ред. А. И. Волочин. М.: Янус, 2004. P. 191–200.
- Kabakčiev 2000 — *Kabakčiev K.* Aspect in English. Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 2000. (*Studies in Linguistics and Philosophy*, Vol. 75).
- Kantorczyk 1990 — *Kantorczyk U.* Äquivalenzbeziehungen zwischen russischen Existential-Sätzen und ihren deutschen Entsprechungen // *Zeitschrift für Slawistik*. 1990. 35/4. S. 523–528.
- Karlsson et al. 1995 — *Karlsson P., Forsblom A., Heikkilä J., Anttila A.* *Constraint Grammar: Language-independent System for Parsing Unrestricted Text*. Berlin, N. Y.: Mouton de Gruyter, 1995.
- Kiparsky 1970 — *Kiparsky P., Kiparsky C.* Fact // *Progress in Linguistics, a Collection of Papers* / Ed. M. Bierwisch, K. E. Heidolph. The Hague etc.: Mouton, 1970. P. 143–175.
- Knuutila 1996 — *Knuutila E.* Duns Scotus and the Foundations of Logical Modalities // *Scotus J. D. Metaphysics and Ethics* / Ed. L. Honnfelder, R. Wood, M. Dreyer. Leiden, 1996. P. 127–143.
- Krzyszowski 1967 — *Krzyszowski T. P.* Fundamental Principles of Structural Contrastive Studies // *Glossolalia*. 1967. 2. P. 33–40.
- Krzyszowski 1979 — *Krzyszowski T. P.* *Contrastive Generative Grammar: Theoretical Foundations*. Tübingen: Gunter Narr, 1979. (*Aus Linguistica*, 1).

- Krzyszowski 1989 — *Krzyszowski T. P.* Towards a Typology of Connective Studies // *Connective Pragmatics* / Ed. W. Olsky. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1989. P. 55–72. (*Pragmatics & Beyond* 18, 3).
- Krzyszowski 1990a — *Krzyszowski T. P.* *Contrasting Languages: The Scope of Contrastive Linguistics*. Berlin, N. Y., 1990. (*Trends in Linguistics: Studies and Monographs*, 51).
- Krzyszowski 1990b — *Krzyszowski T. P.* *Connective Generative Grammar*. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1990.
- Kučera 1983 — *Kučera H.* A Semantic Model of Verbal Aspect // *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists* (Kiev, September 1983). Vol. 1. *Linguistics* / Ed. M. S. Flier. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1983. P. 171–183.
- Lachlan Mackenzie 2000 — *Lachlan Mackenzie J.* First Things First: Towards an Incremental Functional Grammar // *Acta Linguistica Hafniensia*. 2000. Vol. 3. P. 23–44.
- Langacker 1987 — *Langacker R.* *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1987.
- Langacker 1991a — *Langacker R.* *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991.
- Langacker 1991b — *Langacker R.* *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II. Descriptive Application*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1991.
- Leinonen 1982 — *Leinonen M.* Russian Aspect, «Temporal'naja lokalizacija», and Definiteness / indefiniteness. Helsinki, 1982. (*Neuvostoliittöinstituutin vuosikirja*, 27).
- Leinonen 1984 — *Leinonen M.* Narrative Implications of Aspect in Russian and in Finnish // *Aspect Bound: A Voyage into the Realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian Aspectology* / Ed. C. de Groot, H. Tommola. Dordrecht etc.: Foris Publications, 1984. P. 229–255.
- Leinonen, Östman 1983 — *Leinonen M., Östman J.-O.* Passive Patterns in Russian and Swedish // *Papers from the Seventh Scandinavian Conference of Linguistics*. 1 / Ed. F. Karlsson. 1983. P. 175–198. (University of Helsinki, Department of General Linguistics, Publications 9).
- Leonard 1933 — *Leonard J. P.* Functional Grammar — What and Where? // *English Journal*. 1933. Vol. 22. P. 729–735.
- Levelt 1989 — *Levelt W. J. M.* *Speaking: From Intention to Articulation*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1989.
- Lindstedt 1984 — *Lindstedt J.* Nested Aspects // *Aspect Bound: A Voyage into the Realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian Aspectology* / Ed. C. de Groot, H. Tommola. Dordrecht etc.: Foris Publications, 1984. P. 23–38.
- Lindstedt 1985 — *Lindstedt J.* On the Semantics of Tense and Aspect in Bulgarian. Helsinki, 1985. (*Slavica Helsingiensia*, 4).
- Lötsch 1990 — *Lötsch R.* Der Begriff der funktional-semantischen Kategorie als Grundlage synchronischen Sprachvergleichs // *Zeitschrift für Slavistik*. 1990. 35/4. S. 562–566.

- Matheson 1926 — *Matheson P.* *New Currents and Tendencies in Linguistic Research // MNHMA: Šestárik vydání na počest ... prof. J. Zubatého.* Prague, 1926. P. 188–203.
- Mathews 1982 — *Mathews E. H.* *Syntax.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982.
- McIntyre 2004 — *McIntyre A.* *Event Paths, Conflation, Argument Structure and VP Shells // Linguistics.* 2004, 42/3. P. 523–571.
- McLaughlin 1919 — *McLaughlin M.* *Formal and Functional Grammar // English Journal.* 1919. Vol. 8. P. 500–502.
- McL'cuk 2004 — *McL'cuk I.* *Actants in Semantics and Syntax. I: Actants in Semantics // Linguistics.* 2004, 42/1. P. 1–66; *Actants in Semantics and Syntax. II: Actants in Semantics // Linguistics.* 2004, 42/2. P. 247–290.
- Menzelband 1984 — *Menzelband S.* *The Slavic Frequentative Habitual // Aspect Bound: A Voyage into the Realm of Germanic, Slavic and Finno-Ugrian Aspectology / Ed. C. de Groot, H. Tuomola.* Dordrecht etc.: Foris Publications, 1984. P. 53–76.
- Mourcelatos 1981 — *Mourcelatos A. P. D. Events, Processes, and States // Syntax and Semantics. 14. Tense and Aspect / Ed. P. J. Tedeschi, A. Zaenen.* N. Y. etc.: Academic Press, 1981. P. 191–212.
- Mustajoki 1986 — *Mustajoki A.* *Sjakielioppeja ja niiden ongelmia // Sjakieliopin kysymykset / Ed. A. Mustajoki.* Helsinki, 1986. S. 7–17. (Helsingin yliopiston slavilaisten kielten laitoksen raportteja, 6).
- Mustajoki 1993 — *Mustajoki A.* *Mielestä kielen: kontrasttiivisen funktionaalisen lauseopin teoriaa.* Helsinki: Yliopistopaino, 1993.
- Mustajoki, Heino 1991 — *Mustajoki A., Heino H.* *Case Selection for the Direct Object in Russian Negative Clauses. Pt II. Report on a Statistical Analysis.* Helsinki, 1991. (Slavica Helsingiensia, 9).
- Mustajoki, Niemensivu 1995 — *Mustajoki A., Niemensivu H.* *Veräjän kielen valokuvia.* 3rd ed. Helsinki: Gaudeamus, 1995.
- Niemensivu 1991 — *Niemensivu H.* *Suomen olla-verbin vaitineita venäjässä // Aspekti.* 1991, 2. S. 74–84.
- Nilsen, Nilsen 1975 — *Nilsen D. E. P., Nilsen A. P.* *Semantic Theory: A Linguistic Perspective.* Rowley, Mass.: Newbury House Publishers, 1975.
- Nord 1997 — *Nord Ch.* *Translation as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained.* Manchester: St. Jerome, 1997.
- Niininen et al. 1997 — *Niininen R., Lehtokoski A., Lemme M., Cheour M., Haavilainen M., Ivanov A., Paavio M., Alho P., Ilmoniemi R., Luuk A., Alho J., Sinkkonen J., Alho K.* *Language-specific Phonemic Representations Revealed by Electric and Magnetic Brain Responses // Nature.* 1997, 385-6615. P. 432–434.
- Panayotov 1994 — *Panayotov J.* *Valency Frames and the Meaning of the Sentence // The Prague School of Structural and Functional Linguistics / Ed. Ph. A. Leachdorff.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 223–243. (Linguistic & Literary Studies in Eastern Europe, 41).

- Panayotov 1998 — *Panayotov J.* Ellipses and Zero Elements in the Structure of the Sentence // *Труды Института лингвистических исследований РАН. Сер. Лингвистика и языковедение* / Под ред. Н. А. Котвицкой, А. Г. Орлоффой. СПб.: Наука, 1998. P. 67–76.
- Pavlenko 2002 — *Pavlenko A.* Emotions and Body in Russian and English // *Pragmatics & Cognition*, 2002. Vol. 10, No. 1–2. P. 208–241.
- Papkin, van Peteghem 2003 — *Papkin K., van Peteghem M.* External vs. Internal Possessor Structures and Indefiniteness in Russian // *Russian Linguistics*, 2003. № 27. P. 329–348.
- Pete 1984 — *Pete J.* Semantic Types of Approximate Quantitative Relations in Russian and Hungarian // *Contrastive Studies Hungarian-Russian* // Ed. F. Popp. Budapest: Akadémiai kiadó, 1984. P. 69–85.
- Popper 1972 — *Popper K. E.* Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. London: Oxford Univ. Press, 1972.
- Popper 1992 — *Popper K. E.* Unended Quest: An Intellectual Autobiography. London: Routledge, 1992.
- Pyyöläinen 1996 — *Pyyöläinen I.* Belief and Beyond. Religious Categorization of Reality. Turku, 1996.
- Pyyöläinen 2004 — *Pyyöläinen I.* Implicit and Explicit in Religious Thought // *Journal of Cognition and Culture*, 2004. 4/1. P. 123–150.
- Ranta 1991 — *Ranta J.* Intuitionistic Categorical Grammar // *Linguistics and Philosophy*, 1991. 14. P. 203–239.
- Reichenbach 1947 — *Reichenbach H.* Elements of Symbolic Logic. N. Y.: McMillan, 1947.
- Robberecht, van Peteghem 1983 — *Robberecht P., van Peteghem M.* A Functional Model for the Description of Modality in Contrastive Analysis // *Cross-Language Analysis and Second Language Acquisition*, 2 / Ed. K. Sajavaara. Jyväskylä, 1983. P. 133–165. (Jyväskylä Cross-Language Studies, 9–10).
- Rosch 1973 — *Rosch E.* On the Internal Structure of Perceptual and Semantic Categories // *Cognitive Development and the Acquisition of Language* / Ed. T. E. Moore. N. Y.: Academic Press, 1973. P. 111–144.
- Ross 1967/1986 — *Ross J. R.* Infinite Syntax! N. Y.: Newwood, 1986. [*Ross J. R.* Constraints on Variables in Syntax, MIT dissertation, 1967].
- Ross 2001 — *Ross Ch.* Tunnel Visions: Journey of an Underground Philosopher. London: Fourth Estate, 2001.
- Rüdika 1980 — *Rüdika K.* Studien zum Verhältnis von Syntax und Semantik im modernen Russischen. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. (Sammlung Akademie-Verlag, 35).
- Scarborough-Earhart 1979 — *Scarborough-Earhart C.* Syntactic Reflection of Semantic Categorization in the English Verbal System: Unpublished Ph.D. dissertation, Brown Univ., 1979.
- Schneider 1967 — *Schneider K.* Der russische «Aspekt» als Sonderfall eines allgemeinen Aspektbegriffes // *Scando-Slavica*, 1967. 13. S. 181–196.

- Saele 1976 — Saele J. R. Classification of Illocutionary Acts // *Language in Society*. 5. Cambridge etc., 1976. P. 1–23.
- Saele 1979 — Saele J. R. Expression and Meaning. Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press, 1979.
- Spall 1994 — Spall P. Meaning, Reference and Discourse Patterns // *The Prague School of Structural and Functional Linguistics* / Ed. Ph. A. Luchsdorff. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 277–309. (Linguistic & Literary Studies in Eastern Europe, 41).
- Spall 1997 — Spall P. Structure, Meaning and Use // *Reconnecting Language: Morphology and Syntax in Functional Perspectives* / Ed. A.-M. Simon-Vandenbergen, K. Davids, D. Noël. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 70–98. (Current Issues in Linguistic Theory, 154).
- Spall et al. 1969 — Spall P., Nerbený L., Gorališková A., Hajičová E. A Functional Approach to Syntax (in *Generative Description of Language*). N. Y.: American Elsevier, 1969.
- Shibatani 1972 — Shibatani M. Three Reasons for not Deriving «Kill» from «Cause to Die» in Japanese // *Syntax and Semantics*. 1 / Ed. J. P. Kimball. N. Y.; London: Seminar Press, 1972. P. 125–137.
- Siewierska 1991 — Siewierska A. Functional Grammar. London: Routledge, 1991.
- Štubbe 1998 — Štubbe A. Representations of States of Affairs in German // *Issues of Valency and Meaning. Studies in Honour of Jarmila Paseková* / Ed. E. Hajičová. Prague: Karolinum; Charles Univ. Press, 1998. P. 272–281.
- Talmy 1975 — Talmy L. Semantics and Syntax of Motion // *Syntax and Semantics*. 4 / Ed. J. P. Kimball. N. Y. etc.: Academic Press, 1975. P. 181–238.
- Taylor 1921 — Taylor J. S. Functional Grammar // *School and Society*. 1921. May 7th. P. 547–551.
- Taylor 1989 — Taylor J. R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Tessière 1959 — Tessière L. Éléments de syntaxe structurale. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1959. (Ihš pyč. št.: *Тезисы Л. Оссюма о структурной грамматике*. М.: Проспект, 1988).
- Theilä 1984 — Theilä N. Coherence, Perspective and Aspectual Specification in Slavic Narrative Discourse // *Aspect Bound: A Voyage into the Realm of Germanic, Slavic and Finno-Ugrian Aspectology* / Ed. C. de Groot, H. Tuomola. Dordrecht etc.: Foris Publications, 1984. P. 225–238.
- Theilä 1990 — Theilä N. B. Verbal Aspect in Discourse: on the State of the Art // *Verbal Aspect in Discourse* / Ed. N. B. Theilä. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1990. P. 3–88. (Pragmatics & Beyond, NS 5).
- Timberlake 1982 — Timberlake A. Invariance and the Syntax of Russian Aspect // *Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics* / Ed. P. J. Hopper. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1982. P. 305–331.
- Timberlake 1985 — Timberlake A. The Temporal Schemata of Russian Predicates // *Issues in Russian Morphosyntax* / Ed. M. S. Flax, R. D. Buech. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. P. 35–57. (UCLA Slavic Studies, 10).

- Tirkkonen-Condit 1996 — *Tirkkonen-Condit S. Towards a Prototypical Definition of Translation // Translation and Meaning, 4 / Ed. by M. Thelen, B. Lewandowska-Tomaszczyk. Maastricht: Hogeschool Maastricht, 1996. P. 89–96.*
- Toimela 1982 — *Toimela H. On the Semantics of «Situations» and «Events» // Terminologie et traduction, T. B. Vaara, 1982. P. 80–119. (Vaaran korkeakoulun julkaisuja, Tutkimuksia 80, Filologia 7).*
- Toimela 1984 — *Toimela H. On the Aspectual Significance of «Phase Meanings» // Aspect Bound: A Voyage into the Realm of Germanic, Slavic and Finno-Ugrian Aspectology / Ed. C. de Groot, H. Toimela. Dordrecht etc.: Foris Publications, 1984. P. 111–122.*
- Van Valin 2001 — *Van Valin R. D., Jr. An Introduction to Syntax. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.*
- Van Valin, LaPolla 1997 — *Van Valin R. D., Jr., LaPolla R. J. Syntax: Structure, Meaning and Function. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.*
- Vandier 1967 — *Vandier Z. Linguistics in Philosophy. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 1967.*
- Verkuyl 1972 — *Verkuyl H. J. On the Compositional Nature of Aspects. Dordrecht: Reidel, 1972.*
- Vlach 1981 — *Vlach F. The Semantics of the Progressive // Syntax and Semantics, 14. Tense and Aspect / Ed. P. J. Tedeschi, A. Zaenen. N. Y. etc.: Academic Press, 1981. P. 271–292.*
- Wade, White 2004 — *Wade T., White N. Using Russian Synonyms. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.*
- Wierzbicka 1980 — *Wierzbicka A. Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language. Sydney etc.: Academic Press, 1980.*
- Wierzbicka 1988 — *Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. (Studies in Language Companion Series, 18).*
- Wilkins 1976 — *Wilkins D. A. National Syllabuses. Oxford: Oxford Univ. Press, 1976.*
- Winkler et al. 1999 — *Winkler I., Kajala E., Tittinen H., Sironen P., Aika P., Lehtokoski A., Crigler L., Cejpe F., Smasieni R., Näätänen E. Brain Responses Reveal the Learning of Foreign Language Phonemes // Psychophysiology, 1999, 36, P. 638–642.*
- Wingrad 1983 — *Wingrad T. Language as a Cognitive Process. Reading, Mass. etc.: Addison-Wesley, 1983.*
- Wittgenstein 1953 — *Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford: Basil Blackwell, 1953.*
- Wójcik 1973 — *Wójcik J. Grammatyka języka polskiego: Studium Kontrastywne. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973.*
- Wunderlich 1970 — *Wunderlich D. Die Rolle der Pragmatik in der Linguistik // Der Deutschunterricht, 1970, 22, 5, 3–45.*

- Wunderlich 1971 — Wunderlich D. Pragmatik, Sprechsituation, Deixis // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 1971, 1–2, S. 3–41.
- Zabrocki 1970 — Zabrocki L. Grundfragen der kontrastiven Grammatik // *Probleme der kontrastiven Grammatik*. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1970, S. 31–32. (Sprache der Gegenwart, Bd VIII).
- Zineč 1980 — Zineč R. *Sémantická výstavba vety*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1980.

Индекс терминов

- Абсолютно* 195
Абсолютное время 312
Абсолютное/ относительное количество 397, 423
Автономная ориентация / лингвистика 107
Авторитетор 219
Авторитатив (модификатор. Aut) 43, 44, 82, 87, 153, 156, 178, 214, 217, 238, 250, 254, 264, 265, 271, **284–291**, 338, 342, 359, 420
Автор мнения (модификатор) **285–287**, 420
Агентив 195
Агенис (агент. A) 29, 41, 46, 47, 76, 122, 152, 158, **160–162**, 163, 164, 165, 166, 168, 169, 170, 172, 173, 175, 176, 180, 181, 182, 186, 188, 200, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 223, 226, 227, 228, 231, 232, 234, 235, 238, 241, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 263, 266, 267, 268, 269, 272, 273, 274, 275, 276, 278, 279, 280, 281, 283, 285, 319, 320, 323, 324, 327, 328, 329, 334, 342, 344, 360, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420,
Агентивность 194
Адвербиальные компоненты 116, 191,
Адекватность 88, 115, 120, 151, 172, 147, 404, 427
Адресат 47, 127, 160, 196, 252, 291, 292, 287
Астивт 23, 35, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46–48, 60, 66, 67, 152, 153, 155, **156–178**, 179, 180, 181, 182, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 203, 208, 211, 213, 214, 216, 217, 218, 219, 221, 224, 226, 227, 229, 235, 237, 238, 239, 247, 298, 312, 332, 354, 355, 356, 357, 338, 339, 342, 343, 346, 356, 360, 367, 395, 412, 413, 414, 415, 416, 419, 421, 413, 424
Активная грамматика 21, 53, 111, 160, 167
Астор 195
Актуальные действие / положение дел см. Актуальность / неактуальность положения дел
Актуальное членение, функциональная перспектива предложения 40–42, 66, 108, 116, 117, 146, 159, 166, 191, 200, 333,
Актуальность / неактуальность положения дел (селектор), актуальное членение, (не)актуальность по времени, элизионность 32, 72, 96, 153, 156, 164, 174, 181, 182, 185, 184–185, 186, 187, 208, 210, 212, 213, 220, 229, 236, 240, 242, 291, 302, **307–310**, 311, 312, 327, 331–332, 333, 362, 368, 370, 415, 416, 421, 422
Амбиерсенца 99

- Аналитическая система языка 110
 Аналитическое выражение 44–46, 178–179, 243, 248, 268, 425
 Антропологическая ориентация / лингвистика 107
 Аргумент 49, 67, 68, 99, 137, 158, 182, 193, 220,
 Асимметрия 18–19, 37, 71, 81, 120, 154, 204, 355,
 Аспективное положение дел см. Актуальность / неактуальность положения
 дел
 Аспект 81, 348
 Аспектуальная парадигма 353
 Аспектуальная схема 321–322
 Аспектуальность (спецификатор, Asp), аспектуальные значения / свой-
 ства 35, 80–81, 99, 105, 113, 114, 143, 144, 153, 183–185, 188, 190, 191,
 208, 233, 236, 251, 266, 268, 294, 301, 302, 307, 313, 315–316, 316–336,
 336, 362, 379, 391, 397, 398, 413, 415, 421–422
 Ассистивная конструкция (модификатор, «ПОМОГАТЬ») 283, 420
 Ассоциативная грамматика 140–142
 Атрибутивные отношения 50, 126, 155, 166, 228, 229
- Безличные глаголы 219
 Бенедиктант (Актант, B4) 169, 196, 206, 286–287,
 Будущее время (спецификатор, Temp = FUTURE) 80, 86, 198, 201, 264, 288,
 303–306, 309, 313, 314, 316, 352, 370, 379, 421
 Будущее время (языковая категория) 29, 37, 80, 259, 334,
 Бытие см. Существование
 Бытийные / экзистенциальные глаголы 221, 245, 247
- Валентность, теория валентности 43, 46–49, 66, 67, 68, 134, 195
 Вариант см. Непараллель
 Вещественный аспект 160, 170, 206, 224, 334, 335, 336, 414
 Вид (языковая категория) 81, 302, 306, 316–317, 322, 348
 Виртуальный мир 28–29, 42, 59, 63, 264–265, 418
 Внутренний мир 29–30, 59, 256, 412
 Внутренняя речь 56
 Возвратные глаголы 158, 148
 Возможность (Модальная форма) 269–270, 419
 Вопрос (Речевая функция) 257–258, 418
 Вопрос-побуждение 258
 Пространная рамка 311, 312–313
 Прямой ориентир (спецификатор) 153, 259, 302, 312–316, 341, 361, 365–
 366
 Прямой (языковая категория) 80
 Время, собственно время (спецификатор, Temp) 80, 302–307
 Время события (E) 104, 303–307, 315, 317, 347
 Выбор неопределённости 40–42, 66, 159, 163
 Выход (спецификатор, Логическое соотношение) 368–369, 424

- Генеративная грамматика / семантика / ориентация, переводящая грамматика 27, 88, 93, 104, 107, 111, 124, 130, 136, 137, 141, 142, 146, 379, 382
- Гиперроль 195
- Гипотезность 114, 153, 262, 263, 264, 293, 314
- Глаголы движения 244, 249
- Глаголы комплексной полипрелегитивной семантики 352
- Глаголы речи 214, 244, 286
- Глаголы с неполной знаменательностью 67, 118, 200
- Глаголы сведения (и утраты) 196, 223, 224
- Глагольно-именные словосочетания 44
- Глубинная лексема см. Металексема
- Глубинная структура, глубинный уровень / слогов, глубинно-огласовки 20, 28, 35–37, 44, 46, 48, 63, 66, 68, 88, 101, 102, 103, 104, 124, 155, 156, 178, 191, 194, 200, 246, 352, 379, 390, 392, 412
- Глубинный слог 134, 193, 197, 198, 427
- Говорящий см. Полная говорящего
- Грамматикализация 37, 58, 78, 105, 296, 317
- Грамматическая синонимия см. Синонимия
- Д**
- Дважды** (ядерная структура) 23, 98, 209–211, 243, 244, 279, 342, 349, 371, 420, 424
- Двойное отрицание** 300
- Действие** (прелегитив, Ас) 25, 46, 70, 71, 76, 77, 79, 84, 98, 102, 103, 118, 119, 122, 143, 152, 158, 159, 160, 161, 165, 166, 167, 169, 170, 174, 179, 180, 181, 184, 185, 186–189, 195, 198, 199, 200, 201, 202, 203–226, 230, 231, 234–235, 240, 242, 244, 247, 258, 262, 266, 271, 278, 280, 283, 293, 307, 312, 316–331, 342, 412, 413, 414, 415, 417
- Действие и противодействие** (ядерная структура) 203, 415, 417
- Действительность** 18, 25–33, 34, 47, 48, 70, 82, 96, 102, 113, 124, 138, 156, 164, 230, 263, 287, 316, 317, 319, 332, 373, 412, 422
- Объект-Делегатив** 166
- Делегативное значение совершенного вида** 326, 345, 397
- Делегативное значение** 82–85, 88, 89, 100, 102, 138, 190, 200, 276, 367, 382, 425
- Делегативная роль** 121, 123, 193
- Делегативный уровень** 27, 62, 121
- Делы** (континг) 157
- Деоитическая ситуация** (модификатор, «ЗАСТАВЛЯТЬ») 280–281
- Дескриптивная грамматика** 141–143
- Детальность** (ядерная структура) 39, 163, 179, 187, 203, 205–207, 211–220, 233, 293, 341, 415, 417
- Диктор** 40–42, 128, 139, 191, 351
- Диктум** 60, 98
- Динамическая грамматика** 147
- Динамическое положение для** (Адр = DYN), динамичность / неподвижность, динамическое значение 102, 183, 184, 189, 202, 209, 214, 236, 244,

- 273, 307, 318, 319, **321–322**, 323, 325, 326, 328, 329, 330, 348, 349, 350, 351, 397, 416, 422
- Дискретный объект** 196, 327
- Дискретный тип** 347
- Дистрибуция, дистрибутивная конструкция / ситуация** 347
- Длительно-процессуальное / Длительно-динамическое значение (Аспектуальность)** 315–316
- Длительность действия / состояния** 32, 63, 79, 229, 234, 304, 308, 319, 328, 345
- Длительной / долговременной уровень** 23
- Достоверность (Авторитетная эмпирическая модальность, ModEr)** 35, 61, 62, 219, 269, 284, **287–289**, 296, 359, 420
- Единственный (интерпрет.)** 195
- Желательность (Модальная форма)** 269, 272, 419
- Значение см. Демонстративное значение, презентативное значение**
- Идентификационное отношение (продукт, BId)** 188, 413
- Идентификация (продукт, Id; ядерная структура)** 39, 159, 164, 180, 181, 183, 185, 186, 187, 188, 192, 204, 213, 225, 240, **241–243**, 245, 247, 248, 275, 343, 357, 358, 360, 372, 416, 417, 424
- Идентифицирующее действие (продукт, AId)** 188, 213, 413
- Идеографическая грамматика, идеографический подход** 11, 19, 27, 53, 56, 109–110, 122
- Изменение / появление / исчезновение (инварианта) физического состояния (ядерная структура)** 204, 236
- Изменение и разрушение (ядерная структура)** 203, 417
- Изменение локация (ядерная структура)** 191, 203, 207, **209–210**, 243, 245, 278, 417
- Изменение обладания (ядерная структура)** 203, 227, 417
- Изменение окружающей среды и природы (ядерная структура)** 204, 238, 417
- Изменение тона (модификатор, Tono)** 263, 275–276
- Изменение физиологического / эмоционального состояния (ядерная структура)** 172, 177, 189, 204, **238, 234**, 278, 389, 416, 417
- Изменение характеристик (ядерная структура)** 204, 241, 417
- Изomorфный элемент** 42
- Изосмысленность / изотосмысленность** 103, 119
- Износительная ориентация** 107
- Изъяты** 54, 84, 96, 101, 102, 423
- Интерпретные свойства (исполноты)** 159–160, 161, 170
- Интерпретные свойства (продуктов)** 183–184
- Изключительное отношение** 172, 206
- Изморфология** 44, 47, 49, 67, 139, 157, 170, 179, 206, 210, 424, 425

- Инструмент** (астант, I) 47–49, 122, 127, 139, 157, 158, **170**, 172, 173, 190, 197, 206, 210, 211, 224, 243, 404, 415
- Инструменталь** 197
- Инструментальность** 53, 336
- Интеллектуальные действия** (аргумент, АсИн) 98, 166, 180, 187, **213**, 223, 227, 415
- Интеллектуальная деятельность** (ядерная структура) 79, 203, 207, **213–220**, 244, 417
- Интеллектуальное отношение** (аргумент, ИИот) 98, 188, 203, **219**, 271, 415, 417
- Интенциональность, интенциональный компонент смысла высказывания** 60–61
- Интерпретационный** 104
- Иггундла** 38, 89, 92, 131, 426
- Идиформант** 63, 70, 142
- Ирреальность** (модификатор, Irreal) 258, 262, 263, **264–265**, 293, 369–370, 418
- Источники** (астант, S) 22, 168, **170**, 173, 217, 227, 257, 286, 414
- Исчленивание и повлиание** (ядерная структура, Существование) 203, **223–225**, 417
- Извративность** 347, 353
- Картина мира** 38, 59, 61, 64, 73, 246, 354, 412
- Категориальная ситуация** 55, 113–114
- Категориальное мышление** 22–23, 200
- Каузальная ориентация** 107
- Каузативное действие** (АсСам) 158, 223, 278
- Каузатор** 76, 77, 174–177, 197, 198, 236, 238, 241, 418, 419
- Каузативы / Каузативность** (модификатор, Салл) 56, 64, 74, 75–77, 87, 98, 153, 174–177, 178, 191, 205, 215, 220, 223, 236, 234, 250–252, 256, 264, **277–284**, 293, 295, 418, 419–420
- Каузативы умения** (модификатор, «УЧНТЬ») **283–284**, 420
- Катангенс** 176
- Катановалликтор** 245
- Квалификация** 187
- Квалификационная ситуация** 61
- Квантификаторная см. Количество**
- Квантор** 353
- Классификатор** 67
- Клауза** 372
- Когнитивная грамматика** 136–137
- Когнитивная категория** 27
- Когнитивная функционально-семантическая парадигма** 146
- Количественность** 113, 354
- Количество** (определитель, Quant), квалификация 119, 153, 155, 174, 223, 237, 298, 311–312, **336–338**, 354, 373, 413, 422, 423
- Коллективный аспект / тип ситуаций, коллективное действие** 194, 211, 347

- Коммуникативная компетенция 391, 406–408
 Коммуникативная парадигма 52, 146
 Коммуникативная перспектива 113, 200
 Коммуникативная роль 98
 Коммуникативная ситуация 60, 270
 Коммуникативная установка 102
 Коммуникативная верность 160
 Коммуникативное поведение 392
Коммуникативно-семантическая сфера 152, 203, 215, 226, 232, 243, 246, 417
 Коммуникативные потребности / измерения / цели (говорящего) 25–26, 36, 85, 146, 155, 190, 203, 206, 406, 417
 Коммуникативный акт 20, 291
 Коммуникативный метод 403–406
 Комментаторы 87, 118
 Комментация 82, 131, 141–143, 381, 404, 406–408, 410
 Количественные глаголы / видовые пары / значения 81, 100, 268, 328, 333
 Конденсация 36, 66, 176, 182, 196
 Конкретизатор 126–127,
Конкретные соотношения 355, 356–360, 424
 Константа см. Словоизменения
 Контрастная лингвистика / контрастное описание 378–393
 Конструирование ситуации 55
 КонтрАгент 244
 Контролируемость / неконтролируемость (действия) 132, 161–163, 183–184, 195, 208–209, 213, 217, 218, 221, 226, 232, 233–234, 246, 269, 295, 320, 323, 324, 414, 415, 419
 Конфронтативное исследование 390
 Концептуальная категория 27, 193
Косвенные / непрямо выраженные смыслы 85, 103, 104, 260, 270, 299, 300, 367, 371, 373, 426
Кратко-процессуальное значение (Аспектуальность) 325–326, 330
 Краткость 345
 Краткий 165

 Лексикализация 43
 Лексические функции 52, 124
 Лексикогрэматика 127
Лексические соотношения 355, 356, 361, 366–372, 424–425
 Лексичный вопрос см. Риторический вопрос
 Локализация / локализованность (во времени), временная локализованность см. Аспектуальность / неактуальность положения дел
Локации (предикат, Lc) 83, 171–172, 180, 182, 186, 187–188, 191, 192, 195, 200–201, 203, 207–211, 220–221, 225, 338–339, 354, 415, 417
Локации и ее изменение (ядерная структура) 171, 191, 203, 207–211, 243, 245, 278, 417

- Макророль 134
 Маршрут 171
 Матрица (адаптив) 197
 Медитация 197
 Металлингвистика **39–40**, 43–45, 66, 75, 152, 153, 178, 215, 250–284, 285, 298, 412, 418–419, 420, 421
 Металлингвистика **39–40**, 65, 66, 75, 250, 269–272, 276, 287–291, 334–338, 412, 419, 420, 423
 Метанорматив **40**, 339–342, 423–424
 Метасмысл **35**, **40**, 127, 152, 154, 155, 158, 281, 278, 355–372, 395, 396, 413, 423, 424–425
 Метафорическая 160, 176, 177, 197
 Металекс, метатекст 26, 38–39, 45, 64–65, 178
 Место (адаптив, L) 160, **170–172**, 175, 182, 207–208, 211, 221, 237, 238, 338, 414, 415, 423
 Место (словафикатор, Loc) 153, 298, **338–342**, 354, 422, 423–424
 Микро-/ макросемантика 391
 Многозначность, многофункциональность, мультифункциональность, полифункциональность 50, 74, 78, 98, 108, 287, 302, 336, 364, 365
 Множественное число (PLURAL) 211
 Модальный фаз (модификатор, ModPhase) 255, 256, 263, 264, 265, 267, **268–272**, 380, 395, 418, 419
 Модальность 55, 74–75, 82, 97, 99, 105, 113, 116, 117, 127, 144, 191, 293, 294
 Модально-тематический слогон 295
 Модификатор 34, 82, 87, 118, 127, 139, **152–153**, 155–156, 158, 178, 243, **250–297**, 298, 392, 395, 412, 413, 414, 417–420, 421
 Модус 74–75, 98
 Момент референции (R) **303–316**, 348
 Момент речи (S) 104, 114, 243, **303–316**, 348, 361
 Моментальное положение дел (Asp = MOM) 274, 302, 304, 313, 318, **320**, 321, 323, 325, 350, 362, 363, 422
 Моментально-процессуальный предикат 330
 Моментальность / отсутствие моментальности 183, 184–185, 189, 190, 229, 233, 238
 Моментальный слогон 254, 295, 347, 349, 351
 Мыслительная категория / мыслительный уровень 27, 146

 Наблюдатель 58, 92, 354
 Наивная / лучшая картина мира 61, 75, 232, 246, 354, 412
 Наказ **85–86**, 103, 260, 300, 426
 Настоящее время (словафикатор, Temp = PRESENT) 80, 86, 99, 104, **303–305**, 309, 314, 421
 Настоящее время (языковая категория) 20, 80, 334, 382
 Непотуальное действие / положение дел см. Актуальность/ неактуальность положения дел

- Независимость действия 77, 95, 163
 Незаполненность см. Незоленность
 Нейтрали (агтант, N) 164, 172, 173, 174, 182, 186, 188, 207, 208, 209, 221, 227, 235, 236, 238–239, 310, 318, 335, 358, 414, 415, 416
 Незоленность (Модальная форма) 21, 263, 265, 269, 270–272, 280, 291, 294
 Незоленность (Тавтологическое соотношение) 361, 363–366, 396, 424
 Незоленность см. Многозначность
 Неопределенный (Det – INDEF) 332–335, 422
 Неопределенно-личное значение 83, 99
 Неоповторяющееся положение дел см. Повторяющееся положение дел
 Неополнозначительный глагол см. Глаголы с неполной значительностью
 Нерешенный мир см. Виртуальный мир
 Несовременный аспект 80–81, 329, 348
 Несовременный вид 81, 100, 315, 348, 352, 396
 Неточное абсолютное количество (спецификатор) 339, 423
 Неточное относительное количество (спецификатор) 339, 423
 Нефакулативность (агтантов) см. Факулативность агтантов
 Номинативная 43
 Номинативно-прагматическая парадигма 107
 Норма(тивность) 30, 52, 71, 90, 92, 104, 105, 142, 167
 Норма (общественная) 296, 354, 360
 Номинативная категория 27
- Обладание (продикат, P; ядерная структура) 36, 77, 162, 179, 181, 186, 187–188, 199, 204, 226–228, 278, 383, 415, 417, 425**
Обобщенность (спецификатор, Det = ABSTR) 110, 194, 335–336, 354, 373, 422
 Обобщенно-личное значение 99
Образ и способ действия (спецификатор, Mod) 153, 171, 298, 342–344, 358, 359, 422, 424
 Обусловленность, категория обусловленности 113, 366, 372, 373
Общая значительная (ядерная структура) 188, 203, 220, 417
Общеспецификативный / общенормативный (вопрос) 297–298
Объект (агтант, O) 41, 48, 66, 76, 122, 126, 132, 134, 158, 163, 165–168, 169, 172, 173, 174, 180, 181, 186, 203–220, 223–225, 226, 229, 231, 235, 240, 244, 252, 278, 282, 322, 323, 326–328, 339, 412, 413, 414, 415, 417, 419
 Объект содержания 158, 194
 Объявление 292
Обязательный модификатор 152, 155, 250
Ограниченно-процессуальное значение (Актуальность) 326, 328
Одновременность (Тавтологическое соотношение) 154, 358, 361–363, 396, 424
 Одновременность 156, 159, 167, 194–195, 196
 Омонимия 18–19, 50, 51, 129, 344
 Онтологическая категория, онтологический подвид 27, 57, 97, 109–110
 Онтология, онтологическая категория 25, 27, 33–34, 195, 298

- Определённая характеристика** (ядерная структура) 204, 417
Определённость / неопределённость (спецификатор, Det) 37, 64, 66, 78, 105, 128, 143, 153, 157, 174, 332–336, 353, 379, 391, 413, 422
Определённый (Det – DEF) 332–336, 422
Ориентация 40–42, 66, 169
 Ортотопическое существительное, существительное, мотивированное глаголом 154, 174
Отвлечённый аспект 160, 170, 414
 Относительное время 312–314
Отношение (аргумент, R) 179, 181, 186–188, 199, 200, 203, 212, 217, 218,–219, 229, 231, 241, 415, 417
 Отождествление 241
Отрицание (спецификатор, Neg), утверждение 40, 75, 87, 143, 153, 155, 157, 288, 298–301, 344, 421
Оценка (Акториация) 153, 254, 284, 289–291, 420

 Парадигматика 113, 123
 Партиципий 116, 121, 194
 Пассивная грамматика см. Активная грамматика
 Пафос 395
 Падежи 122, 193
 Падежиты 195
 Переводческая эквивалентность 379, 380–381, 392
Переходные / промежуточные случаи, переходные тоны 58, 72, 73, 78–81, 99, 154, 156–157, 161, 185, 206–207, 210, 234, 237, 240, 246, 262, 271, 290, 304, 320, 338, 353, 355
Передата (ядерная структура) 122, 168, 204, 278, 417
Передата информации (ядерная структура) 79, 87, 168, 203, 213, 214–217, 223, 417
Передвижение, Передвижение и лексика (ядерная структура) 203, 205, 207, 210, 243, 244, 343, 415, 417
Перемещение Агентом Объекта (ядерная структура) 170, 203, 210, 211, 243, 417
 Переходный / непереходный глагол 158, 319
Период (референция) (актуальное значение) 303, 307, 312–314, 397, 421
Пермиссивная конструкция (модификатор, «ПОЗВОЛИТЬ») 282, 296, 420
 Перспектива говорящего см. Выбор перспективы
 Перфектность 218, 274, 351, 352
 Перформативное сообщение, перформативный глагол 43, 103, 178, 214, 244, 258, 260, 292, 293
Побуждение (Речевая функция) 43, 85, 86, 87, 111, 117, 253, 254, 256, 258–260, 271, 272, 281, 292, 418, 426
Поверхностная структура, поверхностное предложение, поверхностный глагол, формальная структура 24, 25, 35, 37–40, 42–49, 51, 68, 70, 73, 81–93, 97, 101, 102, 103, 104, 114, 125, 131, 135, 151, 154, 157, 162, 164, 174,

- 176, 190, 193, 195, 200, 258, 266, 276, 278, 280, 282, 292, 299, 411, 412, 418, 423–426
- Поверхностный уровень** 21–22, 34, 43, 44, 47, 102, 118, 124, 132, 154, 157, 164, 171, 178, 193, 250, 257, 273, 279, 281, 287, 298, 312, 322, 341, 385, 418, 426
- Повествование 86–87, 104, 252, 253, 307, 396, 397, 418
- Поворотный момент (Аспектуальность)** 317–318, 321–324, 331, 332, 349, 350, 351
- Повторяемость положения дел (Темпоральность)** 153, 302, 310–312, 345, 346, 357, 370, 421
- Погружение** 76, 154–155, 166, 173–174, 176, 191, 192, 223, 226, 228, 238, 278, 344, 353, 358, 372, 413, 419
- Позиция говорящего** 20, 21, 24, 25–27, 30, 31–34, 35, 36, 40–41, 47–48, 52–53, 54, 56, 57, 58, 60–64, 74, 82, 84, 85, 86, 91, 102–103, 105, 109, 110, 124, 126, 137, 139–140, 141, 146, 147, 148, 159–160, 168, 193, 198, 203, 222, 230, 250–291, 319, 331, 342, 343, 350, 351, 368, 395, 400, 411, 412, 420
- Позиция слушающего** 20, 21, 52–53, 85, 86, 104, 168, 222, 254, 352, 403, 422
- Полемика** 51, 218
- Полифункциональный, полифункциональность** см. Многозначность
- (Полюфункциональные глаголы 84, 118, 200, 245)
- Получение дел** 20, 26, 30–33, 34–35, 40–49, 54–55, 56, 58, 59, 60, 63, 74, 76, 82–84, 88, 116, 118, 125, 127, 132, 153–155, 156–157, 174–175, 178, 296–297, 412, 413–416
- Получитель (актант, R1)** 47, 160, 169, 192, 196, 227
- Получение информации (адерная структура)** 47
- Позитивная / позитивно-аффективная категория** 27, 57, 68, 75, 79, 99, 115–116, 128
- Позитивное поле** 115
- Позитивный план / уровень** 18
- Порождение грамматики** см. Генеративная грамматика
- Порождение речи** 23, 27, 34, 42, 53, 56, 151, 159, 411
- Посессивная конструкция, посессия** см. Обладание
- Посessor (актант)** 169, 195, 197,
- Потенциальное действие** см. Ирреальность
- Прагматика, прагматический фактор / уровень** 82, 85–87, 90, 94, 106, 126–127, 131, 137, 148, 262, 244, 285, 350, 392, 411
- Препятствия ситуации (модификатор, «ПРЕПЯТСТВОВАТЬ»)** 281–282, 420
- Предварительная стадия (модификатор, PrePhase)** 153, 178, 263, 264, 266–268, 272, 293, 418–419
- Предельность / ширедельность** 132, 184, 189, 350
- Предикат** 34–35, 39, 41, 44, 67, 68, 75–76, 77–79, 98–99, 116, 121–122, 126, 130, 134, 152–155, 156, 178–191, 193, 194, 200–201, 203, 412, 413, 415–416, 421, 424
- Предикат внутреннего состояния** 59–60, 196
- Предикатный актант** 174–175, 197

- Предполагаемый излучатель** (Семант, R3) 169, 224, 227
- Предикативное значение** 82–84, 102, 138, 176, 190, 267, 287, 382, 425
- Претеритивный** 195
- Претеритивный предикат** 84, 186–189
- Принципы** 23, 36, 65–66, 412
- Принципы** 195
- Противительные отношения** 126, 228
- Прочитая** (Логическое соотношение) 196, 246, 366–367, 368, 371, 373
- Прочитно-следственные отношения, прочитно-следственная связь** 21, 22, 36, 75–76, 98, 121, 282, 295, 344, 360, 373, 419
- Применение** (Решения функции) 254, 260–261, 418
- Продуктивная грамматика** 147
- Промежуточные случаи см. Переходные случаи**
- Протоны** 58, 60, 61, 98, 116, 117, 166, 191
- Простая семантическая структура** 152–153, 154, 155, 192, 250–251, 263, 353, 358, 413, 424
- Простая семантическая структура с погружением см. Погружение**
- Противопет** 122
- Протонан, вторая протонан** 95–96, 102, 392
- Протонан, протонантический случай** 156, 159, 160, 161, 165, 175, 232, 318, 323, 329, 330, 414
- Противительная конструкция** (модификатор, «ЗАПРЕЩАТЬ») 282–283, 420
- Прочнее** (асимметричное значение) 44, 80, 179, 180, 189, 191, 202, 217, 236, 237, 244, 245, 274, 294, 302, 306, 312, 317–318, 320, 321, 323, 325–326, 327–332, 348, 349, 350, 352, 362, 396, 416, 421–422
- Процессуальное положение для** (Asp = PROC) 171, 209, 267, 273, 312, 313, 318–319, 321–322, 325–326, 350, 363, 421
- Процессуально-результативный предикат** 328
- Процессуально-терминальный предикат** 329
- Процессуальный предикат** 328
- Прочнее время** (классификатор, Temp = PAST) 80, 153, 303–305, 313, 352, 370, 421
- Прочнее время** (языковая категория) 80, 86, 314, 334
- Прямая коммуникация** 86–87, 252–253
- Псевдовопрос см. Риторический вопрос**
- Псевдоимп** 59
- Псевдонимическая категория** 27
- Расширенная (простая) семантическая структура** 153, 154, 155, 175, 205, 250, 413, 424
- Реализационная база предложения** 117, 191
- Реальность** 27, 24, 58, 59, 63–64, 128, 170, 293, 319
- Реальность** (языковая) 64, 96
- Реальный шаг** 28–30, 33, 57–58, 60, 63, 265, 336, 412
- Регистр-рем** 90, 105

Редукция 43

Результатив 351 (см. также Результативный объект)

Результативное положение дее (Aor – RES) 80, 207, 209, 223, 229, 236, 295, 302, 307, 311, 313, 315, 321, 323–324, 325, 328, 348, 349, 350, 351, 352, 363, 397, 416, 422

Результативно-ментальное положение дее (Aor – RES-MOM) 324, 325, 329, 352

Результативно-стативное положение дее (Aor – RES-STAT) 324, 325, 329, 330

Результативный глагол 296, 351

Результативный объект, результатив 365, 223

Результативный предикат 166, 196, 296, 330

Рема, рематизация 42, 48, 67, 106, 136

Рецидив (агглат, R) 47, 61, 158, 160, 168–169, 173, 180, 206, 214–217, 227, 235, 245, 253–254, 255, 257, 260, 339, 414, 415

Речная действительность (ядерная структура) 203, 214–215, 231

Речная квалификация (модификатор, «УГОБОРНП») 281, 420

Речная функция (модификатор, Func) 35, 43, 75, 82, 86, 87, 127, 152, 156, 178, 213, 244, 250, 252–262, 270, 281, 282, 283, 284, 395, 418

Речной акт 62, 254, 297

Речной типолог 57

Речной этикет (Речная функция) 254, 256, 261–262, 272, 292–293, 418

Риторический вопрос 255, 292

Связность 395

Секундарный предикат 189, 219, 233, 239, 243, 416

Семантика 21, 24, 25, 35, 39, 44, 54, 64, 78, 79, 80–81, 95, 97, 98, 111, 118, 125, 126, 138, 143, 146, 147

Семантическая доминанта 53

Семантическая категория 20, 24, 26, 27, 28, 34, 37, 38, 69, 70–82, 111, 113, 114, 115, 116, 120, 121, 125, 127, 144 (клубу Шри I ома)

Семантическая роль 134

Семантическая ситуация 113

Семантическая структура 23, 24, 25–27, 33–49, 50, 53, 60, 67–95, 110, 121, 126, 131, 136, 157, 159, 146 (клубу Шри I ома)

Семантический комплекс 53

Семантический конкретизатор 126

Семантический метаязык 65

Семантический объект 126

Семантический предикат 126, 130

Семантический прометитив / элемент 23, 26, 65

Семантический субъект 126

Семантический уровень, 18, 25–28, 33–49, 68, 73, 79, 109, 119, 124, 125, 127, 137, 140, 154, 157, 176, 178, 179, 193, 204, 206, 211, 231, 245, 250, 257, 274, 275, 281, 287, 299, 301, 314, 349, 355, 392, 399, 426 (ок)

- Семантически пустые глаголы 67
Семантическое поле 19, 121
Семасиологический подход, семасиологическая грамматика, функционально-семантический подход 97, 108, 109, 118
Сигнификативный 109, 113
Сила 198, 199
Синонимы 18–19, 50, 51, 52, 67, 82, 83, 100, 101, 110, 125, 138, 139, 197, 293, 314, 334, 340, 380
Синтаксиса 120–121
Синтаксис 19, 23, 24, 54, 93–95, 109, 110, 336
Синтаксическая синонимия 19, 51, 52, 101
Синтаксический багаж 140
Синтаксический ряд 51, 52, 248, 267
Синтаксический уровень см. Поверхностный уровень
Синтаксическая система языка 110
Сироманит 183
Системно-структурная парадигма 107
Ситуатив 122
Ситуационное состояние / значение см. Актуальность / интуитивность положения дел
Ситуация (отрезок действительности) 25–33, 40–41, 47–49, 54–55, 58, 60, 61, 62, 63, 74, 82, 84, 109, 155–156, 164, 193, 194, 201, 302, 327, 350, 352, 412
Следствие (Логическое соотношение) 283, 358, 368–369, 424
Словная семантическая структура 76, 153–155, 192, 199, 200, 230, 265, 355–372, 413, 419, 424–425
Слушающий (актант, R2) (см. также Потенциал слушающего) 47, 169
Смысл (предложности) 19–21, 24, 26–28, 33–34, 36, 38–40, 50, 54, 60–61, 66, 82–83, 95, 100–101, 124, 132, 140, 145, 152, 167, 177–178, 192, 193, 309, 402, 412, 426
Смысловый уровень 34, 121
Собственно время см. Время
Собственно-привинные отношения 373
Событие 55, 60, 128, 163, 178, 197, 201, 233, 236, 245, 248, 273
Событийный кластер 197, 278, 317–318, 323
Сверхоновый аспект 80–81, 329, 348
Сверхоновый вид 81, 95, 100, 109, 306, 307, 314–315, 322, 328, 332, 345, 347, 348, 351, 389, 396, 397
Содержательная категория 27, 128, 403
Содание (адорная структура) 203, 223–225, 278, 417
Сообщение (Речевая функция) 25, 86, 152, 244, 252–253, 254–257, 292, 418
Состояние1 (ардакат, S1) 20, 34, 36–37, 39, 40, 49, 59–60, 71–73, 79, 88, 99, 162–163, 180, 182–189, 191, 199–200, 202, 228–238, 278, 323, 416, 417
Состояние2 (актуальное значение) 32, 36–37, 184, 191, 202, 234, 236, 274, 317–320, 325, 330–332, 349, 350, 421

- Состояние окружающей среды (предикат, *SENat*; ядерная структура) 188, 204, 226, 226–238, 248
- Состояние природы (ядерная структура) 204, 227–238
- Социальное взаимодействие (ядерная структура) 203, 227, 244, 261, 417
- Социальное действие (предикат, *AcSoc*) 98, 187, 204–205, 212–213, 231, 415
- Социальное действие и деятельность (ядерная структура) 203, 205, 211–213, 231, 417
- Социальное отношение (предикат, *RISoc*) 79, 99, 188, 199, 212–213, 261, 283, 415
- Социальные ритуалы и процедуры (ядерная структура) 203, 260, 417
- Спецификатор 44, 115, 117, 153, 155–156, 157, 171, 191, 193, 227, 243, 250, 298–344, 392, 395, 413, 421–424
- Специфицированный (Det = SPEC) 332–333, 422
- Сравнение (Компаративное соотношение) 214, 358–360, 366, 372, 424
- Среда 113, 204
- Средство 37, 44, 139, 170, 193, 210
- Срок 157
- Стадия достижения цели (модификатор, *FinPhase*) 269, 276–277, 281, 418, 419
- Стативно-утральное событие 345
- Статусальное положение дел (*Asp = STAT*) 118, 208, 220, 223, 232, 233, 234, 247, 302, 304, 306, 313, 318–321, 324, 325, 348, 349, 350, 396, 421.
- Стативный 349
- Статья 96, 175–177
- Структурная эквивалентность, структурное соответствие 381–383
- Субъект 43, 66, 425
- Субъект-Агент см. Агент
- Субъект-Нейтрал см. Нейтрал
- Субъект-состояния 196
- Субъект-Экстернализер см. Экстернализер
- Супрессия 99
- Существование (предикат, *Ex*; ядерная структура) 164, 166, 180, 182, 186–188, 190, 200–201, 202, 203, 205, 208, 220–226, 257, 245, 246, 275, 416, 418
- Существование в определенном месте (ядерная структура) 203, 220, 418
- Скокет 86, 104, 320, 386
- Такси, таксисные соотношения 245, 307, 358, 361–366, 424
- Тактовый аспект 396–397
- Телевизский / аудиовизский, телевизия 250
- Тема (агент, T) 166, 173, 216, 218, 224, 414, 415
- Тема см. Рема
- Темпоральная фаза (модификатор, *TempPhase*) 34, 87, 153, 178, 251, 263, 272–278, 294, 360, 418, 419
- Темпоральность (спецификатор, *Temp*)

Темпус 80

Теория протезионов см. Протезион

Теория речевых актов 252, 291, 292

Терминальное положение дел (Аер – TERM) 80, 209, 236, 274, 321–324, 325, 328, 329, 348, 353, 363, 416, 422

Терминальность 350

Типовая ситуация 55, 60, 121

Точные время 303, 312–313

Точное абсолютное количество (спецификатор) 357, 423

Точное относительное количество (спецификатор) 357, 423

Традиционная грамматика, традиционный синтаксис 12, 18, 20, 21–22, 24, 38, 53, 69, 73, 81, 89, 93, 94, 96, 100, 126, 142, 143, 146, 336, 411, 426

Транслитерация 67, 80

Углубленные положения дел (Темпоральность: Повторяющиеся положения дел, ТетраUs) 310–311, 312, 345–346, 362, 421

Угус 92, 105

Усиленное страдание 300–301

Условия (Логические соотношения) 366, 369–370, 373, 423

Уступка (Логические соотношения) 366, 370–371, 373, 423

Утверждение см. Страдание

Факс (модификатор) 63, 153, 196, 250, 262–276, 418

Фактовый / фатовый глагол 118, 274, 294

Фактовость 117, 191, 250, 262, 294

Факт(ы) / нефакты 55, 60, 197

Фактивные наречия (модификатор, «ОБЯЗЫВАТЬ») 280, 420

Факультативность / нефактуальность агентов 46–49, 68, 158, 193

Факультативный модификатор 76, 153, 155, 250–252, 413, 417, 418

Физиологические реакции 230, 246

Физиологическое действие (предикат, SiPh; ядерная структура) 188, 204, 234, 235, 247, 413

Физиологическое состояние (предикат, SiPh; ядерная структура) 20, 21, 23, 34, 70, 71, 72, 73, 79, 88, 89, 121, 155, 162, 175, 182, 186, 194, 204, 225, 230, 231, 232–238, 237, 246, 247, 248, 344, 383–390, 411, 412, 416, 417, 425, 427

Физический контакт 165

Физическое (воздействие) (предикат, AcPhus) 79, 98, 118, 152, 160, 180, 187, 203, 204, 205–207, 211, 212, 223, 234, 255, 240, 244, 327, 344, 413, 417

Физическое действие и действительность (ядерная структура) 203, 205–207, 417

Физическое (внешнее) состояние (предикат, SiPhus ядерная структура) 71–72, 164, 175, 182, 186, 188, 204, 235–246, 241, 246, 416, 417

Фон 86, 104, 113, 320, 361–362, 364, 365, 366, 396

- Формальная категория / парадигма, формальный подход 24, 107–108, 115
лексика
- Формальная структура см. Поверхностная структура
- Фрегелевативное предложение** для (Темпоральность: Повторяющееся предложение для, TempFr) 89, 318, **311–312**, 347, 421
- Фрегелевативно-узультанное событие 345–346
- Функцивный глагол 164, 196
- Функциональная грамматика / лингвистика / ориентация, функциональный подход, функциональное направление, функционализм 11–12, 17, 23–24, 32, 34, 66, 97, 98, 104, 106, 107–108, 178, 251, 252, 293, 295, 348, 366, 381, 391, 401–403, 404–410
- Функциональная парадигма
- Функциональная перфективная предикативная см. Актуальное значение
- Функциональная эквивалентность 378–381, 392
- Функционально-коммуникативная грамматика / Функционально-коммуникативный синтаксис 97, 121–123
- Функционально-семантическая категория 112–113
- Функционально-семантическое поле 99, 113–115
- Функционально-семантический подход см. Семантический подход
- Функционально-трансформационный метод 116–118
- Функциональный контрастный синтаксис 391
- Функциональный синтаксис (ФС)** 93–95, **411–427**
- Функциональный синтаксис русского языка 13, 94, 151
- Функциональные глаголы 46, 67
- Функции 24, 53, 70, 101, 107, 108–109, 111, 112, 139, 383
- Характеризующее действие (Предикат, AcCh) 126, 143–144, 188, 242, 415
- Характеризующее отношение (Предикат, RCh) 188, 415
- Характеристика (предикат, Ch, ядерная структура) 39, 73, 79, 103, 153, 156, 164, 174, 180, 181, 183, 185–188, 189, 192, 204, 225, 226, 230, 234, 235, 237, **288–241**, 413, 416, 417, 425
- Целесообразная деятельность 293
- Целесообразность (Модальная форма) 272
- Цель (Логическое соотношение) 371, 425
- Частноверификативный / частноинформативный (вопрос)** 257
- Чистая картина** (модификатор, «BЫГЛЫВАТЬ») 279, 280, 420
- Эквивалентность, эквивалентность 58, 284, 289, 296
- Эквивалентность 378–383
- Экзистенция см. Существование
- Экзистенциальные глаголы см. Бытийные глаголы
- Экзистенция 44
- Экзистенциалы 145

- Экспериментер** (агент, E) 29, 88, 121, 160, 162–164, 167, 169, 172, 181, 182, 186, 193, 196, 209, 218, 219, 228, 229, 231, 232, 235, 245, 269, 281, 318, 323, 339, 384, 387, 388, 412, 414, 415, 416, 419
- Эксплактор** 67
- Экземпляр** 122, 198
- Экземпляр** 165, 196
- Экзистенс** 43, 48, 49, 425
- Эмпири** (ядерная структура) 86, 129, 204, 228–232, 246, 254, 256, 417
- Эмоциональные отношения** (предикат, EEmc; ядерная структура) 79–80, 87, 162, 174, 181, 188, 196, 212, 229, 231, 246, 258, 271, 287, 415
- Эмоциональные состояние** (предикат, SEEmc; ядерная структура) 71–72, 79, 121, 162, 177, 182, 186, 188, 195, 196, 228–232, 235, 246, 278, 416
- Эмпатия** 66
- Экзистенциальность / неэкзистенциальность** см. Актуальность / неактуальность положения дел
- Экзистенциальная модальность** см. Достоверность
- Этос** 395
- Ядерная (семантическая) структура, ядро (семантической структуры)** 34–35, 40, 43, 44, 45, 46, 71, 77, 78, 87, 118, 126, 127, 132, 139, 182–183, 187, 158, 178, 192, 203–249, 250, 255, 327, 412, 415, 416–417
- Языковая семантическая категория** 126–127
- Языковой уровень** см. Поверхностный уровень
- Accomplishments* 134, 201–202
- Achievements* 134, 201–202
- Action slots* 194
- Action(s)* 55, 202
- Activity, activities* 55, 134–135, 201, 202
- Actse* 134–135, 195
- Adjuncts* 193
- Agent* 132, 135
- Aktionsart* 202
- Angle* 395
- Apprais* 394, 395
- Argument* 182
- Argumentative* 395
- Beginning* 395
- Change* 202
- Chronology* 395
- Climax* 349
- Complement* 192, 193

Complication 394

Descriptive 394

Direction 132

Dynamic 202

Dynamism 202

Effected object 192

Event 55, 202

Event isolated from any setting 348

Ending 395

End-state 349

Expository 394

Fact(s) 55

Functional grammar 130–132

Goal 132, 349

Imperfective of isolated event 348

Inner / internal participant 192

Instructive 395

Instrument 132

Langue 92

Limit 349

Momentaneous 202

Narrative 395

Origin 197

Parole 92

Participant 192

Performance 92

Point 395

Position 202

Process 55, 57, 136, 202

Profile 395

Recipient 132, 135

Resolution 395

Result 349

Role and reference grammar 132–136

-
- Setting 54, 348
State of affairs 60, 302
State(s) 55, 134–135, 301, 302

Telicization / atelicization 350
Term 192
Terminal point 349
Tertium comparationis 378, 426

Undergoes 134–135

Индекс цитируемых авторов

- Абрамов В. П. 196
Адамс П. 51, 60, 66, 100, 102, 103, 104, 116–118, 191, 192, 203
Акимова Т. Г. 248
Алексеева Т. Е. 200
Алехин В. М. 138
Андерсон Дав. М. (Anderson J. M.) 193, 191
Арджунан Ю. Д. (Arjunan Ju. D.) 50, 51, 52, 53, 58, 61, 64, 65, 100, 147, 193,
197, 246, 292, 294, 344, 349, 372
Арефьева Т. Л. 245
Ариан А. 146
Арутюнян Н. Д. 52, 54, 58, 67, 98, 102, 192, 196, 197, 202, 245, 248, 291, 295,
296, 374
Ариан С. (Arian S.) 198
ван дер Аувера П. 292

Бабайцева В. В. 99
Бабенко Л. Г. 102, 200, 246, 352, 393
Бабина Т. П. 196
Балли III. (Bally Ch.) 98
Баденев Ф. С. 109, 110, 145
Безнова М. Г. 292
Белаченко Н. И. 51
Белачева Е. 113
Белусов В. И. 67, 294
Белоплатова В. А. 11, 53, 56, 60, 95, 109, 353
Белоплатова Т. В. 353
Бельдюжская В. С. (Beldjuzskaja V. S.) 294
Белкина Е. И. 294, 296
Беринг Дав. (Bering J.) 198
Берков В. П. 372
Берштейн С. И. 110, 148
Бершова Л. А. (Beršova L. A.) 97, 292, 293, 345, 347
Билан Б. И. 354
Билан А. Л. 243
Богданов В. В. 63, 67, 111, 197, 198, 199
Богданов С. И. 66
де Бограва Р. (de Boograde R.) 107

- Богуславский А. (Boguslawski A.) 343
Богуславский Н. М. 344, 354
Болдырев Н. Н. 102, 199
Болотина М. А. 98
Болдыров А. В. 11, 53, 54, 55, 57, 95, 99, 100, 101, 102, 104, 110, 112–116,
146, 292, 293, 343, 346, 347, 348, 349, 352, 391
Брехт Ф. Д. (Brecht F. D.) 201, 349, 350
Бродский С. Н. 59
Бронно Ф. (Bronno F.) 111, 127–130, 293
Брусилов Т. В. 96, 103, 202, 248, 294, 343, 346, 354
Буша В. (Buscha J.) 144
- Вайс Д. 343
Ван Валин Р. Д. (Van Valin R. D.) 54, 55, 97, 107, 132–136, 147, 194, 195, 202
Ванькина-Аванькина М. 109, 353
Варгула Н. В. 62
Васильев Л. М. 344, 346
Визабилская А. (Wizabiłska A.) 64, 65, 102, 104, 199, 246
Волыко А. В. 144, 244
Вондлер Э. (Vondler Z.) 201
Ворона Н. Т. 55
Веркал Х. (Verkał H. J.) 348
Вильман В. Г. 391
Виноград Т. (Winoград T.) 19
Виноградов В. С. 391
Витгенштейн Л. (Witgenstein L.) 96, 201
Владимирский Е. Ю. 121, 354
Влах Ф. (Vlach F.) 96
Восойков М. Д. 243, 248
Войсский Д. 111, 348
Володин А. П. 292
Володина Г. Н. 51, 95, 243
Вольф Е. М. 60, 246
Воронцов Ю. Л. 111, 145
Воскобойникова М. Е. 11, 52, 55, 60, 67, 97, 98, 103, 121–125, 145, 193, 194, 195,
196, 197, 198, 249, 293, 296, 347, 354, 391, 401–402
Вуйчик Т. (Wójcik T.) 391
Вундерлих Д. (Wunderlich D.) 293
- фон дер Габеленга Г. (Gabelenta G.) 110
Гак В. Г. 50, 54, 60, 62, 67, 68, 109, 202, 243, 391, 392
Гакен О. Д. 111, 409, 410
Гара П. 197
Гаспаров Б. М. 56, 398
Гемпельне Э. Ш. 351

- Гансон Т. (Givón T.) 96, 145, 344
 Ганден С. Н. 196
 Гаро-Вебер М. 344
 Гладров В. (Gladrow W.) 64, 100, 144, 146, 199, 202, 248, 294, 352, 353, 354, 390, 392
 Глоантцман М. Я. 99, 100, 103, 296, 353
 Голубева-Монеткина Н. Н. 97
 Гольдман В. Е. 105
 Городецкой Б. Ю. 291
 Грайфс Да. У. (Graef G. W.) 64
 Графова Т. А. 246
 Грестор Н. (Grestor I.) 354
 Григорьевы О. Н. 59
 Григорьевы Е. Л. 200
 Грин М. К. (Green M. C.) 199
 Грошанна Н. Н. 52
 де Гроот К. (de Groot C.) 349
 Грубер Дас. С. (Gruber J. S.) 67
 Гушман Е. В. 126, 354
 Гюнтлер Н. (Günter I.) 391
- Даль Э. (Dahl Ö.) 58, 104, 349, 350
 Дамел Ф. (Damel F.) 100–101, 111, 146, 351
 Даниленко В. П. 53, 108, 109, 110, 147
 Дарвилл М. (Darwin M.) 145
 Деметтенью О. Ю. 52
 Демьянков В. Э. 145
 Деф Р. (Deff R.) 97, 293
 Джеймс К. (James C.) 391
 Дик С. К. (Dik S. K.) 107, 130–132, 146, 147, 192, 202
 Дирсен Р. (Dirsen R.) 64, 67, 100, 101, 192, 353, 391
 Долганина Н. В. 292, 343, 347
 Дросслер В. У. 53
 Дручинина Г. П. 372
 Дюва Л. 110, 113
- Евстафьев В. В. 344
 Евдокимов В. Е. 372
 Ершова О. П. 103
 Естерсон О. (Esterzon O.) 57, 110, 194
 Ефимова Н. А. 56
- Жуковский Е. Е. 147, 248, 249
- Заброцкий Л. (Zabroski L.) 390

- Завальский А. А. 55
Завальский Анна А. 51, 55, 59, 62, 96, 100, 196, 197, 201, 297, 353
Зельдонат Г. М. 100
Зинин Р. (Zinik R.) 111, 200
Златогора Г. А. 11, 51, 53, 67, 103, 104, 105, 118–121, 147, 196, 200, 202, 248,
294, 295, 296, 345, 398
- Иванова И. С. 144
Ивар В. (Ivar V.) 392
Ивара К. (Ivard C.) 246
Ионеску Е. Р. 296
Иондан Л. Л. 354
Иондан Н. Л. 354
Исаченко А. В. 99
Иконен Э. (Ikonen E.) 107
- Иохансон Л. (Johanson L.) 372
- Кабачков К. (Kabaklov K.) 352
Качман К. И. 104
Каточчан У. (Katonçayk U.) 245
Караузов Ю. И. 53, 105, 140–143, 353
Карлсон Л. (Carlson L.) 201, 249, 350
Карлсон Ф. (Carlsson F.) 52
Карри Э. (Carrie A.) 145
Карри Т. (Carrie T.) 148
Касенов В. Г. 65, 197, 291
Кастенон Г. К. 292
Кашпельсон С. Д. 57
Коро Хермина Э. Ф. К. 353, 391
Красновски Т. П. (Krasnowski T. P.) 379, 390, 392
Кабрис А. А. 107, 148
Кабрис А. Е. 64, 146, 193, 195, 197
Кисленов А. К. 110, 145
Кипарский К. (Kiparsky C.) 197
Кипарский П. (Kiparsky P.) 197
Карай М. 410
Кляштан В. Д. 244
Клобуков Е. В. 60, 98, 100, 105, 199, 345
Кланс В. П. 292, 293
Клуугила С. (Kluugila S.) 58
Кобцова И. М. 54, 61, 294
Коктумова И. И. 66
Котлякова Н. А. 248, 296, 346
Котрива С. Н. 102, 345, 353

- Калоева Т. А. 54, 60, 98, 102
Казаря Б. 333
Калишев М. В. 52, 96, 106, 199, 372, 400
Калыев В. Ю. 111
Караев Е. Е. 97, 293
Каримов О. Д. 61
Касерату Э. (Cassidy E.) 145, 390, 392
Касимовна Н. В. 197
Касиева Т. А. 109, 110, 145
Касталин Е. Н. 102
Катон А. А. 293
Кашаева А. Д. 350
Касимовна Н. М. 245, 392
Касимова Е. А. 50
Касимов Т. Н. 60, 147
Касимов В. В. 58, 59, 105
Касимов И. 292
Касимов М. А. 53, 293, 344
Касс Э. А. (Cass E. A.) 410
Крафт У. А. (Cray W. A.) 145, 390
Круз Д. А. (Cruse D. A.) 194
Крыстан Б. 147
Крылов С. А. 193
Крышова М. Л. 246
Кубин М. 390
Кубрикова Е. С. 60, 68, 145, 197, 243
Купчихина Э. В. 200
Кун У. А. (Cook W. A.) 245
Кулакова Н. В. 65
Купер Д. (Cooper D.) 59
Кушан Н. А. 200
Курбанов В. Б. 410
Кустова Г. Н. 193, 197, 198, 292
Кучера Х. (Kubera H.) 99, 346, 348
Косымова Н. П. 345, 372, 391
- Лангштер Р. (Langschoet R.) 137
Лансло Кл. 146
ЛаПола Р. Дж. (LaPolla R. J.) 54, 55, 97, 148, 202
Лангва О. А. 51
Лауфер Н. Н. 294
Ласман Машкетта Дж. (Lashman Mackenzie J.) 106
Лейнхольд М. (Leinonen M.) 66, 104, 345, 350, 398
Лехант П. А. 51
Леонард Дж. П. (Leonard J. P.) 410

- Левинзон А. А. 57
Лич Р. (Litch R.) 290, 292
Литова Г. 296
Линдстедт Й. (Lindstedt J.) 201, 245, 248, 249, 298
Лобанова Н. А. 144, 293, 354
Лосон А. М. 107
Лосов Т. П. 253
Лопатин В. В. 99
Лурин А. Р. 55
- МакНатрай А. (McIntyre A.) 191
МакЛаughлин М. (McLaughlin M.) 410
Мальчинов А. Л. 373
Мальшикова Н. Е. 111, 409, 410
Марина К. 68
Маросьяков Ю. С. 67
Марьянов В. В. 55, 66, 96, 98, 196, 199
Масленникова А. А. 292
Маслов Ю. С. 202, 251, 298
Матвеев Т. В. 199
Маттеус В. (Mathesius V.) 52
Матюкова Н. П. 202, 246
Мельчур Н. А. (Mel'chuk I.) 11, 19, 53, 54, 55, 56, 64, 68, 96, 97, 99, 101, 123–125, 147, 192, 193, 194
Мендоза-Дентон Н. (Mendoza-Denton N.) 145
Мерс П. А. 102, 143–145, 244, 402
Мещинин Н. И. 57
Мённесланд С. (Mennesland S.) 245
Миллер Л. В. 59
Милославский Н. Г. 11, 52, 53, 56, 95, 108, 109, 147, 391
Милешкин М. Г. 100
Мисон М. Ю. 292, 293
Михалевич А. Я. 196
Морозов В. В. 247
Морозов В. В. 245
Муравкин Е. В. 196, 197
Мурачлатос А. П. Д. (Murachlatos A. P. D.) 201, 250
Мурашкин Э. М. 53
Мустайоки А. (Mustajoki A.) 12, 52, 55, 58, 60, 96, 98, 99, 100, 105, 106, 142, 194, 199, 244, 248, 272, 273, 283, 291, 400, 410
Мэттьюс Д. Г. (Matthews D. H.) 24
Минин К. 244
- Насонов Д. М. 53
Недальков Н. В. 351, 372

- Нарешки В. П. 390
 Нильсенсуу Х. (Niemenen H.) 245, 373
 Нильссена Т. М. 55, 245, 297, 353, 372
 Николс Дж. (Nichols J.) 58
 Нилсен А. П. (Nielsen A. P.) 67, 197, 198
 Нилсен Д. Л. Ф. (Nielsen D. L. F.) 67, 197, 198
 Нильссон Б. 197
 Норд К. (Nord Ch.) 392
 Норман Б. Ю. 56, 62, 63, 105, 139–140, 146, 147, 148, 354
 Нютиллин Р. (Nättilinen R.) 148
- Остин Дж. Л. (Austin J. L.) 59, 291
- Павленко А. (Pavlenko A.) 246
 Падучева Е. В. 58, 66, 100, 193, 194, 195, 196, 197, 202, 243, 292, 294, 344, 345, 347, 349, 353
 Пайкин К. (Paykin K.) 197
 Панцова Я. (Pancová J.) 68, 192, 193, 197
 Пана Ф. 1986
 Парамона Т. В. 54, 55, 58, 59, 60, 144, 203, 402–403, 409
 Пареморьян К. А. 55, 58
 Парин Н. В. 101
 Пето Н. (Peto I.) 125–127, 144, 354
 ван Петегорн М. (van Peteghorn M.) 197, 293
 Петрусан Е. В. 102
 Пенюкович А. М. 140, 148
 Писотникова А. М. 67
 Пизунин В. А. 58, 107, 148, 203, 293, 296, 354
 Подлесная В. Н. 55, 296
 Поппер К. Р. (Popper K. R.) 57
 Постомолов В. Н. 197
 Пресорона Л. А. 197
 Проскурин С. Г. 200, 243
 Путьман Ю. А. 248
 Рюослайнен И. (Ryysäläinen I.) 61, 198
 Раага Э. 391
- Радден Г. (Raddeh G.) 64, 67, 101, 192, 353, 391
 Раанта А. (Raata A.) 373
 Расконов Н. В. 100, 101
 Рахманов Е. В. 61, 63, 95, 98, 195, 354
 Райхенбах Г. (Reichenbach H.) 344
 Роббс В. А. 111
 Робберст П. (Robberecht P.) 293
 Ротун В. М. 58

- Рейншлан В. К. 292
Рейтер Т. (Reuther T.) 244
Росс К. (Ross K.) 62, 104
Росс Э. (Rosa E.) 96
Руденко Д. Н. 354
Рухонна Р. (Ruhonka R.) 100, 101, 104
Рыкова Ю. В. 66
Рыбаева Н. К. 55, 103, 244
- Сгалл П. (Sgall P.) 101, 146, 193, 347, 354
Сиверска А. (Siewierska A.) 147
Селенка М. Г. 296
Селаверстова О. Н. 202, 248
Селар Э. (Sapir E.) 96
Сергеев Н. В. 246
Серебрянникова Е. А. 61
Сертл Дж. Р. (Searle J. R.) 291
Сибатава М. (Shibatani M.) 64
Сильванович Г. В. 295
Сильванович Г. Г. 54, 60, 197, 295
Синичкина Н. Е. 244
Скарбороу-Диксонс Ч. (Scarborough-Dickson C.) 249
Степанов О. Ю. 354
Степанов Н. П. 144, 293, 354
Сыртков Н. П. 202, 345
Сырткова Е. Д. 62
Соболева П. А. 391
Сорехин Т. С. 52
Степанова Т. Н. 54, 55, 95, 102, 195
Степанов Ю. С. 60, 98, 145, 199, 200, 243, 295, 373
Стерина Н. А. 390, 392
Степанова М. А. 392
Столярков Е. К. 51, 101
Султанова О. А. 199
Сурин А. Е. 354
- Талов Л. (Talov L.) 243
Тейлор Дж. Р. (Taylor J. R.) 95
Тейлор Дж. С. (Taylor J. S.) 106
Телли Н. (Talin N.) 351, 398
Темар Л. (Tessiere L.) 96, 192
Тестович Я. Г. 104, 145, 194, 196, 272
Тимберлейк А. (Timberlake A.) 54, 60, 250, 248
Тиркконен-Конди С. (Tirkkonen-Condit S.) 393
Тихонов А. Н. 348, 353

Томасон Х. (Tomason H.) 54, 99, 100, 294, 295, 344, 345, 347, 348, 351, 391

Труф В. М. 293, 344

Тунна Т. А. 197

Тунна Ю. А. 99

Туронская С. Н. 294

Уайт Н. (White N.) 293

Уилкинс Д. П. (Wilkins D. A.) 291, 410

Уинклер Н. (Winkler L.) 148

Урманчиева А. Ю. 293

Урманч Е. Б. 372

Урманчиева А. Б. 101

Уэйд Т. (Wade T.) 293

Федоскин М. Ю. 57

Филантинко М. Б. 183

Финк С. Р. (Fink S. R.) 197, 391

Финк Я. (Finsk J.) 390, 391

Фолк У. А. (Foley W. A.) 107, 147

Формановская Н. Н. 291, 292

Форсайт Дж. (Forsyth J.) 202, 353

Фрайдахоф Г. (Freidhof G.) 354

Фруманов Р. М. 95, 145

Фурченко Д. Н. 410

Хан Э.-О. 98, 373

Халонен А. (Hakalinen A.) 105

Хансен Б. 98, 295

Хейнмяки О. (Heinämäki O.) 99

Хейно Х. (Heino H.) 199, 344

Хелениус П. (Helénus P.) 148

Холдсворт А. А. 295

Хомский Н. (Chomsky N.) 104

Храковский В. С. (Hrakovskij V. S.) 50, 52, 101, 158, 193, 197, 291, 294, 345,
347, 372, 373

Худяков А. А. 57, 68

Халлидей М. А. К. (Halliday M. A. K.) 156–157, 146, 148

Хурст Г. (Hurst H.) 410

Цейцман С. Н. 294

Цинман Л.Л. 52

Чаппа О. В. 144, 344

Чаппа К. В. (Chappu C. V.) 193, 201, 245, 351, 353, 373, 398

Чайф В. Л. (Chaff W. L.) 57, 58

- Ченна А. 148
Чернышова М. 18, 54, 60, 98, 102
Чернышова Н. Е. 59
Чернова С. В. 295
Чернышова Т. А. 52, 248
Чернышова М. Ю. 348
Честерман А. (Chesterman A.) 12, 353, 378, 383, 390, 392, 394–396
Чичков К. Г. 245
- Шабас В. Я. 56, 62
Шатуновский Н. Б. 96, 97, 98, 103, 195, 200, 201, 292, 296
Швабман Н. Ю. 51, 53, 54, 61, 66, 96, 99, 146, 245, 292, 294
Шелкова М. А. 51, 53, 58, 97, 100, 104, 108, 138–139, 148, 352, 353
Шендзеле Е. Н. 126
Ширин Е. Н. 52, 67, 102, 104, 192, 202, 245, 248, 295, 374
Шыков А. Д. 100, 202, 248, 294, 346, 353, 354
Шыкова Т. В. 53, 58, 60, 98, 102, 345
Шнейдер К. (Schneider K.) 99, 348
Штайбе А. (Steube A.) 202
Шувакова С. А. 50, 60, 61, 95, 98, 103, 194, 249, 296
Шур-Лухманн М. (Shoran-Luhmann M.) 348
Шурба Л. В. 111
Шурбан В. 111
Шур Г. С. 126
- Эдльман Д. Н. 354
Экерт Р. (Eckert R.) 390
Экман П. (Ekman P.) 246
Эстман Я.-О. (Östman J.-O.) 66
- Курковский М. 354
- Яанс Т. Е. 196
Яанс Л. М. (Jaans L. M.) 199
Яковлев В. 246
Ярвик В. Н. 111, 390
Яковлев С. Е. 37, 351
Якович Т. А. 98, 121, 295, 391

Индекс языковых единиц

- а* 356, 372
актор 45
алюмин 167
альюмин 92
- белая* 47–48, 343
близ, *близко от*, *близко к* 340
болеть 347
борозниться 343
болыши 175
болыши 272
братися 273
бросать 210
бухта 289, 359
бы 272, 370
быть (буть) 51, 208, 221
- а* 371
актор 96, 176–177
акция 43, 214
акция 216
акция 211
акция 48
акция с 356
акция 362, 372
акция 340
акция 340
акция 304
акция 97, 297, 346
акция 334
а *мечтал* 362, 372
а *то* *акция* *акция* 356
а *то* *акция* *акция* 362
а *то* 362
акция 178
акция 81
акция – *акция* 168, 170, 278
- акция* 49
акция 49
акция 48–49
акция 204
акция 49, 176
- акция* – *акция* 36, 41, 64, 168
акция – *акция* 44, 45, 46
акция 79
акция 371
акция 365
акция 49, 176
акция 338
акция 352
акция 55
акция 23, 49, 178, 309
- акция... акция* 356
акция (акция) 47, 233
- акция* 368
- акция* 362, 371
акция 300
акция 341
акция 278
акция 291
акция 89
акция 178, 218
- а* 372
акция 167
акция 231
акция 51
акция 221
акция... а *акция* 357
акция 231

- изуродован 39, 177
 изуродовательный 39
 изумительный 45
 изумительность 45
 изурядка 167
 изурядность 235
- и 313
 издевательский 344
 изде-ба 359
 изде-позволя 364
 изде-ва 52
 изде-вать 49
 издевательский 50–51
 изде-ваться 178
 изде-вать 356
 изде-вать 43
 изде-вать 243
- изде-ваться 170
 изде-вать 221
 изде-ва 258
 изде-ва... изде-ва 357
 изде-ва 48, 340
 изде-вательством 257
 изде-вать 46
- изде-ваться 170
 изде-ва 23
 изде-ва 48
 изде-ва 289
 изде-ва 159
 изде-ва 55
 изде-ваться 343
- изде-ва 83, 362, 371
 изде-ва 352
 изде-вательством 221
 изде-ва с 356
 изде-ва 177–178
 изде-ваться 209
 изде-ваться 178
 изде-ва 372
 изде-ваться от 340
 изде-ваться на 372
- изде-ваться... изде-ва 356
 изде-ва 258
 изде-ва 372
 изде-ва 49
 изде-ва 48
 изде-ваться 48
 изде-ва 216
- изде-вать 43, 67, 178
 изде-ва 346
 изде-вать 45
 изде-ваться 45
 изде-ваться 44–45
 изде-ва 340
 изде-ваться 272
 изде-ваться 257
 изде-вать 210
 изде-ваться 36–37, 44
 изде-ваться 64–65
- изде-ва 23
 изде-ва-ва изде-ва 372
 изде-ваться 294
 изде-ва 167
 изде-ва 167
 изде-ва 224
 изде-ва 158
 изде-ва — изде-ваться 66, 168
 изде-ва 235
 изде-ваться 352
 изде-ва 49
 изде-вать 175–176
 изде-ва 55
 изде-вать 210
 изде-вать — изде-ва 168, 204
 изде-ва 44
 изде-вать 41
 изде-ваться 257
 изде-ва 356
 изде-ва 219
 изде-вать 45, 178, 205, 296
 изде-ва 64
 изде-ваться с 362
 изде-ва-ва изде-ва 364, 372
 изде-ваться 346

- камера 43
 камору-чю 96, 372
 камы 341
 камэй 344
 камэитэкиоми 178
 кан 362
 канба 352
 канбамэ-си 273
 кансёдайкэки 43
 кансэтуки 273
 кансэтукиоми 221
 канбонари 267
 канбондэки 294
 канбонри 352
 кансэки 87
 кантамэси 81, 267
 канси 167
- каннамаэси 43
 канне 258
 канруки 235
 кан 79
 канси 167
 кансэкиоми — кансэкиоми 46–47,
 166–167, 168, 255
 кансэки — кансэки 81, 99–100, 178
 рубль 46–48, 158
 канси 175
- кансэки 167
 кансэки 255
 кансэки 79
 кансэки 359
 кансэки 45, 179
 кансэки 216
 кансэки 216
 кансэки 216
 кансэки 268
 кансэки — кансэки 44, 158, 179
 кансэки 178
 кансэки 43
 кансэки 55
 кансэки 175
 кансэки 178
 кансэки — кансэки 125, 178, 255
- кансэки 79
 кансэки 177
 кансэки 71, 79
 кансэки 179
 кансэки 43, 178, 257
 кансэки 267
 кансэки 276
 кансэки 364
 кансэки 221
 кансэки 267
 кансэки 224, 278
 кансэки 84, 102
 кансэки 276
 кансэки 221
 кансэки 23, 43, 44, 309
- кансэки 356
 кансэки 240
 кансэки 358
 кансэки 48
 кансэки 357
 кансэки 23
 кансэки 178
 кансэки 96
- кансэки 340
 кансэки 81
 кансэки — кансэки 81
 кансэки — кансэки 56, 64
 кансэки 278
 кансэки — кансэки 217
 кансэки 45
 кансэки 159
 кансэки 179
 кансэки 81
- кансэки 138
 кансэки 100
 кансэки 19
 кансэки 178
- кансэки 177
- кансэки 160
 кансэки — кансэки 46–48, 158,
 167, 217

чаша/чаша 353	(to) <i>chashana</i> 293
чаша/чаша/чаша 216	<i>Chashana</i> 110
	<i>chashani</i> 280
чаша 49	<i>chash</i> 280
чаша/чаша 343	<i>photography</i> 50
чаша/чаша 231	(to) <i>chash</i> 349
	(to) <i>chash</i> 293
<i>chash</i> 289	(to) <i>chash</i> 152
	<i>chash</i> 280
(to) <i>attempt</i> 293	<i>chash</i> 280
<i>chash</i> 345	<i>chash</i> 352
<i>colorless green ideas</i> 63	(to) <i>try</i> 293
	<i>chash</i> 345

Муштайоки Арно

ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СИНТАКСИСА

От семантических структур к языковым средствам

Издание: А. Кошолов

Художественное оформление обложки
Ю. Савиных и С. Жигалова

Сретенско-макет изготовил Н. Гусев

Подписано в печать: 18.11.2005. Формат 60Х90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. печ. л. 32. Тираж 1000. Заказ №

Издательство «Язык классической культуры»

(ИР № 02/345) от 04.10.2005

Phone: 207-06-93 Fax: 246-29-18 (для сб. М153)

E-mail: leo@kosmiv.ru Site: <http://www.kcu-prima.ru>

2

Отзывы и разночтения реализация — магазин «Помощь».

Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru

Коллекция Павла Юрьевича (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Лубянский б-р, 2, стр. 1

(Магистр «Язык Культуры»)